

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Сибирский филиал Российского института культурологии МК РФ

Омский филиал института археологии и этнографии СО РАН

Министерство культуры Омской области

Государственный областной художественный музей «Либеров-центр»

Омское отделение межрегионального
Российского общества интеллектуальной истории

КУЛЬТУРА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ
Личности. Творчество.
Интеллектуальные диалоги
в эпохи политических модернизаций

*Материалы VIII Всероссийской научной конференции
с международным участием*

в рамках программы подготовки к 300-летию Омска
и празднования юбилейных событий российской истории
(Омск, 16–18 октября 2012 г.)

2012

УДК 940
ББК 63.3(2)-7л0
К906

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Редакционная коллегия:

*О.А. Гайлит, А.В. Жидченко, В.П. Корзун,
О.В. Петренко (отв. ред.), В.Г. Рыженко (отв. ред.), Н.А. Томилов*

К906 **Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций** : материалы VIII Всероссийской научной конференции с международным участием в рамках подготовки к 300-летию Омска и празднования юбилейных событий российской истории (Омск, 16–18 октября 2012 г.). / отв. ред. В. Г. Рыженко, О. В. Петренко. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2012. – 488 с.

ISBN 978-5-7779-1510-8

Сборник содержит тексты докладов и сообщений участников конференции из 43 городов России, Республики Казахстан, Республики Украина, Германии. Среди них историки, философы, филологи, культурологи, искусствоведы, педагоги, музейные работники. В материалах рассматриваются коммуникативные стратегии научных сообществ и современные исследовательские практики, деятельность и роль интеллигенции в социально-политических модернизациях, особенности культуры регионов России и пограничных территорий в социальных и личностных измерениях с акцентом на соотношение свободы творчества и политических факторов. Значительное внимание уделено юбилейным событиям российской истории в научных и художественных образах, научно-практическим аспектам подготовки юбилеев отдельных городов Урала и Сибири как формам трансляции исторической памяти.

Материалы конференции могут быть полезны работникам высшей школы, представителям академической науки, практикам управленческой сферы.

УДК 940
ББК 63.3(2)-7л0

ISBN 978-5-7779-1510-8

© Оформление. ФГБОУ ВПО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского», 2012
© СФ РИК, 2012

Межрегиональная общественная организация
содействия научно-исследовательской
и преподавательской деятельности
«ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
ОГРН 1037746010950 от 3.10.2003
Регистрационное свидетельство 77 № 007253081

**Участникам VIII Всероссийской научной конференции
«Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество.
Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций»
в рамках программы подготовки к 300-летию Омска
и празднования юбилейных событий российской истории**

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Глубокоуважаемые коллеги!

Центральное Правление Российского Общества интеллектуальной истории сердечно приветствует участников VIII Всероссийской научной конференции с международным участием «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций».

Содержательная насыщенность программы конференции и многообразие проблем и сюжетов, представленных в докладах, свидетельствуют о плодотворности тех теоретических установок, которые были заложены уже на заре формирования междисциплинарного сообщества вокруг предметного поля, обозначенного словами «Культура и интеллигенция России». Вместе с тем разносторонняя конкретизация тематических приоритетов семи прошедших и нынешней конференции демонстрирует последовательное развитие генеральной концепции научных форумов, ее динамическое развертывание с «захватом» всё новых исследовательских сегментов в обширном пространстве одного из наиболее перспективных направлений современной исторической науки – интеллектуальной истории: от роли интеллигенции в переломные эпохи (конференции 1993 и 1995 гг.) к миру научных сообществ (1998 г.), к сложной конфигурации интеллектуальных ландшафтов и взаимодействиям в диалогической парадигме (2000, 2003, 2006 гг.), к об-

разам исторической памяти (2009 г.). Таков промежуточный позитивный результат развития интеллектуальной истории в отечественной историографии, которое в самом начале XXI века получило серьезный импульс – во многом благодаря вашим творческим усилиям и реализуется в настоящее время благодаря вашей активной исследовательской и преподавательской деятельности.

Центральное Правление РОИИ желает всем участникам конференции серьезной, плодотворной, творческой работы, новых открытий и интересных дискуссий.

Президент РОИИ,
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф.

Л.П. Репина

Раздел I

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

В.П. Корзун

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ)

Одной из важнейших характеристик науки является ее коммуникативная природа. Ни ход, ни результаты, ни субъекты познания не могут быть оторгнуты от той ситуации общения, в которой разворачивается научное исследование. «Каждый элемент познавательного акта и его содержание пронизан, освещен контекстом коммуникационного взаимодействия» [1].

Историко-научная мысль относит коммуникацию к числу базовых механизмов функционирования и развития науки и ее связи с обществом, а также считает ее важным условием личности ученого и его ценностных ориентаций. Состояние научной коммуникации (широта, протяженность, интенсивность) определяет жизнеспособность научного сообщества, непосредственно отражается на уровне эффективности научного исследования.

Наши первые попытки построения целостной картины динамики коммуникативного поля исторической науки в России натолкнулись на отсутствие даже сетки основных институтов коммуникации, не говоря об их субординации, направлении трансформации и выявлении факторов, определяющих их динамику. Такое невнимание историографов к данным сюжетам связано с преобладанием историографической модели исследования, в центре которой находится – интеллектуальный продукт на выходе. А контекстуальность зарож-

дения и трансляции той или иной концепции сводится к упрощенному представлению о значимости социального заказа или общей весьма абстрактной констатации «вызова времени». При таком подходе напряженный личностный выбор историка, его исследовательская стратегия и тесно связанный с ней выбор научного дискурса, его самоидентификация, давление нормативов научного сообщества и правил составления исследовательской наррации остаются, как правило, вне поля зрения историографа.

И тем не менее, общий культурный поворот в гуманитаристике и в истории науки в частности стимулировал разновекторный поиск коммуникативного пространства российской исторической науки. Как отмечает один из ведущих историков науки Макс Хагнер, заметен общий поворот историков науки в сторону культуры, поворот, сопровождающийся историзацией [2]. А Амистер Кромби рассматривает новую историю науки как сравнительную интеллектуальную антропологию, обращенную в прошлое. В практиках современных историографов мы можем заметить нарастающий интерес к коммуникативному полю исторической науки, интерес которой коррелируется обозначенными «поворотами» – антропологическим и культурологическим.

В отечественной традиции последних десятилетий можно выделить несколько параллельных процессов в изучении научных коммуникаций: 1) науковедческие исследования, в которых представлена теоретическая рефлексия (А.П. Огурцов, А.В. Юревич, А.Г. Аллахвердян, А.Г. Ваганов, А.В. Литвинов и др.); 2) историко-социологические исследования, в которых осмысливаются концепции Ю. Хабермаса, Р. Мертона, Т. Куна, П. Бурдьё, Р. Коллинза, М. Кастильса (Л.П. Репина, И.И. Колесник, А.В. Свешников и др.); 3) конкретные историографические практики, преимущественно схолярные, где проблематика коммуникаций постепенно из эпизодической маргинальной превращается в весьма значимую (Г.П. Мягков, В.П. Корзун, А.В. Свешников, М.В. Гришина, М.Н. Алеврас, Т.Н. Иванова и др.); 4) исследования университетского пространства, профессорской культуры и способов подготовки «себе подобных» (Е.А. Вышленкова, С.И. Посохов, А.Е. Иванов, А.Ю. Андреев, С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова, Р.Х. Галиуллина и др.).

Новые модели историографического исследования, отражающие попытки синтеза антропологического, культурологического и коммуникативного подходов, ориентируют на выход из оппозиции

интернальных и экстернальных факторов развития науки в сложную область интеллектуальной культуры, в рамках которой проблема коммуникативного поля приобретает особую значимость. «Важно ... подчеркнуть, – замечает современный методолог и историк науки Л.П. Репина, – интеллектуальная культура – это не только тексты, она имеет коммуникативную природу и один из самых, на наш взгляд, перспективных направлений является анализ процесса обмена элементов интеллектуальной культуры, ее «социального обращения» [3]. Проблема циркуляции интеллектуальной культуры высвечивается как магистральная проблема современной историографии, а фокусом этой проблемы выступает коммуникация во всей ее многосложности. Так что можно прогнозировать интерес к проблематике коммуникативного поля исторической науки, что называется, «всерьез и надолго». Согласимся с тем, что в иерархии всевозможных познавательных поворотов, культурный поворот занимает первенствующее положение, он ориентирует на синтез антропологического, лингвистического и других поворотов и ориентирует на вечный поиск оснований исторического мышления. Мы разделяем тезис польского методолога и историка Войцеха Вжосека о том, что «Рефлексия об истории и историографии может быть успешно осуществлена только тогда, когда она трактуется как отрасль культуры». Решая проблему циркуляции интеллектуальной культуры тот же исследователь пишет: «Я ищу ответы на вопрос о так называемой культурной тенденциозности историографии. По сути это все время один и тот же вопрос об основаниях исторического мышления» [4].

1. *Осурцов А.П.* Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // *Философские исследования*. 1993. № 3. С. 13.

2. *Хагнер М.* История науки // *Наука и научность в исторической перспективе*. СПб., 2007. С. 8–36.

3. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.

4. *Войцех Вжосек.* Культура и историческая истина. М., 2012. С. 17, 314.

ИСТОРИК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ (1960-Е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.)

В рассматриваемое время в большинстве областных центров Сибири исторические исследования концентрировались на исторических факультетах педагогических институтов и классических университетов, на кафедрах истории КПСС других вузов, в музеях и – реже – в государственных и партийных архивах, общеобразовательных и средних профессиональных учебных заведениях и библиотеках. Соответственно статус и место историографии определялись ролью, которую она играла в культурной и общественной жизни провинции.

И здесь очевидными были образовательные функции. История в большом объеме была представлена в учебных планах средних общеобразовательных заведений. Отсюда внимание к подготовке преподавательских кадров и наличие практически во всех сибирских краевых и областных центрах педагогических вузов. Не случайно, что открывавшиеся истфаки классических университетов существовали параллельно с пединститутами, а в случае их преобразования в университеты на последние первоначально возлагалась, прежде всего, задача обучения будущих учителей. Научный уровень кафедр исторического профиля определялся составом профессорско-преподавательских кадров и варьировал не только в различных вузах, но и в рамках одного учебного заведения.

Внимание партийно-государственных структур к историографии было во многом связано с ее идеологическими функциями. К рассматриваемому времени образ исторической науки в глазах партийной номенклатуры и в центре, и на местах, как правило, ассоциировался с агитацией и пропагандой, «идеологическим оружием» партии. Обществоведы в целом воспринимались как «бойцы идеологического фронта». Широкий комплекс общественно-политических мероприятий, воспитание советского патриотизма опирались на выдержанный в соответствующем духе исторический материал. Мифологизация прошлого активно использовалась для утверждения официальных государственных ценностей. Многие идеологические кампании того времени строились на основе возвеличивания и чествования соответствующих исторических событий и деятелей. Наряду с об-

щесоюзными празднованиями годовщин Октябрьской революции, победы в Великой отечественной войне, дней рождения В.И. Ленина и пр. на местах отмечали юбилеи местных революционных событий, героев гражданской и отечественной войны и т. д.

Развитие краеведческих исторических изысканий в рассматриваемое время во многом зависело от энтузиазма и профессионализма местных исследователей. Разгромленные в 1930-е гг. краеведческие организации Сибири постепенно вновь набирают свою силу. Воссоздаются региональные отделения Географического общества. Значительный импульс историко-краеведческие исследования получили в связи с созданием в 1966 г. Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а затем и его местных отделений. В ряде регионов краеведческие изыскания стали тесно взаимодействовать с научными, в других – достижения академической и вузовской науки медленно воспринимались краеведами на местах. Интерес партийных инстанций к краеведческому движению возрастал по мере поступления соответствующих директив из Центра, хотя некоторая настороженность к деятельности краеведов сохранялась, особенно когда они выходили за рамки предписанных идеологических акций и устоявшейся исторической проблематики.

Состояние собственно научных исследований также определялось, прежде всего, профессиональным уровнем историков, трудившихся в вузах, академических институтах, музеях и других учреждениях, появлением и становлением научных исторических школ. Расширялась практика подготовки специалистов высшей квалификации в целевой аспирантуре центральных и ведущих сибирских учебных и научных учреждений, эффективно действовала система переподготовки научно-педагогических кадров. Обычно эта деятельность поддерживалась местными партийно-административными структурами, которые были заинтересованы в повышении «остепенности» в высших учебных заведениях. Тем не менее, сугубо научные работы по истории находились на периферии интереса местных властных структур, «беспартийная» историческая наука плохо вписывалась в тот образ историографии, который был сформирован в советское время и утверждался в общественном сознании.

Вопрос о взаимодействии ведущих научных центров страны и провинциальной сибирской историографии требует специального изучения. Связи местных исследователей со столичными учеными чаще всего строились на основе личных контактов и не могли полу-

чить широкого распространения. Более эффективным было сотрудничество различных учреждений в рамках сибирского региона.

Особенности историографического быта сибирского города средних масштабов в рассматриваемое время можно выявить на примере деятельности известного барнаульского историка и археолога Алексея Павловича Уманского. В силу жизненных обстоятельств ему не удалось получить полноценного высшего образования, а ограничиться кратковременной учебой в Новосибирском педагогическом институте, переведенного во время войны в Колпашево, и экстернатом заочного отделения Барнаульского пединститута, который он с отличием закончил в течение года с небольшим. Дальнейшая судьба историка-фронтовика была связана с рядом образовательных и культурно-просветительных организаций Барнаула. Вероятно, важнейшую роль в становлении А.П. Уманского как ученого сыграла его встреча с видным российским археологом М.П. Грязновым. Во многом благодаря ленинградскому ученому Алексей Павлович на всю жизнь «заболел» археологией, овладел новейшими достижениями в области методики археологических раскопок и в общих чертах определил тему будущих диссертационных исследований по истории взаимоотношений Российской державы с «Телеутской землицей» и другими государственными и этнотерриториальными образованиями Южной Сибири XVII–XVIII вв.

Другая не менее судьбоносная встреча связана с именем выдающегося ученого и организатора науки А.П. Окладникова. Организовав в Академгородке крупный научный центр, он стремился опереться в своих работах на местных энтузиастов-краеведов. А.П. Уманский к рубежу 1950–1960-х гг. стал одним из самых активных в Алтайском крае исследователей памятников старины: проводил самостоятельные разведки и раскопки, много занимался проблемой охраны историко-культурного наследия, опубликовал в 1959 г. книгу «Памятники культуры Алтая», содержащую первый обстоятельный обзор археологических и исторических памятников края. Не случайно, он оказался в сфере притяжения научной школы Окладникова. Между двумя Алексееми Павловичами установилось многолетнее сотрудничество, переросшее в крепкую дружбу и взаимную поддержку. В частности, по просьбе академика барнаульский ученый в течение двух сезонов раскапывал знаменитый археологический памятник Улалинка, материалы которого своей гипотетической древностью произвели в 1970-х гг. настоящую сенсацию в научном мире. В изда-

тельстве Сибирского отделения Академии наук А.П. Уманский опубликовал монографию, в Институте истории, филологии и философии защитил в 1970 г. кандидатскую, а в 1983 г. докторскую диссертации.

А.П. Уманский обладал уникальным талантом межличностного общения, умением привлекать и располагать к себе людей самого различного образовательного уровня и социального статуса. Научные контакты, глубокое уважение и добрые человеческие отношения связывали его с другими крупнейшими историками и археологами нашей страны. Особенно тесной и плодотворной была совместная деятельность А.П. Уманского и московского археолога В.А. Могильникова.

Л.И. Рыженко

КОГНИТИВНЫЙ АССИСТЕНТ – ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ БАЗ ДАННЫХ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

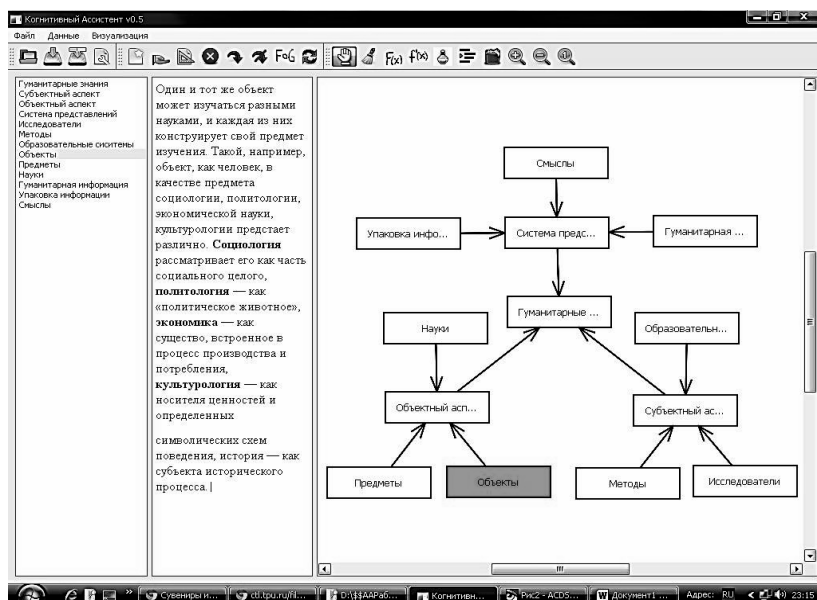
Современное общество, характеризующееся внедрением информатизации во все сферы общественной жизни, накладывает свой отпечаток на характер научных исследований, в том числе и в гуманитарной сфере. При этом иногда возникает парадоксальная ситуация, когда возможности, предоставляемые информационными технологиями, играют роль тормоза научных исследований. Такие ситуации возникают в связи с ростом скорости создания текстов, интенсификаций коммуникаций и быстрым заполнением информационного пространства такими текстами. Не секрет, что найти интересные материалы в общей информационной массе становится всё труднее. Данный доклад посвящён смысловой упаковке информации, посвящённой гуманитарным исследованиям.

Обсуждаемая задача решается средствами научной дисциплины, получившей в нашей монографии название «когнитивный инжиниринг» [1]. Предметом данной дисциплины является смысловая упаковка разнородной информации, а методом – так называемая интенсивная логика смыслов, обобщающая классическую аристотелевскую логику силлогизмов. В настоящее время активно используются такие инструменты когнитивного инжиниринга, как стандарт ДИС2, программный продукт Когнитивный ассистент и Интернет-проект «Первая смысловая сеть».

© Л.И. Рыженко, 2012

Стандарт ДИС2 – это технологический инструмент, формализующий логику смыслов и предписывающий операции работы с информацией, позволяющие строить так называемые «смысловые схемы». Аббревиатура ДИС» расшифровывается как «Динамические информационные системы, 2-е направление исследований». ДИС2 реализован в виде программного продукта «Ядро ДИС» на его основе построены все остальные инструменты когнитивного инжиниринга. Более детально этот продукт здесь не рассматривается.

Программный продукт Когнитивный ассистент [2] предназначен для формирования понятийного поля (концептуализации) предметной области, которой занимается исследователь. Он реализует логику смыслов. Интерфейс данного продукта приведен на рис. и делит экран монитора на четыре части: верхнее поле – панель инструментов; левое поле – список понятий смыслового множества; среднее поле – комментарии к понятиям; правое поле – визуальная смысловая схема. На рисунке показано, как с помощью когнитивного ассистента можно построить смысловую схему концепта «Гуманитарные знания».

*Интерфейс программного продукта Когнитивный ассистент.
В качестве примера приведена смысловая схема
концепта «Гуманитарные знания»*

В этой схеме гуманитарные знания дешифруются триадой категорий: субъектный аспект гуманитарных знаний; объектный аспект гуманитарных знаний; система гуманитарных представлений. Эти три категории, в свою очередь, дешифруются своими триадами. Например, объектный аспект гуманитарных знаний дешифруется триадой: объекты, предметы, науки. На рисунке выделено понятие «объекты» и в среднем поле показаны комментарии к нему, из которых, в частности, следует, что объектами истории являются субъекты исторического процесса.

Построенная таким образом смысловая схема позволяет однозначно идентифицировать любое гуманитарное знание в соответствии с тем смыслом, который оно содержит. Это делается путем описания любого гуманитарного текста с помощью метаданных, соответствующих дешифровкам центрального понятия.

Этот принцип использован при построении ещё одного инструмента когнитивного инжиниринга – Интернет-проекта «Первая смысловая сеть» [3]. Этот сайт позволяет давать однозначную смысловую идентификацию материалам, которые на нем размещаются с помощью смысловой схемы концепта «предложение». Если, например, размещается научная статья по истории, то уточнение её смысла осуществляется с помощью метаданных, соответствующих смысловой схеме статьи. Такая классификация позволяет точно позиционировать размещаемый в информационном пространстве Интернета продукт и существенно сокращать время на его поиск. Для этого организован сервис, называемый «смысловой поиск».

Таким образом, инструменты когнитивного инжиниринга, в частности, программный продукт Когнитивный ассистент, вполне справляются с задачей смысловой упаковки информации, посвящённой гуманитарным исследованиям. По мере популяризации этих продуктов и их внедрения в практику научного поиска, они будут играть не менее значимую роль, чем библиотечный поиск.

1. *Рыженко Л.И.* Когнитивный инжиниринг: монография. Омск, 2012. 172 с.

2. Подробнее об этом: *Луначарский А.Н Рыженко Л.И.* Экспертный редактор «Когнитивный ассистент» // Методология науки: материалы Всероссийской научной школы (Омск, 6–8 сентября 2011 г.). Омск, 2011. С. 142–145.

3. Сайт Первой смысловой сети. URL: <http://thoughtring.com> (дата обращения: 01.09.2012).

В.Г. Рыженко, О.В. Петренко

СОВРЕМЕННЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПЛОЩАДКА И ОСОБОЕ ЗВЕНО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА «БЕЗ ГРАНИЦ»

Научные мероприятия традиционно являются формами «живого» общения профессионалов. В современной ситуации остроту приобрела проблема соотношения виртуальных и «живых» коммуникаций.

По оценкам специалистов ВИНТИ число научных мероприятий (конференций, симпозиумов, семинаров, выставок), проводимых по всему миру, точно определить невозможно: по «самому грубому подсчету», ежегодно это 4–5 тысяч. Примерно столько же анонсируется в периодических изданиях, рассылками по почте, объявлениями в сети Internet.

Сосредоточимся на роли и месте научных мероприятий в структуре коммуникативного поля современной исторической науки. Даже при ограничении их массива гуманитарной сферой и проведении на территории России это несколько сотен в год. Наша тема вписана в исследование процесса трансформации образа исторической науки в условиях смены исследовательских парадигм (период примерно с середины 80-х гг. XX в. до уже завершившегося первого десятилетия XXI в.). Количественные изменения массива конференций отражают соответствующую динамику плотности корпоративных и междисциплинарных «сетей общения». Узелки в этих «сетях» (точки сгущения и площадки коммуникаций) имеют разные размеры с учетом статуса самих конференций. Набор статусов хорошо известен (международные, всероссийские, региональные, областные, городские). Это придает коммуникативному полю современной исторической науки дополнительные параметры, позволяющие представлять коммуникативное поле и «сети общения» объемно или даже как соединение нескольких объемов, встроенных друг в друга (своего рода «коммуникация-матрешка»). Поскольку организаторы конференций являются субъектами создания коммуникативного поля современной исторической науки и одновременно принадлежат к разным структурным звеньям/институциям этого поля, то это делает уплотненность общего объема поля еще более высокой.

© В.Г. Рыженко, О.В. Петренко, 2012

Точечное анкетирование условной экспертной группы представителей современного гуманитарного научного сообщества (случайная выборка), проведенное нами в 2010–2011 гг. (первые аналитические обобщения предложены В.П. Корзун, В.Г. Рыженко [1]), подтверждает и дополняет это утверждение. Конференции в качестве необходимого элемента научного общения были в основном оценены «высоко» респондентами всех возрастов и научных статусов. В то же время, помимо «низких» оценок и рекомендаций «с конкретизацией возможных практических действий» предлагалось: «сохранить тенденцию систематической организации» конференций; интенсифицировать разные формы и форматы, с акцентом на виртуальное общение, на использование режима on-line; налаживать «адресное информирование о научных форумах, защитах, новейшей литературе».

Как выяснить, насколько меняется влияние научных мероприятий на прочность и конфигурацию коммуникативного поля и «сетей общения»? Как конференции отражают смену типа коммуникации (от «закрытой», внутрикорпоративной, к появлению и упрочению признаков «открывающейся», междисциплинарной)?

Ограничимся локальной проверкой выдвинутых гипотез и поставленных вопросов на примере Омска. Правомерность выбора города объясняется тем, что Омск по праву считается одним из крупнейших научных центров Западной Сибири, здесь находятся Омский научный центр СО РАН (объединяет ученых, связанных с точными и естественными науками), Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирский филиал Российского института культурологии. Среди журналов, издающихся в Омске, два входят в список изданий, рекомендованных ВАК РФ. Это «Омский научный вестник» (существует как совместный журнал Омского государственного технического университета, Омского государственного педагогического института, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского) и «Вестник Омского университета». С 1999 г. появляется издание «Культурологические исследования в Сибири» сначала в виде Альманаха, а затем научного журнала с широкой (не только региональной и всероссийской) географией публикуемых в нем материалов. Омские представители исторической науки заявили о себе формированием известных в настоящее время научных школ по этнографии, археологии, историографии, отечественной истории, истории культуры и интеллигенции.

Опорой для нашей проверки стали *научные мероприятия, которые проводятся гуманитариями Омска с середины 1980-х гг.* Была составлена рабочая таблица, в которой учтена информация о 20-ти наиболее значимых конференциях, симпозиумах, семинарах, основными организаторами которых являлись омские историки, этнографы, археологи, культурологи. В структуре таблицы шесть рубрик: название мероприятия, его статус, основные организаторы, год проведения, цель/направленность и «география» участников.

По тематике конференций, профессиональной принадлежности и диапазону научных интересов участников – в Омске проводятся моно-, меж- и полидисциплинарные форумы. Основной целью монодисциплинарных мероприятий является обсуждение конкретной проблемы относительно узкими специалистами, поиск новых методологических и источниковедческих путей ее решения. Междисциплинарные конференции нацелены не только на решение основной проблемы, разработку и обсуждение новых методологических и методических подходов, но и на поиск взаимодополняющих и согласованных методов, методик истории и смежных с ней научных дисциплин. Тематика и концепция полидисциплинарных мероприятий определяет проблемную ситуацию, для решения которой привлекаются знания и навыки специалистов не только разных дисциплин, но и представителей негуманитарных наук. Отметим важный момент – наметившуюся в первые годы нового столетия тенденцию к трансформации/преобразованию регулярных монодисциплинарных конференций в междисциплинарные, междисциплинарных в полидисциплинарные. В качестве яркого примера такой метаморфозы выделим междисциплинарный проект проблемно-тематических Всероссийских научных конференций «Культура и интеллигенция России...», проходящих с 1993 г. по 2012 г. в Омске и инициированных кафедрой современной отечественной истории и историографии ОмГУ.

Стратегически эти научные встречи направлены на поиск и апробацию современных исследовательских моделей получения нового знания о сложных объектах, каковыми являются культура и интеллигенция. В рамках Всероссийских конференций в Омске осуществляется своеобразный эксперимент по объединению внутри интердисциплинарного исследовательского поля историков, философов, культурологов, науковедов, архивистов, музееведов, искусствоведов, обращающихся к изучению обозначенных сложных объектов с позиций комплексности, интегрированности, соединения методик макро- и микроанализа.

Стержневые составляющие тематической направленности конференций остаются неизменными, однако на протяжении последнего десятилетия под влиянием динамики социокультурного, исторического, общеполитического российского контекста их проблемные ракурсы трансформируются. Это хорошо видно из хроники состоявшихся встреч в общих названиях, в обозначении тематики круглых столов и научно-практических (художественных) выставок.

Наибольшее развитие во время дискуссий, проходивших на четырех последних конференциях (2000, 2003, 2006, 2009), получила тема складывания институционализированных и межличностных коммуникаций. Интеллектуальное пространство предстает при этом как объективный феномен в виде глобального сообщества, в которое с помощью различных коммуникаций («формальных» и «неформальных») включены корпоративные и социокультурные сообщества.

Количественные данные по истории коммуникативной площадки, обеспечивавшей живой диалог историков с представителями других областей гуманитарного знания, свидетельствуют о расширении географии и масштабов коммуникации. Если в 1993 г. форум объединил представителей из 16 российских городов и 1-го города Республики Казахстан, то в 2006 г. и 2009 г. – из 20 российских городов, 6-ти городов Республики Казахстан и 2-х городов Дальнего Зарубежья (Германии, Чешской Республики), а в 2012 г. 36-ти городов России, 4-х городов Казахстана, 2-х городов Украины, одного города Германии. Возникает возможность оценить прочность сложившейся коммуникационной площадки и выявить внутренние опоры (постоянно присутствующие города и исследователи).

Концептуальным стержнем последних конференций (2006, 2009 гг.) стали диалоги в качестве важнейшего структурообразующего элемента в интеллектуальном пространстве и одной из сложных форм современной коммуникативной практики. Они призваны обеспечить эффективную трансляцию инновационных исследовательских практик. На VI Всероссийской научной конференции с международным участием (2006) для обсуждения выдвинулись проблемы, наиболее обострившиеся в условиях глобализации. Главная из них для исторической науки в условиях смены познавательных парадигм – это обеспечение осуществления «диалога без границ» между носителями и создателями духовной и интеллектуальной культуры, между учеными разных стран и регионов для формирования новых интердисциплинарных смыслов.

Стратегия и формы проведения конференций «Культура и интеллигенция России...» в Омске направлены на доказательство возможности и эффективности существования в современных условиях неформализованного интеллектуального сообщества, открытого для представителей разных областей знания, разных научных школ, использующих свои познавательные модели, и молодых исследователей, еще только ищущих свои подходы. Сообщество подобного типа периодически с помощью научных форумов как индикаторов перемен в интердисциплинарном проблемном поле осуществляет «изменение» исследовательской ситуации. При этом проверяется «набор» исследовательских инструментов и происходит его пополнение за счет инновационных методик и соответствующих практик, способы внедрения которых становятся предметом научной рефлексии.

1. Корзун В.П., Рыженко В.Г. Коммуникативное поле современной исторической науки: от размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 37. М., 2011. С. 24–44.

С.В. Любичанковский, В.А. Любичанковский

**КОНЦЕПЦИЯ РЕГУЛЯРНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА
И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ В НАЧАЛЕ ХХІ В.
(НА ПРИМЕРЕ БОЛЬШАКОВСКИХ ЧТЕНИЙ)**

Леонид Наумович Большаков (1924–2004) – известный писатель, литературовед, краевед, Почетный гражданин города Оренбурга. За свою творческую жизнь Л.Н. Большаков сумел познакомить читателей со многими неизвестными страницами истории и литературы Урала, «открыть» и незнакомые ранее имена, и неизвестные произведения.

Большаковские чтения были впервые проведены в марте 2005 г., через полгода после кончины Л.Н. Большакова. Инициатором их проведения стал Оренбургский государственный университет, в структуре которого в течение 10 лет действовал Научно-исследовательский институт Тараса Шевченко, возглавляемый Леонидом Наумовичем.

© С.В. Любичанковский, В.А. Любичанковский, 2012

Первые Большаковские Чтения прошли в значительной степени экспромтом, на них собрались самые близкие люди, лично знавшие человека, в память которого они проводились. Но уже тогда идея проведения Большаковских Чтений имела положительный резонанс, о чем свидетельствуют отклики известных столичных и региональных ученых. К Первым чтениям издательство ОГУ выпустило полный библиографический указатель трудов Леонида Наумовича, который как нельзя лучше свидетельствовал не только о колоссальном научном наследии, но и о многообразии интересов исследователя. Поэтому основной концепцией Большаковских чтений сразу же стала междисциплинарность. Было принято Положение о Большаковских Чтениях как регулярной региональной научно-практической конференции по проблематике «Культура Оренбургского края: история и современность». В Положении указывалось, что «основной задачей и концепцией Большаковских Чтений является создание площадки для объединения усилий ученых различных специальностей (культурологов, историков, филологов, искусствоведов и др.) в деле изучения культуры Оренбургского края во всем ее многообразии».

Тогда же было решено проводить последующие Большаковские Чтения в марте, приурочив их к празднику «Шевченковский март» (большого культурного события в жизни Оренбурга и всего Оренбургского края), главным идейным вдохновителем и устройтелем которого был Леонид Наумович.

Вторые Большаковские чтения прошли в марте 2006 г. уже под эгидой Администрации города Оренбурга. В приветственном слове к сборнику Вторых Большаковских чтений Глава города Ю.Н. Мищеряков написал: «Учреждая Большаковские чтения, мы хотели не только увековечить память о замечательном человеке, но и сделать их научной площадкой для всех, кто заинтересован в обсуждении проблем культурного строительства в Оренбургском крае, стимулом для новых исследований. Именно поэтому девизом Большаковских чтений были выбраны слова, которыми Л.Н. Большаков закончил свою последнюю книгу: «Любить – это знать. Знать – это чтить, постигать, изучать». Это уже была полноценная региональная научно-практическая конференция, в которой прослеживалась четкая тематическая направленность: мемориальный отдел; культура повседневности и культурный облик оренбуржца; этносы и конфессии в культуре Оренбургского края; образовательные традиции Оренбуржья; книжное дело и библиофильство; художественная культура Оренбургского

края; человек в пространстве региональной культуры. Эти темы стали традиционными и для последующих Большаковских Чтений. Доклады на Чтения представили 38 авторов, от студентов до докторов наук (если быть точным, 6 докторов и 15 кандидатов наук). Оргкомитет конференции провел большую работу по привлечению к работе Чтений иногородних участников – Москва, Петербург, Астрахань, Уфа, Краснодарский край. И такой подход также стал традиционной чертой Чтений. В ходе Большаковских Чтений выступали творческие коллективы, звучали украинские народные песни, декламация стихотворений Т.Г. Шевченко, что, несомненно, украсило научный форум и стало еще одной традицией.

Третьи Большаковские Чтения были проведены в марте 2007 г. В них были сохранены основные традиции: 1) количество участников, доклады которых были отобраны для опубликования, снова составило 38 человек, однако удалось добиться усиления авторского коллектива: 10 докторов, 17 кандидатов наук, заслуженные деятели науки и культуры, и конечно практические работники культуры (в первую очередь, библиотекари). Организаторы отказались от практики широкого привлечения к работе Чтений студентов и аспирантов, сделав ставку на сложившихся исследователей; 2) стабильное участие иногородних коллег (Санкт-Петербург, Москва, Екатеринбург, Уфа, Челябинск, Самара, Краснодарский край, Одесса, Луганск и др.); 3) сохранение деятельной поддержки и заинтересованного участия городской администрации и Оренбургской областной общественной организации им. Т.Г. Шевченко.

Удалось внедрить также некоторые новации, которые способствовали дальнейшему росту авторитета Чтений: 1) пристальное внимание участников к теоретическим основам изучения культуры Оренбургского края; 2) Чтения обрели свой дом в центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова, хозяйева которой сумели создать особенную атмосферу теплоты и радушия; 3) было принято решение проводить Чтения с регулярностью 1 раз в 2 года, с целью поддержания их высокого научного уровня.

Четвертые Большаковские Чтения прошли в марте 2009 г. и были приурочены сразу к трем знаменательным датам: 265-летию образования Оренбургской губернии, 195-летию со дня рождения Т. Шевченко и 85-летию со дня рождения Л. Большакова. В изданном альманахе Чтений представлены 45 статей, среди их авторов – 11 докторов и 24 кандидата наук. Организаторы смогли добиться

представительства на страницах альманаха коллег из всех основных вузов Оренбуржья. Впервые к обсуждению проблем культурного строительства Оренбуржья активно подключились, помимо работников библиотек, работники архивной отрасли. Это стало нормой для последующей работы.

Пятые Большаковские чтения прошли 31 марта – 1 апреля 2011 г. Они были приурочены к 180-летию со дня появления первого оренбургского музея, 150-летию со дня рождения выдающегося представителя уральского казачества Николая Бородина и 30-летию празднования на оренбургской земле «Шевченковского марта». В конференции принял участие 81 специалист, в том числе 25 докторов и 35 кандидатов наук. Среди них – много молодых ученых, практических работников культурной сферы, приезжие из Германии, Израиля, Москвы, Уфы, Челябинска, Самары, Стерлитамака, Астрахани, Владимира, Одессы, Уральска, Алма-Аты. Именно такое сочетание представителей различных поколений и традиций научного мира является оптимальным с точки зрения поддержания современного научного уровня в деле изучения историко-культурной сферы региона. Отличием Пятых чтений от предыдущих стала организационная и научная поддержка со стороны старейшего высшего учебного заведения региона, кузницы учительских кадров – Оренбургского педагогического университета, а также Поволжского филиала Института российской истории РАН (Самара) – единственного подразделения главной академической структуры страны по отечественной истории в Приволжском федеральном округе, в состав которого входит Оренбургская область. Это стало результатом возрастающего авторитета Чтений среди научного сообщества.

Концептуальным новшеством стало то, что впервые Чтения стали инициатором ряда научно-просветительских проектов. Так, участниками конференции была высказана идея о необходимости создания академического сборника документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период. Также, с целью более активного вовлечения молодых ученых в процесс изучения культурного наследия и в рамках реализации идеи Краеведческого Просвещения, положенной в основу концепции Большаковских чтений, было решено учредить под эгидой Чтений регулярный (один раз в два года) Конкурс научных работ молодых ученых «Историко-культурное наследие Оренбургского края». Его итоги должны быть подведены на Шестых Большаковских чтениях в 2013 г.

Таким образом, Большаковские чтения за короткое, но весьма продуктивное время своего существования, опираясь на авторитет ушедшего из жизни мыслителя и сложившуюся инициативную группу специалистов, смогли стать своеобразным центром внутри- и межрегиональной консолидации специалистов по истории и современному состоянию культуры Южно-Уральского региона.

В.Ш. Назимова, Э.М. Фромберг

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА – НОВАЯ ФОРМА КОММУНИКАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Межнациональные культурные сообщества на рубеже XX–XXI вв. становятся характерными проявлениями новых тенденций в общении и культуре. Происходят принципиальные изменения в мировой экономике, миграционных процессах, в межгосударственных и межнациональных отношениях. Глобализация, политическая и экономическая интеграция (создание «единой Европы»), перемещение больших масс людей в поисках материального благополучия и правовой защищенности имеют следствием увеличение доли некоренного населения в европейских странах. В Германии, например, 8,8 % населения составляют иностранные граждане. Выходцы из республик бывшего СССР составляют одну из крупнейших русских диаспор в мире. Все это породило новые проблемы, связанные с межнациональным общением и межкультурными коммуникациями.

Правительство Германии разработало программу создания в стране мультикультурного общества и ускоренной интеграции некоренного населения с местным сообществом. Но на пути ее реализации встречается немало трудностей, связанных с замкнутостью ряда общин, их невключенностью в общегосударственный контекст, боязнью «новых граждан» Германии потерять свою национальную идентичность, язык и культуру. Объективные интеграционные процессы сталкиваются с противонаправленными действиями националистических и религиозно-экстремистских элементов, что делает картину мира современной Европы весьма неоднозначной и напряженной.

Однако потребности общения и взаимопонимания делают необходимым познание языка, культуры, истории участников инте-

грационного процесса как на бытовом (в основном, изучении языка друг друга), так и на интеллектуальном уровне.

На интеллектуальном уровне процесс идет через осознанное и заинтересованное освоение литературы, истории, ментальных особенностей, традиций, символики, искусства. Инициатива исходит от представителей интеллигенции, которые объединяются с этой целью в различные сообщества на основе добровольности и самодеятельности. Организационными формами выступают ассоциации, клубы, литературные, философские, музыкальные кружки, отличающиеся степенью организационной оформленности и открытости.

Показательной представляется деятельность подобных объединений в городе Баден-Баден. Население города многонациональное, из постоянно проживающих 55 тысяч жителей – примерно 10 % русскоговорящие бывшие граждане России и других республик СССР. Но большое число россиян, постоянно или временно проживающих в городе, было уже традиционным, начиная с первой четверти XIX в., когда Баден-Баден постепенно становится «самым русским городом Германии». Начало положил династический брак российского императора Александра I с баденской принцессой Луизой, затем союзнические отношения в борьбе с Наполеоном укрепили взаимные симпатии, благодатная природа и лечебные воды привлекали сюда многих представителей генералитета и русской аристократии, деятелей культуры. Баден-Баден в XX в. принимает у себя и вынужденных эмигрантов послереволюционных, военных и послевоенных лет, а ныне – многочисленных туристов. Различными памятными знаками отмечено пребывание в городе выдающихся деятелей русской культуры В. Жуковского, И. Тургенева, Н. Гоголя, Л. Толстого, И. Гончарова, Ф. Достоевского, С. Рахманинова, А. Рубинштейна и др., что поддерживает постоянный к ним интерес и у немецкого населения, регулярно проводятся так называемые «русские экскурсии» на двух языках.

Сейчас в культурном пространстве города действует около десятка межнациональных культурных сообществ, среди которых три – немецко-русских: «Тургеневское общество» во главе с писательницей Р. Эфферн, «Чеховское общество», которое возглавляет писатель Н. Рогачев, и созданное в 2010 г. «Немецко-русское общество культуры Баден-Бадена» (первый руководитель журналист Д. Шлегель, сейчас – переводчик В. Юшина). Общество поставило своей целью, как записано в уставном документе, «укрепление взаи-

мопонимания между немецким и русским народами в живом диалоге культуры». Оно объединило немецких и русских представителей искусства, журналистов, политиков, дипломатов, бизнесменов, интересующихся русской и немецкой культурой. Объединение позиционировало себя как открытое объединение некоммерческого характера. Постоянными членами общества являются 56 человек, но на мероприятиях присутствуют и много других заинтересованных лиц. С целью развития германо-российских отношений проводятся выставки, конкурсы, экскурсии, восстанавливаются памятники русской культуры, обустраиваются русские захоронения на кладбищах города. В результате население города, а особенно молодежь, приобщается к богатому культурному наследию.

На заседаниях Общества в 2011–2012 гг. были заслушаны доклады об истории и мифологии данного Места, о роли русских в истории города. Речь шла об И. Тургеневе, прожившем здесь 7 лет и много сделавшем вместе с П. Виардо для оживления театральной и музыкальной жизни города, о В. Жуковском, создавшем здесь свой классический перевод «Одиссеи» Гомера и многочисленные переводы немецких поэтов-романтиков, о М. Салтыкове-Щедрине, написавшем здесь несколько рассказов, о непростой жизни в Баден-Бадене четы Достоевских, об И. Гончарове, В. Боткине, знаменитом артисте балета В. Нижинском.

В свою очередь оживленные дискуссии вызвали выступления ряда немецких членов Общества, которые работали в России в разные годы по научному и культурному обмену и составили весьма неоднозначные мнения о характере и менталитете русских, о современной ситуации в России. Немецкие краеведы и исследователи рассказали заинтересованной аудитории об истории зданий, связанных с судьбой известных россиян: друга А. Пушкина канцлера А. Горчакова, аристократических семейств Меньшиковых, Трубецких, Вяземских, Анненковых, Гагариных.

Местная интеллигенция проявляет большой интерес к памятным местам России, связанным с именами корифеев русской культуры: уже состоялась экскурсия по пушкинским местам и поездка по местам, связанным с жизнью выдающихся музыкантов М. Глинки, П. Чайковского. С. Прокофьева, Ф. Шаляпина. Традиционными становятся музыкальные вечера во дворце – салоне Бирона: уже состоялись концерты из произведений М. Мусоргского и Р. Вагнера, С. Рахманинова и И. Брамса, П. Чайковского и Р. Шумана. Много

для понимания русской музыкальной культуры дают регулярные выступления в Баден-Бадене знаменитого Мариинского театра из Санкт-Петербурга, его художественный руководитель В. Гергиев стал почетным гражданином города.

В рамках Года России в Германии и Германии в России члены общества летом 2012 г. принимали активное участие в проведении Недели русской культуры в Баден-Бадене; проведение следующей Недели планируется на апрель 2013 г. По инициативе Общества 9 октября 2012 г. открылась выставка скульптурных и графических работ народного художника России А.Н. Бурганова, автора памятника В. Жуковскому в Баден-Бадене.

Эта выставка была приурочена к особо значимому событию в деле укрепления немецко-русского взаимопонимания: 11 октября 2012 г. был открыт Мемориал В. Жуковского и членов его семьи на городском кладбище Баден-Бадена. Могила, где был захоронен первоначально сам поэт (потом его прах был перенесен в Александро-Невскую Лавру в Санкт-Петербурге), а потом его дочь А. Жуковская-Вёрманн и сын, известный художник П. Жуковский, была обустроена членами Общества (как ранее – захоронение мецената князя Васильчикова). Концепцию памятных знаков на могиле разработала и осуществила немецкий скульптор Б. Штаух, известная своим памятником П. Виардо. Открытие памятника прошло при большом стечении заинтересованных лиц из разных городов Германии, в присутствии российского консула. На открытии с приветственной речью выступил обер-бургомистр Баден-Бадена В. Герстнер, освящение могилы осуществил настоятель русской церкви игумен Андрей. В ближайшее время скульптор Б. Штаух покажет свои новые работы на выставке в Москве.

Есть несомненные признаки того, что деятельность заинтересованных представителей немецкой и русской интеллигенции привела к известным подвижкам во взаимопонимании двух народов.

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА СИБИРИ
(ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД СЛОВАРЕМ
ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ СИБИРИ)**

Историография сибирского искусства насчитывает трудно обозримое количество письменных источников, которое в новейшей истории кратно и очень интенсивно увеличивается с помощью электронных ресурсов. Объективно созрела острая необходимость в дальнейшей систематизации, изучении и обобщении материалов по истории искусства и художественной культуры Сибири.

В готовящемся к печати издании словаря сделана попытка создания единой фактологической и источниковой базы по истории художественной культуры Сибири, что должно послужить основой для написания академической истории изобразительного искусства Сибири. Рабочее название издания: «Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI вв.: словарь-указатель художников, искусствоведов, музейных специалистов, исследователей, коллекционеров, меценатов, государственных и общественных деятелей». За основу словаря-указателя взята привычная для словарно-справочных изданий структура алфавитного глоссария. Словарь-указатель включает более 5000 статей, 4 приложения, список источников. В заголовок издания вынесены два слова: словарь-указатель. Это означает, что в каждой словарной статье содержатся краткие биографические и творческие сведения о персоне. В «указателе» – список источников, на основании которых составлена статья и где можно получить расширенную информацию о персоне, музее, институте и пр.

Словарь вмещает исторические сведения за 4 века: нижняя граница находится в XVII в., когда произошла историческая встреча искусства и культур западного и восточного типа на территории Сибири; верхняя относится к началу XXI в. и ограничиваются 2011 г. Территориально словарь охватывает обширные пространства: от Байкальского региона на востоке до Обь-Иртышского бассейна на западе (Бурятия, Иркутская область, Красноярский край, Алтай, Тыва, Хакасия, Кемеровская, Новосибирская, Томская, Омская, Тюменская области).

В основе составления словаря – междисциплинарная методология, включающая искусствоведческие (предмет исследования) и

культурологические (объект исследования) подходы. Искусствоведческий подход отражает сведения о непосредственных творцах искусства – о художниках-живописцах, графиках, скульпторах, монументалистах, прикладниках, сценографах, авторах актуальных практик. Современное искусствоведение и культурология понимают изобразительное искусство расширительно – как визуальную культуру. По этому критерию в поле внимания оказалось фотоискусство и дизайн, персоналии отмеченных видов искусства в силу новизны предмета исследования и недостаточности источников получили далеко не полное отражение в словаре. Культурологический подход позволяет раскрыть объект исследования – бытийный (социальный) уровень существования художественной культуры и потому включает широкий круг лиц. Это – искусствоведы, музейные специалисты (музейщики), исследователи искусства и художественной, художники-педагоги, коллекционеры, меценаты, а также государственные и общественные деятели, социальные практики которых связаны со строительством художественной культуры Сибири. В словарь включены предельно краткие сведения о персонах, связанных с Сибирью фактом своего рождения, но творческая или научная жизнь которых протекала (протекает) в других местах России, мира. Полноту картины о художественной культуре Сибири «завершают» сведения, представленные в четырех приложениях. Приложение № 1 – список художественных музеев и собраний художественного типа в Сибири, имеющих государственную регистрацию. Приложение № 2 – общественные творческие и выставочные организации и объединения в Сибири второй половины XIX в. – 2011 г. Приложение № 3 – справка о художественно-педагогических центрах Сибири. Приложение № 4 – перечень кандидатских и докторских диссертаций по искусствоведению, защищенных по искусству Сибири за период с 1949 г. по 2011 г.

Источниковую базу словаря составили сведения из опубликованных источников, из фондовых картотек и архивов ряда музеев и госархивов, личных дел художников в сибирских региональных отделениях (организациях) Союза художников России, архивов автора с начала 1970-х гг. (записи на выставках, бесед с авторами, переписка и пр.). Составитель воспользовался также широкой корреспондентской сетью со своими коллегами практически всех регионов Сибири, сведениями из открытых источников в Internete.

Предлагаемое издание предпринимается впервые, оно по определению не может быть отнесено к совершенным и тем более за-

вершенным. В словаре, очевидно, неизбежны пропуски имен, письменных и иных источников, некоторые неточности. Автор с благодарностью примет уточнения, замечания, дополнения. Более того, он рассчитывает на то, что настоящее издание послужит поводом для дальнейшего развития и изучения изобразительного искусства, художественной культуры Сибири.

С.И. Маловичко

С.И. АРХАНГЕЛЬСКИЙ И Н.П. АНЦИФЕРОВ: ЛОКАЛЬНЫЙ МЕТОД VS КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В новейшей литературе не только историко-краеведческого характера, но и в историографических исследованиях стало вполне привычным упоминать теоретиков краеведения «золотого десятилетия», среди которых достойное место занимают С.И. Архангельский и Н.П. Анциферов [1].

Мне уже приходилось писать о «некраеведческой» направленности исследовательской практики Архангельского [2], а в данном случае я остановлюсь на сравнении подходов к изучению местной истории двух современников, объединенных в нашей историографии конструкцией – «*теоретики краеведения*»: С.И. Архангельского и Н.П. Анциферова.

В наиболее конкретной форме свой взгляд на модель изучения местной истории исследователи высказали в статьях, опубликованных в одном и том же журнале «Краеведение» [3] и именно они послужили основными историографическими источниками проводимого сравнения.

Архангельский в своей статье выделил три пути «проникновения локального метода в историческую науку»: первый, – растущее внимание историков к социально-экономическим процессам; второй, – признание того, что не государство, «а народ составляет основу развития культуры; не в государственных формах, а в особенностях народного духа надо искать ключ к разгадке исторических законов»; третий «путь, которым локальный метод проникает в историческую науку», – по мысли Архангельского, – «лежит через ту ат-

мосферу напряженных споров о самой природе исторического знания, которые вели между собой сторонники и противники общенаучного метода в области истории». В данном случае историк имеет в виду отношение ученых к идее научного синтеза и применения сравнительного метода как инструмента «способствующего» сближению наук о природе и наук о человеке.

Говоря о развитии исторической науки и возрастающем внимании историков к социально-экономическим процессам, к проблемам социальной истории и практике применения сравнительного метода, Архангельский остановился на конкретных примерах исследований, проведенных западноевропейскими и русскими историками (К. Лампрехт, Г. фон Белов, Ж. Флак, А.П. Шапов, И.В. Лучицкий, Н.П. Оттокар, М.М. Богословский и др.). Мне представляется важным отметить, что модели исследования приведенных им историков имели отличия, но приемы, примененные в историографических операциях, обладали одним важным тождеством – «от единичного к общему» и «от общего к единичному». Со второй половины XIX в. российские, западноевропейские и американские (автор о последних не упомянул) историки выступили против традиционной истории государственной централизации и осваивали новые приемы изучения локального/регионального объекта в контексте национальных историй. Архангельский и сам работал в этом проблемном поле (труды о развитии волжского водного пути и истории нижегородского промышленного пролетариата).

Являясь одним из организаторов нижегородского краеведения, Архангельский так и не стал краеведом, его научное творчество, в том числе и статья о локальном методе к последнему не имеет отношения (кроме места публикации – журнал «Краеведение»). Неслучайно, в названии статьи историк манифестировал локальный метод в *исторической науке*, а не в краеведении.

Можно предположить, что именно на это обстоятельство отреагировал Н.П. Анциферов, опубликовавший статью, в названии которой тоже присутствует упоминание об исторической науке, но первыми автор поставил слова «краеведный путь», тем самым, обозначив задачу приспособления локального метода к краеведению для оформления последнего в качестве особого «пути» в науке.

Анциферов указал, что «возможности использования локального метода... (тем, о чем писал Архангельский. – С.М.) не исчерпываются. Есть и иные пути, приковывающие внимание исследовате-

лей к местному материалу. Место (locus) само по себе может явиться ценнейшим объектом исторических исследований... *Локальный метод есть изучение истории на местах* (выделено нами. – С.М.)».

Анциферов постарался продемонстрировать применение этого метода примером конкретной исследовательской практики историка, в частности, его учителя профессора И.М. Гревса, который, изучая историю римского землевладения, подробно остановился на одном месте (специально посетив его) – «Поместье Горация». Сосредоточившись лишь на одном из приемов сложной исследовательской практики Гревса («посещение места»), Анциферов вырвал ее из общей конструкции исследования учителя, продемонстрировав стратегию антикварного, а не научного изучения истории. Гревс свой прием считал вспомогательным или служебным, полагая, что к рассмотрению локального объекта нужно подходить от целого, так как локус является лишь отдельной стороной этого целого [4] (такая модель исследования присуща профессиональной историографии). Интересно отметить, что такой принцип Гревс продемонстрировал и позже – в статье «История в краеведении» (Краеведение. Т. III. 1926. № 4), когда сказал о краеведческой практике как о «частной», подготовительной для «общего синтеза», который способен осуществить лишь профессиональный историк. Анциферов, напротив, демонстрировал самодостаточность локуса, что, в принципе, было характерно для местного непрофессионального историописания/краеведения.

Мне представляется, что исследователь чувствовал неудовлетворенность от исследовательских практик, применяющихся в исторической науке. Они казались ему стесненными своими правилами, особыми методиками работы в архивах и такими подходами к изучению письменных исторических источников, которых он сторонился. «Всюду установка на обобщение. Нигде мы не встретим непосредственного исследования данного места историком», сокрушался он. Приемы профессиональной историографии были для него тесными не от того, что он мог предложить науке новую исследовательскую практику или иную научную процедуру верификации получаемых результатов исследования, нет, ему оказалась тесна сама научная рациональность. Поэтому, отбрасывая дисциплинарные границы (точнее не рефлексируя о них), он предлагал сочетать в исследовательской работе приемы изучения письменных памятников, с результатами раскопок, визуальным наблюдением как за культурными, так и природными ландшафтами и т. д. Некоторые приемы, предложен-

ные им, уже были знакомы исследователям местной старины, а изучение культурного ландшафта (города) так как делал он, смогли бы немногие. Собранные вместе в одной исследовательской практике они представляли важное руководство для получения знания о прошлом того или иного места, но не являлись научным подходом.

Таким образом, *локальный метод* в статьях Архангельского и Анциферова оказался представленным двумя разными практиками производства исторического знания. У Архангельского он является научным методом изучения истории региональных процессов (региональная история), такой подход еще раньше был назван А. Тардифом – «*méthode locale*» [5], у Анциферова – практикой «изучения истории на местах» (краеведение).

1. См.: *Паишков А.М.* Историческое краеведение Карелии конца XVIII – начала XX века как социокультурное и историографическое явление: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2012. С. 12.

2. *Маловичко С.И.* «Локальный метод» С.И. Архангельского в тисках изобретенной генеалогии краеведения // *Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли.* Нижний Новгород, 2011. С. 11–14.

3. *Архангельский С.* Локальный метод в исторической науке // *Краеведение.* 1927. № 2. С. 181–194; *Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке (Историико-культурные ландшафты) // *Краеведение.* 1928. № 6. С. 321–338.

4. *Гревс И.М.* Очерки из истории Римского землевладения (преимущественно во время Империи). СПб., 1899. Т. 1. С. 52, 71–72, 451–452.

5. *Tardif Adolphe.* Methods of historical study, par Herbert B. Adams // *Bibliothèque de l'école des chartes.* 1884. Т. 45. P. 351–355.

А.В. Антощенко

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УСТАВ 1863 Г. И КОНФЛИКТЫ В ПРОФЕССОРСКОЙ СРЕДЕ

В новейших исследованиях конфликты в университетской среде становятся самостоятельным предметом изучения. Возникновение нового исследовательского поля является результатом утверждения антропологического подхода к науковедению. Смещение акцента с рассмотрения научных концепций при изучении борьбы направле-

ний и школ в науке на исследование противоборства самих сторонников различных научных идей, организационно объединенных в рамках научного сообщества, позволяет глубже понять не только закономерности развития научного познания, но и процессы формирования и развития самого этого сообщества, как «невидимого колледжа». Для России рассмотрение этой проблемы через призму университетской истории определяется тем, что научное сообщество, возникнув в стенах Петербургской академии наук, с XIX в. пополнялось выпускниками университетов, а звание университетского профессора предполагало обязательное достижение научной степени доктора.

В современных исследованиях профессорских конфликтов можно заметить два подхода. Один направлен на выявление личных мотивов поведения их участников с тем, чтобы выяснить «культуру конфликтов» в университетской среде, т. е. те нормы (зачастую неявные), которыми руководствовались их участники при разрешении возникающих противоречий. Этим определяется преимущественное внимание к личностному аспекту конфликтов с привлечением соответствующего круга источников (прежде всего личного происхождения) [1].

Второй подход вытекает из признания конфликтности существенной чертой университетской демократии, выработка норм которой и овладение ими происходили в столкновении мнений и их носителей – прежде всего профессоров, осуществлявших в разное время в различной степени коллегиальное управление университетами. При таком подходе конфликты разделяются на конструктивные («конфликты идентичности») и деструктивные (разрушающие корпоративную идентичность профессуры) [2].

Каждый из подходов содержит рациональное зерно, но ограниченность обоих, как представляется, заключается в игнорировании конкретно-исторического контекста, создаваемого не только габитусом ученых, но и формализованными нормами, закрепленными в законодательстве, и взаимоотношениями научного сообщества с «внешней средой». В данном сообщении приводятся некоторые соображения, являющиеся результатом изучения ряда конфликтов среди профессоров императорского Московского университета (далее – ИМУ), порожденных реализацией университетского устава 1863 г.

Принятие устава 1863 г. стало важным шагом в развитии процесса профессионализации научной деятельности, т.к. в соответствии с главной тенденцией развития науки в то время, он предпола-

гал значительное увеличение числа кафедр, которые должны были замещаться учеными профессорами, имеющими докторскую степень. Это надолго превращало университеты в главный институт подготовки ученых для самих себя, что закреплялось принципом самопополнения профессорской корпорации, который постепенно стал рассматриваться как один из важнейших признаков университетской автономии. Немаловажное значение имело весомое увеличение профессорского жалования, что наряду с привилегированным статусом «ученого сословия» делало научную карьеру в стенах университетов более привлекательной. Пополнение университетов прежде всего молодыми учеными стало одной из причин превращения индивидуальных конфликтов, характерных для предшествующего периода, в групповые, зачастую приобретающие характер межпоколенческих конфликтов [3].

В отличие от некоторых социальных групп, формирование идентичности которых шло в конфликтах с представителями других социальных групп (например, известное положение марксизма о развитии самосознания пролетариата в борьбе с буржуазией), определение идентичности ученых-профессоров было следствием «внутренних» конфликтов, в ходе которых проявлялись и утверждались ценностные ориентиры деятельности профессуры, определялся присущий членам профессорской корпорации габитус. «Внешние» конфликты (прежде всего с министерским начальством) в период действия устава 1863 г. не играли в этом значительной роли. А позже, после принятия относительно реакционного устава 1884 г., они приобрели политическую окраску и могут рассматриваться скорее как «деструктивные», т. к. раскалывали профессорскую корпорацию по линиям политических пристрастий. В результате этого «деструктивный» характер стали приобретать и конфликты в самой профессорской среде.

1. *Свешников А.В.* «Вот Вам история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка. Омск, 2005. С. 231–262.

2. *Вишленкова Е.А., Малышева В.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005. С. 172–183 (автор раздела – Е.А. Вишленкова).

3. *Антощенко А.В.* «Это был неслыханный в летописях университета скандал» (о «восстании» профессоров Московского университета в 1866 году) // Историк и его эпоха. Тюмень, 2007. С. 21–23.

**КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ
ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА
СТОЛИЧНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ 1860–1880-Х ГГ.**

Студенчество как особая социальная группа в системе высшего учебного заведения с одной стороны, выступает как социально-демографическая группа, характеризующаяся определенной численностью, половозрастной структурой, территориальным распределением, определенным общественным положением, социальной ролью и статусом. С другой стороны, студенчество занимает промежуточное положение между социальными группами, представляет собой достаточно самостоятельную общность молодежи и профессиональную интеллигенцию в перспективе, что накладывает отпечаток на ее психику, общественное поведение, ценностные ориентации, культурные ориентиры присущие только ей, и проявляет самостоятельность по отношению к другим социальным группам, образует социально-профессиональную группу.

Ценностные ориентации студента проявляются во всей совокупности отношений к образовательному пространству. Они выражаются в определенной мотивации действий, которая определяет дальнейший жизненный выбор, во взаимоотношениях с профессорско-преподавательским составом, в системе коммуникаций, в целом в отношении к процессу обучения. При этом следует отметить двухсторонний характер влияния: как образовательное пространство способствовало формированию ценностных ориентаций студенчества, так и студенчество, исходя из ценностных ориентаций, влияло на процесс обучения. Историческая ситуация 60–80-х гг. XIX в. способствовала переустройству студенческих ценностных ориентаций. Более самостоятельным становилось отношение студентов к преподаванию, студенты широко пользовались возможностью выбора, выражающегося в непосещении занятий. Переписывание и заучивание наизусть профессорских лекций уступало место самостоятельной работе с книгой, пассивное восприятие – критическому осмыслению услышанного и прочитанного. Такое отношение к процессу обучения определило желание студента сохранить неповторимость, личностное свое-

образе своих взглядов и убеждений, выступающие в качестве ценностной ориентации студенчества 1860–1880-х гг.

Русское общество второй половины XIX в. внушило студенчеству понимание его достоинства, оно воспринимало учащееся поколение, как олицетворение столь желанного обновления России, определяло ценность самих профессиональных знаний, таким образом, придавая значимость статусу студента, его социальной роли, это существенно влияло на развитие чувства собственной значимости. Как следствие, стремление студента к независимости от других, сохранение собственной индивидуальности объясняются высокими потребностями этого возраста и низкой социальной защищенностью студентов. Кроме того образование воспринимается как ценность само по себе. Студенту столичного университета в 1860–1880-е гг. было присуще стремление к достижению осязаемых и конкретных результатов. Эта потребность объясняется самим характером учебной деятельности. Посредством коммуникаций с педагогом, с товарищем по курсу, с представителями интеллигенции в целом происходит развитие чувства собственной значимости. В этом возрасте юноше важно, чтобы его воспринимали на равных, относились к нему всерьез. Он демонстрировал свою принадлежность к данной социальной группе поведением, манерой общения. Общение с педагогами заметно укрепляло такие качества студента как решительность, настойчивость, самостоятельность, инициатива, умение владеть собой. Мысль постепенно, наряду с оригинальностью, становится простотой, ясной и в то же время отличается доказательностью изложения.

Ценностные ориентации российского студенчества в образовательном пространстве столичных университетов 60–80-х гг. XIX в. следует признать относительно нестабильными, подвижными. Это объясняется тем, что студенты постоянно находились в духовном и идейном поиске, их взгляды и убеждения, идеалы и мотивы действий менялись, трансформировались. Это влияло на течение повседневной жизни, на мировоззрение, на отношение в целом к процессу обучения. Но определенные ценности и духовные установки, несомненно, были преобладающими, сравнительно стабильными в студенческой среде, таковым являлось влияние университета и ценностное отношение к нему. Ряд выдающихся профессоров и ученых прошли университетскую школу, многие оставили о ней воспоминания, в которых тепло и с благодарностью отзываются о стенах родной «alma mater», признают ее огромное значение в становлении их

мировоззрения. Молодые люди с гордостью вспоминали об обучении в высшей школе. И.А. Каблуков после окончания, написал следующие слова: «Когда я первый раз шел в Московский университет и считал, что все встречные должны мне завидовать, потому что я студент Московского университета, и я не ошибался» [1].

Хотелось бы закончить словами П.Н. Обнинского, студента Московского университета: «Жизнь лучшая школа» и «книга жизни лучшая из книг», – совершенно верно; но не следует забывать, что научиться в этой школе может только грамотный, и читать в этой книге с пользой может только тот, кто уже выучился понимать и усваивать прочитанное, а не тот, кого интересует лишь процесс чтения. Университет ставит принципы, а жизнь – отвечает их воплощению» [2].

1. Каблуков И.А. Из воспоминаний о химии в Московском университете с семидесятых годов XIX века // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 507.

2. Обнинский П.Н. Студенческие годы // Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 55.

О.В. Кочукова

К.Д. КАВЕЛИН И Б.Н. ЧИЧЕРИН: ДВА ВЗГЛЯДА НА ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Ключевой особенностью исторического положения либеральной идеологии в России в эпоху Великих реформ 1860–1870-х гг. являлась концентрация внимания на большой роли государства как действенного механизма модернизации. Идеологи раннего русского либерализма, среди которых основное значение принадлежало К.Д. Кавелину и Б.Н. Чичерину, исходили из признания того факта, что самодержавное государство целым рядом исторических обстоятельств было поставлено перед необходимостью инициировать и возглавить процесс либеральных по своей сути реформ. Типично либеральные, по западным меркам, рассуждения об ограничении пределов государственного вмешательства в общественные процессы были вытеснены практикой, направленной на использование преобразовательного потенциала государства. Разумеется, такого рода рецепция либераль-

ной идеологии на почве политической действительности России делала наиболее значимым вопрос о пределах государственной и общественной инициативы в реформаторском процессе, и в целом о соотношении позиций власти и общества. Можно сказать, что «государство» и «общество» составляли в представлениях русских либералов две чаши весов, и различие в концепциях заключалось в том, в какую сторону в каждом конкретном случае больше склоняются эти весы.

В известном «Письме к издателю» (А.И. Герцену), написанном К.Д. Кавелиным и Б.Н. Чичериным, мысль о реформаторском потенциале государственной власти была выражена следующим образом: «Мы готовы столпиться вокруг всякого сколько-нибудь либерального правительства и поддерживать его всеми силами, ибо твердо убеждены, что только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов». Но «государственничество» Кавелина и Чичерина (имевшее также основание в области теоретических научных представлений) имело серьезные различия.

В отечественной исторической науке одна из сфер противостояния двух идеологов русского либерализма была изучена В.А. Китаевым. Историк противопоставил защиту Кавелиным децентрализации и общественного самоуправления на местном уровне губерментализму Чичерина [1].

В представлении К.Д. Кавелина общественное самоуправление на местном уровне являлось способом сохранения прав личности в самодержавном государстве и защиты его реформаторского курса. В середине 1850-х гг. Кавелин выступил активным защитником «английской» модели внутреннего государственного устройства, основанной на развитом местном самоуправлении, и был оппонентом Б.Н. Чичерина, приветствовавшего «французскую» централизацию государственной власти на всех ее уровнях. В рецензии на работу Чичерина «Областные учреждения в России в XVII веке» (1856 г.) Кавелин писал о недопустимости «сосредоточения дел местного интереса в центральных учреждениях», утверждая, что «развитие местной жизни» может стать «микрокосмом государства» и школой великих общественных и государственных деятелей [2]. Защита Кавелиным местного самоуправления означала, очевидно, поиск способа ограничения произвола верховной власти при сохранении ее положительного потенциала.

Вторым поводом для разногласий Кавелина и Чичерина стало отношение к деятельности лидеров радикально-демократического

течения в общественном движении, в особенности Герцена. Здесь уместно предположить, что Кавелин в целях предупреждения безусловной победы самодержавного государства за время тактического союза с ней либерального общества придавал большое значение не только общественному самоуправлению и децентрализации, но и использованию потенциала радикальной обличительной мысли.

Важные выводы можно сделать из анализа письма К.Д. Кавелина к Б.Н. Чичерину в защиту А.И. Герцена (протест против «Обвинительного акта», 1859 г.). Главным в кавелинском протесте представляется указание на то, что для Чичерина не имела значения деятельность Герцена и роль «Колокола» в период острой борьбы по крестьянскому вопросу. «Положим, что для Вас все равно, – писал Кавелин, – будет ли мужик освобожден с землей или без земли, пройдет ли он через чистилище срочно-обязанных отношений или не пройдет. Для нас же такое или другое решение совпадает со спокойным или революционным выходом из теперешнего нашего положения» [3]. Сравним эти слова с вопросом Б.Н. Чичерина, заданным им в «Обвинительном акте»: «К чему может повести разгар общественных страстей, как не к самому жестокому деспотизму? Каждая почти революция представляет этому пример» [4]. Как видим, для Чичерина опасность революции заключалась в *политической* борьбе, при этом он был склонен считать «официальную сферу» более разумной и умеренной, нежели «общественную». Для Кавелина возможность революции была связана только с *социальными* вопросами, конкретнее – с неверным (крепостническим, безземельным) вариантом крестьянской реформы.

Третьим общественно-политическим вопросом, по которому разошлись Кавелин и Чичерин, стал университетский вопрос. В общественно-политической ситуации начала 1860-х гг. разгорелась острая дискуссия по поводу внутренней организации университетов. Б.Н. Чичерин выступал в начале 1860-х гг. с лозунгом «либеральные меры и сильная власть». Он полагал, что русское общество находилось в состоянии крайнего возбуждения, идейного хаоса, оказалось под властью «настроений улицы». С его точки зрения, в таких условиях самым благоразумным было поддерживать либеральные меры, осуществляемые сильной властью, и сделать акцент на дисциплинирующих общественное сознание ценностях. Консервативный либерализм Чичерина предопределял особенности его взгляда на университеты: в них он тоже хотел видеть дисциплинирующее

начало для юношества. К.Д. Кавелин, в отличие от Б.Н. Чичерина, видел опасность чрезмерного усиления позиций самодержавного государства и считал необходимым поддержание здорового, разумного баланса государственных и общественных сил. В представлениях Кавелина обретали особую значимость общественные институты, которые могли бы составить систему противовесов, гарантировать устойчивость либерального курса. Поэтому университеты в восприятии Кавелина становились «школами самоуправления».

Кавелин, действительно, был радикальнее Чичерина, поскольку считал, что уже нужно было делать первые шаги, готовящие общество (и его молодых представителей) к деятельности самоуправления. Очевидно, Кавелин больше верил в силы интеллигенции, чем Чичерин. Последний о русской интеллигенции говорил, что она «предалась тому неистовому беснованию, которое так возмущало» его в Герцене. Возможно, Чичерину веру в интеллигенцию (не вообще, а на данном политическом этапе) заменяли упования на государственную власть. Но для Кавелина государство было инструментом, которым пользуются реальные люди, а к осени 1861 г. пытались восстановить влияние противники реформ. Со злой иронией Кавелин вопрошал Чичерина: «Ведь правительство победоносно шествует к благу Отечества?» Но, может быть, «Вы имели в виду не то правительство, с которым мы все имели дело, а другое, сложившееся в Вашем воображении?» [5]. В принципе, Кавелин тоже мог бы устроить лозунг «либеральные меры и сильная власть», но он не верил в его реалистичность в конкретно-исторической ситуации. Кавелин вполне ясно сознавал факт постоянного тяготения государственной власти к реакционным отступлениям от реформаторского курса и считал нужным организовать этому противодействие со стороны общественного движения.

1. *Китаев В.А.* От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х гг. XIX в. М., 1972. С. 95–99.

2. *Кавелин К.Д.* Сочинения. М., 1859. Ч. 3. С. 462, 463.

3. *Герцен А.И.* Собр. соч. М.; Л., 1919–1925. Т. IX. С. 420.

4. Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену. Женева, 1892. С. 27.

5. *Чичерин Б.Н.* Московский университет. М., 1929. С. 16–17, 31–32, 62–63.

Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Отличительной чертой современного состояния отечественной науки является резкое падение авторитета официальных экспертных инстанций и предлагаемых этими инстанциями механизмов демаркации научного знания. Примеры очевидной недееспособности ученых, диссертационных, экспертных и других подобных «советов» слишком хорошо известны, чтобы лишний раз заострять на них внимание, а дискуссия о причинах данного явления выходит далеко за рамки, обозначенные в теме доклада. Интереснее задуматься о том, какие институции и структуры могут быть противопоставлены стремительно деградирующей официальной академической системе для сохранения российских научных традиций, и в частности, что может (и что не может) дать научному сообществу глобальная компьютерная сеть.

Первые опыты обмена информацией на больших расстояниях по компьютерным сетям (ARPANET, 1969) финансировались Министерством обороны США и имели своей целью обеспечение эффективного управления войсками в условиях атомной войны. Однако военная по природе своей инфраструктура была быстро приспособлена к нуждам обмена информацией между научными центрами: произвести такое перепрофилирование было тем проще, что именно ведущие научные центры Америки выступали основными разработчиками соответствующих технологий и программных продуктов. Уже к середине 1980-х гг. основными пользователями глобальной компьютерной сети стали ученые. «Научная» природа интернета ощутимо сказалась на используемом в сети языке разметки данных HTML, содержащем (например) развитый инструментарий для оформления цитат (тэги `<cite>` и `<blockquote>`, введенные уже в первый официально принятый стандарт языка), использование которых характерно прежде всего для научно-исследовательских публикаций. Совершенствование компьютерных технологий, сопровождавшееся их упрощением для массового пользователя, изменило социальный состав посетителей сети, однако ее научные функции не только сохранились, но и расширились, свидетельством чему может служить возникновение в рамках Web 2.0 жанра научных интернет-конференций.

© Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева. 2012

Сегодня в российском сегменте интернета существуют разнообразные формы научной коммуникации. Большую роль при выстраивании связей между представителями разных научных школ и центров играет популярный блог-сервис «Живой Журнал», в рамках которого создан ряд профессиональных исторических сообществ. Значимым научным инструментом являются социальные сети – ВКонтакте, Facebook и др. Кроме того, существует ряд тематических сайтов (как «вебдванольных», т. е. ориентированных на динамический контент, порождаемый самими пользователями, так и более традиционных статических); в качестве примера можно привести сайты Российского общества интеллектуальной истории (<http://roii.ru/>), НОЦ «Новая локальная история» (<http://www.newlocalhistory.com/>) или сайт Источниковедение.ru (<http://ivid.ucoz.ru/>). Способно ли это коммуникационное пространство образовать «невидимый колледж», восполнив недостатки традиционных образовательных и экспертных систем?

Прежде всего, научное сообщество нуждается в инструментах информационного обмена. Студенты и дипломированные ученые должны получать сведения об опубликованных книгах, готовящихся и прошедших мероприятиях, грантах, программах обмена и т. п. Характерная для интернета оперативность распространения сведений способствует эффективному выполнению данной функции перечисленными выше сетевыми ресурсами. Некоторые неудобства создает далекий от прозрачности правовой режим публикации в интернете полных текстов вышедших изданий, хотя повсеместное развитие подобной практики было бы важно не только с точки зрения экономии ресурсов, но и в плане эффективности работы. Однако закрытые научные сообщества, строящиеся на доверии участников, располагают всеми возможностями как для исключения плагиата, так и для минимизации юридических последствий, вытекающих из расхождения российского (да и мирового) законодательства в области авторского права с требованиями повседневной практики. В целом, научно-информационные функции выполняются сетевыми ресурсами на удовлетворительном уровне.

Следующим важным элементом «невидимого колледжа» является взаимная экспертиза. В этом отношении положение интернет-ресурсов двояко.

С одной стороны, оперативная публикация результатов научных исследований открывает широкие возможности для экспертизы, а технологии Web 2.0 предоставляют для этого весь необходимый

инструментарий (прежде всего в виде возможности комментировать представленный на интернет-странице текст). В результате ученый получает быстрый и, как правило, весьма поучительный отклик на результаты своих штудий.

С другой стороны, принципиальная открытость многих интернет-ресурсов неограниченному кругу посетителей снижает эффективность сетевой экспертизы, вынуждая тратить время на изучение суждений, написанных либо безграмотными (а иногда и психически неадекватными) людьми, либо сетевыми вандалами. Жесткие ограничения доступа к дискуссионным площадкам не всегда эффективны, и, кроме того, противоречат принципу открытости научной информации. Практика показывает, что для научных ресурсов необходима особая, более тонкая, чем в «обычном Web 2.0», политика модерирования, направленная на сохранение конструктивного духа ведущихся дискуссий. Возможно, элементом такой политики могла бы стать обязательная публикация подлинных профилей всех посетителей того или иного сайта / участников того или иного сообщества (наподобие того, как это сделано на сайте «Источниковедение.ru»). Для сообществ, позиционирующих себя как «Школы», такой уровень открытости представляется совершенно необходимым. Однако практика показала и то, что публикация данных о себе на некоторых сайтах может быть воспринята администрацией основного работодателя как жест несогласия и даже возыметь определенные административные последствия. Кроме того, анонимность является неотъемлемым элементом сетевой культуры. В итоге, рекомендовать публикацию подлинных профилей как средство от всех негативных проявлений специфики сетевого общения не представляется возможным.

Наконец, каждое более или менее развитое сообщество (и научное сообщество в том числе) располагает собственным социолектом, запасом слов и выражений, имеющих хождение только среди «своих» и служащих этим «своим» инструментом идентификации (а заодно и воплощением идентичности). Одна из отличительных черт научных социолектов – нарочитый, демонстративный пуризм. Гипертрофированное внимание к языковой форме обусловлено как самосознанием ученых в качестве социального слоя, ответственного за сохранение культуры, так и практическими соображениями: многие из насаждаемых «правильных» слов представляют собой термины, а небрежное использование терминов является свидетельством непонимания стоящей за ними методологической модели. В этом послед-

нем отношении следование терминологическим конвенциям практически равняется следованию принципам Школы как таковой. К сожалению, сетевое пространство мало способствует сохранению научных социолектов. Причиной тому и акцент на оперативность коммуникации (комментарии, как правило, не перечитываются), и неудобство форм комментирования, и, наконец, абсолютное доминирование даже не письменной, а машинописной формы представления информации, хотя социолект включает в себя, среди прочего, и определенные произносительные навыки. Из интернета нельзя узнать, как говорить, дИскурс или дискУрс, а сокращения виды / сиды заведомо выиграют у более «интеллигентных» вспомогательные / специальные исторические дисциплины за счет меньшего числа нажатий на клавиши. Обучение научному языку сетевыми средствами возможно, но будет существенно менее эффективно.

В целом, сетевые технологии являются вызовом для научного сообщества. Однако отвечать на этот вызов необходимо. В нынешних условиях умение эффективно представить себя в сети является залогом выживания науки как таковой.

Ю.П. Денисов

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ИСТОРИКОВ-КРАЕВЕДОВ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В эпохи политических модернизаций личность интеллектуала неизбежно сталкивается с трансформацией коммуникативных практик. Именно в процессе осуществления коммуникации её участники, в качестве которых выступают как отдельные индивиды, так и формальные и неформальные институты, продуцируют, трансформируют, репрезентируют и воспринимают образы, которые являются ключевыми для их интеллектуальной деятельности. Трансформации коммуникативных практик неизбежно влекут за собой трансформации такого рода образов, а, следовательно, и изменения всей жизни интеллектуальных сообществ.

На сломе тысячелетий, в 1990–2000-е гг. всё коммуникативное поле российских интеллектуалов оказывается кардинально модифицированным. Крушение в 1991 г. советской политической и эко-

номической системы практически одновременно в числе прочего включает интеллектуальные сообщества возникшего постсоветского пространства в орбиту глобальных, общемировых трендов. Один из них условно может быть обозначен как «тотальное проникновение World Wide Web».

Воздействие WWW на коммуникативные практики отечественных интеллектуалов уже многократно подвергалось глубинной рефлексии и обсуждалось в дискуссиях. Примерами тому могут служить, скажем, публикация целой плеяды ярких статей на страницах журнала «НЛО», клиометрические изыскания Л.И. Бородкина, Т.Я. Валетова, В.Н. Владимирова и др., исследования специализированных интернет-ресурсов, проведённые И.М. Каспэ, Л.П. Афанасьевой, Б.В. Дубиным и т. д.

В этих условиях представляется целесообразным обращение к более узким проблемам, связанным с анализом интернет-коммуникации, в нашем случае, коммуникативных практик историков-краеведов в пространстве русскоязычного интернета. Вовлечение данной проблемы в сферу междисциплинарных исследований представляется особенно продуктивным в силу того, что она входит также в состав чрезвычайно актуальной ныне проблематики региональной идентичности. Как известно, результаты краеведческих и локально исторических исследований являются одним из источников представлений о родном регионе и одним из элементов, составляющих фундамент региональной идентичности. Посредством коммуникативных практик историков-краеведов, реализуемых в виртуальном пространстве интернета, осуществляется одновременно репрезентация образа региона и образа самой науки, занимающейся его исследованием, в сознание той части населения, которая испытывает интерес (профессиональный, обыденный, любительский, или какой-либо иной) к истории «края».

Интернет открывает широкий спектр возможностей для установления и укрепления формальных, полупоформальных и неформальных связей внутри корпорации историков в целом, и в среде историков-краеведов частности. При этом по характеру научная коммуникация в интернете может оставаться как адресной или безадресной [1].

Коммуникативные практики историков-краеведов в виртуальном пространстве многообразны. Одним из наиболее важных структурных компонентов любой научной коммуникации, в том числе и историко-краеведческой интернет-коммуникации, являются непо-

средственные связи. Они реализуются, в частности, посредством личной переписки по электронной почте, обмена сообщениями, видео – и аудиообщения через бесплатные программы Интернет («Skype», ICQ, Agent Mail и т. п.), посредством межличностных контактов в социальных сетях. На данном этапе в социальных сетях и в блогосфере возникают и функционируют историко-краеведческие неформальные сообщества, которые, с одной стороны, предполагают осуществление персональных межличностных контактов, а, с другой стороны, являются открытыми на входе. Отметим, «Краевед» в социальной сети «Twitter» (<https://twitter.com/kraeved1>), сообщество «Краеведение, Самарская область» в социальной сети «Facebook» (<http://www.facebook.com/Yurigu.Samara?ref=ts&fref=ts>), группу «Историческое краеведение Алтайского края» в социальной сети «ВКонтакте» (<http://vk.com/istoriaaltkr>) и т. д.

Сообщества историков-краеведов функционируют и в рамках специализированных историко-краеведческих форумов. Например, специализированный форум тульских краеведов на данный момент насчитывает 1129 зарегистрированных пользователей, открыто 4736 тем. На форуме сайта «Окрестности Петербурга» (<http://www.forum.aroundspb.ru>) 18 разделов, только в историко-краеведческом разделе содержится 12765 сообщений и открыто 1209 тем. Сумма всех сообщений, хранящихся на сегодняшний день на форуме, составила 106610. И это при том, что форум активно модерировается. В Сети существуют и менее активные форумы. Так на форуме Пензенских краеведов зарегистрировано всего 27 постоянных пользователей, открыто 97 тем.

«Виртуальная реальность» способствует расширению, интенсификации и усложнению связей историков-краеведов, опосредствованных техническими средствами тиражирования информации, таких как публикации (книги, научные и реферативные журналы, сборники научных трудов, материалов конференций и др.), препринты, непубликуемые материалы (научные отчеты, экспериментальные данные и др.). В пространстве русскоязычного интернета функционирует не менее 166 электронных ресурсов национальных, краевых, областных библиотек и библиотек других уровней, на которых размещены историко-краеведческие каталоги и полнотекстовые базы материалов по краеведению.

На просторах Рунета существуют и электронные историко-краеведческие библиотеки, не имеющие своих прямых прототипов

«в реале». В качестве примеров можно привести: электронную краеведческую библиотеку «Русский Север» (ЭКБ), которая представляет собой общедоступный информационный ресурс и комплексную информационную систему сбора и хранения краеведческих документов в цифровом формате (<http://www.aonb.ru/ekb/>), архитектурно-краеведческую библиотеку Русского города (<http://www.russiancity.ru/books/biblio.htm>), краеведческую библиотеку Вологды и Вологодской области (<http://www.booksite.ru/library/index.htm>) и т. д.

В русскоязычном сегменте Всемирной Паутины значительное место занимают и полнотекстовые архивы историко-краеведческих периодических изданий. В частности, 22 марта 1998 г. был запущен проект под названием «Сибирская заимка» (<http://zaimka.ru>). «Сибирская Заимка» является общедоступным научно-популярным ресурсом. Он ориентируется как на профессиональных исследователей сибирской истории, так и на «простых читателей». Размещённый на сайте архив включает в себя публикации 1998–2011 гг. и состоит из 5 рубрик «Археология», «Кочевые народы», «Освоение Сибири», «Религия и люди», «История казачества» Большинство опубликованных на сайте материалов были предоставлены в распоряжение редакции их авторами или издателями. На сайте также имеются разделы «Социальная история», «Личность в истории», «Научная жизнь» и т. д. Также в Интернете представлены и другие сайты, содержащие полнотекстовые базы, например, сетевой альманах Ю.С. Самохина «Вопросы краеведения: теория и практика» (<http://kraevedenie.chat.ru/content0.html>, последнее обновление 09.09.2010), краеведческий альманах «Мой Алтай», выходящий под редакцией Вячеслава Горбунова (<http://www.myaltai.ru/>) и др.

Важным структурным элементом коммуникативных практик историков-краеведов в виртуальной реальности являются и «смешанные связи». К ним можно отнести проходящие on-line научные семинары, конференции, симпозиумы, научно-технические выставки и др. Сегодня всё больше и больше научных мероприятий, на которых поднимаются проблемы краеведения, проводится с использованием on-line-технологий, а информация о них распространяется через рассылку по электронной почте и публикации на различных сайтах. Подтверждением тому служит наша сегодняшняя конференция.

Всё выше сказанное свидетельствует о том, что для виртуального пространства характерны многообразие, многоформатность и многовариантность коммуникативных практик историков-краеведов.

World Wide Web позволяет легко связывать в единую сеть специалистов-краеведов, проживающих в различных регионах и не имеющих возможности встречаться лично. Интернет-ресурсы привлекают большое число участников коммуникации, значительно интенсифицируют обмен информацией и позволяют представить её с минимальными финансовыми затратами. Вместе с тем, воздействие WWW на коммуникативные практики историков-краеведов, выдвигают новые проблемы: проблему верификации информации, содержащейся в интернет-ресурсах, проблему её отбора, проблему классификации и структурирования сайтов, проблему их конкурентоспособности в Мировой Сети и др.

1. *Богданова И.Ф.* Онлайнное пространство научных коммуникаций // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 1. С. 140.

М.Л. Бережнова

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА «КУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ» – НОВАЯ ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИОННАЯ ПЛОЩАДКА*

Мы привычно определяем современность как информационную эпоху, говорим об информационном обществе. Общеизвестно, что под влиянием новой ситуации изменяются сами способы коммуникации людей. М. Кастельс предпочитает оперировать понятием «сетевое общество», понимая под ним социальную структуру, характеризующую, пусть и с большим разнообразием проявлений в зависимости от культурной и институциональной специфики, саму информационную эпоху развития общества. Другой тезис, определяющий суть информационной эпохи, касается «информационного» способа развития, когда источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Информационное общество обладает, по М. Кастельсу, также и «новой электронной культурой» [1]. Предва-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-01-12040 «Информационная система "Культурные ресурсы Омской области: прошлое и настоящее"».

рив сообщение этими, казалось бы, далекими от конкретной темы рассуждениями, перейдем к характеристике сайта Сибирского филиала Российского института культурологии.

Сайт размещен в сети под название «Культурологические исследования в Сибири» [2] в мае 2010 г. С 2012 г. сайт развивается при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Цель поддержанного фондом проекта – предоставить ученым и широкой общественности информацию о культуре Омского региона в прошлом и настоящем. Планируется, что создание информационной системы позволит получить справочную информацию по истории культуры региона, региональных учреждениях культуры и общественных организациях, работающих в этой сфере. Размещение подготовленных материалов на общедоступном сайте позволит решить проблемы оперативного распространения информации, быстрого получения необходимых для исследовательской деятельности сведений, сформировать целостную картину культурных ресурсов региона.

Другая задача проекта – представить научному сообществу и широкой общественности результаты научных исследований в области культурологии. Проводимые в настоящее время в Западной Сибири культурологические исследования и их результаты имеют большое научное значение, важны для современного гуманитарного знания. Однако исследователям из регионов России трудно выйти на широкую аудиторию в силу пороков современного издательского дела и, прежде всего, малодоступности и малоизвестности современных научных публикаций. В создаваемую информационную систему предполагается включить научные материалы по истории культуры и культурной политики, подготовленные омскими учеными. На сайте будут размещены научные монографии и статьи, публиковавшиеся ранее, востребованные научным сообществом, а также научные статьи, ранее публиковавшиеся в малотиражных или полностью разошедшихся изданиях.

Коллектив исполнителей проекта – сотрудники Сибирского филиала Российского института культурологии (далее – СФ РИК), которые в рамках проводимых плановых исследований аккумулировали значительный материал по культуре региона и проводят мониторинг разнотипных информационных ресурсов, включающих материалы по культуре региона. Результаты научных исследований сотрудников СФ РИК мы предполагаем размещать в системе в полнотекстовых вариантах, о других материалах сообщать в новостных

лентах и пропагандировать их, предлагая потребителям коллекцию гиперссылок.

Размещение материалов в сети Интернет позволяет познакомиться с культурой Омской области ученых из разных регионов России и всего мира, обеспечить оперативное распространение информации, быстрое получения необходимых для исследовательской деятельности сведений, сформировать целостную картину культурных ресурсов региона. Сверхзадачей проекта является формирование коммуникационной площадки, которая объединила бы заинтересованных в предлагаемой информации пользователей Интернета.

Однако именно продвижение проекта вызывает наибольшие сложности. В одной из статей, посвященных развитию гуманитарного сегмента Интернета, была высказана такая мысль: в условиях преимущественно печатного распространения полученного знания в дефиците была бумага, редакторские и полиграфические услуги. В современных условиях – в дефиците внимание заинтересованной аудитории. Существуют широко практикуемые методы продвижения сайтов: регистрация сайта в поисковых системах, размещение ссылок в web-каталогах, обмен ссылками на сайт с другими ресурсами.

Одним из методов привлечения внимания к сайту является создание коммуникативной площадки, т. е. таких страниц, которые позволяют установить обратную связь с посетителями сайта в виде форума. Одного технологического решения здесь недостаточно. Не проводя специальных опросов, ориентируясь на аргументы, выдвигаемые при обсуждении проблемы в служебных или личных беседах, можно выделить такие предубеждения и страхи научного сообщества:

– зачем тратить силы на интернет-публикации и интернет-обращение, если это не дает действенного результата (установления деловых связей, появления новых исследовательских проектов, обретения известности или признания сообщества);

– наука – профессиональная сфера, т. е. деятельность должна быть оплачена или, о чем говорят чаще, должна приносить результат в виде возможности отчитаться перед работодателем;

– Интернет не защищает авторские права, нет желания «дарить» свои разработки.

Список таких высказываний может быть продолжен, но сводится в целом к тому, что деятельность в Интернете не дает моральной и материальной удовлетворенности. Одновременно формируется и предубежденность против уже размещенных материалов (кто

их готовил, насколько имеющиеся ресурсы научны и т. д.). В результате, информационная насыщенность многих сайтов гуманитарной направленности незначительна, что отталкивает от существующих ресурсов широкие круги пользователей.

Другая причина дефицита внимания более серьезна. Ученые, как правило, не снижают уровень требований к материалам для интернет-публикации. Приходящие же на научные сайты пользователи ищут справочную информацию, фотографии, графику, видео, учебные материалы, интересные публикации для чтения на досуге. Не найдя нужного материала, информационную нишу заполняют случайные люди случайными, часто «желтого» характера, текстами. Такой Интернет, в свою очередь, в глазах научного сообщества подтверждает мнение о нем как «всемирной свалке».

Многое из изложенного не является специфической проблемой электронной коммуникации или электронной культуры. Формат общения в гуманитарном научном сообществе зачастую сводится к практике «прочитал – принял во внимание», реже: «прочитал – ответил рецензией». Научные дискуссии в гуманитарной науке в любой их форме (печатной, на научных форумах) происходят все реже. Соответственно, не просто привить практику двустороннего общения в Интернете, превратить пусть постоянно обновляющийся, но статичный, сайт в место общения, желательно – место профессионального общения.

Однако, по логике М. Кастельса, в информационном обществе не обойтись без соответствующей электронной культуры, которая, в том числе, реализуется в виртуальной коммуникации, место которой создается уже сегодня.

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. 608 с.; *Он же.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004. 328 с.

2. Культурологические исследования в Сибири [сайт]. URL: <http://sfrik.omskreg.ru>.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ – НОВАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Для характеристики взаимодействия власти и общества не только в политологии, но и в обыденной жизни используется понятие «политическая система», представляющая собой совокупность всех общественных структур в их политических аспектах. Помимо собственно политических институтов она включает социальные и экономические структуры, исторические традиции и ценности общества, культурный контекст. Взаимодействие власти и общества имеет системный характер: изменения в неполитических сферах осуществляются под влиянием политики, а трансформации в структуре власти происходят под давлением социальной среды. Влияние органов власти и социума друг на друга может быть как прямым, на основе выполнения политических ролей (наделение друг друга определенными правами и обязанностями), так и косвенным, например, посредством законодательных инициатив (изменение налогов, финансирование социальных проектов и т. д.).

Недавние события в России и мире («Арабская весна», акции международного движения «Захвати Уолл-Стрит», лондонские погромы 2011 г., рост протестных настроений и митинговая активность россиян 2011–2012 гг.) актуализируют необходимость изучения проблемы взаимодействия власти и общества, которая стала особенно острой с появлением новых форм межличностной коммуникации, изменением параметров контакта власть – население, высокими темпами информатизации общества, сыгравшими не последнюю роль в трансформации политического ландшафта некоторых государств. Понимание этих тенденций будет способствовать не только определению характера изменений социальной и политической систем, вектора их дальнейшего развития, но и возможно позволит эксплицировать более масштабные метаморфозы современной культуры, по отношению к которым рассматриваемые нами явления выступают в качестве симптомов.

В целом можно выделить три уровня коммуникации между властью и населением: реальный уровень (непосредственное двустороннее политическое взаимодействие: снизу – вверх и сверху – вниз),

медийный уровень (посредством СМИ) и сетевой (политическая коммуникация в пространстве Интернета). На наш взгляд, специфика отношений власти и общества на современном этапе состоит в том, что сфера политики, в традиционном понимании этого слова, стала во многом виртуальной, а публичные площадки общественного пространства – опустели. Существовавшие ранее места принятия коллективных решений относительно частных жизненных проблем, например, древнегреческая агора или собрание жильцов многоквартирного дома в наши дни отсутствуют. Сегодня роль подобных промежуточных общественных/частных мест, где происходят встречи, ведутся споры и переговоры взяли на себя компьютерные социальные сети.

Процесс виртуализации реальности, выходящий за узкие рамки альтернативных миров компьютерных игр, затронул в наши дни различные сферы культуры: экономику, науку, образование, искусство, не обошел он стороной и политическую область. Сегодня в политике действуют не конкретные люди, обладающие твердыми принципами и несущие ответственность за свою работу, а их имиджи, которые конструируются под заказ в PR-агентствах с применением различных политтехнологий. Партии приобрели образ брэндов, олицетворяющих некоторые ценности, и фактически не выражают интересов избирателей, а лишь имитируют эту функцию. Электорат поддерживает не конкретные дела политиков, а их виртуальные образы, наполненные виртуальными смыслами, подкрепленные популистской программой действий, которая также потенциальна, так как содержит лишь теоретическую возможность реализации планов, их актуализацию. Поскольку власть в наше время расценивается исключительно как обладание и управление ресурсами, то борьба за нее превратилась в главную задачу и основной род деятельности политиков. Разделение ветвей власти имеет сегодня условный характер и является чисто символически. Традиционные институты политической системы выполняют лишь церемониальную функцию, занимаясь фиктивной деятельностью, легитимируя решения, принятые за закрытыми дверями неформальных встреч и консультаций («Парламент – не место для дискуссий»). Как метко выразился З. Бауман: «Что касается власти, она уплывает с улиц и площадей, из актовых залов и парламентов, местных и общенациональных правительств в недостижимую для контроля граждан экстерриториальность электронных сетей. В настоящее время любимые стратегические принципы власть

имущих – бегство, уклонение и независимость, и их идеальное состояние – невидимость» [1].

Такие факторы как бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, рост общего числа пользователей сети Интернет, огромная популярность компьютерных социальных сетей во всем мире, оказывают существенное влияние на традиционные формы взаимодействия власти и общества, вынуждая последние брать курс на интеграцию с новыми мультимедиа ресурсами. Компьютерная социальная сеть в данном случае – интерактивный многопользовательский веб-сайт, который предоставляет возможность идентификации (регистрация, создание личной страницы, профиля и т. п.) и имитации социальных связей (добавление в «друзья», в «список контактов»). Примером подобных сайтов, выступающих в качестве платформы для общения, поиска людей, получения информации, развлечений являются: международные социальные сети Facebook, MySpace, их российские аналоги «ВКонтакте», «Одноклассники», «Мой мир».

Российские власти также осознают неизбежность адаптации к новым реалиям информационной эпохи, следствием чего является политика информатизации страны, направленная на обеспечение населения доступным и быстрым Интернетом, искоренение компьютерной безграмотности (прежде всего среди госслужащих), введение электронного документооборота и т. д. Параллельно идет выработка нового инструментария эффективной коммуникации власти и населения (пока безуспешная), примером чего может служить реализация проекта «большое правительство». Важная роль в этом отводится и компьютерным социальным сетям. Политологи и социологи небезосновательно видят в социальных сетях удобную площадку для построения гражданского общества так называемой «цифровой демократии». В информационно-коммуникационном пространстве социальной сети правозащитное объединение или политическое движение конституируется не сверху, как в случае с Общественной палатой РФ, а оформляется стихийно снизу, на добровольных началах исключительно по инициативе самих участников. Именно подобные децентрализованные сообщества с присущим им альтруизмом, активной гражданской позицией, свободой слова в дальнейшем могут распространить принципы подлинной демократии за пределы электронного социума. Поэтому не случайно в октябре 2011 г. Д.А. Медведев заявил о необходимости использования социальных сетей как механизма обратной связи [2]. Существует множество примеров, ко-

гда активное обсуждение в интернет-сообществах наиболее спорных решений властей заставляло последние прислушиваться к общественному мнению, принимать адекватные меры, изменять свою позицию. Однако возможен и негативный вариант коммуникации – конфликтный, который был реализован в известных событиях на Ближнем Востоке и получил название «твиттерная» революция.

Таким образом, компьютерные социальные сети как новая форма взаимодействия власти и общества позволяют частично сгладить проблему исключения влияния людей на общественные процессы в государстве. Между тем, не стоит забывать, что, будучи проводником идеологии потребления, институт медиа не заинтересован в формировании у своей аудитории гражданской позиции, более того мощный информационный ресурс социальных сетей может использоваться государством в качестве инструмента манипулирования общественным сознанием. Все это лишний раз свидетельствует о важности дальнейшего осмысления обозначенных тенденций.

1. Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 48.

2. Засурский И. Русский Альберт Гор. «Большое правительство» и информационная революция // Частный корреспондент: мультиформатное интернет-издание. 2008–2012. URL: http://www.chaskor.ru/article/medvedev_eto_russkij_albert_gor_25256 (дата обращения 10.03.2012).

Т.В. Бернгардт

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СИСТЕМЕ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Библиографическая коммуникация – процесс взаимодействия субъектов с помощью библиографического знания, обмен информацией о текстах [1].

М.П. Мохначёва выделяет такое свойство библиографической информации, как отражение индивидуального и общественного сознания в значении знания. Библиографические источники, считает автор, – это своеобразная форма бытования научно-исторической мысли. Они наделены двойной информационной энергетикой, позволяющей рассматривать их в качестве источников получения нового знания [2].

© Т.В. Бернгардт, 2012

В библиографических пособиях, предназначенных для специалистов, отражается интеллектуальная деятельность учёных, их представления о структуре и содержании исследовательского поля науки. Изучение структуры библиографических пособий, состава и содержания научно-справочного аппарата, используемых приёмов свёртывания квантов знания дают возможность выяснить их роль и место в системе социальных/научных коммуникаций. Для иллюстраций высказанных положений обратимся к опыту 1920-х гг.

Необходимость иметь источники фиксированной информации всё более совершенные, ёмкие, позволяющие накапливать избыточную информацию об изучаемом объекте была всегда. И совершенно очевидно, что существенную роль в приращении информации подобного рода во все исторические периоды играли библиографические источники. Для историографической ситуации, сложившейся в России в последней трети XIX – начале XX вв. было характерно взаимовлияние естественных и гуманитарных наук, в основе которого лежали признаки позитивизма. По мнению современных исследователей, «никогда ранее в общую концепцию истории с такой интенсивностью не вплетались археология, этнография, культурология, география, социально-экономические факторы» [3]. Авторы включали в библиографические пособия литературу из смежных областей знания, дополняющих или помогающих объяснить отдельные вопросы истории. Специалисты подходили к созданию указателей литературы с учётом исследовательских интересов учёных, занимающихся изучением конкретной проблемы.

Изучение малых народов в 1920-е гг. прошлого столетия являлось одной из актуальных задач. Вопросы этнографии Сибири получили отражение в ряде библиографических пособий. Указатель литературы М.К. Азадовского «Литература по этнографии Сибири за последнее десятилетие XIX в.» (Иркутск, 1924) продолжил «Сибирскую библиографию» В.И. Межова. Характер деятельности автора любого указателя литературы определяется его индивидуальностью, склонностями и интересами, ориентацией на определённые условия, предпочтительные для потребителя библиографической информации. Пособие М.К. Азадовского содержит сведения о 740 работах по этнографии Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, частично представлена литература, относящаяся к предметам, дополняющим или помогающим объяснить отдельные темы. Автор включил в него публикации по антропологии, археологии, лингвистике, диалектологии, истории, физической географии и экономике.

С целью расширения поисковых возможностей библиографического пособия М.К. Азадовский детально разработал набор вспомогательных указателей: географических названий, племён и народностей, собственных имён, смежных дисциплин. С их помощью автор решил задачу создания многогранной, дифференцированной системы, облегчающей работу исследователей. За столь плодотворный труд М.К. Азадовский был удостоен серебряной медали Русского географического общества.

Хронологическим продолжением работы М.К. Азадовского являются библиографические пособия М.А. Слободского «Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях. 1901–1917 гг. Ч. I» (Иркутск, 1925) и «Этнография Сибири в исторических журналах. 1901–1917 гг.» (Иркутск, 1928). В основу работ положен материал, собранный Библиографическим бюро, которое работало первоначально в рамках Института исследования Сибири, а затем Томского университета. М.А. Слободской, объясняя хронологические рамки включённой литературы, писал «...Поздние издания [с 1918] не могли войти в картотеку Библиографического бюро, так как вследствие продолжительной оторванности ... от Европейской России они не доходили до Сибири» [4]. Указатели были не только хронологическим продолжением работы М.К. Азадовского. Все методические приёмы, использованные им, применялись и М.А. Слободским. Следование единой методике значительно облегчало работу исследователей малых народов.

Моделирование (свёртывание) текста является одним из специфических свойств библиографической информации. Это связано с её способностью замещать документ, либо публикацию, выступать в качестве модели, которой можно оперировать независимо от текста. В нашем случае результатом свёртывания явилось не только библиографическое описание, но и аннотация. При анализе библиографических указателей, подготовленных М.А. Слободским, наше внимание привлекла их информационная насыщенность.

Часть аннотаций включает сведения о содержательной стороне публикаций. Например, «Психические раздражения, вызванные фактами извне (омеряки), разряжение в отсутствии определённого объекта (менерики), форма бессознательного проявления недовольства обществом людей (ирэры)». Так же приведены сведения об иллюстрациях, фотографиях (кто изображён); о времени и месте записи сказок и песен; переводчиках; рецензиях и переизданиях; экспедициях

(кто осуществил и в какое место); даны указания на дискуссионный характер работ; если это были сведения о докладе, то где прочитан.

М.А. Слободской, так же как и М.К. Азадовский, включил в свои пособия сведения о литературе из смежных областей знания, что подтверждает наименование рубрик предметных указателей: раскопки, статистика, экономическое состояние, антропология, алфавит, административное устройство, бюджет семьи, правила вежливости, язык и т. п. Что касается объёма, то первый указатель включает в себя 342 библиографические записи, второй – 145. Здесь интересен следующий факт. В информационном письме М.А. Слободского (14 июля 1923 г.) в котором изложены основные сведения о первом из вышеназванных пособий, фигурирует цифра 622 [5]. Очевидно, что в процессе подготовки оно подверглось коррекции в сторону уменьшения объёма. Можно лишь предположить, что недостаток средств не позволил М.А. Слободскому опубликовать результаты своего труда в полном объёме.

Таким образом, правомерно говорить о библиографической коммуникации, которая возникает в ответ на коммуникативную потребность специалистов, исследующих ту или иную проблему. Представление сведений о литературе и исторических источниках с помощью библиографических пособий не только увеличивает вероятность нахождения исследователем необходимых ему в процессе работы текстов, но и влияет на степень его ценностной ориентированности в документах, что позволяет рассматривать библиографию как инфраструктуру науки, помогающую воспроизводить уже имеющееся научное знание. В то же время, сохранение традиций библиографирования, свойственных дореволюционной исследовательской культуре дают возможность говорить о библиографии как познавательной структуре отрасли знания.

1. *Фокеев В.А.* Библиография: теоретико-методологические основания. СПб., 2006. С. 80.

2. Мохначёва М.П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. I. С. 6–11.

3. *Колеватов Д.М., Корзун В.П.* К вопросам о научных контактах сибирской провинции (Г.Е. Катанаев – Е.Ф. Шмурло) // Катанаевские чтения–98: материалы докладов второй Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1998. С. 7–11.

4. *Слободской М.А.* Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях. 1901–1917. Иркутск, 1925. Ч. I. 24 с.

5. ГАНУ. Ф. П.-5а. Оп. 1. Д. 307. Л. 128.

**К ИЗУЧЕНИЮ НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ: ПРОФЕССОР МОСКОВСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ А.П. ЛЕБЕДЕВ**

В последнее десятилетие в отечественной историографии активизировался интерес к изучению творчества историков из церковной среды. На протяжении долгого времени их творчество и деятельность находилось в забвении и практически не получало научного освящения. Сейчас ситуация постепенно меняется: разворачивается публикация трудов церковных историков, появляются исследования. Показателем изменения к наследию церковных историков стало появление сборника материалов конференции, посвященной памяти профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии В.В. Болотова, где опубликованы работы светских и церковных авторов («История древней церкви в научных традициях XX века», 2000). Но далеко не все персоналии церковных историков еще получили должное освящение в исторической науке. Надо отметить, что деятельность и творчество профессора Московской Духовной Академии (Далее МДА) Алексея Петровича Лебедева (1845–1908) остались мало исследованными.

Алексею Петровичу принадлежит широкий круг трудов по истории Церкви. В своих исследованиях он поднял изучение истории Церкви на новую высоту в нашей стране, она перестала быть второстепенной наукой, вышла на передовые позиции. Его работы и в наше время не потеряли своего значения. Особый интерес для исследования представляют его труды по церковной историографии, в которых он проследил становление церковного историописания от момента ее возникновения до начала XX в. [1] В современной отечественной церковной историографии явно недостаточно исследований, которые были бы посвящены изучению его церковно-исторических взглядов, большинство исследований имеют статус статей, и практически нет серьезных фундаментальных монографий. При этом исследовательская литература мало обращает внимание на становлении личности А.П. Лебедева как церковного историка. Серьезным и существенным вкладом в изучение творчества А.П. Лебедева стала статья д.и.н. И.В. Кривушина – «Церковник историк и церковно-историческая наука: момент осмысления», в которой автор наметил основные черты методологии историка [2].

До сих пор остается практически не тронутым и не изученным архивный фонд профессора А.П. Лебедева, который находится в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки. В нем содержатся материалы за 1860-е – 1908 гг., в количестве 81 единицы хранения. Также должны быть исследованы научные коммуникации ученого, как внутри духовно-академического сообщества, так и во взаимодействии со светским научным сообществом. Внутришкольным коммуникациям А.П. Лебедева посвящено мало исследований. Сюда можно отнести работы Иоанна (Экономцева) «Историческая школа Московской Духовной Академии», Г.П. Мягкова «У истоков исследовательских школ в отечественной церковно-исторической науке», Н.Н. Воробьевой «К характеристике отечественных церковно-исторических школ второй половины XIX – начала XX в.» [3]. Эти работы рассматривают профессора А.П. Лебедева в качестве представителя исторической школы МДА, отмечают его значимость и характерные черты исследований, которые он унаследовал от этой школы. Но при этом содержательно очень мало затрагивают, каким именно путем и с каким конкретно историками взаимодействовал А.П. Лебедев. Публикаций, которые бы освящали взаимодействие и сотрудничество церковного историка с историками гражданскими или представителями других областей гуманитарного знания вообще нет.

Еще остается открытым вопрос об исторических взглядах А.П. Лебедева. Не рассмотрено его творчество в сравнении с европейской церковно-исторической мыслью. Через такое сравнение можно будет определить место автора в контексте мировой церковной историографии. Требуется тщательного анализа методологическая позиция автора. Дореволюционная церковная историография выработала определенную методологию изучения, но как она реализовалась на примере А.П. Лебедева, еще основательно не исследовалось. А ведь изучив методологию церковных историков, можно будет сравнить ее с методологией гражданских историков и выявить сходства и различия, установить взаимовлияния.

В заключении следует подчеркнуть, что дальнейшее развитие отечественной церковной историографии немислимо, без изучения предшествующей дореволюционной традиции, в рамках которой имя и деятельность А.П. Лебедева, безусловно, значимы.

1. См., напр.: *Лебедев А.П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2001. 480 с.; *Он же.* Очерки развития протестантской церковно-исторической науки в Германии (XVI–XIX века).

М.: Тип. Лаврова, 1881; *Он же*. Два пионера церковно-исторической науки у нас и немногие сведения о жребиях их преемников: I. Мефодий (Михаил) Смирнов; II. Иннокентий (Иларион) Смирнов // Богословский вестник, 1907. Т. 2. № 5. С. 101–167.

2. *Кривушин И.В.* Церковный историк и церковно-историческая наука: момент осмысления // Лебедев А.П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2001. С. 5.

3. *Мягков Г.М.* У истоков исследовательских школ в отечественной церковно-исторической науке // Исторический ежегодник 2002–2003. Омск, 2003. С. 68–74; *Воробьева Н.Н.* К характеристике отечественных церковно-исторических школ второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2006. Вып. 2. С. 44–57.

А.Н. Зарубин

АРХИВ ИСТОРИКА П.Н. АРДАШЕВА В ИНСТИТУТЕ РУКОПИСЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ УКРАИНЫ ИМ. В.И. ВЕРНАДСКОГО

Современное научное сообщество все больше осознает необходимость тщательного изучения личных архивных фондов дореволюционных ученых-историков для лучшего познания их творчества. Свидетельством этого служат вышедшие в 2000-е гг. первый и второй выпуски «Каталога личных архивных фондов отечественных историков» под редакцией С.О. Шмидта. Тем не менее, состав многих личных архивных фондов дореволюционных историков до сих пор остается мало исследованным. Одним из малоизвестных историков-новиков конца XIX – начала XX в. был Павел Николаевич Ардашев (1865–1924), основной темой творчества которого была история Старого порядка во Франции [1]. Архивные материалы, связанные с жизнью этого ученого, рассеяны по различным архивам России и Украины. Часть этих материалов находится в фонде Ардашевых в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (фонд В.И. Герье), фондах Российского государственного архива литературы и искусства (фонд А.А. Александрова) и в некоторых других архивах. Ниже дан небольшой обзор личного архива Ардашева в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины

имени В.И. Вернадского. Данный архив Ардашева – самый крупный, насчитывающий 1854 единицы хранения. Архивные материалы Ардашева в Институте рукописей собраны в двух фондах – фонде 167 (фонд П.Н. Ардашева) и в фонде I («Литературные материалы»).

В архив Ардашева входят: 1) материалы к биографии данного ученого; 2) научные работы; 3) материалы к научным работам; 4) переписка. Большой интерес представляет автобиография Ардашева, написанная им в 1899 г. на латинском языке (Ф. I. Ед. хр. 6523), копия которой хранится в РГИА в деле 70, фонде 889. Источники, характеризующие творческую деятельность Ардашева, представлены в его архиве в виде рукописных и машинописных текстов статей, рецензий. Так, сохранилось несколько статей Ардашева, посвященных якобинскому этапу Французской революции конца XVIII в. В частности, сохранились черновики и наброски статей «Очерки из времен террора» и «Психология террора», которые не были опубликованы (Ф. I. Ед. хр. 8990–8991). Кроме того, в архиве хранится словарь под названием «Терминология истории Западной Европы» (Ф. I. Ед. хр. 8973). В действительности этот словарь назывался «Реальным словарем Старого порядка во Франции», о чем Ардашев сообщал в составленных им «Сведениях о научной работе с 1918 г.». Словарь состоит из 1090 листов, одна часть из которых набрана машинописным способом, а другая написана чернилами самим Ардашевым и И.К. Григорьевой. В словаре приводятся понятия, касающиеся административной, политической, социальной и экономической истории Франции в период Старого порядка. На наш взгляд, данный не введенный в научный оборот, источник может представлять большой интерес для специалистов по истории Франции.

В архиве сохранились подготовительные материалы к магистерской и докторской диссертациям Ардашева (Ф. I. Ед. хр. 9342, 9343). Ход работы Ардашева в архивах и библиотеках Франции отражен в хранящихся в архиве отчетах о его научных занятиях за границей (Ф. I. Ед. хр. 9410–9413). Значительную часть фонда Ардашева составляют выписки, заметки из материалов французских центральных и департаментских архивов (Ф. I. Ед. хр. 9039, 9470, 9514), а также копии документов французских архивов, значительная часть которых связана с историей провинциальных штатов во Франции, над исследованием которых Ардашев работал после защиты докторской диссертации о французских провинциальных интендантах в 1906 г. Сохранившиеся в архиве рецензии и отзывы Р. Дареста, Г. Дюпона-

Ферье, А. Матъеза, А. Бретта и других французских историков на работы Ардашева позволяют дать оценку вклада данного ученого в разработку истории Франции (Ф. I. Ед. хр. 8985, 9034). В архивной коллекции историка представлены также материалы, касающиеся общественно-политической жизни России начала XX в. Это заметки о деятельности прогрессивных групп в России (Ф. I. Ед. хр. 9426), корреспонденция по поводу выступления правой группы профессоров Киевского университета в 1911 г. (Ф. I. Ед. хр. 9424).

Для понимания взаимоотношений «учитель-ученик» представляют интерес письма студентов и профессорских стипендиатов Ардашева в период его преподавания в Киевском университете в 1903–1919 гг. (Ф. I. Ед. хр. 9875, 9877, 9967, 9998, 10074; Ф. 167. Ед. хр. 74). В архиве сохранились составленные Ардашевым инструкции для научных занятий своих профессорских стипендиатов (Ф. 167. Ед. хр. 19; Ф. I. Ед. хр. 9375. Л. 3–5), а также отзывы на их отчеты о научной работе (Ф. I. Ед. хр. 9375. Л. 1–3). По истории Киевских высших женских курсов (КВЖК) представляют интерес сохранившиеся в архиве прошения курсисток, планы преподавания и порядок прохождения курсов на историко-филологическом отделении (Ф. I. Ед. хр. 9380–9381). В архиве сохранились 8 тетрадей с работами по методике истории слушательниц Киевских высших женских курсов (Ф. I. Ед. хр. 9398), деканом историко-филологического факультета которых был Ардашев. Там же имеется черновик статьи Ардашева «Университет св. Ольги» (Ф. I. Ед. хр. 9430), посвященный КВЖК.

Обширная переписка Ардашева позволяют оценить вовлеченность данного ученого в жизнь научного сообщества. Из писем историка А.М. Ону к Ардашеву выясняется, что А.М. Ону присылал Ардашеву свои корректуры диссертации о наказах 1789 г. (Ф. I. Ед. хр. 9986. Л. 1 об.). Судя по письмам, А.М. Ону высоко оценивал труды Ардашева. Когда осенью 1900 г. вышла монография Ардашева «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка. Том 1», А.М. Ону писал, что труду Ардашева «суждено занять место среди капитальных работ, а не тех научных недоносков, которыми кишит современная историческая литература» (Ф. I. Ед. хр. 9987. Л. 1–1об.). В письме от 20 ноября 1903 г. А.М. Ону писал Ардашеву: «в Вашей работе важен метод и критика [здесь и далее – подчеркивания самого А.М. Ону. – А.З.], о которой французы в первый раз услышали от Н.И. Кареева» (Ф. I. Ед. хр. 9985. Л. 1). Из писем А.М. Ону к Ардашеву мы узнаем, что А.М. Ону «свел» Ардашева

с крупным специалистом по истории Старого порядка во Франции А. Бреттом и «позднее не раз говорил ему о ценности» работ Ардашева (Ф. I. Ед. хр. 9985. Л. 1). Знакомство с А. Бреттом переросло в настоящую дружбу. В ходе переписки А. Бретт давал Ардашеву ценные указания на различные документы Национального архива Франции, в частности в архивной серии В, присылал библиографические данные интересующих его книг по истории провинциального интенданства и в целом помогал в написании текста диссертации (Ф. I. Ед. хр. 9736; Ф. 167. Ед. хр. 70). Ардашев неоднократно писал письма А. Бретту и присылал ему корректурные листы своих научных работ. Ещё до защиты магистерской диссертации, Ардашев писал брату Николаю о том, что А. Бретт «всё добивается чтобы я издал свою книгу по-фр[анцузски]. Я обещал ему пока заняться переводом этой главы [т. е. одной из глав книги «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка». – А.З.]» [2]. По настоянию А. Бретта Ардашеву удалось опубликовать свою работу на французском языке в 1909 г. В архиве также сохранилась переписка Ардашева с другими французскими учеными. Известному историку Великой французской революции, профессору Лилльского университета Ф. Саньяку Ардашев прислал свою рукопись «Les Intendants de province à la fin de l'ancien regime». Ф. Саньяк, в свою очередь, высказывал свои замечания на работу Ардашева, рекомендовал ему литературу по интересующей его проблеме и присылал свои статьи [3]. Таким же образом складывались отношения Ардашева с историком из Алансона Ф. Мурло, который не только высказывал свои замечания об исследовании русского ученого, но и присылал ему свои научные работы, советуясь с ним по поводу своей научной работы о канском интенданте Фонтетте (1752–1775) [4].

Материалы архива Ардашева позволяют дополнить сведения о его биографии и научном наследии. В то же время, как уже было замечено выше, архивные материалы Ардашева имеют не только историографический интерес. Сохранившееся в архивном фонде Ардашева многочисленные копии документов из французских архивов, собранные историком во время многократных научных командировок, могут послужить ценным источником для исследований истории Старого порядка во Франции.

1. *Ардашев П.Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты.

СПб., 1900. Т. 1. XVI, 658 с.; *Ардашев П.Н.* Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка (1774–1789). Провинциальные интенданты. Киев, 1906. Т. 2. XXII. 733 с.

2. РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 147об.

3. РГИА. Ф. 889. Оп. 1. Ед. хр. 175. 1 л.

4. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (далее – ИР НБУВ). Ф. 1. Ед. хр. 9955–9956. См. также: *Un Intendant de Caen au XVIIIe siècle: l'intendant Fontette (1752–1775), notes biographiques: par M. Mourlot // ИР НБУВ. Ф. 1. Ед. хр. 9584. Л. 3. Письмо П.Н. Ардашева к Ф. Мурло // ИР НБУВ. Ф. 1. Ед. хр. 9584.*

Т.А. Булыгина

СОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ: НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПРОЕКТЕ СТАВРОПОЛЬСКИХ АРХИВИСТОВ И ИСТОРИКОВ

В декабре 2011 г. завершился совместный проект межвузовского научно-образовательного Центра «новой локальной истории» (далее НОЦ) и Комитета Ставропольского края по делам архивов под общим заголовком «Голоса из провинции». Три изданные книжки содержат в абсолютном большинстве впервые публикуемые документы Государственного архива Ставропольского края и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края [1]. Источники охватывают значительный отрезок исторического времени местного сообщества с 1917 по 1964 гг. Это издание стало возможным в первую очередь благодаря тому, что и у сотрудников НОЦ, и у работников архивов сложился согласованный взгляд на природу исторического источника, которую П. Рикёр определил как «сферу коммуникации сознаний, как «сферу диалога, где «другой» отвечает на вопрошание», «сферу, открытую и ведущую спор» [2]. В концепции НОЦ «новая локальная история» в качестве одного из направлений работы выделено изучение специфики источников местной истории, а также методы их изучения. В то же время авторы концепции понимали, что важнейшим источниковедческим действием в этом отношении может быть использование этих принципов анализа исторических источников в практике архивного дела.

Отправной точкой для выработки общей концепции документальных сборников стал проблемный подход к отбору материала. Впервые, это был проблемный комплекс документов, интерпретируемый в рамках социальной истории локальных обществ, наполнивших единое региональное пространство. Вследствие этого составители при выявлении источников руководствовались их относительным видовым единообразием. В основном, это обращения жителей во власть, а также деловая переписка, т. е. обращения представителей местной власти в Центр и обратная связь, а также переписка, характеризующая диалоги внутри местных органов. При этом мы помнили, что за официальными диалогами стоял не только конфликт интересов или согласие управленческих структур, но и диалог представителей этих структур, являвшихся членами местного сообщества.

Наиболее сложным для архивистов стал отбор источников по отдельным рубрикам-проблемам. Известно, что информационные возможности любого источника неисчерпаемы. С точки зрения сотрудников НОЦ при анализе источников исследователь не является простым регистратором данных, именуемых в литературе примарными фактами, но активным участником диалога с авторами этих источников. Этот принцип использовали и составители сборников, демонстрируя именно такой подход к историческому источнику. В результате структура книги, посвященная тому или иному временному периоду, определялась не только локальным и общенациональным, но и темпоральным контекстами. Таким образом, мы откровенно говорим о том, что предлагается не произвольный набор документов, а понимание единства прошлой культуры в ее конкретном проявлении остатков и следов этого прошлого.

В частности 1-ая книга построена так, чтобы через предложенные документы постараться воспроизвести социокультурные процессы локального сообщества в условиях политического и цивилизационного перелома. В четырех разделах сборника представлены коммуникативные практики между представителями различных типов ставропольского общества и местной властью, эволюция социальной репрезентации и социальных маркеров при самоидентификации различных групп этого общества под влиянием политических и социокультурных перемен. В отдельных разделах нашел отражение сложный комплекс, состоящий из многообразия интерпретаций советской политики представителями местной власти, различных проявлений их психологии, интересов, влияния пропагандистской

машины, выделен процесс формирования новой символики советского общества. Мы отбирали «живые» тексты, в которых отображены разнообразные, противоречивые образы времени. Во 2-ой книге структура отражает не столько перемены, сколько функционирование новой системы в отражении повседневных реалий локального общества. Это хозяйственная повседневность в контексте планового хозяйства и сплошной коллективизации, это отношение местных жителей к повседневным практикам их бытования, а также взаимоотношения общества и власти с позиций экономических прав и социального статуса конкретных индивидуумов. Здесь мы знакомимся с характером хозяйственных, досуговых, семейных практик локальных обществ в контексте сталинской модернизации. Источники, предлагаемые как единое «тело эпохи», приближают нас к ее пониманию и оберегают от того, чтобы высокомерно оправдывать наше прошлое или его осуждать.

Четверть вековой отрезок, который охватил материал 3-ей книги, нарушил 10-летнюю периодичность первых двух сборников. Поэтому был избран хронологический принцип ее структурирования. Внутри хронологических разделов сохранился проблемный подход с позиций социальной истории. Мы знакомимся с предвоенными и военными буднями локальных обществ региона, выделяя социальную повседневность микросообществ эвакуированных и эмигрантов, а также с символикой войны в официальном и личном контексте. Источники послевоенного десятилетия помогают реконструировать картину хозяйственных и социальных практик жителей региона, свидетельствами их ожиданий, интересов и настроений. Не забыта и повседневность местной власти. Десятилетие после смерти Сталина представлено документами, отражающими новые социальные реалии, особенности массового сознания жителей Ставрополя. Кроме того, важной темой ряда источников стал процесс трансформации образа местной власти в официальных документах и в глазах общества.

Общей особенностью всех трех сборников является наличие в их структуре раздела визуальных источников. Фотодокументы не являются простой иллюстрацией к письменным источникам, но полноценным комплексом остатков прошлого. Это фотокопии документов и фотоснимки, которые существенно дополняют источниковую базу социокультурной и хозяйственной повседневности локальных сообществ Ставропольского региона. Внешний вид личных документов, различных официальных анкет и других бланков, почерк и осо-

бенности их заполнения в сочетании с характером печатных форм (вопросов, рубрик, граф) несут уникальную информацию, позволяющую расширить представления о прошлом. Замечательны своими источниковыми возможностями фотокопии плакатов, рекламы, открытки. Советский быт тесно переплетен с идеологизированной действительностью. Фотографии содержат не только социальные типы в их гендерном контексте, но и символику времени, моду, уровень жизненного благополучия людей, их эмоциональное состояние, признаки быта и проч.

Надо отметить большой объем изданных документов – их в трех сборниках 1600, и все они опубликованы впервые. Их абсолютное большинство – оригиналы и лишь в небольшом количестве документы представлены заверенными копиями. Обращает на себя внимание видовое разнообразие архивных источников, что демонстрирует возможности изучения социальной истории локальных сообществ. В издании благодаря работе архивистов представлено редкое сочетание методологической новизны в отборе материала и высокого профессионализма в его археографической обработке. С одной стороны, были соблюдены все нормативные требования к изданию исторических документов. С другой стороны, стилистическое редактирование источников не проводилось. В документах сохранены лексические единицы прошлого (оговорки, описки, просторечье), следы работы с документом (пометы, резолюции, визы, резолюции и грифы), благодаря этому тексты сохранили неповторимый аромат эпохи.

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах: сборник документов. Ставрополь, 2009. 760 с.; Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1930–1940 годах: сборник документов. Ставрополь, 2010. 560 с.; Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах: сборник документов. Ставрополь, 2011. 696 с.

2. *Рикёр П.* История и истина. СПб., 2002. С. 45.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИВОВ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Середина 1980-х гг. в нашей стране характеризуется ослаблением роли КПСС и демократизацией политической системы. Политика «гласности» привела к возникновению неформальных групп и политических движений, таких, как межклубные объединения (Омский городской клуб избирателей, Омский городской общественно-политический клуб «Диалог»), народные фронты (Омский народный фронт) и др. Целью этих, так называемых протопартийного типа, объединений было «формирование активной жизненной и политической позиции граждан, привлечение населения к конкретной деятельности в поддержку радикальных реформ в обществе на платформе демократии и справедливости» [1]. Отмена ст. 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС, федеральные законы «Об общественных объединениях», «О политических партиях», «О выборах депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации» способствовали формированию многопартийной системы в России. Политические партии, блоки и движения стали одной из существенных сторон современной общественной жизни, и задача работников архивов состоит в том, чтобы сохранить документы этих объединений как «документальные источники, позволяющие проникать в настроение масс, постигать основы, характер и причины изменений общественного сознания» [2].

Когда в 1991 г. на базе партийного архива Омского обкома КПСС был создан Центр документации новейшей истории Омской области (сегодня входит в Исторический архив Омской области), то одним из направлений его деятельности стал сбор документов общественных организаций и политических объединений. При этом сотрудники архива столкнулись с определенными трудностями. В частности, к документам общественно-политических организаций оказались не приемлемы прежние критерии экспертизы ценности документов (происхождение, содержание, внешние особенности), так как они во многих случаях не имели реквизитов юридического или иного удостоверения – угловых штампов, печати, подписи, не были

датированы. Кроме того в советское время формы и методы работы с общественными организациями осуществлялись по централизованным директивам и носили обязательный для них характер. Современные же общественные объединения являются собственниками документов, образующихся в их деятельности, т. е. именно они обладают правами владения и распоряжения этими документами. И только методом убеждения архивистам удалось получить согласие руководителей такого рода организаций на передачу документов в архив. Тем не менее сотрудниками Центра была собрана достаточно большая группа фондов общественно-политических объединений, благодаря которым можно воссоздать историю становления и развития общественно-политического движения в регионе. Сегодня этот документный комплекс в объеме более 700 тыс. ед. хранения включает три группы фондов.

1. Фонды местных отделений политических партий и движений: КПРФ (Ф. 9736), ЛДПР (Ф. 9696), Омское региональное отделение политической партии «Российская демократическая партия Яблоко» (Ф. 557) и др. Эти организации являются источниками комплектования КУ ИсА и документы об их деятельности поступают непосредственно от них. Это уставы и свидетельства о регистрации, программы, отчеты и планы работы, документы об участии в разного уровня выборах, агитационно-пропагандистская продукция и т. п. Отношения с такими организациями строятся на двусторонней договорной основе, где, помимо всего прочего, оговариваются условия использования их документов. Документы этой группы обладают всеми признаками происхождения, формируются по традиционным основаниям и являются полноценными историческими источниками. Помимо фондов и ныне существующих партий к этой группе относятся фонды партий и движений, которые уже прекратили свое существование или вошли в состав других партий: «Омское Прииртышье» (отделение движения «Наш дом – Россия») (Ф. 9747), Омское отделение экологической партии России «Кедр» (Зеленые) (Ф. 512), Омская организация Социально-либеральной партии России (Ф. 9546) и др. Сюда же относятся фонды общественных объединений, возникших на начальном этапе формирования многопартийности в стране: Омский городской общественно-политический клуб «Диалог» (Ф. 9765), Омский гражданский клуб (Ф. 9619), Омский городской клуб избирателей (Ф. 9763), Омский народный фронт (Ф. 9745), документы которых были переданы в архив их руководителями и чле-

нами координационных советов. Несмотря на свою недолгую историю, эти организации сыграли определенную роль в общественной жизни города, и их документы являются ценным источником изучения социальных и политических процессов конца 1980-х – начала 1990-х гг.

2. Разрозненные поступления, не связанные единством происхождения, собранные коллекционным способом. Это архивная коллекция «Общественно-политические движения и организаций» (Ф. 9631). Фонд включает документы, переданные в архив разными лицами, а также собранные непосредственно сотрудниками архива на митингах, собраниях, на улице. Помимо документов омских отделений политических партий здесь представлены документы о политических кризисах августа 1991 г. и сентября 1993 г.; референдума 1991 г. о сохранении СССР, референдумов 1992 г. и 1993 г. о доверии Президенту РФ Б.Н. Ельцину и поддержке курса реформ; резолюции и обращения общегородских митингов, проходивших в Омске; в отдельные описи выделены документы по выборам в союзные, федеральные и местные представительные и законодательные органы власти и коллекция периодических изданий общественно-политических организаций, в том числе малотиражные газеты и бюллетени.

3. Личные фонды политических деятелей и ученых, занимающихся изучением общественно-политических процессов. Здесь можно выделить личный фонд депутата Законодательного собрания Омской области, д.и.н., профессора ОмГАУ им. П.А. Столыпина С.В. Новикова (Ф. 9618), д.и.н., доцента ОмГПУ А.А. Штырбула (Ф. 9654), бывшего председателя Омского отделения политической партии «Яблоко» А.В. Бабенко (Ф. 9705), бывшего директора информационного агентства «Демократический Омск» В.Л. Кунгурцева (Ф. 9653) и бывшего сопредседателя фракции «Демократическая Россия», редактора газеты «Демократический Омск» В.В. Корба (Ф. 9623).

Документы второй и третьей групп сложно отнести к историческим источникам, так как большинство из них не имеют реквизитов удостоверения, но они могут предлагаться исследователям в качестве информационных источников, помогающих воссоздать информационную целостность при изучении событий общественно-политического характера.

Таким образом, в Историческом архиве Омской области собран определенный комплекс документов, благодаря которому можно воссоздать историю становления, развития и деятельности россий-

ского общественно-политического движения новейшего времени, ценность и значение которых возрастут со временем, когда события сегодняшнего дня по-настоящему станут достоянием истории.

1. ГИАОО. Ф. П-9618. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

2. *Иноземцева З.П.* Сохраним ли историю современных общественных движений? // Отечественные архивы. Омск, 1997. Июль (№ 3). С. 44.

Б.А. Коников

МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМ. М.А. ВРУБЕЛЯ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ОМСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ЕГО ИСТОРИИ)

История Омского музея ИЗО им. М.А. Врубеля на протяжении 1870-х – 1940 гг., как равным образом, и отдельные направления его деятельности, получили отражение в ряде квалифицированных изданий – монографии И.В. Спириной, в первом томе архивного сборника, подготовленном О.Н. Крепкой, во множестве статей и в тезисах уделено внимание и такому кардинальному вопросу как периодизация истории музея, среди них отметим недавно опубликованную статью Н.А. Томилова [1]. Причем, акцент во многих статьях смещен на разработку периодизации со времени зарождения картинной галереи и до 1940 г., когда она трансформировалась в отдельный областной музей.

Наше сообщение посвящено обоснованию выделения одного, на наш взгляд, плодотворного, периода, который хронологически укладывается во вторую половину 90-х г. XX в. Это соображение продиктовано следующими аргументами. В декабре 1995 г. музею было присвоено имя М.А. Врубеля. Чтобы подчеркнуть значение этого события, напомним о долголетней (с 1911 г.) борьбе общественности за укоренение имени великого земляка на омской земле. Через четыре месяца, 1 апреля 1996 г. – в строй было введено здание музея, бывший торговый корпус, ныне известный как «Врубелевский корпус» (по предложению А.Н. Гуменюк). Именно эти два события открывают выше названный период. Завершается он концом XX в., когда омское культурное сообщество отметило 75-летие со дня основания музея (21 декабря 1999 г.).

© Б.А. Коников, 2012

Этот период ложился на неблагоприятный социально-экономический фон: отсутствовало финансирование музейной деятельности, зарплата выплачивалась с большой задержкой. Негативное воздействие сложившейся в то время экономической ситуации в немалой степени компенсировалось меценатством «Омскпромстройбанка» (В.Н. Степанов, Л.П. Погарская). Благодаря этому музей имел финансовые возможности для проведения выставочной деятельности, пополнения коллекции и укрепления своей материальной базы.

Остановимся на содержательной стороне деятельности музея в обозначенный период. Удвоился численный состав коллектива (с 77 до 160 человек), началось планомерное расширение штата специалистов, в частности реставраторов, была создана собственная служба безопасности. Далее. Возросла посещаемость музея: если в предыдущие годы она составляла в среднем 150–160 тысяч человек, то в 1996 г. музей посетило свыше 230 тысяч посетителей. Благодаря утроению экспозиционных площадей, в них заняли место около 1300 шедевров мирового искусства (вместо прежних 250–300). Появились условия для экспонирования крупномасштабных живописных полотен, прежние десятилетия хранившиеся на валах. Благоприятными стали условия для реставрационной деятельности. Знаковым событием стало возвращение зрителю полотна В. Васнецова «Снятие со креста» (реставратор Н.Г. Минько), пролежавшего в запасниках около 70 лет, и ставшего одним из звездных экспонатов новой экспозиции. Качественно иными стали условия для хранения экспонатов, это коснулось произведений живописи советского периода, прежде хранившихся в складированном виде. Появились новые отделы хранения, в частности, скульптуры.

С 1996 г. более содержательной и разноплановой становится выставочная деятельность. Наряду с показом произведений из собственных фондов и творений омских художников, музей стал знакомить зрителей с произведениями «прежде неудобных» художников, например, нонконформистского направления. Благодаря плодотворным контактам с коллекционером из Челябинска А.И. Шадриным омичи увидели творения М. Шемякина, Э. Неизвестного, О. Рабина и других выдающихся мастеров.

В 1997 г. музей, в котором находилось два устаревших компьютера, приобрел комплект современного оборудования для самостоятельной издательской деятельности. Стали выпускаться листовки, буклеты, этикетки, закладки. Были заложены условия для фор-

мирования нынешнего редакционно-издательского отдела, которому ныне по плечу изготовление макетов фундаментальных изданий. Музей обрел в эти годы логотип и фирменный стиль, разработанный известным омским дизайнером В.И. Хрущом.

С 1996 г. возобновились ежегодные музейные научно-практические конференции, которые с 1998 г. получили глубоко символическое наименование «Декабрьские диалоги». Название было предложено А.Н. Гуменюк, а дизайн для первого научного сборника «Декабрьские диалоги» разработал омский архитектор и дизайнер А.Н. Бегуном. «Декабрьские диалоги» обрели впоследствии статус всероссийских или с международным звучанием, и стали благодатной основой для развертывания той весомой научно-исследовательской работы, которой отмечены последующие десятилетия жизни музея.

В этот же период, по инициативе и по творческому замыслу актеров Омского драмтеатра, Н. и Т. Михалевских, и сотрудницы музея Н. Тороповой был реализован первый проект Музейного театра живописи «12 вечеров с М. Волошиным». Ныне новаторская деятельность театра приобрела широкую известность в Сибири. Тогда же Парадный зал музея с его уникальной акустикой позволил возникнуть «Врубелевской сцене» (Г.А. Новикова), открывшей зрителям и слушателям множество новых имен певцов и музыкантов.

Подготовка и празднование 75-летнего юбилея музея (21 декабря 1999 г.) стало венцом периода, во многом определили развитие музея в первом десятилетии XXI в. События 20–21 декабря ознаменовались открытием памятной доски Ф.В. Мелехину на здании Дворца Генерал-губернаторов, проведением торжественного вечера в Парадном здании Врубелевского корпуса с участием Главы администрации Омской области Л.К. Полежаева. На вечере в исполнении коллектива сотрудников впервые прозвучал гимн музея на слова Л. Чуйко, музыку И. Есиповича. К юбилею был подготовлен первый номер «Музейного вестника», последующие номера которого в дальнейшем приобрели популярность в культурном пространстве Омска.

В заключении изложим свое видение периодизации истории музея ИЗО после 1940 г. 1941–1946 гг. С одной стороны, подготовлен впечатляющий по содержанию и поразительно емкий план работы на 1941 г., а, с другой стороны, случилась война с вытекающими отсюда последствиями. 1947–1967 гг. – время благотворной деятельности «Дон-Кихота омского искусствоведения» Гольденблюма. Он отмечен качественным возрастанием авторитета музея в культурном

пространстве области и города. 1968–1995 гг. – период активной популяризации экспозиционной и выставочной деятельности, а также участие части коллектива в кампании омской общественности за передачу нового здания музею. 2000–2006 г. – реализация крупных выставочных проектов за пределами Омска, в их числе представительство в замечательном проекте Государственной Третьяковской галереи «Золотая карта России». Завершение периода ознаменовалось достойным участием музея в Программе празднования 150-й годовщины со дня рождения М.А. Врубеля (2006 г.). И последний период – 2006 г. – по наши дни.

1. *Спирина И.В.* История создания музея изобразительных искусств в Омске. 1870–1930-е. Омск, 2004. 351 с.; Живое прошлое. История Омского музея изобразительных искусств. 1923–1960 / сост. О.Н. Крепкая. Омск, 2006. Т. 1. 270 с.; *Томилов Н.А.* Омский музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля: к вопросу о периодизации его истории // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2011. С. 75–81.

Т.О. Антюхова

ИЗУЧЕНИЕ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКИМ КУЛЬТУРЫ КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Вся история человечества – это диалог. Диалог между культурами позволяет наладить благоприятные межэтнические отношения. Это позволяет сохранить ту, специфическую особенность этноса, которая сохраняет его жизнеспособность.

В данном докладе я постараюсь рассказать о вкладе Николая Михайловича Пржевальского в изучение культуры корейских переселенцев на Дальнем Востоке и через его наблюдения показать диалог между представителями корейской диаспоры и местным населением.

Пржевальский Николай Михайлович был известным путешественником и натуралистом. Он возглавлял экспедиции в Уссурийский край, центральную Азию, дошел до Тибетского плоскогорья. Крупнейшими заслугами Пржевальского является географическое и естественноисторическое исследование горных пород, хребтов, а так-

же изучение им быта и культуры народов тех мест, в которых он побывал, в том числе и мною упомянутых корейских переселенцев.

Николай Михайлович путешествовал в Уссурийский край в 1867–1869 гг. В своей работе «Путешествие в Уссурийском крае» [1], он упоминает, что «еще в 1863 г. к нам переселилось 12 семейств». Он отмечает, что в связи с тяжелой обстановкой в тогдашней Корее местное население бежало на Дальний Восток. Правительство Кореи было недовольно оттоком населения, и оно запретило корейцам под страхом смерти вступать в какие-либо контакты с русскими, в том числе и торговать. Но, несмотря на все запреты правительства, с приходом зимы, когда река Тумень-Улу, которая служила границей между Российской Империей и Кореей, замерзала, корейцы перебирались в Новгородскую гавань, порой они это делали даже под прикрытием наших солдат.

Пржевальский пишет, что первыми деревнями, в которых обосновались корейцы, были Тизинхе, Янчихе и Сидими, в них насчитывалось около 1800 душ обою пола. Корейские деревни состояли из фанз, расположенных на расстоянии 100–300 шагов одна от другой. Своим наружным видом и внутренним устройством эти фанзы ничем не отличались от китайских. Только в тех из них, где находятся несколько женатых, нары были разделены перегородками на части, служащие отдельными спальнями для каждой пары. Далее он останавливается на особенностях ведения хозяйства. Между фанзами находились поля, в обработке которых корейцы по своему трудолюбию нисколько не уступали китайцам. Засевали поля просом, а также ячменем, бобами и фасолью; в редких случаях сажали кукурузу, картофель, гречиху, огородные овощи и табак. Для корейцев было свойственным курить всем, даже женщинам.

Кроме земледелия Пржевальский указывает на то, что корейцы так же занимались скотоводством, в основном разводили крупнорогатый скот. Но стоит подчеркнуть, что коров они ни когда не доили и считали, что в этом нет необходимости, т.к. молоко не употребляли в пищу.

В быту корейцев отличала большая чистоплотность, что можно было сказать по их внешнему виду. Мужчины носили белые платья, в виде халатов, белые панталоны и сапоги, на голове у них были черные шляпы с большими полями. Женщины же носили белые рубашки и белые юбки с разрезами по бокам. Лишь когда у них умирал кто-либо из членов семьи, близкие родственники надевали серые одежды и колпаки, в которых должны были проходить 3 года.

Переселяясь на Дальний Восток, корейцы стали принимать православие, в том числе и старшины деревень. Это сыграло важную роль в обрусении переселенцев. Одним из таких старшин был Ун Кыги, которого после крещения стали звать Петр Семенов, по имени его крестного отца. С принятием православия некоторые корейцы стали в большей части перенимать культуру местного русского населения. В работе Пржевальского упоминается, что корейцы начинали носить русские сюртуки, коротко стричь волосы, а не собирать их на голове в виде пучка. Кроме этого, корейцы отдавали своих детей в школы, построенные при церквях. Церковь для корейского населения служила как раз тем самым способом найти общий язык с коренным населением.

Однако корейцы все же сохраняли и корни своей религии. Собственно в самой Корее было две религии: буддизм и поклонение духам, которое в свою очередь состояло в поклонении разным божествам и гениям. Служителями этой религии могли быть как мужчины, так и женщины, их называли шаманами. Они славились различными заклинаниями, которые могли помогать в различных бедственных ситуациях. Местные корейские переселенцы отмечали лишь 4 праздника в году, один из которых длился 3 суток, а другие всего день. К сожалению, Н.М. Пржевальский не называет, что это были за праздники. Несмотря на это, в большей степени корейские переселенцы начинали перенимать русский быт и культуру.

Подводя итоги, можно сказать, что заслуга Николая Михайловича Пржевальского в изучении сельского хозяйства, быта, верований корейских переселенцев и их взаимодействия с коренным населением, а так же и других народов Дальнего Востока неоценима. Он стал одним из первых, кто благодаря своей уверенности взял на себя ответственность в совершении научной экспедиции на Дальний Восток. С тех времен край существенно изменился, но благодаря собранному им материалу мы можем проследить изменения в отношениях и культуре переселенцев и коренного населения Дальнего Востока.

1. *Пржевальский Н.М.* Путешествие в Уссурийском крае 1868–1869 гг. Владивосток, 1990. 330 с.

ТВОРЧЕСТВО ХУДОЖНИКОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (1950-Е ГГ.)

В данной статье речь пойдет о научно-справочном издании, вышедшем в свет в 2005 г. и в 2006 г. (2 том) в г. Барнауле, под названием «Художники Алтайского края: биобиблиографический словарь в 2 томах». Одной из целей данной статьи является введение в научный оборот данных словаря, содержащего научно выверенный справочный аппарат и богатейшие сведения. Главный научный редактор данного проекта Т.М. Степанская.

Но прежде чем перейти к рассмотрению ценности вышеуказанного библиографического словаря, мы должны рассмотреть краткую историографию вопроса о социальной истории искусства Сибирского региона. Для уточнения области исследования в соответствии с указанной тематикой статьи мы выделим для себя период 50-х гг. XX в. Стоит отметить, что мы имеем дело с изучением художественной культуры отдельных регионов Сибири, таких как Омский регион, Пермский край и Алтайский край.

Одним из источников для исследователей может послужить выпущенное в 2006 г. пособие, посвященное феномену изобразительного искусства Сибири второй половины XX в., а точнее изобразительному искусству Омска [1]. Т.В. Бабикина, охарактеризовала основные этапы его развития, выявила трансформацию жанров и стилевые тенденции живописи и графики четырех последних десятилетий XX в.

Также необходимо сказать о монографии Г.А. Янковской «Искусство, деньги и политика» (2007 г.), написанной частично на основе архивных материалов города Пермь [2]. Изюминкой работы, помимо использования автором нового институционального подхода к изучению социальной истории искусства, является и рассмотрение послевоенного искусства в провинциальном измерении на примере города Пермь (Молотов). В книге представлен социальный портрет художественного сообщества эпохи сталинизма в двух проекциях: панорамной и локальной.

Вступительная статья «Художники Алтая. Вехи творческой биографии» искусствоведа Л.И. Леоновой в рассматриваемом биб-

лиографическом словаре «Художники Алтайского края» также может послужить хорошим источником по истории художественной культуры Алтайского края XIX – середины XX в. Здесь четко определена хронология развития художественной культуры Алтайского края в ее институциональном аспекте, и указан перечень наиболее ключевых личностей-художников.

Пока данная работа еще не широко известна в научных кругах, но в 2008 г. была опубликована рецензия В.Г. Рыженко, в которой очевиден взгляд автора на данный библиографический словарь, как на ценнейший источник в изучении художественной культуры Алтайского края для многих современных исследователей. «Особо ценным «компасом» в проблемном поле современного историка отечественной культуры и интеллигенции становятся биобиблиографические словари и справочники. Их содержание может восприниматься в качестве своего рода «кристаллической решетки» того сгустка творческой энергии, который формирует уникальность «Культуры Места». Независимо от территориальных и хронологических рамок, любое подобное издание способствует активизации исследовательской мысли на пути к востребованию наиболее актуальной социокультурной проблематики» [3].

Что касается очерченного периода (1950-е гг.), мы можем выделить жизнь и творчество четырнадцати художников Алтайского края, краткие биографические справки которых представлены в словаре. Мы не можем сказать, что они все были приверженцами «сурового стиля» 1950-х гг., но своеобразие стилей, заданных характером взаимоотношений власти и творческой интеллигенции, а также обусловленность эпохой, местом и временем, весьма очевидна. Понятие «художники-пятидесятники» обусловлено первоначальным временем их творческой деятельности, или же основным периодом их выставочной практики. Следует перечислить их: Борунов Геннадий Федорович, Вагин Анщдрей Григорьевич, Жданов Анатолий Яковлевич, Жеребцов Михаил Федорович, Иевлев Алексей Васильевич, Колпаков Геннадий Алексеевич, Кортиков Петр Григорьевич, Курзин Валентин Яковлевич, Мотовилов Николай Никанорович, Панин Юрий Николаевич, Суриков Николай Иванович, Филонов Федор Андреевич, Щетинин Прокопий Алексеевич, Югаткин Алексей Александрович. Для того, чтобы в отдельности охарактеризовать творчество каждого художника, необходим больший регламент, который не уместится в рамки нашей статьи, поэтому мы постараемся

дать общую характеристику. Первое, на что следует обратить внимание, это принадлежность к разным возрастным группам художников. Диапазон возраста: от самого молодого – 24 года до самого старшего – 42 года. Второе: вопрос о месте рождения художников и времени переезда на Алтай. Нам необходимо сделать на этом акцент, так как очень важно проследить развитие творческой линии художника в соответствии с местом их пребывания. Шесть из четырнадцати художников приехали на Алтай из других областей, география которых обширна – Кемеровская, Калининская, Пензенская, Иркутская области, Витебская область Белорусской ССР, Ярославская губерния. Третье: тематика художественного творчества. Здесь можно сделать некоторые выводы относительно схожести тематик, которые творцы использовали в своих полотнах. Выделим несколько тем/направленностей:

1. Тема земли, поднятие целины;
2. Тема труда, индустриальный рост страны;
3. Пейзаж (лирический, тематический, живописный);
4. Портреты людей (в основном простых рабочих и жителей деревень, городов);
5. Скульптурный портрет государственных деятелей, исторический портрет;
6. Исторические сюжеты, историко-революционная тема;
7. Натюрморт.

Самой популярной темой в полотнах алтайских художников была тема пейзажа. Здесь художники работали в разных жанрах – лирический, тематический и живописный пейзаж. Но их объединяло одно – любовь к Родине и к тому месту, где живешь. Художники не могли не поэтизировать природу, тот прекрасный уголок земли, где проходила их жизнь, творчество и труд. Второй по популярности стала тема земли и поднятия целины, что обусловлено исторически переменами и курсом на освоение земли в стране. Следующими излюбленными тематиками стали труд, индустриальный рост страны, исторический сюжет, портрет рабочих и жителей деревень.

Ну и на самом последнем месте мы обнаружили натюрморт и историко-революционную тему.

Тем самым мы можем сделать некоторые предположения относительно основных тематик, используемых художниками в своем творчестве. В силу обусловленности творчества художников тем, что многие воспитывались, а другие прожили большую часть своей жизни здесь, в Алтайском крае, в этом прекрасном уголке величественной природы, тематическая направленность полотен весьма понятна – пейзаж, во всем его жанровом разнообразии. Также тема целины

и ее тружеников стала излюбленной у художников края, потому как интенсивное освоение земли, налаживание дружбы между человеком и техникой, энтузиазм рабочих не могли не вызвать у художников желание запечатлеть это на холст.

Жанр портрета также обширно представлен в творчестве художников. Но что характерно, в большинстве рассматриваемых картин чаще встречается портрет обычного человека, не государственного или исторического деятеля, а, например, тракториста Петра Григорьевича (Борунов Г.Ф., 1955 г.), портрет целинника из Косихи (Жданов А.Я., 1957 г.) или же просто портреты матерей и бабушек. Живописный и скульптурный портрет государственных и исторических деятелей ярко отслеживается только в творчестве такого художника как Иевлев А.В. (Портрет Ползунова, 1954 г.; Портрет Верещагина, 1959 г.; Ленина, 1969 г.).

Отсутствие жгучего интереса к иллюстрации историко-революционных тем у художников-пятидесятников Алтайского края вероятно можно объяснить тем, что в тот период времени, 1950-е гг., на исторической арене выступали более актуальные темы, чем эта. Например, освоение целины и индустриальный рост страны.

Таким образом, используя данные библиографического словаря «Художники Алтайского края», мы почерпнули массу полезной информации для исследования творчества художников-пятидесятников и сделали некоторые предварительные выводы о направленности их творчества, обусловленного особенностями советской эпохи. Очевидно, что словарь содержит в себе структурированный материал, который является результатом объемной 15-летней исследовательской работы коллектива ученых и практиков сферы культуры, и, на наш взгляд, принесет огромную пользу не только исследователям истории искусства, но и будет полезен для историков, культурологов и музеологов.

1. *Бабикова Т.В.* Изобразительное искусство Омска в контексте художественной жизни Сибири второй половине XX века: учебное пособие. Омск, 2006.

2. *Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма: монография. Пермь, 2007. 312 с.

3. *Рыженко В.Г.* Культурологические исследования. Омск, 2008. № 2(24). С. 119.

М.А. Миловзорова, Е.М. Раскатова

«ДИАЛОГИ С ХУДОЖНИКАМИ»: ПРОЕКТ КНИГИ О НЕОФИЦИАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ Г. ИВАНОВО 1970–1990-Х ГГ.

Развитие гуманитарной науки убеждает нас в том, что познание культурной истории возможно только в форме диалога – и в метафорическом и в практическом смысле этого слова – диалога, который позволяет услышать друг друга представителям различных научных специализаций, разных культурных страт, разных поколений. Попыткой спровоцировать и создать одну из возможных форм диалога между художником и обществом является представляемый проект книги.

Интерес к неофициальному искусству поздней советской эпохи пережил свой пик в середине 1990-х – начале 2000-х гг. Однако его история воссоздана более или менее полно только на материале столиц, тогда как различные формы искусства, которые становились значимой альтернативой официальному стилю, государственному заказу имели место и в провинции, каждый раз обуславливая уникальность культурной ситуации места.

Город Иваново (областной центр) на протяжении XX в. представлял собой специфическое культурное пространство, где противоречиво объединялись, с одной стороны, стремление художественной интеллигенции к авангардным творческим экспериментам, с другой – жесткая регламентация развития искусства, закрепление «канонов» официального стиля, связанные с определением статуса Иванова, как «третьей пролетарской столицы» страны. В силу этого любое, не совпадающее с «образцами», художественное явление, практически не могло быть включено в орбиту «официального» искусства. Такие явления произвольно или преднамеренно вытеснялись в пространство «андеграунда», формируя, в конечном итоге, довольно заметный пласт того, что можно называть «неофициальным искусством провинции», в данном случае г. Иваново.

Однако, изучение истории этого искусства (особенно изобразительного) – непростая задача, так как официальные документы эпохи чаще всего не выявляют интересующих нас обстоятельств. Этому может быть, как минимум, две причины. Художники в провинции значительно меньше, чем в столицах, стремятся к образованию ак-

тивных сообществ, проведению заметных акций, на которые были бы вынуждены реагировать официальные инстанции, противостояние официальному искусству для художника провинции, это, чаще всего, личный выбор, персональная стратегия, которая не всегда становится публичным актом. Вторая причина – официальные структуры на местах не были заинтересованы в обнаружении противоречий художественной жизни, поэтому даже имевшие место в реальности конфликты далеко не всегда находили отражение в соответствующих документах.

Одним из наиболее адекватных методов изучения обозначенной историко-культурной ситуации является метод «устной истории» (и отчасти «визуальной антропологии»), так как в большем числе еще живы и сохраняют творческую активность представители «неофициального искусства» г. Иванова последней трети XX в. – именно они могут предоставить исследователю уникальные сведения о перипетиях существования альтернативных форм искусства в «самом советском городе» в поздний советский и ранний постсоветский периоды (такая специфическая хронология «неофициального искусства» г. Иванова связана с тем, что процессы пересмотра официальных канонов художественного творчества затянулись на чрезвычайно долгий срок, да и сегодня, возможно, они еще не завершены окончательно).

Обозначенные научные позиции стали основанием для разработки проекта книги, цель которой – представить «неофициальное искусство» г. Иванова 1970–1990-х, как целостное и масштабное художественное явление, вырастающее, прежде всего, из личных творческих стратегий выдающихся авторов и принимающее различные формы актуальной художественной (и исторической) реальности.

Нужно сказать, что продуктивность построения книги о художнике в форме диалога доказана в последние годы целым рядом изданий, посвященных «неофициальному» искусству позднего советского периода. В качестве ярких примеров можно указать на «Беседы с Альфредом Шнитке» (М., 2003); Вадим Сидур – Карл Аймермахер «О деталях поговорим при свидании» (М., 2004); Уральский Марк «Немухинские монологи» (М., 1999), «Герои ленинградской культуры: 1950–1980-е» (М., 2005) и др. В число таких изданий входят и просто записи интервью с художниками, создающие устную историю художественного андеграунда, и беседы искусствоведов с мастерами, выявляющие тенденции художественного процесса, и

аналитические книги, рожденные из целенаправленных бесед журналистов с художественной интеллигенцией.

Создаваемая книга о «неофициальном искусстве» провинции будет выстроена в форме диалогов с тремя ивановскими художниками, которые так или иначе определяют «лицо» местного художественного андеграунда (хотя не каждый из них соотносит свое творчество с этим понятием) – Валерием Бахаревым, Светланой Кузьмичевой, Евгением Куваевым. Художники принадлежат приблизительно к одному поколению (вступившему в художественный процесс в середине – второй половине 1970-х гг.), имеют разное художественное образование, полученное как в столице, так и в провинции; они по-разному встроены в социальные системы; их объединяет, прежде всего, стремление выйти за рамки предлагаемых официальной идеологией художественных принципов. Авторами проекта проведено пять тематических диалогов: «художник и власть», «художник и общество/зритель/народ», «художник и художник», «задачи искусства/философия творчества», «повседневность художника», которые составят структурные части книги. В ходе этих бесед обсуждались различные вопросы – от уточнения хронологических рамок существования «неофициального искусства провинции» до определения высших задач художественного творчества в целом, что нередко становилось причиной выбора творческой позиции. В диалогах очерчивались параметры взаимодействия художников с местными органами государственной власти и официальными общественными организациями – от почти курьезных случаев запрещения выставок в коридоре художественного училища, до драматических перипетий, сопровождавших попытки вступления в СХ; обсуждались проблемы восприятия авангардного искусства неподготовленным зрителем провинции, обусловленные как характером официальной художественной политики, так и косностью местной художественной среды; участники диалогов формулировали свои представления о содержании художественных поисков, соответствующих задачам развития мирового художественного процесса. Немалое место в диалогах уделялось «бытовым» аспектам существования «неофициального искусства» в социокультурной реальности позднего светского и постсоветского периода: отсутствие мастерских, сложности социальной и профессиональной адаптации, «протестные» формы социального поведения, «андеграунд» как принцип бытового поведения.

С точки зрения авторов проекта, именно выбранная форма презентации художников, их самоидентификация в границах прожитой и проживаемой культурной эпохи, озвученная в диалогах, является наиболее соответствующей поставленной задаче реконструкции культурного и художественного феномена «неофициального искусства» провинции. Установленная истина, конечно, абсолютно субъективна, но мы помним, что, по мнению Мартина Хайдеггера, все науки о духе и даже все науки о жизни обязаны быть неточными именно для того, чтобы оставаться строгими, а неточность исторических наук о духе – не недостаток, но лишь исполнение требования, существенного для такого вида исследования.

В создаваемую книгу также вошли размышления авторов проекта и художников о месте актуального искусства в современном социокультурном контексте. Предполагается также, что книга будет иллюстрирована фотоматериалами и репродукциями работ художников и станет ценным источником по истории «неофициального искусства» провинции указанного периода.

С.С. Загребин

АНДРЕЙ РУБЛЁВ – ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ – АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ. ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Соединение названных имён может показаться искусственным. Между тем эти три ярких представителя интеллигенции своей эпохи оказались сопричастны в духовном и интеллектуальном диалоге, сущность которого мы попытаемся реконструировать на основе анализа образной системы и идейных оснований творчества великого режиссёра XX в. Андрея Арсеньевича Тарковского (1932–1986). Художественное наследие режиссёра воспринимается сегодня как целостная философская система, различные исследователи предлагают свои версии её интерпретации от искусствоведческого анализа до герменевтических построений. Визуальные образы фильмов Тарковского подвергаются наиболее внимательному анализу. Практически все исследователи обращают внимание на то, что режиссёр часто использует в своих кинокартинах яркие образы мировой художествен-

ной культуры. В данном контексте следует выявить отношение Тарковского к использованию в кино образов и приёмов из других видов искусств.

Андрей Тарковский расценивал кинематограф как совершенно особый вид искусства способный «зафиксировать само *движение* реальности в её фотографически конкретной неповторимости» [1]. Режиссёр отмечал, что в кино создаётся художественное произведение «невозможное ни в каком другом виде искусства», поскольку кино предлагает особый способ взаимоотношения с реальностью [2]. В кино между зрителем и экранным изображением нет посредника в виде знака или символа, например, слова как в литературном тексте, или иконографии как в живописи. Поэтому кино «даёт возможность самого непосредственного восприятия художественного произведения» [3]. Принципиально отличаясь от всех иных видов искусств, кино, по мнению Тарковского, способно проникать в глубины человеческой души. Тарковский был убеждён, что при помощи кинематографа можно ставить самые сложные проблемы современности – на уровне тех проблем, которые в течение веков были предметом литературы, музыки, живописи.

Вместе с тем Тарковский отрицательно относился к использованию кинематографом формальных приёмов, «заимствованных из смежных искусств». В картинах режиссёра иные виды искусств – живопись, музыка, поэзия – присутствуют в качестве эмоционального камертона, на ассоциативном уровне отражая душевное состояние персонажей, либо их духовные искания. Данная тема требует своего подробного исследования, мы же ограничимся анализом двух шедевров мировой культуры органически вплавленных в две картины режиссёра. Это «Троица» Андрея Рублёва в первом полнометражном фильме режиссёра «Андрей Рублёв» и «Поклонение волхвов» Леонардо да Винчи в последнем фильме «Жертвоприношение».

В фильме «Андрей Рублёв» режиссёр не показывает собственно творческий процесс, более того, на протяжении всей картины зрители не увидят ни фресок, ни икон Андрея Рублёва, лишь в финале под протяжные русские распевы перед зрителем проплывёт череда образов великого иконописца, среди которых с особым вниманием камера будет всматриваться с пространство иконы «Троица». Постепенно кадр заполняют яркие цветочные пятна. Насыщенный голубой сменяется багряным, вдруг один из цветов начинает проступать в другом, из бледно-розового прорывается нежно-серый, светло-

оливковый сдерживает переливы охры. Струятся лёгкие изгибы золотых крыл, в мерном движении сложены руки. В тихой беседе пребывают три ангела, облачённые в одежды странников, с тонкими посохами в изящных перстах, смиренно, с внутреннем покоем, наклонив друг к другу головы, внимают они одухотворённому молчанию, где слова заменяет мудрость понимания, а бесконечная любовь окутывает окружающее пространство ореолом вселенской гармонии.

Так постепенно на экране возникает «Троица» (1424–1426) – смысл и вершина жизни и творчества Андрея Рублёва. В сценарии предельно точно написано режиссёром: «Спокойная, величественная, исполненная трепетной радости перед лицом человеческого братства. Физическое разделение единого существа на двое и тройственный союз, обнаруживающий поразительное единодушие перед лицом будущего, распротёртого в веках» [4]. В образе «Троицы» режиссёр увидел символ духовности русского народа, олицетворение его внутренней потребности в гармонии, в единении. Подобное понимание сущности «Троицы» отражает воспринятые на Руси традиции византийского исихазма, который исследователи с полным основанием определяют как «христианский гуманизм». Искусствоведческие споры о связи между развитием искусства в конце XIII и в XIV вв. с духовно-интеллектуальными течениями эпохи, находят в фильме Тарковского недвусмысленное разрешение. При всём разнообразии смыслов, заключённых в феномене исихазма и его конкретно-исторических проявлениях, безусловным является его огромная духовно-созидающая роль в восточном христианстве. Слово «исихия» обозначает «покой» и «безмолвие», указывает на идеал индивидуально отшельничества, на «умное делание», направленное на абсолютное духовное очищение, указывающее человеку путь к обожению (не по природе, но по благодати). Таким образом, Андрей Рублёв воплотил в «Троице» глубинный духовный потенциал исихазма, а режиссёр Андрей Тарковский сумел раскрыть личный духовно-нравственный подвиг великого иконописца, внешним проявлением которого стала «Троица».

Более чем через пятьдесят лет создаёт свой неоконченный шедевр «Поклонение волхвов» (1481–1482) Леонардо да Винчи. К этому времени в Европе утверждается гуманизм как идейное основание всей культуры Ренессанса. В самой идее европейского гуманизма во многом отразились философские и богословские искания эпохи. В частности, дискуссия в середине XIV века проходившая в Византии

между Варлаамом и Григорием Паламой. Этот богословский диспут можно интерпретировать как столкновение гуманизма и исихазма. Одним из главных объектов этого спора была сущность Фаворского света. Варлаам утверждал, что Свет этот «тварный», то есть являет собою либо нечто вторичное, либо нечто воображаемое, символическое. Поскольку Фаворский свет понимался гуманистами как символ, то и само Преображение Господне имело для них не реальный, а символический характер. Для Григория Паламы же Фаворский свет есть «первообразная, неизменяемая красота, слава Бога, слава Христа, слава Духа Святого, луч Божества», то есть энергия Божественной Сущности, свойственная всем трем Лицам Святой Троицы, обнаружение Бога во вне [5]. Тем самым в позициях гуманистов и исихастов отразилось два способа понимания сущности Бога и его отношения к миру. Для европейских гуманистов Бог стал более символом, нежели реальностью. В православном христианстве утвердилось понимание живого Бога перманентно сущего в жизни человека. В Византии в названном споре победил Григорий Палама, что было закреплено Собором 1347 года, Варлаам же удалился в Италию, где получил высокий чин в римско-католической церкви.

Всматриваясь в картину «Поклонение волхвов», обращаешь внимание на композиционное созвучие с «Троицей»: схожая «пирамидальная композиция», вершину которой являет божественный образ, осенённый раскинувшимся деревом, а подножие образуют ритмично склонённые фигуры, на двух изображениях в верхнем левом углу – фрагменты архитектурного сооружения. При этом композиционно в «Троице» движение устремлено справа налево, а в картине Леонардо – в противоположном направлении. И если в «Троице» воплощена гармония и мир, то в «Поклонение волхвов» – мятежный дух враждебного мира, в который приходит Спаситель, в мир не знающий Бога. Для Андрея Тарковского картина Леонардо стала своеобразным символом ницшеанского отрицания Бога, символом бездуховности западного мира, утратившего Веру. Герой фильма «Жертвоприношение» Александр всматривается в картину Леонардо почти с мистическим страхом, не видя выхода из духовного тупика, не замечая пути, явленного в рождении Спасителя. Диалог состоялся. Гуманизм и исихазм как два способа миропознания и самопознания были представлены зрителю фильмами Тарковского.

В фильмах Андрея Тарковского «Андрей Рублёв» и «Жертвоприношение» присутствует многоуровневый диалог – Рублёва и Ле-

онардо, гуманизма и исихазма, режиссёра и зрителя. Смысловая наполненность фильмов Тарковского предполагает развитие диалога во времени и пространстве. Уникальность кинематографа великого режиссёра состоит в направленности диалога не просто ко всем зрителям, а к каждому индивидуально, что и определяет множественность смысловых интерпретаций фильмов Тарковского.

-
1. *Суркова О. С* Тарковским и о Тарковском. М., 2005. С. 108.
 2. *Тарковский А.* Мартиролог. Дневники 1970–1986. Флоренция, 2008. С. 84.
 3. *Тарковский А.* Запечатленное время // Андрей Тарковский. Архивы. Документы. Воспоминания. М., 2002. С. 298.
 4. *Тарковский А., Михалков-Кончаловский А.* Андрей Рублёв (Кино-сценарий) // Искусство кино. 1964. № 5. С. 158.
 5. *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной Церкви. URL: <http://www.pravbeseda.ru/library/index.php?page=author&id=114> (дата обращения 05.04.2011).

А.С. Маджаров

ОСВАЛЬД ШПЕНГЛЕР О РУССКОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КАК ПСЕВДОМОРФОЗЕ

Немецкий историк и философ Освальд Шпенглер (1880–1936) – автор книги «Закат Европы», обращался к истории России, ее особенностям, месту во всемирной истории, хотя русская тема была в его книге побочной. Шпенглер стоял в ряду тех наших мыслителей, которые пытались понять самобытность русской истории и души. Заключение Шпенглера по русской истории свидетельствуют о начитанности и проницательности автора. Он прямо ссылаясь на Н.М. Карамзина, Ф.М. Достоевского, Л.Н Толстого, К.С. Аксакова, А.М. Горького, П.Н. Милюкова, упоминал В.И. Ленина. «Русские пассажи» мыслителя, его пристрастный взгляд «постороннего», даже если он кажется не соответствующим нашим представлениям об истории России, имеют самостоятельный интерес. Вехами в развитии его концепции и метода стали И. Гёте, Ф. Ницше, В. Шекспир, музыка Рихарда Вагнера, живопись Рембрандта. Шпенглер высоко ценил Ф.М. Достоевского, видел в нем, как и Н.А. Бердяев, глубины «русского духа».

© А.С. Маджаров, 2012

«Закат Европы» увидел свет в 1918 (Т.1) и 1922 (Т.2) гг. Мыслитель предпринял попытку предугадать историю, проследить судьбу одной, «западноевропейско-американской» культуры, на стадиях еще не пройденных. Для решения поставленной задачи О. Шпенглер представил всемирную историю в виде восьми культур: античной, западной, индийской, вавилонской, китайской, египетской, арабской и мексиканской. Одной из форм взаимодействия культур были «псевдоморфозы». Исторический псевдоморфоз – это случай, «когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только ... не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [1]. Общее положение о псевдоморфозе Шпенглер полностью относил и к России.

Сходные мысли были высказаны в России задолго до Шпенглера, в частности П.Я. Чаадаевым. Понять и раскрыть суть русской истории и души Шпенглер пытался через сравнение культур, в контексте предкультуры, культуры, цивилизации, а также псевдоморфоза. Излагая историю России в связанном, хотя и в эпизодическом виде, он писал о внешних фактах и о душе. В его концепции строй души определял смысл мира фактов. Шпенглер подчеркивал «неизмеримое» различие русской и фаустовской душ. Доказательства специфики России Шпенглер искал в особенностях «русского духа». Он предлагал сравнить «русские героические сказания» о князе Владимире и народном герое Илье Муромце с «одновременными», (в соответствии с воззрениями о времени культур Шпенглера), им «Песней о Нибелунгах», «Песней о Хильдебранде» и др. Что могло удивить Шпенглера в наших сказаниях? Глубокое отличие русской души от души Фауста? Шпенглер прочувствовал и понял специфику фаустовского человека – *культуру воли*, «напряженного развития к цели», движение «я»... «от Фомы Аквинского и до Канта». А что Шпенглер увидел у нас?

К.С. Аксаков отмечал, что аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси. О русских былинах в целом он писал: «Перед нами эпопея особого рода... Мы... не видим увлекающего хода времени; нет – перед нами другой образ... это хоровод, движущийся согласно и стройно, – праздничный, полный веселья, образ русской общины» [2]. В другой работе Константин Аксаков заключал, что русская история (в отличие от Западной. – А. М.) явление совсем иное, что здесь другую

задачу задал себе народ на земле, что христианское учение глубоко легло в основание его жизни, что структура русской души отличается от западной. Именно это отличие, наряду с К.С. Аксаковым, видели Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и другие, а вслед за ними, через них и Шпенглер. Прасимволом русской «безвольной души», в противовес волевой – фаустовской, по словам Шпенглера, является «бесконечная равнина». Русский пытается *безымянно* раствориться в братском мире, «Я» представляется подлинному русскому суетным.

Изложение «мира фактов» русской истории (предыстории) философ начинает со сравнения. Период, который охватил время от Ивана III (1462–1505 – годы правления) – до Петра Великого (1689–1725) – он определял как «русскую эпоху Меровингов». Она соответствовала «времени от Хлодвига (466-511) – (король Франков. – *А.М.*) до битвы при Тертри». Эпоху Меровингов и Каролингов (500–900) в Западной культуре Шпенглер относит к «предвремени», времени до культуры, до истории. Почему Шпенглер открывает русскую историю Иваном III? Помимо чисто концептуальных соображений (по его мнению, Иван III «ниспроверг татарское господство» в 1480 г.) это решение обусловлено также источником. Шпенглер советует прочитать «старомодного Карамзина», который писал, что с Ивана III история российская «приемлет достоинство истинно государственной». Главный итог этого периода – Каролинги получили всю полноту власти. В России Каролингам, по логике Шпенглера, соответствовали Романовы.

Шпенглер не случайно пишет о Карле Великом (ок. 742–814) – франкском короле из династии Каролингов, в концепции Шпенглера, «современнике» Петра Великого. Развивая это сравнение, Шпенглер заключает его пассажем, характеризующем деятельность Петра I: у него «имелась возможность подойти к русскому миру на манер Каролингов или же Селевкидов, а именно в старорусском или же в “западническом” духе, и Романовы приняли решение в пользу последнего» [3]. Так Петр Великий стал носителем «злого рока русскости». На месте «своей культуры» явился исторический псевдоморфоз – «петровская Русь». Образ «Петровской Руси», по Шпенглеру, охватывал промежуток времени от правления Петра I, точнее от основания Петербурга (1703) до революции 1917 г.

Псевдоморфоз для Шпенглера в основе явление духовное. В Петровской России Шпенглер видел «изначальное крестьянство», религиозный язык «на котором человек только и способен был по-

нять себя и мир». Русские города, по сравнению с западными, – не города. В них еще не проявилась «душа народа». И ярчайшим примером такого неорганичного города был Петербург. Петербург, – воскличал Шпенглер вслед за Достоевским, – самый отвлеченный и умышленный город на всем земном шаре. Лишь душа города порождает новый язык – «язык культуры», которого поселяне уже не понимают. «Русский дух» – «дух прарусскости», «изначального крестьянства» – по мысли философа – не городской. Это дух – «предкультуры».

В России Шпенглер видел два экономических мира: верхний, чужой, проникший с Запада, – «мнимо городской» и другой – не ведающий городов, живущий в глубине России среди «добра». Мир города связан с капиталом. А сельская Россия в «мистической внутренней жизни» считала деньги за *грех*. Шпенглер понял это, прочитав М. Горького и Л.Н. Толстого. Шпенглер в своих рассуждениях о «небуржуазности» русской души, сближался, если не совпадал с Н.А. Бердяевым. Суть псевдоморфоза, согласно заключению Шпенглера, и состояла в том, что «первобытную русскую душу» втиснули в «чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия». Народу «была навязана искусственная и неподлинная история». Ее дух прарусскость не может постигнуть, ибо она ей внутренне чужда, не соответствует степени зрелости русской культуры.

Откуда Шпенглер черпал свои заключения о России, состоянии, стадиях, перспективах «русского духа», псевдоморфозе как неустроенности души? Основные источники Шпенглера – Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. В своем интересе к русской литературе как источнику смыслов Шпенглер сближался с нашим Н.А. Бердяевым, славянофилами.

Подведем итоги. Немецкий исследователь видел в истории России три этапа: 1. страна до Петра I – период «предвремени», до культуры, до подлинной истории; 2. время от Петра I и до 1917 г. – ареал первого псевдоморфоза; 3. Россия при большевиках, с 1917 г. – ландшафт второго псевдоморфоза. О сроках предкультуры, псевдоморфоза он умолчал. Ускользала от «анализа и прогноза» и «русская душа».

Загадка России для Шпенглера, заключалась, в частности, в том, что религия, основанная на общности «учений и обычаев» – христианство, на Руси легла на иной «душевный элемент людей», которые «их усваивали, ими чувствовали, говорили и мыслили». Не уяснив смысла религиозного движения, заключал Шпенглер, не раз-

гадать «ни Толстого, ни нигилизма, ни политических революций», не понять будущего. А смысл этот был Шпенглеру, в отличие от Бердяева, непонятен. Шпенглер надеялся создать концепцию, которая будет работать применительно ко всем странам и народам, а пришел к исходному вопросу: «Чего следует ожидать от будущей России?»

-
1. Шпенглер Освальд. Закат Западного мира. М., 2010. С. 647.
 2. Аксаков К.С. О русской истории // Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 93.
 3. Шпенглер Освальд. Закат Западного мира... С. 651.

Г.С. Попова

ТРИЖДЫ ДЕВЯТЬ Б.Н. ПОПОВА – ФИЛОСОФА, СОЦИОЛОГА, КУЛЬТУРОЛОГА

В своем жизненном пути философ Б.Н. Попов постепенно усваивал смежные с философией науки – социологию и культурологию, разрабатывал в этих областях научного знания совершенно оригинальные подходы и взгляды. Его мы вправе называть основателем социологии и культурологии в республике Саха (Якутия) и создателем своей научной школы в данных областях. Ниже мы приводим собственную систематизацию проблемного поля научного интереса Б.Н. Попова, доктора философских наук, профессора, академика Российской академии социальных наук, Петровской академии науки и искусств, члена-корреспондента Международной академии высшей школы [1]. Систематизация приведена в новемологическую таблицу, представляющую собой три девятиричных матричных структуры (см. таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1

1. Области научного знания, которыми занимался профессор Б.Н. Попов

1.1.1. Философия	1.2.1. Социология	1.3.1. Культурология
1.1.2. Этика	1.2.2. Религиоведение и социология религии	1.3.2. Эстетика
1.1.3. Философия культуры	1.2.3. Социология культуры	1.3.3. Литературная критика (Эстетика ли- тературного текста)

© Г.С. Попова, 2012

Таблица 2

**2. Формы бытия культуры,
изученные профессором Б.Н. Поповым**

2.1.1. Человек и природа	2.2.1. Общество и человек	2.3.1. Культура и природа
2.1.2. Наука и философия	2.2.2. Семья и общество	2.3.2. Культура и человек
2.1.3. Дух и Духовность	2.2.3. Вера. Верование. Религия	2.3.3. Искусство и культура

Таблица 3

**3. Научные вопросы и проблемы,
привлекавшие интерес профессора Б.Н. Попова**

3.1.1. Кто такой настоящий философ?	3.2.1. Вопросы образования	3.3.1. Вопросы национальной культуры
3.1.2. Роль интеллигенции как элиты нации	3.2.2. Театр и общественная жизнь	3.3.2. Язык культуры и вопросы перевода
3.1.3. Смысл жизни: любовь, дружба, счастье	3.2.3. СМИ и СМК в жизни общества	3.3.3. Основы понимания искусства и Красоты

Заметим, что все, связанное с человеческой деятельностью, с его творчеством, как правило, имеет новемологическую структуру. Это связано с тем, что внутренний мир человека триедин в своей сути и в отдельности представляет собой физическую, психическую, нервную системы. Субстанции, представляющие собой природное, имманентное этих систем в традиционном знании саха называются соответственно Буор кут, Салгын кут, Ийэ кут. Нами отструктурирована подобным образом сфера духовной культуры этноса, где обнаружено всего трижды девять матричных стратов [2].

Чтобы показать системность научного творчества Б.Н. Попова, приведем составленную им и дополненную нами классификацию форм любви в курсе «Этики»: «Проявлений любви так много, как много на земле людей, потому что каждый любит сообразно со своим темпераментом, характером, жизненными понятиями, нравственными позициями, социальным положением и т. д. Между ними существует взаимная связь и взаимные переходы, ибо любовь слишком великое, всеобъемлющее чувство, могучее как мир, как сама жизнь. Сделаем попытку классификации этих проявлений» [3].

Автор выявляет 23 разновидности, формы любви, подробно, убедительно и квалифицированно описывая каждую из них. В его

классификации мы обнаруживаем такие разновидности любви, как любовь-каприз, любовь-дружбу, любовь-поклонение и т. п. Приводя все определенные им проявления любви в такую же матричную таблицу, мы увидим, что любовь по природе своей тринарна – это и понятно, потому что человек любит своей трединой сутью Кут. И феномен любви, проявляясь как духовное в культуре через одну из трех кут человека, по природе своей выливается в девять разновидностей. Таким образом, по логике вещей, форм любви всего трижды девять, то есть 27 (см. таблицы 4, 5, 6):

Таблица 4

Формы любви, проявляемые через субстанцию Буор кут био-физиологической сферы человека

1.1.1. Любовь «животная»	1.2.1. Любовь-подражание	1.3.1. Любовь деятельная
1.1.2. Любовь-жалость	1.2.2. Любовь покаянная	1.3.2. Любовь самоотверженная
1.1.3. Любовь-страсть	1.2.3. Любовь-тирания	1.3.3. Любовь жертвенная

Таблица 5

Формы любви, проявляемые через субстанцию Салгын кут психической сферы человека

1.1.1. Любовь-уважение	1.2.1. Любовь-маска	1.3.1. Любовь-самообман
1.1.2. Любовь-дружба	1.2.2. Любовь-интрига	1.3.2. Капризная любовь
1.1.3. Безответная, односторонняя любовь	1.2.3. Любовь драматическая	1.3.3. Любовь трагическая

Таблица 6

Формы любви, проявляемые через субстанцию Ийэ кут духовно-интеллектуальной сферы человека

1.1.1. Любовь красивая	1.2.1. Любовь романтическая	1.3.1. Любовь возвышенная, идеальная
1.1.2. Любовь-поклонение	1.2.2. Любовь-восхищение	1.3.2. Любовь идеализированная
1.1.3. Любовь-благодарность	1.2.3. Любовь платоническая, созерцательная	1.3.3. Любовь-расчет

Как видим из приведенной классификации, проявления любви имеют свою внутреннюю структуризацию, закономерны и взаимозависимы. Формы любви могут переходить друг в друга, так как эволюция духа именно в любви происходит наиболее осязательно и болезненно, и оттого люди так сильно переживают и страдают от любви. Так, при эгоистическом отношении любящих любовь может перейти в такие нежелательные формы, как любовь-тирания, любовь-страсть и т. п. Любовь-расчет отличен от брака по расчету, но также редко приводит к счастью.

Борис Николаевич тщательно исследовал признаки подлинной любви – их по его мнению оказывается пять. Мы считаем, что это также соответствует истине, потому что согласно традиционным знаниям народа саха все, что касается любви, связано с числом пять. К пяти признакам любви автор относит незаменимость, единственность любимого человека; эффект присутствия; взаимную потребность всестороннего духовного общения; взаимную половую страсть и стремление жить вместе, создать семью.

В заключение считаем необходимым заметить, что таких монолитов как Борис Николаевич Попов в якутской науке немного. Он является типичным носителем интеллектуальной, духовной, элитарной культуры нации саха. Как он сам говорил в книге о А.Е. Мординове: «Философом является лишь непредвзятый, искренний с собой самим и с Сущим, обладающий упорством познавательного устремления, исключительным постоянством и настойчивостью» [4].

1. Попов Борис Николаевич – заслуженный деятель науки Республики Саха (Якутия): библиографический указатель. Якутск, 2011. 173 с.

2. *Попова Г.С.* Троиединство в духовной культуре этноса (на примере саха): монография СПб., 2010. 346 с.

3. *Попов Б.Н.* Этика: учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1999. С. 132.

4. *Попов Б.Н.* Авксентий Мординов. Якутск, 2002. С. 3.

**ИССЛЕДОВАНИЕ КАМЕНСКОГО ЗАВОДА
И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ ЧЛЕНАМИ УРАЛЬСКОГО
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

В 1870 г. в Екатеринбурге была организована одна из крупнейших и авторитетнейших краеведческих организаций – Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ). Главной целью создания этого Общества было: «а) изучение и исследование Уральского края в естественноисторическом отношении; б) распространение естественноисторических знаний в этом крае» [1].

Определенное место в краеведческих изысканиях занимал Каменский завод. Одним из первых исследователей Каменского завода и его окрестностей являлся В.Г. Олесов (1839–1916). 20 сентября 1873 г. Василий Григорьевич на заседании общего собрания УОЛЕ по рекомендациям членов Общества В.И. Ильина, И.Т. Зубрецкого, О.Е. Клера избирается его действительным членом [2].

В 1874 г. он оборудовал во дворе дома метеостанцию, на которой ежедневно производил следующие наблюдения: температура воздуха, направление и сила ветра, степень облачности и количество осадков. Кроме этого производил также наблюдения над грозой, вскрытие и закрытием рек.

Василий Григорьевич занимался и этнографическими исследованиями. К 1884 г. он закончил работу над сборником пословиц и поговорок (всего 1222), которые записывал на территории Камышловского уезда. Публикует их в «Записках УОЛЕ» [3].

7 августа 1887 г. состоялось частичное солнечное затмение, которое наблюдал и зарисовывал Олесов. 23 августа того же года газета «Екатеринбургские ведомости» опубликовала его наблюдения.

В 1889 г. В.Г. Олесову было присвоено звание личного почетного гражданина «за неслужебные отличия по горному ведомству».

В 1890 г. Василий Григорьевич вместе с сыном Николаем обследовал крупную пещеру на Среднем Урале – Смолинскую, которая находится на р. Исети, близ с. Смолинского Покровской волости Екатеринбургского уезда. К 1 октября он закончил работу над статьей о

Смолинской пещере и составлением плана. 6 апреля 1891 г. Олесов на общем собрании УОЛЕ представил доклад по этой теме.

В конце 1891 г. краевед завершил работу над очерком «Результаты метеорологических наблюдений в Каменском заводе, Пермской губернии за 18 лет (1874–1891)» и издал его в сборнике «Пермский край», подготовленном Д.Д. Смышляевым.

В 1893 г. УОЛЕ обратилось с ходатайством к попечителю Оренбургского учебного округа о необходимости представления Олесова к награде – золотой медали «За усердие» за многолетние труды по метеорологии. 4 марта 1894 г. Василий Григорьевич стал обладателем этой награды.

В 1898 г. Петербургская Академия наук за заслуги по исследованию климата России утвердила Олесова корреспондентом Главной физической обсерватории. В 1910 г. В.Г. Олесов, как активный естествоиспытатель, был избран почетным членом УОЛЕ.

Среди действительных членов УОЛЕ с 1879 г. был горный инженер, заведующий каменноугольными работами в Каменской казенной даче Ф.Ю. Гебауер, открывший там большие залежи цинковых руд.

Летом 1890 г. совершил поездку по Шадринскому уезду, по исетской долине известный писатель, действительный член УОЛЕ Д.Н. Мамин-Сибиряк. Целью его путешествия был сбор материала о пугачевщине в Зауралье для исторического романа «Охонины брови». Побывал он и в Каменском заводе, который впоследствии стал прообразом Баламутинских заводов. В романе изображены события, происходившие в Каменском заводе в XVIII вв.

В августе 1892 г. посетил Каменский завод Г.А. Абельс – действительный член УОЛЕ. Он произвел магнитные наблюдения.

Членами УОЛЕ в различное время были жители Каменского района и любители родного края: Кихлер Леопольд Феофилович – горный инженер, купцы Шамарины, псаломщик В.Е. Тихомиров, крестьянин д. Токаровка – П. Токарев, следивший за состоянием санного пути, отмечавший вскрытие и замерзание рек, наблюдатель И. Черноскутов из д. Черноскутово и Н. Черноскутов из с. Травянского, членом-корреспондентом УОЛЕ была А. Иваницкая из с. Большое Горбуновское.

В 1898 г. посетил Каменский завод действительный член УОЛЕ, «отец русской геологии» Александр Петрович Карпинский. Геолог прошагал многие сотни километров, ведя геологическую съемку,

зарисовывал обнажения и начертил прекрасные разрезы по долинам рек Исети, Каменки, Камышенки, Багаряка, Синары. Карпинский составил подробную геологическую карту земель Каменского завода [4].

В 1899 г. с целью обследования Уральской горной металлургии прибыл в Каменский завод один из членов менделеевской экспедиции профессор минералогии Петербургского университета П.А. Замятченский. Им было составлено описание, а также подробная характеристика рудников Каменской дачи.

В начале XX в. исследованиями и изучением Каменского района занимался действительный член УОЛЕ, учитель естествознания, основатель Каменского краеведческого музея И.Я. Стяжкин.

В 1905 г. он оказался в числе первооткрывателей бокситов районе д. Соколово и д. Черноскутово.

В этом же году Иван Яковлевич составил «Словарь особенностей народного говора Камышловского уезда». В 1914 г. Стяжкин подготовил не менее интересный сборник уральского фольклора «Народная литература Камышловского уезда», насчитывающий 900 рукописных страниц. Его составляют песни поголосные, походячие, игрищевые, артельные, частушки, песни плясовые, песни-припевки, загадки, пословицы и т. д.

В 1910 г. за производство метеорологических наблюдений Стяжкин по поручению Учебного комитета ГУЗиЗ был избран членом-корреспондентом Главной физической обсерватории. 26 февраля 1912 г. УОЛЕ на общем собрании вследствие предложения Метеорологической Комиссии Общества, и принимая во внимание многолетний и добросовестный труд Стяжкина, избрало его членом-корреспондентом. В этом же время он начал сотрудничать с Петербургским Бюро по прикладной ботанике, стал ее корреспондентом.

16 января 1914 г. на основании высочайшего повеления от 21 февраля 1913 г. в память 300-летия дома Романовых, директором Главной физической обсерватории г. Петербурга, И.Я. Стяжкин, за производство метеорологических наблюдений, награжден бронзовой медалью [5].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. изучение истории и природы Каменского завода и его окрестностей разворачивалось под руководством УОЛЕ, силами его членов. Начато было изучение климата, велись метеорологические наблюдения, этнографические исследования, геологические разведки, одна-

ко в целом краеведческие изыскания еще не носили планомерного характера.

-
1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
 2. Записки Уральского общества любителей естествознания (ЗУОЛЕ). Екатеринбург, 1873. Т. 1. Вып. 2. С. 141–142.
 3. Записки Уральского общества любителей естествознания (ЗУОЛЕ). Екатеринбург, 1884. Т. 7. Вып. 4. С. 191.
 4. *Шевалев В.П.* Тропа Карпинского // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: сборник. Екатеринбург, 1997. С. 257.
 5. Каменск-Уральский краеведческий музей. Ф. Стяжкина И.Я. Д. 1. Л. 2–7.

С.В. Любичанковский

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛАХ
ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА)**

С середины XIX в. Российское государство и общество вступили в стадию динамичной модернизации. Одной из важнейших сторон этого процесса являлся процесс формирования гражданского общества, центральным звеном которого выступало развитие гражданской инициативы в социокультурной сфере. Именно этот феномен, который теория оценивает в качестве интегрального показателя формирования и развития гражданского общества, и стал предметом нашего исследования на материалах классической урало-поволжской губернии – Оренбургской.

Анализ источников показал, что гражданская просветительская инициатива в Оренбургской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв. постоянно нарастала и в своем развитии прошла 4 основных этапа. Наибольшую активность в период с 1875 г. по начало 1890-х гг. проявляло городское самоуправление, тогда как частная инициатива возникала эпизодически, а инициатива общественных организаций находилась в зачаточном состоянии и была связана глав-

ным образом с организацией точечной поддержки учащихся конкретных учебных заведений Оренбурга и Троицка. В период обострения социальной напряженности (середина 1890-х гг. – 1904 г.) в лидеры инициативной группы, наряду со стабильно удерживающим свои позиции городским самоуправлением, вышли частные лица, а общественные организации продолжали наращивать темп своей деятельности. С 1905 по 1912 гг. просветительская инициатива частных лиц постепенно начала сворачиваться, тогда как наибольшую активность стали проявлять общественные организации. Процессы рутинизации и бюрократизации стали наблюдаться в деятельности органов городского самоуправления. В 1913–1917 гг. лидерство в вопросах просветительской инициативы перешло к земствам. Их работа позволила активизировать деятельность других субъектов-инициаторов в сфере народного просвещения.

Важно, что весь исследуемый период наблюдалось стремление субъектов-инициаторов к координации собственной деятельности. К концу исследуемого периода все три вида просветительской инициативы (частных лиц, общественных организаций и органов самоуправления) взаимодополняли и поддерживали друг друга, то есть самоорганизовались в единую систему гражданской поддержки народного просвещения. Это ярчайший показатель формирования гражданского общества в оренбургской провинции в последней четверти XIX – начале XX вв.

Процесс гражданской просветительской инициативы в исследуемый период характеризовался расширением функционально-целевого разнообразия: к элементарному содержанию конкретных учебных заведений и оказанию помощи нуждающимся ученикам с течением времени добавилось открытие новых учебных заведений и выплата стипендий одаренным учащимся, открытие библиотек, а в последующем – создание целых новых секторов народного просвещения – сектора внешкольного образования для взрослых жителей губернии и сектора образования для жителей, плохо владеющих русским языком, учитывающего их этноконфессиональные особенности. Отметим также стабильное внимание и оказание поддержки такому сравнительно новому массовому сегменту образовательной системы как женское образование. Расширение охвата проблемы являлось показателем ее системного, а не фрагментарного видения, что также характеризует поступательное развитие гражданского общества в оренбургской провинции. Просветительскую деятельность по всему

спектру системы народного просвещения можно интерпретировать и как попытку создания некой всеобъемлющей альтернативы деятельности государственных органов в исследуемый период.

В территориальном отношении работа частных лиц, общественных организаций и органов самоуправления была неоднородной, однако динамика процесса характеризовалась явным расширением охвата территории Оренбургской губернии. Первоначально просветительская активность общественных сил сосредоточилась на городах, причем в первую очередь на губернском центре, а затем уже на уездных. С этой точки зрения «точками роста» гражданского общества в провинции являлись именно города. Однако к началу XX в. уже не только частные лица, но и городские общественные объединения обнаружили стремление охватить своей деятельностью и прилегающую к городу территорию уезда. С появлением в 1913 г. земства сельская местность стала объектом настоящего «культурного похода» в провинцию, в том числе т.н. «национальные районы», куда государственные образовательные инициативы внедрялись сложнее всего. Такой подход способствовал оптимальному сочетанию гражданской и государственной инициативы в области народного просвещения, поскольку позволял «закрывать» с помощью гражданской деятельности слабые места в государственной политике в области народного просвещения. Это тоже является серьезным свидетельством отсутствия застойных явлений в формировании гражданского общества в Оренбургской губернии в последней четверти XIX – начале XX вв.

Социальный статус инициаторов являлся весьма демократичным и включал в себя все основные социальные и этноконфессиональные категории населения Оренбургской губернии. Однако на начальном этапе в инициации тех или иных просветительских мероприятий значительную роль играли представители чиновничества (в том числе губернаторы и жены губернаторов), тогда как после революции 1905 года эта их роль перестала быть столь очевидной (они как частные лица не ушли с поприща просветительства, но перестали играть на нем определяющую роль). Государственные служащие фактически показывали другим жителям губернии модель должного поведения, поощряя авторитетом власти активность населения в сфере народного просвещения. В оренбургской провинции региональная бюрократическая элита показала заинтересованность и дала толчок процессу развития гражданской просветительской инициа-

тивы. Это свидетельствовало о несформированности (или незрелости) местного гражданского общества в начале исследуемого периода и о явном изживании данного параметра незрелости в межреволюционный период 1907–1917 гг.

Итак, выявленные конкретно-исторические параметры развития гражданской просветительской инициативы в губернии в пореформенный период можно свести к тому, что в провинции имели место: увеличение количества инициатив, расширение разнообразия основных направлений деятельности инициаторов, расширение охвата территории региона, вовлечение в число инициаторов все более расширяющегося круга представителей различных социальных слоев, нарастание стремления к координации негосударственной просветительской деятельности. Это свидетельствует о поступательном формировании гражданского общества на оренбургском участке российской провинции от зачаточного состояния во 2-й половине 1870-х – начале 1890-х гг. до достаточно сложного уровня самоорганизации в годы Первой мировой войны.

А.В. Шурикова

ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В ГОДЫ НЭП ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Процессы, происходившие в 1920-е гг., бурно обсуждались не только в стране, но и за ее пределами. Переход к новой экономической политике был воспринят частью буржуазной интеллигенции как возвращение к капиталистическим порядкам.

Оживление буржуазной идеологии проявлялось в самых различных формах. Многие из старого стало при НЭПе возрождаться и спешило утвердить себя в качестве «живой общественной силы». Так, теоретики правой русской либеральной эмиграции разрабатывали свои модели развития постбольшевистской России. Они надеялись принять активное участие в процессах возрождения страны. Эти надежды наиболее ярко выразил Каминка: «...А между тем сознательными и общественными идеалами проникнутая эмиграция живет надеждой, что процесс восстановления страны на иных основа-

ниях уже не за горами, и что она примет непосредственное участие в этом восстановлении» [1]. По мнению теоретиков «Руля», после гибели правящей в России деспотии, новые российские власти в своей практике будут руководствоваться принципом «от обратного», ликвидируя последствия большевистского эксперимента. Интересно, что критикуя большевистскую монополию внешней торговли, они, тем не менее, предполагали сохранить режим жесткого таможенного протекционизма в России. Они предполагали отказаться от содержания казенных предприятий и приступить к процессу их приватизации. По их мнению, частный интерес, частная инициатива сумели бы добиться сокращения накладных расходов, привели бы к снижению цен, ликвидировали бы проблему «товарного голода», сделали бы цены на промтовары доступными для потребителя [2].

Безусловно, важнейшее условие успеха рыночных преобразований в России они видели в их поддержке государством, которое должно было бы установить гражданский правовой режим, обеспечить гарантии неприкосновенности и личности. Основные же различия правых либералов с политикой большевиков лежали в политической области. Правые либералы рассматривали гражданский правопорядок как важнейшую предпосылку успеха рыночных преобразований, в то время как большевики остались убежденными сторонниками диктатуры.

Внимательное рассмотрение предложенной правыми либералами модели постбольшевистского развития страны заставляет усомниться в ее реалистичности. Явно был не продуман вопрос о приватизации, противоречили друг другу идеи о необходимости включения России в систему международного разделения труда и задача создания национальной индустрии на основе таможенного протекционизма. В целом они оценивали большевистскую модель НЭПа как тупиковую, обреченную на ликвидацию.

Наиболее же ярко буржуазная идеология выразилась в сменовеховстве. Своим лозунгом сменовеховцы провозгласили: «Домой на родину, за работу!» Этот призыв воспринимался большевиками как стремление сменовеховцев трудиться во имя возрождения старой России.

Главными экономическими принципами, по мысли буржуазных ученых, должны остаться принципы капиталистического предпринимательства. Понимая НЭП как возрождение старых основ и стимулов экономики, они отвергали идею планирования народного

хозяйства. Процесс преобразования в экономической области должен пойти по пути постепенного ограничения сферы государственного коллективизма за счет расширения сферы частной инициативы, но в то же время с учетом интересов современной власти [3].

Сменовеховство как общественно-политическое течение было разделено на два крыла и не имело ни единой политической программы, ни идеологической платформы.

Одна из позиций сложилась вокруг журнала «Смена вех», а после прекращения его издания вокруг газеты «Накануне». Наиболее видными представителями берлинского сменовеховства были А.В. Бобрищев-Пушкин, Ю.В. Ключников, С. Лукьянов. Газета «Накануне» писала, что их идеология твердо и решительно отвергает всякие реставраторские, посвященные капитализму помыслы и вождения... Возврата к буржуазно-капиталистическому порядку в России быть не должно. Они признавали также, что в «настоящее время нельзя обойтись без диктатуры пролетариата».

В публичных выступлениях сменовеховцы отрицали свое стремление к власти. А. Бобрищев-Пушкин писал: «Другой класс пришел к нам на смену, он сильнее нас. Его право на революцию и на власть доказано неоднократно: признание этого права и является сменой вех» [4].

Левые сменовеховцы рассматривали НЭП как политику, способную осуществить такую «социально-политическую форму, которая покоилась бы на преодолении капиталистических устоев». Представители левого крыла сменовеховства выступали за создание режима правового государства, за утверждение гражданско-правовых норм на основе равенства перед законом и за распространение политических прав на беспартийные трудовые элементы. Отвергая капиталистический путь развития, представители этого течения выступали за поворот в сторону государства «трудовой демократии».

Другая группировка сложилась вокруг альманаха «Русская жизнь» и газеты «Новости жизни». Главную роль здесь играл Н. Устрялов. В противовес «накануневцам», Н. Устрялов пришел к выводу, что новая экономическая политика – не тактика, а эволюция советской власти к капитализму и буржуазному правопорядку. Переход к НЭПу и оживление рыночных отношений рассматривался как начало реставрации старых порядков. Процесс сползания, по мнению Н. Устрялова, начался с отказа большевистской партии от военно-коммунистической линии развития. По его мнению, советская власть

раз встав на путь сползания к буржуазным формам хозяйствования, делая им серьезные уступки, настолько увлечется их логикой, что возвращение на старые позиции окажется им уже невозможным.

Вслед за уступками в экономической сфере неизбежно должны последовать уступки в сфере политической. Н. Устрялов считал, что власть сама ликвидирует все «излишества» революции, и, в конце концов, трансформируется во власть буржуазную.

Таким образом, сменовеховцы в НЭПе усматривали отход от революционного экстремизма, переходе России от великой утопии к здравому смыслу, отход от революционного экстремизма, смену революционного пути на эволюционный.

1. Каминка А.И. Крестьянское благополучие // Руль. 1925. 18 сентября.

2. Серафим Т. Европейские штаты // Руль. 1924. 16 февраля.

3. Смена вех. 1921. № 1. С. 13.

4. Накануне. 1922. 14 апреля, 3 июня, 16 августа, 16 сентября.

Т.Н. Иванова

ЗАГАДКА ПОРТРЕТА В.И. ГЕРЬЕ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Профессор Московского университета Владимир Иванович Герье (1837–1919) известен не только своими лекциями и научными трудами по всеобщей истории. Крупный общественный деятель Москвы, инициатор развития общественной благотворительности, выступавший за реформирование школьного образования и системы медицинского обеспечения, он был фигурой весьма уважаемой москвичами. Главным его достижением общественность считала открытые в 1872 г. в Москве Высшие женские курсы, известные как курсы Герье. Его дом в Гагаринском переулке был местом встреч московской профессуры и деятелей культуры. Он был хорошо знаком с писателями Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, П.Д. Боборыкиным, В.В. Розановым, В.Л. Брюсовым, был частым гостем в мастерских московских художников и на выставках их работ.

На обложке вышедшей в 2010 г. книги Д.А. Цыганкова «Профессор В.И. Герье и его ученики» впервые опубликован фрагмент

портрета В.И. Герье, хранящегося в запасниках Государственного Исторического музея. По мнению хранителей, предположительно, портрет создан Николаем Петровичем Богдановым-Бельским (1868–1945) [1]. Этот художник известен не столько своими портретами, сколько картинами бытового жанра («Устный счет», «Новые хозяева», «Сочинение» и др.).

О существовании не демонстрировавшегося широкой общественности портрета Герье было известно по воспоминаниям и архивным документам. Так, М.М. Мелентьев вспоминал о посещении в конце 40-х гг. XX в. московского дома профессора, где доживала свой век его младшая дочь Софья Владимировна Герье (1878–1956), и где на стене висели «большие портреты маслом В.И. Герье и его жены» [2]. Сохранился черновик завещания Софьи, написанный крайне неразборчиво. В связи с этим приведем дословно важный фрагмент из него: «Передать [...] портреты через Елену Владимировну Сильверсван в Третьяковскую галерею – Е.И. Герье 68 [а или г?] Шервуда В. [И.?] Герье 1912. Богданов-Бельский» [3].

По наведенным нами справкам в Третьяковской галерее нет портретов супругов Герье. Это позволяет предположить, что опубликованный Д.А. Цыганковым портрет – тот самый, упомянутый в завещании, который, если верить словам Софьи, был написан Богдановым-Бельским в 1912 г. Однако в описях Исторического музея авторство Н.П. Богданова-Бельского обозначено предположительно, с вопросительным знаком.

Н.П. Богданов-Бельский был воспитанником близкого друга Владимира Ивановича Герье, профессора ботаники Московского университета С.А. Рачинского (1833–1902), который после своей отставки в 1867 г. проживал в имении близ Бельска. В этом имении во время летних вакансий несколько раз гостил Герье. В 80-е гг. XIX в. Богданов-Бельский при материальной поддержке Рачинского учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, где в то время преподавал хороший знакомый Герье Ю.Ф. Виппер, что позволяет предположить возможность частых московских встреч Герье с молодым художником. Это знакомство продолжалось и далее. Если портрет действительно был написан Богдановым-Бельским в 1912 г., то это, скорее всего, могло произойти в Петербурге, где в то время проживал художник и куда периодически приезжал на сессии Государственного Совета В.И. Герье. В любом случае стоит отметить, что свидетелем создания портрета не могла быть Софья, находившаяся в эти годы за рубежом.

Портрет изображает В.И. Герье уверенно восседающим в высоком, обтянутом парчой старинном кресле на фоне гобелена с итальянским пейзажем, в парадном черном сюртуке с выделяющейся на черном фоне золотой цепью от часов, на медальоне которой выгравированы буквы «ВЖК». На первый взгляд это яркое золотое украшение придает образу профессора какой-то барственный вид. Однако эта цепочка с медальоном была дорога Герье как олицетворение дела его жизни. В 1918 г. во время обыска большевиков в его доме она пропала, о чем профессор очень жалел. Но не о часах и золотой цепи, а о «дорогой мне медали, поднесенной мне в память Высших женских курсов» [4]. Не случайным можно считать и итальянские мотивы портрета. Ведь именно в Италии проживала с 1902 по 1913 г. Софья, и там в это время ежегодно отдыхало семейство Герье. Именно в средневековой Италии разворачивались события монографий профессора о Франциске Ассизском, Григории VII, Иннокентии III.

Однако изображенному на портрете представительному мужчине с пронизательным взглядом синих глаз трудно дать 75 лет, которые исполнились В.И. Герье в 1912 г. На сохранившихся в архиве ученого фотографиях, сделанных в 1902 г. в Сан-Ремо, он выглядит старше, чем на портрете [5]. Недаром на открывшейся в марте 2012 г. выставке «Национальная портретная галерея» в Историческом музее, где впервые экспонировался портрет Герье, время создания в аннотации предположительно дано как «1890-е гг.».

Возможно, автором анализируемого портрета является другой художник, также упоминаемый в завещании Софьи, – Владимир Иосифович (Осипович) Шервуд (1832–1897), близкий друг семьи Герье. Сохранились письма В.И. Шервуда к Владимиру Ивановичу, относящиеся к 80–90-м гг. XIX в. В них художник благодарит профессора за протезирование учебы своих сына и дочери, упоминает о каких-то картинах, приглашает посетить свою мастерскую, выражает соболезнование в связи со смертью сына Герье Александра, умершего в 1893 г. и т. д. [6]. В эти последние годы жизни Шервуд был частым гостем в доме Герье. Возможно, именно тогда Владимир Иванович мог позировать художнику.

В.И. Шервуд известен серией портретов представителей московской профессуры, в том числе близкого друга Герье Б.Н. Чичерина. В 1894 г. Шервуд закончил работу над портретом коллеги Герье по историко-филологическому факультету В.О. Ключевского. Сравнимая композиция двух портретов, невольно ощущаешь их опреде-

ленную «диалогичность». Ключевский на портрете Шервуда сидит примерно в той же позе, что и Герье на нашем портрете, но в зеркальной проекции. Простой светлый сюртук и скромное кресло на портрете профессора отечественной истории В.О. Ключевского вступают в некий диссонанс с пышными итальянскими мотивами на портрете профессора всеобщей истории В.И. Герье. Стоит упомянуть об определенной «диалогичности» взглядов Ключевского и Герье по многим научным и общественно-политическим вопросам. Два соратника, долгие годы бок о бок проработавшие в Московском университете, могли восприниматься современниками как оппоненты по ряду позиций, что видно из сопоставления двух портретов.

Если портрет Герье написан В.И. Шервудом, то это может объяснить, почему картина, вопреки завещанию Софьи Владимировны, оказалась не в Третьяковской галерее, а в Историческом музее. Здание музея спроектировал Шервуд, и здесь хранятся некоторые произведения этого художника, более известного своими архитектурными проектами.

Загадка авторства анализируемого портрета В.И. Герье не может быть решена без тщательной искусствоведческой экспертизы, что вне нашей компетенции. Однако, несмотря на результаты подобной экспертизы, само изучение данного вопроса дает представление о едином коммуникационном пространстве московской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., когда тесное общение сплачивало в единое интеллектуальное сообщество ученых, художников и писателей.

1. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 27.

2. *Мелентьев М.М.* Мой час и мое время: Книга воспоминаний. СПб., 2001. С. 458.

3. РГАЛИ. Ф. 2432 (Добров М.А.). Оп. 1. Д. 452. Л. 60.

4. НИОР РГБ. Ф. 70. К. 32. Д. 11. Л. 1.

5. НИОР РГБ. Ф. 70. К. 92. Д. 1.

6. НИОР РГБ. Ф. 70. К. 56. Д. 26.

В.П. Касьянов

ИЗ ПРАКТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА СКУЛЬПТОРА В.Ф. ВИНКЛЕРА

Более 20-ти лет мне приходится заниматься изучением жизни и творчества чешского скульптора Владимира Винклера (1884–1956), своим творчеством оставившего яркий след в культуре Омска, а также, создавшего много произведений скульптуры во Владивостоке и Харбине. Имя скульптора сразу после его отъезда в 1918 г. из Омска было забыто: волны гражданской войны, сменявшие друг друга, смыли его из памяти горожан. В 1923 г., при создании памятника «Борцам революции», скульптор Н.Н. Виноградов назвал его венгерским военнопленным.

Сорок лет имя Винклера оставалось в забвении. Открыть его помог счастливый случай. В 1959 г. директор музея омских железнодорожников В.А. Шакурова во время туристической поездки в Чехословакию познакомилась с Ладиславом Пршеносилом. В годы Первой мировой войны он был в плену в Омске и работал вместе с Винклером над оформлением здания Управления Омской железной дороги. В своих письмах он сообщил много полезных сведений, в том числе и сообщил имя Винклера, руководившего скульптурными работами.

Газетная статья об этом послужила толчком к исследовательской работе сотрудника музея им. М.А. Врубеля И.Г. Девятьяровой. Она обнаружила в Омском архиве документы, подтверждающие авторство Винклера в отношении скульптурного оформления Драматического театра. Она нашла интересные сведения о создании Винклером статуи «Пан». Ценными сведениями стали воспоминания об отце старшего сына Владимира, записанные Девятьяровой. С конца 1980-х гг. изучением жизни и творчества скульптора в основном пришлось заниматься мне. Для этой цели был использован метод исследования стилистических особенностей его творческого наследия. Внимательное изучение уже известных двух произведений мастера позволило выйти на атрибуцию еще трех произведений, оставшихся анонимными.

Все скульптуры ваятеля отличались на фоне работ других авторов высоким художественным уровнем, прекрасным знанием пластической анатомии. Так в 1999 г. во время реставрации здания Дра-

матического театра мне удалось более тесно познакомиться с работами Винклера. Особенно привлек внимание бюст Л.Н. Толстого, вылепленный с большой психологической и портретной достоверностью. Фотографии бюста были сопоставлены с изображением аллегорической фигуры Времени на фасаде здания Мэрии, ранее принадлежащем Руссо-Азиатской компании. Бросилось в глаза большое сходство двух изображений. Это послужило первым шагом к атрибуции скульптурного оформления фасада. Мною было доказано авторство Винклера в отношении этого произведения.

Большой удачей стало нахождение в 2002 г. подлинного бюста Л.Н. Толстого. Он двадцать лет хранился в семье скульптора В.А. Самардина. На тыльной стороне была дата (1915) и авторская подпись Винклера. Теперь бюст находится в омском музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля.

Внимательное изучение фасадов зданий дореволюционной постройки привело еще к одному открытию неизвестного произведения Винклера. В 2004 г. меня заинтересовал картуш с цифрой «1916» на фасаде здания Аграрного техникума (бывшего Коммерческого училища). Стиль и качество его исполнения говорило в пользу авторства Винклера. Два маскарона, изображающие Коммерцию и бога торговли Меркурия на главном фасаде, только подтвердили мою догадку. Было выяснено, что в 1916 г. здание училища строил архитектор Ф.А. Черноморченко, он же одновременно занимался строительством синаматографа «Крислалл-паласс» (ныне Зал органной музыки). Это обстоятельство выводило на предположение, что декором синаматографа занимался Винклер. Более пристальное его изучение и аргументированная атрибуция подтвердили догадку. Таким образом, был устранен хронологический пробел в творчестве омского периода ваятеля.

В 2000 г. судьба предоставила мне возможность познакомиться непосредственно с главными произведениями мастера. Это четыре аллегорические статуи на фасаде здания Управления омской железной дороги. В процессе их реставрации представилась возможность изучить творческий метод скульптора, выявить некоторые технические приемы мастера. Параллельно исследованиям в Омске велась большая переписка с различными адресатами на пространстве от Австралии до Карловых Вар. Внуки Винклера, живущие в Омске, дали мне адреса оставшихся в живых его детей. На мои письма пришли ответы из Австралии от дочери Елены, из красноярского края от

дочери Веры, из Карловых Вар от сына Игоря. Из Хабаровского архива были присланы копии нескольких важных документов. Тесная переписка завязалась Н.С. Иванцовой из Приморской публичной библиотеки Владивостока. Она прислала уникальные снимки фасадов Дворца труда и Нового театра с изображениями произведений Винклера. Она же порекомендовала обратиться к архитектору Н.П. Крадину, живущему в Хабаровске и изучающему архитектуру и скульптуру Харбина. Он прислал несколько фотографий с несохранившимися произведениями скульптора. Эти изображения посылались Чехию к сыну скульптора Игорю Владимировичу, который дал им обстоятельные характеристики. Обширная переписка с потомком Винклера бесценна, потому, что подробно сообщает о харбинском периоде творчества ваятеля. Накопленный таким образом материал стал интересен издаваемому в Праге журналу «Русское слово», где опубликована моя статья о скульпторе Винклере. Обширную статью о скульпторе поместил Н.П. Крадин в большом издании о дальневосточных художниках.

В 2006 г. во время посещения Праги и Карловых Вар мне удалось встретиться с главным редактором «Русского слова» Андреем Фозикошем. Он помог найти Академию художеств, где учился Винклер. Без особого труда мне удалось найти и атрибутировать оформление театра «На виноградах». В данном случае он определялся по существенным признакам творчества Ладислава Сухарды – учителя Винклера, пригласившего ученика к совместной работе. В скульптурном оформлении Праги мне удалось найти много образцов, на которые ориентировался Винклер в своем творчестве вдали от родины. Трогательной была встреча с сыном скульптора, Игорем Владимировичем, в Карловых Варах. Она показала, что информации о жизни и творчестве его собрано достаточно. Это дало основание для подготовки книги под названием «Одиссея скульптора Владимира Винклера». Одновременно мною был создан видеофильм с аналогичным названием.

Казалось, тема закрыта, но жизнь принесла сведения в неожиданном месте. На музейной биеналле в Ханты-Мансийске мне встретилась фамилия Гондатти. Она встречалась на одном из мраморных надгробий, созданных Винклером в Харбине. Открылась еще одна интересная страница творчества мастера. Мраморный ангел скорбел над могилой О.Н. Гондатти, младшей дочери тобольского губернатора Н.Л. Гондатти, в годы гражданской войны переехавшего с семь-

ей в Харбин. Ранняя смерть любимой дочери заставила обратиться к скульптору Винклеру, жившему тогда в Харбине. Заказ был выполнен блестяще.

Таким образом, в заключение следует сказать, что исследования в области культуры, представляют сложный, но необычайно увлекательный процесс, в который вовлекается большое число искусствоведов, архивистов, краеведов, музейных работников и прочих людей, неравнодушных к предмету исследования; для Омска появление В.Ф. Винклера явилось большой удачей; обращение в Хабаровск и Владивосток помогло краеведам целенаправленно заняться изучением творческого наследия Винклера; электронная почта, пришедшая на смену традиционной почты, значительно облегчила и убыстрила процесс исследования; настоящее исследование вылилось в диалог со многими коллегами в интеллектуальном пространстве «без границ».

Т.В. Цимбал

НЕОБХОДИМОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ КАК СТИМУЛ ЭМИГРАЦИИ

Проблема творчества и творческого потенциала личности неоднократно становилась предметом серьезной философской рефлексии, однако возможности ее дополнительной рациональной реификации неисчерпаемы. Особенность авторского подхода состоит в том, что творческий потенциал личности рассматривается как стимул эмиграции в контексте концепции бытийного укоренения человека. Укоренение рассматривается нами как «бытие-для-себя» и «культура себя», максимальная полнота бытия человека, актуализация и реализация всех его сущностных сил, возможностей, целей и ценностей [1].

Эмиграционный потенциал личности зависит от ряда факторов как объективного, так и субъективного характера (тип общества, особенности взаимодействия личности и общества, жизненные стратегии личности и т. д.). Специфический тип взаимодействия общества и личности представлен опытом творческих людей, т. е. тех, для

кого творчество (главным образом – художественное) является профессией. Необходимо подчеркнуть, что творчество – это не главный предмет нашего исследования, однако в контексте концепции бытийного укоренения человека (в широком, онтологическом смысле) творчество выступает как экзистенциал и способ бытийного укоренения человека. Если же рассматривать бытийное укоренение в узком смысле (локальном, как укоренение на отечественной почве), то проблема творчества предстает новыми гранями. И в первую очередь – это диалектика нормативности общества и креативности личности, диалектическое взаимодействие идеи детерминации и идеи новизны. Данная проблема, по сути, является камнем преткновения для многих исследователей, и решить ее в рамках гомеостатической парадигмы, исходя исключительно из биологической и социальной мотивации, невозможно. Самым важным аспектом проблемы творчества в контексте концепции бытийного укоренения человека является конфликт между общественно-нормативным способом бытия человека и феноменологическим пониманием творчества как индивидуальности.

Творческая личность, в отличие от обывателя, который имеет высокую степень адаптивности и своей бездеятельностью, пассивностью и конформизмом может способствовать репрессивному влиянию социальной нормативности, противостоит системному насилию в процессе культивирования деятельной активности. Таким образом, противоречия между креативностью и внешними (социальными) ограничениями предстают в качестве внутренних противоречий самой личности, в качестве конфликта творческого начала и социального статуса, конфликта «креативного Я» (А. Адлер) и социального интереса человека, конфликта между стремлением личности к самоактуализации и осознанием своей зависимости от внешних обстоятельств (А. Маслоу).

Креативная личность не может жить и творить в условиях репрессивной системы, которая стремится к унификации опыта. Общественный способ жизни личности предполагает наличие норм, правил, моделей поведения, то есть определенных ограничений. Однако человек, который стремится к творческой самореализации, творческой деятельности, не воспринимает общество в качестве единственного поля для реализации возможности самореализации. Более того, творчество как активная неадаптивность, как спонтанная незапланированная активность выступает в определенной мере проти-

воположностью нормативности. И хотя любой человек – продукт общественных отношений, творческая личность не может ориентироваться исключительно на определенные общественные ограничения, так как у нее есть другие ограничения – собственные способности и моральность, которые и обеспечивают сохранение уникальности и воплощение замыслов.

Заметим, что концепцию активной неадаптивности обосновал известный психолог В. Петровский [2]. Принцип активной неадаптивности состоит в особенном целеполагании, когда человек заранее знает, что результат его активности может быть иным, не желаемым или должным. Однако сама эта возможность иного определяет выбор действия. В процессе осуществления намерения у творческой личности спонтанно возникают новые образы возможного будущего, такие, которые не являются следствием целевых ориентаций. Образ возможного не обязательно наглядный и не является целью в понимании осознанного образа результата действий. Субъективно он представлен как ощущение собственных возможностей творческого человека: «я могу» противостоит «мне можно». На наш взгляд, «я могу» и является проявлением активной неадаптивности, что соотносится с чувством вдохновения и сопровождает творческий процесс.

В определенных типах общества творчество человека должно подчиняться либо правящей идеологии, либо материальным факторам. Отклонение от нормы, от поставленной внешней цели является недопустимым. Человек должен адаптироваться и пассивно «плыть по течению». По сути, для творческой личности это означает утрату возможности самореализации и творчества. Творческий человек, как правило, одинок. Это человек мира, экстерриториальное существо. Однако, будучи сформирован родной культурой, он в то же время переживает за судьбу страны, в которой живет, вступает с ней в диалог, он имеет возможность увидеть и свою страну, и другую как изнутри, так и снаружи, что порождает потенциально богатое и масштабное видение. То есть, эмигрант-творец объединяет одновременно локальное (эмпирическое) и транслокальное (надэмпирическое) видение событий, ситуаций, людей. Творец-эмигрант экзистенциально присутствует на территории пограничья, возвращаясь из локуса чужой культуры, чужого языка в свою культуру, на свою культурную территорию, постоянно меняя зоны творчества.

Именно поэтому потребность свободы творчества, стремление к личной свободе выступает одной из ведущих причин эмигра-

ции писателей, художников, то есть людей творческих профессий. Причем о добровольности эмиграции можно говорить лишь условно. Общество или «выталкивает» нежеланного творца, или создает неприемлемые условия существования, принуждая его выехать вроде бы добровольно.

Иногда в ситуации нормативного давления системы (например, в тоталитарных государствах), творческая личность находит выход в так называемой «внутренней эмиграции» – отстранении от внешнего мира. Однако внутренняя эмиграция и эмиграция реальная не являются, с нашей точки зрения, продуктивным способом избавления от давления общественной нормативности. Возможность творить «для себя» – непродуктивный путь выхода креативной энергии. Создавая новое, человек реализует себя и познает себя не только по определенным результатам (продуктам), а и по влиянию, которое имеет этот результат на других людей. Творец транслирует себя, представляя другим свои произведения. Поэтому писать «в стол», не имея свободы представления произведения, не является решением проблемы. Реализация творческих потенциалов требует выхода в наднормативное пространство в процессе самотрансценденции, так как в осмыслении феномена творчества мы исходим из того, что сущность человека характеризуется способностью быть открытой миру, открытой внешним изменениям. Быть человеком – значит быть «эксцентричным существом» (Г. Плеснер), выходить за границы самого себя, развиваться, самосовершенствоваться, каждый день преодолевать себя и становиться личностью. «Быть человеком – это означает не ограничиваться тем, что ты есть, это означает всегда выходить за границы самого человека» [3]. Последнее предполагает приоритетность не потребительских стремлений, утилитарных ценностей, а бытийных стремлений, которые ориентированы на личностные и надличностные ценности, на открытие духовных горизонтов возможностей человека и реализацию жизненного предназначения.

1. Цимбал Т. Буттєвісне укорінення людини. Київ, 2005. 219 с.

2. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. М., 1992. 240 с.

3. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 136.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ*

В первом приближении вопрос определения «молодежности» культуры кажется тривиальным. Ведь в обыденном, интуитивном понимании категория «молодежь» кажется очень простым термином. Однако если попытаться дать конкретное описание данного феномена мы тут же столкнемся с множеством вопросов. Во-первых, сама категория «молодежь» является социально-демографическим понятием, границы которого весьма условны. Как определить в каком возрасте человека можно отнести к категории молодежь, а в каком нельзя? Без четкого понимания того, что есть «молодежь» нельзя дать ответ и на следующий интересующий нас вопрос – что такое молодежная культура? Каковы ее критерии и где ее границы? Таким образом, для изучения молодежной культуры одним из самых сложных проблем является вопрос «границ» понятий.

«Молодежная» тема в социально-культурной антропологии достаточно молода. Ученые антропологи начали изучать сущность данного феномена всего несколько десятилетий назад. Скорее всего, тот факт, что данная тема достаточно поздно попала под прицел антропологического изучения, может быть объяснен существованием иллюзии некой интуитивной ясности данного феномена. Казалось, что «молодежь» это всего лишь аналитическая категория, используемая демографией для обозначения одной из социально-демографических групп населения.

Позднее ученые обратили внимание на то, что помимо чисто возрастного критерия существуют некоторые другие общие черты, позволяющие причислять человека к данной группе. В социологической литературе выделяют следующие особенности: возрастные границы молодежи; специфика социального статуса; ролевые функции и особенности поведения; характеристики социально-демо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Жить в эпоху перемен»: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940-е – 2000-е годы)), проект № 12-31-01043-а1.

графической группы; социально-психологические характеристики; процесс социализации в конкретный исторический период; самоидентификация и самоопределение молодежи как социальной группы [1].

Однако многие авторы осторожно отмечают, что данная характеристика молодежи является весьма условной. В частности, условность этих черт объясняется тем, что возрастные рамки, как и другие характеристики, которыми определяются специфические черты, присущие молодежи «...зависят от характера и уровня развития общества, культуры и особенностей процесса социализации» [2]. Например, если в XIX в. нормальным для вступления во взрослую жизнь считался возраст 20 лет, то сегодня границей может считаться возраст в 30 и более лет. Таким образом, «социологический портрет» молодежи носит социально обусловленный характер и может изменяться в зависимости от особенностей того общества, к которому относится представители, рассматриваемой нами социальной группы.

Однако, тех характеристик, которыми наделяет молодежь социология, становится недостаточно, когда мы пытаемся понять, почему представители рассматриваемой группы так сильно отличаются от остальных людей, принадлежащих к данному обществу.

С точки зрения социально-культурной антропологии любая группа людей помимо прочих характеристик должна обладать и собственной культурой. Именно на этом основании в научном мире выделяется особая молодежная культура (или, как еще пишут в научной литературе, субкультура). Анализ особенностей молодежной субкультуры в антропологической литературе уже стал традиционной темой социальных исследований. Часто молодежную субкультуру определяют как культуру «определенного молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов» [3]. В данном определении молодежная субкультура рассматривается как характеристика присущая всему молодому поколению. Однако такое обобщение, по нашему мнению, не может считаться оправданным. В связи с этим отметим, что правильнее говорить о существовании целого спектра различных направлений молодежной субкультуры.

В связи с огромным разнообразием молодежных субкультур встает проблема их классификации. Эта классификация могла бы стать удобным аналитическим инструментом, позволяющим все-

сторонне рассмотреть интересующий нас феномен. Таким образом, разработка такой классификации должна стать задачей для дальнейшего исследования.

1. *Безрукова О.Н.* Социология молодежи: учебно-методическое пособие. СПб., 2004. С. 6.

2. Молодежная культура и контркультура // Энциклопедия экономиста. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/subkultura.html> (дата обращения: 15.10.2012).

3. Социология молодежи: учебник. СПб., 1996. С. 335.

Раздел II

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЯХ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИДЕАЛЫ. ЦЕННОСТИ

М.А. Степанова

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОГО ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Идеология как система ценностных ориентиров никогда не зарождается «сама по себе», она требует тщательно подготовленной базы, основания, некой фундаментальной идеи, которая сможет сыграть роль отправной точки для приращения опорных идеологических смыслов. Последние политические события показывают, что таким идеологическим базисом, приемлемым и для власти, и для народа становится понятие «стабильность». Современную Россию в противовес раздираемой кризисом Европе известные политики видят «островком стабильности» (такую мысль в 2008 г. на форуме в Давосе высказал, а затем не раз повторил ее А. Кудрин; именно так обозначил свои позиции В. Путин, выступая с новогодним обращением к нации в декабре 2011 г.).

Предвыборные дебаты политических соперников в период парламентских (декабрь 2011 г.) и президентских (март 2012 г.) выборов оказались той ареной, на которой столкнулись две крайние позиции: «стабильность – вот, что нам нужно» и «нам не нужна такая стабильность». Итоги выборов показали, что россияне сделали свой выбор в пользу существующей, пусть с оговорками, но стабильности.

Возникает вопрос: насколько важной может оказаться роль интеллигенции в поддержании и укреплении этой новой базовой идеологии? Отторжение самой мысли о появлении новой структурированной идеологии, имеющей определенный каркас, вполне естест-

венно, если учитывать предшествующие десятилетия тоталитаризма. Однако следует понимать, что государство, идеология которого представляет собой хаотичное нагромождение лозунгов, не может двигаться вперед. Сегодняшняя задача состоит в том, чтобы перевести определенную существующую экономическую стабилизацию в стабильное существование всех аспектов государства и общества, всех социальных институтов. Но как сделать правильный выбор и не превратить стабильность в стагнацию?

Подобное «стабилизирование» социальных отношений видится в первую очередь в укреплении института семьи, поскольку здесь зарождаются понятия уважения, терпимости, понимания, сочувствия, прощения, любви к ближнему, недостающие сегодня нашему обществу. Воспитание детей, передача культурных ценностей от поколения к поколению, непрерывность культурной цепочки — непременная составляющая сильного государства. Вряд ли кто-то будет оспаривать этот тезис. Страна, находящаяся на пороге демографической катастрофы, не сможет долго удерживать свои политико-экономические позиции в мире. Основой развития страны должны стать не только модернизация и инновации, но и возврат к старому, архаичному — «дом», «семья», «дети».

Роль интеллигенции всегда была в том, чтобы тонко чувствовать, понимать и отличать настоящую культуру (в том числе и в быту) от того, что называли мещанством. Сегодня ученые-гуманитарии должны прилагать все усилия к созданию нового образа старых социальных отношений. Именно в этом видится одно из самых актуальных направлений в области развития социальных ценностей, идеалов и норм.

Н.П. Матханова

ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРАЧЕЙ И МЕДИЦИНСКИХ ОБЩЕСТВ В СИБИРИ XIX В.*

Врачи были одной из наиболее активных и многочисленных групп сибирской интеллигенции, они занимали особое место в обществе, что определялось не только их профессией, но и общественной деятельностью. Они же одними из первых начали создавать свои

* Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00242а.

профессиональные организации – общества врачей или медицинские общества.

Их профессиональная деятельность не раз становилась предметом исследования, преимущественно историков медицины [1]. В то же время и индивидуально, и коллективно врачи проводили разнообразную общественно-просветительную работу, которая, как правило, была связана с их профессией, но выходила за рамки должностных обязанностей.

Первым по времени и наиболее известным видом общественной деятельности было научное изучение края. Порой оно было совершенно не связано или лишь косвенно связано с профессией. В научных экспедициях по Сибири первой половины XIX в. непременно участвуют врачи. В результате публикуются статьи, путевые записки, корреспонденции. В них не только характеризуются гигиенические привычки населения, распространенные в том или ином регионе болезни, но и описывается образ жизни русского и аборигенного населения – его быт, хозяйство, жилища, одежда, верования и т. д. Работы Ф.М. Белявского, А.А. Бунге, А.Ф. Кибера, К.Ф. Ледебура, В.Н. Тюшова и др. стали заметным вкладом в сибиреведение. Во второй половине столетия в связи с профессионализацией изучения Сибири подобных общенаучных сочинений становится меньше, обычно они встречаются применительно к все еще малоизученным далеким окраинам – Чукотке, Камчатке, Сахалину. С другой стороны, нарастает количество и заметно растет уровень сугубо профессиональных медицинских исследований, даже если они посвящены сравнительно широкой тематике – наиболее характерны работы М.Ф. Кривошапкина и Н.И. Кашина. С возникновением отделов ИРГО врачи нередко становятся его членами и членами-корреспондентами, их статьями на естественнонаучные, медицинские и иные темы заполняются страницы «Трудов» и «Записок», они выступают с докладами на заседаниях общества.

Прямое отношение к профессиональным занятиям имело такое направление общественно-просветительной деятельности, как санитарное просвещение. В первых же возникших в Сибири газетах – губернских ведомостях, а затем и в других периодических изданиях неизменно публиковались статьи врачей, посвященные профилактическим мерам в борьбе с заболеваниями, объяснению причин эпидемий и эпизоотий, разъяснению вреда пьянства, пропаганде того, что позже стало называться здоровым образом жизни. Особенно часто и энергично врачи протестовали против грязи и неряшества в быту,

доказывая необходимость соблюдения элементарных правил гигиены. С появлением публичных лекций врачи использовали и эту форму медицинского и санитарного просвещения.

Нередко врачи занимались благотворительностью, чаще всего в виде бесплатного оказания медицинской помощи населению. Особенно широко это явление распространилось в конце столетия, когда возникшие медицинские общества ввели его в определенные организационные рамки и поставили оказание безвозмездной помощи на широкую и регулярную основу. Ими были созданы бесплатные лечебницы для проходящих больных, а затем и «общества подачи скорой помощи». Удивительно, как и когда находили эти люди время для дополнительных занятий при той огромной нагрузке, которая имелаась по службе, тем более что нередко приходилось замещать одновременно несколько должностей, как об этом вспоминали многие врачи [2].

Иногда среди «смежных» с профессиональными занятиями встречались и совершенно неожиданные. Так, выпускник Томского университета врач Сокольников, по просьбе Л.Н. Толстого, сопровождал партию жен и детей духоборов, следовавших к месту поселения мужей и отцов в Якутскую область. В пути он оказывал им медицинскую помощь, налаживал контакты с местной интеллигенцией и властями, организовывал быт [3].

Создание медицинских обществ само по себе было актом общественной деятельности, неслучайно они возникали по инициативе снизу, а многие не сразу получали официальное разрешение. Первоначально они возникали с целью повышения (и сохранения) профессиональной квалификации, взаимной поддержки и взаимопомощи, улучшения медицинской помощи населению и защиты его интересов. Нередко общества стремились к установлению горизонтальных связей, координации деятельности. Истории их появления и деятельности посвящено немало работ [4]. На значение медицинских обществ и других общественных организаций как элементов складывавшегося гражданского общества уже не раз указывалось в литературе.

Роль медицинских обществ в общественно-просветительной деятельности врачей представляется весьма недооцененной. Они не только координировали и направляли ранее разрозненные усилия отдельных людей. Общества сумели заместить в ряде направлений здравоохранения государство, не готовое или неспособное выполнять важные общественные функции. Имеются в виду такие важные области здравоохранения, как скорая медицинская помощь, амбула-

торное обслуживание больных – и то, и другое первоначально появляется именно по инициативе и на средства медицинских обществ. Они же были первыми организаторами санитарной службы, городское самоуправление и государственные органы позже взяли на себя эти функции. Общества организовывали курсы и даже учебные заведения (например, фельдшерскую школу в Красноярске), издавали брошюры по вопросам профилактики эпидемий и борьбы с ними. Медицинские общества организовали целую серию медико-топографических описаний ряда местностей Сибири, создали первые бактериологические станции и т. д.

Очень важную роль играли медицинские общества в выработке профессиональной корпоративной этики, более или менее общепринятых поведенческих норм. Хотя на заседаниях обычно обсуждались вопросы, связанные с научными исследованиями, санитарным состоянием городов и местностей и т. п., но само существование профессиональных организаций, регулярные встречи врачей, а порой и обсуждение этических проблем, способствовали складыванию общей системы норм и ценностей, становлению общих поведенческих стереотипов, профессиональной самоидентификации. Публикация сведений о медицинских обществах, в том числе и в не специальной печати, была важным средством презентации своих принципов и идеалов, что также являлось видом общественно-просветительной деятельности.

1. *Малинковский Н.И.* Н.И. Кашин. 1825–1872. М., 1957; *Малоземова А.И.* Из истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск, 1961; *Палкин Б.Н.* Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана. 1716–1868 гг. Новосибирск, 1967; *Мендрина Г.И., Федотов Н.П.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975; *Гэфнер О.В.* Военно-медицинские учреждения в городах Западной Сибири (последняя треть XIX – начало XX вв.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2005. № 11. С. 231–235; и др.

2. См., например: *Вишняков Н.И.* Записки военного врача. Новосибирск, 2011. С. 242.

3. *Сокольников Н.* Жены и дети духоборов (путевые заметки) // Восточное обозрение. 1899. № 89, 114, 219, 221, 224, 264, 266.

4. *Вихирева К.П.* Из истории образования первых научных обществ Западной Сибири // Вопросы истории и методологии науки. Омск, 1971. С. 41–42; *Малоземова А.И.* Из истории здравоохранения... С. 51–52; *Мендрина Г.И., Федотов Н.П.* Очерки по истории. С. 180–189; *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул, 2002; и др.

О РОЛИ ЧИНОВНИКОВ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА В НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСОРГО

Невозможно переоценить вклад в исследование региона Сибирского (позднее Восточно-Сибирского) отдела Русского императорского географического общества. Основанный в 1851 г. благодаря генерал-губернатору Н.Н. Муравьеву-Амурскому Сибирский отдел РГО на протяжении всей своей истории был тесно связан с администрацией Восточной Сибири и прежде всего с генерал-губернаторами Восточной Сибири как его покровителями. Обретя в конце 1860-х гг. самостоятельность, Отдел не потерял связь с администрацией генерал-губернаторства.

Генерал-губернаторы, губернаторы, чиновники Главного управления Восточной Сибири, рядовые чиновники играли большую (иногда определяющую) роль в научном исследовании региона.

Все сменявшие друг друга генерал-губернаторы являлись инициаторами и организаторами крупных научных экспедиций ВСОРГО: Н.Н. Муравьев-Амурский после присоединения Амура организовал от Отдела три крупных экспедиции в Приамурье в середине 1850-х гг. При покровительстве преемника Муравьева-Амурского, генерал-губернатора М.С. Корсакова были совершены Витимская и Олекминско-Витимская научные экспедиции, проведены исследования Уссурийского края Н.М. Пржевальским, изыскания на Амуре и Сахалине. При содействии генерал-губернатора Н.П. Синельникова продолжались экспедиции на Байкал, в Забайкалье и на Дальний Восток. Под покровительством генерал-губернатора П. . Фредерикса в 1870-е гг. были организованы экспедиции с целью изучения вопроса о возможности водного пути по Восточной Сибири и о соединении рек Оби и Енисея. Проведены геологические исследования берегов Байкала. В 1876 г. по его распоряжению была снаряжена экспедиция в Южно-Уссурийский край. Сменивший П.А. Фредерикса Д. А. Анучин, оказал содействие одному из самых крупных научных мероприятий РГО, в котором принимало участие ВСОРГО – созданию полярной станции в устье реки Лены в 1881–1882 гг. В 1887 г. по инициативе генерал-губернатора А.П. Игнатьева была создана комиссия, которая занялась

исследованием землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Благодаря ему была снаряжена в 1887 г. Саянская экспедиция. Генерал-губернатор А.Д. Горемыкин способствовал организации и проведению Сибиряковской экспедиции – одного из самых масштабных предприятий ВСОРГО.

ВСОРГО получало ежегодную субсидию от правительства в размере 2 тыс. рублей, однако, когда их не хватало, генерал-губернаторы пытались изыскивать материальные средства, обращаясь к центральным властям или населению. В 1870 г. М.С. Корсаков обратился к министру финансов с ходатайством об ассигновании Отделу ежегодной субсидии в 10 000 рублей. Ходатайство это было повторено позднее Н.П. Синельниковым, но не имело успеха. Генерал-губернатор Д.Г. Анучин организовал сбор пожертвований и для строительства и восстановления после пожара музея ВСОРГО.

Генерал-губернаторы способствовали созданию и развитию материальной базы музея ВСОРГО. Начало музею было положено передачей Отделу по распоряжению Н.Н. Муравьева основанного при ГУВС музея естественных предметов. В 1871 г. Н.П. Синельников начал сбор средств на постройку нового здания музея. Новый музей ВСОРГО после пожара 1879 г. был построен в 1883 г. благодаря стараниям Д.Г. Анучина. Часть высших администраторов края принимало участие в пополнении коллекций музея и библиотеки ВСОРГО. Так, И.П. Игнатъев на свои деньги приобрел для музея зоологическую коллекцию, а М.С. Корсаков в Кяхте и Санкт-Петербурге купил коллекции редких рукописей и книг для библиотеки.

Важную роль играл «административный ресурс» покровителей Отдела на протяжении всей второй половины XIX в. в организации анкетных обследований и доставлении Отделу сведений чиновниками, командированными ГУВС в малоисследованные районы.

Немалое значение имела помощь генерал-губернаторов в издательской деятельности ВСОРГО. При Н.Н. Муравьеве было опубликовано 6 томов «Записок» о Восточной Сибири. При финансовом содействии М.С. Корсакова с 1870 г. стали издаваться «Известия ВСОРГО», а при помощи Н.П. Синельникова продолжено их издание.

Заметную роль в развитии научных исследований играла высшая администрация Якутской области, которая оказывала содействие членам ВСОРГО как по прямому указанию генерал-губернаторов Д.А. Анучина при организации полярной станции на Лене и

А.Д. Горемыкина при проведении Сибиряковской экспедиции, так и по личным убеждениям чиновников. Активным научным членом ВСОРГО был якутский вице-губернатор В.Л. Приклонский. Забайкальский военный губернатор М.П. Хорошкин собрал коллекцию естественнонаучных предметов и хлопотал об открытии музея для нее. В 1894 г. при губернаторстве О.Е. Мацеевского был открыт подотдел РГО в Чите. Енисейские губернаторы напротив, не проявили заметной активности в организации научных исследований в своей губернии. Потому Красноярский подотдел географического общества был открыт только в 1901 г. в результате частной инициативы чиновников увлеченных наукой.

Влияние администрации на деятельность ВСОРГО было сильно еще и по той причине, что многие ученые Отдела были чиновниками разных уровней, служившими в Восточной Сибири. Так, с 1860 по 1873 гг. во ВСОРГО было принято 213 новых членов. Из них 69 были чиновниками, что составляет 32,4 % – треть всех принятых. В 1899 г. из 17 членов распорядительного комитета ВСОРГО 13 было чиновниками. Выдающиеся деятели ВСОРГО стоявшие у истоков Отдела или прославившие его своими исследованиями А.Ф. Усолецев, М.В. Загоскин, В.И. Вагин, Б.А. Милютин, П.А. Кропоткин, Р.К. Маак были чиновниками или начинали свою деятельность в Восточной Сибири как чиновники.

Как видим, чиновники внесли значительный вклад в научное освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока. Администрация края организовывала и оказывала действенную поддержку научным изысканиям ВСОРГО и частной инициативе чиновников в этом направлении. Во многом это объясняется тем, что эти исследования могли принести существенную пользу государству в деле освоения новых земель (прежде всего Дальнего Востока и Якутии). Потому в первую очередь изучались именно эти регионы, там же, где интересы государства в этом направлении были не актуальны (Енисейская губерния), научные начинания чиновников, выступавших как частные лица, не получали действенной поддержки администрации и держались лишь на их энтузиазме.

**ВЛИЯНИЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА СОСТОЯНИЕ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Изучение влияния модернизационных процессов, происшедших в России в XVIII – начале XX вв., на деятельность духовной школы приобретает особое значение в свете кардинальных преобразований современного российского общества и его образовательной системы.

Начиная с XVIII в., целенаправленная работа по созданию системы духовных учебных заведений становится неотъемлемой частью государственной политики. Обусловлено это было началом модернизационных процессов в России, особенностью которых было стремление власти преодолеть экономическую и культурную отсталость страны, не меняя основ политической системы и поставив на службу государственных интересов церковь. Общественным предназначением церкви и ее институтов должна была стать идеологическая поддержка государственных преобразований и помощь в обеспечении как самой церкви, так и страны квалифицированными кадрами.

На протяжении всего XVIII в. российским правительством проводится характерная для модернизации секуляризация политика, но, если в первой половине XVIII в. церковь лишается лишь политической самостоятельности и попадает в административную зависимость от государства, то во второй половине – и в экономическую. Духовная школа становится общегосударственной и общецерковной. В соответствии с этой политикой, в начале века материальное благополучие духовно-учебных заведений обеспечивалось в основном за счет епархий, а во второй половине XVIII в. их финансовое обеспечение берет на себя государство.

Архиерейская славяно-российская школа, созданная в Архангельской епархии в 1723 г. первоначально имела статус низшей сословно-профессиональной школы и готовила кадры для церкви епархии. Качество образования было довольно низким, но это было лучшее учебное заведение в губернии, выпускники которого привлекались помимо церковной и на светскую службу. Уже в 30-е гг. XVIII в. словено-латинская школа стала называться семинарией, но офици-

ально статус среднего учебного заведения получила в 1762 г. после соответствующего указа Екатерины II. Таким образом, в XVIII в. происходит зарождение и становление духовного образования в Архангельской епархии, что соответствует общероссийским тенденциям.

Архангельская семинария не смогла полностью обеспечить потребности епархии в грамотных священнослужителях, что было характерно и для других регионов России. К концу XVIII в. в Архангельской епархии, как и в Вологодской, более 56 % священников не имели профессионального образования [1]. Дефицит кадров усугублялся потребностями государства в грамотных выпускниках семинарий. Воспитанники Архангельской семинарии стояли у истоков зарождения светского образования в губернии, пополняли чиновнический аппарат, направлялись на учебу в Медико-хирургическую академию и т. д. Во вновь образованном в 1786 г. в Архангельске главном народном училище практически все учителя являлись выпускниками духовных семинарий. Вышеизложенное дает основание утверждать, что духовные учебные заведения играли важную роль в развитии культуры и просвещения региона.

В начале XIX в., когда начались очередные модернизационные преобразования, правительство, заинтересованное в развитии общего и профессионального образования, почти одновременно с созданием светской системы народного образования приступило к организации системы духовного образования. По сути, из существующей сети духовных учебных заведений была создана многоуровневая преемственно взаимосвязанная система духовного образования. В первой половине XIX в. в Архангельской епархии система духовного образования на низшем уровне была представлена 10 приходскими и 1 уездным духовными училищами, на среднем – Архангельской духовной семинарией, высший уровень – духовной академией в Санкт-Петербурге.

Общий курс правительства Александра II на либерализацию всех сфер жизни общества нашел отражение в новых уставах духовной школы. С 1867 г. сословность духовного образования ликвидируется, оно становится открытым для всех сословий, что в совокупности с введением автономии учебных заведений знаменовало дальнейшее включение духовной школы в модернизационные процессы и выход духовного образования на качественно новый уровень развития. Одновременно ликвидация духовно-учебных округов вызвали децентрализацию системы управления духовными учебными

заведениями и нарушили преемственность в организации учебного процесса.

В течение XIX в. существенно повысился качественный уровень подготовки специалистов. Если в 1829 г. их всех священнослужителей Архангельской губернии только 47 % имели семинарское образование, то в 1875 г. – 73 %. Одновременно во второй половине XIX в. в сфере духовного образования начинают проявляться кризисные явления. Идет большой отток семинаристов в светские учебные заведения и гражданские службы. К примеру, за десять лет после введения Устава 1867 г. Архангельская семинария выпустила из своих стен 81 чел., что по сравнению с предыдущим десятилетием было меньше в два раза. Из них не более 50 % избрали церковную службу, против 79,3 % в предыдущем десятилетии [2]. Таким образом, XIX в. был ознаменован становлением и развитием непрерывной системы духовного образования в стране и регионе, ликвидацией сословности и введением автономии духовных учебных заведений.

Политический идеал Александра III опирался на представление о патриархально-отеческом самодержавном правлении, насаждении в обществе религиозных ценностей, национально-самобытном общественном развитии. На фоне попыток власти искусственно усилить ортодоксальные религиозные начала в жизни общества, ужесточения контроля над всеми сферами семинарской жизни в средней духовной школе Архангельской епархии, как и в целом по стране, в конце XIX – начале XX вв. нарастают протестные формы поведения учащихся, которые начинают выливаться в открытые выступления. Постепенно они становятся более организованными и приобретают политическую направленность.

Кризис духовной школы был обусловлен комплексом причин, но в первую очередь кризисом самодержавия, повлекшим за собой и кризис Русской православной церкви. Церковь, выступавшая за божественную предопределенность царской власти, оказалась на острие критики политизированного общества и теряла свой авторитет у населения. Модернизация экономики вела к секуляризации общественного сознания, что также снижало доверие к церковным постулатам.

Высшее церковное руководство, нередко не понимая сути происходящих процессов в обществе, пытается согласно собственному видению найти выход из создавшейся ситуации и предпринимает попытки реорганизации духовной школы. Поиск путей преобразования духовных учебных заведений и преодоления кризиса был

прерван событиями 1917–1920 гг., которые имели следствием ликвидацию всей системы духовного образования. В Архангельской губернии, где события гражданской войны продолжались до февраля 1920 г., система духовных учебных заведений просуществовала до марта 1920 г. Состояние духовной школы в России, в том числе и в Архангельской епархии во многом зависело от политики государства, церковно-государственных отношений и было тесно связано с модернизационными процессами в стране.

1. *Санакина Т.А.* Православное духовное образование в Архангельской епархии в XVIII – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2011.

2. ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 2. Д. 1931.

П.А. Ремнев

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ НАЧАЛА XIX В.: САМОДЕРЖАВИЕ ПРОТИВ КОНСЕРВАТИЗМА

С провозглашением конституционных принципов «народного суверенитета» и разделения властей традиционные монархические режимы обращаются к поискам новой легитимирующей формулы.

Вслед за Европой, пережившей великую Французскую революцию, меняется имперский дискурс в России. От сакрализации царской власти в допетровской Руси в XVIII в. наблюдается известное соперничество императора и Бога. В начале XIX в. процесс пошел еще дальше, и власть стремится легитимировать себя по-другому. Александр I начинает сравниваться не столько с Христом, сколько со своими предками, прежде всего, с Петром I и Екатериной II, царствование которых сильно идеализируется. Александр I пришел к власти в ореоле освободителя от «тирании Павла». Уже один этот факт снижал ему популярность в элитарном обществе. Об этом пишут будущие декабристы, вспоминая начало царствования Александра Павловича [1].

Основываясь на многочисленных суждениях подобного рода, можно заключить, что в первые годы своего царствования Александр активно конструировал образ «реформатора», деятельно участвуя в разработке и проведении реформ. Впрочем, нельзя не отметить того

© П.А. Ремнев, 2012

факта, что большая часть российского элитарного общества, хоть и осознавала необходимость каких-то перемен, либеральной вовсе не являлась. Поэтому с приходом к власти Александра I наблюдается нетипичная ситуация, когда монарх становится либеральнее подавляющего большинства своих подданных и примыкает, таким образом, к сравнительно немногочисленному, но сплоченному кругу российской либеральной элиты.

Наиболее важным для понимания мировоззрения этой части российской элиты является ее твердое убеждение в том, что только император может стать источником общественного блага и спокойствия, являясь единственным актором, способным провести реформы, не сотрясая устои общественного спокойствия.

По примеру Петра Великого, Александр рассчитывал комплексом реформ государственного управления ликвидировать отсталость России. Надежды русских либералов подогревались в значительной степени окружением Александра. «Короля делает свита» – это выражение можно использовать как доказательство того факта, что окружение царя, люди, удостоившиеся права быть в свите монарха, сами того не осознавая, изменяют существующий образ императора, и, отчасти, монархии в целом, дополняя своими образами. Поэтому очень важно обратиться к характеристике людей, в разное время окружавших Александра, рассматривая их влияние с той позиции, с которой они повлияли на образ российского монарха, а через него – на образ монархии.

Так, Негласный комитет, составленный из молодых друзей, известных своими радикальными устремлениями, давал дополнительные надежды на скорые реформы.

Однако наиболее важным человеком в свите Александра заметно повлиявшим на развитие образа императора в то время стал его ближайший советник, помощник и друг М.М. Сперанский, которого царь всецело поддерживал, несмотря на нелюбовь к нему знати [2]. В этом смысле Сперанский олицетворял собой либеральные устремления императора, являясь для консервативно настроенной элиты неким живым доказательством либеральности Александра.

Кроме того, примером далеко идущих намерений Александра I в первой половине царствования может послужить неопубликованный, но детально проработанный проект «Всемилостейшей Жалованной Грамоты российскому народу» 1801 г., – выдающийся памятник дворянского конституционализма начала XIX в. Авторитет-

ный исследователь С.В. Мироненко не исключил возможность толковать этот документ как национальный вариант «Декларации прав человека» [3].

В отношении дворянского конституционализма начала XIX в. показательны проекты графа А.Р. Воронцова. Один из этих проектов стал основой для составления «Жалованной грамоты российскому народу» [4].

Кроме этого, можно вспомнить еще и проект крестьянской реформы участника дворцового переворота 11 марта 1801 г. П.А. Зубова, проекты реформ Г.Р. Державина и Д.П. Троицкого. Окружение Александра «кипело» идеями. А тот факт, что сам Александр I действовал непоследовательно и противоречиво (чего стоит хотя бы его отказ от «представлений Сената», данный ему по реформе 1802 г.) [5], не помешал выстроить цельный образ императора-реформатора, преемника эпохи Просвещения, что в свою очередь вызвало к жизни консервативную реакцию, ярчайшим представителем которой стал Н.М. Карамзин. Как ни странно, консерваторы тоже считали, что России необходимы реформы, причем, направленные на «возвращение к идеалу», под которым воспринимался период правления Екатерины II. Поэтому проект государственного переустройства М.М. Сперанского стал объектом ожесточенной критики со стороны консерваторов. Можно сказать, что консерваторы воспринимали образ реформатора как «правильный», но старались подтолкнуть императора к нужным с точки зрения консерваторов реформам, считая, что он «сбился с пути». Либеральная элита (как и радикалы, во многом являвшиеся преемниками либерализма), напротив, полагала, что черты «реформатора» несут сугубо положительный заряд и считала их неотъемлемой частью образов «истинной монархии» и «идеального монарха».

1. *Муравьев А.М.* Записки и письма. Иркутск, 1999. С. 81–84.

2. *Богданович М.И.* История царствования императора Александра I и Россия в его время. СПб., 1869. Т. III. С. 193–196.

3. *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 28–38.

4. *Польской С.* Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. // Портал «Перспективы», «Фонд исторической перспективы». 2011. URL: http://www.perspektivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_XVIII_nachala_XIX_v_2009-12-11.htm (дата обращения: 12.02.2012 г.).

5. *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 128–198.

ЗЕМСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Великие реформы 60–70-х гг. XIX в., проведенные Александром II, стали вехой на пути становления гражданского общества в России. Земская реформа привела к созданию системы местного самоуправления на уровне губерний и уездов. Логично и естественно, что ведущую роль в нем, несмотря на всесословный характер, играло поместное дворянство, владевшее землей, имевшее достаточно высокий уровень образования и определенные управленческие навыки. Именно в недрах земства началось формирование умеренно либеральной оппозиции правящему режиму. Земские либералы были убеждены в необходимости диалога с властью, тесного сотрудничества с ней в достижении поставленных целей, то есть выступали исключительно за мирный, эволюционный путь развития страны по пути прогресса как в политической, так и экономической сферах.

В конце XIX – начале XX вв. после длительного латентного периода земско-либеральное движение выходит на арену политической борьбы с достаточно четкой и продуманной программой реформирования политической системы Российской империи, носившей архаичный, полуфеодалный характер.

Впервые публично и организованно приоритетные направления реформирования были сформулированы и озвучены на легальном съезде деятелей агрономической помощи местному хозяйству, который проходил в Москве в феврале 1901 г. в залах Московского дворянского собрания [1]. На нем присутствовало около 360 земских гласных и служащих. Большинство участников сочло необходимым созыв всероссийского представительного органа, имеющего законодательные и исполнительные функции, а также создание мелкой земской единицы (МЗЕ) на уровне волости с обязательным привлечением крестьянства. В мае 1902 г., в связи с созданием Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством С.Ю. Витте и отстранением земств от работы в нем, состоялся нелегальный общеземский съезд в Москве. В его решениях предлагалось уравнивать крестьян в правах с другими сословиями, отменить телесные наказания, защитить крестьян «правильной формой

суда». Осуществить принцип общедоступности народного образования, реорганизовать земство на базе всесословности, создать МЗЕ, разрешить общественности свободно обсуждать насущные проблемы [2]. В ответ министр внутренних дел В.К. Плеве объявил участникам съезда «высочайший выговор», а министр финансов С.Ю. Витте настойчиво рекомендовал заниматься практической деятельностью, а не политикой, в связи с тем, что Россия не доросла до конституции.

Тем не менее, в ходе работы местных комитетов Особого содействия земские либералы выдвинули целый ряд общеполитических требований, направленных на модернизацию политической системы в стране. Прежде всего, это свобода печати и слова, провозглашение веротерпимости, предоставление свободы создания общественных организаций, равенство всех перед законом, привлечение народных представителей к обсуждению местных нужд, соблюдение принципа разделение властей [3].

В ноябре 1904 г. на земском съезде в Петербурге либералы повысили уровень политических притязаний и настаивали на созыве народного представительства с законодательными функциями. В ноябре–декабре 1904 г. по стране прокатилась «банкетная компания», в ходе которой оппозиционерам удалось «создать в стране организованное общественное мнение, которое высказалось за необходимость реформ» [4].

Начавшаяся революция 1905–1907 гг. и поражения в ходе русско-японской войны радикализировали предложения земцев вплоть до прямого, тайного, равного и всеобщего избирательного права, свободы стачек, свободы науки и её преподавания, но, несмотря на конфликты с властями, земские либералы оставляли методы реализации своей программы в рамках верноподданнических адресов и ходатайств, заявляя о своей готовности сотрудничать с властью на условиях взаимных уступок.

Массовые крестьянские волнения, забастовки и демонстрации рабочих, восстания в армии и на флоте, колебания в дворянской среде заставили самодержавие пойти на серьезные уступки. 17 октября 1905 г. Николай II подписал манифест, открывший новую страницу в русской истории. Большинство земских либералов России восприняло документ как «октроированную конституцию», выразив благодарность самодержцу. Хотя выборы в Думу были неравные, нетайные, непрямые, негласные, это не смущало оппозиционеров, они активно взялись за создание легальных политических партий для участия в

избирательной кампании. Именно деятели земско-либерального движения составили костяк конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября». В центральном комитете кадетской партии были широко представлены председатели губернских и уездных управ, гласные земских собраний: Ф.А. Головин – председатель Московской губернской земской управы, князь П.Д. Долгоруков – председатель Рузского уездного земского собрания Московской губернии, Ф.Ф. Кокошкин – член Московской губернской земской управы, С.А. Котляревский – гласный Саратовского губернского собрания, князь Д.И. Шаховской – гласный Ярославского губернского земского собрания и др.

Местные отделения партии кадетов создавались благодаря усилиям земских деятелей, именно их активность принесла этой партии победу на выборах в Первую Государственную Думу в 1906 г. У истоков «Союза 17 октября» также находились земские либералы Д.Н. Шипов, А.Н. Боратынский, В.В. Марковников, В.Н. Львов и др. В целом по России было создано 316 кадетских организаций с общим количеством членов 50925 человек и 219 местных отделов «Союза 17 октября», которые насчитывали 66061 человека [5].

Земско-либеральное движение, пройдя через поиски программы, методов, организационную неопределенность, конституировалась в виде либеральных партий кадетов и октябристов, политическая борьба переместилась из земских собраний на партийный уровень, став неотъемлемой частью функционирования Государственной Думы всех созывов.

Самодержавная монархия в России трансформировалась в думскую монархию, просуществовавшую до февраля 1917 г. Земские либералы сыграли весьма значительную роль в этой эволюции, формируя общественное мнение и подталкивая власть к реформам. Следует признать, что программные требования земских либералов были шире и глубже полученных результатов. Но они справедливо полагали, что эволюционный путь развития страны предпочтительнее революционного, поэтому шли на компромисс с властью во имя сохранения гражданского мира. Их идеалом была легитимная конституционная монархия, опирающаяся на развитое гражданское общество, о создании которого продолжает мечтать и в современной России.

1. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 3. С. 553–554.

2. *Симонова М.С.* Земско-либеральная фронда (1902–1903 гг.) // Исторические записки. М., 1973. Т. 91. С. 154–159.

3. *Курсеева О.А.* Земский либерализм в конце XIX – начале XX века: региональный аспект. Уфа; Стерлитамак, 2008. С. 193–197.

4. *Шаццло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 302.

5. *Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В.* Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87.

А.А. Демичев

РОССИЙСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ АНЕКДОТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Судебная реформа 1864 г. привела не только к радикальным изменениям отечественной судебной системы, но и к формированию в России юридической интеллигенции. В состав последней входили судьи (в том числе мировые судьи), адвокаты (присяжные и частные поверенные), работники прокуратуры.

Процесс формирования отечественной юридической интеллигенции отобразился на уровне правосознания. Одним из источников изучения последнего является исторический анекдот. В данной работе мы попробуем на основе комплекса анекдотов второй половины XIX – начала XX вв. реконструировать представления о юридической интеллигенции, сформировавшиеся на уровне правосознания населения Российской империи.

К сожалению, ограниченность объема данной публикации не позволяет привести тексты анекдотов, на основании которых делаются выводы. Поэтому мы приведем лишь результаты исследования.

Всего анализу нами было подвергнуто анализу 57 анекдотов второй половины XIX – начала XX вв. Одним из основных методов исследования являлся контент-анализ. Напомним, что его суть состоит в выявлении количества использования того или иного слова, термина, понятия, имени и т. д. в нарративных источниках (в нашем случае – в анекдотах). Нас интересовало не суммарное количество упоминаний того или иного слова во всех анекдотах, а его упоми-

вание в определенном количестве анекдотов. Другими словами для нас был важен факт использования слова в конкретном анекдоте, а не количество его употреблений в конкретной истории. Последний показатель для нашего исследования интереса не представляет.

Наиболее часто встречаемыми в анекдотах стали слова «суд», «судья», «мировой судья», «мировой суд», «присяжные заседатели». Они упоминаются в 48 историях, что составляет 84,2 % от общего количества изученных анекдотов. При этом мировые судьи (в том числе известный петербургский мировой судья А.И. Трофимов), мировой суд встречаются в 18 анекдотах (31,6 %). Присяжные заседатели упоминаются в 16 анекдотах (28,1 %). Прокурор – в 11 анекдотах (19,3 %), адвокат (защитник, присяжный поверенный, в том числе известные отечественные адвокаты Ф.Н. Плевако и А.В. Лохвицкий) – в 31 анекдоте (54,4 %). При этом более чем половина анекдотов, где фигурируют представители адвокатуры, носят персонифицированный характер. Так, Ф.Н. Плевако является главным действующим лицом 16 анекдотов (28,1 %), а А.В. Лохвицкий – 2 анекдотах (3,5 %).

Судя по анекдотам, знания о суде вошли в систему правовых знаний и представлений российских подданных пореформенного периода. Кроме того, изменился и сам образ суда в правосознании населения. Отношение к нему перешло от негативного к нейтральному или даже положительному. Суд перестал быть чем-то страшным и трансформировался в ментальности горожан до уровня нормально-го явления, обычной части общественной жизни. Судья стал восприниматься не в качестве винтика бездушной машины правосудия или взяточника и корыстолюбца, а как живой человек, выполняющий важную общественную функцию. В представлениях населения судья может ошибиться, но в этой ошибке не может быть злого умысла, т.к. главная черта пореформенного судьи – честность.

Представления о суде и судьях вообще конкретизировались в анекдотах о мировых судьях. В результате изучения анекдотов, посвященных данной тематике, складывается следующий образ мирового судьи: это судья для народа, он близок к народу и способен решить практически любое дело; он справедлив, беспристрастен и объективен; стремится завершить дело миром. Но при этом мировой судья – нормальный человек, которому свойственны различные качества (например, ироничность, остроумие) и эмоции (например, недоумение, возмущение поведением других лиц).

Среди анекдотов о мировых судах нет ни одного, где бы судья предстал в абсолютно отрицательном свете. Это свидетельству-

ет о наличии позитивного образа мирового судьи в правосознании деревенского населения России.

Несколько иное впечатление создается при анализе анекдотов, в которых фигурируют присяжные заседатели. Во-первых, ни в одном анекдоте они не являются самодостаточными фигурами, а представляют собой своеобразный фон судебного процесса, объект, на который направлены речи прокурора и адвоката или действия судьи. Во-вторых, в правосознании городского населения суд присяжных не являлся «наилучшей формой суда». Отношение к присяжным заседателям было довольно пренебрежительным. Присяжные заседатели воспринимаются как люди некомпетентные, не очень умные, которых хороший адвокат может легко запутать хитросплетением слов. Тем не менее, у рассказчиков анекдотов нет сомнений в честности присяжных заседателей. Вообще же, судья по анекдотам, суд присяжных не оставил яркого следа в российской ментальности пореформенного периода.

Зато яркий след в российском менталитете второй половины XIX – начала XX в. оставил принцип состязательности, закрепленный Судебными уставами 1864 г. и нашедший практическую реализацию в пореформенном уголовном и гражданском судопроизводстве. При том, что сторонами состязательного уголовного процесса являлись прокурор и адвокат, о прокурорах ходило значительно меньше анекдотов, чем об адвокатах. Такая ситуация не является случайной, она была вызвана отношением населения к представителям прокуратуры и адвокатуры.

Образ прокурора, сложившийся в российском правосознании пореформенного периода, был следующим: 1) это достаточно грамотный, эрудированный чиновник, но он неприятен своим формализмом и тем, что для него абстрактная справедливость намного ценнее человеческих судеб; 2) это неизбежное зло, без которого в уголовном процессе невозможно обойтись, поэтому с ним нужно мириться. В целом образ прокурора, судья по анекдотам, не вызывал особых симпатий у городской публики, но он и не был строго негативным.

Более чем в половине изученных нами анекдотов второй половины XIX – начала XX вв. фигурируют адвокаты. Это свидетельствует о том, что представители адвокатской корпорации произвели сильное впечатление на российское общество изучаемого периода (особенно отдельные ее представители, как, например, Ф.Н. Плевако и А.В. Лохвицкий). В общественном сознании адвокат, также как

и прокурор, воспринимался в качестве неизбежного зла. Но если прокурор – честный формалист, то адвокат корыстен, ради денег он готов затягивать дело, идти на бесчестные поступки, делать все возможное, чтобы оправдать подсудимого. Однако в ряде случаев без его помощи не обойтись. В анекдотах отобразилось, что адвокат практически всегда выигрывает дело. И делает он это за счет своего красноречия, эрудиции, умения быстро реагировать на ситуацию. В целом образ адвоката в ментальности российских горожан не был однозначно позитивным или однозначно негативным, сочетая в себе и положительные и отрицательные черты.

Завершая данную работу, отметим, что анекдот второй половины XIX – начала XX вв. не только отразил факт возникновения юридической интеллигенции в России, но и позволяет реконструировать отношение населения к различным ее группам (судьям, прокурорам и адвокатам).

О.Ю. Солодянкина

**ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ
И ВЗАИМНОГО ВСПОМОЖЕНИЯ КАК СТРУКТУРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В 1890-Е – 1910-Е ГГ. (ВОЛОГДА И ЧЕРЕПОВЕЦ)**

Губернский город Вологда и уездный город Новгородской губернии Череповец располагались на расстоянии порядка 120 верст друг от друга, и имели традиционные связи и контакты жителей. Структура городского населения до середины XIX в. была традиционной, но модернизационные процессы последней трети XIX в. привели к значительным изменениям. Появлялись новые профессии, новые вакансии на рынке труда, новые потребности работодателей, в том числе в квалифицированных работниках. Одно за другим возникали средние специальные учебные заведения (особенно интенсивно процесс шел в Череповце), и росла прослойка образованных людей. Значительная часть учебных заведений ориентировалась на детей мещан, крестьян, делая более гибким график учебного процесса. Для поддержки представителей низших сословий, стремившихся к полу-

чению образования, возникло Общество вспомоществования нуждающимся учащимся в городе Череповце (с 1893 г.). Общество взяло под свое покровительство реальное училище, Мариинскую женскую Гимназию, учительскую Семинарию, Александровское Техническое училище, Городское училище, женское профессиональное училище, начальную школу при учительской Семинарии, приходское училище, Милютинскую сельскохозяйственную школу.

Помощь учащимся могла предоставляться несколькими способами: в виде взноса платы за обучение, выдачи книг и учебных пособий, посредством покупки одежды (форменной) или материала для пошива одежды, покупки обуви (сапог или валенок), путем предоставления квартиры, пищи (обеспечение деятельности столовой для бедных учащихся). Деятельность Общества направлялась Правлением, в котором активную роль играли учителя, деятели земства, представители технической интеллигенции, и дамский кружок, в который входили жены видных горожан, в том числе инженеров. Регулярные встречи активистов Общества, организация благотворительных концертов, репетиции спектаклей – все это способствовало активному общению образованного слоя горожан, осознанию ими своей роли в деле распространения знаний и поддержки стремящейся к знаниям молодежи. По мере роста числа учебных заведений и учащихся в них все больше требовалось педагогов, специалистов в разных областях знания, для работы в этих образовательных учреждениях. В Вологду и Череповец по переводу прибывали учителя из других городов страны, оставались работать свои талантливые выпускники учительской семинарии. Ежегодные отчеты Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в г. Череповце показывают, как новоприбывшие интеллигенты включались в городскую жизнь, принимали на себя ответственность в решении проблем малоимущих, стремящихся к знаниям горожан.

Техническая интеллигенция формировалась сначала преимущественно за счет приезжих выпускников технических учебных заведений, а впоследствии – в основном за счет выпускников Череповецкого Александровского технического училища, весьма котирувавшихся на рынке труда. Вчерашние крестьянские или мещанские дети, пройдя курс обучения в техническом училище, могли рассчитывать на работу мастера, механика, чертежника или техника на заводе, в лаборатории, на железной дороге, на шхуне или электростанции. Техники осознавали свой высокий статус, своего рода «касто-

вость» и братство выпускников одной alma mater. В 1894 г. был утвержден Устав Общества взаимного вспоможения техников, окончивших курс в Череповецком Александровском техническом училище, а в 1900 г. появилась Ссудо-сберегательная касса служащих в Александровском техническом училище. Техники трудились по всей стране, поддерживая друг друга, сообщая о вакансиях, при продвижении оказывая содействие в назначениях выпускникам того же самого учебного заведения.

Высшее образование ни в Вологде, ни тем более в Череповце получить было невозможно, и жаждущие его отправлялись в более крупные города, обычно в Петербург. Нуждающиеся студенты Петербургских учебных заведений, уроженцы Вологодской губернии, могли надеяться на помощь Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам. Семьи местных интеллигентов, рассчитывая в недалеком будущем отправить своих детей на учебу в Петербург, активно участвовали в деятельности Общества: платили членские взносы, способствовали проведению благотворительных акций, приносящих средства в кассу Общества. Вологжане, живущие в Петербурге, не забывали, откуда они родом, и энергично поддерживали молодых земляков. В арсенале средств Общества были устройство литературных чтений, публичных лекций, концертов, спектаклей, вечеров и благотворительных базаров, сбор средств по подписным листам и книжкам, публичный сбор средств и кружечный сбор. Заболевшие студенты могли рассчитывать на безвозмездную врачебную помощь врача – уроженца Вологды, трудившегося в Петербурге, а на лето члены Общества подыскивали студентам трудовые вакансии. Характерно, что членами Общества вспомоществования учащимся в Санкт-Петербурге вологжанам были не только лица, живущие в Вологде и Петербурге, но и уроженцы Вологды, устроившиеся жить в Манчжурии, Самаре, Москве, Харькове, Гатчине и др. местах. Членство в таком Обществе, активное участие в его деятельности, видимо, было способом сохранения своей идентичности, осознания принадлежности к определенному региону, любви к малой родине. Пожалуй, эти качества, как и социальная ответственность, социальная активность являются характерными чертами провинциального интеллигента как социокультурного феномена.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ Г. САРАПУЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Реформы 1860-х гг. оказали положительное влияние на развитие культурно-просветительской деятельности России в целом и Вятском крае, в частности. Главной особенностью нового периода стало формирование местных условий, необходимых и достаточных для развития библиотек разных видов и типов, музеев, научных и культурных сообществ. Практически в каждом городе открылись типографии, книжные магазины и лавки. В связи с развитием и расширением школьного образования и повышения грамотности населения, в первую очередь городского, большую роль в культурно-просветительской деятельности стали играть массовые библиотеки.

Процесс формирования общедоступных библиотек происходил в двух направлениях. Первое направление представлено деятельностью частных коммерческих библиотек, работавших преимущественно на базе ресурсов книжных магазинов и лавок. Для них было характерно: а) постоянное изменение ассортимента книг, б) высокая плата за чтение, в) самокупаемость и г) читательская аудитория из обеспеченных кругов городской публики. Второе направление развития публичных бесплатных библиотек не имело прочной материальной основы и сложилось благодаря просветительскому порыву отдельных представителей интеллигенции.

Так, старейшая в Вятской губернии публичная библиотека была открыта в 1835 г. в городе Сарапуле. Сарапул, один из городов Прикамья, являлся не только административным центром своего уезда, но и сосредоточением его общественной жизни. Идея организации этого общедоступного культурно-просветительского учреждения принадлежала земскому врачу Христофору Ивановичу Чудновскому, которому было получено разрешение на ее осуществление от министра народного просвещения С.С. Уварова. Открытие библиотеки нашло горячий отклик среди местной интеллигенции. Жители города и сам Х.И. Чудновский, пожертвовали в библиотеку 356 экз. книг и более 800 руб. для выписки периодических изданий, приобретения книжных шкафов и другой мебели. По распоряжению министра

народного просвещения С.С. Уварова в Сарапул стали бесплатно высылаться книги и журналы, издаваемые российскими научными обществами. Библиотекарем был назначен штатный смотритель уездного училища Петр Кашкарев [1].

К концу 1860-х гг. библиотечный фонд возрос до 2500 томов, но уже в начале 1870-х гг. положение библиотеки резко ухудшилось. Лишенная внимания городских властей, она оказалась совершенно заброшенной.

В 1871 г. публичная библиотека перешла в ведение Сарапульской уездной земской управы и находилась в здании земского начального училища. Земство ассигновало на содержание библиотеки 300 руб. в год [2]. В дальнейшем библиотека вновь пережила период упадка: в 1881 г. пожаром была уничтожена большая часть книжного фонда библиотеки.

«Второе рождение» библиотеки относится к 1885 г., когда ее восстановили и торжественно отметили 50-летие. Городская дума ассигновала 100 руб. на приобретение книг и предоставила в распоряжение библиотеки подвальное помещение под аптекой [3].

С 1887 г. библиотекарем на протяжении более тридцати лет работала Елена Ивановна Гуляницкая, занявшая эту должность после окончания курсов по библиотечному делу в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского.

В 1898 г. фонд библиотеки состоял из 9030 экз. (3952 названий) книг и периодических изданий, распределенных по тринадцати разделам: богословие, психология, философия, правоведение, политические и социальные науки, история, экономические науки, технология русская литература, иностранная литература, детские книги и др.. Периодические издания составляли более половины фонда – 5203 экз., а книг насчитывалось – 3827 экз., почти треть из них приходилась на русскую литературу – 1050 экз. В фондах были представлены произведения практически всех русских классиков: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Отдел иностранной литературы включал в себя 833 книги, среди которых были произведения Д. Байрона, В. Гюго, В. Скотта, А. Дюма, Ф. Шиллера У. Шекспира и других авторов. Радовал разнообразием и отдел детской литературы. Здесь можно было найти романы и повести Ж. Верна, Ф. Купира, Г. Эмара, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя и многих других писателей. Фонд литературы для детей был сформирован таким образом, чтобы как

можно полно удовлетворить потребности юных читателей в знаниях и книгах, расширить их кругозор.

Публичная библиотека могла предложить читателям экономическую и естественную литературу, а также книги по географии, этнографии и статистике. Отдел литературы по истории состоял из 278 изданий, посвященных древней и новой истории России и зарубежных стран. Среди них «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «Падение крепостного права в России» И.И. Иванукова, «История Петра Великого» А.Г. Брикнера, сочинения В. Шлоссера, Г. Вебера, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова [4].

Кроме того, публичная библиотека выписывала большое количество периодических изданий, в числе которых были журналы «Вестник Европы», «Воспитание и обучение», «Всемирный путешественник», «Детское чтение», «Русская мысль», «Русское богатство», Театральная библиотека, «Журнал Министерства Народного просвещения», «Лесной журнал», «Известия Императорского Вольного экономического общества», «Известия Императорского Русского географического общества», «Вестник промышленности и финансов» [5].

Подписчиками библиотеки, бравшими книги на дом за небольшую абонементную плату, ежегодно становились от 250 до 300 человек. Абоненты подразделялись на три разряда: первый разряд – 10 руб. в год, второй – 6 руб. и третий разряд – 4 руб. в год. Учителя пользовались книжным фондом бесплатно. При библиотеке была открыта читальная комната, в которой можно было бесплатно почитать книги, журналы или газеты. Читальную комнату ежегодно посещало до 2000 человек.

С начала русско-японской войны 1904–1905 гг. усилился спрос на газеты, укоренилась привычка и потребность в новостях. Появились читатели, спрашивавшие исключительно только газеты.

За долгие годы существования библиотека сменила немало адресов: так, в 1880-х гг. она размещалась в доме председателя земской управы К.Ф. Круликовского, в домах других жителей города – Корнеева и Стригина. В 1890 г. библиотека переезжает в нижний этаж, арендованный земской управой для квартир земской аптеки и приемного покоя. В 1901 г. городские власти предоставили библиотеке бесплатное помещение.

В Сарепуле появились и работали и другие библиотеки: народная библиотека – читальня им. Н.В. Гоголя, библиотека Общест-

ва изучения Прикамского края, библиотека мусульманского общества, библиотека – читальня имени А.П. Батуева, находившаяся в рабочей слободе Сарапула.

Сарапульская публичная библиотека, как и другие библиотеки города, несомненно, сыграла большую роль в формировании культурных сил и традиций. Она пробуждала интерес не только литературе, художественным произведениям, научным сочинениям и трактатам, но и популяризации периодике тех лет, приучала к чтению журналов и газет, тем самым, способствуя формированию и расширению читательской аудитории.

1. *Блинов Н.Н.* Сарапул и среднее Прикамье. Былое и современность. Сарапул, 1908. С. 72.

2. Архив Администрации г. Сарапула. Ф. 76. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

3. В уездном городе «С»: сб. ст. Сарапул, 2008. С. 92.

4. Архив Администрации г. Сарапула. Ф. 76. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

5. Архив Администрации г. Сарапула. Ф. 76. Оп. 1. Д. 14. Л. 14.

В.С. Сулимов, Д.Ю. Федотова

ОРГАНИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ПРИ ОМСКОМ УЕЗДНОМ УЧИЛИЩЕ В 1860 Г.

Особая роль в просвещении молодежи принадлежит библиотекам учебных заведений. Под светскими учебными заведениями исследуемого периода понимаются школы Министерства народного просвещения (далее – МНП). Основной упор исследователи, как правило, делали на изучение библиотек школ Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. Между тем период первой половины XIX в. остается слабо изученным, о чем свидетельствует фрагментарный характер сведений, представленных в различных работах по истории Западной Сибири [1].

После открытия в Западной Сибири в конце XVIII в. главных народных училищ в Тобольске, Барнауле, малых училищ в Тюмени, Туринске, Таре, Томске и Нарыме (по Уставу 1786 г.) началось формирование библиотек при данных учебных заведениях. В марте 1810 г. на основе Тобольского училища открылась мужская гимназия. В соответствии с Уставом 1804 г. при гимназиях учреждались библио-

© В.С. Сулимов, Д.Ю. Федотова, 2012

теки, где размещались сочинения «известных классических авторов и лучших ученых творений иностранных и российских» [2]. Малые народные училища были преобразованы в уездные, планировалось открытие учебных заведений в других городах. В 1817 г. появились уездные училища в Ишиме, Кургане, Таре, Туринске, Ялуторовске, в 1818 г. – в Березове. При устройстве училищ общества городов выделяли деньги на закупку книг. В первой половине XIX в. формирование фондов библиотек осуществлялось централизованно, а также за счет инициативы преподавателей. Значительную роль при формировании библиотек новых школ играли меценаты.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. происходят изменения в общественной жизни городов Западной Сибири. Школы начинают выполнять просветительные функции для взрослого населения, открывая публичные библиотеки. Появляются женские школы, новые уездные училища, в том числе и в Омске.

С инициативой по открытию библиотек выступали представители интеллигенции городов региона. В феврале 1860 г. штатный смотритель омских училищ обратился с просьбой к директору училищ Тобольской губернии П.П. Ершову ходатайствовать об учреждении при учебном заведении публичной библиотеки для чтения на условиях, изложенных в прилагаемом проекте. Найдя мысль штатного смотрителя «совершенно практической», П.П. Ершов просил в марте главного инспектора училищ Западной Сибири ходатайствовать перед министром народного просвещения об открытии библиотеки не только в Омском уезде, но и во всех училищах, на условиях, «примененных к местным потребностям» [3].

Публичная библиотека при Омском уездном училище учреждалась с целью доставить всем сословиям города, по возможности, полезное, за умеренную цену чтение. Библиотека размещалась в доме уездного училища и состояла из книг, принадлежащих училищной библиотеке и выписываемых на сумму, собираемую с подписчиков. Библиотекой управлял штатный смотритель. Желающие пользоваться книгами и периодическими изданиями, должны были платить по 3 руб. в год. Изъявившие желание читать также журналы и газеты текущего года вносили 5 рублей. Деньги брались только с лиц, не служивших и не имеющих в городе недвижимой собственности. Плата вносилась по полугодиям вперед.

Организация библиотеки предусматривала наличие свободного помещения при училище. Для чтения назначалась особая комната

с хорошим освещением и мебелью. Время для чтения предоставлялось с 3 до 9 вечера до 1 августа 1860 г. Затем выделялась комната для библиотеки с 10 утра до 7 вечера. Штатный смотритель для этого должен был освободить квартиру и жить вне училища.

В проекте устава оговаривался механизм выдачи книг и периодики. Желающие брать книги обращались непосредственно к штатному смотрителю с 8 до 12 часов утра, расписывались при получении книги в шнурованную тетрадь. Свежие газеты лежали на столе, их запрещалось брать на дом. Новые журналы выдавались по одному номеру в руки на три дня. После возвращения номера подписчик мог брать журнал на шесть дней.

Предусматривались меры воздействия на недобросовестных читателей. Задержавший литературу платил в пользу библиотеки штраф за каждый день просрочки. Утративший один том или книгу платил за целое издание. Потерявший один номер журнала должен был платить за годовую подписку.

Публичная библиотека служила источником пополнения фондов библиотеки училища. Приобретенные книги и журналы по окончании года поступали в собственность школьной библиотеки, не переставая быть доступными для общества.

Для служащих училищ предусматривались льготы. Штатный смотритель и преподаватели городских училищ пользовались книгами бесплатно. Штатный смотритель каждый год отчитывался перед дирекцией училищ Тобольской губернии о средствах, собираемых с подписчиков.

В 1860 г. публичная библиотека в Омске планировала выпустить следующие 12 изданий: «Журнал МНП», «Журнал для воспитания», «Начальственные распоряжения Казанского учебного округа», «Сын Отечества», «Северная пчела», «Иллюстрация», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово», «Час досуга», «Народное чтение» [4].

Инициатива по организации публичной библиотеки была подхвачена в Ишиме. 30 октября 1860 г. при Ишимском уездном училище была открыта публичная библиотека, размещенная в доме отставного чиновника Шабанова. Подписчиков состояло 8 человек, из них 5 с взносом денег и 3, жертвующих выписываемые периодические издания [5].

До середины XIX в. функции библиотек учебных заведений не распространялись за пределы школ. Разделение библиотеки в рам-

ках одного учебного заведения на ученическую и фундаментальную не всегда способствовало доступности книг даже для учащихся, не говоря о взрослом населении городов.

На рубеже 50–60-х гг. XIX в. возрастает роль школ и интеллигенции в общественной жизни городов. Организация публичных библиотек при учебных заведениях способствовала просвещению заинтересованных в получении знаний городских слоев населения внешкольного возраста, восполняя недостаток учреждений культуры в регионе. Практика создания публичных библиотек при уездных училищах Омска и Ишима получила распространение в городах Западной Сибири. Штатные смотрители училищ поддерживали стремление горожан к просвещению и самообразованию, выступив с инициативой по открытию публичных библиотек. Данная инициатива была позитивно оценена директором училищ Тобольской губернии П.П. Ершовым и вышестоящим начальством. Таким образом, уездные училища были более чем средние учебные заведения, приближены к нуждам населения, пытались реагировать на культурно-просветительские запросы горожан. Учреждения системы народного образования являлись базой для становления других институтов культуры. Такое становление осуществлялось непосредственно в учебных заведениях, где по инициативе интеллигенции отрывались публичные библиотеки.

1. *Замахеев С.Н., Цветаев Г.А.* Тобольская губернская гимназия. Историческая записка о состоянии Тобольской гимназии за 100 лет ее существования. 1789–1889. Тобольск, 1889; *Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. С. 109–110, 91–92; *Сизова Е.В.* К вопросу о формировании фондов библиотек западносибирских мужских гимназий в XIX в. // История образования и просвещения в Западной Сибири: сб. науч. статей и материалов VII регион. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию первого омского педагогического музея. Омск, 2007. С. 83–88; *Сулимов В.С.* Влияние А.И. Арнольда на развитие народного образования в Тобольской губернии начала XIX века // Немцы Сибири: история и культура: материалы VI Международ. науч.-практ. конф. Омск, 2010. С. 5–10; *Сулимов В.С.* Светская школа Ишима (1817–1917). Тюмень, 2010; *Сулимов В.С.* Провинциальная школа России XIX – начала XX в. На примере города Ишима. Saarbrücken, Deutschland: LAP, 2011; *Цысь В.В., Цысь О.П.* Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2011.

2. Устав учебных заведений, подведомственных университетам. СПб., 1804. С. 18.

3. ГАТО (Государственный архив Томской области). Ф. 125. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–1об.
4. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 121. Л. 2–3об.
5. ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 121. Л. 11.

О.Г. Артамонова

ОРГАНИЗАЦИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СРЕДЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М.М. КИСЕЛЕВОЙ)

Мария Михайловна Киселева родилась в 1798 г. в семье саратовского губернского предводителя дворянства, князя Михаила Никитича Чегодаева и его жены Александры Петровны. В семье Чегодаевых было 9 детей, Мария была первым ребенком, получила достойное образование, воспитание было проникнуто духом благочестия и христианских идеалов. Мария Михайловна вышла замуж уже в зрелом возрасте, в 30 лет, за Александра Григорьевича Киселева, потомка древнего дворянского рода, крупного землевладельца. В Пензенскую губернию супруги Киселевы переехали в апреле 1831 г. Здесь начинается служба Александра Григорьевича по выборам дворянства Пензенской губернии. А.Г. Киселев на протяжении всей службы в Пензенской губернии был членом Комиссии народного продовольствия, был кандидатом в председатели Пензенской палаты уголовного суда, членом Пензенской комиссии о ревизии действий дворянского депутатского собрания.

В 1835 г. А.Г. Киселевым была открыта первая в Пензенской губернии публичная библиотека. Александр Григорьевич лично жертвовал более 2000 томов, ежегодно на содержание библиотеки он жертвовал по 500 рублей, а также был почетным попечителем библиотеки. Нельзя не отметить и постоянную помощь крестьянам губернии, особенно ценно было в голодные годы в условиях еще слабого развития общественного призрения и частной благотворительности.

А.Г. Киселев скончался в апреле 1847 г. В Берлине, где проходил лечение от тяжелой болезни. Супруга похоронила его в Пензе, в Спасо-Преображенском мужском монастыре. В своем духовном завещании А.Г. Киселев особо выделил организацию богадельни, в которой бы могли найти помощь многие категории нуждающихся: пре-

старелые, больные, увечные без различия пола, вероисповедания, звания, однако преимущественно из числа военных, оказавшихся не в состоянии обеспечить себе пропитание. Для устройства богадельни А.Г. Киселев завещал свои имения в Московской, Владимирской, Пензенской, Нижегородской, Саратовской, Казанской и Оренбургской губернии. Распорядительницей над имениями, а также над сомой богадельней А.Г. Киселев назначил Марию Михайловну.

С этого момента и начинается активная организаторская и духовная деятельность М.М. Киселевой как великой благотворительницы, известной не только в России, но и далеко за ее пределами.

В 1852 г., когда были уплачены все долги, которые не позволяли подчинить все имения организации богадельни, М.М. Киселева разработала проект Положения о богадельне, которое было Высочайше утверждено в мае 1856 г. Вплоть до окончания строительства богадельни Мария Михайловна оборудовала приют для бедных в собственном доме. Вскоре после начала своей работы богадельня была принята под покровительство императрицы Александры Федоровны и причислена к ведомству учреждений императрицы Марии. Первоначальный штат призываемых составлял 70 человек. В силу разработанного М.М. Киселевой Положения, почетным попечителем богадельни становился старший в роде Киселевых мужского пола, а попечительницей и непосредственной начальницей была сама Мария Михайловна. Кроме того, был избран попечительский совет, состоявший из двух дворян и двух лиц купеческого звания: коллежский советник Н.И. Чарыков, коллежский ассессор П.С. Ларионов, купцы 3 гильдии Ф.И. Финогеев и А.А. Андреев.

Постепенно М.М. Киселева умножила капитал благодаря успешным финансовым операциям. Совершенствовала благотворительная и хозяйственная деятельность не только существующей богадельни, М.М. Киселева в 1881 г. после удовлетворенного Государем императором ходатайствования открыла богадельню еще на 70 человек. Хозяйственные расходы, а также расходы на содержание призываемых составляли 4000 рублей серебром в год, все средства были пожертвованы Марией Михайловной.

Благотворительная деятельность М.М. Киселевой охватывала не только призрение неимущих, немалыми были заслуги Марии Михайловны на религиозной ниве. Над могилой своего покойного мужа М.М. Киселева построила большой двухэтажный пятиглавый храм во имя Святой Живоначальной Троицы. Проект и смета строитель-

ства храма были Высочайше утверждены после направления в канцелярию Святейшего Правительствующего Синода. Храм был выстроен в русско-византийском стиле, имел уникальную церковную утварь, был богато украшен.

М.М. Киселева знала и глубоко чтит святого Иннокентия Пензенского. После его смерти к могиле епископа Иннокентия приходили многочисленные богомольцы, которые не могли поместиться в маленьком склепе. Особенное неудобство было во время богослужений зимой и весной. В декабре 1882 г. был освящен придельный храм во имя святых мучеников Евлампия и Евлампии с южной стороны Спасского кафедрального собора, который примыкал к Екатерининскому приделу собора, в котором был захоронен святой Иннокентий. Все расходы приняла на себя М.М. Киселева.

В сентябре 1881 г. в строительном отделении Пензенского губернского правления был утвержден проект по восстановлению древней Вознесенской церкви в Черкасской слободе г. Пензы. Все материальные расходы, организацию работ вновь взяла на себя Мария Михайловна. Была спасена уникальная архитектура храма, восстановлены многие святыни, имеющие огромное значение для верующих Пензенской губернии.

Следуя воле своего покойного мужа, а также заботясь о нуждах своих бывших крестьян, М.М. Киселева строила храмы в губерниях и уездах, в которых располагались бывшие имения Киселевых.

Нельзя не отметить благотворительную помощь, оказываемую М.М. Киселевой монастырям. Большая денежная помощь и около 100 десятин земли поступили от Марии Михайловны Мокшанскому Казанскому женскому монастырю. М.М. Киселева учредила Пайгармский Параскево-Вознесенский женский монастырь в Инсарском уезде Пензенской губернии. М.М. Киселева была избрана первой почетной попечительницей этого монастыря и оказывала ему всяческую поддержку.

Большие пожертвования М.М. Киселевой оказали ощутимую помощь Пантелеимоновскому монастырю на Святой Горе Афон. Практически ежегодно от Марии Михайловны поступали большие суммы на храм Гроба Господня и на Русскую Иерусалимскую духовную миссию в Палестинское общество. На средства М.М. Киселевой был куплен участок в Назарете и выстроен храм в память о неудавшемся свержении Спасителя со скалы. Через Православное Московское мис-

сионерское общество большие пожертвования от Киселевой поступали в пользу сибирских инородческих миссий.

М.М. Киселева умерла в 1887 г. в возрасте 89 лет. При жизни она была награждена Российским орденом Св. Екатерины (1886), давшим ей титул кавалерственной дамы. За участие в делах общества попечения о раненых во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она была награждена сербским орденом Такова и греческим орденом Спасителя, а также знаком Красного Креста. В 1881 г. Киселеву избрали почетной гражданкой Пензы. Она была действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества.

Благотворительная деятельность М.М. Киселевой, продиктованная ее религиозными убеждениями и стремлением к всесторонней помощи нуждающимся, находила отклик и поддержку, как у представителей властей, так и у большого числа общественных деятелей Пензенской губернии, России и зарубежья [1].

1. При реконструкции биографии и благотворительной деятельности М.М. Киселевой использована информация из архивных фондов, периодической печати и справочной литературы (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. № 3298. Л. 13–14; ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. № 2537. Л. 6–7; Пензенские епархиальные вестн. 2011. № 2; Российская энциклопедия социальной работы. М., 1997. Т. 1, 2).

Т.А. Вепренцева

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Процесс становления структур и отношений гражданского общества в России наиболее заметно начал протекать во второй половине XIX в. В провинции он имел свои особенности, связанные, во многом, с деятельностью интеллигенции, которая представляла собой социально-профессиональную группу людей, занимающихся умственным трудом и вовлеченных в общественно-политическую жизнь страны.

Общественные организации – одни из наиболее важных институтов гражданского общества. Часто у истоков их основания находились представители интеллигенции, делавшие все возможное

для успешного функционирования и развития общественных организаций в дальнейшем.

Российская провинциальная интеллигенция – врачи, учителя, актеры – создавали свои общества, деятельность которых была в значительной степени направлена на решение первоочередных проблем, возникавших в жизни местного населения ежедневно.

В российской провинции в конце XIX – начале XX вв. в качестве первоочередных проблем выделялись следующие: сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка, отсутствие развитой системы здравоохранения (и осознания населением необходимости прибегать к помощи врачей, а не знахарей-любителей), бедность значительной части населения (или даже нищенство), детская беспризорность и др.

Забота о тех, кто не в состоянии был сам справиться с трудной жизненной ситуацией, являлась характерной чертой интеллигенции. Часто по ее инициативе создавались общества взаимопомощи, вспомоществования, медицинские, благотворительные.

Для решения, например, проблемы нищенства в провинции создавались попечительства, которые представляли собой нечто среднее между учреждениями и общественными организациями. Возникали они как по инициативе местной общественности, так и в силу предписания властей. В любом случае они были призваны улучшать качество жизни населения.

Одну из таких форм оказания адресной помощи удалось найти Тульскому городскому попечительству о призрении бедных, которое с 23 апреля 1900 г. начало работать по новым утвержденным Думой 29 ноября 1899 г. правилам [1].

До этого в Туле было много благотворителей, как частных, так и входивших в состав различных обществ, но практиковавшиеся ими способы помощи нуждающимся существенно расходились с теми, которые рекомендовались правилами Попечительства. Это оказание помощи «только находящимся в крайней нужде, круглым сиротам, дряхлым, больным», которая должна заключаться в выдаче необходимого для существования [2]. Форма пособия – преимущественно натуральная (одеждой, обувью, хлебом, другими продуктами). Помощь деньгами должна подаваться только в крайних случаях и разово.

Данный подход к оказанию помощи нуждающимся можно считать большим шагом вперед в развитии дела благотворительности в Тульской губернии. Для решения отдельных задач при Попечитель-

стве были учреждены специальные отделы. Детский отдел заботился о детях бесприютных, сиротах, брошенных, нищенствующих. В 1901 г. Центральное попечительство открыло приют для убогих, больных, хроников, престарелых.

Врачи в провинции одними из первых создали свои профессиональные общественные организации, в которых осуществляли активную общественную и научную деятельность, направленную на изменение ситуации в сфере здравоохранения и санитарии, находившейся в России в далеко не лучшем состоянии.

Крупнейшими обществами медицинского характера, которые функционировали в губерниях центральной России на рубеже XIX–XX вв., были общества местных врачей (одни из самых старейших общественных организаций интеллигенции) и отделы Русского общества охранения народного здоровья.

Так, члены Обществ врачей многое сделали для улучшения здравоохранения жителей российской провинции. Народные чтения по вопросам санитарии и гигиены, проводившиеся по их инициативе, позволили постепенно расширить знания простого народа в медицинской сфере и изменить отношение населения к этим вопросам. Часто люди старались избегать мероприятий по профилактике заразных болезней, употребления лекарственных средств, используя по старинке, традиционные методы лечения. Подобное отношение не редко вызывало эпидемии сыпного тифа, холеры, в борьбе с которыми члены Обществ принимали самое непосредственное участие.

Среди просветительских и научных обществ, возникавших в российской провинции на рубеже XIX–XX вв., особое место занимали общества и попечительства о народной трезвости, организации церковной интеллигенции, библиотечные и историко-археологические общества.

Один из наиболее продуктивных способов содействия поднятию уровня народного образования, который применяла интеллигенция, было устройство народных чтений (разрешено в губернских городах с 1876 г., в селениях и уездных городах с 1894 г.). Этот способ был особенно полезным еще и потому, что он мог оказывать благотворное нравственное влияние даже и на неграмотных лиц [3].

Губернские комиссии по устройству народных чтений наиболее активно начали возникать в 80-е гг. XIX в. Часто они действовали сообща с губернскими и уездными попечительствами о народной

трезвости с целью проведения народных чтений для отвлечения народа от нездорового времяпрепровождения.

Так, Комиссия по устройству народных чтений в городе Туле (с 1884 г.) работала вместе с Обществом тульских врачей, Тульским Городским комитетом попечительства о народной трезвости, Епифанским попечительством о народной трезвости [4].

Главной целью народных чтений, которые устраивали общества и попечительства о народной трезвости, являлось «распространение среди народа здравых понятий о вреде неумеренного потребления крепких напитков». Кроме этого, данные организации открывали библиотеки, библиотеки-читальни, книжные склады, чайные для проведения наиболее здорового досуга местного населения.

Таким образом, интеллигенция, образовавшая общественные организации в российской провинции, сыграла существенную роль в создании условий для нормального жизнеобеспечения местного населения.

Высокая общественная активность интеллигенции обусловила ее конструктивную роль, в развитии гражданских институтов и отношений в российской провинции. Члены различных общественных организаций местной интеллигенции трудились сообща, чтобы сделать все возможное для процветания провинции, для поднятия жизненного уровня местного населения на качественно новую ступень.

1. Отчет Тульского городского попечительства о призрении бедных за 1900-й г. Тула, 1902. С. 4.

2. Там же. С. 7.

3. Государственный архив Тульской области. Ф. 73. Оп. 6. Д. 67. Л. 20.

4. Краткий очерк состояния земских училищ Тульской губернии в 1902–1903 уч. г. Тула, 1903. С. 17; Краткий очерк состояния начального образования в Тульской губернии в 1897–1898 и 1898–1899 уч. г. Тула, 1900. С. 26–30.

**СПЕЦИФИКА УЧАСТИЯ ПЕДАГОГОВ
ЗАПАДНОСИБИРСКИХ НАЧАЛЬНЫХ И СРЕДНИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНА В НАЧАЛЕ XX В.**

Общественное движение, охватившее в начале XX в. широкие слои российского общества, безусловно, включило и учителей. Региональные особенности наложили свой отпечаток на специфику поведения педагогов в событиях первой русской революции.

Контроль администрации за проявлениями гражданской активности населения был жестким и практически исключал возможность легального участия в политической жизни страны. В Западной Сибири надзор за политически неблагонадежными был даже строже, чем в центральных регионах. Чаще всего в поле зрения властей попадали лица, заподозренные в пропагандистской деятельности. В большинстве своем это были учителя начальной и низшей школы, куда отбор был менее жестким, чем в средние учебные заведения.

В рождественские каникулы 1902–1903 гг. в Москве состоялся первый съезд учительских обществ взаимопомощи, где основным вопросом стало положение народных учителей. От Западной Сибири на него были отправлены К.В. Ельницкий и И.Д. Созонов [1]. Подбор кандидатур объяснялся степенью доверия властей к ним. В ходе этого съезда проявилась значительная разница в мировосприятии и ценностных ориентирах между учительством центральных и сибирских губерний. Чиновная система ценностей была отмечена земскими педагогами Центральной России, как черта характерная для их коллег из Сибири. Учителя отражали настроения образованной части общества. В Западной Сибири интеллектуальной элитой общества было чиновничество. Это проявилось в годы революции, когда учительство Сибири отказалось принимать революционные идеи земских педагогов, останавливаясь на профессиональных задачах, вставших перед учебным сообществом.

Догоняющий характер общественной деятельности сибиряков и решающее влияние в западносибирских городах чиновничества предопределили более осторожное и консервативное, нежели в Центральной России, поведение преподавателей. Проверки полиции на

местах показали слабую степень участия педагогов в революционных событиях. Более того, можно сказать, что на политические взгляды педагогов окружение влияло больше, чем они на общество. В целом сибиряки отличались аполитичностью, проявившейся в отсутствии разделения общества по партийной принадлежности. Учительские организации Томска, Барнаула, Новониколаевска, Иркутска, заключая договор о взаимодействии с Всероссийским Учительским Союзом, в качестве недопустимого в рамках Сибири требования назвали вхождение в профессионально-политический союз по партийной принадлежности [2]. В то же время служба педагогов низших и начальных школ железнодорожных станций нередко порождала «левение» учителей в духе социал-демократических идей (причем в борьбе эти педагоги отстаивали не интересы своего профессионального института, а интересы рабочих и крестьян).

Наибольшей активностью отличались преподаватели школ Томска и Барнаула. Организация учительских союзов в этих городах началась в первой половине 1905 г. Перед педагогами стояли задачи профессионального объединения в рамках союза учителей всех учебных заведений города и округа, оказание помощи пострадавшим в ходе действий школьной администрации и властей. Деятельность этих союзов прошла два этапа: 1905 г. (до октябрьских черносотенных погромов) и 1906–1907 гг. – период затишья. Собрания во второй период не проводились, численность учительских обществ падала.

Слабее политическая активность педагогов была в Омске. Проверки полиции не обнаруживали в городе доказательств революционных действий учебного персонала. Не только в годы революции, но и после них общество вспомоществования не выходило за рамки профессиональной деятельности. Полиция, относительно настроенный учительства в целом, указывала на его пассивность, по сравнению с приказчиками, медицинским персоналом, а тем более железнодорожными рабочими [3].

Низкой была также степень влияния учительства на широкие городские и сельские слои западносибирского общества. Если в черноземных великорусских губерниях земские учителя нередко оказывались во главе крестьянских волнений, связанные общими требованиями, то в Сибири, где над крестьянами не было помещика, учитель, назначаемый властями, воспринимался как барин, чужак, носитель власти [4].

Послереволюционный период ознаменовался резким спадом общественной деятельности. В Центральной России учителя ориен-

тировались на профессиональный характер работы объединений, в Западной Сибири учительские объединения переживали упадок. Педагоги, замеченные властями в политической деятельности, подверглись арестам, другие сосредоточились на научной, просветительской работе.

Выявление доли педагогов среди выборных лиц в состав Государственной Думы четырех созывов также свидетельствует о низкой степени участия педагогов в этой форме легальной общественной деятельности [5]. Отсутствие учителей в числе делегатов объяснялось, помимо апатии участников, еще и недостатком доверия к данной категории государственных служащих у общества. Это было отличием от положения учителей Центральной России, которые во всех созывах Думы составляли более 10 % от общего числа депутатов. События 1905–1907 гг. наглядно показали значительную аполитичность большинства учительства, а также отсутствие доверия со стороны общества к тем из них, кто пытался следовать революционным идеям.

Таким образом, мы можем говорить о региональных особенностях поведения западносибирского учительства в условиях политической модернизации, выразившейся в революционном взрыве 1905–1907 гг. Определенная схожесть службы дореволюционного учителя с деятельностью чиновника, безусловно, оказала свое влияние на формирование ценностных ориентиров преподавателей всех ступеней системы образования, а не только учителей среднего звена, как это указывалось ранее. Складывание в последней четверти XIX в. профессиональной учительской корпорации обусловило конфликт репрезентаций между обществом и учительством, воспринимаемым с этого момента в качестве одного из представителей власти на местах и наделяемым, соответственно, всеми негативными или сомнительными чертами этой власти.

1. *Фураев Г.* Очерк по истории профессионального объединения работников просвещения Омской губернии (1895–1924). Омск, 1924. С. 7.

2. А-в Учительские организации в Сибири // *Сибирские вопросы*. 1907. № 3. С. 15.

3. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.

4. *Черкасова Н.Н.* Повседневная жизнь земских учителей российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на материалах Курской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 121.

5. *Барсуков В.Л.* Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной Думе 1906–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. (Приложения 1–4).

РОЛЬ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (НАЧАЛО XX В.)

Книжная культура включает в себя создание, распространение и чтение книг, а также любых письменных (рукописных и печатных) текстов, в том числе газет и журналов. Важную роль в развитии книжной культуры Западной Сибири в начале XX в. играла сельская интеллигенция, подавляющее большинство которой составляли учителя, священно- и церковнослужители. Именно они являлись теми представителями сельского населения, которые имели наиболее высокий уровень развития книжной культуры. Они составляли активную читательскую аудиторию сибирской деревни. С их деятельностью связаны создание и работа библиотек-читален, организация и проведение народных чтений, распространение печатной продукции и книжных знаний среди сельского населения. Поэтому в нашей работе Западная Сибирь рассматривается в пределах существовавших в изучаемый период административных единиц – Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей, так как эта территория совпадала с границами Западно-Сибирского учебного округа, деятельность учреждений и служащих которого играла огромную роль в развитии книжной культуры села.

В условиях отсутствия развитой системы стационарной книготорговли именно библиотеки стали основными центрами распространения печатной продукции среди сельского населения, а учителя – главными посредниками между ее создателями и потребителями. В 1914 г. заведующие народными библиотеками из числа учителей и духовных лиц соответственно составляли в Тобольской губернии 81,4 % и 1,2 % (итого 82,6 %), в Томской – 84 % и 6,2 % (итого 90,2 %), в Акмолинской области – 26,1 %, духовные же лица библиотеками не заведовали, кроме Атбасарского уезда, по которому данные отсутствуют, в Семипалатинской – 77,5 % и 7,9 % (итого 85,4 %), по Западно-Сибирскому учебному округу в целом – 77,3 % и 3,5 % (итого 80,8 %) [1].

Заведующими народными библиотеками, как показано выше, были преимущественно учителя. Подобная ситуация объяснялась двумя основными причинами: 1) малочисленностью грамотных се-

лян, 2) большей легкостью в получении разрешения властей на открытие библиотеки, если на заведывание таковой выдвигалась кандидатура местного учителя. Утверждение заведующего библиотекой осуществлял губернатор. Если кандидатом на эту должность являлся учитель, то его назначение происходило, как правило, довольно быстро. Предполагалось, что, уж если этим людям правительство доверило воспитание подрастающего поколения, то и заведывание библиотекой им вполне можно поручить. Благонадежность этих людей в некоторой степени автоматически гарантировалась предшествующим допущением их к учительской должности. Если же заведовать библиотекой выражало согласие частное лицо, то его утверждению предшествовала бюрократическая переписка, занимавшая иногда по нескольку месяцев и имевшая своей целью выяснить политическую, религиозную и нравственную благонадежность кандидата. Если таковая вызывала сомнения, то необходимо было искать новое ответственное лицо для заведования библиотекой, иначе ее открытия так и не происходило. Заведование библиотекой осуществлялось чаще всего безвозмездно. Тем не менее, сельские учителя охотно соглашались на эту дополнительную нагрузку.

Часто учителя не только соглашались безвозмездно взять на себя заведывание библиотекой, но и сами выступали инициаторами создания библиотек. Они составляли прошения на имя губернатора, в которых доказывали необходимость открытия библиотек в их селениях и выражали согласие на заведывание ими. Объяснялась эта инициативность целым рядом причин. Во-первых, учителями чаще всего становились истинные энтузиасты народного просвещения, а с середины XIX в. книга в либерально-демократических кругах стала считаться не только основным фактором такого просвещения, но и одним из главных условий улучшения жизни народа. Во-вторых, сельские учителя были ближе всех к крестьянам и лучше остальных видели тягу одних к книжке, а других – к водке. Поэтому библиотека была призвана удовлетворить духовные потребности первых и отвратить от пьянства вторых, дав им возможность иного времяпрепровождения, заполнения досуга интересной литературой. В-третьих, посвятив себя обучению крестьянских детей, они с болью наблюдали затем, как уже через несколько лет их бывшие ученики утрачивали полученные навыки чтения и письма. Связано это было с невозможностью таких умений в реальной жизни, в том числе и по причине отсутствия или крайней недостаточности у селян книг. Та-

ким образом, начиная дело по устройству библиотеки, учитель полагал, что такой очаг культуры в селе будет способствовать решению сразу многих проблем.

В начале XX в. наряду с мощным библиотечным строительством обороты набирает устройство бесплатных народных чтений, которые пользовались большой популярностью у населения. Чтения проводили по воскресным и праздничным дням, как правило, в период с поздней осени до ранней весны, когда сельское население имело больше свободного времени. Списки лекторов, как и заведующие библиотеками, также утверждались властями. Лекторы, которыми являлись учителя, священно- и церковнослужители, а иногда и сами крестьяне, выступали безвозмездно. В 1914 г. лекторы из числа учителей и духовных лиц соответственно составляли в Тобольской губернии 80,6 % и 17,9 % (итого 98,5 %), в Томской – 53,7 % и 20 % (итого 73,7 %), в Акмолинской области – 52,4 % и 47,6 % (итого 100 %), в Семипалатинской – 37,8 % и 55,6 % (итого 93,4 %), по Западно-Сибирскому округу в целом – 68,4 % и 22,6 % (итого 91 %) [2]. Содержание чтений было разнообразным: наряду с духовно-нравственной на них читали общеобразовательную, санитарно-просветительную, историческую, географическую и высокохудожественную литературу, а также книги по различным разделам сельского хозяйства и пчеловодству, правительственные газеты. Народные чтения способствовали распространению интересных и полезных знаний среди селян, «правильному» проведению досуга.

Таким образом, активная работа местной интеллигенции на поприще народного просвещения являлась одним из важнейших условий развития книжной культуры сельского населения Западной Сибири, как впрочем, и других регионов Российской империи рассматриваемого периода. Учителей, а также священно- и церковнослужителей можно признать самыми активными субъектами процесса развития книжной культуры в сельской местности. Им принадлежала инициатива устройства библиотек и народных чтений, на них лежало бремя заведывания первыми и чтение лекций на вторых, в том и другом случаях преимущественно безвозмездно. Их усилиями в селениях Западной Сибири проводились народные чтения и работали библиотеки, делая доступным книгу, книжное знание сельским жителям.

1. Подсчитано по данным: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 3084. Л. 11–11 об., 18–18 об., 41–41 об., 48–48 об.,

55–55 об., 63–63 об., 68–68 об., 89–89 об., 96–96 об., 103–103 об., 110–110 об., 117, 122–126 об., 148–148 об., 175–175 об., 181–181 об., 188–188 об., 218–218 об., 227–227 об., 273–273 об., 280, 285 об.

2. Подсчитано по данным: ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3084. Л. 10, 13, 15, 17, 37, 44, 51, 58, 85, 92, 99, 106, 113, 149–154, 173, 179, 217, 226.

О.В. Захарченко

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВКЛАД С.А. КОТЛЯРЕВСКОГО В ПОЛИТИЧЕСКУЮ МОДЕРНИЗАЦИЮ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в., в условиях политической модернизации России приобретался первый опыт парламентаризма и борьбы политических партий, уроки которого могут быть полезны для современного развития нашей страны. В этом процессе активную позицию в силу исторических обстоятельств занимала российская интеллигенция. Одним из ее представителей был незаслуженно забытый историк, но известный правовед и общественно-политический деятель Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939).

На рубеже веков С.А. Котляревский был известен как молодой многообещающий историк, защитивший в 1902 г. магистерскую диссертацию по теме «Францисканский орден и Римская курия в XIII и XIV веках» и в 1904 г. докторскую диссертацию по теме «Ламенне и новейший католицизм» на историко-филологическом факультете Московского университета. Но его карьера историка была внезапно прервана, его научные взгляды сместились в область юриспруденции, а общественно-политическая деятельность постепенно вышла на первый план по сравнению с его научной работой.

Еще с 1903 г. Котляревский вошел в оппозиционный «Союз земцев-конституционалистов», участвовал в работе полулегального кружка «Беседа», кружка по истории религии, организованного профессором С.Н. Трубецким.

В 1905 г. в период подъема первой русской революции, первого опыта парламентаризма и работы политических партий его общественно-политическая деятельность достигает пика своей активности.

В октябре 1905 г. важную роль в политической модернизации страны играла кадетская партия. С.А. Котляревский, придерживаясь

конституционно-демократических идей, стал не только ее активным членом, но и одним из лидеров, войдя в состав ее Центрального Комитета. Своему университетскому учителю В.И. Герье он писал, что «в период, где, по-видимому, имеет власть стихия» только активной работой в Государственной Думе он может помочь университету, науке и России [1]. В 1906 г. Котляревский был избран депутатом I Государственной Думы от Саратовской губернии. При этом лично пострадал после ее роспуска, за подписание Выборгского воззвания, когда был приговорен к трехмесячному тюремному заключению и лишен пассивного избирательного права.

С.А. Котляревский – один из теоретиков партии кадетов. Общественно-политическая деятельность стимулировала его обращение к правовым проблемам. Ядром политической доктрины кадетов была идея государственности. И именно она являлась объектом научного исследования Котляревского как специалиста в области государственного права в его диссертациях «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора» (1907) и «Правовое государство и внешняя политика» (1910).

Ему принадлежит множество статей, в которых проявилась его публицистическая деятельность в ряде известных изданий «Вестник Европы», «Русские ведомости», «Юридический вестник», «Полярная звезда», «Русская мысль» и других, в которых были сделаны выводы о значении парламентаризма, типах избирательных систем, роли партий для общественного развития России.

С.А. Котляревский считал, что лишь конституционный тип государственности является наиболее предпочтительным, «дает возможность слиться власти и гражданам в единое организованное политическое целое, обличенное в строгую юридическую форму... В конституционном государстве всякий полноправный гражданин через своих представителей является участником в создании того акта государственной воли, который именуется законом» [2].

Это представительство, по его мнению, осуществимо путем избирательного права, равного, прямого, и тайного «как единственная форма, способная вывести Россию из современного тяжелого кризиса на путь мирного развития всех ее духовных и материальных сил» [3]. Котляревский признавал необходимость организации представительства национальной солидарности, в основании которого должны находиться партии. Это составляет главный смысл пропорциональной избирательной системы, для чего избиратели голосова-

ли бы исключительно за программу партии. При этом наряду с таким пропорциональным представительством им выдвигалась мысль о подобном представительстве в местных законодательных палатах.

Но политика и партийная борьба, «дабы она не выражалась в столкновение мелких интересов и личных страстей должна признавать первенство культурных ценностей, существование незыблемых нравственных начал» [4]. Котляревский считал, что в России с ее полицейскими отношениями это исключительно трудно, но создание свободной России требует небывалого напряжения всех умственных и нравственных сил страны.

С началом Первой мировой войны (ставшим важным рубежом в идейной эволюции кадетов) Котляревский в числе других принимал участие в различных общественных организациях, как Всероссийский союз городов, Всероссийский Земской Союз, участвовавший в материальном снабжении армии. В рамках специального комитета «Война и культура» Котляревский читал в провинции лекции на военно-патриотические темы.

После февральской революции 1917 г. С.А. Котляревский вошел в совет Лиги русской культуры, организованной П.Б. Струве с участием веховцев Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка. Сотрудничество с ними в 1918 г. вылилось в сборник статей известных представителей русской философии и культуры, размышлявших об истоках перспективе революции, где была продолжена традиция социально-философской мысли, начатая сборниками «Проблемы идеализма» и «Вехи» [5]. В трудный период работы Временного правительства С.А. Котляревский стал членом комиссии по выработке закона об Учредительном собрании от кадетской партии.

После Октябрьской революции Котляревский, не приняв советскую власть, занимался антибольшевистской деятельностью и поддержкой белогвардейского движения. Однако после ареста в 1920 г. был вынужден смириться и выразить свою лояльность к ней, что позволило ему продолжить преподавательскую и научную деятельность. Но с началом репрессий он был арестован в 1938 г, а затем в 1939 г. расстрелян.

С.А. Котляревский, как представитель интеллигенции и научного сообщества, внес немалый вклад в теоретическое осмысление сложного, противоречивого периода политической модернизации России начала XX в. Недаром сегодня переизданы его книги «Правовое государство и внешняя политика», «Власть и право. Проблема

правового государства», «Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных Законов», а освещенные им вопросы не потеряли своей актуальности.

1. Письма С.А. Котляревского [Герье В.И.] // Цаганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 400.

2. *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 10.

3. *Котляревский С.А.* К философии избирательного права // Вопросы философии и психологии. М., 1905. Год XVI. Кн. V (80). С. 382.

4. *Котляревский С.А.* Партии и наука // Полярная Звезда. 1906. № 5 (12 янв.). С. 355.

5. Из глубины: сборник статей о русской революции С.А. Аскольдова, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Иванова, А.С. Изгоева, С.А. Котляревского, В. Муравьева, П. Новгородцева, И. Покровского, П. Струве, С. Франка. М.; Петроград, 1918. 298 с.

П.П. Послушаев

**«ИМЕННО ЕЕ ТРУДАМИ... МУЗЕЙ
ПРЕВРАТИЛСЯ В КРУПНЕЙШЕЕ НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ»
(НИНА МИХАЙЛОВНА ЧЕРНЫШЕВСКАЯ – ДИРЕКТОР
САРАТОВСКОГО МУЗЕЯ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО)**

Деятельность Николая Гавриловича Чернышевского, великого писателя, ученого и гражданина, оставила неизгладимый след в истории русского освободительного движения, науки и культуры. Лучшим проявлением признательности нашего народа является создание Музея-усадьбы Н.Г. Чернышевского в Саратове.

Начало собиранию экспонатов музея положил младший сын писателя – Михаил Николаевич Чернышевский (1858–1924). В марте 1918 г. он передал государству коллекцию рукописей, писем, документов, книг и вещей отца, а также дом Чернышевских в Саратове, считая его «исторической ценностью», имеющей «общественное значение» [1].

Идея создания музея Н.Г. Чернышевского в Саратове, в доме, где он родился и жил, высказанная Михаилом Николаевичем, была

горячо поддержана В.И. Лениным, Н.К. Крупской, А.В. Луначарским и другими политическими деятелями Советского государства. В трудные для страны годы было выделено 50 тысяч рублей для организации музея и ремонта его помещений. В Саратове большую поддержку создателям музея оказывал В.П. Антонов-Саратовский.

Все годы у истоков создания музея рядом с Михаилом Николаевичем стояла его дочь – Нина Михайловна Чернышевская (1896–1975), которая решила посвятить этому делу всю свою жизнь. Детство и юность ее прошли в Петрограде, где она окончила гимназию с золотой медалью, училась на Бестужевских курсах у профессора Н.К. Пиксанова, который впоследствии активно содействовал созданию музея Чернышевского в Саратове.

После переезда в Саратов всей семьи Михаил Николаевич вплотную занялся организацией музея. Нина училась в университете и активно помогала отцу, который видел в ней преемницу своего дела. Помимо реставрации музея, создания первых экспозиций, Нина Михайловна занималась разбором, приведением в порядок и описанием архива Н.Г. Чернышевского, доставленного из Академии Наук в Саратов. В процессе этой работы у нее выработались навыки работы с первоисточниками, а в стенах музея на его материалах она сформировалась как научный работник.

Музей Н.Г. Чернышевского был утвержден Постановлением Совета Народных Комиссаров 25 сентября 1925 г. Первым его заведующим, а затем директором стал Михаил Николаевич, а первым научным сотрудником музея, вошедшим в его штаты – Нина Михайловна Чернышевская. Если музей возник как результат прозрачности и активной деятельности М.Н. Чернышевского, то создание, становление и развитие его явилось итогом всей жизни и работы Нины Михайловны, проявлением ее ума и таланта.

После смерти отца в 1924 г. Нина Михайловна возглавила музей. В результате кропотливой работы всего коллектива он превратился в учреждение общесоюзного значения. Активными помощниками и соратниками Чернышевской были В.А. Пыпина (ее ближайшая родственница), профессора А.П. Скафтымов, Е.И. Покусаев и др. Приступив к своим обязанностям, сотрудники музея продолжали пополнение основного архива Н.Г. Чернышевского изысканиями новых документов, фотографий, личных вещей, принадлежащих великому писателю, его семье и их родственникам.

В.Д. Бонч-Бруевич, с которым Н.М. Чернышевскую всю жизнь связывали не только рабочие, но и дружественные отношения, совето-

вал ей не только выявлять неопубликованные документы деда, но и разыскивать людей, у которых могли сохраниться материалы о Чернышевском. Так были получены новые сведения о встречах Н.Г. Чернышевского с декабристом П.П. Беляевым в доме саратовского купца Духанова, воспоминания А.Ф. Раева и многие другие.

Владимир Дмитриевич писал Нине Михайловне: «Дело, которое Вы делаете, такое важное и нужное для нашей культуры <...>. Хотелось бы верить, что Вы <...> одушевлены идеей создания этого музея <...>, несмотря на отсутствие материальных средств» [2]. Бонч-Бруевич в дальнейшем помогал Нине Михайловне в публикации материалов о Н.Г. Чернышевском, ее статей в историко-литературном сборнике «Звенья», редактором которого он был, поддерживал материально.

В тесном контакте работала Чернышевская и с учеными-историками, такими как: академики М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, профессора Л.А. Дербов, Б.П. Козьмин и др. Ведущие ученые страны интересовались развитием музея, его работой, нуждами, оказывали посильную помощь. М.В. Нечкина писала: «Понастоящему изучить Чернышевского можно только подняв всю архивную целину, не оставив необследованной ни одной фразы, написанной им, ни одного тайного правительственного документа, говорящего о нем... Восстановить все тексты – первейшая задача» [3]. Именно по этой программе работала Нина Михайловна и ее коллеги. Их трудами был пополнен архив музея, приведен в строгий порядок, систематизирован и описан. Это давало возможности для широкой научно-исследовательской деятельности. Из стен музея вышли (не без помощи директора) десятки диссертаций. Сама Чернышевская 26 февраля 1944 г. блестяще защитила кандидатскую диссертацию. Ее научная компетенция оценивалась учеными должным образом. Так профессор Л.А. Дербов, приглашая ее на защиту докторской диссертации Р.А. Таубина, писал: «Без Вашего авторитетного участия мы провести обсуждение на должном уровне не сумеем» [4].

Под руководством Н.М. Чернышевской были закончены реставрационные работы музейных зданий. К 50-летию со дня смерти Н.Г. Чернышевского дом Пыпиных (его родственников) был передан в собственность музея Саратовским Горсоветом. В дальнейшем в нем Нина Михайловна организовала рабочие кабинеты, библиотеку и фондохранилище. К 140-летию со дня рождения великого писателя была открыта новая экспозиция музея, что явилось результатом

многолетней собирательской и научной работы всего коллектива под руководством его директора. В работе над экспозицией принимали участие: Б.И. Лазерсон, А.И. Сорокина, В.С. Чернышевская (дочь Нины Михайловны), Ю.М. Костин, В.Б. Герасимов, А.А. Демченко.

Формами просветительской работы музея были экскурсии, лекции, беседы, читательские конференции, консультации. Сотрудники музея с его директором выезжали с лекциями в вузы, школы, подшефные колхозы и совхозы, организовывали выставки для школьных литературных кружков, библиотек. Музей Н.Г. Чернышевского функционировал даже в годы Великой Отечественной войны. За этот период сама Нина Михайловна в госпиталях и школах прочитала 155 лекций и провела 1251 беседу.

Кроме музейной работы Н.М. Чернышевская занималась издательской и писательской деятельностью. Ею написано и издано свыше 220 работ. Она принимала активное участие в общественной и культурной жизни страны. За свой многолетний труд Нина Михайловна была награждена орденами и медалями, а в 1967 году получила звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Свое любимое детище – музей Н.Г. Чернышевского она возглавляла до конца жизни. «Моим горячим желанием было, есть и будет вести работу вверенного мне музея на должной научной высоте» [5], – писала Н.М. Чернышевская.

1. *Чернышевская Н.М.* У истоков (К истории создания Дома-музея Н.Г. Чернышевского). // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1965. Вып. 4. С. 256.

2. Музей Н.Г. Чернышевского. О.Ф. № 7347/1267. Письмо В.Д. Бонч-Бруевича к Н.М. Чернышевской от 25 июня 1928 г.

3. *Демченко А.А.* К истории советской науки о Чернышевском. Нина Михайловна Чернышевская. // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы: межвузовский научный сборник. Саратов, 1987. Вып. 10. С. 163.

4. Музей Н.Г. Чернышевского. О.Ф. № 5849/493. Письмо Л.А. Дербова к Н.М. Чернышевской от 28 ноября 1963 г.

5. Музей Н.Г. Чернышевского. О.Ф. № 7347/3627. Письмо Н.М. Чернышевской к А.М. Панкратовой (1946 г.).

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЯХ 1917 Г.*

В годы революции 1905–1907 гг. на территории Вологодской губернии возникли организации конституционно-демократической партии (официальное название – Партия Народной Свободы, далее ПНС). В то время кадеты широко вели агитацию и пропаганду своих взглядов, принимали активное участие в предвыборной борьбе в Государственные думы. Поражение революции нанесло серьезный удар по либерализму. Большинство партийных организаций распалось и прекратило всякую партийную деятельность. Уцелевшие партийные комитеты существовали в основном чисто номинально. Вот как описывал это секретарь Вологодского комитета ПНС А. Васильев в письме члену ЦК ПНС А.М. Колюбакину в марте 1908 г.: «Наша кадетская группа мертва, но мертва летаргически. Существует только комитет, но и он существует только по названию, так как деятельность его сокращена до минимума, никто ничего не вносит в кассу группы» [1].

Февральская революция пробудила провинциальных кадетов от «летаргического сна» и резко изменила ситуацию. Кадетская партия из оппозиционной превращалась в правящую, что давало широкий простор для деятельности на местах. Весной 1917 г. были организационно восстановлены распавшиеся после Первой российской революции группы и стали возникать новые. В организации кадетских групп в 1917 г. можно выделить два этапа. Первый – март–июнь 1917 г. В это время кадетские организации конституировались практически сами, без большой помощи из ЦК. Основой для них служили кадетские кружки, объединявшие либерально настроенную интеллигенцию. Для этих групп прослеживается их прямая преемственность с организациями 190–1907 гг. Как правило, во главе группы стояли бывшие кадетские руководители времен Первой российской революции. Поэтому здесь уместно говорить не о возникновении новых организаций, а о возобновлении деятельности старых. Так, в

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг., ГК П 360.

1917 г. председателем Вологодского губкома ПНС стал земский деятель В.А. Кудрявый, возглавлявший кадетов с 1905 г.

Второй этап – июль–август 1917 г. В это время кадетские организации в уездах и волостях создавались путем командировок представителей ЦК или губкомов по уездам. Оформление кадетских групп проходило по отработанной схеме: митинг или лекция приезжего оратора из ЦК о деятельности партии, запись в члены ПНС и организационное собрание после митинга. Выбирался партийный комитет, устанавливались формы связи, после чего партийные представители уезжали, а новоявленная кадетская группа почти ничем себя не проявляла. Например, при оформлении Усть-Сысольской группы представителем ЦК ПНС А.П. Нечаевым в начале августа 1917 г. были выбраны делегаты на агитационные курсы в Вологде. Однако на курсы они так и не поехали, объяснив это «недостатком времени» [2].

По нашим подсчетам, в 1917 г. в Вологодской губернии действовало 9 кадетских организаций, из них 1 губернская (г. Вологда) и 8 уездных. 5 организаций наиболее крупных городов губернии сохранили прямую преемственность с группами периода Первой российской революции. Численность партии осталась примерно на уровне 1906 г. – т. е. до 700 человек [3].

Социальный состав партии по сравнению с 1905–1907 гг. остался почти прежним, но произошли и серьезные изменения. Из ПНС ушли сторонники левых партий, которые выступали раньше под флагом «кадетизма» из опасений полицейских преследований. В то же время, в ПНС вступили многие либерально настроенные провинциалы, которые до Февраля 1917 г. сочувствовали ПНС, но не вступали в нее из опасений лишиться места службы. Кроме того, в ПНС вступили многие члены Союза 17 октября, который потерял свое влияние в 1917 г. Тем самым, если до Февраля в глазах обывателей кадеты были «радикалами», чуть ли не «революционерами», то после Февраля ПНС превратилась в одну из самых правых партий России. Однако хоть кадеты и значительно «поправили», провинциальные организации Вологодской губернии остались на левых позициях. Лишь кадеты Великого Устюга поддерживали правое крыло в ПНС.

По различным источникам нам удалось установить социальный состав кадетских организаций Вологодской губернии в 1917 г. 43,1 % составляют различные категории интеллигенции, 27,7 % – чиновники и служащие, деятели местного самоуправления, 21,5 % – торгово-промышленные слои, 7,7 % – прочие (офицеры, прапорщи-

ки, священники и др.). Из кадетских организаций почти полностью исчезли крестьяне, что связано с усилившимся влиянием эсеровской партии, зато добавились офицеры и прапорщики. Кадровое офицерство не поддерживало либералов, но в годы Первой мировой войны многие выходцы из интеллигенции, сражавшиеся на фронтах, получили низшие офицерские звания – они-то и поддерживали ПНС. Так, сын председателя Вологодского губкома ПНС Б.В. Беккера – Сергей получил звание прапорщика на фронте. Вернувшись в Вологду летом 1917 г., он с помощью отца стал организатором кадетского Союза молодежи [4]. Данные наблюдения полностью подтверждают тезис о решающей роли интеллигенции в деятельности основной либеральной партии России.

После Февральской революции в городах Вологодской губернии, как и по всей стране, стали создаваться многочисленные общественные организации, объединенные чаще всего по профессиональному признаку. Каждая политическая партия придавала большое значение работе в этих союзах, однако наибольшим влиянием в них пользовалась ПНС. Многие из них кадеты сами и организовали. В Вологде кадеты явились инициаторами создания Союза служащих в правительственных учреждениях, Лиги равноправия женщин и др. В состав Совета Союза домовладельцев входило 2 члена губкома ПНС – И.Ф. Клушин и А.М. Виноградов. В правление Союза квартиронанимателей входил председатель губкома ПНС Б.В. Беккер. Председателем Союза медицинских врачей был член губкома ПНС П.А. Кадников [5]. В Великом Устюге кадеты явились инициаторами создания Торгово-промышленного союза, в Грязовце – Мещанского общества, в Тотьме – Союза домовладельцев и т. д. Многие кадеты состояли членами того или иного союза и, как правило, играли в нем далеко не рядовую роль. Все это говорило о росте влияния либеральной интеллигенции в городах Вологодской губернии.

Основным направлением работы ПНС в 1917 г. являлась борьба за представительство в органах местного самоуправления и в Учредительном собрании. В июле 1917 г. состоялся губернский съезд ПНС по вопросу партийного строительства, а в сентябре – по выдвижению кандидатов в Учредительное собрание. На выборах в Вологодскую городскую думу в июле 1917 г. кадеты получили 11 мест из 60; в Грязовце – 12 из 21; в Тотьме – 10 из 20; в Великом Устюге – 11 из 33. На выборах в Учредительное собрание кадеты одержали победу в основных городах губернии (Вологда, Великий Устюг, Тоть-

ма, Кадников). Однако большинство крестьянского населения Вологодской губернии проголосовало за эсеров, и ни один кадет в Учредительное собрание не прошел.

После взятия власти большевиками в центре и на местах возможности для легальной деятельности ПНС резко сократились. 28 ноября 1917 г. Совнарком принял ленинский декрет о запрещении кадетской партии и аресте ее руководителей. На местах преследования кадетов со стороны большевиков начались с первого дня установления Советской власти. Тем не менее, до начала лета 1918 г. кадетские организации продолжали действовать в полулегальных условиях, а в Вологодской губернии даже выходили газеты ПНС. С июня—июля 1918 г., обычно после образования на местах чрезвычайных комиссий, отдельные случаи арестов и преследований кадетов сменились массовым террором. Многие члены ПНС, не успевшие скрыться, были арестованы, кадетские организации распались.

1. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 193. Л. 21.

2. Северо-Двинский край. Великий Устюг, 1917. 5 сентября.

3. *Егоров А.Н.* Архив конституционно-демократической партии (Опыт реконструкции по материалам кадетских организаций Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Новгородской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 12.

4. Северное эхо. Вологда, 1917. 29 августа.

5. ГАВО. Ф. 475. Оп. 3. Д. 5. Л. 2.

А.В. Кубасов

МИФОТВОРЧЕСТВО СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: БОРЬБА С НЕГРАМОТНОСТЬЮ КАК СТРЕМЛЕНИЕ К РОЖДЕНИЮ ПАРТИЙНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ОКТАБРЬ 1917–1920-Е ГГ.)

1917 г. породил неопределенность и неуправляемость российской политики. Падение самодержавия стимулировало шараханье от демократизации к тоталитарному строю. Обстановка социальной истерии не благоприятствовала устойчивости советской власти на этапе формирования своего политического образа. Для дезориентации ра-

зума и снижения волевых устремлений общества большевики приступили к массовой модернизации. Через систему декретов и распоряжений происходило утверждение социалистической идеологии. На протяжении 1920-х гг. в народной массе насаждался принцип непогрешимости государственной машины. В основе его реализации лежал метод коррекции сознания масс. Оказание воздействия на индивидуальную и общественную волю составило основу политического мифотворчества. Большевики претендовали на создание «общества равных», и отвоеванное доверие не гарантировало их адекватность реальности. И в несоответствии представляющегося действительности проявился политический миф новой власти, сопровождающийся укоренением самолегитимации социалистической системы. Для этого создавалась видимость обеспечения принятия и реализации выгодных обществу законов. Все шаги, предпринимаемые ЦК ВКП(б) для преобразования и поднятия образа жизни носили двойной характер. Развернутая с декабря 1919 г. борьба с неграмотностью должна была стать не только первым шагом по пути к социализму, но и заложить первый камень в фундамент «ближнего окружения» – партийной интеллигенции.

В социалистическом обществе В.И. Ленин интеллигенции отводил одну из основополагающих ролей. В своей статье «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» за 1894 г. «вождь пролетариата» определял задачу социалистической интеллигенции в возможности «дать цельную картину нашей действительности... показать необходимость эксплуатации и экспроприации трудящихся при этой системе» [1]. Старые интеллигентские элементы враждебно приняли октябрь 1917 г. и не стремились перейти в стан большевиков. Те, кто принимал социалистические принципы, не представлялись идеологам ленинизма благонадежными. Опору новой власти могла составить молодежь, которой через разветвленную систему образования прививали «идеологические» нормы. Развернутая борьба с неграмотностью в среде крестьян и рабочих выявляла способных воспринять «марксистско-ленинские» заветы. С этой целью организовывались многочисленные партийные школы, коммунистические университеты (1919 г.), институт красной профессуры (1921 г.).

К учащейся молодежи у большевиков существовало недоверие. Из-за пестрого состава студенчества («нередко можно встретить студента «старика»... попадаются и представители новой «нэповской» буржуазии... есть деловые мужички, которые пролезли, несмотря

на все большевистские рогадки... много есть коммунистов из рабочих и вышедших из неопределенных классов и сословий... очень много еврейства...» [2]) в учебных заведениях проводились партийные чистки. Из среды студенчества «изымались» элементы, чуждые по идеологии. Те, кто усваивал коммунистические принципы, считались людьми «широкого обхвата» и «политически грамотными», зачислялись в партийный список, формируя партийную, социалистическую интеллигенцию.

Партийная интеллигенция, понимаемая нами как группа, конгломерат активной, политически образованной молодежи, рассматривающей социалистические идеи в качестве основополагающих, в период модернизации общества активно участвовала в хозяйственной и культурной жизни страны, занималась разработкой идеологических связей. Этой интеллигенции в эпоху коллективизации и индустриализации предстояло поднять страну на новый уровень экономического развития. Однако партийная интеллигенция не представляла однородную массу. В 1920-е гг. под знамя «правомерных учеников ленинизма» вставали «в душе таившие открытую злобу и ненависть к большевикам и СССР». Оппозиционно настроенные элементы благодаря широко развернутой системе доносов выявлялись и извлекались из системы. Работа подпольных студенческих организаций не выходила за пределы небольших кружков, и не могла парализовать программу по воспитанию партийной интеллигенции.

Советская власть не стремилась все студенчество вовлечь в партийную структуру. Так, к середине 1920-х гг. число партийных и студентов-комсомольцев в Москве составляло около 30 %. Особый подход в учебных учреждениях, готовящих будущих управленцев. В Коммунистическом университете имени Я.М. Свердлова, Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской обучались исключительно коммунисты.

К середине 1930-х гг. большевики, укрепив государственный аппарат воспитанными кадрами, приступили к сворачиванию программы подготовки партийной интеллигенции и переориентированию борьбы с неграмотностью в русло «воспитания» специалистов, пополнявших ряды интеллигентной общности и интеллектуалов. Обеспечение себя кадрами позволило властям объявить СССР страной сплошной грамотности. Однако население в деревнях даже к середине 1960-х гг. в большинстве своем оставалось малограмотным, не умело писать и читать до 45–50 % селян.

1. Ленин В.И. Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд-е. М., 1967. Т. 1. С. 307.

2. Агентурное сообщение «О политическом настроении студентов Москвы» от 6 февраля 1925 года // В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы: сборник документов и материалов. М., 2008. С. 203–205.

Г.Т. Каженова

РОЛЬ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1917–1919 ГГ.)

Революционно-политические события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война оказали существенное влияние на весь последующий ход мировой истории и имели судьбоносное значение для всех евразийских народов. Все связанные с этим общественно-политические процессы сопровождались подъемом национально-освободительного движения. Определяющую роль в освободительной борьбе главным образом играла национальная интеллигенция.

Под влиянием революционных событий России, они начинают решительную борьбу за избавление своего народа от двойного гнета: колониального ига царизма и местного патриархально-родового насилия. Несмотря на различие мнений по отдельным вопросам, главным для всех в тот период являлся лозунг пробуждения казахов от пассивной жизни и призыв к активной борьбе за демократию, свободу и независимость. Выполняя эту сложную миссию, казахские интеллигенты шли на ощупь, искали новые пути борьбы, ошибались, заблуждались, пытались пересматривать свои позиции на те или иные проблемы современности. Именно в этот период зарождается плюрализм мнений и основы многопартийности на территории Казахстана.

В период бурных событий 1917 г. сформировались две основные национальные политические партии: «Алаш» и «Уш жуз». Появление двух национальных политических партий в регионе отражало своеобразие исторического момента. Оно явилось закономерным

следствием общественно-политического развития края в предшествующий период и показало сложный процесс социально-политического размежевания казахского общества, в том числе и ее национальной интеллигенции.

Многие представители казахской интеллигенции в этот сложный и противоречивый период, когда рушились вековые устои, зарождались различные течения и движения, не смогли четко определить свои политические позиции и найти себя в потоке политических событий. Но все они основную причину отсталости казахского общества видели в неграмотности населения, в невежестве мулл, расточительстве и жестокости баев, грабеже казахов со стороны царских чиновников.

Определенная часть интеллектуалов находили выход в просвещении народа, в реформировании системы духовного обучения, они верили, что через ислам можно вывести народ на путь истины и справедливости, улучшить его жизнь. Поэтому в основу политических взглядов этой части казахской интеллигенции легли идеи мусульманского движения джадистов, стремившихся на основе модернизации основ ислама вывести народ из нищеты и невежества, вывести его на путь прогресса. Вместе с тем они разделяли идеи демократического развития общества, которые были популярны на Западе и в России. Поэтому общественно-политические взгляды части интеллигенции можно характеризовать как синтез религиозных, национальных, прогрессивных, демократических принципов. В частности это нашло отражение в программных тезисах партии «Уш жуз».

Казахская социалистическая партия «Уш жуз» появляется в ноябре 1917 г. Ее лидер – Кульбай Тогусов в поисках путей спасения своего народа находит свой идеал в демократической республике, но как к ней прийти, как добиться истинной свободы, он не мог понять и решить. Сначала К. Тогусов и его сторонники ориентировались на линию партии эсеров, стремясь занять третье, срединное положение в разворачивающейся на территории края классовой борьбе. Затем ушжузовцы призывали «собраться всем мусульманским депутатам воедино и держаться с социал-революционерами». Все эти действия предопределили то, что программно-тактические установки и действия «Уш жуз» оказались весьма нечеткими, более того, противоречивыми. Соответственно, они не могли получить поддержки со стороны широких масс. Будучи раздираемой внутренними разногласиями после ареста своего лидера К. Тогусова партия стала рас-

падаться, а после белогвардейского переворота в июне 1918 г. прекратила свое существование. Часть ее членов перешла в ряды большевиков, часть отошла на сторону белых, но большинство вообще отошло от политической деятельности.

Более организованной, многочисленной и политически опытной оказалась партия Алаш, которая начала оформляться весной 1917 г. Ее лидеры первоначально входили в российский либерально-демократический лагерь. Основные их позиции совпадали с линией кадетов. В годы революции и гражданской войны основным направлением деятельности участников движения «Алаш» стала проблема формирования национальной государственности. В их программе черты будущего национально-государственного образования были обозначены достаточно четко. Formой государственного управления была обозначена Российская демократическая республика с президентским правлением, в состав которой должна была входить Казахская автономная республика. Провозглашались национальное равноправие, свобода слова, свобода совести и другие демократические права. Предусматривались организация судопроизводства на родном языке «сообразно обычаю», прогрессивный подоходный налог с населения, отделение церкви от государства. Предлагались конкретные пути решения аграрного вопроса.

Октябрьскую революцию представители движения Алаш восприняли как покушение на демократию и угрозу своим автономистским планам. На II Всеказахском съезде в декабре 1917 г. в Оренбурге, организованном алашцами, был избран народный совет Алаш-Орда под председательством А. Букейханова. Совет должен был подготовить созыв национального учредительного собрания и провозглашения автономии Алаш, с последующим утверждением ее конституции Всероссийским Учредительным собранием [1]. Как видим, алашордынцы в конце 1917 г. стремились выйти из кризиса конституционным путем.

Образование Алашской автономии мотивировалось стремлением защитить народ в условиях анархии, разворачивающейся гражданской войны и было естественной реакцией самосохранения в обстановке всеобщего развала государства. Алашевцы проявили высокую степень адаптивности к экстремальным историческим обстоятельствам. Они смогли проводить очень гибкую политику в зависимости от военно-политической ситуации в крае и адекватно на нее реагировать. Так, они быстро меняли варианты своей стратегии во

взаимоотношениях с теми, кто приходил к власти, при этом, не меняя своей основной цели – создание национальной автономии.

Не имея достаточных материальных, военных, финансовых ресурсов, алашордынцы не могли стать самостоятельной силой в ожесточенной военно-политической борьбе для обеспечения относительно самостоятельного национального пути. По этой причине они вступают в союзные отношения с различными противоборствующими сторонами.

В условиях начавшейся ширококомасштабной гражданской войны Алаш-Орда заключила союз с Дутовым в Оренбурге, вступила в тесный контакт и с Временным сибирским правительством в Омске и комитетом Учредительного собрания (Комуч) в Самаре. От них было получено принципиальное согласие на удовлетворение просьбы Алаш-Орды об оказании помощи Алаш-Орде в формировании ее вооруженных сил. После образования Временного Всероссийского правительства, фактически установления диктатуры А.В. Колчака, они принимали все усилия для признания алашской автономии. Не добившись этого, часть алашордынцев начинает вести переговоры с большевиками Лениным и Сталиным. Именно от них алашевцы и смогли добиться провозглашения Казахской Автономии, но уже в рамках советской России.

Таким образом, казахская интеллигенция, будучи немногочисленной, разделенной по идеологическим и политическим взглядам, являлась выразителем и защитником национальных интересов. В период революционных потрясений и гражданской войны она внесла неоценимый вклад в процесс демократических преобразований общества и создания национального государства.

1. Алаш-Орда. Сборник документов. Кзыл-Орда, 1929. С. 50–53, 56.

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО УЧИТЕЛЬСТВА В СТАНОВЛЕНИИ
«НОВОЙ» СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В 1917–1924 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ И ЧЕРЕПОВЕЦКОЙ ГУБЕРНИЙ)***

Революция это всегда коренной перелом в судьбах не только страны, но и отдельной личности. Каким же образом российское учительство восприняло революцию? Октябрьский переворот 1917 г. большинство учительства региона встретило негативно, большевики рассматривались как изменники и узурпаторы власти [1]. Негативная оценка событий, происшедших в Петрограде 25 октября 1917 г., была характерна не для отдельных категорий, а для подавляющего большинства местных учительских организаций и коллективов педагогов. Большую роль на идейные убеждения учительства в эти месяцы оказало воззвание Совета Всероссийского учительского союза, опубликованное в начале ноября 1917 г., в котором говорилось: «В исключительное время, которое сейчас переживает Россия, нужны исключительные меры: закрытие всех учебных заведений в городах – все равно из такого ученья, которое идет теперь, мало проку; все освободившие силы распределить между фронтом и тылом.... Учить, учить, и к весне мы будем иметь граждан, способных логически мыслить, и большевикам будет нанесен сокрушительный удар» [2].

На всем протяжении 1918 г. взаимоотношение власти и учительства постоянно балансируют на грани. Стоило только завязаться диалогу или сотрудничеству, тут же какое-нибудь резкое высказывание со стороны представителя власти вновь отталкивает учительство от нее. Камнем преткновения между властью и учительством стало стремление последних сохранить автономию школы. Под автономией членами учительского союза понималось полное невмешательство государства в дела школы, не допущение в неё «яда социальных истин» и превращения ее в инструмент классовой борьбы. В свою очередь и власть не желала упустить из своих рук сферу народного образования. Из уст советских руководителей различного уровня на съездах Советов, в выступлениях перед учительской ау-

* Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК П. 360.

диторией часто можно было услышать высказывания такого рода: «Если учителя нам говорят, что отдайте в наши руки дело народного образования, так это мы не сделаем; образования народного советская власть из своих рук не выпустит».

Учительство по-прежнему стремилось активно участвовать в реформе школы и не желало оставаться в стороне. В январе 1918 г. Череповецкое учительство утвердило разработанную местным учительским союзом программу 4-х летней школы. Прочитируем основные принципы программы: «задача начальной школы заключается в том, чтобы пробудить в детях интерес к знаниям, любознательность, самостоятельность и приготовить к самостоятельному восприятию знаний на дальнейшей ступени обучения». И далее в то, что в программе вызвало особое раздражение у власти. Пункт первый, который предусматривал сохранение преподавания закона Божьего: «преподавание закона Божья должно носить характер воспитательных бесед, для чего необходимо сокращение катехизической и догматической стороны предмета до возможного минимума за счет обращения особого внимания на выдающиеся библейские и особенно евангельские истины» [3].

Активно включились в выработку новых образовательных программ и учителя Вологодской губернии. Ими были разработаны учебные программы и методики по преподаванию математики, русского языка и литературы, которые были представлены на проходившей с 18 по 25 августа 1918 г. Московской Всероссийской секции по подготовке преподавателей. Вологодские учителя считали, что основной задачей обучения является воспитание в учащихся самостоятельности, стремления к самостоятельному поиску новых знаний, осознания, что свобода это и большая ответственность.

В январе 1918 г. Народным комиссариатом просвещения было провозглашено начало строительства единой трудовой школы. У многих Вологодских и Череповецких учителей данная формулировка вызвала много непонимания. Учителя говорили о том, что они никак не могут понять, что значит данное название, как в такой школе будет организовано преподавание литературы, русского языка, музыки и других предметов, которые никак не связаны с трудом, и как вообще будет организована связь между умственной и физической работой.

Стремление сделать педагогическую среду более податливой, преодолеть корпоративную солидарность учительства и увеличить в нем процент политически лояльных элементов определило утвер-

ждение «специального порядка назначения на местах новых лиц». В документе указывалось, что назначение на учительскую должность только лиц обладающих образованием – явление ненормальное. «Для желающих посвятить себя работе в обновленной школе, но не имеющих свидетельств и аттестатов об окончании того или иного учебного заведения, предоставить возможность путем *cologium*, а в особой комиссии обнаружить свою достаточную подготовку для деятельности работника в единой трудовой школе» [4]. Таким образом, власти удается изменить состав учительства. На работу в школу пришла молодежь. А сознанием молодых людей легче манипулировать, они более управляемые. Сама власть констатировала в своих выступлениях: «Старое учительство ушло в прошлое». В том, что старое учительство ушло», точнее начало уходить, так как этот процесс не был одномоментным и занял еще несколько лет.

В начале 1920-х гг. учительство еще пыталось влиять на построение школьного образования, где-то отходить от государственных стандартов. В 1923 г. на общегородской Вологодской конференции работников просвещения зав. ГУБОНО Ципнятов напоминал собравшимся учителям: «Предлагая на открытое обсуждение те или иные предложения по организации школьного образовательного процесса вы должны усвоить <...>, что теперь ваша основная задача не подготовка специалистов, а выработка методов коммунистического воспитания». И далее многим учителям вменялось в вину, что разрабатываемые ими методики преподавания – это «сплошные осколки старой буржуазной школы и в них никак не отраженно общее революционное мировое движение» [5].

Постепенно, начиная с 1924 г., при дальнейшей организации системы школьного образования власть все реже прислушивается к голосу рядового учителя. Заканчивается же все тем, что к 1929 г. все вопросы, касающиеся образовательного процесса, решались только на государственном уровне, без широкого участия педагогических кадров.

1. См.: ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

2. Цит. по: *Оснос Ю.* Из после октябрьской истории интеллигенции // Историк-марксист. 1940. № 8 (84). С. 31

3. ЧерМО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 17.

4. ГАВО. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 99. Л. 119.

5. ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 619. Л. 25, 26.

**КОМИССИЯ ЦК РКП(Б) И ВЦИК
ВО ГЛАВЕ С К.К. БАЙКАЛОВЫМ В ЯКУТИИ**

С целью избежать столкновения с Японией, в руках которой находился Дальний Восток, правительство России способствовало образованию в апреле 1920 г. формально независимого «буферного» государства – Дальневосточной республики (ДВР). В апреле А.И. Сентяпов (эсер, бывший офицер), назначенный уполномоченным по Охотскому уезду от ДВР, стал преследовать местных большевиков и местное население, о чем Охотская партийная ячейка периодически информировала Якутское губбюро РКП(б). Через год (19 марта 1921 г.) Сибревком принял постановление о включении Охотского уезда в состав Якутской области, об аресте А.И. Сентяпова, а также ряд мер по укреплению позиций советской власти. Данное постановление было обусловлено политической и экономической необходимостью, а также многовековыми традициями и тяготением народов этих уездов к Якутии.

В 1924–1925 гг. на Охотском побережье произошло так называемое «тунгусское восстание». Органы советской власти, не знакомые с бытом, нравами эвенков, не знавшие языка, допустили противоправные действия в отношении местного населения, выразившиеся в его дискриминации, в сборе разного вида налогов. Само «тунгусское восстание» довольно подробно изучено. Мы сочли необходимым рассмотреть работу Комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК во главе с К.К. Байкаловым, так как последующие Комиссии ЦК ВКП(б) и ВЦИК неоднократно обращались к ее деятельности; взаимоотношения центра, якутского правительства, и ДВР (ДВО), боровшихся за власть в регионе.

14 апреля 1925 г. в целях подавления «мятежа» центр принял радикальное решение: принять жесткие меры к повстанцам с привлечением представителей ОГПУ, что позволило центру начать репрессивные действия официально. 22 апреля состоялось следующее заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором было принято следующее: возложить ответственность за ликвидацию повстанческого восстания в Якутской области на ОГПУ. Основным из обзора документального материала является то, что Политбюро решило возло-

жить ответственность за ликвидацию повстанческого движения в Якутии на ОГПУ.

7 мая Политбюро ЦК РКП(б) учитывая опыт работы К.К. Байкалова в Монголии и Якутии, назначило его председателем Комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК по ликвидации «бандитизма» на Охотском побережье. В пути председатель Комиссии получил «Инструкцию для уполномоченных ВЦИКа и ЦК РКП(б) по ликвидации «повстанческого движения» на территории Якутской АССР и ДВО», подписанную И.В. Сталиным, документ, регламентирующий работу Комиссии на территории Охотского уезда Камчатской губернии ДВО и прилегающей к ней восточной части ЯАССР, где вспыхнуло «восстание» тунгусского населения.

Нужно отметить, что правительство Якутии неоднократно ставило вопрос о присоединении Охотского побережья к Якутии, исходя из экономической целесообразности, так как им был важен выход к Охотскому морю через порт Аян, который мог стать транспортным узлом и позволил бы снабжать Алданский золотопромышленный район и ряд северных и центральных улусов. Непримируемость центральной власти к неподчинению ее решениям отразилась в постановлении Политбюро ЦК РКП(б) (11 июня 1925 г.), запрещавшем Якутскому обкому принимать в ряды Красной армии как бывших руководителей, так и рядовых бойцов повстанческих отрядов. Все жалобы рекомендовалось направлять непосредственно в центр. Тем самым, постановление ЦК РКП(б) от 11 июня обострило взаимоотношения между Хабаровском и Якутском, их борьбу за притязание на Охотский уезд. Руководство ДВО, зная позицию якутян, решило воспользоваться ситуацией и завладеть этой территорией, богатой пушминой, рыбой, полезными ископаемыми, и особенно золотом. 20 августа в Нелькан прибыла Комиссия ЦК РКП(б) и ВЦИК по делам Охотского побережья.

4 января 1926 г. постановлением президиума ВЦИК Дальневосточная область была преобразована в Дальневосточный край (ДВК) с центром в г. Хабаровске. А 5 января в Москве состоялось заседание комиссии ПБ ЦК ВКП(б). Выступивший с докладом К.К. Байкалов, говоря о причинах возникновения «тунгусского восстания» в Охотске в 1924–1925 гг., назвал в их числе бесчинства органов ГПУ и воинских отрядов на Охотском побережье. Комиссия постановила принять доклад К.К. Байкалова к сведению; его практические предложения, касающиеся Охотского уезда, передать на рассмотрение

Далькрайкома. Неудовлетворенный этим решением Карл Карлович направил документы в ЦК РКП(б) с сопроводительным письмом. 27 января К.К. Байкалов обратился с докладной запиской в ОГПУ СССР. Бурная деятельность К.К. Байкалова по защите интересов Якутии не соответствовала интересам центра. В результате в феврале того же года он был демобилизован и назначен особоуполномоченным Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. 7 июня Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав информацию Комиссии ЦК ВКП(б) по ликвидации «тунгусского восстания», приняло постановление: признать, что меры по ликвидации восстания, предложенные Комиссией Политбюро и утвержденные Политбюро 22 апреля 1925 г., себя оправдали и благодаря ним «тунгусское восстание» можно считать ликвидированным; все экономические вопросы, выдвигаемые Якутским обкомом и Комиссией К.К. Байкалова, а также о присоединении Охотского уезда к Якутии следует передать на рассмотрение заинтересованных организаций и в Комитет малых народностей Севера; Г.Г. Ягоде ускорить разбор дел по материалам К.К. Байкалова о бесчинствах ОГПУ в Охотском районе; а также принять доклад Комиссии к сведению и работу считать оконченной. Под постановлением стояла подпись: секретарь ЦК В. Молотов.

Таким образом, данное постановление ЦК (май 1925 г.) можно назвать программой деятельности представительных органов государственной власти на долгие годы. Работа Комиссии ЦК РКП(б) и ВЦИК под руководством К.К. Байкалова еще долго будет отзываться на работе последующих Комиссий, которые работали в Якутии.

О.Л. Рябченко

МЕТАМОРФОЗЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СТУДЕНТОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ВУЗАХ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ (1920-Е ГГ.)

Система высшего образования Украины после установления советской власти оказалась в эпицентре преобразований, которые вылились в так называемое «завоевание». Властям пришлось приложить немало усилий для организации такого социального пространства, в котором студенчество выковывалось и закалялось в предан-

ных режиму строителей нового общества, распространителей коммунистических идей среди широких слоев населения. Для торжества своей главной цели – укрепления контроля и власти над обществом, большевиками были радикально сломаны исторические традиции в истории высшей школы, реорганизована ее структура, ликвидированы университеты, что стало для коллективов вузов страшным ударом и обернулось настоящей трагедией для большинства преподавателей и студентов. «Пролетаризация» студенческого состава неминуемо привела к столкновению разных мировоззрений, разных «жизненных миров» в пространстве высшей школы. Пролетарское студенчество, обязанное революции всем, стало опорой новой власти в деле «завоевания». Акцентируя внимание на классовых характеристиках, приоритетности происхождения над уникальностью индивидуальных признаков или уровнем образования, выходцы из социальных низов влияли на академическое пространство посредством своих культурных вкусов, языка, привычек, которые стали эталонными и определяли поведение других студентов, в том числе и их отношение к профессорско-преподавательскому составу.

Транслировать социально-важную информацию, содействовать коммуникации поколений, научить студентов могли профессора. Этим обстоятельством и было обусловлено вхождение «старой» профессуры в советский рынок труда. Как писал в своих воспоминаниях профессор А. Утевский, в вузах «...кафедры оставались те же, люди на кафедрах были старые, многие из них – хорошие специалисты в своей области – просто не понимали, что происходит в стране, и были крайне растеряны» [1]. Преимущественное их большинство не желало признавать новую власть. Мотивация такого отношения была вызвана радикальной ломкой традиций: отменой ученых степеней и званий, иерархии должностей, а также отсутствием финансирования, страшными условиями быта, ничтожным пайком и голодовкой, невозможностью проводить научные исследования в таких условиях. После открытых противостояний начала 1920-х гг., «профессорских забастовок», которые прошли в Киеве, Харькове, Одессе и других городах, продолжался тихий саботаж, ярко проявляясь в антибольшевистском дискурсе профессуры, в нежелании «перестраиваться». Легко поменять свой, наработанный годами и устоявшийся культурный капитал (что его великий вождь пролетариата называл «старой буржуазной нелепостью», а советская периодика – никому не нужным «грузом») новым, хотя бы с марксистской окраской, было невозможно, учитывая время, необходимое для его наработки.

А.М. Утевский справедливо поделил «старых» преподавателей на три категории относительно их отношения к нововведениям советской власти: «сочувствующие», «ироничные» и «растерянные». «Сочувствующие» вместе с профессорами-коммунистами следовали установкам партии-государства, но, как отмечают исследователи, появление в профессорских рядах незначительной «левой группы» принципиально картину не меняло и значительного влияния с их стороны на студенчество не замечалось [2]. В отчетах указывалось, что «политические настроения профессуры поддаются изменениям значительно тяжелее и медленнее, чем студенческие» и что «искренних сторонников советской власти из них, конечно, не будет» [3].

Основная ставка была сделана на представителей власти в вузовских коллективах – политкомиссаров, коммунистов и комсомольцев. По словам академика И. Францевича, пролетарское студенчество восторженно поддержало призыв В. Чубаря к борьбе со старой профессурой. В среде студентов целенаправленно насаждался нигилизм в отношении профессорской корпорации, что вызывало постоянные конфликты между «старыми» профессорами и «новыми» студентами». Документы свидетельствуют о многочисленных случаях неэтического отношения к преподавателям, которые иногда граничили с хамством. В начале 1920-х гг. профессора были шокированы поведением рабфаковцев, которые приносили на зачеты револьверы и угрожали ими в случае незачета предмета. Жалобы преподавателей были услышаны – вышел приказ сдать оружие, что очень взволновало студентов, ожидавших начало мировой революции.

В первое послереволюционное десятилетие пролетарское студенчество рассчитывало не только на льготы при поступлении в вузы, у них был сильно развит комплекс идеи воздаяния. Этот комплекс включал желание широкого спектра социальных преимуществ: воздаяние усиленным вниманием к их проблемам, лучшим отношением, чем к другим, особенно при оценке знаний, воздаяние за революционные заслуги, или просто за пролетарское происхождение. Следствием стала демонстративная некультурность, которая была необходима для усиления пролетарского образа студента. Отношение большей части профессуры к студентам определялось, в основном, не общественной нагрузкой или происхождением, а уровнем знаний или упорностью в их получении. Именно на этой почве разгорались многочисленные недоразумения и конфликтные ситуации. Сегодня нереальными представляются картины открытых угроз преподавате-

лям, обращение на «ты» или указания на «недостатки» в работе. Студенты часто устраивали собрания-дискуссии с профессорами, на которых предъявляли претензии, что учат их не так как надо, заставляют знать ненужные для революции теоремы по геометрии, тригонометрии, алгебре. А на одном из таких собраний молодежь даже обвинила профессора-биолога в том, что он выводит каких-то мушек дрозофил, вместо того, чтобы содействовать развитию сельского хозяйства.

В вузах были изобретены разные методы противостояния «профессуре старого образца» с целью «нейтрализации» их нежелательного влияния на студенчество. Так, перед началом 1923–1924 учебного года представители коммунистического студенчества вузов и руководство парткомов Харькова рассматривало вопрос организации мощных групп противодействия «профессуре старого образца, которые часто читают лекции, противоречащие духу советского строительства и пониманию истинно социалистической науки» [4]. Партийные лидеры прекрасно понимали, что партийные студенты, как правило, имеют очень низкий уровень знаний, поэтому их выступления могут не только не изменить ситуацию, а наоборот – быть опасными, поскольку «студент, который перебивает преподавателя во время спора, не чувствует под собой твердой почвы и профессор его легко победит». Поэтому для успеха подобных выступлений организовывались и обучались специальные группы студентов под присмотром ячейки. Обученные и подкованные знаниями классиков марксизма-ленинизма молодые люди использовались и для противостояния оппозиционно настроенным студентам, и для влияния на беспартийное студенчество на собраниях и митингах, где они «шпарили цитатами, как из пулемета под аплодисменты рабфаковцев». Когда же таких знаний не хватало, как аргумент использовались кулаки и даже булыжник с улиц.

Кроме этого, для характеристики преподавательского состава и нежелательных ситуаций в вузах пропаганда того времени с успехом использовала новую лексику, которая и формировала в головах обычных людей и учащейся молодежи негативный образ профессора. Авторы многочисленных очерков в периодике преподносили профессуру как лиц, «чуждых» советской власти и ее преобразованиям. Официальной периодикой профессорско-преподавательскому составу вузов был создан образ врага – их называли «зубрами», «коршунами», «реакционными саламандрами», с которых нужно снять защитный цвет и выгнать из учебных заведений.

Попытки реорганизации структуры и учебного процесса в высшей школе не вызывали сочувствия большинства профессуры, которая, приняв предложение к сотрудничеству, все же инертно относилась к нововведениям большевиков. Следует отметить, что все же профессура посредством лекций, семинаров повышенного типа, всевозможных кружков, повседневного неформального общения со студентами сохраняла потенциал для экспансии характерных для нее форм мышления. Однозначную оценку отношениям внутри корпорации профессоров давать невозможно – в новой высшей школе рядом с порядочностью существовала корысть, была в почете и поддерживалась система доносов, слежки, что формировало атмосферу недоверия, напряжения и в конце концов равнодушия к судьбе ближнего.

1. *Утевский А.М.* Начало пути // UNIVERSITATES=Университеты. Харьков, 2005. № 3. С. 67.

2. *Марков А.* Что значит быть студентом. М., 2005. С. 139.

3. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 1077. Л. 172; Госархив Полтавской области, Ф.Р-495. Оп. 1. Д. 8. Л. 176.

4. Госархив Харьковской области. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 885. Л. 13.

А.Е. Смирницкий

СОВЕТСКОЕ СЕЛЬСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ 30-Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ЗА КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ»)

Коллективизация сельского хозяйства в СССР рассматривается преимущественно как политика государства в отношении крестьянства. Между тем она существенным образом повлияла и на положение сельской интеллигенции, в том числе и самого многочисленного ее слоя – сельского учительства. Ни в советской, ни в отечественной историографии проблема влияния коллективизации на эту социальную группу не нашла должного освещения. Традиционно она рассматривается в рамках темы культурной революции в СССР в 1930-е гг., а социальный и политический аспект этой проблемы остаются за рамками исследований. На наш взгляд, этот пробел необходимо восполнить.

© А.Е. Смирницкий, 2012

Одним из важнейших источников по истории советского сельского учительства в период коллективизации является газета «За коммунистическое просвещение». На ее страницах публиковались разнообразные материалы, характеризующие положение сельских учителей в обозначенный период.

Значительная часть материалов газеты как органа профсоюза работников просвещения была посвящена материальным и социально-правовым аспектам деятельности сельских учителей. Материалы газеты свидетельствуют о резком ухудшении материального положения сельских учителей, прежде всего в отношении снабжения продовольственными и промышленными товарами. Постановления и распоряжения органов государственной власти относительно улучшения снабжения сельских учителей, как правило, игнорировались на местах. «В снабжении учителей за последнее время произошли значительные ухудшения. Начиная с четвертого квартала 1931 г. и до настоящего времени с централизованного снабжения снято 11400 учителей. Предполагалось, что учителя перейдут на колхозное снабжение. Но это в подавляющем большинстве случаев оказалось фикцией» [1].

Учитель был объектом произвола со стороны советских и партийных чиновников местного звена. Наиболее регулярной формой нарушения прав учителя было использование его во время проведения различных политических и хозяйственных кампаний в качестве делопроизводителя, учетчика или курьера в ущерб учебным занятиям. Иногда от интенсивности общественной работы зависела зарплата учителя. Так, в Голяевском сельсовете Тамалинского района Нижневолжского края зарплата учителям выдавалась в зависимости от общественной работы. За выполнение каждого общественного поручения учитель получал аванс в размере от 5 до 10 рублей [2].

В то же время со стороны массы колхозников ширились антиучительские настроения. Крестьяне видели в учителях агентов властей, которые содействуют насильственной коллективизации, «дармоедов», которые «ничего не делают». Весьма сильным в этих настроениях был элемент зависти к учителям, получавшим постоянную зарплату и продпак. Характерно, что подобные настроения разделяли и руководители низового уровня, выдвигавшиеся, как правило, из той же крестьянской массы. Так, председатель Сорвихинского сельсовета (Бирский район, Башкирия) на просьбы молодых учительниц выдать продовольственный паек назвал их дармоедками [3]. Наиболее заметным проявлением антиучительских настроений среди кре-

стьян было требование записывать учителей в колхоз наравне со всеми и обобществить часть их заработка. Если наиболее идейные учителя соглашались на вступление в колхоз, то значительная часть учительства стремилась избежать этого любым способом. Более того, для части учительства 1930-х гг. было характерно упорное нежелание вступать в какие-либо общественные организации, в том числе и в профсоюзы, которые, как известно, призваны защищать трудовые права работников просвещения. Так, на учительских курсах Бирского района из 32 педагогов 18 оказались не членами профсоюзов. На вопрос, почему не вступают в союз, одна из них заявила: «Вступать в союз не буду, так как я думаю уйти из Бирского района, а союз не пустит» [4]. Другим проявлением антиучительских настроений было требование со стороны крестьян не платить учителям зарплату за летние месяцы, так как в это время уроков в школе не ведется. Не случайно подобные явления на страницах газеты «За коммунистическое просвещение» получили название «травли».

Ответом на травлю было массовое бегство учителей из сельской местности, что понижало его и без того невысокий образовательный уровень. «Если учитель заводит речь о пайке, его сейчас же причисляют к разряду горлохватов. Около 100 педагогов выбыло из Георгиевского района Северокавказского края в 1932 г. исключительно потому что их ничем не снабжали», – отмечал специальный корреспондент газеты [5]. С целью возместить убыль учителей Советское государство проводило вербовочные кампании по набору студентов в педагогические учебные заведения и на работу в сельскую местность, привлекая для этого общественные организации, прежде всего ВЛКСМ. Однако по признаниям властей они проходили крайне неэффективно. Приток учителей из городов был весьма незначителен. Комсомольцы предпочитали хорошо оплачиваемые административные должности скудной учительской зарплате. В этих условиях власти применяли меры административного воздействия, объявляя уклоняющихся от мобилизации комсомольцев «дезертирами трудового фронта», однако эта мера давала весьма ограниченный эффект.

Таким образом, советский сельский учитель был одновременно демиургом новой социальной структуры советской деревни и в то же время его жертвой в период коллективизации. Фактически он очутился между молотом государственных требований не только профессионального, но и политического характера и наковальной антиколхозных настроений, охвативших значительную часть советского

крестьянства. Однако и в таких крайне неблагоприятных условиях советский учитель выполнял свою миссию по просвещению народа.

-
1. За коммунистическое просвещение. 1932. 24 июня. С. 2.
 2. За коммунистическое просвещение. 1932. 2 июля. С. 3.
 3. За коммунистическое просвещение. 1932. 15 августа. С. 3.
 4. Там же. С. 2.
 5. Там же.

Л.И. Пыстина

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-Х ГГ.)

Процесс огосударствления и идеологизации интеллигенции, с особой интенсивностью проходивший в стране в 1930-е гг., имел свою специфику и разную степень завершенности применительно к отдельным социально-профессиональным группам. Художественная интеллигенция, очевидно, была в меньшей степени этатизирована, встроена в государственную систему, чем техническая или научно-педагогическая. Тем большее значение в проведении растущего партийно-государственного влияния и политизации художественной интеллигенции имели новые формы корпоративных организаций – творческие союзы, созданные после известного постановления ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций». На смену множеству объединений разнообразной эстетической и стилистической направленности, еще остававшихся от многообразия 1920-х гг., пришли новые организации, создававшиеся под эгидой государства, финансируемые им – Союз советских писателей (ССП), Союз советских художников (ССХ), Союз советских архитекторов (ССА), Союз советских композиторов (ССК).

Достаточно быстро организовались соответствующие структуры Союза писателей в центре и на местах (первый съезд писателей СССР, на котором принят устав, состоялся в августе 1934 г.). В 1934–1935 гг. возникли краевые отделения ССП в Сибири – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, реорганизованные позже в Новосибирское и Иркутское областные отделения ССП (1937 г.). Тогда

же в 1934 г. были созданы писательские организации в Бурят-Монгольской и Якутской АССР. Более длительным был процесс оформления в качестве всесоюзной организации Союза архитекторов. В 1932–1937 гг. работал оргкомитет, в июне 1937 г. состоялся первый всесоюзный съезд архитекторов, на котором был принят устав ССА. По этой же схеме создавались местные отделения ССА. Организации Союза советских художников образовывались, начиная с 1932–1933 гг., в разных городах, областях, краях, союзных и автономных республиках. Единый Союз художников СССР был создан лишь в 1957 г. В апреле 1948 г. завершилось формирование Союза композиторов СССР (состоялся первый всесоюзный съезд ССК).

Краевые организации Союза художников в Западной и Восточной Сибири возникли в 1933 г. (Новосибирск, Иркутск), краевые отделения Союза архитекторов – в 1935 г. (Иркутск) и 1936 г. (Новосибирск). К концу 1930-х гг. после ряда административно-территориальных преобразований на территории Сибири действовали новосибирские отделения ССП и ССА, Новосибирская областная организация Союза художников, Омские областные отделения ССХ (1934 г.) и ССА (1935 г.), областные организации художников и архитекторов в Иркутске, писательские организации в Якутии и Бурятии. В 1940 г. были созданы ССХ в Красноярске и Барнауле.

Новосибирское отделение ССП в апреле 1939 г. состояло 19 членов и кандидатов [1]. В Союзе художников Новосибирской области, включавшей тогда Томск и города Кузбасса, в ноябре 1940 г. числилось 36 членов (живописцы, графики, скульпторы, театральные художники). В Новосибирском отделении ССА в это же время насчитывалось примерно 110 членов, работавших в различных проектных организациях, на заводах и в Новосибирском инженерно-строительном институте [2].

Создание новых творческих объединений и последующая их деятельность проходили при обязательном участии и контроле партийных органов. Здесь назначались и смещались руководители союзов (как правило, члены партии). Сюда обращались руководители и отдельные члены союзов с ходатайствами, жалобами, просьбами о помощи в решении различных вопросов (отсутствие помещений, недостаточное финансирование, конфликты и т. п.). В конце 1940 г. вопрос «о состоянии и развитии изобразительного искусства и архитектуры» готовился к обсуждению на бюро Новосибирского обкома ВКП (б). Предполагалось заслушать и обсудить доклады руко-

водителей Новосибирских отделений ССХ (М.А. Мочалов) и ССА (И.Д. Белогородцев), был подготовлен проект постановления бюро обкома, в котором, помимо констатации достижений и недостатков, намечались конкретные меры по улучшению положения. В частности, предлагалось создать при Новосибирском облисполкоме и во всех крупных городах области архитектурно-планировочные советы; установить на всех важнейших стройках архитектурно-авторский надзор; организовать в г. Новосибирске к 1942 г. постоянную архитектурно-строительную выставку и картинную галерею в здании оперного театра, а также «рассмотреть вопрос о создании необходимых производственных и бытовых условий для художников и архитекторов» [3].

Новые организации стали эффективной формой использования творческого потенциала художественной интеллигенции в агитационно-пропагандистской работе. Через эти организации силами самих писателей и художников осуществлялось насаждение официальной идеологии в их жизнь и творчество. Определяющее значение имела актуальность тематики произведений (успехи индустриализации, колхозное строительство, историко-революционное прошлое Сибири, борьба с «врагами народа» и т. д.), одной из основных задач являлось овладение методом социалистического реализма. В конце 1930-х гг. большое место в деятельности союзов занимало изучение марксистско-ленинской теории, «Краткого курса истории ВКП (б)». Уделялось внимание также проблемам просветительского и профессионального характера. Например, в «университете», организованном в начале 1941 г. писательской организацией в Новосибирске, читались лекции не только по истории партии, но и по естествознанию, психологии, архитектуре Сибири. Регулярно проводилось обсуждение изданных произведений и рукописей, велась работа с молодыми авторами [4].

В 1937–1939 гг. Новосибирский союз художников провел несколько областных и городских (в Новосибирске) художественных выставок, передвижную выставку в городах Кузбасса. Тематика, востребованная временем, отражена в названиях картин: «Сибирь кандалная», «Товарищ В.И. Ленин и Н.К. Крупская в ссылке в селе Шушенском» И.И. Тютикова, «Уборочная» Н.Ф. Смолина, «Кулацкая потрава» Н.Д. Фомичева, «На конспиративной квартире» Г.Г. Ликмана, «На стройке завода Горного оборудования» М.А. Мочалова, «Лесорубы за изучением Сталинской Конституции» А.Н. Фокина; «Выдача кокса на Кузнецком заводе» П.И. Якубовского и др. В 1938 г.

художники Новосибирска и Ленинграда выступили с инициативой подготовки в честь 25-летия Октябрьской революции выставки «Сибирь социалистическая», поддержанной Новосибирским облисполкомом. К маю 1940 г. были подписаны договоры с 33 организациями, выделены значительные денежные суммы на выполнение работ [5].

Хотя в 1930-е гг. творческие союзы объединяли численно небольшие группы литературно-художественной интеллигенции, особенно в провинции, их роль и значение были велики. Они становились важнейшим организующим фактором литературно-художественной жизни в творческом, общественно-политическом и материально-бытовом отношении, прежде всего благодаря административно-политическому ресурсу, который обеспечивался партийно-государственными структурами. Это давало возможность людям, включенным в их круг, легче адаптироваться к действиям власти, но в то же время порождало зависимость и конформизм, способствовало достижению большей управляемости и контроля над интеллигенцией со стороны властных структур.

1. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 3. Д. 299. Л. 54.

2. Там же. Оп. 5. Д. 305. Л. 6, 10, 18.

3. Там же. Л. 3–5.

4. Там же. Д. 296. Л. 10.

5. Там же. Д. 305. Л. 57, 58.

В.М. Кузьмина

УЧАСТИЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СЕЛЕ В ГОДЫ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Всеобщий трудовой энтузиазм, а он был в течение многих десятилетий, поддерживался системой пропаганды и культурно-массовой просветительской работы. Эти части системы были ориентированы на максимальное освещение трудовых достижений, формирование устойчивой ценностной ориентации на труд, усердие, энтузиазм. Интеллигенция активно привлекалась к организации и участию в массовых действиях, которые с одной стороны, являлись не-

посредственной формой отражения гигантского социального переворота и были орудием пропаганды, с другой – приобщали народ к искусству. Неудивительно, что в недрах таких спектаклей рождались черты новой эстетики искусства и использовались некоторые новые средства выражения.

Художественная самодеятельность справедливо рассматривается как мощное массовое движение в области искусства [1]. Сущность и смысл этого движения состоит в непосредственном приобщении широких слоев населения к занятиям искусством, овладению навыками художественного творчества, во внедрении творчества в повседневный быт. Благодаря желанию интеллигенции работать с населением не только в стенах государственных учреждений культуры, но и за их пределами, было организовано большое количество кружков, клубов. Само руководство пошло по пути создания благоприятных условий для культурного просвещения масс и семейного отдыха через создание домов и дворцов культуры, Дома Красной армии, домов народного творчества. Вслед за дворцами в Воронеже, Курске, Тамбове, Борисоглебске, Ельце, Обояни, многих уездных городах и рабочих поселках региона открываются пролетарские клубы; в них также начали функционировать многообразные виды музыкально-художественной самодеятельности: духовые и народные оркестры, хоровые и танцевальные кружки, театрализованная живая газета «Синяя блуза», агитационно-пропагандистские концертные бригады [2].

Несмотря на многие трудности, вызванные нехваткой материальных средств, музыкальных инструментов, нот, квалифицированных организаторов самодеятельного движения и музыкально-грамотных руководителей кружков и секций, в 1920-е гг. они успешно продолжали втягивать в сферу художественного творчества все большее число тружеников заводов, фабрик, перерабатывающей промышленности, строителей, транспортников, коммунальщиков.

В селе Царевка Кирсановского уезда (ныне Уметский район) был создан «Хор любителей пения». В репертуаре хора 45 номеров: это произведения Римского-Корсакова, Даргомыжского, Шумана и других композиторов. Хор, численностью в 20 человек, состоял из крестьян, с привлечением интеллигенции. Участники хора поставили спектакли «Праздный сон до обеда», «В чужом пиру похмелье», «Бедность не порок» и другие. Газета указывала: «Как играли артисты, об этом говорить не приходится, так как критиковать людей, в

первый раз выступающих на подмостках, – значит убивать в них веру в себя. Достаточно того, что здание театра не вмещало всех желающих посмотреть пьесы» [3].

Особенно результативной в этом отношении была деятельность воронежского Дома рабочей молодежи, клубов коммунистов и железнодорожников, курского Центрального пролетарского клуба, городских клубов металлистов, сахарников, строителей, кожевников, сотрудников коммунальной службы, тамбовских клубов завода «Ревтруд», железнодорожников. Рабочий класс края с завидной заинтересованностью и энтузиазмом относился к деятельности своих очагов культуры, принимал живейшее участие в работе самодеятельных кружков, секций, коллективов.

В связи со значительным увеличением количества промышленных предприятий и сопутствующим ему естественным ростом рабочего класса, в конце 20-х и особенно в 30-е гг. XX в. музыкально-художественная самодеятельность получает широкий размах непосредственно на фабриках и заводах. Созданные и успешно функционирующие там оркестры, хоры, концертные бригады пользовались доброй славой и популярностью далеко за пределами своих трудовых коллективов; достойный пример являл собой, в частности, духовой оркестр воронежского паровозостроительного завода имени Дзержинского, которым руководил Иван Васильевич Петров (впоследствии видный советский военный дирижер, педагог и композитор).

За любой культурно-просветительской работой стоял также прагматический интерес власти, для которой важно было заставить людей поверить в значимость индустриальной модернизации, в ее историческую необходимость, поэтому при организации изб-читален, парторганы рекомендовали интеллигенции и комсомольскому активу к этому виду просвещения колхозников относится серьезно.

Поддерживая художественную самодеятельность, представители интеллигенции Центрального Черноземья гордились своей работой в таких коллективах, как хоры народной песни колхоза «Январский перелом» Чигольского района и колхоза «Утренняя заря» Воронцовского района, ансамбль народных инструментов и хор колхоза «Хлебороб» Михайловского района, хор старинной русской народной песни колхоза «Свободный май» Гремяченского района, хоры сел Таловского района и многие другие [4]. Бурному развитию социалистической культуры черноземного села хорошо послужили олимпиады колхозной музыкально-художественной самодеятельно-

сти. Именно о подобных формах работы говорилось в докладе о пятилетке развития самодеятельного искусства РСФСР от 7 июля 1930 г., в котором постановили: «признать правильной линией на усиление темпов развития самодеятельного искусства города и деревни как одного из возможных факторов социалистического строительства и культурной революции» [5].

Происходящее в духовной жизни сел и деревень Центрального Черноземья в 1930-е гг. должно быть по праву отнесено к явлениям исторически примечательным. Это было поистине массовое музыкальное движение, участники которого выступали в концертах, спектаклях, приобретали музыкальные инструменты вовсе не из-за желания развлекаться, «зрелищем» заполнить досуг или украсить интерьер избы ценной покупкой. Оно являло яркий пример серьезного отношения колхозного крестьянства края к своему духовному просвещению и образованию, к овладению настоящим искусством и культурой, отчетливо обнаруживало порожденное социализмом стремление селян скорее приблизиться и сравняться в культурном развитии с горожанами и ни в чем им не уступать.

В целом творческая интеллигенция справилась с поставленной перед ней задачей по агитации, пропаганде социалистических ценностей, нового образа жизни в условиях индустриальной модернизации путем активной организации самодеятельных коллективов, берущих свое начало из кружков, агитбригад и изб-читален. Благодаря активной совместной деятельности партийных и хозяйственных органов, работников культуры и искусства как в центре, так и на местах, удалось добиться значительных достижений в области индустриальной модернизации областей и районов Центрального Черноземья.

1. См.: *Вагнер Г.К.* О соотношении народного и самодеятельного искусства // Проблемы народного искусства. М., 1982.

2. См.: *Лобова Н., Пермьяк Е.* Живая театрализованная газета. М.; Л., 1932.

3. *Чеботарева Н.* На заре советской культуры // Ленинец (Тамбов). 1984. 30 июня.

4. *Кузьмина В.М.* Государственная политика в области музыкального строительства и творческая интеллигенция Центрального Черноземья // Ученые записки Курского государственного университета: электронный журнал. Курск, 2007. № 2. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/sa19.pdf>. (Дата обращения: 25.05.2012).

5. РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Д. 149(2). Л. 127. Микрофотокопия.

**РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ НТО
В ЗАУРАЛЬЕ В 50–60-Е ГГ. XX В.**

Выдающийся русский ученый В. Вернадский считал, что наука и техника превратили деятельность человека в особую геологическую силу, преобразовавшую всю поверхность Земли, существенно повлиявшую на биосферу. Они изменили структуру и характер общественных процессов, весь образ жизни человека. Но развитие науки и техники невозможно без самого человека, который одновременно и объект, и субъект научно-технического прогресса. Социально-культурная функция создания и распространения нового знания, воплощения его в жизнь прочно закрепились за интеллигенцией, благодаря которой все инновационные процессы, бурно начавшиеся в XX в., происходили и происходят. В России научно-технические модернизации осуществлялись во многом благодаря активной деятельности научно-технических обществ, первое из которых появилось еще в середине XIX в. Определение роли интеллигенции в научно-технических обществах второй половины 1950-х и начале 1960-х гг. представляется очень важным и значимым, так как именно тогда в условиях оттепели и демократизации советского общества наметился рост творческой активности населения, была предпринята попытка ускорения научно-технического прогресса в реальном секторе экономики, происходила реорганизация самих научно-технических обществ. Но, несмотря на плодотворную инновационную деятельность, накопленный опыт разработки и внедрения технических и технологических новшеств, история научно-технических обществ регионального уровня, а также деятельность отдельных наиболее творческих личностей, в должной мере не изучались.

Тюменская область в 195–1960-е гг. являлась, в основном, сельскохозяйственным регионом, но здесь продолжали развиваться промышленность, а также началось освоение углеводородных запасов. Все это требовало научного подхода, новых технологий и передовой техники. 16 июня 1951 г. в Тюмени состоялось областное совещание научно-технических работников, стахановцев, директоров и председателей фабрично-заводских комитетов на котором обсуждался вопрос обмена опытом работы по внедрению нормативного метода

учета материалов с целью увеличения производительности труда инженера Ф. Ковалева [1]. Одновременно шло пополнение рядов специалистов, в которых область остро нуждалась. Удалось пригласить 760 инженеров и техников. Данные мероприятия дали положительные результаты: на сетевязальной фабрике, заводе «Пластмасс», литейно-механическом заводе, ситниковском молочном заводе выросла производительность труда на 20 % по итогам Всесоюзного социалистического соревнования. На судостроительном заводе только за 1952 г. было внедрено 170 рационализаторских предложения, на заводе АТЭ организовано 6 школ рентабельности. К марту 1953 года в области было распространено 73 новаторских приема по методу Ф. Ковалева. Вместе с положительными результатами на 8 пленуме Тюменского областного профессионального союза 30 марта 1953 г. было отмечено, что ряд инженеров самоустраивается от внедрения передового опыта на производстве, техническое обучение рабочих, готовых стать рационализаторами, во многих организациях отсутствует, а во многих существует лишь на бумаге. С другой стороны, высокая текучесть кадров, и особенно высшей квалификации, большой дефицит научно-исследовательской и экспериментальной базы сдерживали процесс становления и развития научно-технических обществ [2]. Но в связи с необходимостью развития промышленности и сельского хозяйства, совершенствования технологических процессов, возникла потребность активизации деятельности научно-технических обществ. За период 1959-1965 гг. количество первичных организаций НТО в Западной Сибири увеличилось с 1516 до 2575, т. е. в 1,6 раза (в СССР в 2 раза) [3]. В Тюменской области в 1956 г. было создано научно-техническое общество, а в 1960 г. постановлением ВЦСПС – общество рационализаторов и изобретателей. В 1960-е гг. наряду с количественным ростом происходили определенные изменения в составе и деятельности научно-технических обществ. Наиболее плодотворно они действовали на промышленных предприятиях, где был относительно стабильный и квалифицированный кадровый состав, где действовали инициативные инженерно-технические работники, где изыскивались и внедрялись новые формы кооперации творческого труда: комплексные бригады, инициативные группы. Изобретатели и рационализаторы сделали значительный вклад в комплексную механизацию и автоматизацию цехов, участков и линий, в освоение новых машин, приборов и аппаратов, повышения их сроков службы.

Аграрная специализация южных районов области и активность молодых аграриев привели к тому, что были созданы и начали функционировать первичные организации НТО и общества рационализаторов и изобретателей (ВОИР) в сельских районах области. Большая заслуга в этом принадлежит первому секретарю Тюменского сельского обкома КПСС (1963–1964 гг.) Борису Ефимовичу Щербине, настойчиво проводившему политику внедрения передового опыта в сельское хозяйство области. Наиболее значимых успехов добились НТО совхозов «Коммунар» Исетского района (директор А.Ф. Шевцов), «Емуртинский» Упоровского района (директор В.Д. Нохрин), «Приозерный» Ялуторовского района. Ведущим предприятием, где плодотворно функционировало научно-техническое общество и ВОИР стал совхоз «Емуртлинский», в котором работал неординарный, творческий, активный директор Нохрин Владимир Дмитриевич, много времени и сил уделявший повышению производительности труда посредством изобретений (зерносушилка, щелевые полы) и внедрения новых технологий в производственный процесс. Техник совхоза «Коммунар» Исетского района А.И. Бураков реконструировал заводской насос, в результате чего процесс откачки навоза в этом хозяйстве стал более совершенным и применялся долгие годы. Но другие предприятия не могли это себе позволить по финансовым соображениям. Вместе с тем, в Западной Европе метод «щелевых полов» получил широкое распространение и в усовершенствованном виде применяется до сих пор. В этот период начал свою работу на Боровской птицефабрике почетный изобретатель СССР Наливайко Иван Михайлович (значок изобретателя получил в 1977 г.). В 1968 г. он предложил метод по пневмо-сбору и удалению помета воздухом, который был признан изобретением и позволил занять птицефабрике переходное Красное знамя за первое место в областном соревновании изобретателей и рационализаторов. Отличилась 1960-е гг. Ветеринарная секция под руководством В.Г. Жаров провела комплекс противооводных мероприятий по Тюменской области [4].

Благодаря активной деятельности региональной интеллигенции в работе НТО произошли существенные сдвиги по технической модернизации предприятий. Однако большие потенциальные возможности научно-технических обществ Тюменской области и других регионов страны в те годы использовались не в полной мере. Главными причинами тому были экономическая система тех лет, действовавший затратный хозяйственный механизм, осложнявшие процесс раз-

работки и реализации технических новшеств. Руководители предприятий и ведомств, боясь срыва планового задания, лишних финансовых затрат, перестройки технологических процессов не обеспечивали внедрение рекомендаций советов НТО. Бюрократизм хозяйственных руководителей снижал творческую активность трудовых коллективов, порождая в их среде технический консерватизм. Вместе с тем, роль инженерно-технической интеллигенции неоспоримо значима.

1. ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 27. Л. 2, 5, 32, 33.

2. ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 52. Л. 115, 116, 123, 124.

3. *Остапенко И.П.* Рабочий класс в управлении производством. М., 1976. С. 326.

4. ГАСПИТО. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 602. Л. 28, 29, 95; Д. 703. Л. 105.

О.А. Фаненштль

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СЕРЕДИНЫ 1960-Х – НАЧАЛА 1970-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Профессиональная деятельность инженерно-технической интеллигенции Тюменской области в середине 1960-х начале 1970-х гг. была неразрывно связана с созданием на севере Западной Сибири крупнейшего топливно-энергетического комплекса, становлением и ростом нефтегазовой, нефтехимической отраслей промышленности, дальнейшим развитием транспорта, машиностроения, деревообработки, строительства, связи, сельского хозяйства. В этой связи одним из основных направлений организационно-управленческой деятельности инженерного персонала стало формирование материально-технической базы предприятий области, их технико-экономического и технологического потенциала. Формы и характер работ зависели от ряда факторов, в том числе и от отраслевой специализации региона, характера и степени технической оснащенности предприятия, его хозяйственной значимости.

Так, в условиях Обского Севера, где, следствием решения стратегических задач государства стала формирующаяся моноотрасле-

вая экономика, действия интеллигенции были направлены на строительство и дальнейшую эксплуатацию новых нефтеразведочных и добывающих предприятий.

Например, в середине 1960-х гг. организация пробной эксплуатации открытых нефтяных месторождений Шаима, Усть-Балыка, Мегиона возлагалась на Тюменское территориальное геологическое управление, а в местах их расположения – на начальников нефтеразведочных экспедиций.

Сложность в организации работ состояла в полном отсутствии коммуникаций и инфраструктуры, неизбежной сезонности выполнения работ (учитывался только период навигации), недостатке требуемой техники и технологий. В этих условиях функции инженерно-технической интеллигенции не ограничивались лишь сбором и анализом информации, принятием управленческих решений. Можно привести ряд примеров производственной деятельности руководителей и ведущих специалистов, чья роль заключалась в непосредственном осуществлении поставленных задач, от введения в производственный цикл новых технических и технологических разработок, до организации и участия в погрузо-разгрузочных работах на застывших протоках сибирских рек. Среди них В.А. Абазаров, начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции, а с 1971 г. – начальник НГДУ «Мегионнефть», Г.С. Арнопольский, назначенный в апреле 1964 г. заведующим мегионским промыслом, а затем главный инженер НГДУ «Мегионнефть», Б.И. Осипов – первый начальник нефтепромыслового управления «Мегионнефть», А.В. Данилов – начальник первого в Тюменской области газодобывающего участка, начальник газопромыслового управления «Игримгаз» В.М. Немце-Перовский и многие другие, кто относился к так называемому «первому десанту» руководителей и специалистов формирующегося ТЭК [1]. В противном случае интенсивность работ снижалась, что грозило затягиванием или срывом выполнения плановых заданий, административными и партийными разбирательствами, взысканиями.

В результате эффективной организационной деятельности инженеров-управленцев в середине 1960-х гг. мегионскими геологами были открыты, а в дальнейшем успешно эксплуатировались крупнейшие углеродные месторождения Западной Сибири.

В отличие от предприятий Обского Севера усилия производственной интеллигенции южных районов Тюменской области в большей степени были связаны с задачами по реконструкции и обновле-

нию существующих основных фондов предприятий, направлены на увеличение производственных мощностей или изменение характера производственной деятельности. Учитывая, что с середины 1960-х гг. многие промышленные предприятия были сориентированы на обслуживание формирующегося ТЭК, то и регулярность переоснащения зависела от тенденций его развития.

Например, в начале освоения нефтегазовых месторождений единственным средством для перевозки нефти из районов добычи к месту переработки был речной транспорт. Министерство речного флота РСФСР совместно с Министерством судостроительной промышленности СССР приняли решение о срочном сооружении на Тюменском судостроительном заводе крупнотоннажных нефтеналивных барж. В этой связи деятельность руководителя судостроительного завода П.П. Потапова и ведущих специалистов технико-технологических служб была направлена на организацию реконструкции цехов, введения в строй нового оборудования, корректировку технологического процесса судостроения. Это было сопряжено с решением ряда управленческих задач: изменением тактики и стратегии организационной деятельности в процессе производственного цикла, преодолением внутривозрастных проблем, связанных с подбором и расстановкой специалистов и рабочих, повышением качества работ, техническим состоянием производства. В результате только за 1964–1965 гг. было построено более 100 единиц нефтеналивного и сухогрузного флота, что было значительно больше заданий пятилетнего плана [2].

В 1967 г. завод приступил к строительству плавучей электростанции «Северное сияние», предназначенной для обеспечения электроэнергией и теплом промышленных объектов в районах Крайнего Севера. В этой связи была проведена коренная реконструкция завода, обновлены основные фонды предприятия. Только за 1970–1980-е гг. на заводе были построены новые цехи, введен в строй эллинг. Пущены в эксплуатацию линии предварительной обработки листового и профильного металла, тепловой резки листового металла с применением новейшей техники – газорезательных машин «Кристалл» с программным управлением, действовали несколько механизированных линий на базе станков-роботов, вычислительный центр. К 1984 г. на заводе действовало 17 цехов и участков, 18 лабораторий и бюро, 19 отделов [3].

Аналогичные мероприятия проводились на Тюменском моторном заводе, где организационно-управленческая деятельность дирек-

тора завода В.Я. Хуторянского была сосредоточена на создании новой в областном хозяйстве отрасли промышленности – моторостроении. В результате уже к 1 мая 1967 г. на заводе был собран первый турбореактивный двигатель для пассажирского самолета Ан-24, а в 1968 г. завод осуществлял их серийное производство. В 1970-е гг. одним из инновационных направлений было производство нового турбовинтового двигателя ТВД-10, для пассажирского самолета Бе-30, призванного заменить устаревшие самолеты Ан-2.

К середине 1970-х гг., только в промышленности Тюмени основные фонды возросли в 1,6 раза. Были построены и введены в эксплуатацию новые административные здания и проведена реконструкция Аккумуляторного завода, ткацкое и отделочное производство Камвольно-суконного комбината, крупные цехи на заводах Электромеханическом, Медицинского оборудования и инструментов. В целом в Тюменской области объем капиталовложений в объекты производственного назначения с 1960 по 1980 гг. вырос на 3367 % [4].

Вместе с тем длительное отсутствие долгосрочной программы комплексного развития производительных сил Тюменской области уже к середине 1970-х гг. приводило к диспропорциям в темпах развития отраслей хозяйства. С одной стороны, высокие плановые задания требовали скорейшего ввода в эксплуатацию нефтегазовых месторождений, с другой отставали темпы строительства и реконструкции предприятий, обслуживающих ТЭК.

Промышленная интеллигенция была вынуждена брать на себя не свойственные ей функции центральных государственных и научно-исследовательских учреждений, то есть самостоятельно решать сложные вопросы реорганизации управленческой системы, планирования и взаимодействий со смежными предприятиями и учреждениями. Так, с открытием и пуском в эксплуатацию Самотлорского месторождения объемы добычи возросли настолько, что управлению «Нижневартовскнефть» было сложно контролировать производство. Начальник предприятия Р.И. Кузоваткин утверждал, что существующие излишне централизованные формы управления не подходят, нужна производственная система, способная решать большинство вопросов на месте. Для этого руководство управления самостоятельно разработало новую концепцию управления предприятием. Однако решение проблемы затягивалось бюрократическими проволочками. Требовалось согласие не только министерства, но и Комитета по труду и заработной плате при Совете министров СССР, других

правительственных учреждений. Это накладывало отпечаток на характер производственной деятельности инженерно-технической интеллигенции, которая приобретала «рывковый» характер. «Штурмовщина» становилась распространенной практикой выполнения задания. Вопреки существующим нормам трудового законодательства значительно увеличивался рабочий день специалистов и руководителей как за счет сокращения перерывов на обед и отдых, так и широкого применения так называемого «ненормированного» рабочего дня, длившегося до 16 часов в сутки, не соблюдался график предоставления отпусков. Так, начальник одного из цехов судостроительного завода Ю.М. Лыхин замечал: «Сколько должен продолжаться рабочий день все давно забыли. Работали сколько могли физически. Кто выбивался из сил уходил на отдых. И так трудились, пока не выполнили задание. Еду принимали на рабочих местах. Так действовали многие заводские коллективы, точнее говоря все без исключения судостроители во главе с директором. Люди равнялись именно на него» [5].

Таким образом, деятельность инженера-управленца была во многом связана с организацией структуры предприятия и ее развитием, формированием коллектива, поддержанием его работоспособности и жизнедеятельности на всех производственных уровнях. Руководитель предприятия отвечал за организацию производственной системы, формирование основных фондов предприятия, развитие материально-технической базы. Вместе с тем множество объективных и субъективных факторов накладывали отпечаток на его профессиональную деятельность.

1. *Великопольский С.Д.* Мегионский марафон. Тюмень. 2004. С. 118–119.

2. 400 лет Тюмени.: сборник документов и материалов. Свердловск. 1985. С. 314.

3. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 969. Оп. 1. Д. 546. Л. 5–28.

4. Тюменская область в цифрах (Юбилейный статистический сборник). Тюмень. 1994. С. 11.

5. Тюменская правда. 1974. 3 июня.

**МЕСТО И РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ СФЕРЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ БАШКИРСКОЙ АССР 1970–1990-Х ГГ.)**

Интеллигенция является мощным стимулятором социальной активности населения, аккумулируя в себе общественно-политические интересы людей. На этапе 1970–1990-х гг. в общественном сознании советских граждан произошли глобальные изменения, причем значительная роль в трансформации общественно-политической сферы принадлежала интеллигенции. Безусловно, представители «публичных» профессий – писатели, ученые, публицисты – способствовали интеллектуализации общества, повышению его политической активности.

Вплоть до середины 1980-х гг. – начала перестройки общества, государственно-партийные органы БАССР занимались укреплением организационно-политической работы среди населения, массовых форм пропаганды социализма в системе политпросвещения и т. д. В большей степени это положение объясняет активность значительной части интеллигенции в деле политпросвещения общества. Действуя в рамках народных университетов, в 1970-е г. лекторы-пропагандисты, призванные из представителей инженерно-технической, научной, творческой интеллигенции, проводили лекционные занятия, суть которых сводилась к разъяснению положений марксизма-ленинизма, текущей политики партии и правительства и т. п. В то же время, следует отметить, что рост сети народных университетов в республике пришелся именно на 1970-е гг. – в период, когда в обществе обозначились тенденции к размыванию нравственных критериев социализма. Реакцией партийно-государственной элиты стало усиление идеологической машины в виде расширения системы политпросвещения, охвата ими всех сторон общественной, культурной жизни населения. Так, если в 1965 г. в БАССР насчитывалось 448 народных университета, то в 1970/1971 учебном году их стало 1054 с охватом в 232 тыс. слушателей. Во многих университетах были сформированы постоянные преподавательские коллективы из числа специалистов различных отраслей знаний. Из 10242 преподавателей и лекторов народных университетов более половины вели в них

систематический курс занятий [1]. Примечательно, что к середине 1970-х гг. активность функционирования народных университетов заметно снижается, что связано, по-видимому, с падением их авторитета среди населения и ослаблением внимания со стороны властей.

Правящая элита постоянно совершенствовала свои идеологические кадры. В 1976 г. шел дальнейший рост идеологического звена партийных комитетов республики: 86 % сотрудников имели высшее, в том числе каждый пятый – высшее политическое образование. Подготовленными работниками были укомплектованы идеологические министерства и ведомства, учреждения культуры, просвещения и высшего образования, редакции газет и журналов, радио и телевидения. Особое внимание уделялось марксистско-ленинской учебе руководящих кадров и интеллигенции. Руководители министерств и ведомств, других республиканских организаций, художественная интеллигенция были охвачены политической учебой на семинарах при обкоме КПСС, журналисты при редакциях газет. Партийным образованием и комсомольским просвещением было охвачено 370 тыс. человек, что на 56 тыс. больше чем в 1973/1974 учебном году. В целом, система политического просвещения, в определенной степени имевшая формальный характер, все же приобретала тотальный размах, задействовав в своих рядах 1 млн 400 тыс. человек или 94 % от всего занятого населения БАССР [2]. В 1980-е гг. произошло сокращение числа обучающихся в системе политеобразования. В 1980/1981 учебном году в системе партийной учебы занималось 343,9 тыс. человек, в 1984/1985 – 169,1 тыс. человек [3]. Таким образом, партийно-государственная элита активно использовала интеллигенцию как инструмент тиражирования идеологических догм. Безусловно, наряду с политизированной информацией люди получали и определенный пакет общих знаний по экономике, философии, управлению, сельскому хозяйству и т. д., если в преподавании их не присутствовали формализм, низкий уровень подготовки самих преподавателей. Интеллигенция же находилась в двойственном положении: с одной стороны она являлась жертвой, орудием системы, с другой – находясь на службе у государства, способствовала укреплению данной системы.

Естественно, не все слои интеллигенции поддавались давлению со стороны властей. Дифференцированная по профессиональному, культурному, национальному признакам, интеллигенция страны отражала сложный пласт явлений и процессов, происходивших в советском обществе. Многие «подводные течения» того периода от-

ложились и в документах республиканских архивов. Бюро Башкирского обкома партии пыталось взять ситуацию под контроль, принимая меры по усилению политико-воспитательной работы среди различных категорий населения, в особенности среди творческой и научной интеллигенции, учащейся молодежи, в целях противодействия нелегальному распространению «политически вредных материалов и использования их враждебной пропагандой» и т. п. Значительная роль в данном вопросе отводилась средствам массовой информации, прессе.

Исследуя общественно-политическую деятельность интеллигенции Башкирской АССР рассматриваемого периода, необходимо затронуть и проблему выражения общественно-политических установок через призму национальностей. Со второй половины 1980-х гг. в республике происходили процессы активизации этнического самосознания, формирования этнополитических движений. В условиях отсутствия политических лидеров движений на их роль выдвигались представители творческой элиты, используя гласность как действенный и эффективный инструмент этнической мобилизации народа. На рубеже 1980–1990-х гг. в республиканских средствах массовой информации развернулись оживленные дискуссии по тем или иным проблемам истории башкир. Во многом благодаря активности творческой интеллигенции в республике началась реабилитация и возвращение из забвения имен «запрещенных» башкирских политических и культурных деятелей (Заки Валиди, Мусы Муртазина, Мансура Халикова, Хадии Давлетшиной и др.) [4].

Снятие в 1987 г. М.З. Шакирова с должности первого секретаря обкома КПСС усилило недоверие к партийным органам у населения, придало смелости части оппозиционно настроенной интеллигенции и положило начало демократическим преобразованиям в БАССР. Другим сигналом изменения общественно-политической атмосферы стало экологическое движение, являясь одной из первых форм проявления социального недовольства в республике, оно было также неосознанной формой протеста против идеологического контроля партийных органов. Успехи экологических движений способствовали активизации других общественных организаций – национальных (этнополитических) и усилили борьбу за суверенитет. В 1988–1990 гг. кроме башкирского клуба «Ак тирма» и клуба татарской культуры, языка и литературы им. Г. Ибрагимова, возникли чувашский им. К. Иванова, марийский «Мари», еврейский «Штерн», немец-

кий «Видергебурт», украинский «Кобзарь» и др. Именно в них впервые открыто заговорили о проблемах возрождения и укрепления национально-культурных и языковых традиций, о социально-экономическом положении народов республики, проблемах в сфере межнациональных отношений. В это же время сложилась группа, преимущественно из представителей башкирской интеллигенции – преподавателей вузов республики, которая стала основным ядром башкирского национального движения. После оформления в 1989 г. Башкирского центра «Урал» и Татарского общественного центра, возникли Башкирская народная партия, Башкирский народный конгресс, Татарская демократическая партия «Идель – Урал», Комитет народного движения, «Независимость Башкортостана» и др. В целом на рубеже 1980–1990-х гг. в охваченной демократическими веяниями республике шел ускоренный процесс становления многопартийности [5]. Без преувеличения следует отметить консолидирующую роль интеллигенции в развитии данных процессов, вплоть до активного участия ее во всех этапах суверенизации республики.

Процессы трансформации общественно-политической сферы и возрождения национального самосознания не обошли и такие негативные явления, как попытки нагнетания в обществе атмосферы межэтнической, социальной напряженности. В общественном сознании старшего поколения интеллигенции происходили глобальные, подчас болезненные изменения. Молодежь же с меньшей долей нравственных потерь сумела пройти через все перипетии модернизации российского общества, начиная с его перестройки и заканчивая современным этапом развития.

1. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 85. Д. 223. Л. 11–12.

2. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 190. Д. 55. Л. 150–153.

3. Башкирская областная организация КПСС в цифрах (1917–1987 гг.). Уфа, 1987. С. 308–309.

4. См.: *Киекбаев М.Д.* Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998. С. 135.

5. См.: *Буранчин А.М.* Этнополитическое развитие Республики Башкортостан в 1990–2000 гг. Уфа, 2006. С. 23–29, 41.

**РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
МЕЖДУ КОММУНИЗМОМ И ДИССИДЕНТСТВОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА)**

Российская интеллигенция всегда представлялась исследователю сложным, противоречивым, многоплановым явлением. Обращение к недавнему историческому прошлому, к 50–60-м гг. минувшего столетия, когда шла всеобщая трансформация массового сознания и в первую очередь интеллигенции, дает богатый материал для более глубокого понимания данного культурного слоя. Противоречивость, непоследовательность образованного класса в его отношении к власти и официальной идеологии, конформизм, так часто осуждаемый писательским сообществом, весьма ярко обнаруживается в удивительном сочетании, в уживчивости в одном человеке «фрондерства» и верности власти.

Сейчас, когда так много пишут про российскую интеллигенцию, изнававшую в советские годы от идеологического диктата, часто забывают, что сам коммунистический дискурс был задан именно интеллигенцией, и многие будущие диссиденты, к коим у нас стали относить уже чуть не половину всех писателей, ученых, художников советской эпохи, вполне осознанно придерживались коммунистического выбора. Это потом они вдруг «прозрели». Или все было сложнее?

Имя Василия Аксенова хорошо известно в нашей стране особенно так называемому поколению «шестидесятников». Аксенов стал символом той эпохи, которому удалось в своих произведениях выразить интонацию поколения. Именно он положил начало «молодежной прозе» как завершенного литературного явления, именно он был в числе первых, кто поставил в своих произведениях вопросы, так волновавшие молодежь в начале 1960-х гг. Это были в основном социальные и нравственные проблемы конформизма и лояльности режиму, готовность ради дружбы поступиться принципами и служебными перспективами. Но в первую очередь это была попытка молодой интеллигенции заявить свое «Я» и свое право на свободу. Все эти вопросы, способы ответа на них в конечном счете и задали тон последующего развития интеллигенции и всего российского общества, результаты которого мы можем сейчас наблюдать воочию.

Василий Аксенов – типичный представитель молодой российской интеллигенции 1960-х гг. И хотя он был одним из немногих, кто был связан с Западом, часто выезжал за рубеж, печатался в Америке, даже будучи членом редколлегии журнала «Юность», Аксенов выражал общую тенденцию, настрой значительной части интеллигенции, которая если и не жила так, как Аксенов, но стремилась так жить, свободно выражать себя в жизни и в творчестве. Вместе с тем Аксенов долгое время пытался соединить в себе верность социалистическим идеалам и стремление порвать с ними. Все эти противоречивые качества Аксенова в полной мере отражают сложный характер российской интеллигенции, с одной стороны, смотрящей на Запад, с другой – сохраняющей верность коммунистическим принципам и существующему строю. С одной стороны, интеллигенция выполняла социальный заказ власти, формировала нужное общественное мнение, ее самые видные представители выступали в печати с горячей защитой политического курса партии, с другой, интеллигенция тяготилась той ролью, которую она на себя взяла, а потому периодически критиковала власть, но по тихому, чтобы никто не заметил. Рано или поздно интеллигенция должна была сделать свой выбор, Аксенов был один из первых, кто его сделал. Более того, он задал вектор этого выбора, который окончательно победил колебания интеллигенции к концу XX в.

Василий Аксенов – сын репрессированных коммунистов-активистов, до конца сохранявших преданность коммунистическим идеалам. В начале своего творческого пути писатель тоже пытался следовать этому курсу, хотя при более внимательном изучении его произведений аксеновское двуличие обнаруживается уже в 1950-е гг. В своей во многом автобиографической книге «В поисках грустного бэби» Аксенов открыто повествует о своем «стиляжничестве» и идеологической индифферентности в юные годы. Однако это не помешало ему написать идеологически пафосную повесть «Коллеги» (1959 г.), выдержанную в традициях социалистического реализма и снискавшую ему известность. Эта повесть была высоко оценена властью и дала возможность Аксенову встать в первых рядах молодежных писателей. Однако последующие за этим произведения «Звездный билет» и «Апельсины из Марокко» уже вызвали критику за пропаганду безыдейности и молодежной расхлябанности, столь болезненно воспринимаемой властью в те годы в связи с ростом независимых суждений и отходом молодой интеллигенции от заданного партийного курса.

«Бунт» молодого писателя не был выступлением против коммунизма. Речь шла о другом. По страницам аксеновских произведений начинает разгуливать герой, который хочет сам выбирать идеи, коммунистические в том числе, хочет самостоятельно принимать решения. Не случайно литературный стиль Аксенова – смешение разнообразных повествовательных форм, перепрыгивание с сюжета на сюжет, манифестация: «А я пишу вот так!». Аркадий Арканов вспоминал, что В. Аксенов всегда был пижоном: любил изысканно одеваться, любил со вкусом выпить, любил погарцевать. При чтении прозы Аксенова известному эстраднему артисту порой казалось, что он видит его пишущим это – «сидящим на коне и любующемся на себя в зеркало: вот как я пишу, вот я каков!». Сам Аксенов определил свой жанр, как самовыраженческий роман. Отсюда широкое использование молодежного сленга в произведениях, жаргонность языка. Молодые люди у Аксенова немножко «супермены», интеллектуалы, любители попутешествовать, но прежде всего, они свободны. Именно на этой почве разрастется в последующем внеидеологичность как таковая, как характерная черта Василия Аксенова, которой он будет вскоре бравировать, что и приведет его окончательно на Запад, в Америку как самую неидеологическую страну (так казалось Аксенову), которую он начнет открыто воспевать.

Столкнувшись с критикой в свой адрес после публикации «Звездного билета», Аксенов всячески пытается реабилитироваться. Сначала он пишет покаянную статью «Место писателя – среди строителей коммунизма», а затем «Ответственность», в которых «возвращается» на идеологические позиции. Такая раздвоенность, а может, и просто приспособленчество писателя обнаруживаются и позднее уже после выхода «Затоваренной бочкотары» (1968 г.), которая, по словам самого Аксенова, знаменовала его окончательный отход от социалистического реализма. В эти годы писатель уже активный участник диссидентского движения, что не мешает ему в 1969 г. заняться восхвалением большевиков, в частности Л.Б. Красина в повести «Любовь к электричеству».

Открытым остается вопрос – хотел ли Аксенов, как и многие другие представители интеллигенции через диссидентское движение укрепить свое положение в Америке, с последующей эмиграцией. Что стояло за его литературной деятельностью и участием в «Метрополе»? Борьба за идею? Или Аксенову был нужен повод, чтобы на него «начались гонения» со стороны властей? Аркадий Арканов

вспоминал, достаточно известные люди говорили ему, что это все заранее продумано Аксеновым, который хочет вымостить себе дорогу на Запад. Арканов же отвечал, что никуда Вася не уедет! Ведь возможность эмиграции в разговорах с Аркановым он всячески отрицал. Больше того, говорил, что «нужно изо всех сил существовать здесь». В декабре 1979 г. Аксенов демонстративно вышел из Союза писателей и уехал в США. Вскоре он был лишен советского гражданства.

Путь В. Аксенова во многом путь российской интеллигенции второй половины XX в. Главными отличительными чертами ее стал разрыв с какой бы то ни было идеологией, подчеркнутый индивидуализм и свобода. Формировавшиеся в условиях отталкивания от официальной идеологии и власти, эти черты сложились не сразу, а явились результатом трудной борьбы между верой в светлые идеалы и стремлением к их свободному выбору. Эта коллизия так и не была разрешена российской интеллигенцией. Все настойчивее пробивал себе дорогу космополитизм, оказавшийся наиболее созвучным с тогдашними настроениями образованного класса, что и обусловило успешное усвоение интеллигенцией западных ценностей и последующую эмиграцию на Запад многих ее представителей, в том числе уже после распада СССР, когда Россия обрела долгожданную свободу, за которую так боролась интеллигенция.

М.Р. Зезина

**«ХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ»:
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ
(КОНЕЦ 1980-Х – НАЧАЛО 1990-Х ГГ.)**

Интеллигенция всегда была кадровым резервом для органов власти. В советский период восхождение по карьерной номенклатурной лестнице начиналось с комсомольской и партийной работы, и пока человек добирался до верхних ступеней властной пирамиды, он утрачивал связь со своей социальной средой. Представителями интеллигенции во власти скорее можно считать тех, кто был рекрутирован через выборы в высшие партийные или советские органы. Формальный характер советской избирательной системы предопределял прохождение в высший законодательный орган лиц, занимав-

ших руководящие должности в творческих союзах, научных и учебных учреждениях. Так депутатами Верховного Совета СССР были ректор МГУ академик А.А. Логунов, председатель правления СП СССР Г.М. Марков, первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР Л.А. Кулиджанов, первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т.Н. Хренников. Они же в разные годы избирались кандидатами и членами ЦК КПСС, членами Центральной ревизионной комиссии КПСС. Среди депутатов Верховного Совета были также известные ученые, писатели, не занимавшие номенклатурных должностей. Их участие во власти было представительским, хотя давало немалые возможности для лоббирования корпоративных интересов.

Реформа политической системы, начавшаяся в 1988 г., кардинальным образом изменила ситуацию. Отменялись разрядки на выдвижение кандидатов по должностному и социальному принципу, право выдвижения получили собрания граждан. В борьбе за мандат народного депутата побеждали те, кто мог сформулировать программу, убедить избирателей. Преимущества людей образованных, поднаторевших в разного рода общественно-политических дискуссиях, широко развернувшихся с начала перестройки, были очевидны. На первых выборах народных депутатов СССР в 1989 г. представители интеллигенции получили 34,7 % голосов, что было в 5 раз больше, чем на выборах в Верховный Совет СССР 1984 г. При этом сократилась доля номенклатуры с 37,2 % до 22,4 % и доля представителей рабочих и крестьян с 47,9 % до 22 % [1]. Таким образом, интеллигенция составила самую многочисленную социальную группу последнего высшего законодательного органа СССР.

Интеллигенцию, пришедшую во власть, объединяло социальное положение, высокий уровень образования, отсутствие опыта политической деятельности, но отнюдь не единство взглядов. Большинство народных депутатов, включая представителей интеллигенции, занимали антиперестроечные и антилиберальные позиции. Доля демократически либерально настроенных депутатов была невелика. Заявление о создании Межрегиональной депутатской группы в ходе работы съезда подписали 157 человек из 2250 депутатов [2]. Впоследствии состав МДГ расширился, но ее численность никогда не превышала половины от депутатов, которых можно отнести к интеллигенции. Подавляющее число членов МДГ – представители средних слоев интеллигенции, преподаватели, научные работники, журналисты. Лишь несколько человек из них были связаны с неформальным движением.

Чужаком в этой компании выглядел Б.Н. Ельцин. Он держался в стороне от демократического движения московской интеллигенции, на базе которого и была создана МДГ. Для демократов он оставался представителем партийной элиты, хотя и опальным. Первое выступление Ельцина на собрании МДГ было типичным выступлением партийного босса, и всем не понравилось. Однако популярность Ельцина в народе росла, лидеры демократической интеллигенции рассматривали его как полезного, но временного союзника. Г.Х. Попов говорил: «Народу нравится... Смел, круче всех рубит систему», а если что «мы его в таком случае просто сбросим, и все тут» [3]. Более прозорливым оказался А.Д. Сахаров, которому приписывают слова: «у нас у всех есть свое дело, на которое можно переключиться – наука, преподавание, искусство. У Ельцина нет ничего, кроме политического будущего. Он пойдет с нами до конца» [4].

Хотя МДГ никогда не составляла более 12 % общего числа народных депутатов СССР, значительная часть ее требований была принята общесоюзным съездом в 1989–1990 гг. Были отменены 6-я статья Конституции СССР, квоты общественных организаций на выборах народных депутатов союзных республик, принят демократический Закон о печати, началась работа над новым Союзным договором.

Интеллигенция стала поставщиком свежих сил в формирующуюся политическую элиту новой России. На республиканских выборах народных депутатов ее представительство во власти выросло. Многие сделали головокружительную карьеру и заняли в республиках руководящие посты. Г.Э. Бурбулис, бывший заместителем директора по научной и методической работе Всесоюзного ИПК, специалистом Минцветмет в Свердловске, занял должность Государственного секретаря РФ. Ю.Ю. Болдырев, старший инженер НИИ, стал членом Высшего консультативного совета при председателе Верховного Совета РСФСР (затем – при Президенте России). Н.В. Федоров, старший преподаватель Чувашского государственного университета, был назначен министром юстиции РСФСР. Старшие научные сотрудники академических институтов С.Б. Станкевич и Г.В. Старовойтова стали советниками Президента России.

Однако мало кто из того демократического призыва остался во власти. Многие сознательно уходили из политики, возвращаясь к профессиональной деятельности (Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов). Другие не могли адаптироваться к принятым в элитной корпорации нормам отношений и поведения, были вынуждены подавать в отставку

(А.И. Казанник). Доля представителей интеллигенции в органах власти на протяжении 1990-х гг. неуклонно падает. Если в составе Верховного Совета РСФСР 1991 г. интеллигенция составляла 53,5 %, то среди депутатов Государственной Думы в 1993 г. ее 37,2 %, в 1999 г. – 28,1 %, а в Совете Федерации 2002 г. – 22,4 % [5].

Интеллигенция стала использоваться властью главным образом для экспертно-аналитической работы. Так в 1992–1993 гг. при Президенте РФ действовал Президентский консультативный совет, куда входили академики РАН Г.А. Арбатов, О.Т. Богомолов, члены-корреспонденты РАН П.Г. Бунич, С.Н. Федоров, академики РАСХН А.М. Емельянов и В.А. Тихонов, писатель Д.А. Гранин. В 1994 г. были создан Аналитический центр при Президенте РФ (с 1995 г. Аналитическое управление) и Экспертно-аналитический совет. К работе привлекались ученые, специалисты, известные своими демократическими взглядами, Е.Г. Ясин, Д.А. Волконогов, Э.Д. Днепров, М. Урнов, А.Н. Яковлев, Э.А. Паин, А.Я. Лифшиц, Ю.А. Левада, О.Р. Лацис и др. Однако их наработки чаще всего оставались невостребованными. Как и предполагал А.Д. Сахаров, интеллигенция вернулась к своим профессиональным делам, ее пути с властью разошлись.

1. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 111.

2. *Логунов В.* Межрегиональная депутатская группа: год в оппозиции // Народный депутат. 1990. № 12. С. 19–27.

3. *Шахназаров Г.* Цена свободы. М., 1993. С. 157.

4. *Алексеев С.С.* Горбачев и Ельцин: Торжество и драма // Изв. Урал. гос. ун-та. Екатеринбург, 2003. № 25. С. 92.

5. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты... С. 148.

В.В. Комиссаров

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И АДАПТАЦИИ

Термин «постиндустриальное общество» появился в работах Д. Рисмана в конце 1950-х гг. и был развит Д. Беллом в 1960-е гг. Предлагались синонимичные или схожие по значению понятия – постбуржуазное, посткапиталистическое, постпредпринимательское, пострыночное общества. В 1980-е гг. Е. Масуда, Дж. Нейсбит обос-

новали концепцию информационного общества, во многом обозначающую ту же стадию общественного развития. Все эти теории были объединены неким общим видением постиндустриализма. Материальные блага и уровень развития производительных сил перестают быть критерием экономического прогресса. Вместо них привлекаются качественные показатели: технологическая вооруженность производства, роль и распределение информации, способность перестраиваться в соответствии с меняющимися условиями. Материальное производство отходит на второй план, его сменяют нематериальные товары (технологии, информация), которые становятся самостоятельными объектами купли-продажи. И, наконец, наука превращается в производительную силу общества.

В Советском Союзе данное понятие не использовалось, если не считать критику «буржуазных социальных концепций». Однако все более нарастающие признаки приближения постиндустриализма потребовали от советского партийного и политического руководства соответствующей реакции. Данный вопрос был подробно проанализирован Ю.П. Бокаревым. Исследователь отмечает: «В СССР происходившие на Западе перемены были своевременно подмечены. Однако дать им адекватную оценку и понять социально-экономические последствия советские обществоведы не смогли. Долгое время считалось, что перемены сводятся к расширению использования в промышленности научно-технических достижений, не менявших сути самого общественного устройства... В этом ключе была сформулирована теория «научно-технической революции» не выходящая за рамки концепции индустриального развития» [1].

Следует заметить, что появление концепции постиндустриализма привело к оценкам возможной трансформации социальной структуры нового общества. Важное звучание приобрел вопрос о будущем господствующем классе. В этих теоретических построениях интеллигенции отводилось особая роль. Примечательно, но эта проблема стала обсуждаться еще в 1930-х гг. Тогда американский обществовед Д. Бернхейм сделал вывод, что на поздних стадиях развития капитализма наряду с буржуазией и пролетариатом должен возникнуть новый класс, подобно тому, как в недрах позднего феодализма сформировалась буржуазия. И точно также как буржуазия стала господствующим классом новой капиталистической формации, этот гипотетический класс должен занять лидирующие позиции в той стадии, которая сменит капитализм (или индустриализм).

Идея упала на благодатную почву. В роли зародыша нового класса сам Д. Бернхейм рассматривал «управляющих» (руководителей производства, администраторов, чиновников), М. Джилас – государственную правящую бюрократию СССР и других государств марксистского социализма. Схожие с М. Джиласом идеи высказывал М. Восленский. Иначе, говоря, в качестве будущего доминирующего класса стали рассматриваться те группы, которые с точки зрения социально-профессионального подхода являются отрядами интеллигенции.

Данное веяние мировой социальной мысли нашло свое отражение и в советском обществоведении. В конце 1960-х гг. в марксистской философии начались дискуссии о переосмыслении социально-классовой структуры советского общества, и об изменении пролетарского характера КПСС. Предполагалось, что профессиональные управленцы должны составить отдельную социальную группу, а коммунистическая партия приобрела общенародный, интерклассовый характер. Научно-техническая революция поставила вопрос о пересмотре роли и места интеллигенции. Так, советский социолог Э.А. Араб-Оглы декларировал возникновение в ходе НТР высокообразованной рабочей интеллигенции и, как следствие, формирование нового рабочего класса. Однако, эти идеи не получили развития из-за партийно-идеологических запретов.

Следует заметить, что в послевоенном советском обществе интеллигенция играла специфическую и очень важную роль. Исследователь оппозиционного движения в Советском Союзе А.В. Шубин отмечал: «В СССР роль среднего класса играли интеллигенция, специалисты и служащие среднего звена. Они не обладали властью, но их труд носил более творческий характер, чем труд рабочих и колхозников... Сохраняющиеся противоречия между “физиками и лириками”... отражали неоднородность советского среднего класса. Одна часть средних слоев считала главным повышение эффективности производства... Другая тенденция, связанная с отставанием гуманитарных начал (личностных, гражданских, демократических) была представлена той частью интеллигенции, которая стремилась вырваться из тесных авторитарно-индустриальных рамок современного общества» [2].

В 1990-е гг. российское общество напрямую столкнулось с вызовами постиндустриализма. В данном контексте в отношении интеллигенции ожидаются следующие трансформации. Изменится функция интеллигенции. Формирование постмодернистского общества

связано с постепенной утратой государственной монополии на политическую власть, увеличением количества властных субъектов (ТНК, коммерческие и некоммерческие фонды, общественные организации, группы давления). Известный американский футуролог Элвин Тоффлер пишет о трансформации государственной власти в постиндустриальном обществе и изменении роли интеллигенции следующее: «Эпоха “фабричных труб” была отмечена размахом создания государственности, что привело к осуществляемому из центра руководству малыми общинами, городами-государствами, регионами и провинциями... Во многих частях света будет расти число экстремистских групп, для которых демократия – причиняющая неудобства помеха, и для проведения в жизнь своих фанатичных идей они будут стремиться снести эту преграду... Каждая группа не только привлечет к себе определенные финансовые и промышленные круги в зависимости от их своекорыстных интересов, но и объединит вокруг себя талантливых артистов, писателей и интеллектуалов, которые будут разрабатывать для нее соответствующее идеологическое обоснование» [3].

Применительно к России можно отметить то обстоятельство, что интеллигенция перестает быть носителем идей демократии. Известный публицист и телеведущий М. Леонтьев пишет по этому поводу: «Выразителем идей либерализма, рыночных реформ, слияния с Западом в широком смысле была советская и постсоветская интеллигенция... В условиях свободного, дикого рынка интеллигенция не только обнищала и пауперизировалась, но и лишилась роли “мозга нации”, фактора национального обновления, коей она была в постсталинское время. Интеллигенция (или ее остатки) лишилась рычагов общенационального влияния... Идеологический мост на Запад теряет свое основание – прозападную интеллигенцию» [4].

У нынешней российской интеллигенции не получается без потерь выстроить отношения с властью. Телеведущий В. Соловьев и политолог Н. Злобин отмечают: «Интеллигенция на самом деле превращается в прослойку и обслуживающий элемент власти, деградируя и вырождаясь... Как следствие, она перестает быть буфером настроения, перестает создавать экспертное мнение... Таким образом продолжается, несмотря на пока еще открытую границу, духовная и научная изоляция российского общества...» [5].

1. *Бокарев Ю.П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 4.

2. Шубин А.В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 33–34.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2001. С. 293–296.
4. Леонтьев М. и др. Крепость «Россия». М., 2008. С. 10.
5. Соловьев В.Р., Злобин Н.В. Путин – Медведев. Что дальше? М., 2010. С. 250.

А.А. Иванов

«РАСТВОРЕНИЕ В ДИСКУРСЕ» КАК ПРАКТИКА СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Социальная практика русской интеллигенции как маргинальной группы, стремящейся обрести легитимное положение в русском обществе со второй половины XIX в., разворачивалась вокруг литературы и близких к ней дискурсов. Литература оказалась тем единственным доступным для интеллигенции инструментом, посредством которого она могла генерализировать свои модели поведения и репрезентировать себя как полноценного участника социальной борьбы. Репрезентация интеллигенции осуществлялась в оперировании тотальными категориями «Власть», «Народ», «Россия», «Запад» и др., с помощью которых исключенная часть общества («экскрементальный остаток») претендовала на выражение всеобщих интересов. М. Могильнер определяет подобную стратегию как «жизнь в дискурсе», когда придумывание собственной социальной биографии и общественной миссии становится жизненно важной задачей, когда социальное действие сводится к перекодировке окружающей действительности, к созданию символического универсума, который и становится основным полем деятельности и источником образцов [1]. В отличие от западного интеллектуала, концептуализирующего основания автономного субъекта как центрального звена общества *modernity*, русский интеллигент, оставаясь в рамках синкретического мировоззрения, апеллировал к предельно общему символическому целому, исключавшему возможность автономного самоопределения субъекта.

Революция как символическое событие перевернула социальный мир, не столько изменив его «субстанцию» (господствующие группы, производственные технологии, повседневный мир вещей и

т. д.), сколько узаконив воображаемый, виртуальный дискурс в качестве реального, действующего звена, интегрирующего разрозненные социальные практики в символическое целое. Из инструмента описания, критики и изменения социальной ситуации (телеологического знания) дискурс трансформировался в ее наличный, главный, структурирующий компонент (объективное знание). Образованные группы уже не могли разрабатывать различные варианты символического универсума. Единственный утвержденный его вариант был задан в качестве принудительной, тотальной нормы, объективного идеологического порядка, с которым требовалось идентифицироваться.

В личных письмах и дневниках писателей 1920–1930-х гг. часто можно встретить разного рода сетования на отставание литературы и искусства от рвущейся вперед, богатой содержанием, «живой» жизни молодого советского государства. Советский интеллигент, чья задача – артикулировать и оформлять новые смысловые структуры (и он это усердно делал в газетных репортажах, романах, живописных полотнах), постоянно испытывал ощущение недосказанности в отношении главных смыслов, остававшихся для него скрытыми, но имманентных окружающей действительности и предположительно известных чьему-то внешнему, авторитетному взгляду. Эта фрустрация служит еще одним подтверждением мысли Б. Гройса о художественно-авангардистской природе советского проекта, созданного волей некоего автора-демиурга, чья субъективность принципиально безгранична и чей замысел никогда не может быть открыт простому зрителю и участнику. Участь последнего – пожертвовать собственной субъективностью, чтобы ее место занял безличный демиург, отдать «свое художественное эго в обмен на коллективную действительность разделяемого им проекта» [2]. Отсюда дионисийское стремление влиться в новую жизнь, «побрататься» с нею, отказавшись от всякой автономности: «и весь я рад сойти на нет в революционной воле» (Б. Пастернак).

Растворение «я» во всеобщем предполагает отождествление субъекта высказывания с самим актом высказывания; задача субъекта – хотеть того, чего желает его речь. Место «я» занимает самодостаточный, лишенный психологических характеристик, объективный язык как формальная структура детерминированных означающих, бесконечно отсылающих друг к другу и к некоему смысловому центру, который всегда оказывается упущенным, неназванным, имплицитным. Советский дискурс не распределяет по элементам

социальной реальности некое имеющееся у него «большое означаемое», как Дед Мороз раздает подарки из мешка. Скорее, если продолжить сравнение, Дед Мороз приходит без мешка, но зато ставит всех детей в круг и заставляет плясать, т. е. связывает элементы между собой, выполняя исключительно структурную функцию. Так, тексты эпохи (стенограммы заседаний, газетные репортажи, судебные протоколы и пр.) выстраиваются как нескончаемый метонимический перенос от означающего к означаемому: «Троцкий – Зиновьев – Каменев – Гестапо»; «народ – партия – литература – чистое искусство – антисоветская клевета – холодная война» и т. д. Автономные означаемые данных элементов как бы стираются, а сами элементы превращаются в чистые различия под давлением сверхструктуры: «одна иллюзия отсылает к другой и вместе они суть метафора центра, который отсутствует» [3]. Это тяготение к синтактике, к асемантической сближает идеологический дискурс с мифом в его понимании К. Леви-Строссом, который уподоблял миф музыкальному произведению, чистой структуре, поглощающей любой контекст.

«Растворение в дискурсе» подразумевает элиминацию недискурсивной, телесной составляющей субъекта: тело подвергается символизации – преобразению физической субстанции в дифференциальный элемент идеологического дискурса. В литературных текстах это часто выражается через метафору жертвенного огня: «у каждого члена Союза от этого лозунга должно тело гореть!»; «чтобы с него слезла шкура капитализма и сердце обратило внимание на жар жизни...» (А. Платонов «Котлован»). В повседневной жизни символизация закономерно доходила до физического исчезновения огромных масс людей. Символический порядок идеологии как система метафорических и метонимических опосредований «выхолащивает» субстанции вещей, тел и субъектов до превращения их в *означающие*, означаемым которых выступает их непреклонная связь друг с другом. Обязательным контекстом и всегда упускаемым звеном такой системы является «шокирующая фактура барака» советской повседневности, жестокая реальность ГУЛага и советских новостроек. Только на таком фоне субъект находит «избыточное наслаждение» [4] в жертвенном отказе от самого себя и укрытие в самодостаточном языке советской идеологии.

Так или иначе, для существования субъекта и общества необходимым конститутивным фактором выступает «вера» во внешнее, безличное социальное измерение, располагающееся на уровне языка

(langue у Ф. Соссюра) и полагаемое субъектом как существующее «в себе», независимо от индивидов. В советской культуре этот «призрачный модус» занял доминирующее положение в виде господства идеологического языка и практически вытеснил всякие начала автономной субъективности. Но нельзя забывать, что сам этот язык возник в результате гипертрофированной экспансии творческой субъективности во все сферы социальной реальности; в этом смысле советская культура является порождением эпохи modernity и специфической модернизационной группы – интеллигенции). Впоследствии пример «жизни в дискурсе» продемонстрировали советские правозащитники, которые вынесли за скобки негласные основы советского общества и стали действовать внутри и по законам текста Советской конституции.

1. *Могильнер М.* Социальная биография интеллигенции как «жизнь в дискурсе». Случай Петра Боборыкина // *Неприкосновенный запас*. 1998. № 2. С. 66.

2. *Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993. С. 52.

3. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006. С. 452.

4. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999. С. 87.

С.С. Наумов

МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Во второй половине 1980-х гг. в условиях развёртывания политики перестройки советская интеллигенция получила возможность значительно расширить непосредственное влияние на формирование общественного сознания. Сформировавшееся на протяжении предыдущего этапа исторического развития, состояние массовой интеллигенции «характеризуется отталкиванием от официоза, формированием собственной субкультуры, основанной на неформальном общении, которое компенсировало недостаток информации и возвращало в обиход официально отвергаемые или частично реабилитиро-

ванные культурные ценности» [1], что и позволило выступить представителям интеллигенции в качестве главных трансляторов социальной памяти. В контексте развития информационных ресурсов и коммуникаций тех лет, одну из ведущих ролей в формировании социального сознания играла периодическая печать, на страницах которой прочное место заняла новая публицистика перестройки.

Отечественная публицистика, в условиях начавшейся политики гласности, как вид общественно-политической, творческой деятельности, была не способна оставаться в стороне от обсуждения важнейших вопросов социально-экономического и политического развития страны. «Иного не дано» – вот квинтэссенция отношения публицистов к процессам, происходившим в годы перестройки. В зависимости от вектора общественного развития и динамики общественно-политической мысли дискуссии то затихали, то разгорались с новой силой. Освободившись от политико-идеологического диктата, публицистика становится как никогда востребованной. На страницах периодики начинается «гласный пересмотр идеологических констант и исторических мифов, созданных в советский период развития общества, что было естественным отражением объективных изменений, происходящих в массовом сознании» [2].

На страницы периодики возвращается личность, автор-собеседник, вытеснивший официозного советского журналиста – рупора партии. В этот период один за другим выходят сборники авторской публицистики, поднимающие наиболее острые вопросы коренной перестройки всех сфер жизни советского общества: «Иного не дано», «Если по совести...», «Личное мнение». В публицистику в период «перестройки» пришли не только журналисты, но писатели, ученые-историки, академики, искусствоведы, специалисты-литературоведы и даже люди из сфер потенциально далеких от журналистики. Произнося свое, выстраданное «слово», они выдвигают на первый план ключевую фигуру автора, оттесняющую фигуру героя – одна из отличительных особенностей перестроечной публицистики. Среди авторов – ведущие представители советской интеллигенции: известные журналисты (А.Е. Бовин, Ю.Д. Черниченко, Ф.М. Буллацкий, В.И. Селюнин, А.И. Стреляный и др.), знаковые писатели (С.П. Залыгин, Д.А. Гранин, А.А. Адамович, В.Г. Распутин, Ч.Т. Айтматов, Ю.А. Карякин и др.), поэты (Р.И. Рождественский, Е.А. Евтушенко и др.), видные ученые (А.В. Яблоков, М.Я. Лемешев, Ю.Н. Афанасьев и др.), академики (Т.И. Заславская, А.Д. Сахаров и др.).

Качественный анализ и контент-анализ текстов, опубликованных в журналах «Огонёк», «Юность», «Наше наследие» за 1986–1989 гг. позволяет систематизировать и разделить всё разнообразие текстов на тематические блоки. Первый включает пересмотр истории СССР и КПСС («Вглядываясь в лицо истории», «Тяжкий путь прозрения», «Прощению не подлежит», «Перестройка и историческое знание», «Чтобы это не повторилось» и др.). Второй блок посвящен «судьбе перестройки» и анализу современного состояния советского общества («Ни подрываются ли основы?», «Народ безмолвствует?..», «Дайте опереться!», «Абсурд в квадрате», «Перестройка – это прозрение», «Человек и экономика», «Наступаем или отступаем?», «Что мы перестраиваем?» и др.). Третий представляет «футуристические прогнозы», оценку перспектив дальнейшего развития страны («Цена прозрения», «Ответственность», «Вчерашние», «Учить себя», «Воскрешаемая культура», «Какой социализм народу нужен?», «Перестройка: правда о социализме и судьба социализма» и др.) [3]. Особое место занимает тема «десталинизации» советского общества, в рамках пересмотра истории страны («Сталин с ними», «Право на покаяние», «Тайная история сталинских преступлений» и др.). Напомним один из ключевых тезисов перестройки: понять и совершенствовать новый мир может только «сознание, освобожденное от сталинского мышления».

Нескрываемая авторская субъективность выдвигает призыв освобождения от гражданской дряблости и безразличия, возрождения подлинно демократического образа жизни. Споры, полемичность, столкновение мнений были свидетельством духовного очищения общества, необратимого, набирающего силу процесса, который в конечном итоге привел к крушению социалистического строя и развалу СССР. Оценивая сейчас драматизм этих событий, разумеется, сложно не признавать того факта, что сама «усложнившаяся внутренняя структура интеллигенции не могла не породить разброса интересов и на его основе – дифференциации её общественных, а затем и политических позиций» [4]. Да и сам процесс дифференциации советской интеллигенции протекал на протяжении всех предыдущих лет существования Советского Союза.

«Анализ имеющейся литературы и источников позволяет сделать вывод, что, не смотря на разность типов интеллигенции..., она в своём большинстве никогда не утрачивала» [5] своих сущностных черт, таких как независимость, открытость ума, конструктивная ак-

тивность в неопределённых ситуациях. Поэтому, говоря о методах публицистики перестройки, прежде всего, хочется отметить следующий момент. Присущая всякому обществу неоднозначность отношения к реформам разделила отечественную периодическую печать на лагерь «за» и «против» перемен. Однако внутри самих изданий не все авторы принимали идеи «перестройки» и «гласности», а также новую для себя роль «личностного» восприятия и оценки мира.

Донести до читателя наиболее объективную информацию любой ценой, несмотря на непонимание и отторжение со стороны чиновников, определенных социальных групп – вот задача, которую ставила перед собой интеллигенция в период перестройки, когда выходила на трибуну СМИ.

Представим эволюцию советской периодической печати в 1986–1989 гг. по годам.

1986 г. – язык периодики вполне вписывается в рамки, традиционного канона. Феноменальных разоблачений ещё не публикуется, чувствуется сильное влияние холодной войны (отметим статью Ю. Жукова «Псы войны»), активное бичевание западного образа и стиля жизни, а также «своих» мелких бюрократов тормозящих перестройку (партия и народ всё ещё едины на страницах периодики ранней перестройки). В то же время ещё имеет место замалчивание серьёзных проблем (Чернобыльская катастрофа освещается очень скромно).

1987 г. – происходит значительный перелом и трансформация канона. Появляются воспоминания о ранее не публиковавшихся русских писателях (воспоминания Ю. Нагибина об А. Платонове, печатаются неопубликованные стихи К. Бальмонта, И. Бунина, П. Васильева). Начинается публикация порой объёмных читательских писем («Огонёк» и его рубрика «Перестройка. Проверка делом»). Изложение событий октября 1917 г. ещё хрестоматийны, но начинают появляться большие статьи о репрессированных деятелях сталинского времени, реабилитированных в 1950-е гг. В сентябрьском номере «Огонька» (№ 37) К. Ермолин публикует статью «Дневник последнего самодержца» (читатели впервые открыто узнают, что царь был убит вместе с семьёй), начинают публиковаться отрывки ранее запрещённых произведений советских авторов (романа А. Рыбакова «Дети Арбата», начинает публиковаться роман «Жизнь и судьба» В. Гроссмана и т. д.), из тени выходят имена художников-новаторов. Интереснейшим событием становится организация Со-

ветского Фонда культуры (осень 1986 г.) и начало выпуска журнала «Наше наследие».

1988 г. – набирает обороты «десталинизация» (Л. Разгон «Жена президента», А. Головков «Не отрекаясь от себя» и т. д.), публикуются «Воспоминания» Н.С. Хрущёва (С. Хрущёв «Пенсионер союзного значения»). Увеличивается число негативных публикаций об эпохе «застоя» и о Л.И. Брежнев. В печати освещается проведение масштабного празднования Крещения Руси, которое не мыслилось ещё три года назад (Д. Лиханов «Тысячелетие»).

1989 г. – периодика практически освобождается от освещения «запретных тем». Резко продолжает усиливаться критика брежневского правления. Десталинизация достигает своего пика (Р.А. Медведев «Они окружали Сталина («Юность»)), «Кремль, 20-е годы: воспоминания бывшего секретаря Сталина Б. Бажанова», «Страшный месяц пухкутьень», где впервые открыто говорится о голодоморе 1930-х гг. («Огонёк»), В.И. Ленин перестаёт быть «неприкасаемой фигурой», публикуются материалы о войне в Афганистане (А. Боровик «Спрятанная война» в журнале «Огонёк»).

Исторический опыт показывает, что, невзирая на умозрительность суждений и субъективность некоторых авторов, в целом публицистика периода перестройки кардинально изменила мышление и сознание нашего общества. Это в очередной раз доказало силу влияния публицистики на судьбы России, поэтому потенциал, которым обладает публицистика, всегда будет востребован российским обществом в периоды преобразований и революционных изменений.

1. *Розенталь И.С.* Интеллигенция в России // Преподавание истории и обществознания в школе. М., 2001. № 1. С. 7–8.

2. *Макарова С.Э.* «Интеллигенция» как объект социально-философского анализа // Социология власти. М., 2009. № 2. С. 90.

3. *Маруцак А.В.* Автор в публицистике эпохи перестройки (1985–1991 гг.) // Сайт факультета журналистики УрГУ им. Горького. 2012. URL: <http://journ.usu.ru/index.php/component/content/article/397>. (Дата обращения: 23.04.2012)

4. *Галкин А.А.* Место перестройки в истории России // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 70.

5. *Мететов В.С.* Генезис, формирование и деятельность интеллигенции // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008. С. 32.

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НАЧАЛЕ XXI В.: АЛГОРИТМ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫЖИВАНИЯ

Политические и экономические процессы, происходившие в российском обществе в начале XXI в., существенно изменили состав отечественной интеллигенции, ее статус и набор основных функций, который она пыталась реализовать в современном социуме. Резкий рост числа россиян работающих в «непроизводственном секторе» экономики, соответствующие трансформации в системе образования, стремительное развитие информационных технологий и целый ряд других факторов привели к исчезновению жестких социологических критериев для определения границ такой социальной страты как интеллигенция. Формализованные критерии XX в. (наличие диплома о высшем образовании, особый творческий характер труда, набор определенных нравственных качеств и т. д.) оказались в этой ситуации неэффективными, что привело к двум очень показательным суждениям, уже достаточно ярко проявляющимся в современной литературе. Сторонники первого уверены, что интеллигенция в России в начале XXI в. исчезла, растворившись в среде десятков тысяч менеджеров, маркетологов, специалистов по информационным технологиям. С их точки зрения, помимо мощного воздействия так называемого внешнего фактора, предопределившего «гибель» старой постсоветской интеллигенции, последняя была разорвана глубокими внутренними конфликтами и противоречиями, в основе которых лежала в первую очередь разница в материальных доходах отдельных групп интеллигенции, проявившаяся еще в конце XX в., а так же степень интегрированности в новую постсоветскую социальную и политическую реальность и ряд других факторов. Сторонники второго суждения, считают, что интеллигенция в России, несмотря на все катаклизмы рубежа веков и тысячелетий «выжила» и более того, существенно изменилась, включив в себя представителей новых профессий, получив соответственно новые функции, создав комфортную информационную среду.

Многие исследователи отмечают, что социальный статус российской интеллигенции, как некоей самостоятельной группы населения, в начале XXI в. заметно изменился, но воздерживаются от

его однозначной трактовки. Невысокий уровень легальных доходов представителей тех профессий, которые в России традиционно считались уделом интеллигенции, мощное давление на ее позиции со стороны Русской православной церкви, минимальный диалог представителей интеллигенции с носителями власти привели с точки зрения одних исследователей к тому, что принадлежность к данной социальной группе стало символом социальной неудачи и социального бессилия. Не случайно слово «интеллигенция» стало крайне редко использоваться в средствах массовой информации, в учебной и художественной литературе. С точки зрения других ученых ситуация не выглядит столь катастрофической потому, что потребность в исполнении интеллигенцией целого ряда социальных функций остается, а в рядах действующей политической элиты все чаще проявляются признаки готовности к диалогу с наиболее «умеренными» группами интеллигенции.

Но в чем практически единодушны и «оптимисты», и «пессимисты» так это в том, что ближайшее будущее российской интеллигенции во многом зависит от ее роли в дальнейшей политической модернизации страны.

Политический режим, сложившийся в России в начале XXI в. фактически полностью формализовал основные политические процессы, происходившие в стране, придав большинству из них ярко выраженный имитационный характер. В сложившейся ситуации разные группы российской интеллигенции выбрали разные стратегии выживания, реализация которых полностью пока еще не завершена, но уже может, на наш взгляд, стать предметом научного обсуждения.

Часть представителей отечественной интеллектуальной элиты, обладавшая наиболее востребованными в мировом интеллектуальном и культурном пространстве знаниями и навыками, в начале XXI в. покинула страну. Отъезд этой категории населения происходил при полном равнодушии со стороны государства, руководители которого совершенно справедливо считали, что уезжает самая опасная часть населения наиболее свободная в своем интеллектуальном и политическом выборе и, следовательно, заинтересованная в более динамичном развитии страны. Издержки, связанные с отъездом этой части интеллигенции, планировалось «покрыть» высокими мировыми ценами на экспортируемые углеводороды и формированием нового поколения «нашей» «правильной» интеллектуальной элиты страны.

Другая часть представителей интеллигенции согласилась обслуживать интересы действующей политической элиты, получив в обмен доступ к средствам массовой информации и материальную компенсацию своих нравственных страданий, связанных с сотрудничеством с такой элитой.

Третья часть российской интеллигенции фактически вышла из участия в политическом процессе, реанимировав знаменитую теорию «малых дел», и сосредоточив все свои усилия на социальном и интеллектуальном выживании. Но возможность такого выживания в условиях стремительного сокращения негосударственного сектора экономики, бюрократизации и криминализации все сфер жизни общества чаще всего была связана все с тем же обслуживанием интересов государственного аппарата.

Четвертая часть, наименее многочисленная, перешла в лагерь политической оппозиции, приобретя статус социальных маргиналов и своеобразных «врагов народа». Лишенные доступа к средствам массовой информации эти люди были выброшены из основного информационного поля страны и долгое время существовали только в рамках Интернет-пространства.

Пятая группа интеллигенции в поисках наиболее эффективной стратегии выживания встала на путь смены социального статуса, стремительно пополняя ряды государственных чиновников, предпринимателей, священнослужителей.

Показательно, что при такой быстрой дифференциации и деградации всей социальной группы даже наиболее талантливые представители этой группы не смогли не только организовать диалог между различными частями интеллигенции, но и не смогли запустить механизм групповой саморефлексии, который при определенном стечении обстоятельств мог бы позволить объединить некоторые элементы распадающейся социальной конструкции.

Очень ярко эти процессы, происходившие в стране в целом, проявились в научном сообществе, особенно тех, кто профессионально занимался изучением интеллигенции. В начале XXI в. количество научных конференций, посвященных проблемам интеллигенции резко пошло на спад, прекратили свою работу многие центры интеллигентоведения, родившиеся еще в XX в., прекратился диалог с органами государственной власти, в целом ряде регионов страны обострились отношения между представителями интеллигенции различных национальностей.

Политический кризис, который начался в России в декабре 2011 г., вновь вернул внимание общества к такой категории как интеллигенция. Именно к ней стали апеллировать те участники политического процесса, кому потребовалось нравственное оправдание своих политических решений. События 2012 г. показали, что будущее российской интеллигенции жестко и однозначно пока еще не определено и чем больше стратегий выживания будет в ее распоряжении, тем выше вероятность ее социального спасения при любом варианте политической модернизации, реализуемом в стране.

Л.К. Шотбакова

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СУВЕРЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

С обретением независимости в 1991 г. Казахстан приступил к решению ряда сложнейших задач во всех сферах жизнедеятельности казахстанского общества. Одной из важнейших составляющих политической модернизации в Казахстане в этот период стало формирование гражданского общества – явления для нас совершенно нового, требовавшего четкого определения стратегии и содержания конкретных мер по его реализации. В момент начала реализации этих планов они казались достаточно утопичными и неосуществимыми: «У нового государства не было Конституции, своих атрибутов и символов. Все законодательство было настроенным на другую идеологию, другую страну и другие цели» [1].

В настоящее время, по прошествии двадцати лет, можно говорить о том, что гражданское общество обрело определенные контуры и стало одним из элементов нашего государства. Одним из политических лидеров, инициировавшим и продолжающим активно поддерживать развитие гражданского общества является президент Республики Казахстана. Среди инициатив Н.А. Назарбаева, направленных на развитие гражданского общества, следует выделить: « – политические партии, созданные по инициативе и личном участии института президентства...; – Ассамблея народа Казахстана... заслугой которой является сохранение и укрепление межэтнического

согласия, мира и толерантности между представителями всех национальных групп страны; – национальные, государственные собрания..., на которых обсуждаются проблемы и перспективы развития гражданского общества...; – Всеказахстанские форумы и конференции общественных организаций, неправительственных организаций, представителей СМИ, гражданских движений, иностранных организаций для широкого обсуждения проблем и перспектив развития гражданского общества» [2].

Среди форумов такого рода можно выделить деятельность Гражданских форумов, первый из которых был проведен по инициативе и под председательством президента Республики Казахстан в 2003 г.

Построение гражданского общества невозможно без развития межэтнического и межконфессионального согласия. И здесь особая роль отводится такой общественной организации как Форум представителей мировых религий, первый из которых был проведен в Астане в 2003 г. также по инициативе президента Республики Казахстан. На этой встрече были представители всех крупнейших мировых религий. По итогам работы Форума была подготовлена «Декларация участников 1-го съезда лидеров мировых и традиционных религий».

Поскольку Казахстан государство полиэтничное, то определенное место в политической жизни страны, в формировании гражданского общества должны играть национально-политические движения. Они стали оформляться с начала 90-х гг. XX в., и этот процесс продолжается по сегодняшний день. Среди таких движений наиболее массовыми можно считать Ассоциацию русских, славянских и казачьих общественных объединений, состоящую из славянского движения (славянское движение «Лад» было основано летом 1993 г.), Русской общины и казачества Казахстана; Немецкий культурный центр, созданный в 1992 г. на первом съезде немцев Казахстана; движения «Табигат» и др. Однако многие политические движения до сих пор не стали элементом формирующегося гражданского общества и занимают одно из последних мест среди социальных институтов общества.

Важнейшим элементом гражданского общества стало формирование казахстанской модели межэтнических отношений. Одним из важнейших механизмов реализации данной модели является, на наш взгляд, Ассамблея народа Казахстана, которая сегодня пред-

ставляет собой конституционный орган с широкими полномочиями, имеющий право избирать депутатов в Мажилис. Председателем Ассамблеи является Президент, серьезная правовая база позволяет ей играть важную роль в развитии процесса межнационального согласия и духовного единения этносов современного Казахстана. Данный институт, который должен решать задачу сохранения дружбы народов, согласия и гражданского мира в стране, является, на наш взгляд, уникальным и не имеющим аналогов в международной практике. Принят Закон «Об Ассамблее народа Казахстана», формирующий фундамент казахстанской межнациональной политики и модели общенационального согласия, которая легла в основу казахстанской государственности [3]. В своей деятельности Ассамблея опирается на приоритеты формирования единой культурной общности, которая видится как гармоничный синтез казахской, русской, тюркской и евразийской культур. С учетом того фактора, что в Казахстане проживают представители 130 этносов, «построение общекзахстанской, гражданско-политической общности выступает одним из основных условий, обеспечивающих существование ее государственности и стабильное развитие» [4].

В современном мире вне национальных ценностей ни одна государственная нация не будет чувствовать себя уверенной в будущем. Об этом говорится, в частности, в проекте «Концепции новой национальной политики Республики Казахстан на 2010–2020 гг.». Основные принципы национальной политики Республики Казахстан формулируются следующим образом: «укрепление государственной независимости...; **целенаправленная модернизация государствообразующей казахской нации, повышение ее консолидирующей роли в казахстанском обществе** (выделено авт.), при одновременном создании условий для этнокультурного развития диаспор и этнические групп; ...учет взаимосвязи национальных ценностей с традиционными религиями; ...запрещение деятельности, направленной на...разжигание национальной, религиозной и сословной розни, ненависти и вражды... » [5].

Успешная реализация этих принципов, на наш взгляд, невозможна без взаимодействия государственных институтов и общественных организаций. В настоящее время в Казахстане действуют порядка 5-ти тысяч неправительственных организаций. Их роль в поступательном развитии современного казахстанского общества несомненна, поскольку они своей деятельностью охватывают практически все общественно значимые сферы жизнедеятельности.

-
1. *Назарбаев Н.* Десять лет, равные столетию // Казахстанская правда. 2001. 17 декабря.
 2. *Габжалилов А.Х.* Особенности формирования гражданского общества в современном Казахстане и учение об обществе аль-Фараби // Казахская цивилизация. 2009. № 3. С. 69–70.
 3. *Закиева Ж.* Казахстанская модель межконфессиональных отношений в свете председательства в ОБСЕ // Analytic. 2009. № 1. С. 16.
 4. *Абишева М.* Казахстанская модель межэтнического согласия: опыт для ОБСЕ // Analytic. 2009. № 1. С.6.
 5. Казахстанский альманах. 2009. № 4. С. 29–30.

Г.С. Смирнов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНВАЛИДОВ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В последние два десятилетия в Челябинской области созданы сотни различных общественных объединений, организаций, фондов самой различной направленности – политических, культурных, спортивных, по интересам, а также для защиты интересов различных профессиональных или социально-демографических групп населения (военнослужащих, инвалидов, ветеранов, безработных, детей, женщин, семей и пр.) Многие (например, политические партии) имеют собственные социальные программы, в своих уставах фиксируют и такие направления деятельности, как благотворительность, социальную поддержку, профилактику асоциального поведения.

Несмотря на обилие общественных организаций, лишь немногие из них занимаются вопросами социальной защиты более или менее регулярно. К ним относятся, прежде всего, объединения инвалидов. В Челябинской области таких объединений всего несколько десятков. Наиболее значимыми из них являются региональные отделения всероссийских обществ, созданные ещё в советский период, призванные быть (по образцу советских профсоюзов) «приводными ремнями» между государственной властью и массой действительных или потенциальных членов этих образований. В первую очередь это –

всероссийские общества инвалидов (22 тыс. членов), слепых (5 тыс.), глухих (5 тыс.). Кроме того, действуют ряд менее массовых организаций – региональное отделение общероссийской «Ассоциации молодых инвалидов России «Аппарель», региональное объединение родителей детей-инвалидов с детства «Особый ребенок», областная организация «Инвалиды вследствие воздействия радиации», общероссийская общественная организация инвалидов «Союз – Чернобыль России», областная общественная организация «Кыштым-57».

Их объединяет одно общее обстоятельство, определяющее характер взаимоотношений с государственными органами: все они существуют полностью или в определяющей степени за счёт государственных средств действуют по установленным государством правилам, между ними и государством установлены тесные, регулярные и законодательно определённые взаимоотношения.

Подобные объединения создаются не социально благополучными людьми с целью поддержания неблагополучных и даже не самими неблагополучными для решения собственных проблем, а государством для распределения части бюджетных средств, выделяемых на социальную помощь.

Указанные особенности позволяют отнести данные объединения к разряду «квазиобщественных» или полугосударственных. В практической плоскости характер этих взаимоотношений в Челябинской области можно наглядно продемонстрировать на примере материалов заседаний коллегии Министерства социальных отношений области, на которые регулярно приглашаются председатели региональных отделений объединений инвалидов. Основная роль, которую они там играют – это роль просителей. До начала массовой приватизации и резкого экономического спада существенную поддержку региональным отделениям всероссийских обществ слепых, глухих и инвалидов (далее соответственно: ВОС, ВОГ и ВОИ) оказывали производственные предприятия через систему своих социальных учреждений и фонды общественного потребления. В ходе приватизации и отказа новых владельцев от поддержания «социалки», как несвойственной рыночным отношениям функции, лишь единичные предприятия (прежде всего Магнитогорский металлургический и Челябинский электро-металлургический комбинаты) сохранили организационные структуры по поддержанию (прежде всего, своих) инвалидов труда и ветеранов. При Магнитогорском комбинате создан городской благотворительный фонд «Металлург», при

Челябинском – центр социального обслуживания. Интересы остальных социально-незащищённых категорий населения защищают государственные и муниципальные органы власти.

До принятия в конце 1995 г. федерального закона «О защите инвалидов в РФ» отношения между органами власти и объединениями инвалидов строились по принципу «государственного спонсорства», а после принятия закона были разработаны региональные нормативные акты, сделавшие финансовую поддержку этих объединений обязательной. С начала 2000-х гг. взаимодействие стало осуществляться на принципах «социального партнёрства», что на практике выразилось в разработке с учётом интересов объединений инвалидов целевых программ по поддержке инвалидов, привлечении представителей объединений инвалидов к разработке программ и контролю за их реализацией. Этот подход с некоторой корректировкой осуществляется и поныне. Вот, например, выдержки из выступления председателя областного отделения ВОИ по поводу своего видения социального партнёрства. «Это – оказание организационной помощи нашей организации отделами главного управления: техническое обслуживание оргтехники; юридические консультации. Юристы главного управления также могли бы оказывать ВОИ свою помощь; предусматривать в бюджете области и смете расходов главного управления отдельной строкой выделение финансовых средств, как защищенной статьи расходов, на выполнение мероприятий общественных организаций инвалидов; при начальнике главного управления создать малый совет, в составе специалистов ГУСЗНО и председателей ВОИ, ВОГ, ВОС, для обсуждения проблем инвалидов и подготовки предложений на Межведомственную комиссию при первом заместителе Губернатора области» [1]. Таким образом, ВОИ хотело бы получать от государства в лице Главного управления социальной защиты населения Челябинской области финансирование (желательно гарантированное), материальную и консультационную помощь. С этой целью хотело бы участвовать в принятии управленческих решений на уровне руководства главного управления.

Что же могло дать общество взамен? «В свою очередь, общественные организации инвалидов могли бы представлять главному управлению информацию по проблемам инвалидов; участвовать в разработке целевых программ по реабилитации инвалидов; проводить совместные семинары с участием начальников городских и районных управлений социальной защиты населения и председателей

городских, районных, сельских отделений ВОИ. Органы социальной защиты совместно с организациями ВОИ на местах могли бы создавать досуговые центры для инвалидов (по опыту Увельского района), проводить совместные мероприятия: День пожилого человека, День инвалидов, областные фестивали художественного творчества, спортивные мероприятия. Мы могли бы участвовать в комиссиях по обследованию малоимущих семей, по распределению гуманитарной помощи, в работе районных МСЭ» [2].

Из сказанного видно, что, ВОИ к самостоятельной деятельности по защите конституционных прав инвалидов было абсолютно не готово и видело себя лишь в качестве некоего придатка к государственным и муниципальным структурам.

Однако независимо от того, в каких формах осуществляется это сотрудничество, суть его остаётся неизменной: в зависимости от объёма предоставленных полномочий объединения просят или требуют от органов власти финансирования собственной уставной деятельности либо выполнения программ социальной защиты своих членов. Таким образом, будучи по форме общественными объединениями, по сути они являются бюджетными организациями. Вопреки ожиданиям эти организации не стали действительно общественными и реализуют свои уставные цели главным образом за счёт финансовой и иной поддержки органов государственного и муниципального управления.

1. Объединённый архив Челябинской области. Ф. Р-948. Оп. 18. Д. 1639. Л. 2.

2. Там же.

А.А. Базилян

РОССИЯ СЕГОДНЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ НОВАТОРА

К. Маркс писал, что каждая формация предполагает свой уклад жизни, формирует мировоззрение и социальные ожидания. Сейчас, при капиталистической формации, обучение в вузах сохранилось бесплатным, но заметно сократилось количество бюджетных мест, чтобы поступить нужно сдать ЕГЭ, специальности востребованы наперечет. У молодого поколения два выхода: стремиться попасть на

доходную работу или попытаться в современном социуме найти свою нишу (креативные люди). Если креативный контингент – это относительно низкий процент в социуме, доля избранных, талантливых оригиналов, то для остальных остается первый вариант и тут вступает в силу атрибут капиталистической системы – конкуренция.

Время, исторический этап, создает условия изменения раскладки сил. Россия в настоящее время уверенно вступила на путь изменений: взят курс на инновации. На первый взгляд незаметно как может быть связана государственная политика по модернизации с психологией человека. При вдумчивом осмыслении происходящих событий можно заметить, что в последние один-два года по всей стране наблюдается всплеск конференций, конкурсов, симпозиумов, летних научных школ, посвященных проблеме человека в современном обществе. Все эти мероприятия имеют одну цель – привлечь внимание и привлечь к деятельности наиболее талантливых, прогрессивно мыслящих людей. Все вышесказанное приводит к мысли, что у тех, кто имеет ценные идеи и желание быть причастным к переменам, есть реальная возможность заявить о себе и быть в широком смысле двигателем прогресса России в мире. В этой связи роль новатора нельзя переоценить. Новаторы – это целевая аудитория всех проводимых мероприятий, большей частью, научных. Здесь главной ценностью новатора, помимо личностных характеристик, является продукт психической деятельности – идея инновации.

В контексте вышесказанного интересно выявить детерминанты творческого мышления. Полученные результаты можно использовать, начиная от составления коррекционно-развивающих программ психологами до составления, изменения государственных программ в образовательной сфере. Актуальная проблема – поиски и поддержка одаренных детей и молодежи – поднималась на правительственном уровне часто, но до сих пор недостаточно известно об особенностях развития одаренных детей, их потребностях, мировоззрении, об устройстве их нервно-психической сферы.

Цель предлагаемой работы – изучение творческого мышления и его психологических детерминант. Задачи: – анализ-обобщение развития современного российского общества; – теоретический обзор проблем межполушарной асимметрии, толерантности к неопределенности, когнитивного стиля полезависимость/полenezависимость и творческого мышления; – проведение диагностического исследования, обработка результатов, математический анализ полученных

данных и подведение итогов исследования. Объектом исследования в этом случае является творческое мышление личности. Предметом – межполушарная асимметрия мозга, толерантность к неопределенности, полезависимость/полenezависимость мышления как психологические детерминанты творческого мышления личности. Предлагаем проверить две гипотезы.

Гипотеза 1. Толерантность к неопределенности и межполушарная асимметрия являются детерминантами творческого мышления.

Гипотеза 2. Когнитивный стиль полезависимость/полenezависимость является детерминантой творческого мышления.

База нашего исследования – ученики старшего звена гимназии № 3, гимназии № 14 и школы № 32 г. Улан-Удэ в возрасте от 14 до 17 лет. Общее количество респондентов: 135 человек. Изначально выборка составила 510 человек, но из них отобраны результаты тех, у кого высокий творческий потенциал, большинство из них оказались с доминантностью правого полушария. Этот факт подтверждает, что современная школа культивирует левополушарное мышление, у людей с таким мышлением способность к творческим решениям менее развита.

При размышлениях о творческом мышлении можно упомянуть фамилии ученых, представителей разных школ – А. Адлер, З. Фрейд, М. Вертгеймера, К. Коффки, А. Ньюэлла, А. Матюшкина, Д. Богоявленской, Я. Пономарева, Дж. Гилфорда, Э. Торренса. Их подходы настолько разные, а проблема творческого мышления очень сложная, что дать более или менее общее определение творческому мышлению достаточно проблематично, поэтому мы приведем характеристики каждой психологической детерминанты творческого мышления.

На основании первых же результатов исследований на больших с рассеченными межполушарными связями был сделан вывод, что левое и правое полушария обрабатывают качественно различную информацию. Между 3-м и 5-м годами жизни начинает формироваться доминантность левого полушария. В подростковом возрасте вновь доминирует правое полушарие [1]. Именно этими данными обусловлен выбор базы исследования: школьник в подростковом возрасте.

Понятие толерантности к неопределенности достаточно новое, поэтому целесообразно привести несколько определений: – Д.Л. Макклейн описывает толерантность к неопределенности как разброс реакций, от отвержения до привлекательности, при воспри-

ятии неизвестных, сложных, динамически неопределенных или имеющих противоречивые интерпретации стимулов; – К. Стойчева понимает по толерантностью к неопределенности характеристику индивидуальной саморегуляции в неопределенных ситуациях, базирующуюся на креативных способностях личности [2]. Современная ситуация развития общества недалеко от неопределенности, является условием проявления творческого мышления, поэтому детерминанта – толерантность к неопределенности наиболее показательна.

Приведем характеристику когнитивного стиля – полезависимость/полenezависимость. М.А. Холодная дает следующее определение: когнитивные стили – это индивидуально-своеобразные способы переработки информации о своем окружении в виде индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего. В современной зарубежной и отечественной литературе можно встретить описание около двух десятков различных когнитивных стилей. Впервые стилевой параметр полезависимости/полenezависимости был описан Г. Уиткиным в связи с изучением индивидуальных различий в пространственной ориентации, когда от испытуемого требовалось провести некоторые манипуляции с объектом под влиянием пространственного контекста. Чуть позже были описаны индивидуальные различия в перцептивной деятельности при решении задачи обнаружения простой детали в сложном геометрическом изображении. В ходе экспериментов выяснилось, что одни испытуемые полагаются на внешнее видимое поле, с трудом преодолевают его влияние, им требуется много времени, чтобы «увидеть» нужную деталь в сложном изображении (это явление получило название полезависимости). Другие испытуемые, напротив, склонны контролировать влияние зрительных впечатлений за счет опоры на некоторые внутренние критерии (в частности собственный проприоцептивный опыт), легко преодолевают влияние видимого поля, быстро находят деталь в сложном изображении (это явление получило название полenezависимости) [3].

В качестве диагностического инструментария нашего исследования выступили: опросник толерантности к неопределенности Д.Л. Макклейна MSTAT-1, субтест Э. Торренса «Незавершенные картинки», опросник «Определение стиля обучения и мышления» Э. Торренса, С. Рейнолдса, Т. Ригеля, О. Болла, методика «Фигуры Готтшальдта». Для математической обработки нами использован множественный регрессионный анализ (МРА), т.к. переменные из-

мерены в метрической шкале, имеют нормальное распределение и не коррелируют между собой на недопустимом для МРА уровне (не превышают 0.7). Обработка произведена с помощью программы SPSS 16.0. В результате подсчета исключена переменная «полезависимость/полнезависимость», регрессионные коэффициенты переменных «межполушарная асимметрия» и «толерантность к неопределенности» являются статистически значимыми, последняя переменная внесла наибольший вклад в регрессионную модель (у нее более высокий β -коэффициент). Таким образом, цель исследования достигнута, задачи решены. Гипотеза 1 – толерантность к неопределенности и межполушарная асимметрия являются детерминантами творческого мышления – подтвердилась.

1. *Ротенберг В.* Межполушарная асимметрия, ее функция и онтогенез. // Сайт психофизиолога Вадима Ротенберга. URL: http://rjews.net/v_rotenberg/glava6.html (Дата обращения: 20.05.2012).

2. Цит.по: *Гусев А.* Современный человек существует в мире неопределенности // Сайт института экзистенциальной психологии и жизнетворчества. URL: <http://institut.smysl.ru/article/tolerance.php>. (Дата обращения: 20.05.2012).

3. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004.

Раздел III

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ РОССИИ И ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ. ТВОРЧЕСТВО И ПОЛИТИКА

З.Г. Сактаганова, Д.К. Оспанова

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН В ПОСТРОЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В условиях политической модернизации Республики Казахстан были проведены политические реформы, позволившие создать новую политическую систему, сформировать новые институты гражданского общества. Общеизвестно, что ключевым элементом гражданского общества является неправительственный сектор. В настоящий момент неправительственный сектор в Республике Казахстан является развивающимся достаточно динамично.

Неправительственные организации (далее НПО) в последние десятилетия приобретают все более важное значение, стремятся вести открытый диалог с властями и содействовать развитию общества, разрешают различные проблемы посредством оказания социально значимых и необходимых услуг социуму. Именно поэтому современный этап развития человечества некоторые исследователи-юристы именуют «эпохой неправительственных и некоммерческих организаций» [1]. Между тем на начальном этапе развития государства неправительственный сектор существовал на грани выживания и содержался благодаря зарубежным грантам. В 1990-е гг. в республике еще не была сформирована целостная система взаимодействия и сотрудничества государства с НПО. Отсутствовала законодательная база деятельности неправительственных организаций. Кроме того, оказывать этому сектору существенную государственную поддержку

не позволяло и экономическое положение страны. Теперь же ситуация кардинальным образом изменилась, и сегодня, благодаря реальной поддержке деятельности НПО со стороны государства, неправительственный сектор является полноправным участником политического процесса [2].

Во многих странах мира уже давно осознали роль и реальное значение общественных организаций. Многие политики и представители государственных структур стремятся работать в тесном сотрудничестве с НПО. Теперь и в Республике Казахстан многоуровневая государственная политика выстраивается с учетом экономического веса и политического потенциала неправительственных обществ, а государство видит в НПО гаранта качественных, социально значимых услуг.

Несомненно, что неправительственные организации как составная часть гражданского общества выполняют важную функцию связующего звена между властью и населением. Государство и власть заинтересованы в развитии конструктивных контактов с НПО. Необходимость и неизбежность такого взаимодействия объясняется рядом объективных причин. Во-первых, большинство НПО решают задачи, которым государственные органы, в силу различных причин, должного внимания не уделяют. Это забота о малообеспеченных, больных, социально неблагополучных гражданах, содействие воспитанию и образованию детей и подростков, сохранению и развитию культуры, реальная защита прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией страны. Во-вторых, в ряде случаев неправительственные организации действуют гораздо оперативнее, успешнее и экономичнее, чем государственные учреждения, в силу того, что они более гибки и активнее применяют инновационные подходы к решению новых проблем. В-третьих, укрепление демократического государства и развитие местного самоуправления, объявленное приоритетными направлениями внутренней политики Казахстана, решающим образом зависят от формирования современного гражданского общества. Речь идет о разнообразных формах взаимодействия граждан, их добровольного участия в общественных делах. В роли «несущих конструкций» такого гражданского общества выступают именно НПО [3].

На территории Казахстана по законодательной базе могут действовать национальные, иностранные или международные неправительственные организации. НПО в Казахстане являются самостоятельными, не имеют над собой вышестоящих, координирующих ор-

ганизаций и отчитываются исключительно перед грантодателями и донорами. За последние годы количество официально зарегистрированных неправительственных организаций значительно увеличилось. Так, на сегодняшний день количество НПО в РК достигло более шести тысяч. Характерными чертами развития третьего сектора в Казахстане является: значительная активность, вовлеченность в жизнь общества, возрастающее признание того факта, что неправительственные организации могут иметь важное положительное влияние на развитие общества в целом. Своей деятельностью НПО в Казахстане охватывают практически все общественно значимые сферы. Это вопросы экологии, социальной сферы, образования, культуры, здравоохранения, гендерных отношений, защиты прав человека и др.

Сегодня отношения государства и неправительственных организаций выходят на принципиально новый уровень. Речь идет о формировании новой модели отношений, в которой государство и НПО выступают партнерами. И поэтому очень важно определить стратегию совместной работы. Ведь цель преследуется общая – обеспечение устойчивого продвижения по пути либерализации, построение экономически сильного, правового государства, развитого гражданского общества [4]. Анализ деятельности существующих НПО показывает, что казахстанские неправительственные организации в достаточной степени соответствуют трем критериям идеального НПО: добровольность, законность, значимость.

В целом, высокий уровень соответствия НПО критерию «добровольность» дает право утверждать, что неправительственный сектор является качественно новым феноменом общественной жизни страны, хотя и имеет исторические корни в советском прошлом. Самый же низкий уровень соответствия неправительственных организаций приходится на такие критерии идеального НПО, как устойчивость, влияние, прозрачность. Проблема устойчивого развития неправительственного сектора в настоящее время особенно актуальна, поскольку прежние источники их финансирования, в виде различных зарубежных донорских агентств [5], начиная с 2003 г. заметно сокращают объемы своих грантовых программ, в том числе, в связи с положительной динамикой развития экономики страны.

Анализируя существующее взаимодействие власти и НПО, можно сказать, что встают проблемы дальнейшего совершенствования законодательства по вопросам деятельности некоммерческих организаций, усиление роли неправительственного сектора в жизни

казахстанского общества, формирование правовых процедур государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Для того, чтобы неправительственный сектор Казахстана приобрел более устойчивую траекторию развития, необходимо срочно воплощать в жизнь программу создания отечественной инфраструктуры поддержки и развития неправительственных организаций, которая соответствовала бы общей стратегии развития страны.

1. *Salomon L.M.* The rise of Nonprofit Sector // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. July – August.

2. Современные демократические преобразования в Республике Казахстан. Научное издание. Алматы, 2008. С. 152–166.

3. *Шагирова А.* Спасательный круг для НПО // За строкой Послания. 2006. № 1. С. 43–46.

4. Из выступления Н. Назарбаева на Гражданском Форуме, состоявшемся в г. Астане 14–15 октября 2003 г.

5. *Саханов Н.* Неправительственный сектор: проблемы и перспективы развития // *Мысль*. № 12. С. 7–10.

М.А. Жигунова

КУЛЬТУРА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XXI В.: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

К началу XXI в. человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, в том числе и в Западной Сибири. Подавляющее большинство современных жителей этого региона приходится на русских. Их культура представляет собой сложный, многогранный феномен, характеризующийся широким диапазоном вариативности традиционно-бытовых форм, наличием многослойных напластований и синкретизмом различных традиций. Во многом это обусловлено особенностями заселения и расселения, многообразием природно-географических зон и активностью контактов с представителями различных народов, религий, культур. Представленный доклад родился в результате осмысления многолетних историко-этнографических, этносоциологических, культурологических и музееведческих исследований автора, проведенных в различных регионах Западной Сибири и Северного Казахстана.

© *М.А. Жигунова, 2012*

Современные унифицирующие тенденции этносоциального развития ведут к стиранию этнокультурного многообразия (хотя и существует такое явление как этнокультурный парадокс). Глобализация способствует все большему распространению массовых форм культуры, которая сужает ее многочисленные функции только до одной – развлекательной. Между тем, народная культура несет в себе огромный воспитательный, образовательный, нравственный, патриотический потенциал. Традиционно носителем русской этнической специфики в России считалось сельское население, на долю которого еще в начале XX в. приходилось 80 %, сейчас большинство проживает в городской местности. В условиях города бывает трудно, а зачастую – невозможно воспроизводить свои этнические традиции. Но иногда именно город возрождает конкретную народную традицию и транслирует ее в сельскую местность («вторичные формы культуры» или явление «фольклоризма»). Например, в Омской области с 2000 г. проводятся Межрегиональные праздники «Егорий Хоробрый», «Покровская ярмарка» и др.

Настоящий период времени характеризуется не только экономическим кризисом, но и кризисом идентичности (самоопределения). Наибольшее затруднение вызывает социальная стратификация, поскольку изменились критерии ее определения, появились новые социальные слои, зачастую образование и происхождение не соответствуют реальной ситуации. С каждым годом растет количество лиц, затрудняющихся четко определить свою этническую/национальную принадлежность либо указывающих смешанную и множественную идентичность. В XXI в. «оценка людьми своей принадлежности к определенной нации станет чрезвычайно существенной, поскольку признаки этнической принадлежности людей заключаются не в отмирающей показной символике..., а в полных глубокого значения традициях их народов» [1]. В семьях 70 % русских имеются близкие родственники других (почти 100) национальностей. В материалах Всероссийской переписи населения 2010 г. среди вариантов национального самоопределения встречались и сибиряки. В настоящее время можно говорить о явной тенденции перерастания топонима «сибиряк» в этноним, поскольку фиксируется рост регионального самосознания и количество соответствующих самоопределений [2]. В начале XXI в. появилась возможность полноценного исследования религиозного фактора в жизни российского общества. Около 70 % респондентов считают себя православными. При этом треть из них не

принимали обряд крещения, более половины не носят нательный крест, не знают молитв, нерегулярно ходят в церковь, не знают и не отмечают религиозные праздники, не соблюдают религиозные посты и т. д. Количество воцерковленных людей не превышает 10 %.

Традиционно элементы культуры наиболее стойко сохранялись и передавались новым поколениям в сфере семьи. Социологи бьют тревогу и говорят о кризисе семьи как социального института, поскольку ценность семьи, семейного образа жизни, детей резко снизилась. Тем не менее, в Сибири в целом, ситуация более позитивная, чем в Европейской части страны. Для большинства русских сибиряков характерной остается традиционная модель семьи, исполняющей воспитательную, социальную, психологическую, экономическую функции. Главным поводом для вступления в брак является любовь, слово «семья» чаще всего вызывает позитивные представления. Современные семьи, как правило, состоят из 2-х поколений, и далеко не всегда возглавляются мужчинами. В целом, позже стали создавать семью (это – общеевропейская тенденция), средний возраст невест составляет 22–25 лет. Интересно, что для большинства молодежи отсутствие брачных уз не ограничивает их половую жизнь, а разнообразные сексуальные связи считаются нормальными, а для юношей – даже обязательными. Между тем, медицинские работники утверждают, что чем больше половых партнеров имела девушка до замужества, тем сложнее ей будет забеременеть. Как тут не вспомнить старинную русскую традицию, согласно которой девушка обязана была хранить свою девственность («честь») до замужества. Изменяются ролевые функции половозрастных групп, более независимыми становятся женщины и молодежь, увеличивается количество так называемых «гражданских браков» – сожительства. Активизирует этот процесс прогрессирующая урбанизация, отток молодого поколения в городскую местность. Современная молодежь зачастую не готова к самостоятельной семейной жизни. Не хватает пропаганды позитивных примеров счастливых и многодетных семей, положительно отцовства и материнства. Происходит изменение репродуктивных установок, не все современницы хотят рожать детей, превалирует желание иметь одного ребенка или двух.

Актуализировалась проблема сохранения и передачи историко-культурного наследия [3]. Наличие разветвленной сети музеев различного профиля ориентированы на ее решение. Но, в большинстве своем, в музеях представлена материальная культура. Между тем,

основные зоны сохранения этнической специфики находятся в духовной сфере, обрядах, религии, традициях. Профессиональная культура все чаще принимает на себя функции фольклорной. Традиционные обряды и праздники, как правило, организуются и проводятся работниками культуры. Книжные полки пестрят различными названиями типа «Как провести свадьбу в народной традиции», «Национальная кухня» и др. К сожалению, нередко подобные издания выпускаются не профессионалами. Современные СМИ зачастую способствуют формированию негативных социальных стереотипов.

В целом, современные социокультурные процессы у русского населения Западной Сибири протекают в русле общероссийских, но сохраняют отдельные специфичные черты. Используя уже имеющийся положительный опыт, необходимо продолжить научно-исследовательскую, методическую, образовательную, воспитательную и культурно-просветительскую деятельность по восстановлению культурной преемственности, восполнению дефицита информации по особенностям региональных и локальных культурных традиций.

1. *Льюис Д.* После эпохи атеизма: Религии и народы России и Средней Азии. СПб., 2001. С. 112.

2. *Ремнев А.В.* Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития.* 2011. № 3 (62). С. 109–128; *Жигунова М.А.* Сибиряк как новая национальность: миф или реальность? // *Родина.* 2011. № 11. С. 11–15.

3. *Жигунова М.А.* Этнокультурная идентичность русских: современные проблемы изучения и сохранения // *Феномен идентичности в современном гуманитарном знании.* М., 2011. С. 337–350.

Т.А. Алимбаев

СОВРЕМЕННЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Обретение независимости, начало которой положила Декларация «О государственном суверенитете Казахской ССР» от 25 октября 1990 г., послужило первым этапом обретения культурой собственного суверенитета. Не случайно поэтому в статье 2 Декларации было установлено, что возрождение и развитие самобытной культу-

ры, традиций, языка и укрепление национального достоинства является одной из важнейших задач государства. Впервые было установлено суверенное право Казахстана исключительной собственности на культурные ценности народа. Подчеркивалось, что Казахская ССР отныне самостоятельно решает вопросы, связанные с национально-культурным строительством в республике. Государственная политика в области культуры в настоящее время регулируется Законом «О государственной независимости Республики Казахстан» от 16 декабря 1991 г., Конституцией Республики Казахстан, Законами «Об охране и использовании историко-культурного наследия», «Об авторском и смежном правах», «О языках», «Об общественных объединениях», «О культуре» и др.

С обретением государственной независимости в духовной сфере казахстанского общества создалось широкое пространство для саморазвития, свободы от идеологических догм и стереотипов. Это позволило, по мнению исследователей, преодолеть схематизм и однообразие во всех структурных элементах духовной жизни [1].

Исследуемый период в области культуры характеризуется, прежде всего, обращением к человеческим ценностям, полнокровному возрождению прогрессивных народных традиций и обычаев, возвращению к гуманитарным наукам, искусству, моральным богатствам народов, сохранению национальной индивидуальности во всех сферах культуры, признанию ценности и самостоятельности всех национальных культур. Следует отметить возрождение и проведение праздника «Наурызмейрамы», превратившегося с начала 1990-х гг. в ежегодный общенациональный праздник, нравственным содержанием которого стала политика согласия, добра, справедливости, гуманизма и терпимости. Он стал проводиться повсеместно ежегодно с активным участием представителей всех проживающих в республике наций и национальностей. Традиционным атрибутом крупных общенациональных и региональных мероприятий стали неповторимые интеллектуальные состязания акынов-импровизаторов – айтысы, возрожденное творчество жыршы, термеши, популяризация и культивирование национальных ритуалов, обрядов и игр. Наряду с ними стали возрождаться и развиваться национальные праздники, обычаи, традиции и культура всех этносов, проживающих в республике. По данным Министерства культуры республики, культурно-досуговыми учреждениями только в 1995 г. было проведено свыше 180 тыс. мероприятий, с охватом около 24 млн человек, что почти на

1 млн человек больше, чем в 1994 г. Репертуарная афиша театров и музыкальных коллективов обогатилась в этот период новыми постановками и концертами, отражающими в большей степени казахстанскую тематику. Таких произведений современных авторов в репертуаре казахских театров только в 1995 г. было более 48 % от общего количества новых постановок. В целях дальнейшего развития театрального искусства ежегодно стали проводиться фестивали. Они были посвящены юбилеям Курмангазы, Абая Кунанбаева, Жамбыла Жабаева, М. Ауэзова, К. Сатпаева, С. Сейфуллина, Б. Майлина, М. Жумабаева и других видных деятелей государства, науки и культуры страны. Важную роль в развитии профессионального музыкального искусства в республике играют ставшие традиционными, всемирные конкурсы и фестивали в г. Алматы: «Азия даусы», «Жигиттын султаны», «Жас канат», «Ермек Серкебаев приглашает» и др.

1990-е гг., явившиеся периодом становления казахской государственной культурной политики, положили также начало трансляции, интегрирования культуры Казахстана в мировое культурное пространство [2]. В этих целях Правительством республики, Министерством культуры были проведены многочисленные мероприятия по презентации культуры Казахстана на международном уровне. Эти мероприятия, начались в 1992 г. Всемирным курултаем казахов, имевшим большой общественный резонанс. Он впервые собрал со всех концов планеты известных соотечественников: писателей, поэтов, художников, политологов, ученых, бизнесменов. Дни Абая в Москве, Санкт-Петербурге, Париже, Узбекистане, Турции, Китае, Монголии, Ираке и на Украине, а также международный фестиваль в Алматы «На земле Абая» положили начало интегрированию Казахстана в мировое культурное пространство. Они способствовали как пропаганде миру многокрасочной палитры культурной жизни суверенной Республики Казахстан, так и росту профессионального мастерства творческих коллективов и отдельных исполнителей. При этом следует отметить, что если в прежние времена идеология «лаборатории дружбы народов» сквозила и в мероприятиях, проводимых по линии культуры, то нынче в культурных программах, презентуемых на международном уровне, преобладают номера, идущие от традиций казахского народного творчества и фольклора [3].

После обретения независимости Казахстан становится родной и для представителей 114 национальностей. Ежегодно в республике с целью развития национальных культур стали проводиться

1 мая – День единства народов Казахстана, смотры, конкурсы, фестивали, праздники немецкого, корейского, уйгурского, татарского, башкирского, еврейского, курдского и других национальностей. Проведением этих мероприятий наряду с государственными органами власти занимаются в республике более 100 национально-культурных центров и объединений. Плодотворную работу проводят театральные и музыкальные профессиональные коллективы уйгурского, немецкого, корейского народов. Например, для решения проблем этнического возрождения немецкого населения республики в 1993 г. была принята государственная программа этнического возрождения немцев, проживающих в Казахстане. В ходе реализации данной программы в республике, в местах компактного проживания немцев, были открыты группы в дошкольных учреждениях, классы и группы в школах с обучением и воспитанием на немецком языке и изучением немецкого языка как родного. Функционирует немецкий драматический театр, профессиональные и самодеятельные немецкие коллективы. Достигнутые Казахстаном к началу XXI в. темпы экономического роста оказали положительное воздействие на развитие культурных процессов.

Примером плодотворного контакта государства и культуры в современном Казахстане может считаться Государственная программа «Культурное наследие». Реализация Программы основана на двуединой задаче «формирования такой социокультурной общности, которая опиралась бы на богатейший пласт языковой, духовной и материальной культуры казахского народа, а также всех этносов, проживающих в нашей стране, и одновременно – на органическом восприятии многогранного опыта духовно-культурного развития всей мировой цивилизации. Настоящая Программа определяет основные аспекты, связанные с изучением, охраной, использованием и пропагандой культурного наследия страны, преемственностью развития и возрождения историко-культурных традиций, предусматривает меры по созданию целостной системы изучения культурного наследия, в том числе и современной национальной культуры, фольклора, традиций и обычаев, обобщению многовекового опыта национальной литературы и письменности, а также реставрации памятников истории и культуры, укреплению и развитию научно-исследовательской, материально-технической составляющих вопросов культурного наследия. Разработка данной Программы была продиктована необходимостью более активного и конструктивного вмешательства

ства государства в решение вопросов сферы культурного наследия путем планомерного финансирования деятельности по сохранению и рациональному использованию имеющихся культурных ценностей. Таким образом, обретение Республикой статуса суверенного государства открыло новые пути для развития национальной культуры.

1. История Казахстана с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Алматы, 2010. Т. 5. С. 527.

2. *Баймагамбетов С.З.* Современная социально-культурная политика Республики Казахстан. Астана, 2001. С. 164.

3. Там же. С. 207.

С.Д. Бакулина

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Современные тенденции глобального социокультурного изменения, находящие выражение в преобладании таких видов культурной динамики, как аккумуляция, интеграция, трансмиссия культуры, с одной стороны, и культурная экспансия, диверсификация, глобализация – с другой, по-разному определяют вектор социокультурных ориентаций. Первые актуализируют преемственность в передаче культурного опыта, формирование культурного наследия и его трансляцию через систему учреждений, обращенных к сохранению, в том числе самобытного наполнения места (библиотеки, музеи); обратный процесс приводит к «истощению» культуры. Вторая группа процессов динамики культуры направляет общество на взаимодействие с внешними культурными полями, результатом чего становится не только увеличение степени культурного разнообразия (культурный плюрализм), но и ускоренная интеграция наций в мировую социокультурную систему. Это происходит посредством взаимодействия экономических, политических, транспортных систем, через ориентацию культурного развития регионов на создание единообразной стратегической модели, унифицирующей региональную культуру, «растворяя» ее в системе метакультур, где историко-культурная самобытность теряет свою значимость.

© *С.Д. Бакулина, 2012*

Актуальность вопроса о способах и ориентирах формирования стратегий регионального развития не вызывает сомнения. Если ориентация на мировые тенденции социокультурной трансформации стандартизирует развитие общества в структуре метакультур, то акцент на самобытные установки развития места имеет иной результат. Регион репрезентуется как территория с уникальной исторической судьбой в различных формах социокультурных практик, если учитываются особенности формирования его образа, который сложился на основе совокупности символов и архетипов, связанных с конкретной территорией, накопленных в определенной культуре и представленных через произведения искусства (например, через литературу, музыку, живопись, документальные источники).

Доминирующие стратегии регионального развития, на которых остановим внимание, определяют выбор модели, необходимой для решения проблемной ситуации места с учетом имеющегося научно-стратегического знания о культурных факторах, механизмах, закономерностях, знаковых для того или иного региона, что позволит выделить приоритетные векторы в процессах формирования региональной культурной политики.

1. *Социостатическая и социодинамическая стратегии* направлены а) на соответствие непрерывным изменениям и отражение нового содержания культурного развития в определенную эпоху («социодинамическая модель»), б) на популяризацию культурных потребностей у значительного количества людей («популистская модель»), в) на распространение культурных ценностей в соответствии с целями определенной политической партии («патерналистская модель»), г) на оснащение каждого человека индивидуальной культурой («эkleктическая модель») [1].

2. Модель *либеральной культурной политики* характеризуется рынком культурных товаров и услуг, а доминантой *государственной бюрократической* модели становится государство, контролирующее с помощью аппарата и финансов сферу культуры [2]. Определяющий критерий для формирования стратегий – характер политического устройства и место государства в осуществлении культурной политики. Так, результат реализации либеральной модели нередко приводит к лишению субъектов культуры самостоятельности, приоритетом выбора государственной бюрократической модели может стать финансовая защита и поддержка культурной сферы.

3. Основной чертой модели *национально-освободительной культурной политики* – развитие или утверждение оригинальных культурных традиций, подавлявшихся ранее (например, в силу колониальных особенностей государства). Однако опасность могут представлять тенденции к национализму, выраженные в неприятии итогов социокультурной деятельности управляющих систем, выполненных в предыдущий период, и отрицание культуры национальных меньшинств. Модель *переходного периода* нередко отягощена неспособностью государства отказаться от командно-бюрократических методов управления в условиях формирования демократических ориентиров.

4. Наиболее актуальными сегодня становятся стратегии, ориентированные *на традиционную идею общественной поддержки и искусства и на рынок*. Выбор *традиционной* модели приведет к доминированию региональных направлений, сфокусированных на интересе к традиционно главным институтам культуры (музеи, театры, библиотеки) при очевидном невнимании к созданию условий для инноваций. При выборе *рыночной* модели секторы общественной жизни будут регулироваться рынком, причем культурная деятельность, не способная доказать свою экономическую состоятельность, может быть оценена как бесперспективная и лишиться поддержки спонсоров. По мере того как рынки все более будут заменять государство в деле финансирования культуры, усилится процесс общей интернационализации культуры, поэтому существует вероятность того, что в будущем государство может стать источником инноваций, обеспечивая культуру гибким финансированием с привлечением различных фондов, а население – культурными услугами, ориентированными на конкретного клиента [3].

Региональная культура, тесно связанная с культурой глобальной, призвана органично учитывать как глобальные тенденции, так и местные особенности. Современный регион, представляя собой конкретный объект управления (от лат. *regire* – править), делает попытки перейти на новую стратегию культурной политики, находящую выражение в региональных программах социокультурного развития, ориентированных на историко-культурную самобытность места. Показателем значимости этого фактора может стать тенденция к увеличению этнокультурных центров, национально-культурных автономий. Например, в начале 2012 г. в Омской области было зарегистрировано 38 НКА (в 2009 г. – 21, 2010 г. – 27, 2011 г. – 37), в Но-

восибирской области – 36 НКА (в 2009 г. – 25, 2010 г. – 29, 2011 г. – 34), в Кемеровской области – 12 НКА (2010–2011 гг. – 11), в Алтайском крае – 27 НКА (2019 г. – 21, 2010 г. – 25, 2011 г. – 27) [4]. Тем не менее, эта работа часто бывает малоэффективной, поскольку стратегия культурного развития региона не всегда опирается на научно обоснованную методику и технологию. При разработке новых механизмов региональной культурной политики на всех ее уровнях следует глубоко и всесторонне анализировать ее теоретико-методологические основания, уточнять целевые установки, четкое определение объекта и субъекта, механизмы их взаимосвязи и взаимодействия. В ситуации смешения характерных черт различных, часто противоположных, моделей, итог трудно спрогнозировать.

Результаты региональной трансформации взаимосвязаны с утверждением мировых, общегосударственных стандартов формирования аксиологической компоненты, что способно унифицировать образ региональной культуры, растворяя ее в единой системе метакультуры. Следовательно, стратегии регионального развития, ориентированные на самопрезентацию региона в новых формах его представленности, на основе историко-культурной самобытности, позволяют преодолеть а) кризисное состояние культуры в целом и б) дезориентацию субъекта в нестабильном поле межкультурных взаимодействий в частности.

1. *Моль Абраам*. Социодинамика культуры. М., 2008. 416 с.

2. *Драгичевич-Шешич М., Стойкович Б.* Культура: менеджмент, анимация, маркетинг. Новосибирск, 2000. 227 с.

3. *Востряков Л.* Культурная политика: основные модели и концепции // Экология культуры: информационный бюллетень комитета по культуре администрации Архангельской области. 2004. № 1(32). URL: <http://www.dvinaland.ru/culture/site/Publications/EoC/EoC2004-1/07.pdf> (дата обращения: 15.03.2012).

4. Информация о национально-культурных автономиях // Информационный портал Министерства юстиции РФ. 2009–2012. URL: <http://unfo.minjust.ru/NKAs.aspx> (дата обращения: 20.03.2012).

**ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ
НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Россия – исторически многонациональное государство. Однако, несмотря на многовековой опыт, взаимодействие различных национальностей на территории нашей страны по сегодняшний день нередко носят проблемный характер. Существуют трудности в вопросах взаимовлияния и взаимопроникновения различных национальных культур, веротерпимости и многого другого. Все эти проблемы сегодня должны находиться в сфере центральных интересов культурной политики государства. Культурную политику определяют, как направление политики государства, связанное с планированием, проектированием, реализацией и обеспечением культурной жизни государства и общества. Культурная политика государства реализуется им на разных уровнях. В данном случае нас интересует культурная политика регионального уровня, конкретно – многонациональных регионов.

Безусловно, культурная политика многонациональных регионов имеет свои специфические задачи. Она должна обеспечить культурную жизнь региона таким образом, чтобы учесть интересы, по возможности, всех людей, проживающих на данной территории, беря во внимание их этническую и национальную принадлежность. В общем смысле можно сказать, что задача культурной политики – помогать культуре каждого народа беспрепятственно развиваться. Одинаково важны как материальная помощь, так и пропаганда терпимости и уважения между представителями различных этнических и национальных культур.

На сегодняшний день круг проблем, касающихся культурной политики многонациональных регионов достаточно широк. На территориях с многонациональным составом населения можно наблюдать достаточно негативные крайние проявления межэтнической напряженности.

Одним из многонациональных регионов России является Курганская область. Помимо преобладающей доли русского населения в области проживают представители около 100 национальностей,

среди которых наиболее хорошо представлены такие национальные группы, как: татары, башкиры, казахи, украинцы, белорусы, немцы, армяне, азербайджанцы, удмурты, чувашаи, молдаване (по результатам переписи населения 2002 г.).

Курганская область не лишена ряда проблем, присущих многонациональным регионам сегодня. Среди представителей населения Курганской области имеют место быть проявления экстремизма, ксенофобий, антисемитизма и т. п. К примеру, в июле 2012 г. Управлением Генеральной прокуратуры в УРФО было возбуждено дело против молодого жителя Курганской области, обвиняемого в нанесении надписей антисемитского и ксенофобного характера на стены зданий города. В апреле 2010 г. в городе было возбуждено уголовное дело по факту осквернения местной соборной мечети.

Приведем некоторые данные из беседы с представителями курганской городской организации «Фонд «Еврейский культурно-благотворительный центр «Хэсэд-Хаим» («Милосердие-Жизнь»). Центр был создан в декабре 2003 г. Фонд осуществляет свою деятельность при поддержке Американского Еврейского Объединенного Распределительного Комитета «Джойнт». Представителями Фонда была отмечена спонсорская помощь Израиля, Германии, при остром недостатке материальной поддержки со стороны города и области. У представителей других национальных культур области дело с местным финансированием едва ли обстоит лучше.

Есть, конечно, и положительные моменты. В том же еврейском фонде отмечают проведение в городе и области различных фестивалей (например, городской фестиваль народных культур «Венок Дружбы»), различных праздников, концертов (областной праздник национальных культур народов Зауралья, посвященный Дню России, «Молодежный венок дружбы»), на которые приглашают представителей национальных организаций, имеющих в области. Такие мероприятия открывают культурный мир того или иного этноса, пропагандируют общение, терпимость и дружбу между представителями различных этносов.

В Курганской области действует организация «Ассамблея народов Зауралья», которая является ответвлением от общероссийской организации «Ассамблея народов России». У Ассамблеи есть свой сайт, где отмечены 16 национальностей, представленных в области наиболее массово. Ассамблеей совместно с Правительством Курганской области регулярно проводится, к примеру, областной фес-

тиваль башкирской культуры, организуются национальные праздники (к примеру, татарский национальный праздник – Сабантуй), организуется празднование Дня России на подворьях различных национальностей.

Немаловажно для многонациональных регионов этнокультурное образование молодого поколения, которое в Курганской области на сегодняшний день развито не так широко, как хотелось бы. Однако в 25-ти школах региона изучаются родные языки-татарский, башкирский, казахский.

По инициативе губернатора области 2012 г. объявлен годом «Молодежь Зауралья за дружбу и сотрудничество народов».

В развитии этнокультурной политики существенную роль играют и СМИ. В программе основных направлений госполитики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций в России до 2015 г. говорится о создании на региональных ГТРК и радиоканалах в том числе программ, направленных на сохранение национальной культуры народов России. В Курганской области регулярно финансируется выпуск областной газеты башкир и татар «Замандаш», на Радио России-Курган выходят передачи «Туган Як», «Родной край». В той же Программе подчеркивается: «Базовым элементом государственной политики по сохранению культурного наследия России является сохранение традиционной народной культуры».

В сохранении национальных культур закладывается подлинное многообразие идей и традиций, в котором человечество сможет черпать материал для будущего развития. Современное общество живет в ситуации постоянных контактов друг с другом и ни одно из современных европейских государств не является однородным. Возможно, и в области этнокультурной политики будут актуальны слова американского психолога К. Роджерса: «Самое глубинное в людях – самое общее».

З.Г. Сактаганова, А.С. Суинова

ИСЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Начало нового столетия ознаменовалось бурным подъемом ислама, мусульманское сообщество, насчитывающее в своих рядах полтора миллиарда человек, превращается в важного участника международных отношений. Ислам становится все более серьезным фактором в мировой политике и экономике, но ислам начала XXI в. совсем не такой, каким он был в XIX или даже в XX вв. Трансформация ислама осуществляется людьми, и сегодня ислам можно назвать эволюционирующей силой нового столетия.

После распада Советского Союза, в Казахстане, как и во всей постсоветской Центральной Азии, ставшей новым регионом с независимыми государствами, стало наблюдаться то, что получило название «исламского возрождения»: рост количества верующих среди «этнических мусульман» и тех наций и народностей, для которых ислам не был традиционной религией, резкий рост количества мечетей и всей инфраструктуры ислама (образовательные и просветительские учреждения и т. д.), также расширение информационно-пропагандистских возможностей исламских организаций и ассоциаций.

Коренное население Казахстана исповедуют ислам, начиная с X в., после образования на территории Республики Империи Караканидов. В современном Казахстане специфика действия исламского фактора заключается в том, что длительное время религиозные деятели преследовались, и многие традиции казахов были просто утрачены. Крушение коммунистической системы повлекло за собой уход советской идеологии, и как следствие был образован духовный вакуум. Всплеск интереса к исламу был обусловлен желанием общества заполнить его. По данным Духовного управления мусульман Казахстана (ДУМК) в Казахстане по состоянию на 2008 год проживает около 9 миллионов мусульман, что составляет 67 % населения. Из 2337 мусульманских объединений, действующих в Казахстане, 2334 – суннитского, 3 объединения – шиитского направления [1]. На территории Казахстана по состоянию на 1 января 2011 г. в общей

сложности функционирует более 5 тыс. мечетей и ведётся их активное строительство во многих регионах страны [2].

На фоне возрождения традиционного ислама, в Казахстане стала наблюдаться и другая тенденция, которая может дестабилизировать социально-политическую обстановку. Эта тенденция распространения радикальных и фундаменталистских течений ислама, которая приняла на сегодня форму религиозного экстремизма. Это явление окутало сеть своего течения весь Ближний Восток, постепенно перекинулось в Закавказье и активно проникает в страны Центральной Азии. В свете произошедших событий лета 2011 г. в Западном Казахстане, мы видим реальную угрозу данной тенденции. Трагические события в Актюбинской, Атырауской, Мангистауской областях демонстрируют нам, что глобализация деятельности различных экстремистских организаций пустила свои корни и в Казахстане.

Борьба с экстремизмом – вопрос первостепенной значимости в сегодняшнем Казахстане. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в ходе заседания Совета Безопасности 22 июля 2011 года поручил правоохранительным и иным государственным органам жестко и своевременно реагировать на проявления экстремизма в стране. Несмотря на то, что Казахстан провозгласил себя светским, правительство не может остаться в стороне от регулирования отношений в религиозной сфере, так как от этого зависит спокойствие и благополучие республики.

Для того чтобы понять, что представляет собой противник, стараемся понять его истинную сущность и цели. Экстремизм – это приверженность крайним взглядам и, в особенности, мерам. Среди таких мер можно отметить провокацию беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции, методы партизанской войны. А приставка «религиозный» подразумевает приверженность к какому-либо вероисповеданию. Однако на деле экстремистские организации представляют из себя далеко не обще-идеологические объединения. Большинство из них лишь прикрываются принадлежностью к мировым религиям, а на самом деле пропагандируют свои политические интересы. Бывает, что традиционная вера трансформируется в экстремистские настроения и это не внутрирелигиозные процессы, сама вера не подталкивает к этому, как считает заведующий отделом философии культуры и религии Института философии и политологии Комитета науки МОН РК Анатолий Косиченко [3]. Основные идеологии, который вобрал в себя религиозный экстре-

мизм, звучат под лозунгами таких фундаменталистских течений как «ваххабизм», «салафизм», таких радикальных группировок как «Хизб-бут-Тахрир», «Исламское движение Узбекистана», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Аль-Каида», «Курдский народный конгресс», «Асбат-аль-Ансар», «Братья мусульмане», движения «Талибан», «Джамаат моджахедов Центральной Азии» и мн. др.

Каждое из этих движений имеет своё отличие друг от друга, но цели в принципе одни и те же – это сублимация экономических требований, нетерпимость к произволу местной власти и социальной несправедливости. По сути дела данные экстремисты используют ислам только как своё идеологическое оружие. Для образованных людей, является ясным, что религия, особенно мировая не будет нести в себе идеологию зла, которая бы призывала людей уничтожать друг друга ради каких-либо целей и намерений.

Такое движение как «ваххабизм», которое постепенно проникает в регионы Казахстана, претендует на монопольное обладание истиной всего мироустройства. Идеологическим лидером данного течения является Мухаммад ибн Абд аль-Уаххаб (Ваххаб), который осуществлял свою деятельность в XVI веке в пустынных просторах Неджда. Именно этот человек стал одним из создателей идеологии современной Саудовской Аравии. Из истории мы знаем, что создатель самого развитого государства на Аравийском полуострове – Мухаммад ибн Сауд руководствовался идеями ваххабизма и помощью английской внешней разведки. И по сей день, эта страна живет по канонам данного течения в рамках ханбалитского мазхаба.

Любое политическое разделение уммы (исламской нации) или гражданская война рассматриваются в ваххабизме как фитна (раскольничество, нарушение исламского единства).

Основные принципы ваххабизма были заключены в данных постулатах:

- 1) Строгое соблюдение принципа таухида (единобожия);
- 2) Отрицание новшеств в религии (бид'а); разделение понятия новшества на языковое и религиозное;
- 3) Критика всеобщего таклида (следование какому-либо одному мазхабу (школе исламской правовой мысли);
- 4) Признание понимания саяфов («праведных предков») как единственно правильного в толковании атрибутов и имён Аллаха (отрицание иносказания в таких атрибутах как «йад» (рука), то есть утверждение, что все атрибуты Аллаха должны толковаться «как есть» без иносказаний и без уподобления сотворённому) [4].

Джихад – «священная война», понятие в исламе, которое по сути означает усердие на пути Аллаха, считалось неотъемлемой основой идей ваххабистского течения. Ибн Абд аль-Уаххаб признал, что джихад является одной из главнейших обязанностей каждого истинного последователя «чистого ислама». Эта война должна быть объявлена в первую очередь тем нечестивцам, которые, называя себя мусульманами, осквернили начальный ислам чуждыми заимствованиями и превратили его в многобожие. Мы наблюдаем, что и в нынешнее время идея джихада является основным инструментом современного исламского радикального течения.

Но кроме названия мало что объединяет ваххабитов Саудовской Аравии с последователями Аль-Уаххаба на Северном Кавказе и в Центральной Азии. Ваххабизм в данных регионах появился в качестве новой политико-религиозной силы. Он принял наиболее ожесточённые и радикальные формы изначального смысла данного течения. Более того, ваххабизм претендует на монопольное обладание истиной и призывают к беспрекословному повиновению своим вождям, будучи не вправе обсуждать их морально-нравственную сторону. Подобная идеология, естественным образом, будет осуществлять вооружённую экспансию, считая правомочными агрессивные действия в отношении всех, кого они считают чужаками – а это любой, кто не считается, по их мнению, мусульманином, не принадлежит данному течению и проводит в жизнь политику, отличную от ее установок.

1. Солодченко М.А. Мировые религии в контексте современной культуры: новые перспективы диалога и взаимопонимания. Санкт-Петербург, 2011. № 3. С. 34–40.

2. Сведения Комитета по делам религий Министерства культуры РК о количестве культовых сооружений в РК // Сайт Комитета по делам религий. URL: http://kdr.gov.kz/rus/statistika/kultovy_e_sooruzhenija/ (дата обращения 15.02.2012).

3. Косиченко А. Религиозный экстремизм присущ не только псевдоисламским организациям // Абай.кз: информационный портал. 2009–2012. URL: <http://abai.kz/node/9701> (дата обращения 2.03.2012 г.)

4. Международные террористические организации (данные доклада Государственного департамента США) // Национальная и государственная безопасность РФ: сайт И.И. Хохлова. 1996–2012. URL: <http://www.national-security.ru/library/00016/00016list.htm> (дата обращения 7.03.2012).

ЛИЧНОСТЬ ЛАМЫ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Современная культура обусловлена политизацией всех сфер жизнедеятельности человека, поэтому существует необходимость региональных исследований существующих конфессий. На протяжении веков складывались системы вероисповедания на территории Бурятии. Одной из древнейших является шаманизм. Буддизм, по мнению ученых, начал распространяться с XVI в., а православие с XVII в. Религия играет важную роль в жизни бурятского народа, в связи с этим на основе устоявшихся представлений современный образ *ламы* находится в процессе формирования.

Лама (тиб. *blama* – мать души, говорится *lama*). Жрец у последователей ламаизма, китайцев и монгольских племен. *Лама* в представлении бурят был учителем, наставником, тем, кто направлял и помогал в выборе светлого пути избавления от страданий. Простые люди верили в карму, которая неизбежно приводит либо к улучшению жизни, либо к нивелированию духовных ценностей, что ведет к краху бытия человека.

В эпоху социально-экономических и политических преобразований роль *ламы* в современной жизни бурят, с одной стороны сохраняет свои функции, с другой стороны требования к личности *ламы* приобрели новые смыслы и ценности. Современный *лама* должен иметь образование, не только знать и уметь объяснять светлый путь избавления от грехов, но и быть отличным лекарем, хорошим астрологом, обладать интуицией, обусловленной знанием психологии людей, хорошо говорить на тибетском, старомонгольском, русском и бурятском языках, быть приятным собеседником, эмоционально-устойчивым и вместе с тем чувствительным к проблемам людей. Перечисленные пункты не являются исчерпывающими, потому что в век информационных технологий требования постоянно увеличиваются, так как человек, по его мнению, все знает и умеет.

Высшее образование *хуварак* (лицо, принявшее монашество, а также подросток, обучающийся в дацане и прислуживающий старшим ламам, ученик) [1] может получить в современных религиозных университетах Бурятии, Монголии, Индии, Непала и других странах. В 1991 г. Постановлением Центрального Духовного Управления

Буддистов Российской Федерации в Иволгинском дацане Республики Бурятия был открыт буддийский университет «*Даши Чойнхорлин*» (перевод с тибетского, «Земля счастливого Учения»).

Главной задачей института является возрождение традиций буддизма и востоковедения в России и республике Бурятия. «*Даши Чойнхорлин*» выпускает буддийских священнослужителей, ученых-буддологов и востоковедов, специалистов по тибетскому и старомонгольскому языкам, а также тибетской медицине. В институте открыты два факультета: философский и медицинский (*эмчи*). В последние годы были открыты факультет *тантры*, факультет *Дуйнхор (Калачакра)* и факультет буддийской живописи. Выпускники университета работают практически во всех дацанах Бурятии, Тывы, Калмыкии. Много среди них работают *шэрээтэ ламами*, т. е. настоятелями дацанов. Также выпускники работают в буддийских Дхарма центрах в России. Работают преподавателями в вузах буддийской философии, тибетского языка и т. д. После окончания самые способные едут в Индию для продолжения обучения в *Гоман-дацане* (Северная Индия), буддийском монастыре, который имеет духовные и исторические связи с Бурятией. Традиционный курс обучения в Индии составляет 16 лет. По окончании этого курса обучения *ламы* получают звание *Геше* (кандидат философских наук). После получения звания лама имеет возможность защищаться на следующие более высокие ученые степени: *Геше-дорамба*, *Геше-габжу* (доктор) и *Геше-лхамба* (профессор).

В Бурятии *лама* выполняет не только религиозные функции, он становится светской личностью, и представляет лучшую часть национальной интеллигенции. На протяжении последних двух веков, *ламы* были просветителями и пропагандистами этнических ценностей. Например: Первый глава буддистов России *Пандито Хамбо Лама Дамба Даржа Заяев* основатель *Цонгольского дацана*, что явилось важнейшим фактором духовного развития бурятского народа в восемнадцатом веке и формирования целостности этноса. *Пандито Хамбо Лама XII Даши-Доржо Итигэлов* – бурятский религиозный деятель XX века. Двенадцатый глава буддистов Восточной Сибири. «Феномен нетленного тела» в современной Бурятии. *Агван Лобсан Доржиев* – учёный, дипломат, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета и Монголии. Был сторонником сближения Тибета и Российской империи. Инициировал постройку первого в Европе буддийского храма – *Храма Калачакры* в Санкт-

Петербурге. Как мы видим, *лама* был не только религиозным деятелем, но способствовал социальному и культурному развитию бурят.

Сегодня в Бурятии восстанавливаются дацаны, традиции, в том числе и институт *ламы*, требующий особых личных способностей человека. Авторитет и значение личности *ламы* в современной культуре постоянно возрастает. Среди многих современных лам особое внимание уделяется целителям не только тела человека, но и души. Высказывания М.Р. Чойбонова создают понятийный образ современного *ламы*, мудрого, чистого мыслями и душой, образованного и интеллигентного человека. «Рядом с мудрецом обрамляешься золотом и стараешься делать как можно меньше ошибок. Буддизм учит благим делам, почитать родителей и возвращаться на родину предков. Очищать души людские – наш священный долг. Жить по заветам отцов-матерей, поддерживать сирых, обездоленных, оберегать детей – тоже наш долг», «Только добрым делом можно погасить зло», «Люди, при жизни успевайте делать добро, помогайте друг другу!» и др. [2].

М.Р. Чойбонов родился в селе *Инзагатуй* Джидинского района Республики Бурятия. После окончания школы учился в музыкальном училище им. П.И. Чайковского, в медицинском училище, Бурятском государственном педагогическом институте им. Доржи Банзарова. Получил высшее духовное образование в г. Улан-Батор (Монголия) где стал доктором буддийской философии. Талантливый поэт, писатель, автор десяти книг, член Союза писателей России, доктор буддийской философии, магистр народной медицины, астролог, религиозный и общественный деятель, генерал-лейтенант казачьих войск Сибирского федерального округа, обладатель Мальтийского ордена и награды за заслуги «За любовь и верность Отечеству», полномочный представитель Буддийской традиционной *сангхи* России *Дид Хамбо-лама*, почетный гражданин Монголии. Награжден орденами: «Дружба народов», «За любовь и верность Отечеству», «Новая элита России», «Большой Мальтийский крест», «Золотая звезда за верность России».

На примере *ламы* М.Р. Чойбонова мы видим, что роль буддийского священнослужителя в современной культуре приобрела большое значение, во-первых они являются носителями этических норм, духовных ценностей бурят, во-вторых *ламы* становятся в силу образования элитарной частью современного общества, в-третьих буддийский священнослужитель сохраняет функции просветителя и

пропагандиста буддийских идей. Сочетая религиозные и светские знания, *лама* является частью национальной интеллигенции современных бурят.

1. *Галданова Г.Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. С. 43.

2. Незабываемый вкус боргойской саранки: традиции и обычаи джидинских бурят: книга для чтения. Улан-Удэ, 2010. 486 с.

Т.А. Хусиева, М.С. Хусиева

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧНИ: КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.

Исторически государства часто составлялись в ущерб интересам народов: в большинстве случаев принцип индивидуальности рассматривается как нечто безразличное для государства. Политическое общество, следовательно, по существу своему национально. Опыт истории показывает, что самостоятельное культурное развитие народа, вошедшего в состав чужого государства, приостанавливается [1].

Каждый народ представляет собой некоторую собирательную личность, отличающуюся от других особенностями своего характера, своих нравственных и умственных способностей, а потому имеющую право на независимое существование и развитие.

Это разнообразие национальных особенностей является коренным условием правильного хода общечеловеческой цивилизации. Лишить человечество разнообразия, значит, лишить его возможности проявить во всемирной истории все богатство содержания человеческого духа. Наука не отвергает понятия общечеловеческой цивилизации в том смысле, что важнейшие результаты умственной, нравственной и экономической жизни каждого народа становятся достоянием всех других.

Изъятие культуры чеченского народа из контекста национальных культур России говорит об ускорении центробежных тенденций, наметившихся в нашей духовной жизни. А ведь общее духовное достояние России формировалось на опыте многих народов [2].

© *Т.А. Хусиева, М.С. Хусиева, 2012*

Длительные, устойчивые политические отношения России с народами Кавказа приобрели для обеих сторон глубокое культурно-цивилизационное не зависящее от тех или иных поворотов политической конъюнктуры значение. Однако, в ходе взаимопроникновения культур, представители русского и чеченского этносов нередко сталкивались с различными формами национализма и государственного шовинизма, что заставляло народы придерживаться консервативных тенденций [3].

Пореформенный период истории России – это этап который относится к числу наиболее важных, поскольку обозначен интенсивными связями наших народов. Взаимная связь между русскими и чеченцами стала важнейшим элементом в общественно-политической и экономической жизни. Именно в это время было положено начало тесному взаимодействию культурно-просветительского развития народов Российского государства. Происходит заметное влияние идей российского просвещения на историю развития просвещения и в целом культуры чеченцев [4].

Присоединение Чечни к России в 1859 г. и смена государственной модели имамата на российско-имперскую не означало автоматической смены культурных ориентиров. Во всяком случае, до тех пор, пока основу чеченского общества продолжал составлять горский крестьянин – уздень – ярко выраженный социальный типаж, сформированный, прежде всего, чеченским этикетом «обздангалла», исламскими религиозными воззрениями (в форме суфийских учений), традиционной народной культурой.

Основной культурно-исторической доктриной, формировавшей содержание духовной жизни чеченцев и их культуры во второй половине XIX – начале XX вв., оставался суфизм. В Чечне получили развитие два направления мистического учения: накшбандийа и кадырийа, первым распространителем которого стал Кунта-Хаджи Кишиев.

Устазы различных суфийских орденов определяли не только культурно-психологический тип своих послушников, но и форму одежды, семейный быт и обряды, выстраивание отношений с властью и обществом. Масса крестьянства, не связанного с шейхами посредством мюридских групп, тем не менее, строго придерживалась норм ислама, соблюдение которых предписывалось Кораном и Сунной, получая духовное истолкование тех или иных морально-этических и духовных запросов от своих сельских мулл в ходе коллективной пятничной молитвы в мечетях. Вместе с тем крестьянство явля-

лось средой, в которой функционировала традиционная народная культура: музыкальные мелодии на струнных и иных инструментах (гармонь, дечиг-пондар, горская скрипка, зурна, барабан), исполнение героико-эпических песен и сказаний нарт-орстхоевского эпоса, танцы и народно-обрядовые праздники, лирические песни, мудрые сказки и легенды, составлявшие тот культурно формирующий блок чеченского национального самосознания со своей встроенной системой культурных начал и ценностей [5].

К сожалению, культурно-национальная политика занимала подчиненное положение по сравнению с военно-политическими и социально-экономическими методами царизма. При этом властям пришлось считаться со складывающимися веками традиционными восточно-арабскими нормами культуры, которые невозможно было упразднить административными и насильственными методами.

Через русский язык и деяния во благо общего российского государства мир открыл для себя имена великих писателей, композиторов, ученых, полководцев, государственных деятелей, рожденных на земле Кавказа. Самым первым профессиональным чеченским композитором и собирателем чеченского фольклора был Абдул-Муслим Магомедович Магомаев он получил образование в Грозненской школе, где обучался с 1892 г. по 1900 г., его потомком является известный советский певец Муслим Магомаев.

Несмотря на недостаточные средства и усилия правительства в области социальной сферы, медицины, все-таки они много значили для развития северокавказского региона. Коренные народы стали ощущать и необходимость развития светского образования и профессиональной медицинской помощи. Но состояние этих сфер культуры в рассматриваемый период здесь было значительно хуже, чем в других районах России.

1. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2008. Т. 1. С. 743.

2. Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2006. С. 268–269.

3. *Ибрагимова З.Х.* Наука и культура: царское прошлое чеченцев. М., 2009. С. 8.

4. Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. М., 2008. С. 540.

5. История Чечни с древнейших времен до наших дней. Грозный, 2008. Т. 2. С. 145–146.

ЧАСТНАЯ ЗАСТРОЙКА НАЧАЛА XX В. КАК ЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В истории архитектуры частная застройка как объект исследования начинает фигурировать относительно давно. В России, для которой частное строительство наиболее характерно в определённых слоях населения, в которой частная застройка играет заметную культурную и социальную роль, это явление, в том или ином виде, существует уже на протяжении трех столетий. Под словом «частное» в данном контексте традиционно понимают городскую усадьбу (дом и участок) для постоянного пребывания. Это определение максимально полно отражает основные аспекты явления, оставшиеся практически неизменными на протяжении всей истории развития городских усадеб в России.

Первая крупная научная работа, затрагивающая архитектурный аспект частного строительства – кандидатская диссертация Т.М. Соколовой «Домовладения Москвы нач. XVIII–XX вв.» (М., 1997). Кроме нее нужно отметить книгу Е.И. Кириченко «Доходное строительство – жилище горожан XIX в.» (М., 2002), и масштабную работу О.П. Щенковой «Подворья в XVIII–XX вв. на примере Китай-города» (М., 1998), а также публикации Т.М. Соколовой на тему «облик ул. Герцена», в которых рядовая застройка изучается достаточно подробно и рассматривается, как одна из форм жилища и трудовой деятельности. Кроме этого, существует еще книга М.В. Николаевой «Частное строительство в Москве и Подмосковье. Первая четверть XVIII вв. Порядные записи» (М., 2004) и ряд статей разных авторов. На этом перечень работ, затрагивающих архитектурную сторону вопроса, не исчерпывается, но носит планировочный аспект изучения проблемы (И.М. Смоляр, А.В. Махровская, О.И. Брайцева).

Во всех этих работах отмечается, что архитектурный облик городского домовладения носит, по сравнению с более типизированным и упрощенным периферийным, характер разнообразия. Это подчеркивает преемственность в развитии, частный подход в формировании и периодический характер использования такого строительства. Казалось бы, эта вариативность делает *частное строительство* очень интересным объектом для исследователя архитектуры. И, тем

не менее, определенный интерес для исследователей архитектуры, несомненно, представляют домовладения. Больше того, как это ни странно, именно неравномерность и известная типизированность домовладений архитектуры и обуславливает, отчасти, интерес к ней как к объекту исследования.

До середины XIX в. застройку домовладений можно назвать «не равномерной». В это время домовладения были, как правило, местом жизнедеятельности крупного дворянства, и, как следствие, были значительными по площади, сложными по архитектуре и принадлежали представителям того социального слоя, который готов был ради комфорта либо престижа оплачивать работу профессиональных архитекторов. Кроме того, «частное строительство» в то время – явление еще не очень распространенное, в определенном смысле элитарное, и такое положение обязывало владельцев домовладений уделять значительное внимание архитектурному облику своих резиденций. Однако уже на стадии возникновения проектов о доделках и переделках, на соседних участках, в которых заложено тяготение к некоторой типизации. Это становится очевидным из двух известных документов той эпохи – чертежей «Образцовых домов для городской застройки» М.Ф. Казакова, и личных рекомендаций Екатерины II, выраженных в форме инструкции «О городских домах и усадьбах».

К середине XIX в. концепция масштабной перестройки домовладений, выражением которой являются городские усадьбы, превращается из новшества в общепринятый элемент культуры. Популярность городских имений возрастает, что расширяет социальный состав домовладельцев. Именно на этой стадии в архитектуре частных домов возникает тенденция к некоторому однообразию – новые владельцы стремились к максимальной комфортности городского местопребывания. Соображения комфорта, которыми руководствуются домовладельцы, а также значительное увеличение масштабов строительства кустарно-ремесленного производства, пусть на этом этапе и не очень заметно, но привело к возрождению роли архитектора в проектировании и строительстве рядовой застройки. Спрос на земли и цена возрастает, что сказывается на увеличении плотности и этажности застройки последующих периодов, а критерии оценки качества архитектуры зданий диктуют новые строительные материалы и стиль, в первую очередь стиль эклектики. Представители новых социальных слоев, промышленники, заинтересованы в строительстве жилья для рабочих, вынуждены быть более щедрыми для

обустройства жизнеобеспечения рабочих. Для этого по заказу выполняется проект типового дома с разработкой фасада по месту и времени. С этого времени роль архитектора начинает возрастать и Замоскворечье даёт возможность проявить свои таланты архитекторам московских и петербургских школ, таких как Н.Н. Благовещенский, Н.А. Гейнц, Э.Р. Нирнзе.

Профессиональные архитекторы, как С.В. Шервуд, М.И. Рекк, Л.Н. Кекушев, в это время выполняют заказы, ориентированные в основном на ту часть владельцев, которые уже имели дома в Белом городе и предпочитали строить свое второе жилье как загородные резиденции «богатых буржуа». В большинстве этих строений речь идет не только о здании, но и о городских территориях, однако именно в частном строительстве практика авторского строительства по частным проектам поддерживалась особенно сильно финансовыми возможностями заказчика. Впоследствии традиции меценатства продолжают создатели картинной галереи П.М. Третьяков, театрального музея А.А. Бахрушин, основатель геологического университета В.В. Аршинов. В начале первой половины XX в. строительство по частным проектам становится эксклюзивным направлением в архитектурно-строительной деятельности архитекторов, под руководством бригад и руководителей проектов, в частности, применялось в общественном строительстве, которое велось под руководством А.В. Щусева, Ф.О. Шехтеля, А.Э. Эрихсона и др.

Широкое использование новых материалов (кирпич, железобетон) специальных отделочных материалов (керамика, чугунное литьё) в частном строительстве начиная с середины XIX в. является одной из причин разнообразия и качества в архитектуре частных домов. Каждый созданный проект при постройке неизменно изменялся в соответствии с местностью и экономическими возможностями заказчика, дополняя и обогащая проект, так как строилось для себя. Значительное влияние на архитектуру частной застройки оказывают, помимо образцов профессиональной архитектуры, и образцы архитектуры традиционной. Корни этого влияния лежат в практике возрождения национальных традиций. Это явление оказало влияние на архитектуру Замоскворечья, строившиеся по готовым проектам впоследствии доходные дома, что особенно заметно в конце XIX в., когда в результате раскрепощения крестьян, многие из них едут в город на заработки. Главным образом эта популярность обусловлена принципами выразительности, которые выходят на передний план в мировоззрении архитектора конца XIX в.

Все описанные процессы свидетельствуют о постепенном взаимодействии профессионального архитектора и практики нового функционального строительства. Однако неверно было бы утверждать, что частное строительство вовсе выходит из области архитектуры как высокого искусства. До определенного момента архитектор-профессионал при поддержке влиятельных лиц, хоть и не всегда непосредственно, но значительно влияет на стилевые направления в архитектуре рядовой застройки. Даже простые, по сравнению с рабочими комплексами в начале Б. Ордынки и вдоль Пятницкой улицы, постройки по индивидуальным проектам начала XX в. несут на себе печать вкуса, профессиональной логики и эстетических взглядов профессиональных архитекторов. Однако в истории развития индивидуального строительства есть момент, когда архитектор отдалается от жилья максимально, принимая лишь незначительное участие в формировании фасадных решений. Речь идет о средовой архитектуре первой половины XX в., наиболее спорной и наименее изученной с позиций архитектурной ценности. В случае с частным домовладениями дореволюционного периода, как правило, в решении каждой из этих задач в той или иной степени принимает участие архитектор. При этом влияние жителей на облик их домов также может быть очень разнообразным. В одних случаях нестандартной оказывается внешняя реклама, в других в процессе многочисленных перепланировок дома меняется его планировочная структура, в третьих, под влиянием эстетических взглядов жителей возникают заимствования тех или иных архитектурных и декоративных мотивов.

В.А. Сердюк

**ВКЛАД Д.К. НЮБЕРГА
В РАЗВИТИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ
НА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ**

Сегодня без преувеличения можно утверждать, что сооружение и последующая эксплуатация Сибирской магистрали в конце XIX – начале XX вв. повлекли за собой серьезные изменения в быте сибирского населения. Рельсовый путь стал «могучим толчком к культурно-социальному и экономическому прогрессу Сибири». Между тем,

сами инженеры путей сообщения и квалифицированные рабочие, занятые на изысканиях и строительстве дороги столкнулись с глубоким культурным отставанием края от европейской части страны. В официальных документах и публикациях того времени отмечалось, что дорога заброшена «частью в безлюдную степь, частью в непроходимую тайгу», а культурные центры редки и в большинстве своем удалены от магистрали. При этом Сибирская линия более, чем любое другое предприятие, нуждалось в здоровых, сильных и трудоспособных работниках, но в сложившихся обстоятельствах сформировать такой контингент служащих в короткие сроки было непосильной задачей для Министерства путей сообщения (МПС) и местного Управления дороги. Даже в 1914 г. сибирская пресса все еще признавала необходимость выведения железнодорожных работников «из вековых болот, пропитанных навозом, на здоровую местность...».

В существующих реалиях первым долгом образованного человека железнодорожная пресса считала борьбу с «малокультурностью», давящей на общество, задерживающей «рост государственного организма», борьбу разумную, а не «презрительные ужимки и констатирование факта» [1]. На Сибирской магистрали такой борьбой отличался Дмитрий Клаусович (Класович) Ньюберг, усилия и действия которого сегодня во многом забыты. Принадлежа к знатному роду, имеющему собственный герб, представители которого сыграли заметную роль в истории Финляндии XIX–XX вв., Ньюберг состоял штатным инженером МПС IX класса (был принят на службу 29 сентября 1896 г. [2]) и помощником начальника дистанции по постройке отделения Средне-Сибирской железной дороги. Значительный период его службы в Сибири связан с железнодорожной станцией Тулун, на которой он занимал пост начальника участка пути.

Тулун был основан в первой половине XVIII в., наиболее активный толчок к развитию он получил с проведением железной дороги, позволившей к началу XX в. достичь более высокого культурного уровня, нежели соседние села и станции. Ньюберг не ограничился исполнением своих прямых профессиональных обязанностей, но принял активное участие в развитии социокультурной сферы Тулуна. По его инициативе была создана железнодорожная двухклассная школа, в строительстве и постановке учебного процесса которой он сыграл заметную роль, став ее почетным блюстителем. С течением времени школьное здание ремонтировали, перестраивали, превратив к 1914 г. в двухэтажный дом. Количество учащихся достигало 150–

200 человек при 5 учителях. За неимением более просторного здания, тулунские железнодорожники основали в стенах школы собрание со сценой и залом, где один/два раза в месяц кружок любителей драматического искусства устраивал спектакли, при школе был создан интернат для детей железнодорожных служащих, в котором в 1899 г. содержалось лишь 8 воспитанников, а к 1902 г. уже 46 [3].

В 1903 г. Ньюберг стал основателем железнодорожной библиотеки при станции. Испытывая постоянную нехватку материальных средств, ему удалось собрать небольшую библиотеку путем подбора книг, пожертвований. Покупка бильярда, установленного в одной из свободных комнат библиотеки, позволила несколько улучшить ситуацию с финансированием. Вскоре каталог библиотеки насчитывал 1075 томов, Среди них были дорогие издания, журналы, столичные и местные газеты. Специально был оборудован читальный зал, который охотно посещали не только железнодорожные служащие, но и местное население, порой добиравшееся издалека.

То, сколь серьезно относился Ньюберг к исполнению своих обязанностей почетного блюстителя железнодорожной школы и к развитию социокультурной сферы на ст. Тулун вообще, свидетельствует его участие в 1-ом съезде учащихся и почетных блюстителей школ Сибирской магистрали. На съезде он занял пост председателя II секции, посвященной вопросам воспитательного характера: организации детских праздников, образовательных экскурсий, путешествий, ручного труда, рукоделия и выставочных работ; дискуссиям о присуждении наград и наказании провинившихся учеников. В высказанных Ньюбергом сообщениях и замечаниях по данной программе отразился характер и мировоззрение самого докладчика [4].

Ньюберг заметил, что организация детских праздников имеет важное значение как воспитательное средство, доставляя большое удовольствие не только исполнителям и зрителям – детям, но и взрослым. Отметил нехватку хороших пьес для детских спектаклей, высказал пожелание устраивать больше детских спектаклей с пением и русской пляской, с обращением к сюжетам русских сказок, дававших богатый материал для постановок, использованием иллюстраций картин известных художников. К ряду общеизвестных спортивных игр (лапта, городки и т. д.), Ньюберг предложил добавить ножной мяч (английский футбол).

Если детские спектакли за счет сборов часто себя окупали, то образовательные экскурсии, несмотря на всю их полезность, ока-

зывались дорогостоящими. Организованная Ньюбергом экскурсия в г. Иркутск в 1902 г. обошлась каждому ученику в 5 рублей при бесплатном проезде. Дети осмотрели собор, музей, площадь с праздничными балаганами, типографию газеты во время работы и побывали на опере «Аида».

Отдельно им была затронута тема учреждения школьных музеев. Под наблюдением учителя могли бы составляться коллекции насекомых, минералов, чучела животных, аквариум. Это позволяло бы попутно знакомиться с флорой и фауной окрестностей. По словам Ньюберга, нужно создавать историю школы, сосредоточенной в музее: фотографии школьных зданий, выпускных групп учеников, портреты учителей, виды и программы праздников. Все эти «мелочи» в сумме имеют большое значение. «Воспитанный в любви к семье, потом к школе, – как считал Ньюберг, – имеет больше шансов стать хорошим общественным деятелем, преданным своему делу».

Ньюберг выступил за осторожное применение такой меры, как исключение ученика из школы за проступки, по возможности вообще отказываясь от такого решения. Делегаты съезда не поддержали Ньюберга, признав целесообразным исключение провинившихся учеников из школ. Чтобы данная мера применялась как можно реже, Ньюберг призывал к активному созданию родительских кружков, но не в виде формального совета с плановыми заседаниями. В местах, где существуют читальни, он предлагал собираться «тесным кружком людей, связанных одним интересом – общим воспитанием своих детей». В конечном итоге, взаимоотношения между школой и учеником должны послужить основой для формирования полноценной личности, знающей и любящей свой родной край. По выражению Ньюберга, «как с детства привыкает ребенок любить окружающий его маленький мирок своей семьи; как гордится сын заслугами своего отца, всем хорошим своего дома, – так должен гордиться ученик своей школой, дорожить ее честью, любить ее».

Деятельность Ньюберга на Сибирской магистрали, как и многих других железнодорожных служащих, была прервана событиями 1905 г. В начале 1906 г. к новому начальнику дороги И.К. Ивановскому поступило коллективное ходатайство от железнодорожников с просьбой о выяснении обстоятельств, послуживших поводом к увольнению Ньюберга. Вскоре после отъезда с Сибирской дороги, 19 мая 1907 г., во время осмотра общественных работ городской комиссией в Галерной гавани Санк-Петербурга, Ньюберг был убит.

На наш взгляд, Нюберг прекрасно понимал свою роль в культурном развитии Сибири, как и роль подобных ему инженеров: «Герои появляются на фоне серенькой жизни, как праздники среди трудовых будней, как яркие метеоры между мерцающими звездами. Праздники только скрашивают жизнь и проходят, а создают ее будни. Метеоры освещают пространство и исчезают, а звезды вечно движутся и составляют из себя мириады миров». Принимая активное участие в развитии социокультурной сферы на ст. Тулун, Нюберг внушал мысль о том, что *«прогресс человечества создается незаметной работой маленьких тружеников»*, имея в виду, прежде всего, самих сибиряков.

1. П.С. Как живется // Железнодорожник. 1904. № 43. С. 5.

2. РГИА. Ф. 364. Оп. 3. Д. 141. Л. 24.

3. Труды 1-го съезда учащихся и почетных блюстителей школ Сибирской железной дороги, состоявшегося с 28 мая по 3-е июня 1902 г. в Томске. Томск, 1902. С. 18.

4. Труды 1-го съезда учащихся и почетных блюстителей школ железной дороги... С. 18, 22, 30, 37, 40, 46, 51.

Л.И. Кочерган

**А.Н. ПОРОСЯТНИКОВ – ПЕРВЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
ГРАФИЧЕСКИХ ИСКУССТВ УСТЬ-СЫСОЛЬСКА
(К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СРЕДЫ УЕЗДНОГО ГОРОДА)**

Формирование художественной среды уездных городов Российской империи – одна из малоизученных проблем, интерес к исследованию которой тесно связан с построением гражданского общества в стране и переосмыслением исторического прошлого регионов. Особую значимость приобретает изучение вопросов истории культуры региона, особенностей формирования региональной интеллигенции. Еще большую остроту приобретают данные исследования в национальных образованиях, отличающихся этнической спецификой и самобытностью, которые не получили должного внимания в советский период.

Усть-Сысольск (в настоящее время – Сыктывкар, столица Республики Коми), – характерный пример небольшого уездного город-

© Л.И. Кочерган, 2012

ка Российской империи, расположенного в просторах тайги и отличающегося спецификой коми этноса. В начале XX в. в городе стали появляться образовательные учреждения, дававшие высшее начальное и среднее образование. Это высшее начальное (городское) училище, а также женская и мужская гимназии, в программы которых в качестве учебной дисциплины было включено рисование. Впервые предмет был введен в 1906 г. в городском училище. Ежегодное содержание учителя графических искусств было определено в размере 600 руб. за счет средств, отпущенных местным земством [1].

Первым преподавателем графических искусств в Усть-Сысольске стал Александр Николаевич Поросятников (1885–1960), русский, уроженец Москвы, приехавший в город в 1906 г. после окончания Московского Императорского Строгановского училища. На протяжении десятилетия он был единственным специалистом данного профиля, охватив своей деятельностью и училище, и гимназии, и открытую в 1916 г. учительскую семинарию.

Выявленные источники характеризуют его как приверженца начавшегося процесса реформирования преподавания рисования в школе. Необходимость в обучении азам искусства он видел в развитии прикладной промышленности, требующей «развития художественного чувства кустарей и рабочих». Обучая учеников навыкам рисования, он знакомил их с лучшими репродукциями картин, вырезая их из разных журналов и наклеивая их на картон; учеников последних классов знакомил с историей искусства, разбирал с ними на образцах особенности различных стилей, особенно подробно останавливаясь на русском изобразительном искусстве. Особое внимание он уделял внеурочной работе. Им были организованы ученические выставки: первая из них состоялась в помещении земской управы по решению земского собрания, последующие – в самом училище. За умелое устройство литературных праздников для учащихся он получил благодарность от директора народных училищ С.А. Лосева, посетившего в 1909 г. Усть-Сысольск [2].

В 1908 г. А.Н. Поросятников был приглашен преподавать рисование в женскую прогимназию, «из платы по найму», с преобразованием ее в гимназию жалование учителя составило 180 руб. в год. Сохранилась составленная им программа преподавания рисования для учениц женской гимназии на 1909–1910 гг., основой которой ставилось обучение умению сделать рисунок с натуры или по памяти. В программу были включены и более творческие занятия, такие

как составление декоративных узоров и иллюстрация сказок, а также «беседование о значении рисования в жизни». Значимое место в комплектовании гимназической библиотеки стала занимать литература по искусству: только в 1910 г. были выписаны «История искусства» Гнедича, «Рисунки русских художников» Гауша и Рота, сказки с рисунками художников Васнецова, Билибина, Меснера. Наглядный фонд пополнился гипсовыми бюстами Аполлона, Антигены, Ариадны, майоликовыми вазами, искусственными цветами и плодами, цветными материями [3].

Вскоре после приезда в Усть-Сысольск А.Н. Поросятников обзавелся семьей. В браке родились пятеро детей: Владимир, Леонид, Сергей, Валентина и Вера. Вместе с семьей сына жила и приехавшая в Усть-Сысольск мать художника Марфа Модестовна.

После 1917 г. А.Н. Поросятников продолжил работу на ниве просвещения. В этот период ситуация в Усть-Сысольске изменилась: хотя и на непродолжительное время, в город съехались те представители коми этноса, кто получил художественное образование в Москве и Петербурге до революции: А.В. Холопов, М.И. Кынев, М.Е. Покровский, Л.В. Морозов. Основной сферой приложения сил художников оставалось просвещение.

Послереволюционное реформирование начального и среднего образования привело к созданию двухступенчатой Единой Трудовой Школы, сохранив преподавание рисования учителем-специалистом в программах школ второй ступени. В Усть-Сысольске городское училище, мужская и женская гимназии были преобразованы в школы второй ступени № 1, 2 и 3, учительская семинария – в педагогические курсы.

Организация преподавания рисования была сопряжена со многими трудностями. Отсутствие красок исключало из программы уроки живописи, предполагалось рисование простым карандашом, цветными карандашами и углем. В 1924 г. положение с принадлежностями для рисования стало настолько критическим, что из Москвы через Коми представительство областным отделом народного образования были выписаны кисточки, карандаши, акварельные краски на сумму 600 руб. золотом.

Несмотря на все имевшиеся трудности, преподавание рисования в Усть-Сысольске в первой половине 1920-х гг. перешагнуло рамки школ 2 ступени. В 1921 г. в Усть-Сысольске был открыт первый коми вуз – Зырянский институт народного образования. Особый

акцент в институте был сделан на внешкольном отделении, рассчитанном на выпуск работников для школ взрослых, народных университетов, народных домов, клубов, музеев, на котором был развернут эстетический цикл, включающий обширную программу по изобразительному искусству.

Еще на организационном собрании по принятию учебных планов А.Н. Поросятников предложил создать студию рисования и лепки, выделив для этого специальное помещение. Под рисовальный класс, заведующим которым он стал, определили аудиторию на 40 человек, куда завезли наглядные материалы из школы второй ступени № 1, собранные педагогом еще в период его работы в городском училище.

А.Н. Поросятников также занимал должность квестора института, принимал самое активное участие в общественной жизни вуза. По мнению коллег, он «обнаружил редкий организаторский талант и исключительную для русского человека отзывчивость к вопиющим культурным нуждам народа коми, будучи не только исполнителем по проведению культурных мероприятий, но и их инициатором» [4].

Единственной сложностью в его преподавательской деятельности было незнание коми языка. Русский по национальности, он вел преподавание на протяжении всей своей деятельности на русском языке. Зырянизация школ края, проведенная после революции, побудила его даже отказаться в 1922 г. от работы в школе-семилетке, так как он не владел свободно зырянским языком. В ЗИНО предметы читались на двух языках: русском и коми, что создавало благоприятные возможности для деятельности русских преподавателей, обладавших значительным научным и лекционным багажом.

Искусствовед В.В. Кублицкий, характеризуя педагогическую деятельность А.Н. Поросятникова, отметил, что он «имел удивительную способность заинтересовывать учеников и прививать им любовь к искусству» [5]. Среди его учеников – Л. Попов и В. Образцов, чьи рисунки публиковались в 1920–1930-е гг. в местных журналах.

Однако в конце 1920-х гг. А.Н. Поросятников был вынужден уехать из Усть-Сыольска. Одной из причин такого решения стала обрушившаяся на художника критика в связи с участием его работ в выставке, посвященной 10-летию Октябрьской революции: показанные картины вызвали отрицательное отношение общественности, как по мастерству исполнения, так и по содержанию. Можно предполо-

жить, что именно идейная подоплека травли художника подтолкнула его принять решение покинуть город, что помогло ему избежать репрессий, которые вскоре обрушились на первых представителей коми национальной интеллигенции.

1. НА РК. Ф. 186. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

2. *Ползунов П.П.* История Усть-Сысольского городского училища. Усть-Сысольск. 1912. С. 158–159.

3. НА РК. Ф. 182. Оп. 1. Д. 97. Л. 47, 57.

4. НА РК. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

5. *Кублицкий В.В.* Близкое, родное...: очерки об изобразительном искусстве Республики Коми. Сыктывкар, 1975. С. 7.

Н.Ю. Кривопалова

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА Г. САМАРЫ В 1919–1921 ГГ.

Становление советского государства сопровождалось тотальным формированием новой по сути и задачам культуры. Важнейшим направлением деятельности центральных и местных органов власти в первые послереволюционные годы было утверждение новой идеологии в массовом сознании, создание героических образов наступившей эпохи, формирование советских традиций и образа жизни. Особым инструментом формирования нового культурного пространства являлась агитационно-массовая деятельность, которая по указанию «сверху» активно разворачивалась не только в столице, но и в провинциальных городах Советской России. Ее осуществление стало одной из главных задач Пролеткульта. В качестве основного проводника этой деятельности рассматривалась художественная интеллигенция, которая принудительно или по идейным соображениям оказалась на стороне «пролетарской власти».

С 1919 г. определяющую роль в составе студии ИЗО Самарского Пролеткульта начинали играть молодые художники – выпускники художественных училищ, Свободных художественных мастерских, увлеченные идеями левого движения, авангардного искусства. Именно идеи авангардного направления в это время претендовали на право создания нового «пролетарского искусства». Скульп-

тор И.Г. Фрих-Хар, начинавший творческую деятельность в те годы в Самаре и руководивший скульптурной мастерской Самарского Пролеткульта, так описывал свое увлечение левым искусством: «Я был еще наивным, активным и горячим, сочувствовал коммунизму, хотя и не знал, что это такое. Увлекался революцией, действием, левыми направлениями» [1].

Ведущими инструкторами студии ИЗО в 1919–1921 гг. были художники-авангардисты, командированные Наркомпросом для организации в Самаре ВХУТЕМАСа (Высших художественно-технических мастерских) и проведения агитационно-массовой деятельности. Это были живописцы Г.Г. Ряжский, К.А. Михайлов, С.Я. Адливанкин, Д.Л. Колобов, скульптор В.Е. Бибаев. Примечательно, что Г.Г. Ряжский и С.Я. Адливанкин до приезда в Самару проходили обучение на живописном отделении в Свободных художественных мастерских в Москве: Ряжский учился у К.С. Малевича, а Адливанкин – у В.Е. Татлина. Это во многом определило их тяготение к авангардному искусству, проявившееся в творчестве художников в самарский период. Интерес к новым направлениям обозначил и К.А. Михайлов в статье, помещенной в альманахе Самарского Пролеткульта: «...Современные плакаты и иллюстрации, приспособленные для беглого мимолетного рассматривания, могут с пользой применить некоторые опыты футуризма для передачи движущихся предметов и для изображения бурно и стремительно развертывающихся событий» [2].

Вместе со «столичным десантом» во всех начинаниях массово-агитационной работы в Самаре участвовали и местные художники: Н.Н. Попов, который вернулся в родной город в 1919 г. после учебы в Пензенском художественном училище, и М.И. Степанов, окончивший Московское художественное училище живописи, ваяния и зодчества, еще перед революцией вернувшийся в Самару и приступивший к активной творческой деятельности. Многие работы этих художников характеризуются кубистическим решением композиции.

В целом, в деятельности по формированию нового культурного пространства в рассматриваемый период нашли отражение различные направления авангардного искусства. В качестве ее конечной цели выдвигалось создание стиля нового времени – стиля пролетариата, который должен был выразиться в системе форм и образов, понятных основной массе населения и способствующих формированию нового типа сознания, сакрализации коммунистической

идеологии. Для этого вырабатывался определенный круг символов, аллегорий, метафор, связанных с идеями революции и образами нового мира. Укоренению образов в сознании способствовала опора на традиционное патриархальное мышление в основном еще неграмотного населения, поэтому художники часто использовали приемы монументальной сакральной живописи, являвшейся отражением событий священной истории. Такой способ был применен при росписи библиотеки им. Парижской коммуны в Самаре в 1920 г. Сюжеты располагались по стенам сплошной полосой и были посвящены основным вехам борьбы пролетариата: «Парижская коммуна», «Революция 1905 года», «Взятие Зимнего» и др.

Значимым направлением в процессе формирования нового культурного пространства являлось проведение революционных праздников, которые становились для советской власти способом конструирования новой идентичности: «Массовые праздники как магические действия языческих жрецов стали отражением единения общества, где посредством определенных действий-символов устанавливалась связь власти и общества, формировалось чувство сопричастности историческому процессу» [3].

Для украшения массовых праздничных действий первостепенное значение отводилось политическому плакату, который призван был подобно архаическому мифу рассказать народу о становлении новой жизни, проходившей в жестокой борьбе. Вспоминая свою деятельность в Самаре в эти годы, Г.Г. Ряжский писал в автобиографическом очерке: «...Ко дню советской пропаганды 19 августа [1919 г.] мы выполнили трафаретом до двух тысяч разнообразных плакатов» [4]. Вероятно, тексты лозунгов, темы плакатов и композиций рассылались из центра по всей России и в работах художественной интеллигенции провинции находили конкретное воплощение. Наиболее распространенным образом агитплаката эпохи гражданской войны стал борец-красноармеец, готовый отстоять завоевания революции. Этот образ встречается во многих работах художников Самарского Пролеткульта, сохранившихся в фондах Областного художественного музея. Так, на эскизном рисунке М.И. Степанова, выполненном к панно для оформления триумфальной арки на главной улице города к очередной годовщине Октября, изображен могучий красноармеец, который подобно Георгию Победоносцу поражает копьём змия, олицетворяющего «гидру мирового империализма». На двух графических листах Н.Н. Попова, служащих эски-

зами для оформления праздников, представлены динамичные фигуры всадников – казака и красноармейца, рвущихся в бой, устремленных к подвигу и победе.

В процессе подготовки массовых праздников появлялись новые синтетические формы, соединяющие в едином творческом замысле усилия художников, поэтов, музыкантов, актеров и режиссеров: театрализованные инсценировки и представления, концерты-митинги. Подобные формы имели место в Самаре при проведении целого ряда праздничных мероприятий, в них прослеживаются как реалистические традиции, так и влияние авангардного искусства. Например, в феврале 1919 г. к празднику Красной Армии было подготовлено театрализованное представление «Белые в плену у красных» на фоне беспредметной композиции. 1 мая 1920 г. центром праздничного шествия «Апофеоз труда» стало символическое действие с композицией «Алтарь труда», а 1 мая 1921 г. праздничное представление сопровождалось торжественной церемонией закладки памятника-символа III Интернационалу [5].

Таким образом, важным инструментом формирования нового культурного пространства г. Самары в 1919–1921 гг. являлась агитационно-массовая деятельность художественной интеллигенции авангардного направления. Анализ основных тенденций этой деятельности позволяет отметить, что в ее результате происходило формирование советских ритуалов и символов, а также унифицированного сознания людей, исключая проявление индивидуального, личностного начала, что подрывало основы существования самой интеллигенции как особой социальной группы.

1. Фрих-Хар И.Г. М., 1994. С. 30.

2. Михайлов К.А. Изобразительное искусство и футуризм // Зарево заводов. Самара, 1919.

3. Шалаева Н.В. Формирование нового временного пространства в советском искусстве 1920-х гг. // Новая локальная история: хронотоп сельской и городской истории. Интернет-конференция. 2008. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/217>.

4. Ряжский Г.Г. Автобиографический очерк // Мастера советского изобразительного искусства. Живопись. М., 1951. С. 466.

5. Басс А. Путь в семь десятилетий // Изобразительного искусства мастера: Страницы художественной жизни Куйбышевской области. Куйбышев, 1985. С. 27, 30.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАЗАХСТАНЕ (1917–1941 ГГ.)

Языковая политика в довоенные годы была частью всей политики в культурно-национальной сфере. В 1917–1941 гг. она подверглась наиболее существенным изменениям, в это время были заложены основы ее дальнейшего функционирования в последующие годы. Уже в «Декларации прав народов России» от 15 октября 1917 г. речь шла о равноправии наций. 31 октября 1918 г. появилось постановление Наркомпроса «О школах национальных меньшинств», тогда же появились национальные комиссариаты при Наркомнаце, издававшие литературу на языках народов России. В 1919 г. на VIII съезде РКП(б) говорилось о создании единой трудовой школы с преподаванием на родном языке. В 1921 г. X съезд РКП(б) принял резолюцию о национальной политике, где ставилась задача перевода на родной язык суда, администрации, органов хозяйства, театра и т. д. [1]. Языковая политика занимала важное место в национальной политике, цели которой нарком по делам национальностей И.В. Сталин в 1921 г. сформулировал так: «Нельзя ограничиваться одним лишь «национальным равноправием», необходимо от «национального равноправия» перейти к мерам фактического уравнивания национальностей» [2]. Такой курс и политика были обусловлены реакцией на политику царского правительства, и соответствовали общей идейной программе новой власти и совпадали с умонастроением демократической интеллигенции нерусских народов страны. Провозглашенные лозунги соответствовали также преобладавшему общественному сознанию и ожиданиям тех лет. За них были те, кто был увлечен идеей создания нового общества, представители нерусской интеллигенции, надеявшиеся на национальное возрождение. Равноправие и свободное развитие языков понималось как скорейшее приведение их в то состояние, в котором жили народы европейских стран. Каждый гражданин должен был овладеть на родном языке высотами мировой культуры. Под мировой культурой имелась в виду европейская, включая русскую. Культурные местные традиции как исконные, так и заимствованные, но уже укоренившиеся, рассматривались лишь как помеха. Ставилась цель довести все языки народов СССР до уровня русского (так называемое «языковое строительство»

во»). Для реализации цели ставилась задача ликвидировать почти поголовную ранее неграмотность, сформировать национальную интеллигенцию, ознакомить народы СССР с мировой культурой. В эти годы на языки народов страны было переведено очень много элементарной поллитграмоты, но в то же время переводились произведения А.С. Пушкина, И.А. Крылова, В. Шекспира. Объективно это было началом европеизации народов СССР, значительно ускорившийся по сравнению дореволюционным периодом. Негативной стороной такой политики был сознательный разрыв с прежними традициями, репрессии в отношении носителей старой не европеизированной культуры. Пострадало также и первое поколение новой интеллигенции. Репрессии привели к физическому разрыву поколений интеллигенции, прекращению естественного хода этнокультурного развития и сужению влияния этнонациональных традиций на духовное формирование последующих поколений. Творческий, интеллектуальный потенциал, социальная практика старой и новой интеллигенции не были поставлены на службу стране и народу, во многом невостребованными оказались результаты приобщения широких масс к современным формам культуры и образования. Общество лишилось многих квалифицированных и талантливых людей. Была разорвана связь поколений интеллигенции, и во многом – связь времен в культуре. Этот ущерб невозможно просто исчислить. В обществе огромную роль имеют ценностные ориентации, нормативы, не закреплённые в формальных кодексах, а передающиеся как традиция от поколения к поколению. Физический разрыв поколений интеллигенции оказался долговременно действующим фактором, оказывающим свое отрицательное влияние на все последующие поколения. В наибольшей степени сопротивление государственной языковой политике было свойственно и мусульманскому духовенству. В эти же годы была осуществлена кампания по «массовому закрытию церквей и мечетей» в Казахстане.

С середины 1930-х гг. в языковой политике лозунги оставались прежними, а реальная политика изменилась. Впрочем, смена курса произошла не только в языковой области, – были изданы постановления о преподавании отечественной истории и начали восстанавливаться великодержавные патриотические традиции.

Борьба с «буржуазным национализмом» всё более усиливалась, а борьба с «великодержавным шовинизмом» была свёрнута. Другим признаком смены курса был перевод письменностей на кириллицу. Окончательное оформление новая языковая политика получи-

ла в постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Наряду с сохранением формулировки о родном языке «как основе преподавания в национальной школе», во всех школах русский язык начинал преподаваться с 1-го класса [3]. Эта мера резко изменила соотношение языков в школьном обучении. Языковая политика, по сути, во многом стала похожей на дореволюционную, а принудительность в насаждении русского языка возросла, даже по сравнению с временами, когда «инородцев» просто игнорировали. Эта политика направлялась самим И.В. Сталиным. В 1930-е гг., а затем и позже, она не встречала сопротивления. Национальная интеллигенция, голос которой был особенно сильным в 1920-е гг., была истреблена, а уцелевшие замолчали или заговорили о дружбе народов. Внедряемая сверху пропаганда культа личности Сталина велась всеми средствами массовой информации и способствовала развитию конформизма в среде интеллигенции. В то же время, широкие массы населения понимали, что все народы были вовлечены в межнациональные контакты и знание русского языка было необходимым условием продвижения вверх. 10 ноября 1940 г. V сессия Верховного Совета Казахской ССР приняла закон «О переводе казахской письменности с латинизированного на новый алфавит на основе русской графики», ставший логическим завершением языковой политики.

В первое десятилетие советской власти культурная жизнь сохраняла плюрализм и художественное многообразие. Ликвидация неграмотности основной массы населения делало его более восприимчивым к ценностям культуры. Антиэлитарная направленность культурной политики шла параллельно с укреплением устоев социалистического государства. Основными его принципами были — формирование государственной сети учреждений культуры, создание жестко централизованной системы управления. В эти же годы проявился кризис универсализма Народного комиссариата просвещения. Из него были выделены органы по руководству отдельными сферами культуры, они стали союзно-республиканскими органами. В 1926 г. был образован Комитет по делам науки при СНК СССР, 1929 г. — Кинокомитет, 1933 г. — Главное управление кинематографии, Комитет по радиовещанию, 1936 г. — Комитет по делам высшей школы, 1936–1937 гг. — Комитет по делам искусств. В Народном комиссариате просвещения остались школы и культурно-

просветительские учреждения. Партийные органы усилили всеохватывающее воздействие и прямое вторжение в область культуры: в 1932 г. вместо 3-х секторов по руководству культурой было создано 12. «Государство рабочих и крестьян» национализировало театры, кинофабрики, книгоиздательство и книготорговлю и получило реальные рычаги для реализации культурной политики. Были созданы государственные музеи и архивные фонды. Все сферы культуры подчинялись практическим задачам «социалистического строительства». Культура стала частью официальной партийной и государственной пропаганды. Наибольшее внимание уделялось тем учреждениям культуры, которые обладали широким диапазоном пропагандистского воздействия: радио, кино, печать и клубные учреждения. На рубеже конца 1920-х – начала 1930-х гг. произошла переориентация культурной политики с идеалов интернационализма и художественного плюрализма на идейно-политический и стилистический монизм, получивший название социалистического реализма. С созданием Союза Писателей в начале 1930-х гг. формируется система творческих союзов, основной идеологической функцией которых была – контроль за интеллигенцией и организация их деятельности в нужном для большевиков русле. При Сталине Советский Союз приобрел черты тоталитарной империи, руководствующейся преимущественно националистической идеологией и воспроизводившей средневековую картину мира, вершиной которой оказался не Бог, а «вождь и учитель», «отец народов». Вместе с тем, интенсивно развивались театр и музыкальное искусство, литература и кино, поощрялось издание литературы на родном языке. Подготовка национальных кадров для промышленности, образования, искусства и здравоохранения носила целенаправленный характер. С 1930-х гг. абсолютно доминирует государственная сеть учреждений культуры. Было осуществлено их чёткое разделение по рангам союзного, республиканского, местного значения. Показатели культурного обслуживания населения включались в пятилетние планы развития народного хозяйства. Начало государственной культурной политики закладывалось Народным комиссариатом просвещения в 1920-е гг. В 1930–1950-е гг. произошёл процесс дальнейшей реорганизации управления культурой. Одним из решающих этапов централизации управления культурой стало образование в конце 1930-х гг. Всесоюзного комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР и соответствующих комитетов союзных республик. Окон-

чительно централизованную иерархическую форму система управления культурой приобрела в 1953 г. с образованием Министерства культуры СССР и министерств культуры союзных республик.

1. КПСС в резолюциях, решениях съездов и Пленумов ЦК. Ч. I М., 1954, С. 559

2. *Сталин И.В.* Марксизм и национальный вопрос. М., 1934. С. 86.

3. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 62. Д. 8. Л. 2–5.

В.В. Козина, С.В. Елеуханова

КАРАГАНДИНСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ – ПЕРВОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Начало формирования Центрально-казахстанской региональной высшей школы началось с открытия в 1938 г. Карагандинского учительского института. В соответствии с правительственным постановлением было принято решение Карагандинского бюро обкома ВКП(б) от 26 мая 1938 г. «Об организации в Караганде Учительского института», из которого следовало: «Организовать в Караганде с 1938–1939 учебного года двухгодичный учительский институт с факультетами: истории, русского языка и литературы и казахского языка и литературы» [1].

По решению исполкома Карагандинского областного Совета депутатов трудящихся Учительскому институту были переданы следующие помещения: четыре классных и три подсобных комнаты в здании средней школы № 4 им. С.М. Кирова в Новом городе. Общежитием для студентов и квартирами профессорско-преподавательскому составу стали помещения в здании, предназначенном для Карагандинского педагогического училища. Эти помещения стали первыми корпусами Учительского института. Благодаря шефской помощи Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, который передал безвозмездно несколько тысяч томов учебной и научной литературы, уже в первый год существования Карагандинского Учительского института была создана библиотека, насчитывающая более 7 тысяч книг, в том числе уникальные издания дореволюционного периода.

© *В.В. Козина, С.В. Елеуханова, 2012*

На работу в Карагандинский Учительский институт были направлены преподаватели с высшим образованием из средних школ города, а также выпускники педагогических институтов городов Ленинграда и Алматы. Ядро преподавательского состава составили кадры профессионалов-историков и филологов с дореволюционным педагогическим стажем, освободившиеся из Карлага. Первым руководителем Учительского института была назначена Р.Р. Репалова – директор одной из средних школ г. Караганды, проработавшая в институте первый, 1938/39 учебный год. В Государственном архиве Карагандинской области в годовом отчёте по основной деятельности учительского института в 1940 г. содержится список преподавателей (без инициалов). Их было 13 человек: Рымарев, Мамиконян, Кобыляцкий, Абишев, Ткаченко, Нарешев, Спасибенко, Байтасов, Романовский, Меделец, Наумов, Табышева, Богословский [2]. Именно они и их ученики заложили фундамент высшего образования в регионе.

Приём студентов в первый учебный год осуществлялся только на дневное отделение и продолжался до 5 сентября 1938 г. В перечень вступительных экзаменов вошли: Конституция СССР, русский язык, профильная дисциплина. Принимались все граждане, имеющие образование не ниже 9 классов средней школы и лица, имеющие 2-х годичный педагогический стаж на базе семи или восьми классов средней школы. Студенческий контингент в 1938/1939 учебном году составил 117 человек (31 казах и 86 представителей других национальностей). Обучение осуществлялось на казахском и русском языках.

Особое значение в эти годы имела подготовка историков в Карагандинском Учительском институте. Как известно, после революции 1917 г. историческое образование в СССР было свёрнуто, а исторические факультеты перепрофилированы. Только в 1934 г. в соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР» в университетах, педагогических и учительских институтах стали создаваться исторические факультеты, готовившие преподавателей истории и научных работников. В 1938 г. стала осуществляться подготовка историков в Карагандинском Учительском институте. Контингент студентов-историков в Карагандинском Учительском институте в первый год составил 50 человек. Первый выпуск историков – 33 человека, состоялся в 1940 г.

С каждым годом Карагандинский Учительский институт становился всё более авторитетным учебным заведением, пополнялся

квалифицированными специалистами, увеличивал план приёма студентов, численность которых накануне Великой Отечественной войны составила 250 человек.

Тяжёлым испытанием для коллектива института стала начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война. В первые же дни войны многие студенты, сотрудники и преподаватели вступили в ряды Красной Армии. Они воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны. Всего в ряды Красной Армии были призваны 127 студентов. Из небольшого преподавательского состава института в первый год войны ушло на фронт 14 человек. Карагандинский учительский институт в трудные годы Великой Отечественной войны стал, по существу, вузом классического типа. Несмотря на тяжелое военное время, он продолжал развиваться. Всего за годы войны Карагандинский Учительский институт подготовил 418 учителей для семилетних школ, из них по истории – 212, по языку и литературе – 206. Около 60 % всех подготовленных в войну учителей составляли женщины. Выпускники казахского отделения составили около 40 % [3].

С 1949 г. в СССР стало осуществляться всеобщее обязательное семилетнее обучение. Учительские институты, выполнив свою историческую функцию, начали закрываться [4].

Между тем, потребность в педагогических кадрах в регионе была очень актуальной. Это было связано с общим ростом населения Центрального Казахстана – к 1950 г. оно превысило 607 тыс. человек. Для выполнения задачи подготовки педагогических кадров более высокой квалификации Карагандинский педагогический институт приказом Министерства высшего образования СССР от 15 июля 1952 г. (№ 1178) был преобразован в Педагогический институт, призванный готовить квалифицированные кадры учителей для 10-летнего всеобщего обучения [5].

Таким образом, вторая половина 40-х – начало 50-х гг. XX в. стали временем становления высшего образования в Центральном Казахстане.

1. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 233. Л. 173.

2. ГАКО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

3. *Колыванов И.А., Усик В.П.* Карагандинский учительский в годы войны // Карагандинский университет. 1977. 11 мая.

4. ГАКО. Ф. 764. Оп. 1. Д. 19. Л. 37, 40.

5. ГАКО. Ф. 764. Оп. 1. Д. 57. Л. 76.

ТРАНСФОРМАЦИИ ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ-КРАЕВЕДОВ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1920–1930-Е ГГ.

Краеведение как деятельность всегда предполагает творческое начало. В дореволюционное время среди краеведов Севера были художники, архитекторы, литераторы, они состояли в краеведческих обществах, занимались краеведением по велению собственной души. Особой регламентации деятельности со стороны власти не было и творчеству это не мешало, наоборот, краеведение расширяло тематику направлений творчества.

В советских краеведческих обществах Севера в 1920–1930-е гг. среди людей разных профессий, представителей творческой интеллигенции было немного. Краеведение того периода регламентировалось правительственными постановлениями, а люди свободных профессий не хотели быть ограниченными никакими рамками. Творчество «на заданные темы» не приносило радости и прекращалось совсем, или превращалось в формальное.

Яркий пример – известный художник Александр Алексеевич Борисов (1866–1934), ученик И.И. Шишкина и А.И. Куинджи. Его называли «художник вечных льдов» за пристрастие к изображению арктических пейзажей, которые принесли ему мировую известность [1]. П.М. Третьяков начал приобретать его работы в конце XIX в. В начале XX в. его выставки проходили в Петербурге, Вене, Берлине, Гамбурге, Кельне, Дюссельдорфе, Париже, в Белом доме в Вашингтоне. Он был награжден многими иностранными орденами. В 1894 г. был приглашен в качестве рисовальщика в экспедицию министра финансов С.Ю. Витте, обследовавшей Мурманское побережье в поисках удобной морской гавани для военного флота, тогда они добрались до Тронхейма в Скандинавии. В 1906 г. он создал в Вологде Северный кружок любителей изящных искусств, который организовывал выставки, первый в Вологде художественный музей и рисовальные классы, собрал библиотеку по искусству архитектуре, проводил лекции по искусству, издавал книги. На Новой Земле в 1900 г. Борисов построил дом-мастерскую, приютом которой пользовались многие зимовщики и кочующие ненцы, дом сохранялся до 1960-х гг. Знакомство с С.Ю. Витте, путешествия по Арктике привели его к мыс-

ли о создании удобных транспортных путей, о соединении Сибири и Севера. Борисов разрабатывал проекты строительства Обь – Мурманской железной дороги, каналов [2].

Революцию он не принял, но остался в России. Жил на родине, в Красноборске, вдали от центра, но активно включился в общественную деятельность по развитию родного края. Картин больше не создавал. Встречался с В.И. Лениным при обсуждении своих железнодорожных проектов, но осуществляться они стали в 1930–1940-е гг. В 1918 г. по инициативе А.А. Борисова был открыт музей в Великом Устюге, в 1922 г. у красноборского соляного источника открыт курорт, первым управляющим которого стал сам художник. И музей, и курорт «Солони́ха» действуют до сих пор, в бывшем имении А.А. Борисова в Красноборске создан мемориальный музей, рядом – детский туберкулезный санаторий «Евда», который появился тоже по инициативе художника. В марте 1927 г. Борисов избирался делегатом XII Северодвинского губернского съезда Советов, в работе которого принимал активное участие. В его творческом наследии не только картины. Изданы путевые заметки художника (У самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб, 1907; В стране холода и смерти. СПб., 1908).

Будучи активистом Архангельского общества изучения Русского Севера (1908–1920), в советское время в краеведческие общества художник не вступал, хотя они были созданы в начале 1920-х гг. и в Архангельской, и в Северо-Двинской, и в Вологодской губерниях. С краеведами поддерживал дружеские отношения.

Чем-то похожа судьба другого северного художника – Степана Григорьевича Писахова (1879–1960) [3]. Его жизнь была тесно связана с Архангельском, а творчество – с Севером и Арктикой. Еврей по отцу, старовер по материнскому воспитанию, сын архангельского ювелира и владельца небольшой лавки, Степан Писахов, вопреки желанию отца, решил стать художником. Для этого ему пришлось бежать из дома, самостоятельно зарабатывать на жизнь и учебу, завершить которую помешала революция 1905 г. Он был исключен из училища барона Штиглица за революционную речь и получил запрет на обучение в России. С 1905 г. начались его ежегодные поездки в Арктику, затем – заграничные путешествия, на которые он сам зарабатывал средства. Учился живописи у знаменитых художников – в Риме, Париже, Петербурге. Побывал в Египте, Сирии, Палестине, Турции, Греции, участвовал в поисках экспедиции Г.Я. Седова, в установке первых радиотелеграфных станций на Вайгаче, на Югор-

ском шаре. Из поездок привозил этюды и картины. В 1910 г. прошла первая выставка картин в Архангельске, где было представлено свыше 200 работ, затем выставки организовывались в Петербурге, Москве, Берлине, Риме. И.Е. Репин приглашал Писахова на этюды в Пенаты, высоко оценивая его пейзажные зарисовки. С.Г. Писахов участвовал в Первой мировой войне, служил в Финляндии и Кронштадте. В 1918 г. вернулся в Архангельск. Был в числе делегации, встречавшей интервентов 2 августа 1918 г. По его эскизу было изготовлено знамя полка английского капитана Дайера, сражавшегося против красноармейцев в 1919 г. При повторном установлении советской власти в Архангельске Писахов остался на родине, хотя была возможность уехать. В 1920-м г. стал работать в секции музеев и охраны памятников искусства и старины, участвовал в подготовке экспозиции Северного отдела 1-й Всесоюзной выставки в Москве. Стал членом-организатором Архангельского краеведческого общества в 1923 г., работал в культурно-исторической секции общества и активно защищал северную культуру, участвовал в разборке и вывозе архивов Пертоминского и Сийского монастырей, в разборке ризницы Соловецкого монастыря, деликатно напоминал руководителям о необходимости чествовать народных мастеров, предоставлял свою мастерскую для экскурсий [4]. В 1924 г. опубликовал свою первую сказку «Не любо – не слушай». В 1939 г. был принят в Союз писателей. Сегодня он больше известен как сказочник, в меньшей степени как художник. Живопись он не бросил, но приходилось создавать портреты передовиков производства, памятники и другие заказные работы. Для себя продолжал писать любимые сосны, полярное море, скалы.

Регламентация творчества со стороны правительства позволяла раскрыться мастерам с неожиданной стороны. Художник Александр Борисов проявил себя как талантливый проектировщик и общественный деятель. Художник Степан Писахов стал знаменитым сказочником и общественным деятелем. В Архангельске открыты музеи этих художников, исследуется их многогранное творчество. Выдержать противостояние с властью им помогла любовь к родному краю, пресечь которую не смогли никакие запреты. А.А. Борисов умер, когда надвигалась мощная волна репрессий, захватившая его друзей. С.Г. Писахов пережил это страшное время, но «надел» на себя маску сказочного старичка-лесовичка, мудрого, всегда знающего выход из темноты. Таким он запомнился архангелогородцам,

таким он представлен сегодня на углу улицы Поморской, где когда-то он жил и где происходит действие большинство его сказок.

1. Александр Алексеевич Борисов: 1866–1934: альбом-каталог. Архангельск, 2006. 136 с.: ил.

2. *Вобльй В.М., Борисов А.А.* Великий Северный путь. Великий Устюг, 1929. 61 с.

3. *Пономарева И.Б.* Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск, 2009. 272 с.: ил.

4. *Смирнова М.А.* Краеведческая деятельность С.Г. Писахова // Северный текст русской литературы: сб. Архангельск, 2009. Вып. 1. С. 72–77.

Н.Ж. Беляева

УЧАСТИЕ РЕПРЕССИРОВАННЫХ ХУДОЖНИКОВ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КОМИ КРАЯ 1940–1950-Х ГГ.

Союз художников Коми АССР был образован в 1943 г. В его создании и деятельности активное участие принимали художники, эвакуированные в Коми край из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска. К концу войны они покинули республику, и в Союзе осталось всего 4 человека. Проблему расширения круга художников председатель Союза В.В. Поляков пытался решить за счет тех, кто попал в республику в результате репрессий и кого в свое время осторожно называли «художниками новостроек».

Поляков налаживал связь с художниками лагерей, рассылал начальникам политотделов Ухты, Воркуты, Абези, Княжпогоста официальные письма от имени Коми Обкома ВКП(б), призывая к организации работы местных художников и «лучшего показа производства и героического труда» в произведениях изобразительного искусства. Предлагалось устроить выставки на местах, которые затем отправались бы в Сыктывкар на итоговую выставку. Для дальнейшего развития искусства предлагалось объединить местных художников и избрать Оргбюро из представителей политотдела и лучших художников [1].

В Ухте, которая стала одним из первых крупных форпостов ГУЛАГа в Коми, такого объединения, по невыясненным пока причинам, создать не удалось. В Воркуте при личном участии Полякова

в 1944 г. собрались 16 художников из числа репрессированных: К.К. Пантелеев, А.С. Кузнецов, В.Н. Городецкий, Головский, Зубчанинов, Капущевская, Иконников, Лисевицкий, Рогов (имена и отчества последних еще предстоит уточнить) и др. Было решено принять меры по скорейшему выявлению всех местных художников и любителей, утвердить тематические планы и провести к 27-ой годовщине Октябрьской революции художественную выставку «Воркута в дни Отечественной войны». Однако выставка не состоялась. «Надо учесть, – говорил Поляков, – что все художники Воркуты творчески могут работать только урывками, в немногие свободные от своей работы часы. В виду специфичности условий этих пунктов..., в основном располагающими кадрами работников в системе лагерей, непосредственное и прямое руководство их работой не всегда бывает возможно» [2].

Выставку «художников новостроек» удалось провести в Абези, центре Печорского Желдорлага. Малотиражка «За полярную магистраль» (печатный орган НКВД) писала: «По решению Управления и Политотдела строительства 6 ноября в театре поселка Абезь открывается общестроительная выставка изобразительного искусства. Героика наших дней, освоение богатств Севера, энтузиазм тружеников тыла – все это должно вдохновить наших художников и найти отражение в их работах» [3]. На выставку принимались работы всех желающих, обещались премии. «Художникам трассы» предлагалось сдавать работы секретарям парторганизаций отделений или направлять нарочным. Среди художников Абези того периода можно упомянуть В.И. Прокошева, Л.Н. Рыминского, В.С. Кадыша, А.М. Комарова.

Собрание СХ Коми АССР (на котором присутствовал еще один репрессированный художник Г.Г. Филипповский) решило привлечь художников Воркуты, Абези, Ухты, Княжпогоста к участию в республиканской выставке 1945 г. В итоге на ней были представлены работы В.И. Прокошева, А.М. Комарова, Л.Н. Рыминского (Абезь), К.К. Пантелеева и А.С. Кузнецова (Воркута). О них писали в республиканской прессе, некоторые были приобретены Художественным музеем Коми АССР (ныне Национальная галерея Республики Коми). В 1946–1948-х гг. прошло несколько передвижных выставок произведений коми художников, в том числе вышеупомянутых репрессированных художников. Выставки охватили окрестности Сыктывкара, несколько южных районов республики и населенные пункты Северо-Печорской железнодорожной магистрали (Княжпогост, Инта, Абезь).

В 1946 г. в Сыктывкаре прошла грандиозная выставка, посвященная 25-летию Коми АССР. На ней также участвовали репрессированные художники: выставляли свои произведения, создавали макеты, диаграммы, украшали столицу республики в дни празднеств (В.С. Кадыш, А.М. Комаров, А.С. Кузнецов, В.И. Прокошев, Г.Г. Филлиповский).

Города, выросшие из лагунктов, приобрели свой современный вид благодаря многочисленной плеяде репрессированных архитекторов (П.К. Мурзин, Н.П. Жижимонтов, В.Н. Лунев). К примеру, только в Ухте отбывали срок более 130 архитекторов [4]. Дома культуры в новообразованных городах и поселках украшались живописью и скульптурами, созданными заключенными художниками (например, Б.А. Старчиков оформлял ДК в Микуне). В Ракпасском промкомбинате существовал цех игрушек, где работали Д.Н. Крачковский, Б.А. Старчиков, С.И. Саулюс. Там же в отдельном цехе был налажен выпуск керамической посуды (известна ваза, посвященная 25-летию республики, расписанная неизвестным художником в стиле «Мира искусства»).

Надо упомянуть ещё об одном важном аспекте деятельности репрессированных художников. Практически в каждом лагере существовал свой «крепостной» театр, в котором играли и работали заключенные. Так, в Ухте театр был создан в 1934 г. В разное время в его стенах творили И.В. Алексеев, Н.И. Михайлов, А.М. Левитан, В.П. Золотухин, Н.П. Жижимонтов, П.И. Вайнконис, Э.А. Вардаунис. В 1943 г. открылись театры в Абези, Воркуте, Княжпогосте, в 1945 г. – в Печоре, в 1946 г. – в Инте. Среди художников Воркутинского театра известны Т.Т. Буря, П.Э. Бендель, Я.Я. Вундер. В Абези из подручных материалов готовили декорации к спектаклям В.И. Прокошев, Л.Н. Рыминский, Д.В. Зеленков (из рода Бенуа-Лансере), Б.А. Мухин.

Репрессированные художники зачастую были «локомотивами» культурной жизни дальних уголков Коми края. Так, первая художественная выставка в Воркуте была проведена в 1955 г. освободившимися художниками во главе с Я.Я. Вундером. В 1955–1956 гг., с перерывом в полгода, в Инте состоялись первая и вторая выставки, на которой участвовали бывшие заключенные Г.М. Аветисян, В.В. Карклиньш, П.А. Почиталин, Б.Ф. Рыхлик, С.И. Саулюс, Г.В. Стаценко, Х.Г. Хейнла и др. Многие из них экспонировали свои произведения на республиканских выставках второй половины 1950-х гг. в Сыктывкаре.

Репрессированные составили большинство экспонентов Первой республиканской выставки фотографии, прошедшей в Ухте в 1956 г. Они создавали памятники (Н.А. Бруни, Э.М. Сидрабс), стояли у истоков Воркутинского кукольного театра (В.Я. Краулис), иллюстрировали книги и газеты Коми книжного издательства, без права ставить свою подпись (Е.С. Веселовский), работали в Коми республиканском драматическом театре в Сыктывкаре, преподавали основы изобразительного искусства начинающим коми художникам в студиях при СХ Коми АССР (Г.Г. Филипповский, П.Э. Бендель). В 1962 г. Я.Я. Вундер добился официального признания воркутинского объединения на базе Коми отделения Союза художников.

Появляющаяся с каждым годом новая информация о судьбах художников, попавших в республику не по своей воле, расширяет наше представление о роли репрессированных деятелей искусства в истории культуры Коми края.

1. ГУ РК «Национальный архив Республики Коми». Ф. 1434. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

2. Там же. Л. 55.

3. *Иоффе В.М.* Смотр творческих сил. Готовится выставка изобразительных искусств // За полярную магистраль: орган политотдела, управления и построечного комитета Печорского ИТЛ МВД СССР. 1944. 8 октября.

4. *Федосов Л.С.* Градостроительство, архитектура и зодчие Ухты. Сыктывкар, 2003. С. 92.

О.В. Орлова

«ПОРТРЕТ СВЯЩЕННИКА» СКУЛЬПТОРА ВЛАДИСЛАВА МАМЧЕНКО (1929–2006)

Владислав Мамченко – не только классик коми изобразительного искусства, а – «хронотип» эпохи, представитель поколения независимых, широко мыслящих художников, с органичной позицией в искусстве. Являясь носителем культуры своего времени, он всегда двигался и жил по своему внутреннему коду. Он и сам, являясь некой знаковой фигурой, на протяжении всего своего творческого пути создавал галерею портретных изображений людей высокой нравственной чистоты, силы духа, понимая творчество как

© *О.В. Орлова, 2012*

миссию, действовал в соответствии с законами внутренней необходимости.

Одна из первых работ В. Мамченко, выполненная в граните «Александр Грин» (1968). Образ Грина символичен для творчества художника, образ, который «лично волнует». Мирочувствование, квинтэссенция духовного мира – вечное беспокойство души – роднит писателя и скульптора. Это своеобразный автопортрет художника, прожившего личную историю на фоне всех исторических событий России XX в.

В 1946 г. Мамченко поступил в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухомовой (Санкт-Петербургская Государственная художественно-промышленная Академия им. барона Штиглица) на отделение художественной обработки металла. В 1953 г. приезжает в Сыктывкар. В этом же году на собрании Союза художников Коми АССР было решено организовать скульптурную секцию под руководством В.Г. Эдельгауса для овладения мастерством [1].

Первыми работами, над которыми начал работать В. Мамченко, были скульптурные портреты коми-поэта И.А. Куратова и бюст Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина. Темы, к которым обращается скульптор, традиционны для этого периода – это «образы лучших людей республики; сплавщики и лесорубы, комбайнеры и доярки, шахтеры и инженеры, летчики, хирурги, учителя» [2]. В плане работы Союза художников на 1954 г. у В.Н. Мамченко стояли скульптурные работы «Борьба за мир», «В коми колхозе»; обращался он к «ленинской теме».

Конец 1950-х – начало 1960-х гг. памятно всеобщим стремлением к монументальности. Идея монументальности считалась воплощением духа времени. Первые монументальные работы середины 1950-х г. в духе укоренившихся стандартов: фигуры «Пионера», «Пионерки», фланкирующие портал Дворца пионеров, три барельефа. Сам В. Мамченко в 1998 г. говорил о них, как о «несерьезной», «заказной декоративной работе». «Шахтер», «Лесоруб» у входа в павильон республиканского краеведческого музея, фигуры спортсменов («Футболист», «Девушка-дискобол») возле Дома физкультурника на городском стадионе, мемориальная скульптура – «Надгробие героини гражданской войны Домны Каликовой» в местечке Кируль.

В конце 1950-х гг. по-новому осмысливались прошедшие десятилетия страны. Время способствовало расширению кругозора,

умению самостоятельно мыслить. Эти качества были присущи поколению В. Мамченко. Он обрел свою органичную позицию в искусстве, которая не была конъюнктурной, подражательной. В январе 1958 г. Мамченко был принят в члены Союза художников СССР.

Владислав Мамченко не шел на разрыв с системой изобразительности, как, впрочем, большая часть поколения 1960-х гг. Программное стремление создать искусство строгой нравственной чистоты, естественности и простоты действий, образов и идей завладело художником. Уже в первых своих работах он обнаружил интерес к темам и ценностям повседневной жизни («Доярка», «Портрет девушки»), к человеку-современнику (портреты поэтов В. Кушманова, И. Молчанова), продемонстрировал, хотя и не решительное, стремление к обновлению образно-пластических возможностей языка скульптуры («Ленинградская симфония. Д. Шостакович»). В. Мамченко не избежал и тем гражданского звучания («Рабочий»; «Коммунист. Евгений Урбанский»).

В конце 1950-х, в 1960-е гг. складывается традиция посещения мастерских художников. В. Мамченко являлся той фигурой, вокруг которой собирались не только коллеги, но и поклонники его творчества. В общей мастерской В. Мамченко и Ю. Борисова (с 1962 до конца 1960-х гг. с ними работала Тамара Краева) собирались не только художники (В.Х. Эдельгаус – «лучший друг», воркутинец Я.Я. Вундер, интинец Герман Хейнла), архитекторы (Резников). Аудитория расширялась за счет литературных (поэт В. Кушманов), театральных (Н.А. Суркова), музыкальных, кругов. Часто бывал у него священник Кочпонской церкви Владимир Жохов. В. Мамченко «заинтересовал сам тип человека», его исключительность, как представителя священства, носителя традиций интеллигенции XIX – начала XX вв. Портрет священника в облачении был выполнен в 1959 г., впоследствии подарен отцу Владимиру, которому он очень понравился (в архиве семьи художника сохранились две фотографии этой работы). Личность потомка древнего рода Нестора Репца, ведущего родословную с 1317 г. не мог не увлечь В. Мамченко. До Великой Отечественной войны В. Жохов жил, как и Владислав Мамченко в Ленинграде, рисовал. Отец Владимир – участник Великой Отечественной войны, был прекрасным педагогом и выдающимся проповедником. Был контужен на фронте и дал обед Богу, если выживет, то станет священником. По воспоминаниям сыктывкарцев, его проповеди вселяли уверенность в прекрасное будущее православия, рассеивали страх пе-

ред властью и давали ощущение свободы. Многие из художников посещали дом священника В. Жохова: В.Х. Эдельгаус, В.И. Краев и другие.

После Постановления Бюро Коми ОК КПСС от 20 декабря 1960 г. портрет подвергся публичной критике в прессе, в Союзе художников. «Сейчас идет ожесточенная борьба двух идеологий – социалистической и капиталистической. Работа советского художника должна помогать партии воспитывать народ, оказывать на него влияние... И очень плохо, что в среде художников появились случаи потери бдительности советского человека» [3]. В частности художник С.А. Холопов подчеркивал, что священник Жохов делал много попыток познакомиться с художниками, и многие чуть не попали на эту удочку, но в основном это уже поняли в 1957 г. Были осуждены художники П.И. Семячков и Г.В. Кудяшев, «которые соблазнились легкими деньгами и, как выяснилось, теперь в 1957 г. делали 10 икон для церкви». В.З. Эдельгаус заявлял, что поп и к нему дорогу нашел с разными услугами, но он ему ничего не сделал.

На собрании Председатель Союза художников В.В. Поляков и другие художники выступили с осуждением: «этот поступок недостойн советского художника и особенно члена Союза. Он компрометирует наших художников и должен быть осужден всеми нами... Поступок, который мы должны охарактеризовать не только как аполитичный, но также и как политически вредный для нашего коллектива», поступок «ложится пятном на коллектив» (В. Эдельгаус), «Мамченко поступил очень необдуманно, и нам художникам, делать так не следует» (С.А. Добряков), «из-за этого попа сейчас как бы зачёркнута работа целого коллектива». Лишь друг В.Н. Мамченко – скульптор Ю.Г. Борисов встал на его защиту, сказав, что он «лепил просто, как интересную натуру, не подумав, что из этого может получиться» [4]. На собрании Коми отделения Союза художников Владислав Мамченко говорил о том, что его «заинтересовал сам тип человека... и делал я его в расчете на то, что такой этюд может пригодиться для работы в будущем... Жохову он очень понравился, и я решил ему его отдать».

Развитие в сторону освобождения от идеологического давления не могло быть остановлено, однако процесс этот всеми средствами тормозился. Работы художников «были откликом и на внешнюю канву, и на внутренний пафос времени, заключенный в обретенной свободе личного суждения о мире и индивидуальных ценно-

стей» [5]. Время середины 1950–1960-х гг., начатое разоблачением «культы личности», наделило культуру энергией и перспективой. Высказывание художников прозвучало как слово нового поколения и выражало черты меняющегося кругозора общества.

-
1. ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
 2. ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 9. Л. 54.
 3. ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. 1434. Оп. 1. Д. 14. Л. 115.
 4. ГУ РК «Национальный архив РК». Ф. Р-1434. Оп. 1. Д. 9.
 5. *Степанян Н.* Искусство России XX века. М., 1999. С. 206.

С.Г. Сизов

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ОМСКА В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО СТАЛИНИЗМА (1945 – МАРТ 1953)

Религиозная жизнь – неотъемлемая часть культурной жизни народа. В истории религиозной жизни послевоенного времени СССР есть ещё много белых пятен. В этом отношении годы «послевоенного сталинизма» в Омске также изучены недостаточно.

Известно, что поворот в отношениях церкви и государства стал заметен в годы войны. В 1943 г. при правительстве был создан Совет по делам Русской православной церкви (во главе – полковник госбезопасности Г.Г. Карпов). В конце войны И.В. Сталин санкционировал проведение в Москве Поместного Собора, который избрал патриархом Московским и Всея Руси Алексия. О Поместном соборе был снят документальный фильм, который показывали и в Омске (в кинотеатре «Победа», бывшем Никольском соборе). В послевоенные годы были открыты тысячи новых приходов. В 1946 г. Русская Православная Церковь имела 10544, а в 1949 г. – уже 14477 приходов. В апреле 1946 г. возобновились богослужения в Троице-Сергиевой Лавре открылись Московская и Ленинградская духовные академии. Открылись семинарии помимо Троице-Сергиевой Лавры и Ленинграда, в Киеве и Одессе, в Луцке, в Жировицком монастыре, в Саратове и Ставрополе.

Постановлением СНК СССР № 1325 «*О порядке открытия церквей*» (28 ноября 1943 г.) верующие, желающие организовать религиозное общество, должны были подать заявление за подписью

20-ти человек в райисполком о регистрации общества и передаче им церкви или молитвенного здания. Но регистрация общества без церкви считалось нецелесообразной. В то же время почти все церкви использовались для разнообразных нужд, поэтому большая часть заявлений верующих осталась неудовлетворенной. Тем не менее, общине верующих Крестовоздвиженской церкви г. Омска удалось получить свой храм ещё до решения СНК, православное общество было зарегистрировано решением № 263 исполкома Омского горсовета от 7 марта 1943 г., ему было передано здание по ул. Тарской, где ранее располагалось общежитие кожно-обувной фабрики.

В 1944 г. православные южных районов Омска обратились с ходатайством о передаче здания Никольской церкви верующим. Сначала (3 марта 1944 г.) горсовет принял решение передать здание, но 21 марта отменил это постановление и передал здание под клуб рабочих завода № 174. Окончательное решение было вынесено Советом по делам Русской православной церкви и СНК СССР. Храм всё-таки был передан верующим.

Верующие в годы войны проявляли патриотизм, внося средства в фонд обороны. Так, от Омской церкви было внесено 100000 руб., Тобольской – 24400, так же были собраны и закуплены вещевые подарки к 26-й годовщине Красной Армии [1]. С января по август 1944 г. в фонд обороны верующими и духовенством Крестовоздвиженской и Никольской церквей было передано 185300 руб., а так же вещевые подарки и 15000 руб. больным и раненым, находящимся в госпиталях.

В первые послевоенные годы положение верующих было лучше, чем до войны. В 1946 г. на территории Сибири действовали уже 3 воссозданные епархии: Омская и Тарская (Архиепископ Алексей (Пантелеев)), Владивостокская и Хабаровская (Епископ Венедикт (Пляскин)) и Новосибирская и Барнаульская (Архиепископ Варфоломей).

В 1947 г. Омско-Тарская епархия была преобразована в Омско-Тюменскую. Омские Архипастыри вели активную деятельность, направленную на возрождение храмов и монастырей. К середине 1947 г. в Омской области действовало 5 храмов и один молитвенный дом: Крестовоздвиженский собор; Никольская церковь в Омске; Покровская церковь в селе Воскресенка Калачинского района; церковь в селе Новая Станица Ульяновского района; церковь в селе Куйтарлы Саргатского района; молитвенный дом в г. Исилькуле [2]. По другим данным в 1945–1947 гг. в Омской области было 7 зарегистрированных православных обществ, но количество недействующих церковных

зданий исчислялось цифрой 140. Таким образом, лишь 5 % церковных зданий могли использоваться верующими и власти под разными предлогами препятствовали дальнейшему открытию церквей [3].

Имеются документальные данные о церковной жизни в Омске и области. Эти данные собирал местный уполномоченный Совета по делам Русской православной Церкви и отсылал в Москву. Из этих данных известно, что с 1943 по 1947 г. были поданы ходатайства об открытии церквей в 15 из 37 районов Омской области (почти все оставлены без удовлетворения. – С.С.). За первую половину 1946 г. в четырёх открытых церквях области было совершено: крестины – 952, венчаний – 35, отпеваний – 436. Посещаемость омских церквей разнилась. В будние дни в Крестовоздвиженскую церковь приходило 50–80 человек, в праздничные 1000–1200. Никольскую церковь посещало 2–5 человека в будни и 250–300 человек в праздники. Отмечались уполномоченным посещения церкви учителями, профессорами, офицерами. Особо оговаривалось наличие на территории Омской области верующих, не признающих РПЦ и ведущих подпольную религиозную жизнь [4].

Церковная жизнь той поры находилась по жёстким присмотром властей (руководил этим уполномоченный по делам религий при облизполкоме). При необходимости привлекались и спецслужбы. С 1948 г. наблюдается ужесточение политики государства в отношении верующих. В 1948–1950 гг. в СССР был закрыт 31 православный монастырь, усилилось идеологическое давление, активизировалась атеистическая пропаганда общества «Знание».

Омские пастыри первых послевоенных лет приходили на кафедру, пройдя немалые жизненные испытания. И власть настаивала, чтобы смена пастырей осуществлялась РПЦ как можно чаще, опасаясь укрепления их авторитета и влияния. За рассматриваемый период в епархии сменилось четверо пастырей: Алексей (Пантелеев) (28.11.1946–04.09.1948), Палладий (Шерстенников) (18.11.1948–21.02.1949), Ювеналий (Килин) (21.02.1949–31.07.1952), Никандр (Вольянкин) (31.07.1952–08.07.1956).

Судьбы этих иерархов складывались, как правило, драматически. Архиепископ *Алексий (Пантелеев)* до назначения на омскую кафедру служил в приходах РПЦ в США. *Архиепископ Палладий (Шерстяников)* прошёл ад сталинских лагерей, будучи осуждён по ст. 58-10 УК РСФСР. Сменивший его на кафедре *архиепископ Ювеналий (Килин)* тоже прошёл нелёгкий жизненный путь. В годы гра-

жданской войны он, уже будучи монахом, бежал от преследований большевиков за границу. В 1922 г. им был основан мужской монастырь на Крестовском острове, что в окрестностях Харбина. В октябре 1945 г., вместе с большинством духовенства Харбинской епархии, был принят в состав Московского Патриархата. С 1946 г. – епископ Шанхайский. В январе 1947 г. прибыл в СССР и пребывал в Псково-Печерском монастыре. Позже был назначен епископом Челябинским и Златоустовским, архиепископом Иркутским и Читинским, с 21 февраля 1949 г. – Омский и Тюменский [5].

В непростой ситуации находились в это время и *верующие других конфессий*: протестанты, мусульмане, иудеи. И всё-таки их положение было несколько лучше, чем в довоенное время. В 1944 г. произошло объединение *баптистов и евангельских христиан* во Всесоюзный совет (ВСЕХБ), а в 1945 г. к нему примкнули пятидесятники и меннониты. Тогда же у баптистов произошёл раскол: верующие, отказывающиеся соблюдать советское законодательство о культах, не желающие проходить официальную регистрацию своих общин, создали свою организацию. Этот раскол проявился и среди омских баптистов. В 1945 г. омская баптисткая церковь была зарегистрирована. В 1949 г. в Омске существовала баптистская община (около 1000 человек), но молитвенные собрания, по данным Н.И. Лебедевой, она проводила в частных зданиях, так как ей было отказано в предоставлении помещения. В 1950 г. регистрация омских баптистов была отменена, но в 1964 возобновлена. В это же время многие общины баптистов-сторонников оргкомитета («инициативники») действовали нелегально.

Определённые послабления после войны почувствовали и верующие *иудеи*, но ненадолго: осложнение отношений с Израилем и борьба с «космополитизмом» привела к новым гонениям. Исполняющий обязанности раввина Э.Н. Столяр был осуждён на 25 лет лагерей (в 1956 г. освобождён и оставался главой общины до 1970 г.).

После смерти И.В. Сталина были отменены спецпоселения, освобождены политзаключённые, что позволило некоторым верующим возобновить религиозную жизнь. Но вскоре положение всех верующих значительно ухудшилось: в годы так называемой хрущёвской «оттепели» властями были возобновлены гонения (в том числе уголовные преследования) на верующих, массовые закрытия храмов.

1. *Лебедева Н.* История омских храмов. URL: <http://www.omsktime.ru/church/krestovoz.html> (Дата обращения 07.12.2011).

2. Омск – центр Омской епархии // Официальный сайт рекламного агентства «Компаньон». 2007: URL: http://www.companion-omsk.ru/omsk_history/eparhia/ (Дата обращения 07.12.2011).

3. Горбатов А.В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск, 2008. С. 134.

4. Советская жизнь. 1945–1953. М., 2003. С. 651, 660–661.

5. Ювеналий (Килин), в схиме Иоанн, архиепископ Ижевский и Удмуртский. URL: http://martirologvyatka.ortox.ru/vjatskijj_sinodik_-_arkhierei/view/id/8986 (дата обращения 17.12.2011).

И.Е. Бродский, С.Н. Шпынов

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1960 ГГ.: ЭНТУЗИАСТЫ КУЛЬТУРНОГО ФРОНТА

В названный период наш город становился крупнейшим индустриальным и культурным центром Западной Сибири. Строятся заводы, предприятия нефтехимии, идет увеличение объема производства. Растет численность населения. Наблюдается подъем культурного уровня омичей.

Росту промышленности, жилищного строительства и благоустройства соответствовало и повышение уровня духовного бытия, удовлетворения возросших эстетических запросов. Что же происходило в культурной жизни горожан? В девяти институтах города обучалось 42 тыс. студентов. Ученые омских вузов вели разработку важных научных проблем. Серьезный вклад в развитие советской науки внесли: действительный член Академии медицинских наук В.П. Бисярина, лауреат Ленинской премии, член-корреспондент ВАСХНИЛ К.П. Горшенин, заслуженный деятель науки и техники Т.П. Алексеева, М.Ф. Карасев, В.С. Мезенцев, А.С. Атавин, Д.Я. Криницин.

При домах культуры и клубах работают кружки и коллективы художественной самодеятельности, в которых участвуют тысячи омичей. В 1958 г. у нас был сооружен современный областной телецентр. В те же годы в Омске работала группа прозаиков, поэтов и критиков. Произведения некоторых писателей стали известны далеко за пределами нашей области. Находившийся в Омске поэт Леонид Мартынов опубликовал лирические сборники «Лукоморье» (1945), «Эрцинский лес» (1947). Лирика Л. Мартынова явилась заметным яв-

нием советской поэзии. В городе на Иртыше началась литературная деятельность Сергея Залыгина. Он публикует сборники рассказов, очерки.

Выходят в свет книги очеркиста Леонида Иванова. В начале 1960-х гг. была создана Омская областная писательская организация, которая объединила прозаиков, поэтов и критиков. В частности в неё входили прозаики П. Карякин, В. Полторакин, Т. Гончарова, И. Петров, критик Е. Беленький.

Значительных успехов достигли омские художники. В конце 1950 – начале 1960-х гг. Омский союз художников пополнился молодыми кадрами живописцев, графиков, скульпторов. Союз художников организует передвижные выставки в сельских районах. Далеко за пределами нашего края стали известны картины заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора живописи, члена-корреспондента Академии художеств СССР (впоследствии народного художника РСФСР, лауреата Государственной премии им. И.Е. Репина) А.Н. Либерова и народного художника РСФСР К.П. Белова.

Однако наибольших успехов добились омичи в области создания музыкальных коллективов. В 1950 г. возник Омский Государственный русский народный хор. Основателем и первым художественным руководителем стала Елена Владимировна Калугина (1902–1962) – выдающийся музыкант, организатор, энтузиаст хорового пения. В 1920–1940 гг. она руководила профессиональными и самодеятельными хорами и вокальными группами. В 1938 г. явилась основателем дирижёрско-хорового отделения Омского музыкального училища. После войны Калугина стала инициатором и организатором массовых праздников песни. Сегодня эта традиция продолжена фестивалем «Певческое поле».

Но вернемся к Омскому хору. Е.В. Калугиной была проделана огромная работа по отбору и обучению вокалистов (брала людей без музыкального образования). Немало сил было потрачено в процессе подготовки репертуара, состоявшего преимущественно из песен и плясок, записанных в районах Омской области. И вот результат – в 1953 г. в Бухаресте, на IV Всемирном фестивале молодежи и студентов Омский хор был удостоен золотой медали и диплома I степени. После этого хор гастролировал во многих странах. Прославил наш Омск. А труд Калугиной был отмечен в 1955 г. орденом «Знак Почета». А через год ей присвоили звание заслуженного деятеля искусств РСФСР [1].

Значительную роль в создании Омского хора и организации гастрольной деятельности сыграл директор филармонии Юрий Львович Юровский (1941–1989). Он же директор хора. Юровский стремился создать комфортные условия для артистов, обеспечить хор всем необходимым. Благодаря его блестящим организаторским способностям стало возможным сформировать коллектив хора, а затем добиться «зеленого света» для гастролей омских исполнителей. Сначала по всей стране, а затем и за рубежом. Так Омский хор явился одним из самых известных коллективов СССР.

В 1966 г. Юровский и дирижер С.А. Коган создали Омский симфонический оркестр. Довольно скоро оркестр добился серьезных творческих успехов – заслужил звание академического [2].

Помимо хора и оркестра Юровский принял активное участие ещё четырех творческих коллективов филармонии: хореографического ансамбля «Ритм-балет», «На эстраде омичи», оркестра народных инструментов, академической хоровой капеллы. Как директор филармонии, он добился того, что в Омск приезжали виднейшие деятели советского музыкального искусства и прославленные коллективы страны.

1. Бродский И.Е., Шпынов С.Н. Корифеи омской культуры. Омск, 2012. С. 33–45.

2. Там же. С. 61–77.

Р.С. Колокольчикова

РОЛЬ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ (СЕРЕДИНА 1960-Х – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)

Специальной государственной программы для развития культуры индустриальных городов, с учетом их проблем, таких как высокие темпы роста численности населения, преимущественно за счет интенсивной миграции; своеобразии городского населения, состоявшего, в основном, из различных маргинальных групп, с соответствующими социокультурными характеристиками: преобладание молодежи в составе горожан; отставание от темпов роста людности го-

родов их социокультурной инфраструктуры; отсутствие на территории городов новостроек устойчивых культурных традиций и т. п. – в изучаемый период не имелось. Это обстоятельство в значительной степени компенсировалось усилиями местных Советов, администрации и профсоюзов градообразующих производств, а также творческой интеллигенции по формированию культурной среды индустриальных городов.

Огромные миграционные потоки, хлынувшие на промышленные новостройки «старых» городов, меняли их социокультурную среду, размывая их культурные традиции. Известный писатель А. Яшин, побывав в Череповце в 1960-е гг., записал в своем дневнике, характеризуя социокультурную среду города того времени: «После демонстрации (Первомайской. – *Р.К.*), когда оцепление сняли, народ хлынул на площадь. На площади пляски, танцы, все под гармошку. Поют частушки. В домах тоже гармошки, поют. Все как в деревне. В Череповце много пьют. Редкий праздник обходится без драк. Все деревенское – и люди, и песни, и пляски, только дома городские. В домах квартиры заселены той же деревней. В новом Череповце быт и нравы, и говор деревенские. А старый деревянный, внешне похожий больше на деревню – интеллигентнее, солиднее нового» [1]. Однако полагать, что в «старых» городах, менявших свою градообразующую основу, начинавших развиваться по модели советских индустриальных городов, традиции городской культуры были утрачены вовсе, а в городах-новостройках полностью отсутствовал «социальный капитал» для воспроизводства норм городской жизни, было бы неверным. Носителями городской культуры, норм и ценностей городского образа жизни являлись немногочисленные коренные жители «старых» индустриальных городов, а также относительно узкий слой интеллигенции – высококвалифицированных специалистов – строителей, химиков, металлургов, горняков, врачей, учителей, работников культуры и др., мигрировавших в индустриальные города Европейского Севера России из городов – культурных и интеллектуальных центров страны. Именно эта часть мигрантов, а также коренные жители сохраняли и развивали в индустриальных городах традиции собственно городской культуры, уклада городской жизни. Именно эта часть горожан задавала модель поведения для тех, кто попал в маргинальную среду и стремился включиться в разнонаправленные адаптационные процессы к новым для них условиям городской жизни, городской культуре.

Учитывая региональную и общесоюзную значимость крупнейших строительных проектов региона, а также международное сотрудничество на строительстве отдельных проектов (что им обеспечивало повышенное миграционное притяжение. – *Р.К.*), новостройки некоторых индустриальных городов были отнесены к «особым объектам», и их культурное обслуживание находилось под контролем соответствующих областных комитетов КПСС и ВЛКСМ, под покровительством ЦК комсомола и партии, что создавало благоприятные условия для насыщения культурной среды индустриальных городов лучшими образцами театрального, изобразительного, вокального, танцевального и других видов искусств, использования для этого лучших представителей творческой интеллигенции не только региона, но и страны.

Хотя основное «поле» деятельности по формированию культурной среды индустриальных городов принадлежало местной творческой интеллигенции, однако «культурное» шефство» творческой интеллигенции областных центров, Москвы и Ленинграда стало важнейшей составляющей повседневности населения индустриальных городов Европейского Севера России.

Тесно сотрудничали в начале – середине 1980-х гг. коллективы Костомукшского горнообогатительного комбината и Карельской государственной филармонии. Творческое сотрудничество было оформлено специальным договором, в соответствии с которым в трудовых коллективах комбината, а также в городе Костомукше проводились концерты исполнителей Карельской филармонии, гастрольных коллективов; абонементная работа филармонии в школах, общежитиях, в залах дворца культуры. Кроме того филармония оказывала консультационную помощь коллективам художественной самодеятельности, режиссерам, концертмейстерам г. Костомукши [2]. Шефом дворца культуры г. Апатиты была молодежная группа артистов Большого театра, которая консультировала самодеятельные коллективы города, давала концерты на сцене дворца культуры.

Активно сотрудничал с профессиональными творческими коллективами сталепрокатный завод г. Череповца. В 1970-е гг. сталепрокатчики подписали договоры о сотрудничестве с Вологодским драмтеатром, Ленинградской филармонией, Московским академическим театром им. Е. Вахтангова. В соответствии с этими договорами артисты выступали с циклами музыкальных лекций в общежитиях и цехах завода, в подшефных школах сталепрокатчиков. Прямо в цехах,

красных уголках во время обеденного перерыва или сразу после окончания рабочей смены проводились творческие встречи артистов и музыкантов с рабочими, давались концерты. В 1974 г. со сценической площадки спортивно-концертного зала «Алмаз» с шефским концертом для череповчан выступил оркестр Олега Лундстрема [3].

Дружеские связи установились в начале 1980-х гг. между строителями домны № 5 на Череповецком металлургическом комбинате и редакцией журнала «Наш современник», издательством «Советский писатель», Московской писательской организацией, которые в порядке шефства над строителями важнейшего народно-хозяйственного объекта страны подписали договор о сотрудничестве. Парткомом и профсоюзным комитетом Всесоюзного объединения «Череповец-металлургхимстрой» в соответствии с этим договором учреждалась ежегодная премия «Северянка», которая, вручалась авторам лучших произведений о рабочем классе. Учреждение премии повысило интерес журналистов, писателей, издательств к трудовым будням строителей. Литераторы, журналисты стали часто бывать на объектах домны, встречаться с рабочими, руководителями стройки, искать и находить здесь героев своих произведений [4].

Потребность горожан в участии творческой интеллигенции в формировании культурной среды индустриальных городов усиливалась по мере завершения формирования градообразующей основы, стабилизации состава населения индустриальных городов, появления в городах новых сценических площадок, позволявших расширять культурные связи. Все большее число горожан усваивало образцы поведения, нормы и ценности городской культуры, испытывало все больший интерес к профессиональному искусству. Следствием стало принятие решений о создании профессиональных театров, открытии картинных галерей, филармоний, выставочных залов и других учреждений культуры во многих индустриальных городах Европейского Севера России.

1. Яшин А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Статьи, очерки, дневники, письма. М., 1986. С. 266–267.

2. Архив Костомукшского горнообогатительного комбината. Д. 772. Л. 40–41, Д. 396. Л. 5–6.

3. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 336. Л. 155, 156.

4. ЧЦХД. Ф. 363. Оп. 2. Д. 97; газета «Коммунист»: печатный орган горкома КПСС и городского Совета народных депутатов г. Череповца. 1984. 13 июня.

РАЗВИТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В СУРГУТЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX В.)

Открытие крупнейшей нефтегазовой провинции в Западной Сибири стало решающим фактором интенсивного культурного строительства на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Становление музыкального образования в Сургуте являлось одной из главных примет таких перемен. Если в 1960 г. в тогда еще рабочем поселке Сургут насчитывалась одна музыкальная школа, то в 1992 г. в новом городе функционировало уже пять начальных музыкальных образовательных учреждений. Большим событием в городе нефтяников, газовиков и строителей стало открытие в 1972 г. музыкального училища, первого городского среднего специального учебного заведения [1]. В 1997 г. здание училища было капитально отремонтировано силами специалистов АО «Сургутстройтрест» и «Еврострой», в нем был установлен первый в Среднем Приобье орган. Общеизвестно, что это новое здание является одним из лучших среди зданий средних специальных учебных заведений России.

Но в первую очередь высокой оценки заслуживает педагогический коллектив Сургутского музыкального училища, благодаря которому Сургут не стал гастрольной площадкой для музыкальных программ нередко далеких от подлинного искусства заезжих областных и столичных «филармонистов». Преподаватели и лучшие учащиеся музыкального училища оказались способными самостоятельно разработать и осуществить целый ряд качественных проектов музыкального просвещения жителей города и Сургутского района. Только в 1984–1985 учебном году они дали около 250 концертов. На воскресные выступления учащихся и преподавателей сургутского музыкального училища горожане приходили семьями, награждая овациями своих местных кумиров.

В 1990-е гг. Сургутское музыкальное училище становится ярким центром классического и народного искусства, концертно-исполнительской деятельности на севере Тюменской области. Еще в 1987 г. при поддержке директора училища И.К. Хейшко и коллег по преподавательскому цеху О.Д. Пилецкой, М.Я. Аврутиной, Е.И. Гусаковой, С.Г. Лалаян, Н.Е. Рыговой, Л.Ю. Гришиной заведующая

фортепианным отделением Ирина Ткаченко создала музыкально-просветительский центр «Классика», работавший с эффективностью крупной филармонии. Благодаря центру «Классика» в Сургуте выступали музыканты мирового уровня, такие как скрипач Максим Федотов, виолончелист Кирилл Родин, пианисты Андрей Диев и Наталья Панкова, вокалист Анатолий Сафиулин, джазовый музыкант Даниил Крамер, солисты Большого театра Ирина Архипова и Зураб Сотквилава, Владислав Пьявко и другие видные отечественные исполнители.

В Сургуте формировалась и собственная когорта ярких профессиональных исполнителей и творческих коллективов из числа преподавателей и выпускников музыкального училища. Незгладимый след в истории культуры Сургута оставила юная пианистка Алина Коршунова, ушедшая из жизни в шестнадцать лет, но сумевшая за свою короткую, но блестящую концертную деятельность покорить слушателей всего мира. «Лучшие залы России были к ее услугам-и, что немаловажно, полные залы. Ее игрой восхищались лучшие музыканты мира, она была любимицей Спивакова» – так писали ценители ее пленительного таланта [2].

Не меньших творческих успехов достигли академические хоровые коллективы Сургута. В 1991 г. по инициативе Общества русской культуры был образован, а в 1995 г. зарегистрирован как муниципальный профессиональный коллектив ансамбль духовной музыки «Светилен» под руководством Е. Пахнюк. С творчеством ансамбля «Светилен», сочетающего концертную деятельность и пение на клиросе, знакомились в 1990-е гг. и россияне и жители дальнего Зарубежья. Так, например, ансамбль выступал в Крестовой палате Суздальского кремля в одном концерте с И. Архиповой и гастролировал совместно с музыкантами государственного Вивальди-оркестра под руководством С. Безродной. В 1998 г. коллектив завоевал диплом первой степени за программу «Поющая Россия». В 1999 г. он стал лауреатом Международного фестиваля музыки в Санкт-Петербурге и весной 2000 г. был приглашен на гастроли во Францию.

Прививать слушателям любовь к музыке и умение понимать хоровое искусство – главные задачи просветительской деятельности Камерного хора, созданного в 1990 г. преподавателями и студентами хорового отделения Сургутского музыкального училища под руководством А. Смолиной. Такие же задачи ставил перед собой один из старейших песенных коллективов Сургута ансамбль «Росинка», сформированный Н.И. Карасевой еще в далеком 1975 г. Большой

вклад в популяризацию народной музыки внесли так же созданный в 1985 г. вокальный ансамбль «Рябинушка» под руководством А. Короля, песенный коллектив «Югра» и ансамбль «Карусель».

На северной земле посеянные преподавателями и студентами училища плоды любви к музыкальному искусству повсеместно давали богатые всходы. В 2000 г. в Сургуте работало 13 народных и 4 академических коллектива самодеятельного музыкального творчества [3].

1. Югра. 1997. № 11. С. 10.

2. Дворникова Т. Дорога к храму // Югра. 1999. № 8. С. 25.

3. Сургут: культура, молодежная политика и спорт. Сургут, 2001. С. 5.

Р.А. Смирных

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ГИТАРУ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Гитара появилась в России в середине XVIII в. и вскоре стала одним из самых любимых музыкальных инструментов. Гитара оказалась чрезвычайно востребованной в городской среде, где любили петь песни и романсы, с их неизменными басо-аккордовыми формулами сопровождения. Исполнение романсов под аккомпанемент клавикорда, арфы или гитары считалось обязательным для каждой благовоспитанной девицы. Даже три из пяти дочерей Павла I брали уроки игры на гитаре у Карло Каннобио.

В целом, можно сказать, что во всех европейских странах гитара в последнее десятилетие XVIII в. становится самым популярным инструментом домашнего музицирования (наряду с фортепиано). Основными причинами популярности гитары, начиная с этого времени, следует признать усовершенствование инструмента, его портативность и универсальность, дешевизну и доступность для всех слоев населения. В России этот процесс немного запоздал, и популярность гитары в более-менее широких слоях населения пришла в первой трети XIX в. «Гитара – инструмент наиболее распространенный в России, потому наиболее, что кроме сословия образованного, на нем играет и простой народ» [1].

Гитарное искусство развивалось в большей степени в столицах, то есть в центре. Здесь чаще отмечалось появление иностранных

исполнителей. Известные русские исполнители также жили в Москве или Санкт-Петербурге.

Начиная со второй трети XIX в., развитие «гитаризма» отмечается в провинции. В подтверждение этому можно привести материалы семейного архива И.Д. Ильина, протодиакона Симбирского Троицкого кафедрального собора, также имевшего популярность в своем городе в качестве певца. Он говорил, что среди горожан средней руки, особенно интеллигенции, большой любовью пользовалось семейное музицирование на фортепиано, рояле, гитаре и народных инструментах. В его семейной переписке упоминается факт приобретения музыкальных инструментов, таких как гитара и балалайка.

Большое распространение в середине XIX в. гитара получила в Сибири. Исследователи связывают это с увеличением потока ссыльных поселенцев в Сибирь, активизацией политической ссылки. Однако повсеместного распространения в сельской среде гитара не получила, так как в деревне была популярна балалайка, а во второй половине XIX в. балалайку потеснила гармонь.

Со второй половины XIX в. гитара, оставаясь столь же неизменным аккомпанирующим инструментом в сфере городской песни и романса, цыганского пения, постепенно утрачивала свое значение в отечественном обществе из-за снижения профессионального уровня мастерства гитаристов. Вот как характеризует данное явление музыкальный критик А.С. Фаминцын: «Сделавшись орудием галантерейного обращения среди низших слоев общества, признаком мещанской цивилизации, гитара опошлилась, звуки ее стали служить к сопровождению банальных "чувствительных" романсов. Сама игра на гитаре, на этом "лакейском" инструменте, предмете торговли табачных лавок, – сделалась признаком дурного тона в обществе; гитара исчезла из него окончательно» [2].

О статусе гитары в городской среде Омска начала XX в. можно узнать из воспоминаний писателя Леонида Мартынова «Воздушные фрегаты». Он отмечает повсеместное увлечение музыкой, характерное для всего омского общества начала XX в.: «Практически в каждом доме, где могли себе это позволить, было пианино, но оно попросту не нашло бы себе места в тесных комнатных шкафах нашего жилища, где едва находил себе приют лишь граммофон» [3]. Гитара, как инструмент для домашнего музицирования, не удовлетворяла потребности даже представителей средних городских слоев, к которым относилась семья Леонида Мартынова. «В моем окружении, в нашей

среде, в среде наших ближайших знакомых гитара была отнюдь не в чести. Я не хочу сказать, что рос под звуки самой высокой музыки, но, тем не менее, гитара у нас считалась символом пошлости и мещанства. Гитара приличествует семинаристам, канцеляристам, телеграфистам и писарям» [4]. Таким образом, отношение к гитаре и гитаристам в конце XIX – начале XX вв. было весьма противоречиво. С одной стороны, представители привилегированных сословий смотрели на нее как на мещанский инструмент, аудиторией которого были только незнатные слои общества. С другой стороны, в городских низах и низших слоях офицерства признавали за гитарой все ее достоинства, и в этой среде она была широко распространена.

Подобное уничижительное отношение к гитаре сохранилось и в 20–30-е гг. XX в. Начинаясь кампания борьбы с формализмом в искусстве, преклонением перед Западом. Это было время, когда гитара считалась инструментом, недостойным концертной эстрады. Решением властей «космополитическими инструментами» были объявлены аккордеон, четырехструнная домра и гитара. Эти инструменты чиновники от культуры хотели изъять из учебного процесса. В этот период гонения, отмечает И. Рехин, гитаристы переходили на балалайку или домру, чтобы как-то свести концы с концами [5].

Возрождение интереса к гитаре в городской культуре, следовательно, и повышение ее статуса приходится на 60-е гг. XX в. Связано это со многими факторами. Во-первых, это ослабление идеологического диктата в период оттепели, когда гитара перестала восприниматься как буржуазный и враждебный элемент. Во-вторых, это установление прочных культурных связей со странами Запада, где гитара уже с начала XX в. прочно заняла лидирующее место в сфере исполнительства, выражением чего стали гастроли западных виртуозов в Москве и Петербурге. И вновь именно столичные города стали той «платформой», с которой интерес к гитаре начал заново распространяться в провинции.

В 80-е гг. XX в. сохраняется тенденция к распространению гитары в городской среде. Интерес к гитаре подогревался влиянием массовой культуры, одним из проявлений которой являлась рок-музыка, как западная, так и отечественная. Игра на гитаре в компании подростков становится модным веянием времени, образ «парня с гитарой» приобретает романтический полугероический оттенок.

Взгляд на гитару как на элемент городской культуры постоянно менялся. Факторы, обусловившие такую эволюцию, различны.

Это и текущие идеологические установки, характерные для культуры определенного периода в целом, и западное влияние, с которым связано как собственно появление гитары в русской городской культуре, так и возрождение интереса к ней в середине XX в. Наконец, это и логика развития классического гитарного исполнительства, которое пришло в упадок в середине XIX в., с чем связано и постепенное угасание интереса к гитаре в высших слоях общества, столь нехарактерное для предшествующего периода.

-
1. *Стахович М.А.* Очерк истории семиструнной гитары. СПб., 1864. С. 22.
 2. *Вольман Б.* Гитара в России: очерки истории гитарного искусства. Л., 1961. С. 21.
 3. *Мартынов Л.* Воздушные фрегаты. Книга новелл. М., 1974. С. 11–12.
 4. Там же. С. 13.
 5. *Рехин И.* Вариации на тему «Гитара в России» // Гитаристъ. М., 2006. № 1. С. 49.

А.И. Афанасьева

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НИКОЛАЯ КОЛЯДЫ)

Культура современного города складывается из множества компонентов. Одна из ведущих ролей в ее создании принадлежит личности. Как отмечает Л. Загс: «Никакая “организация”, никакое множество упорно работающих коллективов, при всей их огромной роли не отменит уникальной культурной значимости личностного начала» [1].

Развитие культурной жизни российской провинции невозможно без ее создателей и носителей. В Екатеринбурге, миллионном городе, десятки талантов чье творчество принадлежит мировой культуре. Но для того чтобы качественно преобразовать городскую культуру, обогатить ее, нужно быть не просто художником, но представителем местной культурной интеллигенции, активным деятелем, личностью.

Более 30 лет в столице Урала живет и работает Николай Коляда – личность многосторонняя и, в какой-то степени, даже ренессансная. Он не просто драматург, но основатель Уральской школы

драматургии. Не просто режиссер, но создатель уникального, авторского театра и крупного, самобытного фестиваля.

В 15 лет Н.В. Коляда поступил в Свердловское театральное училище, на актерский факультет. Закончив, какое-то время работал по специальности в театре драмы. Но актерской деятельности для человека такого масштаба оказалось недостаточно. И Н. Коляда, отучившись в Московском литературном институте, начинает писать пьесы. Первая же его работа «Игра в фанты» имела оглушительный успех, ее поставили более чем в 100 театрах страны. К настоящему моменту Коляда написал 93 пьесы, 38 из них поставлены.

С 1994 г. он начинает в качестве режиссера ставить спектакли на сцене Свердловского Драматического театра драмы. А в 2001 г. создает ни на что не похожий, обладающий уникальным авторским стилем, «Коляда-театр».

Параллельно с театральной деятельностью в течение 11 лет (с 1999 по 2010 гг.) Н.В. Коляда был главным редактором журнала «Урал». Как писал А.Ф. Еремеев: подлинный интеллигент провинции «всегда полон инициатив и затевает нужные людям дела. И во всем этом он – доброволец... Он умный, расчетливый практик, добивающийся не эфемерного, а подлинного эффекта» [2].

Примечательно, что к моменту прихода Н. Коляды в журнал, его тираж, бывший некогда 120 тысяч, после разрушительных 1990-х упал до 274 экземпляров. Коляда журнал возродил. Он создал акцию «Спасем «Урал»: обновил творческий актив, набрал новых журналистов и писателей, обратился к общественности, выступал на радио. Как результат, тираж поднялся до трех с лишним тысяч, появились подписчики по стране, два интернет-сайта, установились литературные связи с российскими столицами и зарубежными странами (выпущены немецкий, голландский, американский, французский, израильский номера).

В России, где противостояние «столица – провинция» крайне обострено, тонкий слой провинциальной интеллигенции, в большинстве своем не может обеспечить необходимой для творчества духовной атмосферы. И большинство талантливых писателей, художников, музыкантов рано или поздно устремлялось жить в столицы. Поэтому на плечи тех немногих представителей культурной интеллигенции, кто выбрал жизнь в провинциальном городе, ложится как бы особая миссия: созидать духовную культуру. Во многом благодаря осознанию своей особой жизненной роли им удается быть многогранным и одновременно не расплываться.

Результатом творческого поиска Н. Коляды стало нововведение на российской сцене – «Театральные марафоны», которые он позаимствовал у коллег из Германии. Формат, при котором с 12 дня до 12 ночи с небольшими перерывами профессиональные актеры читают пьесы молодых драматургов. И все 12 часов в зале аншлаг. Объясняя этот феномен, Коляда предполагает: «вероятно, кто-то понимал, что на их глазах делается «культурное событие» и что больше это никогда не повторится».

Деятельный подвижник современной драматургии Коляда вводит форматы, при которых новые тексты, не будучи поставлены как полноценный спектакль, начинают звучать, а значит, могут быть услышаны. Помимо Театрального Марафона, который как событие крупное проходит только 2 раза в год, существует еще и регулярный проект Театр в Бойлейрной, где также актеры проводят театрализованные презентации новых пьес.

Самое масштабное из созданных Н. Колядой мероприятий – это международный фестиваль современной драматургии «Коляда-Plays». Впервые он прошел еще в декабре 1994 г. Это был уникальный и достаточно крупный (18 театров России, Ближнего и дальнего зарубежья) фестиваль пьес одного драматурга. Но из-за недостатка финансирования, второй раз фестиваль был проведен лишь в 2008 г.

«Коляда-Plays» не единственный театральный фестиваль в Екатеринбурге. Но его выгодное отличие в ежегодности, в постоянстве, в разножанровости и «в стремлении охватить неохватное и объять необъятное». «Коляда-Plays» – фестиваль-первопроходец, именно здесь многие пьесы впервые оживают на сцене. Он даёт возможность молодым драматургам показать себя, сделать первые шаги в профессии. Но главное, что фестиваль затрагивает весь город, а не только узкую касту театралов. Среди пространств, в которых играют спектакли, есть открытые городские площадки, которые привлекают внимание простых горожан, и таким образом начинает работать простаивающая туристическая инфраструктура. А. Еньшин подчеркивает: «Екатеринбург может привлекать туристов. Событие, которые объединит всех, создано, осталось вдохнуть в него силы, расширить его масштабы, просто помочь» [3].

Многие театральные деятели отмечают, что фестиваль уникален именно благодаря личности Н. Коляды, которому удалось придать ему особый «семейный характер».

В заключении, необходимо сказать главное: одной из особенностей деятельности интеллигенции провинции является ее воспи-

тующее значение, воздействие на другие слои населения. Главным объектом воздействия Николая Коляды является молодежь.

Непосредственно вести курс «драматургическое искусство» в Екатеринбургском государственном театральном институте (ЕГТИ) он стал с 1994 г. Благодаря без малого двадцатилетней преподавательской деятельности, сложилось понятие «Уральская школа драматургии». Среди учеников мастера можно отметить таких ныне известных драматургов, как Олег Богаев, Василий Сигарев, Александр Архипов, Ярослава Пулинович, Анна Батурина и т. д.

Однако не только преподаванием, но и всей своей деятельностью Коляда выражает стремление работать с молодым поколением. Он убежден, что современные пьесы русской сцене очень нужны в первую очередь для того, чтобы в театры пришла молодежь. «Пусть смотрят современный театр, живой, который делают их сверстники, о том – что им интересно, чем они живут» [4].

К слову сказать, в репертуаре «Коляда-Театра» есть и классики мировой драматургии (В. Шекспир, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин), но ставит их Н.В. Коляда настолько революционно, что ни у кого не остается сомнений: его театр живой и современный и говорит только на актуальные темы.

А.А. Данилов и В.С. Меметов подчеркивают, что «одной из ярких черт духовного мира интеллигента провинции являлось и является наличие чувства малой родины, осознание им в этом родном месте кровного интереса» [5]. У Николая Коляды не раз была возможность переехать в столицу или за границу. Но благодаря своим личностным убеждениям, местом жизни и работы раз и навсегда он выбрал Екатеринбург. За что жители столицы Урала, без сомнений, платят ему уважением и любовью.

1. Загс Л.А. Загадка Екатеринбургской культуры // Культура Екатеринбурга: время зрелости и перспективы: материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 17–22.

2. Еремеев А.Ф. Неочевидность очевидностей // Известия Уральского государственного университета. 1997. № 05. С. 15–22.

3. Еньшин А. Вступительная статья // Театральная газета. 2010. № 1. С. 1.

4. Коляда Н.В. Николай Коляда – такой «добрый дядя» // Театральная газета. 2008. № 7. С. 1.

5. Данилов А.А., Меметов В.С. Сущностные черты интеллигенции российской провинции // Интеллигент в провинции: тезисы докладов Всерос. науч.-практ. конф. Иваново, 1997. С. 90–91.

**ДИНАМИКА ТВОРЧЕСКОЙ ПАЛИТРЫ
ПЕРМСКОГО ТЕАТРА «У МОСТА»
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

Театр это открытая система, которая реагирует на социально-культурные изменения в обществе, тесно с ними взаимодействует. История существования пермского театра «У Моста» насчитывает 24 года. Это творчески зрелый, самобытный театральный организм, хорошо известный как в России, так и за рубежом. Творческий почерк театра не оставался неизменным, реагируя на изменения в социокультурном климате страны. Особенно наглядно эти изменения отразились в репертуаре театра. Динамика творческой палитры театра, ее связь с социокультурными смыслами времени в центре нашего внимания.

В истории существования театра «У Моста» можно выделить два периода: с момента появления (1988 г.) до начала 2000-х гг.; с начала 2000-х гг. до сегодняшнего дня.

Время конца 1980–1990-х гг. можно характеризовать как переходное, нестабильное, что связано с разрушением старых основ общественной жизни в условиях, когда новые еще только формируются. Отсюда ситуация неопределенности, которая охватывает самые различные сферы: политическую, экономическую и духовную. Нестабильность времени компенсируется в театральном репертуаре обращением к произведениям классиков. Классика «подключает» современного человека, уставшего от перемен, к вечным, неизменным ценностям, упорядочивает хаос современной жизни. Эта потребность свойственна всем переходным эпохам – почувствовать присутствие «нескончаемого в конечном» [1]. Обращение к классике оказывается востребованным у публики, что и обеспечивает устойчивый интерес к постановкам театра «У Моста» в этот период.

Основной метод, через который театр реализует эту потребность – мистическое начало, которое помогает выявить внерациональные пласты. Режиссёром, создателем и художественным руководителем театра С.П. Федотовым были разработаны особые методы работы с актерами – психотренинги, которые позволяют проникнуть в глубинные внерациональные пласты классических произве-

дений. Федотов практически сразу стал строить здание в большей степени эмоционального, нежели интеллектуального театра, уверенный в том, что атмосфера спектакля способна воздействовать на под сознание и разум зрителя столь же сильно, как и словесная партитура.

В спектаклях, поставленных по Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому, А.Н. Островскому, У. Шекспиру, М.А. Булгакову акцентация мистического начала, всяческая фантазмагория, чудеса и невероятности позволяют сосредоточить внимание на вечных противостояниях добра и зла, истины и ее разнообразных искажений. Во всех случаях театру интересно обращение к глубинным основам человеческого существа, а не внешняя сторона сюжета. Зритель вместе с театром пробивается к неким изначальным архетипам, к глубинным подсознательным мотивациям человеческой жизни. Думается, популярность театра определяется именно этой его особенностью. Зрителя притягивает и ошеломляет это невероятное общение на уровне пробужденной интуиции, затрагивающее глубинные пласты человеческой психики, позволяющее открывать в себе новые уровни и тайны своего внутреннего мира. Эта особенность поэтики театра «У Моста» находит параллели с западными художественными исканиями XX в., с экспрессионистским театром, для которого также было характерно обращение к иррациональным стихиям, эмоциональность и острая выразительность. Обращение к мистике можно связать и с постмодернистской эстетикой, в которой ставится под сомнение возможность рационального познания и наоборот, большее значение уделяется интуиции и внерациональным способам контакта с миром.

Время с начала 2000-х гг. можно охарактеризовать как стабильное, что проявляется в созидательных тенденциях в разных сферах. Уже нет метаний в выборе пути, характерных для конца 1980–1990-х гг. Для общественной атмосферы становятся характерными меркантилизм, деловитость, большая трезвость, охлажденность ума и эмоционального мира. Отсюда интерес театра к глубокому проникновению в реальность, к достоверности, к натуральности быта. Человеческие связи и отношения рассматриваются теперь через призму реальной жизненной ситуации. Новая ситуация особенно ярко обнаруживает себя в обновлении репертуарной политики театра, в большом объеме современных пьес. П. Зеленка, Н. Коляда, И. Вырыпаев, В. Снегирев, В. Мамлеев – вот неполный перечень современных авторов, поставленных в этот период на сцене театра.

Особенно яркими оказались постановки пьес ирландского драматурга Мартина Мак Донаха. Именно здесь мистическое начало в театре органично переплавляется в углубленно психологическое. Федотов и театральная критика считают важнейшими достижениями этого периода уникальные трагикомические постановки Мак-Донаха. «Красавица из Линэна», «Череп из Коннемары», «Сиротливый Запад», «Калека с Инишмана» (национальная премия «Золотая маска» 2010 г.), «Безрукий из Спокена» принесли театру заслуженную славу первооткрывателей для русского театра этого уникального драматурга. В спектаклях современных драматургов режиссер стремится стереть грань между сценой и зрителями, создать предельно реальную атмосферу в стиле «реального театра». Обновление творческого метода работы с пьесой современного автора связано с обращением к реальным, существующим в современности проблемам взаимоотношений людей на первичном, начальном, бытовом уровне. Акцент делается режиссером на узнаваемости ситуаций, характеров, конфликтов. Сергей Федотов и его актеры поверили сами и заставили поверить зрителей в реальность ситуаций и персонажей Мак Донаха. И эту реальность воспроизвели на сцене. Пермскому театру удалось в спектакле главное – создать убедительную атмосферу места действия и иллюзию достоверности происходящего. «Прочно на своих вековых местах стоит прадедушкина потертая мебель, вязаные белые салфетки в буфете (может бабушкино рукоделие), распятие на стене, а рядом с ним – охотничье ружье. Все – всамделишное, все натуральное. Из крана льется вода. Когда пьют виски – в последних рядах чувствуется запах спиртного. Когда Коулмэн сжигает со злости пластиковые фигурки святых, которых любовно собирает брат, – в зале пахнет горелой пластмассой» [2].

Натуральность, реальность происходящего на сцене интересуют Федотова не сами по себе, а как объект глубокого проникновения во внутреннее пространство современника. В этом пространстве зрителю открывается катастрофическое состояние духовного мира человека новой эпохи, страшный дефицит человечности, утрату всех традиционных ориентиров культуры. Именно эстетика «реального театра» позволяет режиссеру довести бытовые и обыденные ситуации до крайнего предела, пробиться к самым глубинным тайнам нашего сокровенного «я», взорвать их, сделать объектом сильного эмоционального переживания.

Таким образом, динамика творческой палитры театра прочно связана с социокультурными изменениями, происходящими в стране.

1. *Ивинских Г.П.* Жизнь в зеркале сцены. Пермь, 2002. С. 256.

2. *Егошина О.* Братская любовь – могила // Новые известия. 2008. апр.

Н.Ф. Хилько

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИИРТЫШЬЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИХОТОМИИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ ЗРИТЕЛЯ

Анализ форм развития современного языка и семантики кинопроизведений в культуре зрительской коммуникации на примере фильмов Международного кинофестиваля «Встречи в Сибири», проходившего в г. Омске в ноябре 2011 г. показывает, что благодаря такому творческому соучастию появляется возможность выявить стилистические и композиционные характеристики картин социально-брендового репертуара. Возникающая здесь базовая система установок зрительского восприятия затрагивает восприятие медиаинформации, создание образов медиакультуры, а также – сохранение как личности самого творца, так и результатов медиаторчества, выраженных в нематериальной форме. Налицо взаимодействие экранной, информационной, коммуникативной и зрительской культуры современной кино- и телеаудитории.

Развернутый анализ эволюции изобразительного языка кинодокументалистики и телевизионных фильмов способен отразить важнейшие проблемы роли интеллигенции в российском обществе. Особую роль имеют также важнейшие аспекты развития языкового сознания как появление новых жанров, операторских приемов и особенностей монтажа. Обнаруживается, что, действительно, многообразные особенности социокультурной структуры документальных фильмов определяются характером семантики аудиовизуального языка в различных формах образного освоения действительности. Примеры фестивальных документально-игровых и документальных фильмов показывают, что различные элементы киноязыка опреде-

© Н.Ф. Хилько, 2012

ляются различными духовно-нравственными детерминантами и являются основой характера соответствующих смыслов экранных образов. Обнаруживается важная закономерность: бинарность художественной формы киноязыка приводит к дихотомии духовно-нравственной сферы зрителя, различных форм его видения.

Проблематика, тематика, образцы и архетипы *социального кино*, отраженного в современном фестивальном движении, формирующем новую культуру зрительской коммуникации, следует рассматривать сквозь призму культурного пространства региона. Фестивальные традиции сибиряков, пронизывающие атмосферу радужного приема, творческих встреч, дискуссий, обмена творческими достижениями, откровенным диалогом со зрителем с использованием элементов театрализации помогают расширить диапазон форм аудиовизуальной коммуникации региона. Обновление художественных методов кино и телевидения, формирующих динамичный темпоритм языка современного документального кино, позволяет усилить трансляцию и синтез культурных ценностей культуры различных диаспор, регионов, включая страны СНГ.

Проведенный *социально-культурный анализ средств аудиовизуального языка* отражает важнейшую проблему современности – взаимоотношения подрастающего поколения со взрослыми и права ребенка на примере современной семейной драмы. Через исследование сюжета и стилистики фильма в его игровой атмосфере выявляются ключевые идеи регуляции нравственных взаимоотношений общества, спроецированных на установление преемственных связей поколений и взаимопонимание героев картины. Отражение социального протеста через неподражаемое чувство и социокультурный диалог игры погружает кинозрителя в особый духовный контекст мировосприятия школьной темы, так редко появляющейся на современном экране.

Учитывая то, что под *языком аудиовизуальных искусств* (медиаязыком) принято понимать «изобразительные средства кино, видео, телевидения, позволяющие грамотно выстраивать сюжет, композицию кадра, выделять цветовые нюансы, цвет и тень, тона и полтона и т. п.» [1], можно заметить следующее. Синтезированные образы транслируемых на расстояние социокультурных смыслов включают в себе экранную структурированные определенным образом информацию. При этом возникающие в процессе трансляции элементы медиакommunikации являются максимально отличными от непосредственной («живой») культуры, открытыми для различных

инноваций и неопределенностей. По Ю.М. Лотману и Ю. Цивьяну в этом смысле становятся актуальными почти все (12 основных) элементы языка экрана: точка зрения, точка зрения объективная и субъективная, точка зрения и искаженное видение, кадр, кадр как рамка и «внешнее пространство», план, дальний план и пространство, крупный план, сочетание кадров и др.

Особое внимание в работе уделяется сравнению изобразительного языка *современного кино и телевидения* в контексте функционально-типологических групп различных телепередач. Описание роли функционально-типологических факторов как пространства экранной культуры, позволило понять, как формируется язык современного телевидения. Дано сравнение преобладающих позитивных, отрицательных и проблемных функций современного телевидения. На основе проведенного контент-анализа выделено соотношение групп типологий отечественного телевидения с преобладающими функциями, показана эволюция функций телевидения в доперестроечную и постперестроечную эпоху. Рассмотрены особенности экранного языка на различных телеканалах, его жанрово-функциональное своеобразие.

В связи с этим сам характер видения может иметь идентичную с медиаязыком структуру, во многом предопределяемую процессами социокультурной эволюции экранной культуры в целом и особенностей видения в частности. Как справедливо отмечает К.Э Разлогов, «формирование искусства экрана, происходящее в бурном столкновении направлений и стилей, стремительная смена которых выражает одну из существенных черт культурного развития в XX и XXI вв., далеко не во всем определяет более медленную эволюцию звукозрительного «языка». Здесь обнаруживается тот непреложный факт, что экранное искусство влияет на аудиовизуальный язык, действительно, гораздо сильнее, чем, например, художественная литература на естественный язык. Однако эти особенности в решающей мере зависят, на мой взгляд, также от формы и вида экранного произведения.

Формы образного освоения реальности в экранных искусствах, развивающиеся архетипически, образно и символически, оказали существенное влияние на кинопроцесс конца 50-х – начала 70-х гг. XX в., который, по мнению К.Э. Разлогова, «захватил наряду с массовой культурой, бывшей всегда стихией массового кинематографа «часть слоя так называемого *высокого искусства*, что стало началом конца модернизма как интеллигентской реакции на победу массовой культуры в глобальном масштабе» [2].

Это разделение коснулось также и зрительской аудитории, разделив ее на массовую и на подготовленную к восприятию экранного искусства и определив тем самым категорию сложности экранного восприятия и отнесения ряда произведений к некоторой альтернативной экранной субкультуре. Изменения в структуре аудиовизуального языка коснулись воплощения образных смыслов в документированных или реконструированных смыслах, с позиций фиксированного прямого, непосредственного фактического или деформированного видения в зависимости от замысла *автора* (режиссера).

1. Кириллова Н.Б., Хилько Н.Ф. Аудиовизуальная культура: словарь понятий и терминов. Екатеринбург, 2011. С. 188–189.

2. Разлогов К.Э. Искусство экрана: от синематографа до Интернета. М., 2010. С. 216–217.

Л.В. Секретова

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОБЛЕМАТИКЕ ИНДУСТРИИ ДОСУГА

Актуальность изучения данной темы обусловлена той ролью, которую играет досуг и способ его проведения в формировании культуры личности и общества. Сегодня этот способ все больше детерминируется индустрией досуга, само появление и развитие которой обусловлено тенденциями глобализации, экономизации культуры, коммерциализации досуга, конsumerизации форм культурно-досуговой деятельности, с одной стороны, и стремительным развитием творческих отраслей экономики, прежде всего в городах, с другой стороны. В настоящее время происходит внедрение технологических принципов в процесс организации досуга населения (ранее имели место методические принципы) и, соответственно, создается новая отрасль отечественной экономики – индустрии досуга. Различные теоретико-методологические аспекты развития социально-культурных технологий в индустрии досуга, а также его историко-аксиологические основы нашли отражение в трудах М.А. Ариарского, Г.Г. Волощенко, В.А. Есаков, А.Д. Жаркова, В.Е. Новаторова,

© Л.В. Секретова, 2012

Г.Н. Новикова, М.П. Переверзева, Г.Л. Тульчинского, Н.А. Хренова, Н.Н. Ярошенко и др. [1]

Тем не менее, не все аспекты социально-культурных технологий в индустрии досуга освещены. В частности, требует углубленного рассмотрения вопрос о воспитательных и развивающих функциях предприятий и организаций в сфере индустрии досуга. Проблема состоит в том, что при всей внешней привлекательности и технической оснащенности предлагаемых услуг, их воспитательная сторона чаще всего остается без должного внимания, а яркие и занимательные досуговые программы порой завершаются антисоциальным эффектом.

При изучении какого-либо явления важно выявить факторы, оказывающие влияние. На развитие индустрии досуга влияет ряд факторов: международные, экономические, нормативные, технические, морально-этические и иные. Под факторами (от лат. factor – производящий) мы будем понимать движущие силы, которые определяют сущность, главные направления и существенные обстоятельства рассматриваемого явления «индустрия досуга» и его развития. Мы полагаем, что к числу наиболее существенных следует отнести нижеперечисленные факторы.

Развитие науки и научно-технической базы производства во всех отраслях мировой и отечественной экономики.

Установление международных связей России с Востоком и Западом, активная туристическая деятельность россиян, широкий опыт знакомства с досуговыми традициями и индустриями зарубежных стран.

Возрастание значимости досуга в структуре ценностей человека, особенно, молодежи.

Сужение сектора государственных и муниципальных организаций и расширение сектора частных предприятий в сфере досуга.

Появление новых типов предприятий в сфере досуга, прежде всего, коммерческого типа.

Ослабление традиционных духовно-нравственных принципов отношений и поведения в обществе.

Появление в российской повседневности и откровенная демонстрация ряда нетрадиционных субкультур, в том числе в области сексуальной ориентации.

Снижение в государстве и в обществе престижа школьного учителя, вузовского преподавателя, работника сферы культуры, интеллигента.

Доминирование потребительского отношения в сфере досуга, гедонистических и зрелищных направлений в развитии досуговых форм.

Пропаганда образцов, моделей и эталонов досугового поведения (детей, молодежи и др.) через СМИ и кинофильмы.

Повышение требований населения к качеству досуговых услуг.

Расширение спектра досуговых занятий, требующих профессионального и материально-технического обслуживания (сервиса).

Рост конкуренции между организациями, учреждениями и предприятиями, работающими на рынке досуговых услуг.

Усложнение технологической системы формирования и оказания досуговых услуг, и, как следствие, их удорожание.

Увеличение технической оснащенности досуга, как внедомашних форм организации досуга, так и домашних, что диктует необходимость не только финансовых вложений, но и специальной подготовки по применению и обслуживанию сложной и дорогостоящей техники, а значит, диктует потребность в подготовленных кадрах.

Усиление дифференциации общества и, следовательно, дифференциации субъектов и объектов досуговой деятельности по имущественному признаку, что вызывает дифференциацию избираемых досуговых занятий не только по признаку досугового интереса, но по признаку стоимостной доступности.

Вхождение коммерческих предприятий индустрии досуга в сектор экономики, приносящий все большие доходы в бюджет (за счет налогов) и предоставляющий все больше мест для трудоустройства, как для специалистов сферы культуры и искусства, так и работников административного и технического персонала.

Влияние предприятий индустрии досуга на экономику в целом, стимулирование деятельности смежных секторов экономики: строительство, транспорт, торговля, производство продуктов питания, спортивного снаряжения, музыкальной и светотехнической аппаратуры, кинопроизводство, мода, образование и др.

Насыщение рынка труда (пока недостаточное) специальными кадрами, подготовленными вузами и факультетами культуры и искусств для работы на предприятиях индустрии досуга.

Закономерно, что в 2010 г. Министерством образования и науки РФ был утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 071800 социально-культурная деятельность и од-

ним из пяти профилей подготовки стал профиль «социально-культурные технологии в индустрии досуга» [2]. В 2011 г. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского впервые осуществил набор студентов по данному профилю подготовки. Мы полагаем, что индустрия досуга должна стать той областью, где не только находят свой коммерческий интерес предприниматели, но и удовлетворяются интеллектуальные и духовные потребности различных групп населения, получают развитие лучшие человеческие качества. А потому для развития индустрии досуга нужны творчески мыслящие, художественно одаренные люди, специалисты, создающие рыночные продукты и услуги, основная ценность которых заключена в их культурных свойствах. Знание и учет системы факторов, влияющих на становление и функционирование предприятий индустрии досуга, позволит специалистам, владеющим технологиями социально-культурной деятельности, добиваться не только экономического, но и культурно-воспитательного эффекта.

1. *Ариарский М.А.* Педагогическая культурология: в 2 т. Т. 2. Социально-культурная деятельность и технологии ее организации. СПб., 2012; *Волощенко Г.Г.* Досуг: происхождение и развитие. Омск, 2005; *Есаков В.А.* Управление культурой в условиях мегаполиса: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2008; *Жарков А.Д.* Технология культурно-досуговой деятельности: учеб. пособие. М., 2002; *Новаторов В.Е.* Современные технологии культурно-досуговой деятельности: состояние, проблемы, перспективы развития // Вестник Омского университета. 1999. Вып. 3. С. 109–114; *Новикова Г.Н.* Технологические основы социально-культурной деятельности: учеб. пособие. М., 2010; *Переверзев М.П., Косцов Т.В.* Менеджмент в сфере культуры и искусства: учеб. пособие. М., 2007; *Тульчинский Г.Л., Герасимов С.В., Лохина Т.Е.* Менеджмент специальных событий в сфере культуры: учеб. пособие. СПб., 2010; *Хренов Н.А.* «Человек играющий» в русской культуре. СПб., 2005; *Ярошенко Н.Н.* История и методология теории социально-культурной деятельности: учебник. М., 2007.

2. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 13 января 2010 г. № 16 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 071800 социально-культурная деятельность (квалификация (степень) «бакалавр»).

**БЕЛЯЕВСКИЙ КРУЖОК И ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
В ОБЛАСТИ РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА
В ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА III**

В 90-е гг. XIX в. в записке, составленной по просьбе государственного контролера Т.И. Филиппова для планировавшегося доклада Александру III, великий русский композитор глава «Могучей кучки» М.А. Балакирев оценил характерное для отечественной музыки противостояние в следующих словах. «В начале 60-х годов в музыкальном русском мире ясно обозначились два лагеря противоположных: первая категория во главе с Рубинштейном находила безумным стремиться в области музыки к чему-то национальному, самобытному тогда как музыкальные формы уже выработались в Европе, и, главным образом, в Германии <...> Другая категория находила не только возможным, но должным и естественным идти по стопам гениального Глинки, считая его основателем самобытной русской школы музыки» [1].

Самоназвание «новая русская школа» претерпело от 1860-х к 1890-м гг. значительные изменения. Первоначально это наименование относилось к композиторам «балакиревского кружка», – «Могучей кучки» или, как принято называть это объединение в западной литературе, «Русской пятерки». После распада «Могучей кучки» в 1870-х гг. «новой русской школой» называли деятельность отдельных композиторами кружка и некоторых солидарных с ними музыкантов. Со второй половины 1880-х гг. наименование «новая русская школа» применялось к деятелям «беляевского кружка» и так называемой «петербургской школы», олицетворением которой являлся крупнейший музыкальный и общественный деятель того времени, композитор Н.А. Римский-Корсаков.

Известный петербургский лесопромышленник и меценат М.П. Беляев симпатизировал этому направлению в целом и отдельным его представителям. Для «новой русской школы» именно Беляев был тем человеком, который объединил вокруг себя ее представителей, снабдил их недостающими средствами для развития и распространения творчества. Он предоставил в их распоряжение издательство, концерты, ежегодные поощрительные премии – те элементы, с

помощью которых была возможна активная пропаганда «национальной» музыки. В предисловии к сборнику статей и воспоминаний «Памяти М. П. Беляева», выпущенному в Париже к 25-летней годовщине кончины мецената, так была охарактеризована его деятельность: «...Дело, созданное М. П. Беляевым – огромное, культурное дело, повлиявшее на судьбы русской музыки; оно изменило отношение современного ему общества к этому искусству, до того времени остававшемуся лишь в ограниченной сфере профессиональных и любительских кружков, а ныне достигшего мирового призвания» [2].

Постепенно вокруг Беляева и его начинаний формируется кружок, состоящий из постоянных членов. Становится обычаем проведение регулярных собраний, назначаемых на пятницы. Как вспоминал Н. А. Римский-Корсаков, «к зиме 1883–1884 гг. беляевские «пятницы» стали довольно многолюдны. ... Их стали посещать Глазунов, Бородин, Лядов, Дютш и многие другие. Я тоже сделался посетителем беляевских пятниц» [3]. Можно согласиться с мнением, что рождением беляевского кружка как такового следует считать вхождение Римского-Корсакова в число постоянных посетителей «пятниц». Один из признанных вождей «новой русской школы», он придал беляевскому кружку вполне определенную направленность, связал его с предшествовавшим опытом создания национального искусства, а через некоторое время стал его фактическим главой.

Националистическая ориентация Александра III была хорошо известна. Еще будучи наследником престола, Александр был склонен усматривать источник русских проблем в немцах, где бы они ни служили – в России или в Германии. Противопоставляя «поганых немцев» и «истинно русских», он полагал, что «русскость» – понятие, несводимое просто к происхождению или языку, – оно выражается, прежде всего, во внутреннем, прирожденном патриотизме, в идеале верного служения Родине, в этике самопожертвования. Напротив, действиями «немцев» управляют лишь узкоэгоистические интересы, голый практицизм («наемничество»), ориентация на западные авторитеты.

Кроме того, Александр III был известен своей меценатской деятельностью, которая значительно приумножилась после его вступления на престол. Будучи главой Императорского исторического общества, он великодушно субсидировал издание его трудов и энергично поддержал строительство Исторического музея в Москве. Ежегодно из собственных средств им передавалась в фонд Академии художеств сумма в 20 тыс. руб. для поддержки вновь открывавшихся художест-

венных музеев. При его финансовой помощи издавался иллюстрированный художественный журнал «Вестник изящных искусств», благоприятно настроенный ко всему «российскому» и «национальному». Сам Александр III, поддерживая художников-академистов, с особой благосклонностью относился также к художникам-передвижникам. Работы передвижников были богато представлены в коронационном альбоме – художественном документе эпохи, который специально составлялся так, чтобы служить символом нового царствования.

Не осталась без внимания нового императора и русская музыка. В 1882 г. была отменена монополия Императорских театров. Это решение привело к коренному изменению российской театральной и музыкальной жизни. Другим, не менее значимым шагом, было перенесение государственной поддержки в области оперы с итальянской труппы (что быстро привело к ее падению) на русскую. Справедливости ради, однако, необходимо отметить, что оперный репертуар Мариинского театра в основном составляли не русские оперы (которых, кстати говоря, было к тому времени написано не так много), а иностранные, исполняемые на русском языке. Александр III (как позднее и его сын Николай) сам утверждал репертуар императорской оперы и балета и был почти постоянным зрителем на генеральных репетициях премьер.

Неудивительно, что сторонники «новой русской школы» возлагали на Александра III особые надежды. Это кажется почти парадоксом, но Александр III не любил музыки «новой русской школы». С.М. Волков полагал даже, что его отношение к творчеству «Могучей кучки» скорее можно было охарактеризовать как «враждебное», – «для русского националиста позиция, казалось бы, непоследовательная» [4]. Александр собственноручно вычеркнул из представленного ему на утверждение репертуара Мариинского театра оперу М.П. Мусоргского «Борис Годунов», заменив его «Эскалармондой» Ж. Массне. Что же касается русских композиторов вообще, то известно, что Александр III предпочитал музыку П. И. Чайковского, которую деятели «новой русской школы» вовсе не считали «национальной». И, наконец, следует отметить, что возвращение к широкой публичной деятельности в Петербурге А.Г. Рубинштейна, по-видимому, окончательно похоронило последние надежды на Александра III и его правление со стороны приверженцев «новой русской школы».

Что же заставляло Александра III практически игнорировать существование «новой русской школы», стремящейся к реализации

«национального» принципа в музыке? Существует несколько объяснений этого факта. В течение 1860–1870-х гг. «новая русская музыкальная школа» постоянно подчеркивала свое «новаторство», «прогрессивность», даже «революционность», таким образом позиционируя себя в борьбе с «консерваторами» и «ретроградями». Эта позиция могла сыграть роковую роль в оценке данного направления императором. Как отмечал Соломон Волков, в глазах Александра лояльность и была подлинным патриотизмом, а эстетический радикализм попахивал «подрывной деятельностью». Не случайно выходящий в Петербурге на французском языке журнал «Journal de St.-Petersbourg» называл членов «Могучей кучки» – «les pétroleurs de la république des beaux-arts». Другое объяснение заключается в том, что в области символики власти, для развития которой Александром III особенно активно использовалось искусство, преимущественное внимание было сосредоточено на образе «древней Москвы» в противовес европеизированному Петербургу. «Новой русской школе» 1880–1890-х гг. в ее «петербургском варианте» беляевского кружка в подобном раскладе не нашлось подходящего места.

1. Балакирев М.А. Воспоминания и письма. Л., 1962. С. 230–231.

2. Памяти Митрофана Петровича Беляева: сборник очерков, статей и воспоминаний. Париж, 1929. С. 13.

3. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 153–154.

4. Волков С.М. История культуры Санкт-Петербурга. М., 2004. С. 128.

Г.В. Оглезнева

И.Т. КАЛАШНИКОВ НА СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Иван Тимофеевич Калашников (1797–1863) известен как автор первого сибирского романа «Дочь купца Жолобова», романов «Камчадалка» и «Автомат», повести «Изгнанники», опубликованных в 1830-х – начале 1840-х гг., а также «Записок иркутского жителя», изданных только в 1905 г. Литературные произведения были популярны у читателей, вызвали одобрительные отзывы А.С. Пушкина и

И.А. Крылова, были замечены критикой, в том числе В.Г. Белинским, но не одобрены.

Творчество И.Т. Калашникова достаточно хорошо изучено литературоведами и историками литературы (М.К. Азадовский, Г.Ф. Кунгуров, М. Сергеев, К.В. Анисимов и др.), но представляет, что И.Т. Калашников интересен и для историков.

Прежде всего, история рода Калашниковых в определенной степени отражает процесс формирования сибирского чиновничества. Его прадед и дед добывали средства к жизни писарским делом в Нерчинске, причем, судя по имеющимся данным, дед достаточно преуспел в этом, так что был переведен в Иркутск, хотя и не смог перевести туда семью. Отец писателя – Тимофей Петрович – начал службу в Нерчинске в возрасте 10 лет в должности копииста, продолжал в Иркутске, и в отставку вышел надворным советником (чин VII класса). Известны его записки «Жизнь незнаменитого Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная, с 1762 по 1794 г.». Иван Тимофеевич получил первоклассное для того времени образование, закончив Иркутскую гимназии в 1808 г. в составе первого выпуска. В том же году, в возрасте 11 лет он начал службу подканцеляристом Иркутской казенной экспедиции, в 1822 г. по протекции М.М. Сперанского переведен был в Тобольск советником губернского правления, а уже через год – в Петербург. Постепенно повышаясь по службе, в 1859 г. И.Т. Калашников вышел в отставку тайным советником (чин III класса). Таким образом, Иван Тимофеевич был представителем четвертого поколения государственных служащих, достигавших все больших высот в карьере, во втором поколении – мемуаристом и в первом поколении – писателем.

Несомненно, Калашников был хорошим чиновником, следовательно, исполнительность относилась к числу его достоинств. Литературное творчество в рамках романтического направления, напротив, требует воображения. Соединение этих качеств в одном человеке уже вызывает наш интерес к его личности. Не претендуя на всесторонний анализ, остановимся на некоторых характеристиках этого неординарного чиновника.

Все творчество Калашникова свидетельствует о том, что стержнем его мировоззрения и восприятия окружающих была глубокая религиозность. Это определяло его критерии оценки как реальных людей, так и литературных героев. В связи с этим вызывают интерес образы чиновников в произведениях Калашникова, поскольку они от-

ражают систему ценностей автора – одного из представителей российской бюрократии.

Характеристика всякого чиновника у Калашникова начинается с перечня его личных качеств: «добрый, честный, умный» или «умный, хитрый, суровый», а уже потом указываются его профессиональные качества, которые варьируются в зависимости от чина и должности. Для чиновника – «чернорабочего» – главные достоинства – «здравый смысл, чистый слог, большая опытность», а также ответственность и исполнительность. При этом Калашников был снисходителен к некоторым, обычно критикуемым, качествам рядовых чиновников, и даже отчасти полемизировал с Гоголем. По его словам, «это подобострастие, этот трепет уездного чиновника, эта неловкость столь смешная в глазах столичного обитателя» не казались смешными провинциальным чиновникам, поскольку они сами привыкли «уважать до подобострастия своих начальников», и знали истинный источник, откуда проистекает смешная робость провинциала – «здесь должно скорее жалеть, нежели смеяться» [1].

В тех случаях, когда профессиональные и личные качества противоречили друг другу, Калашников отдавал предпочтение нравственным достоинствам чиновника. Так, в «Записках», характеризуя управление гражданского губернатора Трескина, он отмечает, что с внешней стороны в губернии все было благополучно, и даже крестьяне «более или менее свое получали», а недоставало только «человеколюбия и справедливости». «Но если бы было это небольшое (что на деле и составляет все!), то что за чудесное управление имела бы тогда Иркутская губерния!» [2]. При этом Калашников стремится к объективной оценке Трескина и замечает, что он лишен был корыстолюбия, но страдал «неограниченную гордостью и жаждой властолюбия, одною из лютейших страстей человеческих».

Парадоксальным кажется отношение умного и эрудированного Калашникова к образованности чиновников. Интерес к отвлеченному знанию, особенно к философии, изображается им как помеха службе, поскольку ведет к пустословию и нравственным порокам. Конечно, оценка всякого философского учения соотносится с основами православия. В романе «Автомат» в диалоге между Евгением (в значительной степени alter ego самого автора) и Нейвиным, прототипом которого был П.А. Словцов, ставится вопрос: «Нельзя ли философию согласить с христианством?» и дается ответ: «Каким образом? Если мы свяжем ее узами религии, она не будет философией.

Если не свяжем, разум непременно собьется с определенного пути». Актуально до сего дня звучит вопрос: «Неужели нельзя быть добродетельным без уверенности в будущую жизнь?» Калашников, вслед за Словцовым, убежден – нельзя, поскольку «с той минуты, как человек теряет эту святую уверенность, сердце его хладеет к ближнему и любит только себя» [3]. Больше всего обличал Калашников современную европейскую философию. Сатирически рисуя столичных чиновников, он указывает, что «большинство из них были люди девятнадцатого века: гордились высокими идеями, европейскими взглядами на вещи, высшим образованием, даром творчества и – не умели связать правильной фразы, были чужды постоянному труду, редко являлись к должности...» [4]. При этом они все же успешны в службе, тогда как «даровитая скромность в нашем веке не имеет должного уважения».

Критикуя столичных чиновников, Калашников в то же время неприязненно относился к обличителям чиновничества, которые «не нашли в себе довольно сил, довольно терпения и самоотвержения, чтобы вынести бремя чиновнического звания», тогда как чиновник «все свои способности, все силы, все время жизни посвятил на службу отечеству, посвятил большей частью не питаясь даже и надеждою известности, или повышения, или богатства» [5]. В этих словах литературного героя отразились представления Калашникова о сути государственной службы как службы отечеству, и, очевидно, одной из задач его литературного творчества было распространение таких взглядов. Неудача романа «Автомат», который был лишен сибирской экзотики и захватывающего сюжета, но полон теоретических рассуждений и нравоучений, свидетельствует об общественных настроениях русской читательской публики 1840-х гг.

В целом можно считать, что Калашникову достаточно гармонично удалось совместить службу государству и литературе. Чувство долга и ответственности не только способствовало продвижению его по службе, но оправдывало его занятия литературой, целью которых он считал знакомство читателей с Сибирью – его Родиной.

1. *Калашников И.* Дочь купца Жолобова Романы, повесть. Иркутск, 1985. С. 534.

2. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 310.

3. *Калашников И.* Дочь купца Жолобова... С. 529.

4. Там же. С. 585–586.

5. Там же. С. 607–608.

СТЕПЕНЬ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА*

В России второй половины XIX – начала XX в. доминировали традиционные формы культуры и образа жизни населения, у большинства сельчан и горожан была высока степень религиозности. Церковь оказывала огромное влияние, в частности, на демографическое поведение людей. Например, она прямо санкционировала половые отношения (косвенно – и производные от них зачатия и рождения) в одни календарные сроки, запрещая или ограничивая в другие – в посты, большие религиозные праздники, определенные дни недели. Однако известно, что уже тогда наметилась секуляризация массового сознания и поведения россиян. Историк Б.Н. Миронов установил, в частности, что в Европейской России доля населения, по религиозным соображениям практиковавшего половое воздержание во время Великого поста, и без того не очень большая, со временем сокращалась. Если в 1860-х гг. она составляла около четверти, то в 1880-х – 15–17 %, а в 1901–1910 гг. – только 12 % (у православных – 14, в городском населении – 4). Другой статистически проявившийся признак секуляризации – наличие заметного слоя прихожан, не исполнявших без уважительных на то причин христианский долг исповеди и причастия хотя бы раз в году. Таковых было, впрочем, немного – менее 10 % к 1913 г. [1]

Нам представляется, что в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. существовала типологически сходная ситуация. Подтверждения этой мысли встречаются в научной литературе. Например, Ю.М. Гончаров установил, что в Барнауле в 1871–1874 гг. доля жителей, практиковавших абстиненцию во время Великого поста, составляла всего 13,4 % [2]. Для более основательной проверки своей гипотезы мы воспользовались обобщенными показаниями церковных метрических книг и установили относящееся к разному времени и различным местностям календарное распределение рождений (см. таблицу).

* Выполнено при поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а «Западная Сибирь в контексте демографической модернизации».

**Распределение рождений по месяцам:
субрегиональные и поселенческие варианты, % [3]**

Месяц	Забайкальская обл. 1861–1910 гг.	Акмолинская обл. 1878–1887 гг.	Томская губ. 1870–1880 гг.		Тобольская губ. 1902–1903 гг.		Енисейская губ. 1902–1903 гг.	
			селе-ния	города	селе-ния	города	селе-ния	города
Январь	78	84	89	84	67	81	85	82
Февраль	73	75	79	79	77	87	74	82
Март	78	81	84	80	91	93	86	89
Апрель	65	77	75	78	97	75	75	80
Май	87	69	83	81	92	77	72	77
Июнь	88	80	95	94	79	95	89	83
Июль	89	95	92	89	89	93	90	86
Август	88	95	86	83	85	80	96	90
Сентябрь	89	81	73	77	73	72	79	84
Октябрь	87	100	85	93	89	90	91	85
Ноябрь	94	87	85	84	76	82	91	87
Декабрь	84	76	74	78	85	75	72	75

По данным таблицы можно установить характер воздействия многодневных постов – Рождественского и Великого – на цикличность зачатий и рождений у сибиряков. Через 9 месяцев после того и другого поста – соответственно, в сентябре и декабре – почти повсеместно наступал спад количества рождений. В качестве эталонной величины «нормального» уровня репродукции в данном случае примем рождаемость не в январе, как предполагает известная методика Б.Н. Миронова, а в июле. Дело в том, что в 1902 и 1903 гг. Великий пост охватывал целиком март и значительную часть апреля. Абстиненция понижала рождаемость не только в декабре, но также и в январе. Значит, по крайней мере, в два этих года (а на самом деле – и в некоторые другие годы изучаемого периода, когда Великий пост захватывал часть апреля) январь для сопоставления с декабрем не годится. Поэтому для сравнения с декабрем мы выбрали июль, в течение которого рождались младенцы, зачатые в октябре – месяце, не затронутом ни одним из многодневных постов.

Положим, в декабре спад по сравнению с июлем в некоторой степени объясняется биологической причиной: специалисты знают о естественном снижении способности женщин к оплодотворению примерно на 14 % в насыщенный и холодный период февраля-марта. Расчеты по данным нашей таблицы показывают, что у жителей ста-

ницы Стретенской и прилегающих к ней селений Нерчинского округа (уезда) Забайкальской обл. в 1861–1910 гг., у православных горожан Томской губ. в 1870–1880 гг., у сельских жителей Тобольской губ. и горожан Енисейской губ. в 1902–1903 гг. снижение рождаемости в декабре не превышало биологической нормы. Однако в других случаях репродуктивная «яма» в декабре была более глубокой: обнаруживается некоторая доля лиц, строго придерживавшихся полового воздержания во время Великого поста. У православных сельчан Томской губ. в 1870–1880 гг., обитателей Пресногорьковской казачьей линии в Петропавловском уезде Акмолинской обл. в 1878–1887 гг., деревенских жителей Енисейской губ. в 1902–1903 гг. таковых насчитывалось по 6 %, у горожан Тобольской губ. в 1902–1903 гг. – 5 %. Расчет производился следующим образом: от разности между рождаемостью в июле и декабре, выраженной в процентах к июльскому уровню, вычиталось 14 %, и таким образом получалась искомая величина.

По этой же методике мы обработали сводные данные сборников «Статистика Российской империи» за 1902 и 1903 гг., выделив в Тобольской и Енисейской губерниях население самых больших городов (в первом случае – Тобольска и Тюмени, во втором – Красноярска и Енисейска), а также наиболее многочисленную здесь, как и во всей Сибири, категорию приверженцев официальной Русской православной церкви. Выяснилось, что в крупных городах на Енисее спад рождаемости в декабре по сравнению с июлем не превышал биологической нормы. В то же время в Тюмени и Тобольске абстиненцию практиковали 10 % горожан, в среде собственно православных жителей (сельчан и горожан) таковых насчитывалось в Приенисейском крае – 7, а в Тобольской губ. – 12 %. Во всех случаях это небольшая величина, не превышающая показатели Европейской России.

Теперь о сибиряках, манкировавших исполнением христианского долга исповеди и причастия. В свое время историк Л.В. Островская собрала и опубликовала сведения о количестве православных крестьян, не исповедовавшихся «по нерадению», учтенные церковной статистикой в епархиях Сибири [4]. Мы подвергли дополнительной обработке цифры, относящиеся к самой густонаселенной Томской епархии, и получили следующие показатели. В 1860–1870 гг. здесь без всяких уважительных причин (в качестве таковых церковь признавала «малолетство», отлучки с места жительства, приверженность «расколу») уклонялись от исповеди 52 % всех прихо-

жан, относящихся к крестьянству, в 1870-х гг. – 67, в 1880-х гг. – 65, а в 1891–1901 гг. – 38 %. В Енисейской епархии в 1891–1903 гг. маникировало исповедью 49 % крестьян, в Тобольской епархии в 1892–1908 гг. – 23 %. В городах Сибири население находилось под более бдительным церковным контролем, чем в деревнях, но и здесь, согласно докладам епископов, ежегодно «по нерадению» отказывалось от исповеди, а значит, находилось вне непосредственного религиозного влияния храма и клира 17–25 % прихожан.

Итак, статистика, основанная на материалах церковного учета, показывает довольно широкую распространенность среди населения Сибири в конце имперского периода количественных признаков секуляризации массового сознания и демографического поведения – несоблюдения церковных рекомендаций о половом воздержании во время постов и уклонения от приобщения к святым таинствам исповеди и причастия в храме. Историческая динамика и субрегиональная специфика распространенности этих признаков требуют более детального изучения.

1. *Миронов Б.Н.* Историческая социология России: учебное пособие. СПб., 2009. С. 230–234.

2. *Гончаров Ю.М.* Репродуктивный цикл городской семьи Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 37.

3. Подсчитано по данным: *Белявский А.К.* Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской области с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. 1925. № 21. С. 664–665; *Гедройц-Юраго В.П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878–1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. 1890. № 8. С. 146–148; *Ефимов А.И.* Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 гг. СПб., 1890. С. 11–12; Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 252–254; 1909. Вып. 70. С. 252–254.

4. *Островская Л.В.* Источники для изучения отношения сибирских крестьян к исповеди (1861–1904 гг.) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 131–151.

УЧАСТИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В МОБИЛИЗАЦИИ РЕСУРСОВ ТЫЛА И РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление России в войну вызвало пробуждение патриотических чувств народа, стало стимулом развития национального самосознания. Идея национального единения во имя мобилизации всех сил страны для борьбы с внешним врагом, провозглашенная Государственной думой на чрезвычайной сессии 26 июля 1914 г. [1], получила поддержку населения в столицах и провинции.

Интеллигенция, общественные деятели региона с первых дней войны включились в процесс ее осмысления, предложили толкования характера, истоков и возможных последствий мирового конфликта, роли в нем России. Доминирующим стало представление о войне как справедливой, оборонительной, «второй отечественной». Подчеркивались незаинтересованность России в войне, необходимость мирных условий для завершения экономических, политических и социально-культурных преобразований страны, роль германского милитаризма и гегемонизма в развязывании кровопролития.

С первых дней мировой войны на Урале стала развиваться общественная активность, направленная на мобилизацию тыла для нужд фронта и решение острых проблем, порожденных экстремальными условиями военного времени. Большую роль в стимулировании общественной инициативы и самодеятельности играли органы местного самоуправления. Масштаб военных действий, жертв и разрушений оказался столь велик, что превзошел все предвоенные планы и расчеты. Правительство обратилось за содействием к обществу в деле размещения и лечения больных и раненых воинов. С широким участием общественности, привлечением местных ресурсов и средств предстояло создать и оборудовать целую сеть госпиталей на фронте и в тылу. Наиболее значимой мотивацией общественной деятельности стала идея мирной армии в тылу, единого национального фронта.

Создание сети госпитальных учреждений, помощь воинам и их семьям стали главными задачами созданных летом 1914 г. Всероссийского Земского Союза (далее ВЗС) и Всероссийского Союза городов (далее – ВСГ). Председателем Пермского губернского Коми-

тета ВЗС был избран А.И. Мухлынин, членами его первого состава стали Е.Д. Калугин, И.В. Воробьев, И.Н. Темников, врачи А.Н. Попов, А.И. Губович, В.И. Реймерс, И.К. Курдов, А.П. Шипицин, Н.М. Назаровский, В.М. Здравомыслов, Д.А. Соловьев, провизор Н.А. Корепанов [2]. В Пермский Комитет вошли представители от 12 уездных комитетов: Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского, Камышловского, Красноуфимского, Кунгурского, Осинского, Оханского, Пермского, Соликамского, Чердынского и Шадринского. Городские Комитеты ВСГ Пермской губернии существовали в шести городах: Перми, Екатеринбурге, Камышлове, Красноуфимске, Кунгуре и Шадринске.

Деятельность Комитетов Земского и Городского Союзов на Урале в годы войны убедительно свидетельствует о проявлениях общественной инициативы и различных формах ее институционализации. При Комитетах создавались многочисленные добровольные общественные организации – Попечительские комитеты, Комитеты служащих земств, Дамские кружки, Комитеты по сооружению белья и теплой одежды и др. Круг задач, решаемых комитетами, непрерывно расширялся, их деятельность обеспечивалась не только за счет казенных субсидий и средств органов местного самоуправления, но и безвозмездного труда и добровольных пожертвований самого населения. Так, в компетенцию организаций ВЗС входили, помимо первоначально обозначенных задач, как отмечалось в постановлении собрания уполномоченных губернских земств в марте 1916 г., снабжение армии теплыми вещами, борьба с заразными болезнями, оказание помощи беженцам, сиротам, материально-техническое снабжение армии, обеспечение населения продовольствием и топливом [3].

Земский Союз на Среднем Урале нес основную тяжесть работ по оказанию помощи больным и раненым воинам. Помимо деятельности по оборудованию лазаретов и попечению о больных и раненых с января 1915 г. Пермский Губернский Комитет ВЗС стал оказывать материальную помощь семьям призванных и сиротам воинов. Солдатским семьям ежемесячно выдавались денежные пособия на наем квартир, вывозку дров, сена как дополнение к казенному пайку. Усилиями комитетов ВЗС также были оборудованы приюты для беспризорных детей.

Организации ВСГ совместно с другими общественными объединениями, при широком участии населения оказывали помощь больным и раненым воинам, беженцам, нуждающимся семьям

военнослужащих запаса и ратников ополчения, занимались организацией яслей, сельскохозяйственных колоний-приютов, продажей продуктов питания по заготовительным ценам. Так, помощь беженцам была одним из важнейших направлений деятельности общественных организаций. В этих условиях Городской попечительский комитет Екатеринбургa взял на себя работу по их размещению. Он осуществлял «запись спроса на труд беженцев», по договоренности с предпринимателями предоставлял им дешевое питание (обед из 2-х блюд за 20 коп), помогал беженцам с наймом жилья. На собрании граждан Екатеринбургa было решено распределить работу по оказанию помощи беженцам по комиссиям: санитарной, регистрационной, питательной, квартирной, попечительной, эвакуационной (по передаче беженцев в уезд), и комиссии по изысканию средств. Был избран организационный комитет, в который вошли представители местных благотворительных обществ (по одному от каждого) и по 3 представителя от Уездного общества, Городского попечительского комитета, Еврейского и Римско-католического благотворительных обществ [4].

Для решения проблем мобилизации ресурсов тыла в Москве 5 июля 1915 г. под эгидой ВЗС и ВСГ был образован объединенный комитет этих двух организаций – Главный Комитет по снабжению армии (Земгор). В громадном большинстве формирование подобных комитетов по стране осуществлялось земскими управами. Необходимо отметить, что на Среднем Урале функции Земгора выполнял созданный 26 июня 1915 г. при Пермском Губернском Комитете ВЗС Отдел по снабжению армии. Управление Отдела было возложено на его члена Владимира Алексеевича Чердынцева. В его состав вошли Губернская Управа и представители различных общественных организаций: барон И.А. Гейкинг, В.Н. Грамматчиков, И.В. Иванов, А.И. Беленьков, А.Е. Гутт, В.М. Здравомыслов, И.И. Падалка. В обязанности данной организации входил широкий круг вопросов, связанных с материально-техническим обеспечением армии.

Наиболее результативными итоги работы общественных организаций оказались в двух сферах: оказании медицинской и социальной помощи солдатам, их семьям. Самые острые социальные проблемы, являвшиеся сферой преимущественной компетенции государства (продовольственная, топливная, беженцев и др.), решались также целым рядом общественных организаций. Сложность этих задач требовала от государственной власти тесного взаимодействия с обществом. Однако правительство и общество оказались не способны

наладить устойчивое сотрудничество, которое, в конечном итоге, завершилось конфликтом. В условиях затягивания войны и развития оппозиционных настроений в обществе власть стала проявлять все большее стремление к ограничению самостоятельности общественных организаций, контролю над их деятельностью.

В то же время в провинции, в частности, на Среднем Урале, практическая консолидирующая составляющая в сотрудничестве власти и общества в решении специфических проблем военного времени явно была преобладающей. Это было связано как с доминированием патриотических и оборонческих настроений среди средних городских слоев, интеллигенции, служащих на протяжении всей войны, так и с преимущественным вовлечением представителей именно этих групп в общественно значимую деятельность, координируемую органами местного самоуправления.

1. См.: Государственная дума. Четвертый созыв. Заседание 26 июля 1914 г. Стенографический отчет. СПб., 1914. С. 3.

2. ГАСО. Ф. 416. Оп. 1. Д. 1. Л. 98; Пермская земская неделя. 1914. № 40. С. 21.

3. ГАПК. Ф. 515. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

4. Зауральский край. 1915. 12 августа.

Р.М. Жумашев, А.О. Оспанов

КАЗАХСТАНСКАЯ МИЛИЦИЯ В ПЕРИОД С 1917 ПО 1921 ГГ.

История образования и становления органов внутренних дел нашей страны восходит ко времени утверждения Советской власти в Казахстане. Процесс строительства пролетарской милиции на территории нашей страны начался несколько позднее, чем в центральной части РСФСР, поскольку, во-первых, установление Советской власти в Казахстане продолжалось с ноября по февраль 1917 г., а в ряде регионов – до весны 1918 г.; во-вторых, формирование правоохранительных органов существенно сдерживалось недостатком среди местного населения лиц, обладающих специальными знаниями и опытом, и отсутствием пролетарских кадров для замены «народной милиции» Временного правительства [1]. В отмеченный период сложилась такая практика: если милиция того или иного населенного

пункта не признавала Советскую власть, то местные Советы ее ликвидировали, если признавала, то в подразделение направляли комиссаров, которые брали руководство в свои руки и осуществляли чистку аппарата от враждебных и морально неустойчивых лиц. Так, АулиеАтинский Совет рабочих и солдатских депутатов в ноябре 1917 г. признал, что «наиболее неотложным делом является охрана общественной безопасности, для чего необходимо, если это в интересах дела, сменить милиционеров и начальника милиции или увеличить штат милиции и заставить милиционеров добросовестно выполнять свои обязанности, за чем должны следить все гласные городские управления». Тогда же постановлением Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов буржуазная милиция была распущена в г. Петропавловске.

В январе 1918 г. смещение всех уездных начальников, начальников милиции и других должностных лиц, назначенных Временным правительством, предусмотрел Исполнительный комитет Актюбинского Совета. В приказе Гражданско-административного управления Туркестанского края от 21 февраля 1918 г. было установлено, что ввиду организации в Туркестанском крае советской милиции, милиция Временного правительства упраздняется и довольствие по этому положению ей прекращается с сего числа. 13 марта 1918 г. Акмолинский уездный Совет единогласно постановил: поручить комиссару милиции М. Грязнову принять меры к немедленному осуществлению замены всех чинов милиции и служащих в уезде соответствующими лицами, отвечающими духу времени и широким демократическим началам, не отвечающих своему назначению немедленно устранить вплоть до предания суду, если это связано с преступлением на службе.

Одновременно с созданием подразделений милиции формировались и отряды Красной гвардии, причем в ряде местностей для руководства ими назначали общего комиссара. Милиционера от красногвардейцев в те дни можно было отличить только по наркуавной повязке с буквами «Р. М.» – «Рабочая милиция».

Немаловажное значение в организации отрядов милиции и Красной гвардии на территории Казахстана имели решения проходившего в г. Омске в начале декабря 1917 г. III-го Западно-Сибирского областного съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который принял Устав, узаконив само существование Красной гвардии, определил порядок организации последней на тер-

ритории Западной Сибири и северо-восточных районов Казахстана, входивших в то время в состав Степного края. Уставом были определены следующие неотложные задачи: борьба с контрреволюцией, защита завоеваний революции, поддержание порядка и спокойствия, охрана общественной, личной и имущественной безопасности.

Первая структурная реорганизация рабочей милиции была осуществлена решением коллегии НКВД от 10 мая 1918 г. об организации милиции на штатной основе. Центральным органом рабоче-крестьянской милиции стало управление милиции, входившее в качестве подотдела в состав отдела местного управления НКВД. Формирование центрального аппарата НКВД РСФСР проходило до лета 1918 г., и уже в июне того же года он насчитывал 11 отделов и 400 сотрудников [2]. В решении коллегии указывалось, что милиция существует как постоянный штат лиц, исполняющих специальные функции; организация милиции должна осуществляться независимо от организации Красной Армии и функции их должны быть строго разграничены; в основу организации милиции должны быть положены принципы демократического централизма (С.В. Биленко).

С 10 июля 1919 г. функции высшего органа власти и управления в Казахстане были возложены на Военно-революционный комитет по управлению Киргизским краем, который 30 августа 1919 г. принял решение «Об организации народной милиции для охраны населения» [3]. С октября 1919 г. центральным органом милиции в Казахстане стал отдел внутренних дел Кирвоениревкома.

В августе 1920 г. отдел внутренних дел Кирвоениревкома был преобразован в Главное управление милиции, в состав которого входили общий, инструкторско-информационный, а также отделы уголовного розыска и снабжения [4].

О роли милиции образно сказал представитель Казахстана в докладе Президиуму ВЦИК РСФСР в 1921 г.: «Милиция в степи все. Нет в общественной жизни казахского населения такого факта, которого не касалась бы деятельность милиции, и нет такого дела, которое бы не зависело от милиции. Идет ли разговор о получении продовольственного налога, получении рабочих рук путем мобилизации, разрешении земельных вопросов и т. д. – везде обращаются к милиции, не говоря уже о уголовных делах. Поэтому от работы милиции зависит очень многое» [5].

Значимым событием в истории становления и развития системы органов милиции явилось принятие утвержденного ВЦИК 24 мая

1922 г. Положения о Народном комиссариате внутренних дел, которое впервые юридически закрепило организационную структуру органов внутренних дел, их правовой статус. Центральным органом милиции становилось Главное управление, на местах – губернские, уездные и районные управления.

-
1. *Мукашев Р.Ж.* Становление и развитие органов милиции Казахстана в первые годы Советской власти. Караганда, 1984. С. 9.
 2. История развития МВД России: 1802–2002 гг. М., 2002.
 3. История Советской милиции. М., 1977. Т. 1128.
 4. ЦГАОР РСФСР. Ф. 1235. Оп. 99. Д. 106. Л. 12–14.
 5. Там же. Л. 69.

Т.И. Волкова

ФИЛОСОФЫ И ПОЛИТИКА: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ В ДИНАМИКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

Проблема отношений, складывающихся между философией (греч. *philo* – люблю и *sophia* – мудрость) и политикой (греч. *politike* – искусство управления государством), об участии философов в политических и других общественных движениях хотя и косвенно, но серьезно влияет на весь комплекс проблем современного общества. Не присутствуем ли мы при возобновлении печально известной традиции обслуживания философами идеологических интересов различных политических структур? В то же время можно ли признать достаточным то положение дел, при котором важнейшие для страны решения принимаются практически без участия философского сообщества? Попробуем разобраться в сложившейся ситуации. Начнем с того, что философского сообщества как формальной организации, в России сейчас нет, а есть разрозненные группы философов-преподавателей в университетах и академиях, обучающих студентов по государственным образовательным программам и стандартам. Едва ли такой философ мог бы чему-нибудь научить маститого политика, разве что придать его имиджу интеллектуальный лоск, в чем современные политики не нуждаются – сейчас в моде другие ценности. Кроме того, философия и политика имеют противоречивые отноше-

ния. С одной стороны, философов, прежде всего, интересует истина, которая достигается в результате глубокого размышления, рефлексии, логических доказательств. Путь к истине может быть долгим и тернистым. Ради истины, по словам немецкого философа М. Хайдеггера, «откровенности бытия», человек готов даже взойти на костер. А вечные, фундаментальные философские ценности – основа бытия человека. Это: добро, любовь, жизнь, истина, красота, справедливость. По мнению Н.А. Бердяева: «Философ – свободный, независимый от “мира”, ни к чему не приспособливающийся человек... Философ не может служить благу людей, не может быть на службе у людей и у частных целей человечества» [1].

Целью политики является сохранение или создание наиболее приемлемых для определенных социальных слоев, а также общества в целом, условий и способов осуществления власти. Поэтому политики стремятся любыми путями к власти, которая сама по себе не является ценностью, но дает возможность получить все блага без особых умственных усилий, а довольно часто с использованием силы, хитрости, лжи, денег, подкупов, предательства, вероломства, интриг, тайных сговоров, подлога. Как делается политика? Прирожденный государственный деятель, прежде всего, знаток людей, ситуаций, вещей. Он обладает «взглядом», который без промедления, абсолютно непредвзято очерчивает круг возможного. Человеку фактов никогда не грозит опасность, что он займется политикой, построенной на чувствах и программах. Он не верит в громкие фразы. Вопрос Понтия Пилата не сходит у него с уст. Что ему истина? Прирожденный государственный деятель находится по другую сторону истины и лжи. Но политика – это еще и искусство управления, постольку, чтобы быть искусством в высшем смысле этого слова, она должна опираться на достижения наук и соответствовать высшим критериям нравственности, поскольку именно политическая деятельность является наиболее ответственной из всех видов социальной деятельности. С другой стороны, политики во все времена стремились навязать всем людям, в том числе и философам жесткие рамки поведения, соответствующие их идеологии и интересам. Философы же всегда имели независимый статус, а прислуживание власти, тем более, не было их уделом.

Можно сказать, что философия и политика имеют не непосредственную, а опосредованную взаимосвязь, которая выражается в их единстве, и в тоже время носит противоречивый характер. Ре-

результатом такого противоречия является «мудрый политик». Философ именно через создание концепций «идеального» государства, «идеального» правителя и «идеальных» форм управления имеет отношения с политикой и властью. Выходит, что философы, таким образом, всегда связаны с государством, а значит и с политикой. Философия никогда не возникает внутри прогрессивно развивающегося социального организма, активно занятого преобразованием человека и общества. Скорее она достигает расцвета в периоды застоя, отставания или упадка. В истории философии для подтверждения этого имеется достаточно примеров. Настоящий взлет философии в Греции начался с Сократа и Платона, т. е. после Пелопонесской войны, в период разложения греческого полиса. Именно Платон предложил выход из этой сложной ситуации, воздав концепцию «идеального» государства и правителя. В работе «Государство» Платон писал: «Пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино – государственная власть и философия ... государствам не избавиться от зол...» [2].

В эпоху Возрождения расцвет философской мысли пришелся на период становления государственности в ряде европейских культур. Основная политическая забота Н. Макиавелли определилась плачевным состоянием тогдашней Италии, раздробленной и бессильной перед лицом её могущественных соседей. Сторонник республики, он видел невозможность её реализации, отсюда и его идея «нового государя» (*principe nuovo*), давшая название одному из главных произведений «Государь». Широко известны слова Макиавелли о том, что мудрый правитель государства обязан «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться зла» [3]. Такой правитель должен сочетать в своей личности и в своих действиях качества льва, способного расправляться с любым их врагов, и лисицы, способной провести самого изощренного хитреца.

Что же касается грандиозного взлета немецкой философии (от Лейбница до Гегеля), то он является следствием «немецкой нищеты» – длительного упадка Германии, последовавшего за её междоусобными войнами и вызвавшего её экономическое и политическое отставание. Создание Пруссией конституционной монархии представлялось Г.В.Ф. Гегелю вершиной общественного прогресса. «Монархия, – писал он, – это государственное устройство, при котором управление государством находится в руках одного человека и

по наследству остается в одной семье... Монарх, правда, не в состоянии непосредственно осуществлять всю правительственную власть и частично доверяет осуществление специальных властей коллегиями или же государственным чинам...» [4].

Русская философия, прежде чем предстала в своей специфической форме, прошла долгий путь становления вместе с русской государственностью и православной культурой. Её апогей (XIX – начало XX вв.) неразрывно связан с выбором исторического пути развития и всеобщим социальным кризисом накануне великих потрясений и революций. Многие русские философы: П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Н.А. Бердяев и другие были обеспокоены судьбой России, её будущего. Но русский народ не обладает той любовью к государственному величию, которым так пленены народы Запада. Народ, обладающий величайшим в мире государством, не любит государство и власть и устремлен к иному. Так, Н.А. Бердяев писал, что «русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлён к Граду Грядущему...» [5]. Именно Бердяев подметил, что за внешним иерархическим строем русские в последней глубине всегда были антииерархичны, почти анархичны.

Таким образом, философия и политика переплетены сложными противоречивыми взаимосвязями. Западные философы и политика дуалистичны, их цель – создание эффективного государства и управления, при этом независимость философов только номинальная. Русская философская мысль свидетельствует о существовании «мистической» русской идеи, которая соответствует характеру и призванию, прежде всего, русского народа, а не государства. Свобода русских философов от политики так же метафизична, как и их идея. Единство политики и философии достигается в политической мудрости, которая требует, чтобы государственный деятель совершенно четко различал, что возможно, а что невозможно: ведь в политике имеет значение не намерения, а то, что получается из них на практике.

1. *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 391.

2. *Платон.* Сочинения: в 3 т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 275.

3. *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. М., 1982. С. 352.

4. *Гегель Г.В.* Работы разных лет: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 52–53.

5. *Бердяев Н.А.* Самопознание. Русская идея. М., 2011. С. 242.

АЛЕКСАНДР БЛОК И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ: МЕТАМОРФОЗЫ ТВОРЧЕСТВА И ПОЛИТИКИ

В мае 1917 г. поэт Александр Блок получил приглашение от председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (далее – ЧСК) Н.К. Муравьева занять должность редактора стенографических отчетов комиссии. По замечанию Г.З. Иоффе, биографа поэта, его наблюдения и мысли, рожденные наблюдениями во время работы в комиссии – прошли через «Записные книжки», «Дневники», письма, получив, в конце концов, определенное завершение в книге «Последние дни императорской власти»¹. Таким образом, великий поэт является одним из первых историков Февральской революции – пишет исследователь. – Факт замечательный, требующий внимательного изучения. Особую ценность, по Г.З. Иоффе, историческому труду Блока придает то обстоятельство, что он стремится осознать все то, что проходит перед его глазами, не только посредством изучения «мертвого» документального материала, находящегося у него в руках, но и пристально вглядываясь в людей, в их лица, поведение, манеру держаться, говорить. Согласимся с автором, ни в одном историческом труде нельзя найти более объемных, выпуклых, реально зримых психологических портретов тех, кто олицетворял рухнувший царский режим, чем в письмах, записных книжках и дневниках Блока. Оценивая этот оригинальный и серьезный труд поэта-историка с методологической точки зрения, Г.З. Иоффе подчеркивает, как важно исследователю «избегать схематизма, стараться проникнуть в глубину, в толщу ушедшей жизни, видеть ее в непрерывном движении человеческих поступков, мыслей и страстей. Высшая, максимальная задача историка может быть и недостижимая и, тем не менее, обязательная, – заставляя прошлое ожить в настоящее, ожить перед глазами современника. Приближение к этой цели лежит на путях соединения науки и искусства...» [1].

Приступив к работе в ЧСК, А. Блок, одновременно с этим, числился в 13-й инженерно-строительной дружине в отпуске. Накануне приглашения в комиссию он находился в подавленном моральном состоянии, считал, что весь ход жизни – и лично его, и всей страны – нарушен. Однако неожиданное и необычное назначение, как ни стран-

но, явилось для поэта своевременной отдушиной, спасительным выходом из духовного кризиса. Он работал по 10 часов в день. Большую часть из этого времени А. Блок присутствовал на допросах некогда всесильных сановников Российской империи. Поэт сразу обратил внимание на особый характер и эксклюзивную форму этих допросов: «Чрезвычайные обстоятельства вызвали к жизни необычные формы допроса членов бывшего русского правительства, – записал он в дневнике. – Несмотря на то что Комиссия стоит на правовой почве, постоянно подчеркивая свою строго юридическую точку зрения, как бы отстраняя подробности, могущие понизить уровень допроса, – материал, добываемый путем допросов, оказывается неожиданно ярким с точки зрения бытовой, психологической, литературной, даже – с точки зрения языка» [2]. Именно посещение камер подследственных и присутствие на допросах позволили поэту сделать свои уникальные и пронзительные зарисовки представителей политической элиты ушедшей России. «Большей частью они писались “на ходу”, прямо с натуры, – уточняет Г.З. Иоффе. – Но загадочная сила художника от этого не ослабевала: его слово, будто лучом прожектора выхватывает из тьмы потонувшего мира тени прошлого и оживляет их перед нашим взором...» [3]. Впечатления от лицезрения «сильных мира сего», некогда вершивших судьбу павшей монархии, натолкнули Блока на мысль об издании стенограмм допросов. Паноптикум власть имущих последних лет царского режима настолько сильно поразил сознание впечатлительного поэта, что он почувствовал необходимость показать эти свойства [власти] во всей их неукрашенности, осветить их носителей ярким светом перед народом. Он считал, что такой яркий свет проливает на них стенографическая запись их собственных слов, ничем не украшенная, которая может оказаться доступнее и, значит, убедительнее, чем многие страницы Толстого и Достоевского. Поэт считал, что такая характеристика царской власти способствовала бы лучшему пониманию происшедшего, смогла бы опрокинуть как идеальные, так и чудовищные представления, прочно укоренившиеся в обществе. А. Блок даже предложил свой план такого издания. В законченном виде это издание виделось поэту «...в одном, хотя бы и большом томе», которому он хотел предпослать сжатое обобщающее предисловие. Правда, суровая реальность несколько видоизменила осуществление проекта по изданию стенографических отчетов. Как известно, с 1924 по 1927 гг. стенографические отчеты комиссии были опубликованы под редакцией бывше-

го коллеги А. Блока по ЧСК П.Е. Щеголева. До завершения деятельности комиссии оставалось немного времени, но ее работа была прервана Октябрьским переворотом. Однако даже после этого контакты членов Комиссии не прекратились, и они еще долгое время обменивались мыслями, переписывались и даже встречались. На одной из таких встреч, 21 марта 1918 г., они обсуждали последние статьи, касающиеся деятельности Комиссии, а заодно и только что вышедшую поэму Блока «Двенадцать». Как вспоминал поэт, о деле говорили – три минуты, остальное – разговоры, споры о «Двенадцати». В январе 1918 г. за несколько дней, в едином вдохновенном порыве, очевидно под впечатлением работы в Комиссии, Блок создал эту свою самую знаменитую поэму. В «Двенадцати» поэт запечатлел образ той революции, в которую он верил, и которая открылась ему в материалах ЧСК, а затем была образно отображена в поэтическом произведении. Яркими мазками и глубокомысленными символами автор показал революцию как очистительный пожар, в огне которого все старое должно быть уничтожено. Одним из главных символов революции в поэме «Двенадцать» является ветер, подобно ему, он сносит все на своем пути. Образы старого мира, введенные А. Блоком, не случайны: поп с крестом «на брюхе», буржуй, упрятавший нос в воротник, старушка, дама в каракуле, – представители старого, отжившего мира, – не могут устоять на «льду» революции. Становится понятно, что Блок разочаровывается и порывает с людьми и ценностями Февраля, он пишет: «Нет уж, не то время, не та музыка. – Музыка какая (если... желтое)?». Под эпитетом «желтое» Блок понимал пошлость бытия: «Происходит совершенно необыкновенная вещь, – считал он, – “интеллигенты”, люди, проповедовавшие революцию, “пророки революции” оказались ее предателями». И, далее, делает жестко-несправедливый, отчаянно-болезненный вывод: «Труссы, натравители, прилебатели буржуазной сволочи <...> На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству...» [4].

Вместе с тем не следует забывать и о том, что восторженное восприятие А. Блоком образа Ленина и в целом большевизма привело поэта к тяжелой личной трагедии. «Шум крушения старого мира околдовал его», – точно подметил В.Б. Шкловский. Упоенный шумом революционного приюта поэт осудил «старую человеческую культуру <...> Осудил гуманизм. Парламент, чиновника и интеллигента. Осудил Цицерона и признал Катилину. Революцию он принял», – констатировал Шкловский, и здесь же рисует его печальный

финал: «Блок потерпел крушение дела, в которое он вложил душу. Блок умер от отчаяния» [5]. Это меткое, ключевое слово «отчаяние», удачно найденное Шкловским, как нельзя лучше отражает мировосприятие и творческий камертон Блока после 25 октября 1917 г. и до последних дней его жизни.

-
1. *Иоффе Г.З.* А. Блок – историк крушения царизма // История и историки: Историографический ежегодник. 1979 г. М., 1982. С. 176, 180, 189.
 2. *Блок А.* Дневник. М., 1989. С. 443.
 3. *Иоффе Г.З.* Блок – историк крушения царизма // История и историки... С. 180.
 4. *Блок А.А.* Записные книжки. М., 1965. С. 216, 396, 445–446.
 5. *Шкловский В.Б.* Сентиментальное путешествие. М., 1990. С. 241–243.

Р.В. Засухин

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ТВОРЧЕСТВА И ПОЛИТИКИ
ВО ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ ПЕРИОДА
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1920 ГГ.):
ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРНОГО КAVКАЗА**

Важное место во фронтовом быте периода Гражданской войны занимал песенный фольклор. В марте 1917 г. Марина Цветаева написала о «революционных войсках»: «Нет лиц у них и нет имен, – // Песен нету!» [1]. Пройдёт совсем немного времени, разразится страшная междоусобная война, в огне которой переплавятся старые и появится множество новых песен, причём по обе стороны баррикад.

Основную массу сохранившихся песен Гражданской войны составляют песни Красной армии. Многие из них дошли до наших дней в поздних редакциях либо были сознательно исправлены. От Белого движения хорошо сохранились официальные марши (прежде всего, Добровольческой армии). Собственно белогвардейского фольклора сохранилось мало.

Огромной популярностью в годы Гражданской войны пользовались старые народные песни. К примеру, бойцы дивизии В.И. Чапаева пели «Ермака», «Есть на Волге утес» (про Стеньку Разина), правда, большинство новых песен также было сложено на старые мотивы: «Про Чуркина-атамана», «По морям, по волнам»...

На Юге России и, в частности, на Северном Кавказе песенный фольклор имел свои особенности, так как здесь в одном котле гражданского противостояния смешались культурные традиции разных народов. Например, среди кубанских линейных, а также среди терских казаков, кроме русской получила распространение горская песенная и танцевальная культура. Связано это с долгим проживанием вместе представителей казаков и горских народностей, с взаимным проникновением двух разных культур.

Большинство песен народов Северного Кавказа, посвящённых событиям Гражданской войны, относится к героическому жанру и повествует о сражениях и героях в них участвующих. Это такие песни, как балкарская «Бой в ущелье Сукан», чеченская «Плач о погибшем в бою с деникинцами», кабардинская «Возле Царицына» и другие. Интерес представляет то, что до начала гражданского противостояния в регионе, песни чеченцев, посвящённые героическим личностям, относились в основном к периоду Кавказской войны: «Песня Шамиля», «Песня Хаджи-Мурата», «Ахмад Автуринский» и другие.

Восприятие революционных событий и междоусобного противоборства как возможности избавления от власти Российской империи, во многом делают похожими сюжеты песен Гражданской войны с Кавказской, так как цели той и другой войны в восприятии горцев, сражавшихся на стороне «красных» являлись идентичными. В Гражданскую войну, как и в Кавказскую, воспевали героические военные события и тех, кто посвятил себя делу освобождения горцев от власти «белого царя». Кроме того, для чеченцев и ингушей немалую роль в выборе воюющей стороны во время междоусобного противоборства сыграло получение и оставление за собой казачьих земель. Таким образом, в представлении части горцев большевики В.И. Ленин и Г.К. Орджоникидзе встали в один ряд с имамом Шамилем и Хаджи-Муратом.

Очень мало, по вполне понятным причинам, сохранилось фольклора горцев, воевавших на стороне «белых». Например, песня 1-го Осетинского стрелкового полка, в которой есть такие строки: «Кто жизнь за Отчизну положит, / Мы славу тому пропойём, / А подвиг героя поможет / Батальон наш украсить крестом...» [2].

События Гражданской войны на Северном Кавказе оставили глубокий след в исторической памяти, как горцев, так и казаков, но и те и другие интерпретировали эти события по своему, исходя из своих традиций, ментальных установок, что нашло отражение в

фольклоре. Песенный фольклор помогает понять чувства, переживания, мысли воюющих и свидетельствует о том, что через песню можно представить с какими ментальными установками шли противоборствующие стороны друг на друга.

Важно отметить характерное отличие «белой» песни от «красной». Если большинство «красных» песен, сложенных в годы Гражданской войны, посвящено здравствующим в то время персонажам и носит оптимистический характер, то «белые» песни рассказывают нам о погибших героях, от них веет какой-то обречённостью «будто изначально было ясно, что войны не выиграть, но выхода не было». Причём это относится даже к такому специфическому жанру, как маршевая песня.

Ментальные установки участников Гражданской войны и психологическое восприятие противника воюющими сторонами также нашли своё отражение в песнях того времени. Не отступая от фольклорной традиции, песня говорит о противнике или как об очень злом, жестоком и опасном враге, или же в шутивно-ироничной форме высмеивает его слабые стороны. Первое делалось по той причине, что победить сильного и опасного врага всегда почётнее, чем слабого, а второе – чтобы приободрить товарищей по оружию, вселить в них уверенность в победе. Причём в зависимости от содержания песни, она чаще исполнялась перед боем, после боя, на отдыхе или в походе.

В.И. Игнатов в хрестоматии, посвящённой историческим песням, подчеркивая значимость этого жанра, пишет, что, в отличие от других жанров устного поэтического творчества, песни отражают в основном внутривнутриполитические столкновения различных общественных групп и классов, внешнюю политику государства. «Количество исторических песен и их качественные изменения полностью зависели от событий в общественной жизни в тот или иной период истории» [3].

Атмосфера Гражданской войны на Северном Кавказе в полной мере передаётся в песнях того времени. Через песню можно проследить начало эскалации конфликта в регионе, воздействие междоусобного конфликта на массовое сознание, психологию отдельных социальных групп, столкнувшихся в смертельном противоборстве.

В военной песне, к которой относится и фронтовой песенный фольклор, отразилось отношение бойцов к своим командирам, к наиболее популярным личностям периода Гражданской войны на Северном Кавказе. Кроме этого, через песни, в поэтической форме от-

ражается восприятие «своих» и «чужих» в период междоусобного противоборства, отношение к врагу и к своим собратьям по оружию.

Песни Гражданской войны на Северном Кавказе являются важным историческим источником, так как по песенному жанру этого региона можно проследить, как разворачивались события междоусобного противоборства. В песнях указывались и описывались места сражений, звучали названия различных воинских соединений и имена их командиров, определялось влияние на психологию бойцов авторитета личности того или иного командира, отношение к нему и даже восприятие самих сражений периода Гражданской войны в регионе. Зачастую в песенно-эпической форме выражалось то, что оставалось за границами страниц дневников, воспоминаний и газетных полос, что имеет большое значение для понимания социокультурной трансформации в российском обществе и её локальных особенностей.

1. *Цветаева М.* Над церковкой голубые облака... // Проект «Мир Марины Цветаевой» (1999–2005). URL: <http://tsvetaeva.narod.ru/WIN/verse/lebed.html> (дата обращения: 30.07.2012).

2. *Киреев Ф.* Осетины в белом движении // Сайт «Осетины» (2005–2012). URL: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=789> (дата обращения: 30.07.2012).

3. *Игнатов В.И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. М., 1985. С. 33.

С.И. Быкова

РИТОРИКА НОВАТОРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1930-Е ГГ.

Важнейшей ценностью для советских людей, позволявшей с терпением и даже гордостью выдерживать все трудности, являлся создаваемый ими «новый мир». Вс. Иванов, который писал роман о строителях Горьковского автозавода и в беседе с ними сказал, что книга выйдет через год. В ответ услышал: «Тогда ты занимаешься пустым делом! Через год этих трудностей уже не будет, мы их преодолеем... Так не лучше ли тебе сразу писать о будущем, в котором трудностей не будет?» [1]. Огромное количество людей за границей

© С.И. Быкова, 2012

с искренним сочувствием и надеждой наблюдали за реализацией советского эксперимента. Известные европейские писатели и политики, посетившие СССР, публиковали, как правило, апологетические впечатления. Весьма символично название изданной на русском языке в 1936 г. книги А. Барбюса – «Сталин: человек, через которого раскрывается новый мир». Идеологема новаторства подчеркивала радикальный разрыв с прошлым и с конкурирующим капиталистическим миром, обреченным на гибель согласно распространенному убеждению.

С самого начала существования советского государства его руководители придавали огромное значение технике, выдвигая программы электрификации, индустриализации и производства современного оружия. Первые две пятилетки власть призывала рабочих принести жертвы во имя преодоления отсталости. В ноябре 1929 г. И.В. Сталин объявил СССР «страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации», страной, которая к 1941 г. сможет перегнать США по объёмам производства.

С особым вниманием правительство относилось к показателям производительности труда, пропагандируя их как одно из принципиальных отличий капиталистической и социалистической экономики. Нормы выработки должны были отражать «передовую практику». И.В. Сталин, обращаясь с призывами повышения производительности труда, заявлял, что освоение новых технологий может творить чудеса. Руководители промышленных наркоматов требовали достижения высоких показателей работы. Например, народный комиссар тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе, вдохновлённый стахановским движением, объявил существующие нормы «вчерашним днём».

Даже инженеры, начавшие свою профессиональную деятельность в царское время, надеялись, что революция преодолела многие из тех препятствий к индустриализации, с которыми они прежде сталкивались. Однако большинство из них критически относились к реалиям социалистической экономики. Как правило, такие специалисты требовали заботы о людях. В частности, консультант Госплана и правительства, создатель Клуба горных деятелей П.А. Пальчинский подчёркивал: не может быть успешной индустриализации и высокой эффективности производства без высококвалифицированных рабочих и адекватного обеспечения их социальных и экономических потребностей. Он утверждал, что инвестиции в сферу образования будут способствовать индустриализации больше, чем эквивалентное

вложение средств в промышленное оборудование, поскольку необразованный рабочий приведёт технику в негодное состояние. Забота об удовлетворении запросов рабочих, по мнению П.А. Пальчинского, является не просто этическим принципом, но и необходимым условием эффективного производства. Он считал, что реконструкция и развитие промышленности должны основываться на *«внутреннем обновлении»*, а не достигаться принуждением к форсированным темпам работы или импортом техники [2].

Отметим исследовательские находки зарубежных и отечественных авторов. Немецкий историк Сюзанна Шаттенберг, изучив множество воспоминаний советских инженеров, отметила, что они считали себя новой элитой, создающей новую, социалистическую, технику. Партия покровительствовала им, выдвигая на ответственные должности. Возникавшие трудности молодые инженеры воспринимали как вызов и стремились их преодолеть, идя на риск, применяя новые подходы и приемы, часто нарушая технологические требования и нормы охраны труда. Они гордились производственными победами, умением работать в чрезвычайной ситуации: «многие инженеры видели жестокость, суровость и несправедливость мер... и оставались энтузиастами строительства нового мира». Ориентируясь на выявление «взаимосвязи действий и отклика на них, энтузиазма и страданий, сопротивления и конформизма», С. Шаттенберг изучала проблему вины старых специалистов в развитии репрессий, пришла к выводу: «Искушение перейти из разряда отверженных в разряд полноценных советских граждан было настолько велико, что ради этого переступали границы морали» [3].

Другие ученые исследуют, как осуществлялась революционная переделка «человеческого сырья» на великих стройках социализма [4]. Иоахим Клейн показывает не только процесс перевоспитания на Беломорканале «вредителей» и «классовых врагов», но и «создание нового типа писателя», который должен был рассказывать о героических победах над природой и «проклятым прошлым». Писатели, оправдывая насилие власти и концлагерь, вносили «вступительный взнос в привилегированный круг советских авторов». Сергей Ушакин отмечает важнейшую характеристику нового человека и советской системы – «жажда деятельности», ускоренный ритм жизни, создававшие иллюзию содержательности и исторической значимости происходившего. Исследователь отмечает, что именно возможность бесконечной замены старых «улиц, домов, городов, социального

стройка, человеческих душ» на «новые» позволял избегать вопросов и о цели этой жизни..., и о целесообразности всеобщей изменчивости. Йоханн Хеллбек, анализируя освоение советскими людьми идеологии и их участие в «социалистическом строительстве», указывает что, оба этих процесса – личная работа над собой и революционное преобразование страны – проводились с одинаковой поспешностью и рвением.

В. Пилькевич, студент физико-математического факультета Свердловского университета, в дневниковой записи 28 апреля 1941 г. с грустью и тревогой подвел итоги перемен, отмечая «марксистское пустозвонство», «научное» резонерство», «утопические мечтания», лицемерие советской интеллигенции, принимающей участие в официозных мероприятиях: «... человек пал так низко, как этого еще не знала история. Так пусть же интеллигенция осознает свою трагедию. Пусть ... каждый заставит себя понять гнусность этих сборищ... В каждом из вас скрывается забытый, поруганный лучший человек! Пусть ваш разум даст ему свободу, тогда родиться новая солидарность, которая сохранит, пронесет все человеческое через все испытания» [5].

Таким образом, плененность советской интеллигенции идеалом светлого будущего снижала их критический потенциал, способствовала нейтрализации гуманистических ценностей, позволяла оправдывать и поддерживать все мероприятия власти.

1. Цит. по: *Рыклин М.* Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009. С. 80–81.

2. *Грэхэм Л.Р.* Призрак казнённого инженера. Технология и падение Советского Союза. СПб., 2000. С. 65–66.

3. *Шаттенберг С.* Техника политична. О новой, советской культуре инженера в 30-е годы // *Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы.* СПб., 2000. С. 193–217; *Шаттенберг С.* К вопросу о вине. Новые концепции в советологии на примере «дела инженеров» 20–30-х годов // *Коммунизм, террор, человек.* Дискуссионные статьи на тему «Черной книги коммунизма». Киев, 2001. С. 64–81.

4. *Клейн И.* Беломорканал. Литература и пропаганда в сталинское время // *Новое литературное обозрение.* 2005. № 1 (71). С. 231–262; *Ушакин С.* Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказывались // *Новое литературное обозрение.* 2005. № 1 (71). С. 263–281; *Хеллбек Й.* Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // *Неприкосновенный запас.* 2010. № 4 (72). С. 9–21.

5. Государственный архив административных органов Свердловской области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 47945. Л. 63–91.

Е.И. Красильникова

ЭКСПОЗИЦИОННАЯ РАБОТА СОТРУДНИКОВ ТОМСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-Х ГГ.

В 1930-е гг. советская власть рассматривала краевые музеи как рупоры идеологии государства. При этом требования к построению экспозиций постоянно менялись, а музейные кадры, отвечавшие за экспозиционную работу, и, по мнению всевозможных комиссий, не справлявшиеся с ней, становились жертвами репрессий. Данная работа посвящена проблемам создания исторической части экспозиции Томского краевого музея в 1930-х гг. в условиях социально-политической напряженности периода репрессий.

В 1920-х гг. коллективу под руководством М.Б. Шатилова удалось с нуля создать богатый разнообразными экспонатами, тщательно выстроенный, интересный жителям и гостям города музей. Но к началу 1930-х гг. томские музейщики стали предсказуемо утрачивать прежнюю свободу творческой инициативы в построении экспозиции. В 1933 г. М.Б. Шатилов был повторно арестован, как бывший министр Временного сибирского правительства, приговорен к десяти годам лагерей, где и погиб. За беспокойный период с июня 1933 г. по сентябрь 1941 г. в музее сменилось семь директоров, ни один из которых не имел возможности тщательно продумать и реализовать экспозиционные планы. Хотя, в начале 1930-х гг. сотрудники музея продолжали изучать памятники томской старины, очевидно, что в этот период они были вынуждены повысить внимание к историко-революционной части экспозиции. В 1930 г. культурно-исторический отдел оставался богаче (в нем насчитывалось 4052 экспоната), но историко-революционный отдел, где зафиксировали только 1142 экспоната, по понятным идеологическим причинам посещался экскурсантами чаще [1]. Коллекции историко-революционного отдела стали пополняться вдвое активнее. Помощь в формировании фондов по революционной тематике оказывало общество политкаторжан и историко-революционный кружок при музее. Согласно отчету 1931 г. культурно-исторический отдел отражал трудовые традиции населений Томской области, проблемы классовой борьбы, содержал материалы по устному народному творчеству. Исто-

рико-революционный отдел строился в логике хроники революционных событий в Томске, составленной сотрудниками музея. Известно, что там экспонировались снятые в 1925 г. Н.В. Татауровым фотографии конспиративных квартир и тюрьмы. Каждая тема экспозиции историко-революционного раздела сопровождалась экономической характеристикой, использовался сравнительный принцип сопоставления этих данных по разным периодам [2]. Такой прием должен был формировать у посетителей музея вывод об экономической пользе социалистической революции.

Однако в 1932 г. Томский краевой музей подвергся обследованию инспектора научных учреждений Западно-Сибирского Крайно С.С. Черникова, который выступил с жесткой критикой экспозиции. По его словам, экспозиция «не отвечала требованиям марксистско-ленинской теории», не отражала ни «диалектики исторического процесса», ни «мало-мальски связанной истории края». С.С. Черников подчеркивал: «Классовая борьба затушевана и выпячены без противопоставления и вскрытия классовых корней вещи, отражающие буржуазную и феодально-дворянскую идеологию и быт» [3]. Далее сделал вывод о необходимости переустройства экспозиции в соответствии с марксистским подходом. Результаты проведенного обследования, увольнение М.Б. Шатилова, материальные проблемы и общая социально-психологическая напряженность этого периода привели к разладу в экспозиционной работе. Сотрудники музея оказались в методологическом тупике. «Ампиный зал» и отдел, посвященный томской старине (гордость Шатилова), пришлось ликвидировать. Нужно было по-новому строить историческую часть экспозиции. Документы 1934 г. зафиксировали дискуссию совета музея по поводу плана построения раздела капиталистической формации. Они не могли решить, стоит ли ограничиться включением в экспозицию томских материалов или нужно использовать материал по всей РСФСР. Одновременно разрабатывался план построения раздела социалистической формации. По утвержденному плану эта часть экспозиции должна была отражать экономические успехи, возрождение транспорта, вопросы культурного строительства. Не известно, в какой степени эти планы были реализованы. С середины 1930-х гг. отчеты музея стали очень краткими и формальными. Из отчета 1937 г. видно, что сотрудники музея пытались построить историческую экспозицию так, чтобы не спровоцировать очередные репрессии. Поэтому исторический отдел стал «отделом истории материальной культуры».

После процесса над «троцкистами» потребовалась основательная «чистка» историко-революционного отдела. Директор музея А.С. Уланов распорядился уничтожить даже позолоченный иконостас архиерейской домово́й церкви и еще ряд «опасных» экспонатов. Однако это не спасло Уланова от репрессии. Судьба этого директора томского музея заслуживает отдельного внимания. Он вступил в должность в январе 1936 г. Историческая часть экспозиции, не отвечавшая новым требованиям, в этот момент находилась в разработке. Уланов велел полностью разобрать неоконченные исторические разделы, выстроил их по-новому и, не успев открыть, в страхе снова уничтожил, что и стало одной из причин его обвинения во вредительстве. Однако Уланов создал довольно подробную выставку, посвященную С.М. Кирову и его пребыванию в Томске. Специально для выставки создали макеты его конспиративной квартиры и организованной при его участии подпольной типографии. Музейщики даже воссоздали общий вид одиночной камеры томской тюрьмы, где в 1906 г. сидел С.М. Киров. Выставка включала книги, фотографии Кирова, революционные лозунги, листовки, тексты речей С.М. Кирова и И.Ф. Сталина. В этот период все боялись доносов и неосторожных фраз, которыми пользовались недоброжелатели из числа коллег. А.С. Уланов «срывался», говорил грубости, забывая о ключевой «заповеди» этого периода: «не болтай!». Так, собственноручно приколавывая к стене плакат с изображением В.И. Ленина, директор музея, когда плакат в очередной раз упал, в сердцах воскликнул: «Гад!». В другой раз, посчитав деньги, израсходованные на посвященную памяти С.М. Кирова выставку, Уланов пробурчал: «На эту тварь отпустил столько денег...». О подобных высказываниях, как и о найденной в мусорном ящике фотографии Кирова с семьей, коллеги Уланова, Квашнин и Косов, докладывали «куда следует», что вскоре привело к увольнению и аресту директора [4]. Стоит ли рассуждать об объективности данных обвинений и о том, кто именно бросил в мусорный ящик злополучное фото?... Кстати, директором музея после увольнения А.С. Уланова, которого на короткий период сменил Б.И. Мордкович, стал единственный сотрудник с высшим образованием и, видимо, с большими амбициями, И.И. Косов, еще вчера «стукавший» на бывшего начальника.

Показательно и то, что в середине 1830-х гг. почти вдвое упала посещаемость музея, терявшего свою привлекательность для томичей. Сотрудники музея стремились максимально унифицировать

историческую часть экспозиции. К началу 1940 г. планировалось: расширить и дополнить ее материалами, четко выдерживая сталинскую периодизацию; построить экспозицию раздела «Сибирь докапиталистическая» на фоне возникновения и развития Московского государства; создать разделы по истории Новосибирска и Томска [5]. Последний пункт плана очень показателен. В Томске, где существовали богатые коллекции по истории города, где всегда был высоким интерес населения к краеведению, в эти годы не существовало соответствующего раздела экспозиции!

В канун войны сотрудник музея Н.А. Чернышев еще продолжал заниматься изучением и защитой памятников старинного зодчества, но основная работа над исторической частью экспозиции сконцентрировалась на фигуре С.М. Кирова. В 1940 г. на материалах упраздненного музея С.М. Кирова в краеведческом музее открылся отдел, посвященный его жизни и революционной деятельности в Сибири. По всей видимости, выставка Уланова была свернута после его увольнения, куда-то исчезли выполненные при нем реконструкции квартиры, подпольной типографии и одиночной камеры Кирова. В это же время сотрудники музея определили для экскурсионного бюро в Новосибирске перечень кировских мест в Томске, прочли серию лекций и докладов о Кирове. В канун войны эта часть экспозиции дополнялась материалами, связанными с пребыванием Н.В. Куйбышева в Томске.

Трагические события 1930-х гг. привели к потере лучших музейных кадров и деградации исторической части экспозиции томского музея. Экспозиция утратила свою уникальность, приобрела фрагментарный и очень формализованный вид, что, по нашему мнению, уже не отвечало ожиданиям культурных томичей, понимавших, что не только эпизодом краткого присутствия в их городе молодого С.М. Кирова богато прошлое бывшего губернского центра.

-
1. ОГАУК «ТОКМ им. М.Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 46. Л. 30.
 2. Там же. Д. 18. Л. 12–15 об.
 3. Там же. Д. 6. Л. 24.
 4. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 797. Л. 33–43.
 5. ОГАУК «ТОКМ им. М.Б. Шатилова». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 91.

ОСОБНЯК НА САНАТОРНОЙ: КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА В ЛИЦАХ

Двухэтажный деревянный особняк на станции «Санаторная» в лесном пригороде Владивостока разрушается, брошенный на произвол судьбы, как старый больной бомж, за плечами которого жизнь, наполненная событиями, населенная яркими персонажами, сыгравшими в прямом и переносном смысле значительные роли в мировой культурной и политической жизни.

Дом построен приморским олигархом Борисом Бринером и использовался в качестве дачи. Его отец Жюль Бринер (выходец из Швейцарии) в 1902 г. продал царскому правительству лесную концессию в верховьях пограничной реки Ялу, что было использовано Японией в качестве одного из поводов для развязывания войны против России (1904–1905 гг.). Борис Бринер, «владелец заводов, портов, пароходов» (в частности дальнегорских рудников) успел побыть министром Дальневосточной республики. Его империя была национализирована советским государством. И семья сочла за благо в 1931 г. эмигрировать в Харбин [1].

Дом помнит озорного мальчугана Юлия (Юла), который стал любимцем зрителей послевоенного кинематографа, всемирно известным актером Юлом Бриннером, американским Робин Гудом из знаменитого вестерна «Великолепная семерка», за чьими подвигами на экране с замиранием сердца следили миллионы советских людей в 1960-е гг.

Особняк пережил революционные потрясения и в 1930-е гг. всемогущий НКВД устроил здесь спецшколу [2]. Её посещал замнаркома НКВД Г. Люшков (самый высокопоставленный перебежчик) перед тем как «уйти» в Японию в 1938 г. Информация, которую он передал, была бесценна: дислокация советских войск, военные шифры, информация о группе Зорге и т. д. Японцы застрелили Люшкова 19 августа 1945 г., после вступления советских войск в Маньчжурию.

В 1942 г. в этом «учебном заведении» осваивал тонкости диверсионно-разведывательной работы молодой корейский партизан Ким Сон чжу, в 1946 г. ставший известным всему миру как Ким Ир сен – лидер Северной Кореи. Впервые я узнал об этом в конце 1970-х гг., работая над диссертацией о борьбе корейцев за независимость (в том числе партизанской борьбе Ким Ир Сена), наткнувшись в «Ленинке» на серьёзный японский источник, согласно которому в 1942 г. Ким Ир Сена видели (японские агенты) в районе станции Санаторной [3]. Я посмеялся над этим вымыслом. Ведь шпионская сеть к этому времени была ликвидирована (в то время я верил в эти сказки). Кроме того Ким Ир Сен в начале 1940-х гг. был всего на всего командиром партизанского отряда в Маньчжурии. И найти средней руки партизанского лидера на бескрайних просторах СССР было гораздо сложнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

Каково же было мое удивление, когда в автобиографии Ким Ир сена, вышедшей в конце 1980-х годов, я прочитал, что в 1942 г. будущий президент Северной Кореи действительно обучался в советской спецшколе, находившейся в этом месте [4]. Какой многочисленной, разветвленной, имеющей устойчивую связь с Японией должна была быть японская разведсеть на территории СССР (в годы войны!), чтобы моментально идентифицировать корейского партизана, появившегося на короткое время на маленькой железнодорожной станции в лесном пригороде Владивостока! Имеет право на существование и другое объяснение столь быстрой фиксации японской разведкой появления Ким Ир сена на Санаторной – «навodka» Люшкова, обладавшего феноменальной памятью, несколько месяцев диктовавшего японцам по 40 страниц в день. Информацию, которую он «сбросил» японским спецслужбам, можно смело назвать «большой энциклопедией НКВД» (и не только).

Как место, связанное с жизнью великого вождя корейского народа, дом мог бы стать Меккой для северокаорейских туристов, свято чтящих все, что имеет отношение к первому президенту КНДР. Директор Восточной школы Павел Спивак вспоминает: «В первые годы моего директорства Восточной школы был случай, когда на Санаторной останавливался на несколько часов спецпоезд уже нового лидера Северной Кореи Ким Чен ира. Санаторная была совместно окутана братскими спецслужбами, а у меня в памяти – серьезные восточные мужчины из-за забора почтительно фотографируют Восточную школу» [5].

В «эпоху застоя» особняк был служебной дачей одного из руководителей Приморского края. После того, как Россия «обрела независимость», дом почувствовал, что развязка не за горами. Правда, в 1990-х гг. в этом здании успешно функционировала Восточная школа, где владивостокские дети получали уроки истории зарубежного Дальнего Востока, древней и загадочной культуры. Директор Восточной школы Павел Спивак однажды случайно наткнулся в подвале на человеческие останки. Кем был этот незнакомец? Невольным свидетелем тайн семьи Бринеров? «Человеком в железной маске», убитым сотрудником НКВД? Сохранив в тайне страшную находку, Павел Спивак снова закопал истлевшие останки. Кому сейчас интересны жуткие тайны XX в. Тем, кто сегодня «у руля» стала не нужна и сама Восточная школа, которую выбросили из бринеровского особняка.

Старый дом, переживший революции и войны тихо умирает в мирное время, как лишний свидетель эпохи великих потрясений, разглядывая пустыми глазницами выбитых окон быстро меняющийся пленэр.

1. *Бабцева И.И.* Из истории семьи Бринеров (по материалам фондов Музея) // Янковские чтения. Материалы конференций 1992, 1994, 1996 гг. Владивосток, 1996. С. 60.

2. *Спивак Павел.* От разведшколы до восточной школы // Правда Приморья. 2008. № 28.

3. Токко гайдзи гэппо (Бюллетень внешней разведки). Токио. 1944. Ноябрь. 8. С. 76–78. (яп. яз.).

4. *Ким Ир сен.* В водовороте века. Пхеньян, 1993. Т. 3. С. 325.

5. *Спивак Павел.* О сколько тайн и странных совпадений таишь ты Санаторная... // Арсеньевские вести. 2008. 23 июля.

И.С. Огоновская

АВТОРЫ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ВЛАСТЬЮ (XIX–XXI ВВ.)

Учебники отечественной истории появились в России в XVIII в. и уже тогда не существовали вне официальной идеологии, создавались целенаправленно под определенный заказ государства. К примеру, М.В. Ломоносов, автор «Краткой российской истории», стре-

мился доказать, что Россия ни в чем не уступает Европе. Н.М. Карамзин в учебном пособии «Сокращение российской истории в пользу юношества» реализовывал главную задачу государственной политики в сфере образования – укоренение идеи незыблемости царского трона. Н.Г. Устрялов, по учебнику которого российское юношество обучалось с 1839 г. до 1860-х гг., вполне искренне выполнял пожелание министра духовных дел и народного просвещения С.С. Уварова обучать подрастающее поколение в духе православия, самодержавия, народности», а также противопоставлять историю государства, историю формирования неповторимого духовного облика русского человека модным теориям о «равенстве» и «свободе».

А вот учебник М.П. Погодина, в котором «исконность» самодержавия выглядела неубедительно, удельный период также (князья заняты «грабежами, убийствами, опустошениями, клятвопреступлениями...»), религия не выступала самостоятельным и полноценным фактором русской истории и т. д., был отвергнут специальным комитетом Министерства просвещения, пришедшим к заключению, что «Русская история» г. профессора Погодина не соответствует правилам, изложенным в программе Министерства народного просвещения о составлении руководства к преподаванию Русской истории в средних учебных заведениях (Т.А. Володина).

В конце XIX – начале XX вв. Министерство народного просвещения осуществляло жесткую государственную экспертизу учебной литературы с целью недопущения в гимназии и училища книг, не соответствующих официально-охранительной идеологии. В программах по истории (1890, 1902, 1913 гг.) подчеркивалось, что главной целью изучения истории в школе должно быть «укоренение у учащихся любви и преданности престолу и отечеству» [1]. Широкое распространение в этот период получили учебники Д.И. Иловайского и И.И. Белляринова. Оба автора по своим политическим взглядам являлись сторонниками самодержавной монархии и в центр исторического процесса ставили деятельность монархов, крупных государственных чиновников, полководцев. «Краткие очерки русской истории» Д.И. Иловайского выдержали 36 изданий, «Элементарный курс всеобщей и русской истории» И.И. Белляринова – 32 издания.

С приходом к власти большевиков школьные учебники истории не потеряли своей значимости как проводники государственной политики, однако авторы этих учебников, как нам представляется, были более зависимы от власти и вынуждены были «поступаться

принципами». Яркий пример – кампания по посмертной дискредитации главы советских историков-марксистов М.Н. Покровского, в которой приняли участие и его ученики А.Л. Сидоров, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина и др. Им пришлось играть роль людей, верящих во врагов народа, в историков-врагов ленинизма и т. д.

Первый советский учебник по истории СССР для учащихся 4 класса начальной школы (1937 г.), подготовленный коллективом под руководством А.В. Шестакова, был подвергнут существенной редакции со стороны И.В. Сталина. С этого времени доминантой содержания школьных учебников стали российские традиционные ценности, правота исторического дела большевиков и, в частности, Сталина. Отступление от «линии партии» грозило историкам соответствующими обвинениями и даже административными санкциями.

Учебник истории СССР под редакцией А.М. Панкратовой, впервые изданный в 1939 г., выдержал в дальнейшем 22 издания. Ценой успешной карьеры первой женщины-академика среди отечественных историков стали и личные трагедии. Поддерживая «курс партии», она в 1930-е гг. порвала отношения с отцом своего ребенка, обвиненным в связи с троцкистской оппозицией, после XX съезда КПСС пережила период развенчания культа личности Сталина, признала собственные историософские ошибки, столкнулась с непорядочностью бывших коллег и т. д.

После XX съезда КПСС встал вопрос о пересмотре многих положений курса истории. Первым учебником «Истории СССР» для старших классов средней школы стал учебник под редакцией М.П. Кима, рекомендованный Министерством просвещения РСФСР и подготовленный под контролем Отдела школ ЦК КПСС. Практически каждое издание этого учебника подвергалось необходимой доработке и «совершенствованию», сначала в связи с нараставшим славословием «великого десятилетия» Н.С. Хрущева, а затем, после его снятия, с критикой его ошибок, «проявлений волюнтаризма» (В. Есаков).

Основными содержательными доминантами учебников под редакцией М.П. Кима, издаваемых в 1970-е гг., стали: организующая роль партии под руководством вождя и безупречность ее стратегии, превосходство советского строя над другими системами (режимами), враждебность внешнего окружения и «злые козни врагов», мешающих социалистическому строительству. Источником силы советского государства объявлялась «новая историческая общ-

ность людей – советский народ, общность трудящихся людей разных наций и народностей СССР», а главным делом сознательного творчества советского народа объявлялось дальнейшее развитие и упрочение социалистического общества в СССР, его постепенное превращение в коммунизм» [2].

Только в эпоху перестройки состоялся первый открытый конкурс новых учебников, а в 1990-е гг. их количество и разнообразие значительно выросло. Вместе с тем новые оценки событий отечественной истории вызвали негативную реакцию властей. Историка А.А. Кредера подвергли серьезному прессингу за выводы о том, что СССР в значительной мере виновен в развязывании Второй мировой войны. И.Н. Ионова обвинили в том, что он «совершенно откровенно внушают школьникам, что все жители России – люди ущербные, что вся история России – цепь неудач и позора, а образцом для подражания является... конечно же, западная цивилизация «общества потребления». Учебник И.И. Долуцкого, позволившего себе привести высказывание публициста Ю. Буртина о формирующемся режиме личной власти В.В. Путина и мнение лидера партии «Яблоко» Г.А. Явлинского, который полагал, что уже в 2001 г. в России «оформилось полицейское государство», остался без грифа Министерства образования.

В августе 2001 г. вопрос о содержании школьных учебников стал предметом рассмотрения на заседании правительства РФ, в декабре 2003 г. на встрече с учеными в Российской государственной библиотеке президент В.В. Путин заметил, что, конечно, неплохо, что у нас появилось большое многообразие литературы подобного рода..., но авторы сегодня впадают в другую крайность и игнорируют тему патриотизма, вместо того, чтобы воспитывать чувство гордости у учеников. Новые учебники вышли в издательстве «Просвещение» в 2007–2009 гг. [3]. Авторы данных изданий, обеспокоенные падением патриотических чувств молодежи, активно защищают тезис о том, что история российского государства должна вызывать чувство гордости за страну, а не пренебрежение и неуважение к ней, и пытаются вновь переписать историю: уйти от исторической правды, умолчать, закрыть глаза на многие негативные моменты советской истории, оправдать «отдельные недостатки» в деятельности руководства страны. Для популяризации и продвижения учебников в образовательные учреждения был использован административный ресурс. Анализируя содержание этих изданий и цитируя авторов, ко-

торые пишут о том, что взрослые отличаются от детей «жизненным опытом, который есть результат нашего успешного приспособления к окружающему миру», директор Московской школы прав человека А.Я. Азаров делает вывод о том, что «А. Филиппов, Л. Поляков и прочие создатели новой истории и нового обществознания эту «успешную приспособляемость» наглядно продемонстрировали» [4].

Таким образом, ретроспективный взгляд на процесс развития учебно-книжного дела в России позволяет с полной уверенностью отметить факт прямой зависимости «экспертопрохождения», «долгожительств», тиражности школьных учебников от взаимоотношений авторов с властью. И если в условиях дореволюционной России «монархические» учебники нисколько не противоречили взглядам их авторов, то в советское время историки вынуждены были приспособляться к «генеральной линии партии», отлично понимая несостоятельность тех или иных исторических концепций. Современным же авторам учебной литературы, живущим в демократическом государстве, однако переписывающим историю в угоду политической конъюнктуре, хотелось бы напомнить слова С.Ф. Платонова, подвергнувшегося репрессиям в сталинский период, о том, что «определившаяся смолоду моя личность не изменилась ни от появления в нашей литературе марксизма, ни от политического торжества этой теории в коммунистическом государстве СССР» [5].

1. *Фукс А.Н.* Предисловие // Учебники дореволюционной России по истории. М., 1993. С. 4.

2. *Берхин И.Б., Федосов И.А.* История СССР: учебник для 9 класса / под ред. М.П. Кима. М., 1976. С. 6.

3. См.: *Филиппов А.В.* и др. Новейшая история России. 1945–2006 гг.: кн. для учителя. М., 2007. 494 с.; *Данилов А.А., Барсенков А.С., Горинов М.М.* и др. История России, 1900–1945 гг.: учеб. для учащихся 11 кл. М., 2009. 447 с.; *Уткин А.И., Филиппов А.В., Алексеев С.В.* и др. История России, 1945–2007 гг.: учеб. для учащихся 11 кл. М., 2008. 367 с.

4. Образование в области прав человека в России: аналитический отчет. М., 2008. С. 286.

5. Историки России. Биографии. М., 2001. С. 383.

**О ПРАКТИКАХ ОБРАЩЕНИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ВО ВЛАСТЬ В КОНЦЕ 1960-Х – НАЧАЛЕ 1980-Х ГГ.**

Недавние события общественно-политической жизни в нашей стране вновь напомнили власти о необходимости уметь вести диалог с различными категориями граждан РФ. Однако исторический опыт конструктивного диалога с обществом, в первую очередь с интеллектуальной, творческой элитой, у российской власти минимален. Анализ практик обращений художественной интеллигенции во власть в 1960–1980-х гг. позволил не только утверждать присутствие некоторых форм диалога художника и власти на протяжении всего позднего советского периода (диалог-конфликт, диалог-компромисс, диалог-уступка), но и выявить его характерные черты, содержание, динамику и т. п. Предмет заявленного анализа – документы и материалы, рассказывающие о событиях, ставших предметом бурных споров, вызвавших противоречивые оценки и обсуждение. Судьбы этих событий наиболее выпукло проявляют характерные черты диалога власти и художественной интеллигенции в новых исторических условиях.

Так, летом 1975 г. после предварительного просмотра был запрещён для показа спектакль Театра драмы и поэзии на Таганке «Живой» по пьесе Б. Можаяева в постановке Ю. Любимова (работу над спектаклем театр начал ещё в марте 1968 г.) [1]. Можно сказать, что диалог между художественной интеллигенцией и властью по этому поводу был отчасти спровоцирован режиссёром. Любимов понимал, что спектакль противоречил официальным представлениям о советской колхозной деревне, поэтому пригласил на генеральный просмотр, кроме представителей власти, известных писателей и журналистов.

Дискуссия после просмотра, представляющая противоположные взгляды двух приглашенных сторон, имела продолжение, которое можно назвать одной из тех специфических форм «диалога» между художниками и властью, которые были характерны для исследуемого периода. Отличительной чертой этого диалога являлась апелляция в высшие партийные органы. Чрезвычайно важно то, что

мнение «колхозного крестьянства» выражали, по сути, государственные и партийные чиновники от сельского хозяйства, назвавшие себя «бывшими колхозниками». Реакцией на устное запрещение спектакля, попыткой объяснить художественную и содержательную ценность выбранной режиссёром позиции явились и соответствующие обращения художественной интеллигенции. Понимая бесперспективность попыток вести диалог с местными чиновниками, присутствовавшими на спектакле, известные писатели обращались не просто в ЦК КПСС, а лично к Генеральному секретарю – Л.И. Брежневу. Стилистика данного обращения свидетельствует о понимании и следовании авторами письма определённым правилам политического этикета того времени.

Дальнейшее развитие событий показало, что ожидания положительных результатов этого обращения были, по меньшей мере, наивными. В данном случае конструктивный диалог не состоялся. Акценты в обсуждении сместились с художественных проблем на идеологические и, в качестве альтернативной позиции, художественной интеллигенции были предложены мнения аппаратных чиновников, цинично выдаваемые за «мнение колхозного крестьянства».

Даже в тех случаях, когда оппонентами в дискуссиях с художественной интеллигенцией были специалисты, непосредственно имевшие отношение к затрагиваемым художественным творчеством темам, диалог всё равно не принимал желаемого конструктивного характера, так как направляющей позицией была опять-таки идеологическая установка власти. Так в 1981 г. решался вопрос о спектакле МХАТа по пьесе М. Шатрова «Вам, завещаю...» [2]. «Диалог» начался с письма М. Шатрова и О. Ефремова секретарю ЦК КПСС К.У. Черненко, в письме режиссеры сожалели о прерванной четырёхмесячной работе над спектаклем, что было связано с негативным отношением к пьесе директора Института марксизма-ленинизма академика А. Г. Егорова. В данном случае художественная интеллигенция выступила в качестве действительного субъекта диалога, демонстрируя свою готовность к компромиссу, проявила невиданную настойчивость. «Политическая корректность» авторов писем – целенаправленное использование идеологических речевых штампов, приобретает здесь масштабы, порой граничащие с абсурдом. Записка М. Зимянина, «ответ» власти демонстрируют характерное для советской власти этого времени отношение к диалогу с художественной интеллигенцией – давались рекомендации, только формально не исклю-

чающие взаимные уступки, компромиссные решения. Однако ценой невероятных усилий художественной интеллигенции удалось отстоять идею спектакля; в результате – премьера состоялась, более того в 1983 г. спектакль был удостоен Государственной премии СССР. Но положительное решение конкретного вопроса не свидетельствовало о положительной тенденции в целом, подтверждением чего была сложная судьба практически всех пьес М. Шатрова о В.И. Ленине. Это говорит о том, что к конструктивному диалогу с художественной интеллигенцией власть всё же не была готова, так как традиционно охраняла своего рода «табу» в отношении некоторых «сакральных» тем, в числе которых были революция, война, Ленин и др. Уступки и компромиссы, на которые шла власть, были достаточно редкими и требовали определённой ситуации.

Примером ситуации, заставившей власть прислушаться к голосу художника, были события связанные с летними (1972 г.) гастролями Ленинградского БДТ в Москве [3]. Смелые новаторские интерпретации главным режиссёром театра Г. А. Товстоноговым пьес зарубежных и отечественных классиков получили негативную оценку в статье театрального критика Ю. Зубкова «Высота критериев» в «Правде» от 15 августа 1972 г. Критик обвиняет Г.А. Товстоногова в том, что режиссёрские трактовки неадекватны каноническим текстам, что они вызывают у зрителей ненужные ассоциации с современностью и т. д. [4]. Это была не просто заметка театрального критика. Ю. Зубков в то время – редактор журнала «Театральная жизнь», именно такое лицо могло выступить на страницах официального партийного печатного органа, другими словами – его оценки «идейной позиции творческого коллектива БДТ и лично главного режиссёра Г.А. Товстоногова» – это официальное мнение партийного руководства. Последствия этого выступления сказались сразу же: «... исключаются ранее запланированные радио и телепередачи о нашем театре, в обзорные статьи вносятся соответствующие коррективы, изымаются упоминания об актёрах БДТ, срочно планируются резко критические статьи...», – возмутился Г.А. Товстоногов в своём письме секретарю ЦК КПСС М.А. Сулову. Это письмо стало ответной репликой на выпад власти. Нужно сказать, что интонация Г.А. Товстоногова не типична для писем-обращений художественной интеллигенции в высшие партийные органы – это тон профессионала и руководителя театра, имеющего заслуженный авторитет и занимающего прочное место в официальной художественной культуре. Важ-

но, что Ленинградский обком поддержал Г.А. Товстоногова, направив письмо М.А. Суслову. Реакцией центральных партийных и государственных властей на сложившуюся ситуацию было, можно сказать, сворачивание не начавшейся кампании. Подтверждение чему – докладная записка зав. отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, в которой он представляет инцидент с Г.А. Товстоноговым как недоразумение, вызванное необоснованными опасениями режиссёра в ответ на «товарищескую критику».

Казалось бы, диалог состоялся, и результаты его позитивны (для художественной интеллигенции). Но, в действительности, перед нами – проблема, более серьёзная, чем можно предполагать. Характер названной выше докладной записки, условные формулировки традиционного формального отчёта, подталкивают к мысли о том, что происшедшее – некая политическая игра Системы с Художником, затеянная для того, чтобы напомнить, что у власти есть средства борьбы с нежелательными авангардными устремлениями и неосторожными творческими порывами. Инструментом борьбы, как правило, служило мнение профессионалов, ангажированных системой. Мягкая форма этой политической игры свидетельствует об изменившейся в 1970-е гг. политической ситуации, как внутри Советского Союза, так и в отношениях его с зарубежными странами, когда необходимо было поддерживать имидж цивилизованного государства в глазах мировой общественности. Наверное, эту тенденцию в целом можно охарактеризовать как положительную, потому что впоследствии именно она (отчасти) и даст, как результат, осознание необходимости «перестройки», в первую очередь, духовной, и, затем, политической. Но в данных исторических условиях такой «диалог» может быть оценен как специфическая форма тотального контроля власти за различными художественными проявлениями, но такого, которому в силу меняющихся исторических условий придаётся новая, с одной стороны, более лояльная к художественной интеллигенции, но с другой, более изощрённая – форма взаимной договоренности.

Итоги диалога между художественной интеллигенцией с советской властью имевшего место в указанный исторический период можно представить следующим образом: власть позволяла обсуждать многие проблемы жизни и творчества художественной интеллигенции, но не допускала действительного изменения границ свободы творчества; пафос массовых обращений художественной интеллигенции в руководящие органы партии и правительства по по-

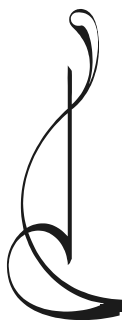
воду глобальных проблем официальной политики, характерный для второй половины 1960-х гг., сменился отдельными выступлениями по поводу конкретных вопросов творчества, отдельных художественных произведений, судеб отдельных художников, что означало постепенную утрату веры в действенность таких обращений; власть в целом была не готова к конструктивному диалогу, однако её отдельные звенья проявляли уникальную интеллектуальную способность понимания серьёзных проблем художественной культуры, но эта их профессиональная компетентность лишь расширяла границы репрессивного пространства.

1. РГАНИ. Ф. 5. Фонд Отдела культуры ЦК КПСС. Оп. 68. Д. 619. Л. 89–105.

2. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 154. Л. 36–80.

3. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 64. Д. 130. Л. 150–154.

4. Правда. 1972. 15 августа.

Раздел IV

ЮБИЛЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В НАУЧНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ. ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Г.Е. Лузянина

ХУДОЖЕСТВЕННО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ «РУССКОЕ ПОЛЕ» В МУЗЕЕ «ЛИБЕРОВ ЦЕНТР»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Искусство современной музейной экспозиции характеризуется многогранностью и сложностью концептуальных решений. «Язык музея», его форма передачи информации становится все более доступной. «Под воздействием эволюции происходит и становление экспозиции как феномена культуры, органически связанной с развитием и формированием общекультурного процесса. Настоящий период экспозиционного искусства характеризуется построением целостного гармоничного ансамбля на основе экспоната подлинника и всех компонентов среды. Экспозиция формируется как предметно-пространственная и эмоционально-образная среда в единстве сюжетно-концептуального и визуального ряда» [1].

Художественно-выставочный проект «Русское поле» посвящен яркой и героической странице русской истории – Отечественной войне 1812 г. и представляет одно из концептуальных решений в музейной практике. Обращение художественного музея «Либеров-центр» к важной исторической теме было сопряжено со многими трудностями: отсутствием экспонатов, документов события и эпохи. Именно эти причины привели к разработке концепции, созданию театрализованного сценария и оригинальной историко-художественной, культурологической экспозиции.

Погружение зрителя в атмосферу исторических событий, эпохи начала XIX в. происходит в парадном зале музея. Организованная система экспозиционного дизайна с графическими построениями (картой Бородинского сражения, портретами героев-участников войны, сценами сражений и мирной жизни) и включением пейзажных произведений омских пейзажистов А.Н. Либерова, В.Н. Белова, А.Б. Сапожникова, В.И. Бичевого, Е.А. Куприянова и других, позволило превратить пространство музея в эмоционально насыщенную, образную среду. Немаловажную роль в живописно-пространственном построении художественной экспозиции играет цвет. Он является эффективным способом передачи информации, обладает способностью организовывать восприятие зрителя, создавать определенное настроение. Аранжировка цветосветовой среды усиливает торжественное звучание историко-художественной экспозиции.

Привлечение аудиовизуальных средств, в ходе проведения программы «Русское поле», также было направлено на глубину раскрытия замысла, достижение историчности. Определенный настрой на восприятие информации внесли фрагменты фильма С.Ф. Бондарчука «Война и мир».

Дальнейшее развитие темы происходило согласно театрализованному сценарию, в котором принимали участие музейные сотрудники и артисты музыкального театра студии «Либеров-центр». На открытие выставки звучала музыка Г. Свиридова из кинофильма «Метель», кружились в вальсе белоснежные юные балерины, исполнялись романсы композиторов Ф. Булахова и А. Петрова. Зрители с большим вниманием слушали поэтические строки поэмы М.Ю. Лермонтова «Бородино» и монолог А. Болконского из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». В процессе театрализованного действия не терялась нить повествования об исторических событиях, Бородинском сражении, героях-участниках войны 1812 г., в том числе прославленных генерал-губернаторах Западной Сибири Петре Капцевиче и Густаве Гасфорде.

Театрализованное действие и тематическая экспозиция были призваны раскрыть историю страны и региона, обратить внимание на рост национального самосознания русского народа. И на то существенное влияние, которое оказала война на развитие литературы, театра, кино, музыки и изобразительное искусство XIX и XX вв. Показать переживание войны через духовный мир человека и его мировосприятие. Так как вся русская история, фольклор и литература, публицистика доказывают особую значимость поля для мироощущения рус-

ских. Каждое поле – крупица русской земли, большая или меньшая, но история ее. Вспомним Куликово поле, воспетое А. Блоком, Бородинское поле «Бородино» М. Лермонтова. Любовь русских к свободе, воле, тоска по счастью отразилась в привязанности к русским бескрайним просторам, полю, степи, раздолью. Поле – как некая симфония, в котором передаются движение и смена больших чувств и мыслей человека, и отражается само время. Образ поля зримо предстает и в пейзажных мотивах омских художников, главным из которых выступает в экспозиции произведение А.Н. Либерова «Хлебное поле» (1989). Пейзаж «раздолья» с эпической интонацией и световоздушной панорамностью, преисполнен природной, монументальной мощи. Он особенно символичен в ассоциативно-образном строе экспозиционного текста. Так история переводится во внутренний мир человека.

Музейные залы позволяют двигаться во времени. Переход от обобщенных иллюстративных образов событий, эпохи, личностей к художественным позволил выполнить основную задачу музейщиков – усилить и обогатить историческую память эмоциональным отношением. Музей «Либеров-центр» в каждой своей выставке стремится включиться в общее движение современного эволюционного развития. Активизирует поиски концептуализации и зрелищности, художественной выразительности и образной экспозиции, их большей информативности и коммуникабельности.

1. *Майстровская М.Т.* Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция. На пути к музею XX века. М., 1997. С. 7–22.

Е.М. Раскатова, М.А. Миловзорова

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: СТРАТЕГИИ ПРОЕКТИРОВАНИЯ МУЗЕЙНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИВАНОВО)

Эпоха пересмотра идеологических ориентиров отечественной культуры внесла значительные изменения в иерархию музейной сети в стране: общественно-политические музеи утратили свой исключительный статус, что повлекло за собой их неизбежное угасание и,

© *Е.М. Раскатова, М.А. Миловзорова, 2012*

в ряде случаев, разрушение. Не являлся исключением и Ивановский «Музей Первого Совета»: специально построенное в 1980 г. масштабное здание для обширной экспозиции историко-революционной тематики в настоящее время практически не функционирует – небольшой раздел экспозиции, непосредственно посвященный работе Первого Совета перенесен в историческое здание Мещанской Управы. Акцент музейного проектирования сегодня сделан на период рубежа XIX–XX вв., связанный с собирательской и меценатской деятельностью Д.Г. Бурьлина – «гения места» г. Иваново-Вознесенска.

Эта ситуация представляется вполне логичной, но, к сожалению, не предполагает преодоления кризиса общественно-политического музея г. Иванова, тогда как общие тенденции развития музейного дела в Европе и, в какой-то мере, России свидетельствуют о возрастании информационно-просветительской, воспитательной и коммуникационной роли музеев политической истории и культуры в современном, чрезвычайно сложном и противоречивом социокультурном пространстве. При этом классические музейные экспозиции претерпевают неизбежные, иногда довольно радикальные трансформации, согласовываясь с новой миссией музея как культурного центра – выражают новые концептуальные идеи, иначе моделируют пространства, включают интерактивные элементы и др.

Такая оценка современной ситуации существования общественно-политических музеев заставляет задуматься о возможностях продуктивного музейного проектирования на базе бывшего Музея Первого Совета г. Иванова. В здании, исторически предназначавшемся для этого музея, предлагается разместить экспозицию «Музея современной истории и искусства» (отчасти опирающуюся на прежние экспозиционные ряды), на базе которого будет функционировать «Дом политической культуры молодежи». Само здание в его первоначальном облике (несколько измененном в ходе неудачной реставрации) вполне способно служить заявленной цели, так как представляет собой типичный образец конструктивной бетонной архитектуры позднего советского периода. Такое решение оправдано несколькими причинами: во-первых, послереволюционная история г. Иваново практически не представлена в действующих музейных экспозициях, что является исторически неверным – история этого города начинается только в конце XIX в., поэтому XX в. – ее основной период, что нужно учитывать, несмотря на переоценку ценностей прошедшей эпохи; во-вторых – совмещение традиционных

документальных, фото и вещных рядов с произведениями изобразительного искусства XX в. (присутствующих не как обычное и нечастое дополнение исторической экспозиции, а как основной или даже ведущий ее элемент), позволит визуализировать и эстетизировать традиционный для таких экспозиций историко-культурный материал, что кажется чрезвычайно актуальным в эпоху «визуального поворота», кардинально изменившего механизмы восприятия информации зрителем, особенно, новых поколений; в-третьих – Иваново и сегодня остается достаточно политизированным и общественно-напряженным социокультурным пространством (если учесть его близость к столице и удельный вес учащейся молодежи), во всяком случае, в потенциале – поэтому воспитание и формирование общественно-политического сознания через постижение значимых общественно-исторических коллизий развития места (г. Иваново) может стать наиболее перспективной стратегией социокультурного развития региона в целом.

Экспозицию предполагается строить на основании новых идей, которые позволили бы в некоторой степени объединить существовавшую модель музея общественно-политической истории и современные культурные требования. Такими идеями, на наш взгляд, могут стать:

– идея представления истории г. Иванова как крупнейшего текстильного центра на протяжении всего XX века (постоянная экспозиция «Музея ситца», посвященная истории текстильной промышленности края, только отчасти решает родственную задачу, сосредотачиваясь, главным образом на первоначальных этапах этой истории). История развития текстильной промышленности г. Иванова советского периода и изучена далеко не в полной мере, в частности, в аспектах ее отражения общественно-политической истории страны, и, тем более, не осмыслены возможности экспозиционного преломления такого материала. В то же время, именно эта история стала источником многих культурных мифов новейшего времени («Иваново – текстильная столица страны», «Иваново – город невест» и др.), до сих пор играющих заметную, хотя и противоречивую, роль в конструировании сознания жителей региона. Это – история крупных достижений и драматических потерь; история становления и разрушения (еще далеко не окончательного) менталитета «текстильщика», представителя «текстильного края»; история единения и конфликтов политических амбиций и логики развития потенциала мес-

та. Именно такая история (соединившая в одно целое понятия «русский Манчестер», «красный Манчестер», «серебряный век текстильной промышленности»), которая могла бы объяснить характер настоящего и позволила бы прогнозировать будущее – должна занять свое место в культурном сознании жителя региона. Эта история нашла достаточно яркое отражение в изобразительном искусстве советского периода, что позволит сделать экспозицию максимально насыщенной визуально. Исходя из возможностей пространства «Музея Первого Совета», экспозицию предполагается организовать как монументальный Проспект Текстильщиков, в движении по которому зрители будут знакомиться с историей «текстильного Иванова», представленной в различных, прежде всего, визуально выразительных, артефактах. Экспозиция должна включать элементы аудио, видео и мультимедиа, позволяющих совершать виртуальные экскурсии в фабричные пространства, знакомится с кинодокументалистикой эпохи, прослушивать записи и т. д. Так как предполагается задействовать достаточно просторное пространство – внутри него возможно проведение различных мероприятий от проведения публичных кинопоказов, собраний, иных акций до размещения новых экспозиционных рядов (скульптур, инсталляций и др.), решающих разные задачи.

– еще одна продуктивная идея, которая может стать основой воздания новой экспозиции – показ общественно-политической истории г. Иванова через осмысление «культуры протеста», столь характерной для данного региона. Такое решение позволит в ином (в отличие от детерминированного советской идеологией) ракурсе показать ранние этапы политической истории региона (эпоху «Первого Совета» и связанные с ней события), выявить другие проблемные точки общественного развития региона в советскую эпоху, когда различные подспудные проявления протеста находили выражения в различных формах культуры (в частности «неофициальном» искусстве) и связать эти исторические коллизии с логикой современного развития, формируя политическую культуру зрителя, в первую очередь, молодежи. Эта часть экспозиции может стать площадкой, органично реализующей идеи «Дома политической культуры молодежи», работа которого может иметь многообразные формы – проведение научных семинаров и конференций по исследованию феноменов политической истории и культуры, молодежных школ политической культуры и др.

Подобное переосмысление возможностей конструирования общественно-политического музея в современной историко-культурной ситуации способно, на наш взгляд, обеспечить его новую позитивную роль в качестве центра осмысленной социокультурной коммуникации в пространстве региона.

М.А. Коркина

ПРАЗДНОВАНИЕ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА РУССКИМ ОБЩЕСТВОМ В НАЧАЛЕ XX В.

Юбилеи Крестьянской реформы 1861 г., занимая второстепенное значение в официальной праздничной культуре дореволюционной России, приобретали особое звучание в среде интеллигенции, становясь предметом полемики различных политических сил, каждая из которых вкладывала свой смысл в их историческое значение. Общественностью юбилейные даты отмены крепостного права были превращены в «места памяти» различных социальных, мировоззренческих и возрастных групп, идентифицирующих себя оппозиционерами или приверженцами по отношению к официальному курсу правительства. Личность Александра II выступила в качестве фигуры памяти или коллективной самоидентификации различных социально-политических слоев российского общества.

Задача данной статьи – выявить формы и способы чествования круглых дат отмены крепостного права русским обществом в начале XX в. Изучение юбилейных репрезентаций реформы позволяет конкретизировать существующие представления интеллигенции о сущности и значении преобразований Александра II в начале XX в., обнаружить традиции, связанные с празднованием полуофициальных исторических событий, определить факторы, предопределившие содержание отзывов о реформаторской деятельности императора. В центре нашего внимания публикации периодических изданий либеральной ориентации, сборники статей, юбилейные издания и произведения искусства, посвященные годовщинам крестьянской реформы царя-освободителя.

Одной из ярких и замечательных традиций во второй половине XIX – начале XX вв. была организация праздничных обедов уча-

стниками великой крестьянской реформы, проводившихся каждый год 19 февраля, начиная с 1862 г. Первоначально на обеды соби­рался тесный круг лиц, принимавших непосредственно участие в деятельности Редакционных Комиссий или имевших ближайшее отношение к делу освобождения крестьян. Постепенно стали принимать участие лица, которые приводили в исполнение Положение 19 февраля 1861 г., старшие деятели действующих крестьянских учреждений, а также лица, имеющие право на ношение по наследству золотой медали за труды по освобождению крестьян (Высочайшее повеление от 30 августа 1898 г.). Ежегодные отчеты об юбилейных обедах публиковались на страницах толстых журналов. Например, в либеральном журнале «Русская старина», издававшемся М.И. Семевским, опубликована статья о праздновании в 1886 г. 25-летия крестьянской реформы в кругу сподвижников «крестьянского дела». Начало XX в. было встречено чувством либеральной общественностью 40-летия отмены крепостного права. На страницах названного журнала вновь был опубликован отчет о торжественном обеде 1901 г., отличившийся особой сердечностью и «многочисленностью». Встреча друзей по крестьянскому вопросу прошла в ресторане Донона. Из присутствовавших 32 участников обеда только два – Е.И. Ламанский и П.П. Семенов – приняли участие в качестве членов редакционных комиссий. Председателем обеда был П.П. Семенов, а распорядителем – граф Я.Н. Ростовцев, внук Я.И. Ростовцева, главного и непосредственного сподвижника Александра II по крестьянской реформе. Помимо тостов за великое дело 19 февраля 1861 г., за всех действовавших и действующих в пользу крестьян, особое внимание уделялось таким царственным фигурам, Александру II (главному виновнику торжества) и Александру III, великому князю Константину Николаевичу за незабвенные заслуги в крестьянском деле. После тоста за благоденствие России от имени отсутствующего Н.П. Семенова было прочтено кн. П.Н. Цертелевым стихотворение, посвященное памяти великого народного поэта А.С. Пушкина:

... Он наш пророк, он русский гений
В своих возвышенных мечтах,
В изящной прелести творений,
В неподражаемых стихах.
К нему любовь есть наша сила.
Пока в нас дух еще живет,
Не разлучит нас и могила:

Идем смелей за ним вперед!
Достигли рабства мы паденья
По мановению царя.
Свободы, мира, просвещенья
Восходит новая заря! [1]

Образ Пушкина, который писал о надежде увидеть освобождении народа, взаимосвязан с образом русского человека. В ответ на знаменитые слова поэта сочинялись не только стихи, но и другие произведения искусства, в том числе и художественные. Так, картина Мясоедова «Чтение крестьянами Положения 19 февраля 1861 года» является одним из немногих произведений русской живописи, увековечивающего отмену крепостного права в 1873 г. В честь 40-летия крестьянской реформы был выпущен сборник статей проф. А.С. Шкляревского с описанием этой картины и оценкой ее художественного достоинства. В сборник были включены отзывы самого художника на интерпретацию его творения, рассказ истории создания картины [2].

Кроме этого, в начале XX в. празднование круглых дат реформ Александра II проходило повсеместно во многих городах России и Сибири. В Санкт-Петербурге и Москве в честь 50-летия отмены крепостного права были проведены традиционные обеды участников реформы 19 февраля, их сыновей и потомков, обеды купеческого общества, волостных старшин, памятные заседания в городских думах и Дворянском собрании, проведены праздничные вечера в городских училищах и спектакли. Во многих городах торжественно открывались памятники и бюсты царю-освободителю (Санкт-Петербург, Москва, Саратов, деревня Фенино Московского уезда и др.) [3]. Не миновала подготовка к 50-летию юбилею крестьянской реформы и г. Омск. В преддверии праздника была организована юбилейная комиссия в городской думе, которая с учетом праздничной программы, разработанной для всей области на собрании при Акмолинском губернаторе, выделила ряд мероприятий для празднования 50-летней годовщины в городе. Самым обсуждаемым и масштабным проектом в подготовке омичей к 50-летию крестьянской реформы стала разработка памятника Александру II и его установка [4].

Таким образом, многочисленные описания официальных и неофициальных юбилейных торжеств в память императора-реформатора и его деяний, проводимых в российских городах в начале XX в., позволяют вслед за исследователем юбилейной культуры К.Н. Цим-

баевым, определить эти юбилеи как общенациональные праздники, отмечавшиеся узким кругом лиц. В большинстве случаев проводимые торжества напоминали и повторяли организационные формы государственных юбилейных мероприятий, содержали государственную и религиозную символику и ритуалы – наличие символов самодержавной власти, портретов царя, икон, проведение литургий и панихид, чтение тематических рефератов и раздача брошюр. Неизменной традицией оставалось проведения товарищеских обедов участниками крестьянского дела, юбилейные публикации в либеральных изданиях, где чтилась сердечно и свято память о деятелях эпохи освобождения крестьян.

1. *Семенов Н.* Памяти А.С. Пушкина в день 26 мая 1899 // Русская старина. 1901. № 11. С. 463.

2. В память 40-летия со дня освобождения крестьян в России. Чтение Положения 19 февраля 1861. Киев, 1902.

3. Выставка в память пятидесятилетия 19 февраля 1861 г., устроенная учениками гимназии под руководством Н.Г. Тарасова. М., 1911. С. 16–17

4. *Лосунов А., Огородникова Л.* «Царю-Освободителю – Благодарные омичи» (к истории проекта памятника Александру II в городе Омске) // Историко-культурное наследие Омского Прииртышья. Омск, 2010. С. 113–132.

В.С. Сулимов

ПРАЗДНОВАНИЕ ШКОЛАМИ ОМСКА КОРОНАЦИИ НИКОЛАЯ II

Учебные заведения Российской империи приняли активное участие в праздновании коронации Николая II в мае 1896 г. Учащиеся школ Омска под руководством педагогического персонала отметили данное событие рядом мероприятий, способствовавших монархическому воспитанию молодежи.

Особенно глубоко должен был запечатлеться в памяти учащихся день 14 мая, когда в Москве совершилось важнейшее церковное, государственное и народное торжество. Весть о благополучно состоявшемся короновании их императорских величеств достигла Омска в 14.30, о чем жители города узнали по трем пушечным выстрелам. За выстрелами последовал колокольный звон во всех городских

церквах, призывавший к молебствию. Учителя и ученики учебных заведений города собрались во дворе мужской гимназии, где совершен был благодарственный Господу Богу молебен с провозглашением многолетия государю и государыне. В 21.30, когда прибыли в гимназию губернатор и другие начальники с семьями, начался детский вечер. Он открылся торжественным шествием под звуки марша и при бенгальском освещении пятидесяти пар учащихся, одетых в костюмы различных народностей, входящих в состав Русского государства. Ученики прошли среди публики через весь гимнастический зал и поднялись на специально устроенную эстраду, где встали по обеим сторонам занавеса. При этом юноши, преклонив колена, взяли в руки блюда с хлебом-солью, другие – выделанные шкуры сибирских зверей, другие дары местной природы. Взвился занавес, в глубине сцены зрители увидели транспарант с портретами их величеств во весь рост в момент коронования. Вверху транспаранта был изображен голубь, сходящий в лучах на главы коронуемых и над ними надпись: «Держи свою десницу, О, Боже, над царем. Храни Господь царицу, И весь Державный дом!» [1].

Образовалась живая картина, производившая при сильном бенгальском освещении, глубокое впечатление на присутствующих, и гимназический хор с оркестром должны были исполнить несколько раз, по требованию публики, народный гимн «Боже, Царя храни». Так закончилось первое отделение концерта. Во время антракта участникам мероприятия был предложен чай, конфеты, фрукты, учащимся бутерброды. Во втором отделении произносились стихотворения, написанные по случаю коронования, исполнялся коронационный гимн и несколько номеров из оперы «Жизнь за царя». Особенно сильное впечатление произвел, по общему отзыву, финал оперы «Славься, славься наш русский царь», закончившийся звоном колокольчиков. В 22.30 начались танцы. Вечер закончился в час ночи. Во время нахождения гостей в гимназии все здание было иллюминировано фонарями и украшено флагами, зеленью, хвоей [2].

Торжества продолжились. 16 мая 1896 г. состоялось загородное гулянье учащихся на средства городской думы и мещанской управы в размере 250 рублей. В эту сумму не включались расходы по найму пароходов и прислуги, устройству палаток, каруселей, театра и эстрады для оркестров и приготовлений на месте остановки чайной посуды и самоваров. В назначенное для сбора детей время директор училищ стал впускать учащихся на плашкоуты, прицеплен-

ные к пароходу. Оказалось необходимым разделить детей на две группы по 1000 человек. Во время плавания по Иртышу до загородной рощи, в 4 верстах от города, три оркестра и общий ученический хор в 200 человек поочередно и вместе исполняли коронационный и народный гимны, финал оперы «Жизнь за царя», гимны Гинцбурга, Главача и народные песни. После прибытия второй группы, площадь, избранная для гулянья, оказалась слишком тесна, так как помимо детей и их родителей в роще собрались посторонние зрители. Пение и танцы для учащихся в гимназиях, беганье и лазанье по столбам на призы для учеников уездного и приходских училищ заняли все время до обратной отправки детей в город. Возвращение также сопровождалось пением хора и игрой оркестра [3].

Коронация Николая II наложила отпечаток на проведение мероприятий в школах во второй половине 1896 г. 21 октября 1896 г. состоялся торжественный акт мужской и женской гимназий, женской прогимназии, уездного и приходских училищ Омска. К часу дня в гимнастическом зале мужской гимназии собрались педагоги и учащиеся, многие родители последних, посторонние лица, получившие приглашения на школьный праздник. Зал был декорирован флагами, гирляндами из хвои и коврами. На эстраде на большом столе, накрытом красным сукном, были разложены похвальные листы и книги для подарков. С трех сторон стола стояли 12 кресел для почетных лиц. Шесть окон, освещающих эстраду, были наглухо задрапированы. В одном из окон находился транспарант с портретами императорских величеств, прикрытый завесами из красной материи.

Ровно в час дня в гимназию прибыл преосвященный Григорий епископ Омский и Семипалатинский. При его встрече ученический хор пропел молитву Святому Духу. Одновременно с преосвященным в зал вошел военный губернатор Акмолинской области с супругой, получившей от ученицы букет цветов. Затем в вестибюле звуками марша гимназический хор встретил Степного генерал-губернатора. Начальник края явился в гимназию с супругой и свитой. При входе его в зал все присутствующие поднялись со своих мест, баронесса получила от ученицы роскошный букет. На кафедру вошел директор мужской гимназии, открыв акт краткой речью. Прежде чем представить вниманию собравшихся общие итоги школьной деятельности за минувший учебный год, директор сказал, что учащие и учащиеся считали своим долгом «благоговейно вспомнить о том всерадостнейшем событии, которым ознаменовался конец учебного года и

отпраздновать которое в полном составе нашей школьной семьи мы не могли по случаю раннего наступления каникул». Пояснив затем, какое огромное духовное значение верующий русский народ придавал акту коронавания и почему царское венчание на престол еще более должно было поднять народный дух и укрепить веру в лучшее будущее, директор обратился к учащимся. «В сердцах ваших, дети, – сказал он, – должно особенно глубоко запечатлеться событие», совершившееся 14 мая в Москве. «Много милостей у Трона, – продолжал директор, – но такой милости, которая дарована была учащимся по случаю священного коронавания их императорских величеств, история русской школы еще не знала». Распоряжением монарха в год коронации учащиеся переводились из класса в класс, без экзаменов, на основании годовых отметок. Каникулы были увеличены до четырех месяцев. Учащиеся бесплатно ездили на Всероссийскую выставку в Нижний Новгород и обратно. Все это «красноречиво» свидетельствовало о том, что дети были близки сердцу царя и что в массе своих забот монарх помнил и о них [4].

Указав затем учащимся на святой долг, возлагаемый на них истинно-отеческим попечением государя, директор закончил свою речь словами: «Государь желает увидеть в вас светлую будущность России, он любит вас, исполните же и вы его пожелания, и возлюбите его всем сердцем – чаще возносите о здравии и долголетье его горячие молитвы к престолу Всевышнего. Да царствует он, святым провиденьем хранимый, на славу народа, на радость детям!» [5]. Затем раздались звуки народного гимна, исполненного соединенными ученическими хорами в 150 человек под аккомпанемент двух фортепиано и гимназического оркестра. Одновременно с этим среднее окно на эстраде было освобождено от драпировок и при ярком солнечном свете присутствующие увидели на транспаранте изображения государя и государыни в момент их коронавания со всеми государственными регалиями. Поразительное сходство изображений царственной четы с оригиналом приковывало к ним взоры всей публики. Народный гимн, сопровождаемый восторженными криками «ура», исполнялся дважды. Далее в программе звучали пять стихотворений, посвященных коронаванию. По окончании первых двух стихотворений, три ученицы 8 класса с прекрасными голосами, на эстраде перед транспарантом, пропели коронационный гимн. При этом каждое четверостишие гимна повторял в конце зала соединенный ученический хор с гимназическим оркестром. После следующих двух сти-

хотворений хор исполнил финал из оперы «Жизнь за царя». После последнего стихотворения «Русь» была пропета «Слава».

Школа в дореволюционный период играла значимую роль в монархическом воспитании молодежи. Празднование коронации царя было призвано укреплять у учащихся верноподданнические чувства, как будущих слуг отечества.

1. ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1073. Л. 163–163об.

2. Там же. Л. 163об.–164.

3. Там же.. Л. 164–164об.

4. Там же.. Л. 165–165об.

5. Там же.. Л. 165об.

Е.А. Беседина, О.А. Патрикеева

20-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛЕНИНГРАДА

В последние годы изучение различных аспектов праздничной культуры, в частности, советской, стало одним из актуальных направлений историографии [1]. Новые государственные праздники, учрежденные властью после октября 1917 г., были призваны укрепить связь между самой властью и населением, способствовать распространению и закреплению в массах пропагандируемых идей, взглядов, ценностей. Формирование «красного календаря» было тесно связано с празднованием государственно-партийных юбилеев, организуемым по поручению ЦК правящей партии. Эти юбилеи подменяли собой прежние торжества и события, связанные с дореволюционной историей и «старым» режимом. При этом наглядно прослеживалась характерная для 1920-х гг. тенденция актуализировать и ознаменовывать революционные события, происходившие до Октября 1917 г. Так, двадцатая годовщина Первой русской революции наряду со 100-летним юбилеем восстания декабристов была включена в программу празднования восьмилетия Октябрьской революции в 1925 г. Такой порядок знаменательных дат должен был, по убеждению большевиков, подчеркнуть преемственность и закономерность этапов революционного движения.

© Е.А. Беседина, О.А. Патрикеева, 2012

Празднованию 20-летнего юбилея Первой русской революции в Ленинграде по известным причинам придавалось большое значение. Наибольший размах торжества получили в январе и декабре, месяцах, на которые приходилось начало революции и пик революционных действий. Кроме того, памятные мероприятия января 1925 г. посвящались и первой годовщине со дня смерти В.И. Ленина.

По мнению немецкого исследователя Ш. Плаггенборга, праздники следует рассматривать высшей формой репрезентации. При их проведении в единое целое соединяются «разные уровни выражения: слово, изображение, движение, инсценировки». Революционные праздники становились одним из средств конструирования новой модели исторической памяти, адекватной потребностям новой политической системы. Изучение хода празднования юбилея революции в 1925 г. это наглядно демонстрирует.

К середине 1920-х гг. организация и проведение революционных праздников уже проходили по определенной методике. На общесоюзном и региональном уровнях создавались специальные комиссии, деятельность которых охватывала различные аспекты празднования. В структуре Истпарта с 1924 г. работала специальная комиссия, в задачи которой входило: выявление новых источников, сбор свидетельств современников [2], издание мемуаров, составление хроники революционного движения 1905–1907 гг. [3].

О заседаниях Ленинградской Губернской юбилейной комиссии под руководством тов. Гордона регулярно информировала «Ленинградская правда». Комиссия по истории профсоюзного движения (Истпроф) при Ленинградском Губпрофсовете также развернула большую работу по сбору материалов, относящихся к деятельности профсоюзов в годы первой революции. Кроме того, ею планировалось «устройство вечеров воспоминаний, на которых бы выступили ветераны профсоюзной работы».

Одним из первых мероприятий 1925 г. стало шествие рабочих делегаций на могилы жертв 9-го января. Позже, в апреле того же года, Ленгубисполком принял решение о сооружении памятника на Преображенском кладбище и переименовании его в кладбище «Памяти жертв 9 января». В клубе «Красный Октябрь» состоялась «траурная инсценировка памяти т. Ленина, соединенная с воспоминаниями о январских днях 1905 г.». В мероприятиях, посвященных революции, участвовали и ленинградские школьники. 15–22 января стали «Неделей Ильича», в течение которой учащимся надлежало изучать

основы ленинизма, готовить доклады на темы «Движение рабочего класса и 9 января», «Ленин – вождь рабочего класса», «Ленин и молодое поколение». Инсценировки «9 января» и «Ленин и дети» прошли в школьных коллективах.

В контексте празднования юбилея Первой революции можно рассматривать и открытие 3 мая 1925 г. памятника Г.В. Плеханову у здания Технологического института. В городе проводились вечера памяти Г.В. Плеханова, посвященные седьмой годовщине смерти первого русского марксиста.

На первый план выходила «театрально-зрелищная сторона революционного праздника». Предусматривалась организация «художественной инсценировки в рабочих клубах с обязательным участием рабочих от станка». По мнению организаторов, «к участию в этих постановках нужно привлекать как можно больше местных сил, что сделает инсценировки живыми, яркими и интересными для масс». Участие рабочих «нескольких крупных ленинградских заводов» предусматривалось и в обсуждении текста пьесы, посвященной событиям 1905 г., которую планировалось поставить на сценах академических театров.

К юбилею революции планировалось «изготовить нескольких красочных плакатов», и силами издательства Политпросвет к концу года выпустить «80 диапозитивов на различные темы о революционных событиях 1905 г. Предложено обратить особое внимание на выпуск диапозитивов для деревни».

Пик праздничных торжеств пришелся на декабрь 1925 г. К середине месяца Губернская комиссия утвердила окончательный порядок празднования. На страницах ленинградских газет и журналов активно публиковались статьи, посвященные декабрьскому вооруженному восстанию 1905 г.

Силами рабочих живых газет в Народном доме предполагалось провести инсценировку «1905 год» тов. Северного. В течение двух недель инсценировка прошла по районам города. Госагиттеатр поставил революционную пьесу Я. Задыхина «Вихри враждебные» [4].

В музее Революции разместилась выставка, посвященная 100-летнему юбилею революционной борьбы в России: от восстания декабристов в 1825 г. до 1905 г. Экспонаты располагались в 13-ти залах нижнего этажа Дворца искусств (бывший Зимний дворец). Три самых больших зала выставки были посвящены событиям 1905 г. Посетители могли увидеть текст петиции рабочих с подлинной подписью Гапона.

В рабочих клубах по воле Губполитпросвета закружились политические хороводы в масках, изображавших Николая II, Витте, Трепова, Гапона и других одиозных персонажей того времени. Такое необычное сатирическое действо привлекало в клубы молодежь, придавало празднованиям определенную яркость и динамизм [5].

Напоминанием ленинградцам о бурных событиях стали и мемориальные доски на фасадах зданий, где в годы революции проводились заседания отраслевых профессиональных союзов. Памятные доски, большая часть которых была открыта в 1925–1926 гг., стали своего рода маркерами социокультурного пространства города в контексте осмысления революционного прошлого.

Таким образом, празднование 20-летнего юбилея Первой русской революции в Ленинграде наглядно показало, как, используя различные методы вербализации и визуализации, власть внедряла в общественное сознание ставшие устойчивыми стереотипы, отражавшие новые ценности и формы жизнеустройства общества, новые коммуникативные практики.

1. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000; *Шульман М.Г.* Партийно-государственная агитация и пропаганда первых лет Советской власти: октябрь 1917–1920 гг. (По материалам Калужской и Тульской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калуга, 2004; *Котылева И.Н.* Праздничная культура Европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005; *Мальшева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань, 2005; *Деканова М.К.* Трансформация российской праздничной культуры в конце XIX – первой трети XX в.: центр и провинция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009.

2. В этой связи в журнале «Пролетарская революция» была опубликована специальная методологическая статья: *Гелис И.* Как надо писать воспоминания (методол. очерк) // Пролетарская революция. 1925. № 7 (42). С. 197–212.

3. См. об этом: *Чиковани А.Ю., Щепров Б.С.* Из опыта воспитания историй: (о праздновании 20-летия революции 1905–1907 гг. в России) // Вопросы истории КПСС. 1986. № 3. С. 127–132.

4. *Булгаков А.С., Данилов С.С.* Государственный агитационный театр в Ленинграде. 1918–1930. Л., 1931. С. 44.

5. Смена. 1925. 15 декабря.

ЮБИЛЕЙ ГОРОДА: УРАЛЬСКИЙ ВАРИАНТ*

Праздник – категория универсальная. Это и PR-акция, и презентация туристического объекта, и массовый спортивный праздник, и карнавал. Мощное воздействие праздника оценили политики и всю используют его в предвыборной агитации. Изучать, чего же ждут от праздника непосредственные его участники – жители того или иного города, ни у кого не хватает ни сил, ни средств. Поэтому опыт Набережных Челнов, где провели социологические исследования по данной проблеме (2005 г.), по-своему уникален. Среди плюсов респонденты называют массовость мероприятий, возможность принять в них непосредственное участие, профессионализм ведущих, красочность и оригинальность оформления площадок, хорошую организацию торговли, выступления детских коллективов. Жители одобряют социальные акции, развитие массового спорта, пропаганду здорового образа жизни. Выступают против продажи алкогольных напитков и пива на любых мероприятиях. Они обращают внимание городских властей на то, что мало устраивается праздников для детей. Не удовлетворяет их и качество праздничных программ. Эксперты отмечали схожесть многих сценариев, отсутствие в них «изюминки», недостаточность конкурсов для зрителей.

Для многих городов Урала характерным является перенос празднования Дня города на летние месяцы. Свой юбилей – 250 лет Екатеринбург–Свердловск пышно отпраздновал 18 ноября 1973 г., взяв за дату рождения день, когда «в одной молотовой пошли в ход два молота», а значит, родился город-завод. Но с 1987 г. было решено День города проводить в третью субботу августа массовыми гуляниями во всех районах города, а центральное событие – в Историческом сквере. Верхний Уфалей до 1988 г. отмечал День города 9 февраля. Именно в этот день в 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Верхний Уфалей был отнесен к категории городов областного подчинения. С 1988 г. День города отмечают в третье воскресенье июля, вместе с Днем металлурга. В 1996 г. глава города Верхняя

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 11-11-66004 а/У РГНФ.

Пышма, отмечая особую роль металлургической отрасли в жизни города, издал постановление, согласно которому для празднования Дня города и Дня металлурга была определена одна дата – 20 июля.

Пермь и многие города Пермского края с середины 1990-х гг. День города празднуют 12 июня в день принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации.

Следует особо отметить празднование 250-летия образования города Златоуста Челябинской области (12 сентября 2004 г.). Еще в середине 1990-х гг. известный златоустовский скульптор В.П. Жариков создал три эскизных варианта памятника святителю Иоанну Златоусту. Долгое время этот скульптурный замысел оставался не воплощенным. Лишь в начале XXI в. идея возведения памятника святителю получила поддержку у директора Златоустовского завода «Стройтехника» В.А. Ростова.

Работа над памятником началась в январе 2003 г., часть работ производилась на территории Златоустовских художественных мастерских «ЛиК», часть – на территории завода «Стройтехника». Летом 2004 г. работники завода «Стройтехника» отправились в Коман (Абхазия), чтобы побывать на месте захоронения Иоанна Златоуста. Общая высота памятника около 6 м. Скульптура Святителя – 2,6 м, она изготовлена из бетона со специальным покрытием «под чугун». Постамент памятника представляет собой каменную глыбу уральского гранита, найденную в Башкирии. Его высота 3 м, вес около 19 тонн. В постамент вмонтирована плита, привезенная из Коман (Абхазия), места смерти Святителя. Это – единственная материальная связь между земным путем Иоанна Златоуста и городом, носящим его имя. Открытие и освящение памятника на Красной Горке состоялось 12 сентября 2004 г., в день 250-летия образования города Златоуста. Вскоре после возведения памятника Иоанну Златоусту создатели памятного комплекса стали разрабатывать идею возведения башни-колокольни с часовней Святителю – хотелось создать достойное место почитания святого, чьим именем назван город. Открытие башни состоялось 26 ноября 2006 г.

Среди промышленных областей Урала самая длительная традиция празднования Дня города принадлежит Челябинску (с 1969 г.), инициаторами превращения Дня города в ежегодный праздник стали горожане и газета «Вечерний Челябинск». Судя по газетным подшивкам, степень торжественности Дня рождения города в Челябинске как-то не очень зависела от самой даты. В газете были очень

скромные, помеченные всего несколькими строчками юбилейные вехи. Случались со всей широтой отмечаемые промежуточные десятилетия. Например, 250-летие Челябинска пришлось на 1986 г. Весь номер «Челябинского рабочего», вышедший в тот сентябрьский день, был посвящен этому событию. Программа праздника, под символическим названием «Венок концертов», включала массовые народные гулянья, выступления артистов, музыкантов на открытых импровизированных театрализованных площадках в парках и на площадях города, карнавальные шествия, ярмарочную торговлю и многое другое. Ко Дню рождения города в Челябинске стали приурочивать открытия памятников, учреждений культуры, выставок. Так, в 1999 г. состоялось открытие одного из современных кинотеатров России – «Урал-КиноМАКСа». В сентябре 2000 г. в Челябинске были открыты памятник композитору С.С. Прокофьеву и скульптурная композиция «Сфера любви». В последние годы традиционным финалом праздника стал салют и фестиваль фейерверков на набережной реки Миасс.

В 2011 г. Челябинск отмечал свой 275-й день рождения. Праздник проходил под девизом «Новый взгляд. Новые решения». Основные мероприятия Дня города прошли 2, 3 и 4 сентября: традиционное праздничное шествие, парад моды на Кировке, фестиваль фейерверков и гала-концерт «Песня года». Абсолютно новым для Челябинска стало мультимедийное лазерное шоу с использованием современного оборудования. Лазерные и видеоинсталляции объединили с шоу фонтанов, все действие сопровождалось живой музыкой различных направлений.

Помимо общегородских массовых мероприятий, программа Дня города включала Фестиваль детского технического творчества "Лего – город будущего", Фестиваль талантливой молодежи "Артишок – 2011", День национальных кухонь, конкурс "Татарочка 2011" – показ национального костюма, Фестиваль уличных театров и перфомансов "Urban-Art", Акция "Горько! Бал молодоженов", Межрегиональный фестиваль кузнечного мастерства "Стальное волшебство", Фестиваль "Челябинск читающий", IX региональный фестиваль хип-хоп культур "ПРОдвижение", Первый региональный рейв-фестиваль электронной музыки "Эстетика четырех", многочисленные флешмобы.

В Екатеринбурге уже несколько лет существует «Клуб 17'23», в названии которого зафиксирована дата рождения города. Город-

ской клуб позиционирует себя как публичную площадку по обсуждению культурной политики и культурных практик города. Одной из задач клуба является подготовка к 300-летию Екатеринбурга через осмысление городской идентичности и специфики развития городского культурного пространства. Место проведения заседаний и время начала заседаний клуба символично связано с городом – Музей истории Екатеринбурга в 17:23. На одном из заседаний на обсуждение были вынесены вопросы «Екатеринбурговедение: кто и как воображает город?», «Городская среда: мечтаем о прошлом или строим будущее?», «Какого символа не хватает Екатеринбургу?».

Тенденция, которая явно прослеживается в изменении празднования Дней города, это желание организаторов вовлечь в подготовку праздника горожан, сделать их не только потребителями и пассивными участниками события.

А.М. Избушева

ПОДГОТОВКА К ПРАЗДНОВАНИЮ ЮБИЛЕЯ СИБИРСКОГО ГОРОДА ПО ДАННЫМ ИНТЕРНЕТ- РЕСУРСОВ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКА И ОМСКА)

Тематика юбилейных дат в настоящее время особенно актуальна среди специалистов политической, экономической, научной, социальной, культурной и других сфер. Подготовка к празднованию юбилея города, как правило, сопровождается конструированием или реконструированием образа города, созданием его бренда.

В преддверии празднования 300-летия Омска становится актуальным изучение опыта других городов, в том числе и сибирских. Поэтому целью данного доклада было поставлено выявление особенностей подготовки к празднованию юбилея (на примере Омска и Иркутска) посредством такого источника информации как интернет ресурсы [1].

В 2011 г. был отмечен юбилей г. Иркутска. Нормативные документы: Указ Президента РФ 02.08.2009 № 894 «О праздновании 350-летия основания города Иркутска». Указ Президента РФ от 04.08.2010 № 983 «О рассмотрении предложений и инициатив, связанных с празднованием на федеральном уровне памятных дат субъектов Россий-

ской Федерации». Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 04.08.2010 № 983 «Правила рассмотрения предложений и инициатив, связанных с празднованием на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации». Памятными датами считаются: дата основания города, являющегося административным центром субъекта РФ; дата основания города-героя; дата основания города воинской славы; иные события, имеющие особое историческое значение для становления и развития российской государственности. Правительство РФ обязано в 4-месячный срок со дня подписания акта Президентом утверждает состав оргкомитета по подготовке и проведению праздника и в 6-месячный срок (со дня подписания) утверждает план основных мероприятий. Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2010 №1115-р «О плане основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 350-летия основания города Иркутска» [2]. В целом данный указ уже задает некий шаблон подготовки к юбилею.

Был создан оргкомитет по подготовке и проведению праздника. Губернатором Д.Ф. Мезенцевым юбилей был позиционирован как «яркое, знаковое событие», им же был подчеркнут «высокий статус» праздника. Прослеживается тенденция к использованию 350-летия Иркутска как ресурса, дающего возможность разработать бренд города [3]. Мероприятия сопутствующие процессу подготовки можно разделить на несколько направлений: реставрация объектов культурного наследия (Спасская и Крестовоздвиженская церкви, церковь Знамения Пресвятой Богородицы, усадьба В.П. Сукачева, дом декабриста С.П. Трубецкого); капитальное строительство (исторические застройки 130-го квартала, ремонт улицы 3-го Июля); социально-культурные и имиджевые мероприятия (конкурс «350 добрых дел», выставка сувенирной продукции в сентябрь 2010 г., Байкальский экономический форум, Дни русской духовности и культуры «Сияние России»).

Губернские власти установили памятник Александру III как основателю Транссиба, министру путей сообщения императорской России князю М.И. Хилкову, А. Колчаку – как выдающемуся полярному исследователю и политическому деятелю. В образцовом состоянии памятник первооткрывателю Аляски Г.И. Шелехову. Восстановлено здание Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Город позиционировался как центр освоения Сибири, северных и восточных территорий, строительства Транссибирской железной дороги и одного из центров российской культуры.

Подобные этапы в подготовке к проведению 300-летия проходит Омск. Нормативно-правовые акты действуют и на территории Омского региона, однако, в отличие от Иркутска подготовка к юбилею началась раньше, в январе 2007 г. Отметим Указ Президента РФ от 11.01.2007 № 24 (в ред. 23.02.2008) «О праздновании 300-летия основания города Омска», распоряжение Правительства РФ от 29.12.2005 № 2040-р «О плане основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 300-летия основания города Омска», распоряжение губернатора Омской области от 25.01.2007 г. № 19-р (в ред. от 23.01.2008) «О праздновании 300-летия основания города Омска» (с приложением состава рабочей группы по разработке предложений). Правительством Омской области было подготовлено распоряжение от 8 февраля 2007 г. № 21-рп (в ред. От 01.02.2008) «О разработке проекта целевой программы Омской области «Подготовка и проведение празднования 300-летия основания города Омска» на 2008–2016 гг. и утверждена соответствующая концепция.

Как и в Иркутске в Омске был создан оргкомитет, рабочая группа, а также и экспертный совет по созданию бренда региона. В 2011 г. был разработан бренд Омска и пятилетняя программа стратегического продвижения региона, обозначены 10 направлений его развития: «Омская область – рубеж России», «Омск – евразийский транспортный узел», «Омск – культурный центр всероссийского значения», «Омские товары высшего качества», «Омск – место встречи успешных атлетов мира» и др. По плану капитального строительства уже запущен современный каток (район Старой Московки), в 2016 г. в городе планируется запуск метро. Был разработан логотип (медвежья лапа) и слоган («Омский регион – открытая Сибирь»). Созданная айдентика (визуальная основа) вызвала большой общественный резонанс. Активно проявило себя интернет-сообщество, также участники объявленного голосования на народный бренд Омска (сайт golosuemozomska.ru). Логотип в виде медвежьей лапы был подвергнут критике на форумах (неофициальным считается бренд в виде буквы «О!»: Омская область – территория удивительных возможностей). Не смотря на то, что логотип омского бренда не был воспринят горожанами, работа над айдентикой не была продолжена. В свете предстоящих юбилейных мероприятий данная символика будет присутствовать и в качестве оформления городского пространства, концертных площадок, сувенирной продукции.

Интересно, что на данный момент существует две противоположных оценки отмеченных мероприятий. Так, 22 мая 2012 г. на сайте You Tube был опубликован видеоролик с презентацией Омского бренда и инновационная программа его продвижения «100 идей как сделать Омскую область лучше» [4]. А. Чумиков (один из авторов этих работ) генеральный директор Агентства «Международный пресс-клуб: Чумиков PR и консалтинг», «адвокат бренда», подвел своеобразный итог работы, заявив, что брендом заинтересовались в других регионах Хабаровске, Томске, Нижнем Новгороде. Омский опыт воспринимается как передовой, как методическое пособие для других городов.

Омский блогер И. Федоров в личном дневнике на сайте глобального социального сообщества «Живой Журнал» подчеркнул: «Официальный план мероприятий, утвержденный распоряжением правительства РФ № 2040-р от 29.12.08, явно не полный. Культурно-исторический аспект 300-летия им совершенно не охвачен» [5]. Большинство объектов еще даже не введены в строительство, отсюда возникают проблемы с финансированием в 2013 г. остальных объектов. Пока нет окончательного решения по данному вопросу.

Изучение сайтов позволило выявить несколько ключевых этапов подготовки к празднованию юбилея: разработка нормативно-правовых актов различных уровней власти, создание и функционирование оргкомитета, проведение мероприятий к подготовке и празднованию, проведение юбилея (сам праздник). Анализ интернет источников позволяет получить достаточно разнообразную, подчас противоречивую информацию. Сложность заключается в определении достоверности того или иного сайта. Совсем отбрасывать данный источник исследователю не стоит, но и целиком полагаться на него не следует. Проводя работу над изучением юбилея города, необходимо анализировать, также и печатные издания: книги, журналы, газеты, открытки и пр.

1. По Иркутску нами были изучены ресурсы: официальный сайт Президента РФ (<http://graph.document.kremlin.ru>), официальный портал Иркутской области (<http://www.irkobl.ru>), Портал Иркутской области (http://irkutsk.news-city.info/docs/sistema/dok_leyiaz.htm); городской сайт «Иркутск-350» (<http://www.irkutsk-350.ru/news/350anniversary/55632/>), Независимое информационное агентство Иркутска (<http://www.38rus.com>), сайт органов местного самоуправления (<http://www.admirkutsk.ru/?doc=8822>), издательская группа Восточно-Сибирская правда (<http://www.vsp.ru/dates/2009/08/>

08/464070), «Газета Иркутск.ру» (<http://www.gazetairkutsk.ru/2011/06/15/id38766/>), информационное агентство «Телеинформ» (<http://i38.ru>), Сибирское агентство новостей «Иркутск» (<http://irkutsk.sibnovosti.ru/society/151164-v-kremle-sostoyalos-zasedanie-orgkomiteta-po-podgotovke-prazdnovaniya-yubileya-irkutskaja>); и др. По Омску: Российская газета (<http://www.rg.ru/2011/07/12/lara.html>), официальный сайт Омской области (<http://www.admomsk.ru>), ИА «Твой Омск», дизайнерский сайт AdMe.ru (<http://www.adme.ru/brending/kak-brendiruyut-goroda-6995/>), и др.

2. Информационно-правовой портал BestPravo. URL: <http://www.bestpravo.ru/gossijskoje/gx-postanovlenija/g3w.htm> (дата обращения: 30.05.2012).

3. Праздник особого назначения, Иркутск должен воспользоваться шансом сделать на юбилее российский бренд // Восточно-Сибирская правда: Конкурент. 2009. 08 августа. URL: <http://www.vsp.ru/dates/2009/08/08/464070> (дата обращения: 12.05.2012).

4. Бренд Омской области // Веб-сайт YouTube. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xLP2l-EdrYY> (дата обращения: 30.05.2012).

5. Федоров И. Еще раз про другое 300-летие // Живой Журнал: глобальное социальное сообщество. URL: <http://omchanin.livejournal.com/390959.html> (дата обращения: 17.10.2012)

К.Б. Умбрашко

НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ: 75 ЛЕТ ИСТОРИИ В ЮБИЛЕЙНЫХ СОБЫТИЯХ

Осенью 1937 г. происходит изменение административно-территориального деления Сибири. 28 сентября ЦИК СССР утвердил постановление ВЦИК «О разделении Западно-Сибирского края на Новосибирскую область с центром в городе Новосибирске и Алтайский край с центром в городе Барнауле». Появился новый субъект – Новосибирская область. Она была крупнейшей в регионе, в ее состав входили территории современных Новосибирской, Томской и Кемеровской областей.

В ноябре – декабре 1937 г. в девяти городах области стартовал областной лыжный пробег, посвященный выборам в Верховный Совет СССР. Указом президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Искитим преобразован в город районного подчинения.

В январе 1939 г. принято в эксплуатацию новое здание Новосибирского железнодорожного вокзала (по проекту Г. Волошинова).

В декабре организовано Новосибирское отделение Союза Советских композиторов.

1940 г. в Коченевском районе найден хорошо сохранившийся целый скелет мамонта и передан в Новосибирский краеведческий музей.

Население Новосибирска в 1941 г. превысило 500 000 чел. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. В связи с быстрым продвижением фашистов вглубь территории СССР в Новосибирск переезжает ряд наркоматов и главных управлений при СНК СССР и РСФСР, а также переводятся предприятия оборонной промышленности. Эвакуация предприятий оборонного производства превратила Новосибирск в военно-промышленный центр, что повлияло на всю его дальнейшую судьбу.

В годы ВОВ вновь изменились административно-территориальные границы Новосибирской области. 1943 г. – постановление о выделении Кемеровской области.

1944 г. – По постановлению Президиума Верховного Совета СССР выделена Томская область. Карта области приобрела известные нам современные очертания.

В 1942 г. создано Сибирское отделение Союза советских композиторов. Правление возглавил композитор-сибиряк М.И. Невитов. 9 июля 1942 г. симфоническим оркестром под управлением Е.А. Мравинского была исполнена 7-я («Ленинградская») симфония Д.Д. Шостаковича. На концерте присутствовал автор.

В сентябре 1944 г. делегация трудящихся области вручила приехавшему в Новосибирск А.И. Покрышкину несколько истребителей с памятными надписями «А.И. Покрышкину от трудящихся Новосибирска».

9 мая 1945 г. в центре города состоялся 150-тысячный митинг Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

12 мая – премьерой оперы «Иван Сусанин» торжественно открыт Новосибирский театр оперы и балета.

В марте 1946 г. был возобновлен журнал «Сибирские огни» (объем – 8 п.л., тираж – 5000 экз., периодичность – 6 раз в год).

В 1947 г. открылся Барабинский драматический театр (премьерная пьеса – К. Симонов «Русские люди»). В апреле в театре оперы и балета давала концерты всеююзная звезда – К.И. Шульженко.

В 1948 г. – Постановлением I Новосибирской областной конференции профсоюзов создан Областной совет профессиональных союзов.

6 ноября 1949 г. на площади им. Сталина открыт бюст А.И. Покрышкина.

В 1951 г. – вышло Постановление Совмина СССР о строительстве Коммунального моста через Обь. Проектные изыскания начались еще в 1940 г., но война отложила строительство. В 1955 г. движение по Коммунальному мосту было открыто.

В марте 1953 г. прошли траурные митинги, посвященные смерти И.В. Сталина

В 1950–1960-е гг. после постановления Верховного Совета СССР началось освоение целинных и залежных земель. Развернулось движение целинников-добровольцев. В области было вспахано 1549000 гектар. Это заметно увеличило валовый сбор зерна. В 1954 г. государству было сдано в 3 раза больше хлеба, чем в предыдущем. За достижения в области сельского хозяйства Указом Президиума Верховного Совета СССР НСО была награждена орденом Ленина.

В 1956 г. открылась единственная за Уралом Новосибирская государственная консерватория. При Новосибирской филармонии создан симфонический оркестр. Главный дирижер – А.М. Кац. В октябре состоялись первые концерты с участием пианиста Э. Гилельса.

В 1957 г. Совет Министров СССР принял решение об организации Сибирского отделения АН СССР и строительстве Академгородка. Особую роль при его создании сыграли академики М.А. Лаврентьев, С.А. Христианович. В 1964 г. Государственная комиссия во главе с президентом АН СССР академиком М.В. Келдышем подписала акт приемки в эксплуатацию Новосибирского научного центра.

В июле 1957 г. состоялась первая опытная передача Новосибирского телецентра. С августа началась постоянная работа Новосибирской студии телевидения.

В 1958 г. вышел первый номер газеты «Вечерний Новосибирск».

В декабре 1958 г. открыта постоянная картинная галерея. Представлено около 300 работ, переданных из Государственного Русского музея, Павловского дворца-музея, Фонда Министерства культуры РСФСР.

В 1960 г. – начало подготовки многотомной «Истории Сибири». Пять томов вышли в свет в 1968–1969 гг.

27 сентября 1960 г. в Новосибирской картинной галерее открыта выставка картин Н.К. Рериха из 60 полотен. Сын художника – Ю.Н. Рерих, выполняя волю отца, передал их в дар городу.

В июле 1962 г. в Новосибирске зарегистрирован миллионный житель.

1965 г. – первый рейс фирменного поезда «Сибиряк» Москва – Новосибирск. Е.Н. Мешалкин возглавил Институт патологии кровообращения (Клиника Мешалкина). Здесь оформилась одна из ведущих школ кардиохирургии. Спасены тысячи и тысячи людей с заболеваниями сердечнососудистой системы.

В ноябре 1970 г. НСО награждена вторым орденом Ленина за успехи в развитии промышленности, науки и культуры.

1978 г. – в марте в Новосибирск прибыл генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев. Открыт второй коммунальный мост через Обь, строительство которого началось в 1971 г. Длина перехода моста с подъездными путями составила 5 км.

Совет Министров СССР утвердил проект Новосибирского метрополитена. В 1979 г. началось его строительство. В 1985 г. – произошёл запуск первой очереди метро – «Красный проспект» – «Студенческая». Длина пусковой линии – 8,5 км, 5 станций, метромост, метродепо, инженерный корпус.

1979 г. – проведена очередная Всесоюзная перепись населения СССР. Согласно ее материалам в НСО проживало 2559200 человек, в том числе в Новосибирске – 1308900 человек.

В 1989 г. проведена последняя Всесоюзная перепись населения. По ее материалам в Новосибирске проживало 1435000 человек. Это был четвертый показатель в РСФСР после Москвы, Ленинграда, Свердловска.

1990-е гг. Управление торговли Новосибирского горисполкома ввело «талоны на мыло». На квартал на 1 человека выдавалось: кусок хозяйственного, два куса туалетного мыла, две коробки стирального порошка.

В январе 1991 г. в Новосибирске введены талоны на товары первой необходимости. Норма на 1 человека на месяц: мясо – 1 кг, масло животное – 400 г, масло растительное – 100 г, маргарин – 250 г, яйцо – 10 шт., сахар – 1 кг, макароны – 250 г, крупа – 500 г, чай – 100 г, соль – 500 г, алкоголь – 2 бутылки, табачные изделия – 3 пачки, спички – 3 коробка.

В марте 1991 г. состоялся Всесоюзный референдум о сохранении СССР. По Новосибирской области за сохранение Союза проголосовало 69,3 % участников голосования, по Новосибирску – 55,4 %.

12 июня состоялись выборы первого Президента России. За Б.Н. Ельцина по области проголосовало 57 %, пришедших на выборы, по Новосибирску – 71,3 %.

В апреле 1992 г. открылись две новые станции метро – Гагаринская, Заельцовская. Дальнейшее строительство метрополитена резко замедлилось.

С ноября 1993 г. в соответствии с Указом Президента России на территории Новосибирской области прекращена деятельность Советов народных депутатов всех уровней.

1995 г. – театру «Красный факел» присвоено звание академического.

В марте 1995 г. вышел в свет первый том Книги Памяти Новосибирской области. Здесь названы фамилии новосибирцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. К 1997 г. издано 14 томов, в которые вошло около 180000 фамилий.

На втором туре президентских выборов 1996 г. новосибирцы поддержали Г.А. Зюганова.

В 1996 г. Западно-Сибирская железная дорога отметила вековой юбилей.

А.А. Галиев

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СНГ В СОЗДАНИИ МИФОЛОГИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ

Прошло уже более двух десятилетий после распада СССР и создания новых независимых государств. Возможно, что именно сейчас, по прошествии времени, можно более объективно проанализировать факторы, приведшие к столь масштабным изменениям в истории человечества. В их числе следует назвать создание интеллигенцией мифологизированной истории и ее использование в определенных целях.

Под мифологизацией истории мы понимаем создание ненаучной версии прошлого, в основе которой лежит структура мифа. Среди множества функций, выполняемых мифологизированной историей, в контексте доклада отметим ее использование в процессе борьбы за создание и легитимизацию нового государства.

В данном случае мы ставим перед собой цель – выяснение роли интеллигенции в выполнении этих функций. Поэтому необходимо будет отметить, что все эти функции, как и сама мифологизированная история, играют роль инструмента для создания некоего конструкта – этноса и государства. Поскольку же речь идет о воображенном сообществе, то логичным является использование работ конструктивиста Б. Андерсона, показавшего в том числе и роль мифологизированной истории в нации- и государственном строительстве [1]. Для понимания данной проблемы необходимо также и использование идеи российского этнолога М.Н. Губогло о роли этнической мобилизации в данных процессах [2]. Роль же этнических мобилизаторов выполняют интеллектуалы.

В частности, роль такого мобилизатора еще в период «развитого социализма» сыграл казахский поэт Олжас Сулейменов, опубликовавший в 1975 г. в издательстве «Жалын» книгу «Аз и Я». Данная книга, возрождающая идею о генетическом родстве тюрков и шумеров, сыграла огромную роль в росте национального самосознания не только казахов, но и всех тюркских народов СССР. Проведенное же обсуждение книги учеными союзной Академии, давшими ей достаточно резкую оценку, и последовавшее затем изъятие и уничтожение тиража, послужило росту национального самосознания и других народов Советского Союза [3].

Именно в этот период партия начала борьбу за создание «единой общности – советского народа», т. е. занялась тем же конструированием. Возможно, что воплощение этой идеи в качестве ответной реакции стимулировало рост национализма (в общепринятом смысле этого слова) и соответственно усилило этническую идентификации. Важнейшей же основой последней являются мифические первопредки, история происхождения и другие компоненты прошлого. Но сразу после того, как групповое сознание начинает формироваться, выявляются лидеры, призывающие к национальному пробуждению, т. е. «мобилизаторы этничности». Появляются собиратели фольклора, антиквары и историки, выявляющие древние документы – как подлинные, так и сфальсифицированные, призванные символизировать величие нации.

Выполнить данную работу – выявить в истории народа факты, подтверждающие его исключительную древность, доказывающие, что предки именно данного народа внесли выдающийся вклад в культуру человечества, и соответственно выступить в роли моби-

лизаторов этничности в первую очередь могли люди, определенным образом связанные с историей, языком, культурой данного этноса. Здесь сразу же следует отметить, что процесс роста национального самосознания у многих народов СССР, наблюдаемый в 1970-е гг., был своего рода возрождением аналогичного процесса, наблюдаемого в первой четверти XX в. и прерванного революцией. Но тогда интеллигенция у многих народов Российской империи не была столь многочисленной, и поэтому в роли этнических мобилизаторов могли выступать просто грамотные люди. Многие из них ставили перед собой задачу восстановить историю своего народа, опираясь как на письменные источники, так и на устное народное творчество, используя материал без соответствующей критики, поэтому часто их произведения были образцами мифологизированной истории. Но для этнической мобилизации именно эти произведения были более важны, хотя следует отметить, что и в тот период профессиональные историки пользовались большим авторитетом при создании своего национального государства. Так, при распаде Российской империи, когда были сделаны попытки создания ряда государств, в том числе и самостоятельной Украины, ее президентом был избран историк М.С. Грушевский, который категорически отрицал претензии России на древнее наследие Киевской Руси.

История повторилась в ходе распада СССР и образования новых государств, когда мы вновь наблюдаем историков и филологов во главе возникающих образований (Грузия, Армения, Азербайджан, Беларусь). Показателен пример бывших закавказских республик, где в тот период с особой силой разгорелись межэтнические конфликты. Так, Абхазский Институт языка, литературы и истории им. Д. Гулиа, стал главным генератором этноцентрических выкладок и идеологическим штабом абхазской независимости. Особенно этот процесс был замечен после избрания его директором в 1988 г. известного востоковеда В. Ардзинбы. Вскоре он стал первым президентом Абхазии. По всей вероятности, историки-профессионалы в качестве государственных мужей должны своим профессиональным статусом легитимировать существование вновь образованного государства, его независимость и границы путем связи нового со старым.

Но если все вышеперечисленные историки легитимируют независимость больше своим статусом профессионала, нежели участием в создании мифологизированной истории, то другая часть историков активно включается именно в создание мифа. Здесь речь идет,

как это ни парадоксально, об историках КПСС. Трудно сказать, почему именно они приняли столь деятельное участие в создании ненаучных версий истории. Возможно, что среди этих причин следует назвать и их не востребованность в новых условиях, что заставило их сменить профиль, и то, что, будучи менее подготовленными в других областях истории, особенно древней и этнической, им было легче создавать миф. Говоря о роли историков в создании мифологизированных версий, нельзя утверждать то, что они все являются бывшими историками партии. Не так часто, но все же среди них можно видеть и «гражданских» историков и даже археологов. Так, в Узбекистане, в создании мифа об основании Узбекистана Тимуром активность проявляет Гога Хидоят, бывший специалист по новейшей истории.

Однако в большинстве случаев профессионализм историков не позволил им активно включиться в процесс мифологизации, и эту востребованную временем миссию приняли на себя представители технической интеллигенции (М. Аджи, А. Фоменко, Г. Носовский в России, К. Данияров, Е. Омаров в Казахстане, Д. Сарыгулов в Кыргызстане и др.).

Таким образом, можно заключить, что если в роли этнических мобилизаторов могут выступать и историки, то в создании мифологизированной истории основная роль принадлежит представителям технической интеллигенции.

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. 288 с.

2. *Губогло М.Н.* Деинфантилизация этничности // Резюме докладов и сообщений 2 Международной конференции этнографов и антропологов. Уфа, 1997. Ч. 1. С. 18–22.

3. Достаточно вспомнить одобрителное высказывание об этой книге выдающегося осетинского ученого В.И. Абаева (См.: *Абаев В.И.* Жанровые истоки «Слова о полку Игореве» // Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1. С. 536–542.).

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Понимание природы и особенностей функционирования социальной памяти является важной предпосылкой адекватного восприятия общественно-политических процессов. Поскольку в формировании социальной памяти значительную роль играет исторический нарратив, эта проблема занимает одно из ключевых мест в методологии исторической науки. Специфика социальной памяти особенно рельефно проявляется в оппозиции мемориального (социальная память) и научного (историческое сознание) понимания прошлого, которая актуализируется в контексте проблемы исторической реальности.

В современной историографии обсуждение проблем социальной памяти занимает все более важное место, что неизбежно находит отражение в учебной литературе. История является базовой дисциплиной для большинства направлений вузовского обучения и, как правило, преподается первокурсникам, что обуславливает высокую степень ее влияния на процесс формирования мировоззрения. В этой связи, трактовки социальной памяти, предлагаемые отечественными вузовскими учебниками по истории, приобретают особое общественно-политическое значение.

В гуманитарном знании нет единой точки зрения относительно соотношения социальной памяти и исторического сознания. Автор первого крупного исследования, посвященного проблемам социальной памяти М. Хальбвакс понятия «память» и «история» противопоставлял [1]. Если память ориентирована на поиск сходства и преемственности, то история, ищет разрывы преемственности и отличия. Память показывает группу изнутри, формируя такой образ ее прошлого, чтобы она всегда могла себя с ним идентифицировать. История же, напротив, сосредоточена на изменениях как процессе или результате. Однако явных взаимоисключающих положений, которые позволили бы четко обозначить границу между научным знанием и мобилизующей идеологией выявить очень сложно. В частности, В.А. Шнирельман склонен трактовать историю как разновидность социальной памяти и соответственно не видит оснований для их

резкого противопоставления [2]. Ведь то «прошлое», которое представляют себе современные образованные люди, в той или иной мере связано с историческими знаниями, добываемыми профессиональными историками.

Одной из главных тенденций в отражении проблем социальной памяти является отождествление понятий истории и памяти. В учебнике «История России» исторического факультета МГУ отмечается, что являясь социальной памятью человечества, копилкой его социального опыта, история передает его от одного поколения к другому. В некоторых трактовках история подчиняется памяти, выступая в качестве ее инструмента, но чаще всего в отечественных учебниках социальная память фигурирует как функция исторической науки: «Функция социальной памяти включает не только накопление и сохранение опыта поколений. – Отмечается в учебнике под редакцией О.В. Кузьминой – Она призвана давать оценку историческим событиям, фактам, явлениям, личностям» [3]. В данном случае уже история выступает как общее по отношению к частному – памяти. Характерно, что авторы данного учебного пособия ссылаются на авторитет В.О. Ключевского. Как отмечает О.Б. Лаврентьева отечественная историография второй половины XIX в. разрыва между «историческим знанием» и «исторической памятью» не ощущали – или, по крайней мере, не ощущали столь явно. Таким образом, историки осознанно и ответственно брали на себя задачу формирования социальной памяти и актуализации исторических сюжетов.

Следует заметить, что во многом такая трактовка социальной памяти обуславливается государственным заказом, который, в частности, ориентирует образовательный процесс на формирование чувства гражданственности и патриотизма. Этим объясняется использование категории социальной памяти в контексте воспитательного значения истории. Так в «Курсе отечественной истории» под ред. Л.И. Ольштынского говорится, что изучение истории имеет не только познавательное, но и большое воспитательное значение, что память народа о прошлом – основная часть национального самосознания, которое составляет духовную основу государственной независимости. Знание же истории формирует патриотизм и обеспечивает преемственность поколений, без чего общество, народ утрачивают целостность и поступательное развитие. Именно поэтому порабощение народа всегда связано с уничтожением или искажением его исторической памяти, с разрушением национальной культуры. Так было не раз в прошлом, то же происходит и в наше время.

В этой трактовке формула «история нас учит любить Родину» воспринимается не метафорически, а как качественная характеристика исторического знания. Понимание проблемы соотношения истории и социальной памяти в духе наивного реализма базируется на принципиальном положении о типологической тождественности социальных процессов прошлого и настоящего. Такому подходу имманентно свойственен традиционализм, как один из важнейших факторов искажения исторического сознания. Помимо того, что механическое отождествление мемориального и научного представлений о прошлом не позволяет раскрыть все тонкости проблемы социальной памяти, оно может способствовать искажению видения общественно-политических процессов в целом.

Более критичный подход к пониманию проблемы социальной памяти проявляется в расслоении понятия «историческое сознание». К примеру, авторы учебного пособия «История исторического знания» объединяя понятия «история» и «память»: «Историческое сознание – сохранение и осмысление исторического опыта общества – представляет собой его коллективную память», тем не менее, выделяют две формы исторического сознания, которые отличаются: во-первых, разными пропорциями эмоционального и рационального отношения к прошлому; во-вторых, степенью достоверности той картины, которая воссоздается на основе отдельных исторических свидетельств» [4].

Более дифференцированная картина представлена в курсе лекций «История России» под редакцией А.А. Радугина. Историческое сознание здесь разделяется на четыре уровня. Первый, соответствует обыденному сознанию и формируется на личном опыте человека; второй основывается на знакомстве с художественной литературой, кино, телевидением и т. д.; третий – на систематизированных знаниях, полученных в школе; наконец, четвертый, соответствует научному мировоззрению, и базируется на всестороннем теоретическом осмыслении прошлого, на уровне выявления тенденций исторического развития.

В первом уровне можно разглядеть признаки коммуникативной памяти, под которой Ян Ассман подразумевает недавние воспоминания, разделяемые со своими современниками [5]. Второй и третий уровни исторического сознания будут соответствовать культурной памяти, которая служит передаче смысла и основывается на специальных институтах, а четвертый собственно историческому сознанию.

Такой подход представляется наиболее адекватным в решении задач формирования представлений о социальной памяти у студентов вузов. При этом с точки зрения специфики учебной литературы ключевой проблемой остается терминологическая путаница, вызванная междисциплинарным характером проблемы, относительно неглубокой историей ее изучения, а также сложностями сведения научных аппаратов отечественной и западной науки.

-
1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
 2. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006. 696 с.
 3. Отечественная история: учебно-методическое пособие. СПб., 2009. 206 с.
 4. Зверева В.В., Парамонова М.Ю., Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов. М., 2004. 288 с.
 5. Ассман Я. Культурная память. М., 2004. 368 с.

В.В. Ленская

«МЕСТА ПАМЯТИ» В ИСТОРИЧЕСКИХ ИНСТАЛЛЯЦИЯХ А.С. ПУШКИНА

Исследования, посвященные проблеме памяти/забвения, проводятся с середины первого тысячелетия до н. э. Ренессанс этой темы в XX столетии связан с разработками французского социолога М. Хальбвакса, который заключил эту антагонистическую связку в «социальные рамки памяти», предложив свою методологию исследования. Его идеи получили дальнейшую разработку в трудах Я. Ассмана, П. Нора, П. Рикёра, Ф. Йейтс и других зарубежных и российских ученых.

Автором вынесенного в название данной статьи термина «места памяти» является французский историк Пьер Нора, который утверждает, что «память на самом деле всегда знала только две формы легитимизации: историческую и литературную [1]. Великим реконструктором и интерпретатором Российской имперской истории, гениально соединившим в своем творчестве обе названные формы был и остаётся А.С. Пушкин. Все его литературные произведения исторически закодированы. Они являются ключевым звеном в коммуни-

кационной интенции: прошлое – настоящее – будущее. Говоря современным языком, А.С. Пушкин обладал «сильным капиталом памяти» и «с точки зрения складывания нации является столпом преемственности». Он использовал «огромный капитал наследия и оживил его снова «под взглядом восстановленной истории» (П. Нора).

Историческая эстетика поэта складывалась под влиянием разновекторных факторов. Главным и определяющим среди них была фольклорная традиция русского народа «во вкусе умной старины».

Другим фактором, определившим стремление поэта обратиться к отечественной истории, была сама атмосфера общественной жизни первой половины XIX в., которую историк В.О. Ключевский характеризует как эпоху реакций, разрешавшихся торжеством свободных идей. Эти переливы настроений должны были создавать своеобразные типы. Мы их знаем в литературных художественных произведениях.

Третьим фактором, побудившим А.С. Пушкина стать «скрытого в веках священным судией/Стражем верным прошлых лет» [2], является публикация многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, которая взорвала историческое коллективное беспамятство и «наделала много шуму». Вслед за историографом А.С. Пушкин стремился расширить пространство коллективной памяти. По свидетельству П.А. Вяземского, «в Пушкине было верное понимание истории; свойство, которым одарены не все историки... Он был чужд всех систематических, искусственно составленных руководств... Он был одарён воображением..., мог отрешать себя от присущего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, порядками, давным-давно заменёнными новыми поколениями...» [3].

В двадцатилетнем возрасте поэт провозгласил своё жизненное кредо, в котором соединились личные амбиции и гражданская позиция: «великим быть желаю, / Люблю России честь...». Во всех исторических и художественных сочинениях А.С. Пушкин выше всего ставил именно «честь России». Его интерес к «делам давно минувших дней, был безграничен и многообразен, но приоритетными темами, которые мы сегодня называем духовными «местами памяти» были те, которые «одновременно видоизменили жизнь каждого...» и представлялись всем жителям страны «опорными точками во времени» (М. Хальбакс).

К таким событиям поэт относил «Смутное время», восстание под предводительством Е. Пугачева, Отечественную войну 1812 г. и

восстание декабристов. Именно вокруг этих исторических «мест памяти» начала складываться качественно новая парадигма общественного сознания и коллективной памяти российского общества.

Места, ставшие для Пушкина «обителью памяти» он изучал и реконструировал с тщательностью историка, которой научился у Н.М. Карамзина. Более того, он расширил инструментарий исследования, введя одним из первых в отечественной истории метод интервьюирования участников и очевидцев исторического события.

При подготовке к работе над «Историей Пугачёва» А.С. Пушкин проехал практически по всем памятным местам, где по его словам «зло... разливалось быстро и широко... Возмущение переходило от одной деревни к другой, от провинции к провинции...» [4]. Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск – вот предметные «места памяти» пугачевского восстания, которые посетил автор. В предисловии к работе поэт неоднократно подчёркивал, что он «пользовался изустными преданьями и свидетельством живых» в дополнение к тем архивным источникам, которые были в его распоряжении с разрешения Николая Первого.

Изучение исторического и литературного пушкинского наследия позволяет сделать вывод о том, что поэт наряду с увековечиванием духовных «мест памяти», прославлял материальные, которые были связаны как с историческими событиями, так и с историческими персонажами. В своих произведениях он часто обращается к экспозиции Российского государства – Москве, которая пережила и «Смутное время» и Отечественную войну 1812 г. Поэт объясняется в любви к городу Петербургу, ибо это его любимого «Петра творенье» и неразрывно связан с ним и с его реформами.

В исторических инсталляциях А.С. Пушкина «местом памяти» является также «вольная Малороссия, которую закрепостила Екатерина», этот «тартюф в юбке и в короне». Интерес поэта к истории Малороссии вызван тем, что с нею так или иначе связаны события «Смутного времени», которые легли в основу сюжета «Борис Годунов», петровской эпохи, отраженные в поэме «Полтава», а также ссыльное местопребывание самого поэта.

В исторической антропологии А.С. Пушкина инвариантно исследуются антагонистические пары «царь – холопы (охлос)», «Екатерина – Пугачёв», «Пётр – Мазепа» и т. д. Жанр исторического исследования требовал от А.С. Пушкина *беспристрастного изложения и интерпретации фактов*, но дар поэта позволял ему одним вдох-

новенным поэтическим мазком выразить своё личное отношение к описываемым персонажам и воздействовать на читателя должным образом. «Вот мой Пугач: при первом взгляде / Он виден *плут* (курсив мой. – *В.Л.*), казак лихой» – писал А.С. Пушкин в послании к Д.В. Давыдову [5]. Здесь и в других исторических и художественных произведениях, посвященных пугачёвским событиям, он силой поэтического слова рисует Е. Пугачёва и его соратников таким образом, что у читателя формируется негативный образ восставших, зато «стая славных екатерининских орлов» представлена так, что вызывает гордость за Отечество, которым управляют такие доблестные мужи. Пугачёв – плоть от плоти народа, а тот, по мнению поэта, «всегда к смятенью тайно склонен», ибо «живая власть для черни ненавистна». А раз так, делает вывод А.С. Пушкин, для блага и процветания государства нужно «затягивать державные бразды». Во всех случаях автор позиционирует себя как великодержавника. Образцом великодержавного правления был для него Петр Первый, герой многих его творений. Он является персонифицированным «столпом памяти» в мемориальном пространстве пушкинского художественного мира, которым он щедро делится со своим читателем. Ровней ему может быть только Наполеон. Все остальные императоры и политические деятели, по пушкинской мерке, стоят на порядок ниже.

Исторические инсталляции А.С. Пушкина, обрамлённые поэтической силою слова, расширяли ареал коллективной памяти современников поэта и формировали «уважение к следам прошлого» (П. Нора), а потомков предостерегали от «...проклятия забвенья...». Своеобразным завещанием будущим поколениям являются слова поэта о том, что «уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости...».

-
1. *Нора П.* Проблематика мест памяти / Франция – память. СПб., 1999. С. 50.
 2. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1969. Т. 2. С. 119.
 3. А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 151.
 4. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 42.
 5. Там же. Т. 1. С. 421.

ВОТКИНСК КАК МЕСТО ПАМЯТИ П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Городу Воткинску, основанному в середине XVIII столетия как один из уральских заводов, суждено было в 1840 г. стать местом рождения в дальнейшем всемирно известного композитора П.И. Чайковского, поскольку отец его, И.П. Чайковский, являлся в то время горным начальником Камско-Воткинского завода. Покинул П.И. Чайковский Воткинск вместе с семьей в 1848 г., в дальнейшем, хотя воспоминания о воткинском доме отражены на страницах писем композитора, в Воткинске он больше никогда не был.

Однако не только воткинское детство композитора отразилось в его памяти и музыке, но и память о великом земляке стала одним из главных источников духовной культуры Воткинска.

Уже в 1908 г. в Воткинске было организовано Общество любителей музыкального и драматического искусства имени П.И. Чайковского. Силами местной интеллигенции устраивались спектакли, способствующие пропаганде культурного наследия. Хотя само имя П.И. Чайковского, послужившее отправной точкой для названия любительского объединения (да и табличка о месте рождения композитора появилась в дореволюционный период), долгие годы не было знаковым для воткинцев. Писатель Е.А. Пермяк (родившийся в Воткинске в 1902 г.) вспоминал, что в здании, где размещалось Общество находилась чайная, которую называли «чайковский»: «Так и говорили: «Зайдем в «чайковский», съедем пару-другую пирожков, <...>. Для меня очень долго было непонятным, почему понадобилось заменять такое распространенное слово «чайная» новым названием «чайковский». И я пытался узнать. И мне отвечали, что так ее называют потому, что так она называлась. Тогда я был еще совсем мальцом. Еле читал». Спустя два года, как пишет Е.А. Пермяк, он обнаружил на доме табличку с указанием, что здесь находится Общество имени П.И. Чайковского: «Стыдно признаться, но я тогда не знал, кто такой П.И. Чайковский. И еще стыднее вспоминать, что не только я, но и многие взрослые не ответили мне на этот вопрос» [1]. Таковы парадоксы истории.

Деятельность Общества продолжалась до 1917 г.: устраивались самодеятельные спектакли по пьесам русских писателей и про-

водились камерные концерты с исполнением романсов русских композиторов, в том числе и П.И. Чайковского.

С профессиональным исполнением воткинцы познакомились в 1935 г., когда в Воткинск приехал оркестр Центрального Дома Красной Армии под управлением известного советского дирижера К.С. Сараджева, о чем тот сообщал в своем письме: «Я с симфоническим оркестром ЦДКА был в концертной поездке на заводах Удмуртской республики ... в Ижевске и Воткинске. И вот 20 апреля с. 1935 г. впервые в Воткинске прозвучал симфонический оркестр, и я в программу поставил следующие произведения П.И.: шестую симфонию, Ромео, Лизу на Канавке с речитативом, вальс спящей красавицы и кончил полонезом из Евг. Онегина. Зал нового очень Большого Театра был наполнен до отказа. Оркестр играл образцово. С большим воодушевлением. Состав слушателей, конечно, в огромном большинстве рабочие, которые впервые слушают такой оркестр... Есть здесь улица Чайковского, на которой стоит дом с доской о рождении П.Ч. Дом пустой, заброшенный, видимо, хорошей стройки. Запустение настолько сильное, что, вероятно, скоро начнет прямо разрушаться» [2].

Еще одна ирония судьбы, если принимать во внимание тот факт, что театром, о котором пишет К.С. Сараджев, был переделанный Благовещенский собор, в котором в свое время крестили Петю Чайковского. Собор, коему суждено было вернуться к своему прежнему облику значительно позже, нежели дому, где появился на свет П.И. Чайковский.

До 1917 г. этот дом был квартирой начальников Воткинского завода, поэтому, понятно, что о сохранении аутентичной обстановки Чайковских не могло быть и речи. В первые дни Февральской революции в доме разместился Воткинский Совет рабочих депутатов, в начале 1918 г. – первый комитет Воткинского Союза социалистической молодежи [3]. Впоследствии дом занимали различные учреждения, последним являлся Дом инженерно-технических работников.

С приближением 100-летия со дня рождения П.И. Чайковского воткинцы выступили с ходатайством об открытии в этом доме мемориального музея. В 1939–1940 гг. дом отремонтирован. С помощью Клинского музея Чайковского в нем развернули экспозицию материалов, отражающих жизнь и творчество П.И. Чайковского. Так, 30 апреля 1940 г. на родине Чайковского открылся музей, а осенью того же года начала занятия детская музыкальная школа его имени,

разделившая с музеем мемориальное здание. Вскоре наступила Великая Отечественная война, и только начавший свою жизнь музей, был временно закрыт. Но именно в Воткинск в военные годы был эвакуирован Клинский музей П.И. Чайковского, где в то время работала и внучатая племянница композитора К.Ю. Давыдова. «Музыкальные среды», которые проводил музей, пользовались популярностью у работников завода, так что зачастую помещение, где проводились музыкальные вечера, не могло вместить всех желающих.

Неудивительно, что память о П.И. Чайковском и благодатная «почва» жаждущей воткинской публики вылились в 1958 г. в майский музыкальный фестиваль, посвященный дню рождения П.И. Чайковского. По решению Совета Министров СССР фестиваль стал ежегодным [4].

«Почти вся моя жизнь связана с Воткинском и Клином, – вспоминала К.Ю. Давыдова, – в Клину тоже отмечается день рождения П.И. Чайковского, тоже бывают концерты, которые собирают огромное число слушателей. Но при любой возможности я стремлюсь приехать на фестиваль в Воткинск. Здесь удивительно восприимчивая публика. Я знаю людей, живущих и в Москве, и в Ленинграде и в других городах, которые волею случая бывали на праздниках музыки в Удмуртии, и теперь они страстно мечтают вновь побывать здесь. Это здорово!» [5].

Ко времени, когда ширились масштабы майского музыкального фестиваля и круг его участников, изменения происходили и в судьбе дома, где родился П.И. Чайковский. Уже после войны в нем был проведен ремонт, с конца 1950 г. музей вновь начал свою работу. В 1966 г. – ко дню рождения П.И. Чайковского, детская музыкальная школа его имени получила отдельное, новое здание. Дом теперь полностью занимал музей и была проведена полная реставрация особняка с целью воссоздания обстановки и атмосферы дома Чайковских. В 1970 г. Дом-музей был открыт обновленным. Помимо этого началась активная научная работа по изучению жизни и творчества П.И. Чайковского, истории семьи Чайковских и ее окружения. Как отображение этого процесса – проведение научных конференций, участниками которых являлись музыканты и ученые со всего Советского союза. В 1990 г., к 150-летию со дня рождения П.И. Чайковского, закончилась вторая реставрация дома, в результате которой дом-музей превратился в музей-усадьбу, поскольку было восстановлено его историческое окружение, в том числе парк.

В 2001 г. в возвращенном Православной церкви Благовещенском соборе было проведено первое богослужение, в 2006 г. начались работы по восстановлению и приданию храму прежнего облика (поскольку в советское время он был серьезно переделан и изуродован).

И сегодня, въезжая на плотину воткинского пруда, где с одной стороны открывается городская перспектива с видом на колокольню Благовещенского собора, а с другой – поворот на улицу Чайковского, где расположен усадебный музейный комплекс, все видят ставший уже привычным плакат «Воткинск – родина П.И. Чайковского». А за всем этим конкурсы, фестивали, мероприятия, посвященные великому композитору и благодарность горожан, ибо музыка вне времени и вне политики.

-
1. *Пермяк Е.* Воспоминания и письма. Воткинск, 1992. С. 19.
 2. Цит по: На родине П.И. Чайковского: фотокнига. Ижевск, 1990. С. 107.
 3. *Ступишин В.Н.* Воткинск. Справочник-путеводитель. Ижевск, 1976. С. 92.
 4. Воткинск. Летопись событий и фактов. Устинов, 1985. С. 131.
 5. Цит по: На родине П.И. Чайковского: фотокнига... С. 129.

Н.Н. Родигина, Т.А. Кузнецова

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ «ДЛЯ ВСЕХ» КАК ИНСТИТУТ ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

В последние годы пристальное внимание исследователей приковано к изучению образа Сибири в сознании русских интеллектуалов. Литературоведы М.К. Азадовский, К.В. Анисимов, Н.Е. Меднис, В.И. Тюпа, Б.А. Чмыхало, и др. выявили структурные и содержательные характеристики «сибирского текста» русской художественной литературы. А.В. Ремнев проанализировал «властный» дискурс о Сибири, представленный не только разножанровым наследием столич-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель».

ных и региональных чиновников, но и научными, публицистическими текстами, эгоисточниками «имперских экспертов» – ученых, военных, показал взаимозависимость представлений о регионе власти и общества, акцентировал их влияние на внутреннюю политику в отношении восточных окраин. Новосибирскими историками Л.В. Котович, Т.А. Кузнецовой, А.Ю. Ледовских, Н.Н. Родигиной, О.Н. Сидорчук охарактеризована «сибирская тема» в «толстых» журналах изучаемой эпохи, определены контексты ее актуализации, выявлен корпус авторов, писавших о регионе, раскрыты мотивы их обращения к сюжетам сибирской жизни.

Однако до последнего времени образ Сибири в массовом сознании россиян редко попадал в поле зрения исследователей. Ценнейшим источником его реконструкции являются еженедельные журналы «для семейного чтения», выходившие массовыми тиражами. К концу XIX в. они заняли лидирующее положение в кругу чтения населения Российской империи, потеснив «идейные» ежемесячники, рассчитанные на сравнительно узкий круг интеллектуалов. Как утверждает С.Я. Махонина, в 1900–1917 гг. примерно треть выпускаемых периодических изданий приходилась на долю еженедельников [1]. По подсчетам Ким Ен Хван, суммарная аудитория еженедельных иллюстрированных журналов составляла в 1870-х гг. примерно 100 тыс. подписчиков, а в конце XIX в. – порядка полумиллиона, то есть выросла в 5 раз [2].

По мнению специалиста по социологии чтения А.И. Рейтбла-та, именно иллюстрированные журналы способствовали расширению читательской аудитории за счет так называемых «средних» слоев, к которым он относит мелкое и среднее чиновничество, сельских священников, купечество, мещанство, провинциальную интеллигенцию [3]. С одной стороны, журналы «для всех» призваны были готовить читателя для восприятия более «серьезных», менее популярных органов печати, приобщать широкие массы к культуре. С другой стороны, они в сжатой и доступной форме сообщали культурному читателю последние сведения из области науки, искусства, общественной жизни. Дешевизна, доступность и наглядность содержания, повышенная информативность злободневных материалов позволяли иллюстрированным еженедельникам завоевывать большую и разнородную аудиторию [4].

Наша цель – определить функции иллюстрированных еженедельников в конструировании представлений о Сибири в массовом

сознании населения Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Содержательный анализ публикаций о регионе в «тонких» журналах «Родина», «Всемирная иллюстрация», «Нива», «Живописное обозрение» позволил прийти к следующим выводам.

Еженедельники выполняли *информационную* функцию, публикуя оперативные сообщения о различных событиях в экономической, культурной жизни региона, помещая сведения о количестве и составе населения, его этнографических и социокультурных характеристиках.

Очевидна *консолидирующая* функция еженедельных журналов. Во-первых, они способствовали конструированию региональной идентичности сибиряков, формируя интерес к прошлому и настоящему края. Во-вторых, расширяли представления о Сибири у читателей из Европейской России и способствовали «ментальному» освоению региона, превращению его из «terra incognita» в «свою» территорию. Судя по высоким тиражам, изучаемые издания были одним из самых доступных источников информации о регионах Российской империи, в том числе и Сибири.

Как и «идейные» ежемесячные издания, иллюстрированные журналы для семейного чтения выполняли *коммуникативную* функцию, способствовали включению региона в коммуникативное пространство империи. Заслугой еженедельных изданий является расширение круга читающей публики за счет читателей, получивших «среднее» образование (уездное или духовное училище, семинария, несколько классов гимназии и пр.). Соответственно, увеличивалось количество адресатов сибирского дискурса. Благодаря «тонким» журналам подписчики вовлекались в интеллектуальную жизнь (выписывать иллюстрированные журналы считалось «модным»), и у них вырабатывалась потребность в регулярном чтении получаемого издания. В свою очередь, это давало редакциям иллюстрированных еженедельников возможность конструировать у читателей образ восточного региона в зависимости от своих мировоззренческих установок, тематических приоритетов, эстетических пристрастий, с учетом изменения политической конъюнктуры, уровня экономического, социокультурного развития Сибири.

В отличие от «толстых» журналов, в основном помещавших публицистические тексты о регионе, большая часть материалов в еженедельниках представлена иллюстрациями (главным образом гравюрами), художественными и популярными текстами о корен-

ных народах, населенных пунктах, ссылке, достопримечательностях сибирских губерний, их флоре и фауне. Подчеркнем особую роль иллюстраций в формировании визуальных образов нашего региона. На наш взгляд, иллюстративные материалы не только вызывали интерес к Сибири у взрослых читателей, но и привлекали внимание, будили фантазию детей, в том числе и не владеющих навыками чтения. Порой иллюстрации на «сибирские темы» являлись первоисточником представлений о нашем крае у юных подписчиков журналов. Можно говорить о *креативной* функции еженедельных журналов, способствовавших привлечению провинциальной интеллигенции, буржуазии, духовенства, чиновничества (говоря словами А.П. Чехова – «пестрой публики») к изучению и описанию региона и к популяризации своего творчества на страницах этих изданий.

1. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX в.: учебное пособие. М., 2002. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text1/94.htm> (дата обращения: 09.06.2012).

2. *Ким Ен Хван.* Роль и значение журнала «Нива» в развитии русского общества на рубеже 1870-х гг. – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 16.

3. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 101.

4. *Воронкевич А.С.* Иллюстрированные еженедельники в России (1808–1904): Методические указания к спецсеминару. М., 1985. С. 16.

Н.А. Землякова

ИДЕАЛ СВЯЩЕННИКА-МИССИОНЕРА В СИБИРИ В РЕЛИГИОЗНЫХ ЖУРНАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.*

Интерес к идеальному образу священника, конструировавшемуся религиозной периодикой, объясняется несколькими причинами. Во-первых, его изучение позволяет понять мнения религиозных деятелей о том, какими характеристиками должен обладать священ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-01-00258 «Репрезентации Сибири в русских еженедельных изданиях второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель».

нослужитель в «отдаленной азиатской окраине», какие функции должен выполнять. Во-вторых, расширяет существующие в науке представления об образе Сибири в сознании русских интеллектуалов. В-третьих, мы относим священников к разночинной интеллигенции и реконструкция идеального образа деятеля церкви дает основания для сопоставления этого образа с теми социокультурными характеристиками, которыми наделялись общественной мыслью русские интеллигенты.

Известно, что со второй половины XIX в. журналы были одним из самых авторитетных и эффективных институтов формирования и трансляции общественного мнения. Это время появления и динамичного развития не только общественно-политических, литературных журналов, но и религиозных как «толстых» ежемесячных, так и «тонких» еженедельных изданий.

В качестве источников нами были привлечены православные периодические издания «Странник», «Душеполезное чтение» и «Томские епархиальные ведомости». «Странник» – ежемесячный духовный учено-литературный журнал, основанный протоиереем В.В. Гречулевым и выходивший в Санкт-Петербурге. Издавался с 1860 по 1916 г. Редакторами состояли протоиереи В.И. Протопопов и священники С.В. Протопопов, А. Васильков, приват-доценты А. Пономарев и Е. Прилежаев, с 1906 г. редактором состоял С. Артемьев, издателем Р.А. Артемьева. Цена за годовое издание «Странника» составляла 6 р. «Душеполезное чтение» – ежемесячное издание духовного содержания, выходившее в Москве с 1860 по 1916 г. Редакторы – Д.Ф. Касицын и И.Г. Айвазов, протоиереи В. Нечаев, 1889 г. архимандрит Виссарион, профессор А. Введенский. Цена годового издания 3 р. и 3,50 р. с пересылкой, с 1877 г. 3,50 р. «Томские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ) – местное официальное церковное издание, выходившее с лета 1880 г. по конец 1917 г. при Томской духовной семинарии. Выходили ТЕВ ежемесячно 1 и 15 числа каждого месяца. Цена с 1880 г. до 1898 г. составляла 5 р. серебром в год с пересылкой и доставкой на дом, с 1898 г. – 6 р.

Первым редактором ТЕВ стал исполняющий дела ректора семинарии А. Варфоломей. Главным редактором с 1881 г. был назначен статский советник, старший преподаватель Томской семинарии М. И. Соловьев, проработавший в этой должности до 1904 г. С января 1904 г. по июль 1906 г. редактором был ректор семинарии протоиерей И. Панормов. В течение последних десяти лет выпуска ТЕВ

с 1 июля 1906 г. по 1918 г. их редактировал протоиерей С. Путодиев. «Тобольские епархиальные ведомости» издавались с 1882 по 1919 гг. С 1882 г. по 1891 г. редактором был протоирей П. Головин, с 1892 г. по 1901 г. Н. Городков, с 1902 г. по 1914 г. А. Городков, в 1915 г. А. Зырянов, с 1915 г. по 1917 г. Я. Афанасьев, в 1917 г. З. Поддьяков, с 1918 г. редактором официального отдела был член Епархиального совета Гаврилов, неофициального священник И. Фокин. С 1882 г. по 1914 г. Тобольские Епархиальные Ведомости выходили два раза в месяц, с 1915 г. по четыре номера в месяц, с 1918 г. по три номера в месяц. С 1882 г. по 1916 г. цена составляла 5 р. с пересылкой, в 1917 г. 6 р. с пересылкой, с 1918 г. подписная цена на год составляла 30 р., а на полгода 15 р.

Перед нами стоит задача выявить представления авторов религиозной периодики об идеале сибирского священника-миссионера. Рассмотрев справочную литературу второй половины XIX в. под «идеалом» мы будем принимать представление высшего совершенства в каком-нибудь отношении [1]. Вл. Соловьев, автор статьи, помещенной в энциклопедии, указывает на то, что сам по себе «идеал» преобразует действительность, усовершенствует ее. Таким образом, идеал священника-миссионера указывает на то, не какими священнослужители были в действительности, а какими они стремились стать.

В привлеченных нами изданиях основная часть публикаций, посвященных Сибири, представлена миссионерскими записками, носящими мемуарный характер. Содержательный анализ данных текстов дает основания утверждать, что в качестве основной функции священнослужителей в зауральских губерниях называлась миссионерская деятельность.

Можно выделить ряд составляющих, из которых состоит идеал миссионера, его телесная и духовная составляющая. Если говорить о первой из них, то миссионер должен был быть сильным и ловким. В своих записках миссионеры указывали на то, что им часто приходилось путешествовать, в пути же их ждало много трудностей. Это и трудный природный ландшафт, и резкие климатические перепады. Для преодоления их надо было уметь ездить верхом, управлять лошадью, а также ходить на лыжах. Не все миссионеры владели необходимыми навыками. Миссионер Смарагд в своих записках указывает, что путь иногда был так труден, что он не обладал достаточным искусством воспользоваться лыжами, поэтому отказывался от путешествий, необходимых для выполнения своей миссии [2].

Другой составляющей идеала миссионера является черты его личности. Священник М. Архангельский в своей статье, помещенной в «Странник», приводит мнение Евсевия, архиепископа Иркутского об идеале миссионеров [3]. Среди черт, которыми должен обладать миссионер, чтобы обеспечить успех проповеднической деятельности, Евсевий называет кротость, терпение, самоотверженность, благочестивость, энергичность, твердость характера, ревность в вере, опытность и чуждость корысти. Успехи свои миссионер должен приписывать только богу, а в случае неуспеха, не унывать. Архиепископ также отмечает, что миссионер не должен использовать внешнее влияние власти и закона в своей деятельности. Таким образом, набор качеств, предлагаемый архиепископом Евсеем обширен. В действительности, как указывает архиепископ, не каждый ими обладал, как и не каждый мог их приобрести.

Макарий, епископ Томский, также как и архиепископ Евсевий, упоминал о том, что успех проповеди зависит не столько от количества, сколько от качества миссионеров [4]. Епископ особо обращает внимание на нравственные характеристики миссионера. Он не должен быть подвержен похотливости, пьянству или курению табака. Миссионеры, по мнению автора, должны были обладать аккуратностью, наблюдательностью и добрыми качествами. Макарий, так же как и Евсевий осознает, что в действительности нельзя достигнуть идеала, но профессиональный успех может быть достигнут, если будет хотя бы один мысленный образ совершенства миссионера.

Таким образом, идеал миссионера не всегда совпадал с реальностью, но предоставлял ориентиры миссионеру для нравственного самоусовершенствования.

1. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (Дата обращения 1.08.2012).

2. Смарагд. Записки алтайской духовной миссии урскульского стана миссионера иеромонаха Смарагда за 1861 г. // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. С. 139.

3. *Архангельский М.* Наставления священникам, служащим между язычниками и новообращенными к православной вере. Соч. Евсевия, архиепископа Иркутского. С.-Петербург, 1860 г., (12: стр. 78) // Странник. 1861. Т. II. С. 75–78.

4. *Макарий.* Советы для миссионеров Алтайской миссии // ТЕВ. 1902. Миссионерский отд. С. 1–6.

**ОБРАЗ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Н.М. ЯДРИНЦЕВА)**

Историю часто называют памятью человечества, но редко задумываются над этой формулировкой. Если одна из функций истории – попытка представить прошлое «как оно было на самом деле», то память – это инструмент мышления в настоящем, хотя её содержанием является прошлое. Если история есть память культуры, то это означает, что она не только след прошлого, но и активный механизм настоящего. Вместе с этим одним из актуальных направлений современной исторической науки является выявление отдельно взятых образов событий, явлений, личностей и их особенности трансляции на коллективную память современников и потомков. Немаловажным моментом является изучение феномена провинциальной интеллигенции, в нашем случае сибирской, и попытка воссоздания собирательного образа провинциального интеллигента.

Для выяснения автообраза Н.М. Ядринцева первостепенную ценность представляют его воспоминания: «Воспоминания о Томской гимназии», «Сибирские литературные воспоминания», «Светлые минуты», «К моей автобиографии» [1]. Они составляют основную базу привлечённой мною литературы при реконструкции автобиографии публициста. Впервые они публиковались в 80–90-е гг. XIX в. в «Сибирском сборнике» и «Восточном обозрении». «Автобиография» была опубликована в 1904 г., сохранность и публикация её является заслугой В.И. Семидалова (перед отъездом в Барнаул Ядринцев передал ему значительную часть своего архива). «Светлые минуты» – воспоминания прошлого ко дню открытия Томского университета и предвосхищение, которое испытывает автор истинное. Он вспоминает, как почти 28 лет назад в оживлённом кружке студентов-сибиряков Петербургского университета шёл разговор о сибирском университете. Впоследствии эта идея стала делом всей его жизни.

Живой образ Н.М. Ядринцева воссоздают воспоминания о нём Г.Н. Потанина, П.М. и А.М. Головачёвых, В.П. Острогорского, И.П. Белоконского, В.В. Берви-Флеровского, Н.П. Левина, В.И. Семевского, Н.И. Наумова [2]. В этих произведениях даётся тонкая ха-

рактеристика и оценка разносторонней деятельности идеолога сибирского областничества. Самые различные люди, писавшие о нём, сходятся в одном – в глубочайшем уважении к незаурядной личности и деятельности знаменитого сибиряка. Большая часть воспоминаний была опубликована в кратчайший период после смерти Н.М. Ядринцева и носит оттенок скорби по утраченному «верному другу», «хорошему человеку», «другу молодёжи». Еще одну группу источников составили некрологи, которые печатались в переодических изданиях Сибири и Российской империи сразу после смерти Н.М. Ядринцева. Упомянутые воспоминания публиковались преимущественно в периодике, многие из них не имели названия, так как извлекались из книг и подборок. Данная группа источников позволяет раскрыть и дополнить многие моменты биографии Николая Михайловича. В частности, сюжеты, связанные с Томской гимназией, общественной деятельностью Николая Михайловича в Петербурге и Сибири, работой в «Восточном обозрении».

Анализируя источники личного происхождения, а так же биографию Н.М. Ядринцева можно выделить следующие ключевые вехи в складывании образа провинциального интеллигента:

1) Гимназические годы явились первой ступенью в формировании образа сибирского интеллигента. Во-первых, публицист приходит к заключению о том, что «внутренние образованные силы» (сибиряки) видят единственный свой выход в бегстве из Сибири. Н.М. Ядринцев, в частности, писал по этому поводу: «Понятен тот вопль и негодование, которые вырвались у человека образованного, с развитым умом и сердцем, вернувшегося на свою родину. Он не находил в этом обществе здоровых инстинктов гражданской жизни и нравственных идеалов. Положение Сибири составляло тем более яркий контраст, что в Европейской России уже пробуждалась жизнь и являлись новые требования. Гражданские стремления при отсутствии интеллигентного и образованного класса отсутствовали, сибирское общество не разобралось со своими местными вопросами, не выдвигало их. Оно было тупо, равнодушно к вопросу о ссылке, не разбирая, вредна она или полезна, безучастно к переселениям, живя промышленною жизнью, оно, однако, не создавало экономических вопросов, не чувствовало потребностей саморазвития, самосовершенствования и гражданского преуспевания» [3]. Во-вторых, гимназия для Ядринцева – это ещё и первый опыт в общественном единении.

2) Студенческая жизнь, университет, землячество определяют уже практические задачи, рождают у сибиряка – «патриота» идею

возвращения на родину и полезного ей служения. Мысли о будущем своей родины приводят к необходимости подготовки будущей деятельности: изучать родной край, читать о нём, готовить образованные кадры.

3) Анализ публицистической деятельности Николая Михайловича приводит к выводу о необходимости в то время создания сибирского патриотического органа печати, который консолидировал бы всю местную интеллигенцию и представителей университета, который обогатил бы образованными людьми Сибирь, поднял бы уровень её образования. Он ставит задачу проведения местных вопросов в столичную печать. Таким образом, газета и университет должны были явиться трансляторами образцов и эталонов поведения для местной интеллигенции.

4) Впоследствии он убедился, как слабо проявлялась вообще областная идея и областное единение в Европейской России. Для себя же он сделал печальное заключение: «Областник или окраинец сторонится от централистов – интеллигентов, замыкается в себе или продолжает свою деятельность в провинции, видя непонимание чувств, наклонностей, стремлений местных и нужд» [4].

Исследуя мемуарное наследие современников, можно заключить, что автообраз Ядринцева был наделён следующими стратегиями поведения: «Я точно знаю своё дело в жизни!», «Работаю над собой!», «Свою мысль доказываю на практике!», «Я живу на благо своего края – Сибири!». Как следствие данного феномена, трансляция упомянутых стратегий поведения сибиряка-патриота. Восприятие образа Николая Михайловича определялось на нескольких уровнях: личностном – «умел создавать вокруг себя оживление», «энергичный», «общительный», «любопытный», «живой», «общительный», «деятельный», «жизнерадостный»; социальном – «заступник о судьбах Сибири», «патриот», «друг молодёжи», «единомышленник».

Образ сибирского интеллигента в «прочтении» Н.М. Ядринцева противоречив. Во-первых, он оформлялся в результате собственного жизненного опыта, во-вторых, являлся воплощением индивидуального или коллективного воображаемого конструкта. В качестве идеальной модели интеллигента выступала биография самого публициста. Начать с себя, а затем транслировать этот образ на других – этот способ предполагал мирный путь преобразования общества в глазах Николая Михайловича Ядринцева. Таким образом, личность Н.М. Ядринцева, его биография, воспоминания современников

представляются нам уникальным источником для понимания образа представителя провинциального интеллигентного сословия.

1. *Ядринцев Н.М.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, Т. 4. 1979. С. 265–291; *Его же.* Детство // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, Т. 4. 1979. С. 253–265; *Его же.* Светлые минуты (Из воспоминаний прошлого ко дню открытия университета) // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, Т. 4. 1979. С. 315–319; *Его же.* Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, Т. 4. 1979. С. 291–315; *Ядринцев, Н.М.* К моей автобиографии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, Т. 4. 1979. С. 319–342.

2. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 335–338; *Головачёв П.М.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 343–358; *Острогорский В.П.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 318–321; *Белокопский И.П.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 389–391; *Левин Н.П.* Воспоминания о Н.М. Ядринцеве // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 320–338; *Семевский В.И.* Несколько слов в память Николая Михайловича Ядринцева // Русская мысль. 1985. № 6 С. 29–37; *Наумов Н.И.* Н.М. Ядринцев в Томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 326–335.

3. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 452.

4. *Ядринцев Н.М.* Воспоминания. // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 334.

Н.М. Бурик

ОБРАЗ Н.М. ЯДРИНЦЕВА В ГАЗЕТНОЙ ПРЕССЕ АЛТАЯ В 1910-Е ГГ.*

Личность Н.М. Ядринцева многогранна и разнополярна, он проявил себя в антропологии, социологии, археологии, экономике, статистике и других научных сферах. Однако традиционно его воспринимают прежде всего как писателя-публициста, исследователя Сибири, который, в частности, внес вклад в изучение Алтая, где и пре-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Источники юга Западной Сибири и сопредельных территорий XVII–XX вв.» № 6.4137.2011.

рвалась жизнь великого ученого в 1894 г. И по сей день в Барнауле чтят память Николая Михайловича: в Нагорном парке находится памятник; в его честь названа улица и центральная городская библиотека; в 2000 г. на ул. Ядринцева, 146 открыта мемориальная доска. Целью публикации является изучение образа Н.М. Ядринцева на страницах газет Алтая в 1910-е гг., которое позволит выявить отношение современников Н.М. Ядринцева к нему и его научным изысканиям.

Много статей в дореволюционной прессе, по сравнению с информацией о других деятелях науки и культуры, посвящены памяти Н.М. Ядринцева. Так, например, к дате смерти Н.М. Ядринцева в 1910 г. в «Алтайской газете» была опубликована статья А. Семенова «Панихида по Н.М. Ядринцеву», а в 1914 г. к этой дате в газете «Жизнь Алтая» были приурочены две статьи «Памяти Н.М. Ядринцева» и «Сибирский патриот» [1]. Статья «Панихида по Н.М. Ядринцеву» за 1910 г. свидетельствует о том, что Н.М. Ядринцев опередил свое время и остался не понятым его современниками – сибиряками: «Никто не сказал на могиле ничего о покойном. Не было громких речей, не было тихих, но теплых слов. Никто не сказал о заслугах и деятельности Николая Михайловича». Он не получил своевременно должной оценки за свои достижения, современники не осознали его вклад в науку и значимость личности Н.М. Ядринцева для общества. По свидетельству автора статьи, на панихиде присутствовала небольшая группа людей и священник, проводивший церковный обряд, который не имел никакого представления о покойном. Ярко представлено противопоставление образа «новатора» Н.М. Ядринцева и обывателей – сибиряков. Автор статьи использовал антитезу для конструирования данного образа. В статье сравнивался смысл жизни сибиряков – обывателей и Н.М. Ядринцева. Автор публикации характеризовал жизненные интересы людей как «маленькие интересы, интересы повседневности, пошлые, желудочные интересы», тем самым демонстрируя примитивность их существования, не заинтересованность в проявлении себя как личности и возвышении своей Родины. Говоря о Н.М. Ядринцеве, корреспондент применял такие термины как «цели, идеалы», к которым покойный шел на протяжении всей своей жизни.

В газетных публикациях Н.М. Ядринцев обозначен как «патриот, верный своей Родине», под Родиной в данном случае подразумевается Сибирь: «И он служил ей, – служил как журналист, и как путешественник, и как просто общественный деятель» [2]. В статьях Н.М. Ядринцев ассоциировался с «путеводной звездой для тех, кому

дороги интересы и нужды Сибири». Так, Н.М. Ядринцев осознанно выбрал для себя путь служения Родине и людям. В письмах своему другу В.И. Семидалову он писал: «Жизнь моя должна окончиться общим служением». Н.М. Ядринцев не раз с семьей находился в тяжелом финансовом положении, но такая ситуация его не сломила и он продолжал жить, следуя своим принципам.

Автор стихотворения в газете «Жизнь Алтая» К. Порфирьев написал о патриотизме Н.М. Ядринцева, в первую очередь, относящегося к Сибири, а не к России вообще: «Он жив, пока жива Сибирь. И в даль идет своей дорогой, пока ее немая ширь полна надеждой и тревогой. Дольше он в сибиряка любовь к земле родной вселяет... И лишь тогда уйдет во мрак, и лишь тогда он жить устанет, когда и слово «сибиряк» звучать в Сибири перестанет». В статье «Патриот Сибири», посвященной 20-летию со дня смерти Н.М. Ядринцева, автор публикации описывал его жизнь как непрерывное служение Родине.

Итак, в дореволюционной прессе формировался образ Н.М. Ядринцева как патриота и неустанного служителя Сибири, результаты работы которого поняты только просвещенной частью населения, рядовым жителям они не известны и не оценены по достоинству.

После революции интерес к личности Н.М. Ядринцева на страницах антибольшевистских газет, которые мы взяли за основу исследования, не теряется, но меняются некоторые акценты в его характеристике. Так, в барнаульской литературной газете «Время» от 8 ноября 1919 г. отмечалось, что чествование памяти Н.М. Ядринцева, по инициативе Г.Н. Потанина и П.И. Макушина, перенесли с летнего времени на 8 ноября – день Сибири. Автор статьи подчеркивал: «Так, когда-то в те дни, когда в Петрограде жил и работал Н.М. Ядринцев, день этот особо отмечался...» [3]. Об этом сообщалось еще в июне 1919 г. в газете «Речь Алтая»: 20 июня в день 25-летия со дня смерти «сибирского патриота» приглашались все желающие на панихиду к его могиле на Нагорном кладбище. Однако в статье объяснялось, что «чествование Н.М. Ядринцева» из-за летнего периода, когда «жизнь в городе затихает», переносилось на осень, в день Сибири, когда достойным образом можно было почтить память ученого-исследователя [4]. Аналогичная информация, посвященная 25-летию со дня смерти Н.М. Ядринцева, была отражена и в газете «Алтайская мысль». Также к этой дате совет Алтайского подотдела Русского географического общества 18 июня 1919 г. постановил организовать при его музее особый отдел, посвященный памяти Н.М. Ядрин-

цева, в который должны были войти рукописи; газеты и журналы, в которых он публиковался; все его сочинения; фотографии и т. д.

Таким образом, в период Гражданской войны образ Н.М. Ядринцева на страницах антибольшевистских газет Алтая был символом патриотизма Сибири, ее возрождения.

Особенностью послереволюционных публикаций является то, что Н.М. Ядринцев в них рассматривался не только как патриот, идеальный человек без каких-либо жизненных трудностей, а наоборот: «...он был самый обыкновенный, подверженный общечеловеческим слабостям». Его заслуги бессменно признавали не только в рамках Сибири, но в рамках всей страны. Приведем цитату из статьи «Горячее сердце» газеты «Время» от 8 ноября. 1919 г.: «Н.М. Ядринцев чистил, выпрямлял и облагораживал жизнь родной страны». Но, как и в дореволюционных газетах, акцентировалось внимание на то, что имя «сибирского патриота» должно быть дорогим и родным «всякому просвещенному», а не простому обывателю.

В период Гражданской войны заслуги Н.М. Ядринцева на страницах газет были представлены ярче и обобщеннее, присутствовала попытка анализа его трудов и тех вопросов, которыми он занимался: перенаселение Сибири уголовными преступниками; переселенческий вопрос; экономический; улучшение быта инородцев и др. В публикациях говорилось о том, что Николай Михайлович не смотрел на Сибирь как на часть России, которая могла бы отделиться как особое государство. Но он видел тяжелейшие экономические и политические условия Сибири, вызванные политикой центральных властей. Данные обстоятельства ставили «его родину Сибирь не только на положение провинции, но на положении колонии, эксплуатируемую центральной государственной властью». Однако главным являлось то, что образ Н.М. Ядринцева возбудил общественное самосознание в Сибири. До него, по словам автора статьи «Панихида по Н.М. Ядринцеву» от 1919 г., Сибирь спала, она была мертвая.

Итак, образ Н.М. Ядринцева на страницах газетной прессы Алтая в 1910-е гг. являлся неотъемлемым атрибутом для самоидентификации и возрождения Сибири. «Сибирский патриот» был символом своей малой родины, который при жизни боролся за признание Сибири и после смерти остался ее «путеводной звездой».

1. Семенов А. Панихида по Н.М. Ядринцеву // Алтайская газета. 1910. 9 июня; Памяти Н.М. Ядринцева // Жизнь Алтая. 1914. 7 июня; Сибирский патриот // Жизнь Алтая. 1914. 7 июня.

2. Сибирский патриот // Жизнь Алтая. 1914. 7 июня.
3. Н.М. Ядринцев // Время. 1919. 8 ноября.
4. Панихида по Н.М. Ядринцеву // Речь Алтая. 1919. 20 июня.

Т.П. Мордкович

ОБРАЗ Н.М. ЯДРИНЦЕВА В РАБОТАХ ОМСКОГО ИСТОРИКА А.Г. КАНДЕЕВОЙ

Интерес к личности и творческому наследию Николая Михайловича Ядринцева обусловлен рядом факторов: неординарностью великого сибирского патриотического духа, значительного интеллектуального вклада в развитие сибирского края, его истории.

Сегодня мы отмечаем дату – 170 лет со дня рождения Н.М. Ядринцева, нашего земляка, ученого, исследователя, писателя, любящего Сибирь «со всеми радостями и печальями», ратовавшего за образование и процветание родного края, желавшего улучшить современную ему жизнь.

За свою недолгую жизнь Н.М. Ядринцев сделал максимум. Весть о смерти Николая Михайловича облетела всю Россию. Все газеты, знавшие его, писали некрологи. Образ Ядринцева и его деятельность стали предметом для большого общественного разговора, исследовательского интереса. Отметим работы М.А. Гудошниковой, А.Ф. Палашенкова, Г.П. Раппопорт, Я.Р. Кошелева, М.Г. Сесюниной, Л.Г. Беспаловой, В.Г. Мирзоева, В.К. Коржавина, А.Г. Кандеевой, М.Г. Вандалковской и др.

Ценными трудами, изданными в советский период, а также в постсоветский (или российский) являются исследовательские работы кандидата исторических наук Анастасии Григорьевны Кандеевой, которая собрала много архивных документов, материалов, основных фактов жизнедеятельности Н.М. Ядринцева, найденных в Ленинграде, Омске, Тюмени, Иркутске, Барнауле. Провела глубокий анализ историко-литературного творчества и общественной деятельности.

Благодаря лекциям спецкурса А.Г. Кандеевой «Н.М. Ядринцев – писатель и критик» я открыла для себя человека, так много сделавшего за свою недолгую жизнь. Передо мной предстал образ Н.М. Ядринцева – учёного, этнографа, географа, статистика, изучавшего жизнь аборигенов, собравшего много документов, материалов.

Выдающийся историк, исследователь прошлого, настоящего Сибири. Талантливый писатель, прозаик, мастер малых форм, корреспонденций, рассказов, очерков – в этих жанрах он достиг большого совершенства. Публицистика стала его главной сферой деятельности.

Общественный деятель, Николай Михайлович был выдающимся мыслителем, он понимал, какое богатство таит Сибирь. Поэт, хотя и не придавал такого значения как прозе, вошел в историю поэзии.

Основоположник, исследователь тюремного фольклора. Путешественник, в Монголии сделал открытие местонахождения древнейшей столицы.

Как повторяла в своих лекциях А.Г. Кандеева, «это был сибирский Ломоносов». В статье А.Г. Кандеевой «Н.М. Ядринцев – фельетонист на «Восточное обозрение» (1969) подчеркивается главная мысль Н.М. Ядринцева – «провинция – будущее».

В статьях «Общественная и литературная деятельность первой половины 60-х годов XIX века» (1971), «О литературно-критической деятельности Н.М. Ядринцева» (1975) Н.М. Ядринцева предстает как литератор. В работе А.Г. Кандеевой «Проза Ядринцева Н.М. 70–80-х гг. XIX в.» (1974) освещена проблема изучения Н.М. Ядринцевым Сибири как классической колонии, имевшей, однако, свои неповторимые черты. В его областнической программе главное место занимал вопрос об исторической роли Сибири, её значении в жизни русского государства, а также в мировом процессе, судьбах всего человечества. По мысли Н.М. Ядринцева соединение Европы и Азии являлось очередным вопросом истории XIX столетия. Ареной встречи двух цивилизаций – европейской и азиатской – должна стать Сибирь по географическому положению и составу населения.

Беллетристические произведения Н.М. Ядринцева 70–80-х гг. XIX в. по праву ставят его имя в историю сибирской и общерусской литературы. Изучение его художественного наследия убеждает также в последовательности просветительских и демократических взглядов, составляющих основу мировоззрения выдающегося деятеля и публициста Сибири. Таков вывод А.Г. Кандеевой.

Публикацию «Ратовавшему за университет» (1975) Анастасия Григорьевна посвятила первой годовщине со дня открытия Омского государственного университета, назвав Н.М. Ядринцева инициатором создания университета в Сибири.

Статья А.Г. Кандеевой «Патриот Сибири» (1976) начинается словами: «В самом центре Омска, рядом с областной библиотекой им.

А.С. Пушкина, есть улица. Своим единственным двухэтажным каменным домом она примыкает к скверу. На доме таблица – “Ул. Ядринцева, 5”. Последний дом бывшей улицы...». Я помню этот дом... На этом месте сейчас Музыкальный театр. И когда я выбирала спецкурс, обучаясь на филологическом факультете, я, конечно, выбрала тот курс, который читала А.Г. Кандеева, с таким воодушевлением, любовью рассказывавшая о Н.М. Ядринцеве, о его недюжинном таланте, его житейских перипетиях. С первой лекции я была покорена и знанием лектора, и подачей материала, и образом человека, влюбленного в «спящую красавицу – Сибирь».

Разрабатывая тему докторской диссертации «Н.М. Ядринцев – писатель и критик», А. Г. Кандеева собрала воспоминания современников о Н.М. Ядринцеве. В 2001 г. была опубликована её монография «Слово о Ядринцеве».

Из краткого обзора работ А.Г. Кандеевой видно, что ею создан многогранный образ Н.М. Ядринцева, который заслуживает внимания современных исследователей, представителей власти, обществу.

Ф.Ф. Мухаметов

Д.М. КАРБЫШЕВ И ТРОИЦКИЙ УКРЕПРАЙОН В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

С первой половины 1918 г. оборонительный характер боевых действий Гражданской войны вызвал необходимость создания укрепленных (оборонительных) районов (далее УРы) в пределах фронтов и системы оборонительных пунктов. В их задачу входило: прикрытие подступов к политическим и промышленным центрам страны, удержание важных рубежей, городов до подхода полевых войск РККА, обеспечение тыла фронта или армии, подготовка плацдарма для наступления. В УРах формировались для фронта резервные соединения, части, маршевые роты. Наиболее важные в оперативно-стратегическом отношении УРы создавались по решению Совета Рабоче-Крестьянской Обороны, остальные – по приказам и распоряжениям РВСР, РВС фронтов и армий и находились в их подчинении.

В ноябре 1918 г., в связи с усложнением военного положения Советской Республики, появилась необходимость создать систему

укреплений, более отвечающую конкретным условиям. Она была разработана под руководством К.И. Величко по заданию Военного совета, и предусматривала применение полевой фортификации в укреплениях кругового начертания для обороны крупных и стратегически важных городов, наряду с тыловыми оборонительными сооружениями. Полевые укрепления в гражданскую войну нашли себе достаточно широкое применение также и непосредственно в ходе боевых операций.

Главный удар Белая гвардия и интервенты предполагали нанести на Восточном фронте. С 20 апреля 1919 г. руководил всеми оборонительными работами Восточного фронта, возведением Уров на Южном Урале уроженец города Омска выдающийся военный инженер, впоследствии Герой Советского Союза Дмитрий Михайлович Карбышев [1]. Он вложил немало сил и труда в оборону молодой Страны Советов, используя в полной мере свой богатый опыт и знания. Под его руководством в Симбирске, Самаре, Саратове, Челябинске, Златоусте, Троицке и других городах были созданы укрепленные районы, сыгравшие важную роль в разгроме белогвардейцев [2].

Желание узнать о Д.М. Карбышеве – легендарной для нашего народа личности, в частности, об его активном участии в обороне нашего города, который дважды переходил из рук в руки, подтолкнуло к поиску его следов в наших краях во множестве книг и сборников воспоминаний наших земляков о гражданской войне, в архивных материалах. Но никто и ничего конкретного по этому поводу объяснить не мог. Даже автор книги о нем – Евгений Григорьевич Решин сообщал, что никакими дополнительными сведениями не располагает, и подтвердил уже написанное им в книге.

Вместе с тем, при поиске материала о пребывании Д.М. Карбышева в нашем городе, выявилось новые факты из его жизни, новые малоизвестные до сих пор имена, открылась его причастность к обороне города и освобождению его от противника. Оказывается, что Дмитрий Михайлович еще двумя приказами войскам Восточного фронта после завершения боев за Челябинск и Троицк приказом № 506 от 14 августа 1919 г. назначался «главным руководителем работ Восточного фронта вместо бывшей должности главрука военно-полевого строительства Восточного фронта». В другом приказе № 694 от сентября 1919 г. войскам Восточного фронта указывалось на необходимость «объединить работы 5 военно-полевых строительных отделений отдельной группы Восточного фронта» под руководством

Д.М. Карбышева. Эти документы подтверждают востребованность и огромное доверие к нему как уникальному специалисту в своем деле и его значимую роль в освобождении Урала от Колчака.

Кроме того документы свидетельствуют о том, являясь руководителем в военно-полевом строительстве и создании укрепленных районов вокруг Челябинска, Златоуста и Троицка, он вероятнее всего бывал в этих городах [3]. Также Е.Г. Решин в упоминаемой нами книге отмечает, что часто Д.М. Карбышев проводил инспекторские осмотры позиций, окопов, пулеметных гнезд, блиндажей.

На управление военно-полевого строительства Восточного фронта возлагалась большая и ответственная работа по укреплению Урала и важнейших его пунктов. Обороноспособные позиции должны быть созданы до выпадения снега. Учитывая то, что формирование Троицкого укрепрайона началось с сентября месяца 1919 г., нужно было провести огромный фронт работ до наступления холодов. Строительством Троицкого укрепленного района занималось Управление 29 военно-полевого строительства, которое располагалось в Татарском переулке дом № 6 (в настоящее время р-н Амура ул. Цвиллинга) г. Троицка.

Штаб Троицкого укрепрайона с 16 сентября 1919 г. перешел на штаты штаба дивизии, комендант укрепрайона стал начальником дивизии. 1, 2, 3 крепостные полки стали формироваться по штатам пехотного полка. В укрепрайоне существовали штабы отдела снабжения, артиллерии и санитарной части. А с 17 сентября 1919 г. на основании телеграммы Реввоенсовета 5 за № 1136 стрелки часов были переведены на один час назад, это изменение нашло отражение в приказах по войскам укрепрайона и в приказах по уездному военному комиссариату. Полевые войска, прибывшие в Троицкий УР с началом военных действий, производили инженерные работы по его полевому дооборудованию и вели оборону с постоянными войсками. Военный Совет Троицкого УР вынужден был пойти на жесткие дисциплинарные меры в целях скорейшего завершения работ.

Благодаря руководству Д.М. Карбышева и неукоснительному исполнению его указаний на местах, Троицкий УР, имея значительно меньше сил и средств, чем противник, блестяще выдержал два раза осаду белых в годы Гражданской войны.

1. Челябинская область: Энциклопедия. Т. 3. Челябинск, 2008. С. 99.

2. Решин Е.Г. Генерал Карбышев, М., 1971. С. 143–144.

3. Спицын С. Д.М. Карбышев на Урале // Вперед. 1978. 4 марта.

БЕЛАЯ СЛАВА РОССИИ: ХРОНОЛОГИЯ УВЕКОВЕЧИВАНИЯ

На территории Европы с начала 1920-х гг. было установлено значительное количество памятников, посвящённых Гражданской войне и лидерам белого движения. На территории бывшего СССР их установка по идеологическим соображениям была невозможна. Изменение с 1991 г. политического климата в России, демократизация общества, открытие широкого доступа к архивным документам, отсутствие идеологических установок и штампов дали возможность по-новому взглянуть на время, когда в России бушевала Гражданская война. Остановимся на наиболее известных местах памяти.

В 1920 г. на кладбище Пюхтицкого православного монастыря на территории Эстонии в память воинов и граждан, погибших в эпидемию 1919–1920 гг. «усердием служащих русского лазарета № 9 и чинов штаба 3 стрелковой дивизии Северо-Западной армии» был установлен деревянный памятник. В конце 1930-х гг. его заменил каменный памятник с большим чугунным крестом, который сохранился до наших дней.

16 июля 1921 г. на окраине городка Галлиполи в Турции на Большом русском военном кладбище по приказу генерала А.П. Кутепова был сооружен памятник, напоминавший одновременно и древний курган, и шапку Мономаха, увенчанную крестом (автор – подпоручик технического полка Н.Н. Акатьев). На мраморной доске, под двуглавым орлом, написано: «Упокой господи, души усопших. 1-й корпус Российской армии своим братьям-военным, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920–21 годах». В 1949 г. памятник был повреждён землетрясением, демонтирован, лишь в 2008 г. восстановлен.

В 1961 г., на кладбище Сент-Женевье де-Буа, в Париже, как дань памяти всем участникам белого движения, была возведена уменьшенная копия Галлиполийского обелиска (проект супругов Бенуа). По цоколю обелиска расположены посвящения: адмиралу Колчаку и российским морякам, генералу Корнилову и всем воинам корниловских частей, генералу Маркову и марковцам, казакам, генералу Дроздовскому и дроздовцам, генералу Деникину и первым добро-

вольцам, генералу Алексееву и алексеевцам, генералу Врангелю и чинам конницы и конной артиллерии.

21 июля 1991 г. в Санкт-Петербурге на Пулковских высотах в память похода Северо-Западной Армии генерала Юденича на Петроград по инициативе историко-патриотического объединения «Русское знамя» торжественно установлен и освящён первый в постсоветской России крест – памятник участникам белого движения.

В 1991 г. в селе Троицкое Омского района Омской области на территории мемориального ансамбля в центре села был возрождён памятник в форме мраморной плиты с символическим изображением православного креста и надписью: «Землякам, погибшим в годы братоубийственной Гражданской войны».

20 сентября 1992 г. на берегу Кубани в районе посёлка Кирпичного был открыт памятник генералу Л.Г. Корнилову и чинам Добровольческой армии, погибшим при штурме Екатеринодара в марте 1918 г. Памятник установлен на средства Кубанского казачьего союза США, редакции журнала «Кубанец» и при участии хуторского казачьего общества Кубанского казачьего войска. Это небольшой комплекс, обнесённый оградой. На камне с генеральской фуражкой надпись: «Здесь погиб Лавр Георгиевич Корнилов. 1918 год». В центре – белый мраморный крест с Государственным гербом России, небольшая стилизованная пушка из камня, а по краям десять надгробий с именами тех, кто погиб в Ледяном походе.

В 1998 г. в Москве на территории храма Всех Святых (район Сокол) общественным советом по защите и сохранению мемориала «Примирение народов России, Германии и других стран, воевавших в мировых и гражданских войнах» был установлен монумент «Вождям Белого движения и казачьим атаманам».

В 2000 г. по инициативе Иркутского казачьего войска в районе станции Утай Иркутской области на месте гибели В.О. Капшеля установлен памятный крест.

В 2003 г. в Сальске (Ростовская область) обелиском была увековечена память одного из организаторов и лидеров белого движения, генерала С.Л. Маркова. На торжественное открытие прибыл председатель Общества памяти Русской Императорской Гвардии во Франции, потомок князей А.А. Трубецкой. На постаменте издалека заметен знак 1-го Кубанского похода и слова Маркова: «Верьте, что Родина вновь будет сильной, Великой, Единой и Могучей!» Автор проекта – А. Алекаев, архитектор А. Бегунов.

В 2006 г. остатки В.О. Каппеля, одного из лидеров белого движения обнаружены у руин русской церкви в городе Харбине. 13 января 2007 г. состоялась церемония перезахоронения В.О. Каппеля на кладбище Донского монастыря в Москве, рядом с захоронением генерала А.И. Деникина.

14 января 2007 г. в сербском городе Сремские Карловцы по инициативе российской общественности Москвы и Санкт-Петербурга, при поддержке управления по сохранению культурных ценностей Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций Министерства культуры РФ, по благословлению Святейшего Патриарха Алексия II был открыт бюст П.Н. Врангелю. Автор идеи и основной спонсор – петербургский предприниматель В.П. Лебедев, автор памятника – скульптор В. Аземша.

18 октября 2008 г. в церковной ограде около алтаря Церкви Крестовоздвиженского храма в селе Ополье Кингисеппского района Ленинградской области установлен Памятник воинам Северо-Западной Армии.

24 мая 2009 г. на Донском монастыре в Москве состоялось открытие мемориала на могилах генералов А.И. Деникина, В.О. Каппеля, философа И.А. Ильина и писателя И.С. Шмелёва. Патриарх Кирилл и премьер В.В. Путин почтили их память.

11 августа 2009 г. в Литве в усадьбе Милулю, близ города Засорай за счёт средств движения «Белое Дело» установлена доска в честь барона П.Н. Врангеля, древнейшему роду которого принадлежала усадьба.

18 сентября 2009 г. на братских могилах воинов Северо-Западной Армии открыты две каменные гранитные плиты на Ивановском старом кладбище, вблизи русско-эстонской границы.

11 ноября 2009 г. усилием межрегионального движения «Белое дело», журнала «Ретроспектива» фонда доктора Граала (Пермь), клуба 49-ой пехотной дивизии в Перми на Егошихинском кладбище на месте старого воинского кладбища установлен памятник русским солдатам, погибшим в Первой мировой и Гражданской войнах.

29 ноября 2009 г. в храме святых Первоверховных Апостола Петра и Павла во время освящения киота для Царскосельской иконы Знамени Пресвятой Богородицы была установлена памятная доска с надписью: «Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя. Вечная память вождям и воинам Северо-Западной Добровольческой Армии и участникам Петроградского ан-

тибольшевистского сопротивления, за Веру и Отечество жизнь свою положившим. Сей киот сооружен иждивением общественного движения “Белое дело”».

В январе 2010 г. установлен памятный крест в ознаменование 90-летия прохода каппелевцев на месте гибели русских людей в районе Крутой Ишверы (Железнодорожный район Красноярского края).

22 января 2010 г. в Эстонии в городах Нарве и Таллинне прошли поминальные панихиды, посвящённые героям-воинам Северо-Западной Армии. Памятные гранитные плиты с именами установленных 720 фамилий белых воинов Северо-Западной Армии доставлены с Урала. Плиты установлены на частные пожертвования НКО «Эстонский военный мемориал».

20 июля 2012 г. в Спасске-Дальнем на здании, где в 1922 г. размещался штаб войск генерала-майора белой армии В.М. Молчанова состоялось торжественное открытие мемориальной доски. Инициаторы – директор местного краеведческого музея Н. Шубина и журналист-краевед С. Букреев. На церемонии открытия присутствовал представитель Русского общевойскового союза на Дальнем Востоке поручик А. Бушин.

Отдельной страницей в истории памятников является увековечение памяти чехословацких легионеров. Первые такие памятники в России появились в годы Гражданской войны. В Челябинске памятник был открыт в сентябре 1918 г. (эскиз командира Чехословацкого корпуса генералом Яном Сыровы), летом 1919 г. он был разрушен. В мае 2006 г. во Владивостоке после реставрации было снова открыто кладбище, на котором похоронены 163 чехословацких легионера. В 2006 г. в Красноярске по инициативе правительства Словакии реконструирован памятник чехословацким легионерам.

В 2007 г. был открыт памятник чехословацким легионерам в городе Бузулук Оренбургской области. В 2008 г. – в Екатеринбурге. Памятник на Михайловском кладбище Екатеринбурга возведён на средства, выделенные министерством обороны Чешской республики. Памятник изготовлен из чёрного и красного мрамора, на мраморных блоках высечены имена 360 легионеров. В 2009 г. подобный памятник открыт в Нижнем Тагиле (автор Г. Белянкин). По чертежам скульптурных мастерских Министерства обороны Чешской Республики была возведена стела высотой 3,8 м. из серого гранита, с черными мраморными плитами, на которых высечены имена

67 павших воинов и надписями на чешском, словацком и русском языках.

В 2011 г на Привокзальной площади в Челябинске на средства Чехословакии открыт памятник legionерам чехословацкого корпуса. На памятнике из серого и красного гранита высечены 262 фамилии чехословацких legionеров, захоронённых в Челябинске и его окрестностях в 1918–1919 гг. (автор проекта – екатеринбургский архитектор Е. Удовик, эскизы чешского автора П. Голего).

В День города, 5 августа 2012 г., Омск с официальным визитом посетил вице-консул, заведующий визовым отделом Генерального консульства Чешской Республики в Екатеринбурге П. Свитак. На встрече с мэром города В. Двораковским он выразил надежду, что и в Омске появится монумент чехословацким legionерам.

Таким образом, за минувшие десятилетия увековечивание памяти участников белого движения было многократно отражено в мемориальных знаках за границей и на территории России. Данный вопрос для сохранения историко-культурной составляющей нашего общества является особо важным, ведь немой изначально камень благодаря замыслу скульптора заставляет нас помнить о трагических страницах нашего прошлого.

К.Ю. Гизиева

ОМСКИЕ НЕКРОПОЛИ КАК ИСТОЧНИК ПО СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАЧЬЕГО КЛАДБИЩА)

Кладбища – неотъемлемая часть крупного населенного пункта. Являясь объектом городской территории, они воспринимаются частью городского хозяйства, а после прекращения погребений на их территории, как правило, выпадают из сферы интересов коммунальных служб. Старинные закрытые кладбища не получают юридического статуса памятников истории и культуры, что приводит к неопределенности их состояния. Большое значение в изучении придается исследованию надгробий, имеющих художественную ценность, а также текстов эпитафий, которые расцениваются специалистами как художественные и литературные памятники, отражающие социальные условия и мировоззрение своей эпохи.

© К.Ю. Гизиева, 2012

Если говорить об изучении омских кладбищ, то материал, собранный к настоящему времени, характеризуется вниманием к истории несохранившихся кладбищ, выявлением сведений о могилах захороненных деятелей истории и культуры, публикацией рукописей исторических некрополей (А.Ф. Палашенков, Ф.К. Надь, П.П. Вибе, Н.П. Пугачева, И.Е. Бродский и др.). Вместе с тем, кладбище необходимо рассматривать как социокультурное явление. Сведения о времени жизни и смерти, заслугах, семейных связях, социальном положении почивших и захороненных лиц – важнейшие сведения для генеалогов, искусствоведов, историков и краеведов.

В начале 40-х гг. XIX в. в Омске было открыто Казачье кладбище, где находили свой последний приют жители Ильинского, Казачьего и Новослободского форштадтов. Своим появлением оно всецело обязано Никольскому Казачьему собору, так как признавалось необходимым «иметь при войсковой церкви, для погребения тел умерших кладбище, отдельное от городского, которое в настоящее время находится уже внутри города и постепенно застраивается» [1]. Располагалось оно в квадрате улиц Куйбышева, 8-й Линии, Успенского и Съездовской. Некрополь был разбит на аллеи, которые, в свою очередь, образовывали кварталы. На его территории были выделены участки для захоронений кадетского корпуса, католического и холерного кладбищ.

На кладбище были погребены акмолинский областной архитектор В.К. Гейде, ученый и поэт П.Л. Драверт, сибирский этнограф и историк Ф.К. Зобнин, историк и общественный деятель Г.Е. Катанаев, этнограф и общественный деятель А.Е. Новоселов, краевед А.Н. Седельников, педагог М.М. Сиязов, историк А.К. Сулоцкий, архитектор И.Г. Хворинов и другие почитаемые люди города. На территории кладбища был выделен специальный участок Сибирского кадетского корпуса. Здесь же располагались семейные погребения купцов, военных и т. д.

Стиль надгробий XIX и начала XX вв. был обусловлен религиозными воззрениями. Один из самых распространенных видов надгробий на Казачьем кладбище – кресты. Деревянные кресты были характерны для начала XIX в., но уже к концу столетия в связи с развитием металлургии их сменили чугунные аналоги. Среди дореволюционных надгробных сооружений чугунные кресты были довольно распространены. Из воспоминаний краеведа В.И. Селюка: «Я был здесь с дедом Прокопием Андреевичем Селюком. Он ходил

на могилы родственников и друзей. Это позволило мне лучше узнать кладбище, тех, кто лежал под тем или иным крестом. Выделялись могилы купцов Барановых. Это были два чугунных креста высотой не менее 2,5 м, толщиной почти с телеграфный столб, с чугунными надгробиями» [2]. Кресты, характерные для конца XIX в., содержат минимум сведений о погребенном, не было принято оставлять надписи о покойном (эта тенденция появляется лишь к началу XX в.). К примеру, на могиле регента Пророко-Ильинской церкви В.Е. Розанова (1883–1932) установили железный крест и три железные таблички с прозаической и стихотворной эпитафиями (стихотворная – от хозяйки квартиры, где он проживал): «Незаменимому талантливому художнику, неподражаемому и чуткому певцу, уважаемому регенту Ильинской церкви В.Е. Розанову от признательных певцов, друзей и прихожан Ильинской церкви. Исцели душу мою, яко согреших тебе».

С середины прошлого века произошла унификация надгробных памятников. Чаще всего это надгробные плиты из бетона с мраморной крошкой либо из мрамора или гранита, на которых расположено фото, имя и иногда – эпитафия от родственников покойного. Мемориальная скульптура дореволюционного периода обладала гораздо более интересными формами и вариантами исполнения: «На кладбище было много заметных архитектурных сооружений. Очень много было ажурных металлических оград работы завода К.В. Куликова. Его руку всегда легко узнать. Часть – в традиционном восточном (персидском) стиле, были и в стиле модерн, а также украшенные металлическими цветами. В часовнях над могилами стояли кресты, металлические и мраморные памятники в виде кафедр, колонн. Помню могилу Г.Е. Катанаева. Надгробный памятник был в виде кирпичного столба высотой 1,3 м. Толщина столба составляла примерно 60 см. Наверху – коническое металлическое навершие. В стенах столба – небольшие ниши для досок, которые в это время уже отсутствовали» [3].

Представители купеческого сословия тяготели к обозначению на памятниках заслуг умершего и большим эпитафиям, говорящим современникам и потомкам о достойном жизненном пути. На купеческих надгробиях часто рядом с именем обозначена принадлежность к гильдии. «На север от церкви, сразу за главной аллеей, были могилы омских купцов. Помню красивый памятник на могиле А.Т. Пахотина. Невдалеке – могилы Разумовских, Галкиных, Колмогоро-

вых, Кузьминых, Елизаровых, Волковых, Серебрянниковых. Помню на одной могиле бронзовую пушку XVIII века. Кажется, ее увезли потом в музей. Были могилы, на которых так и было написано: "купец П гильдии"» [4].

В 1935 г. было принято решение о закрытии Казачьего кладбища, а в 1966 – о его ликвидации. Тогда на Старо-Восточное кладбище усилиями А.Ф. Палашенкова были перехоронены останки учёного и поэта П.Л. Драверта, а также выдающегося хирурга, одного из основоположников советского здравоохранения Б.С. Вейсброта. На Старо-Северное – контр-адмирала А.М. Лаврова. Несколько старых семей перенесли прах близких с Казачьего кладбища на Восточное, это Разумовские, Волковы, Елизаровы, Галкины. Но большинство остались на старом кладбище. В это время было утрачено большинство могил и вместе с ними ценных надгробий того периода. В результате уничтожения или вторичного использования старинных надгробий (перебитые, затертые надписи), сведения о погребенных оказались уничтоженными.

Памятники на могилах погребенных представляют интерес с точки зрения изучения культурных традиций омского общества, а также обладают определенной художественной ценностью. Надмогильный памятник всегда имеет особенность: он отличается от других видов скульптуры особым эмоциональным настроением. Подводя итог жизненного пути человека, памятник говорит о вечных ценностях: героике и патриотизме, честности и преданности убеждениям, служении обществу трудом и талантом. Таким образом, некрополи являются ценнейшим источником историко-культурной информации, которая хранится в них на протяжении нескольких столетий и может послужить хорошей основой для историко-биографических, историко-культурных и искусствоведческих исследований.

1. ГИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 403. Л. 1–1об.

2. Омский некрополь: Исчезнувшие кладбища. Омск, 2005. С. 195.

3. Там же. С. 195–196.

4. Там же. С. 198.

**Н.Ф. КАТАНОВ: СЛУЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ
И ПАМЯТЬ О ВЫДАЮЩЕМСЯ УЧЕНОМ НА РОДИНЕ**

Николай Федорович Катанов – известный тюрколог, востоковед (1862–1922). Окончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета (1888), совершил длительную экспедицию в Русский и Китайский Туркестан (1888–1892), значительную часть жизни провел в Казани (1894–1922), где преподавал в Императорском Казанском университете и в Казанской Духовной академии.

Обо всем этом можно узнать в энциклопедиях, но вот вопрос: помнят ли Н.Ф. Катанова на его родине – в современной Хакасии? Безусловно, его родные, близкие и их потомки никогда его не забывали. На эту тему имеется достаточно много устных и письменных текстов: от воспоминаний младшего современника Катанова и его земляка, И. Барашкова-Эпчелея, до сегодняшних рассказов далеких потомков и соплеменников выдающегося ученого.

Конечно, имя Н.Ф. Катанова живо и в общественном сознании. В юбилейном 2012 г. произошел очередной всплеск общественного интереса к личности выдающегося тюрколога, востоковеда. Но многое было сделано для увековечения памяти Н.Ф. Катанова в Хакасии и ранее. 28 сентября 1987 г. на базе музея Аскизской средней школы был создан Общественный краеведческий музей имени Н.Ф. Катанова, позже преобразованный в Аскизский районный краеведческий музей имени Н.Ф. Катанова. 10 августа 1994 г. Постановлением Президиума Верховного Совета и Совета Министров Республики Хакасия имя Н.Ф. Катанова было присвоено Хакасскому государственному университету (ХГУ). В том же году Верховным Советом республики была учреждена Государственная премия имени Н.Ф. Катанова, которой награждаются наиболее выдающиеся учёные. С этого же времени в ХГУ им. Н.Ф. Катанова проводятся традиционные «Катановские чтения», на которые представляют результаты своих исследований студенты, аспиранты и преподаватели. Были выпущены даже денежные знаки, имевшие хождение только на территории Республики Хакасия. Суррогатные деньги номиналом 5000 российских рублей, выпущенные Советом Министров Республики Хакасия в обращение на территории Республики Хакасия в 1996 г., получили в

народе название «катановки», т.к. на реверсе банкноты был помещен портрет учёного.

27 июня 2007 г. в селе Аскиз, на берегу одноимённой реки, напротив здания местной администрации, был торжественно открыт памятник Н.Ф. Катанову. 26 октября 2007 г. в Абакане на проспекте Ленина, в сквере рядом с ХГУ, также был установлен памятник Н.Ф. Катанову. Учёный запечатлён в бронзе во весь рост, с книгой в руке.

Но более отрадно, что имя Н.Ф. Катанова помнят в научных кругах Хакасии. Еще в 1957 г. на расширенном заседании Ученого совета Хакасского НИИ языка, литературы и истории прозвучали слова известного хакасского писателя Н. Доможакова о том, что результатом многочисленных далеких путешествий и экспедиций явилась его [Николая Катанова] магистерская диссертация «Опыт исследования урянхайского языка...». Эту работу, содержащую свыше 1600 страниц, изданную Казанским университетом в 1903 г., нельзя читать без удивления и восхищения. Она доставила автору-хакасу всемирную и бессмертную славу. Она прославила русскую тюркологическую науку и даже в наши дни не имеет себе равных.

Республика Хакасия сегодня вправе гордиться, что на этой земле сделал свои первые шаги человек, ставший со временем не только выдающимся ученым, но и крупным общественным деятелем. Также и по официальной Табели о рангах Н.Ф. Катанов вполне сделал карьеру: он был действительным статским советником. Но мы, конечно, не в этом смысле называем его общественным деятелем и государственнымником. Н.Ф. Катанов был государственнымником в том смысле, что он всей своей жизнью, работой и деятельностью явственно воплощал представление о том, каким должен быть верноподданный Российской империи, независимо от того, родился он в столице или на окраине империи. Несмотря на то, что Н.Ф. Катанов не был великороссом, а, напротив, был инородцем (так выражались в то время), он вырос и оставался до конца жизни монархистом, православным и вышедшим из низов патриотом России (вспоминаем известную триаду «самодержавие – православие – народность»).

Он был настоящим ученым и новатором в науке. Конечно, основоположником тюркологии (как сравнительно-исторического изучения тюркских языков) в России он не является (многое до него уже сделали М.А. Казембек, О.Н. Бетлингк, К. Насыри, Ч. Валиханов, В.В. Радлов), но он поднял значение и смысл тюркологии до такой высоты, до которой не доходят даже некоторые современные тюрко-

логи. У Н.Ф. Катанова – наибольший охват тюркских языков и наречий, описываемых им и его современниками (он оценивает работы коллег: пишет отзывы, рецензии, письма; составляет библиографии). Во многих случаях проводит сравнение и сопоставление тюркских материалов с данными языков других семей. Он впервые вводит в науку понятие об урянхайском языке (как тюркском), корректирует некоторые данные своих предшественников (например, М.А. Кастрена – по койбальскому диалекту). Его тюркологические работы по сей день часто упоминают и цитируют и в России, и в мире.

Сегодня в Республике Хакасия, в университете, носящем имя Н.Ф. Катанова, сложилась группа энтузиастов, исследователей, занятых подготовкой к изданию трудов выдающегося ученого (руководитель группы – Ирина Кононовна Кидиекова). Не сомневаемся, что в ходе исследования будут найдены неожиданные направления научного поиска, будут выявлены многие грани характера и важные направления деятельности Н.Ф. Катанова, о которых до сих пор было мало известно.

О.Н. Гончаренко, Л.Ф. Чернухина

А.П. МИТИНСКИЙ – ТЮМЕНСКИЙ ХУДОЖНИК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Есть общественные темы, научная и практическая значимость которых не ослабевает с течением времени. Вокруг этих тем постоянно разгораются дискуссии, к ним постоянно возвращаются, чтобы переосмыслить их в новой ситуации, под новым углом зрения. Одной из подобных тем является тема творческой интеллигенции советского периода XX в. Главной особенностью этого времени было то, что культура создавалась ярчайшими индивидуальностями в тяжелейших условиях политических и социальных перипетий. Нужно было уметь выстоять в тех сложных условиях, осознать исключительность своей эпохи и создать то, что делает человека лучше и добрее. Большая заслуга в формировании личности принадлежит региональной творческой интеллигенции, изучение жизни и творчества отдельных представителей которой позволяет выявить и оценить роль советской интеллигенции, ее значимость в стране и в регионе.

Важные сведения о творческой интеллигенции региона, истории тюменского театра, деятельности художников, скульпторов, музыкантов содержатся в работах в Ю.К. Зеленецкого, Л.М. Карабановой, Н.И. Сезевой. М.А. Тебетова, Н.Н. Федорова. О творческом пути и культурно-просветительской деятельности культуры писали В.К. Белобородов, Г.Т. Бонифатьева, И.О. Еремеева, Н.И. Загороднюк, Л.Г. Улыбина, В.И. Шадурский, Р.Н. Якубов и др. Все авторы, основываясь на архивных источниках, существенно детализировали многие события, подчеркнули значимость интеллигенции в истории края. Но для составления полной исторической картины необходимо изучать жизнедеятельность личности и определять ее вклад в развитие культуры края.

Александр Павлович Митинский был одним из тех живописцев, которым в 1920-е гг. довелось начинать художественную жизнь в небольших городах нашей страны, далеко от столицы. Родился Александр Павлович в г. Тюмени в 1905 г. в семье рабочего-печатника. Отец художника был страстным любителем искусства, сам немного рисовал и очень стремился к тому, чтобы дети его стали профессиональными художниками. С 1918 г. А. Митинский посещает художественную студию, в которой работали М. Авилов, И. Вешков, Е. Кропивницкий, К. Трофимов. Годы, проведенные в студии, объединили художников, многому их научили, отшлифовали их дарование. В 1920 г. бывшими учениками студии (братьями Александром и Владиславом Митинскими, В.П. Барашевым, братьями Кротовыми и др.) была предпринята попытка объединиться, создать свой художественный кружок, первым шагом к которому и послужила организованная ими художественная выставка, которая была тепло принята публикой и получила высокую оценку в местной печати. Изобразительное искусство в провинции, где художники во многом были представлены сами себе, развивалось весьма неровно. Многие зависели от непредвиденных обстоятельств. В 1926 г. К.П. Трофимов уехал на преподавательскую работу в Омский художественный техникум им. М.А. Врубеля. По разным причинам Тюмень оставили и другие художники. Усиливался идеологический пресс, выражавшийся в негативном отношении к культурно-историческому наследию. А.П. Митинский продолжил своё образование заочно в Государственном институте практических знаний в Ростове-на-Дону. Большую роль в формировании художника сыграла учёба на курсах повышения квалификации у Б.В. Иогансова. В 1928 г. после участия на II вы-

ставке художников Урала, Александр Павлович был принят членом Свердловского отделения Академии Художественных Ремесел. В конце 1920-х гг. начинается процесс борьбы с врагами народа, к которым были отнесены представители «свободных профессий», в том числе и художники. В 1929 г. был расформирован Тюменский музей изящных искусств. Эстетическое воспитание отдельными руководителями истолковывалось как буржуазный предрассудок. Творческий пульс, так ярко вспыхнувший, начал опускаться к нулевой отметке. Тем не менее желание творить не оставляло А. Митинского, он искал пути для официального творчества. С 1930 г. начал преподавать в школах города. В 1934 г., в связи с присоединением Тюменского района к Омской области, он был принят в члены Омского областного Союза художников, в котором и пробыл до 1944 г. В 1947–1952 гг. избирался депутатом Тюменского городского Совета депутатов трудящихся.

Ещё в ранней юности, на заре своей жизни Александр Павлович записал в «заветном» альбоме, что художник – существо исключительное, что для художника труд и работа составляют наслаждение в жизни, что художник тяготится роскошью, модой, обедами, светскими развлечениями и прочими удовольствиями. И главное, уединение и постоянная работа об усовершенствовании своих произведений – вот истинная жизнь художника, вот его счастье, подчеркивает Митинский. Это изречение станет творческим кредо всей его дальнейшей жизни. В нём уже ярко и выпукло просматривается индивидуальность настоящего художника, его своеобразие, намечается путь в будущее, его мечты и желания. Творчество Митинского характерно своим разнообразием. Разнообразие это проявляется не только в манере письма или в выборе техники, но и в выборе тем. Наиболее полно и ярко раскрылись особенности дарования в жанре лирического пейзажа. Художник рисует и пишет всё то, что хорошо знает и любит с детства: тихие улочки и кварталы, утопающие в зелени вековых деревьев; бревенчатые избы с разными наличниками – коньками; часовни и церкви, близлежащих сёл и деревень, монументальные лестницы и амбары... В эти же годы Митинский стремился с любовью показать новый облик Тюмени. Более всего его привлекают пейзажи бурно строящегося города: мотивы многоэтажных зданий, пристани и причалы, новостройки. В период с 1920–1970-х годов художник работает над серией «Старая и новая Тюмень».

Большая красота леса в уборе всех времён года, весенние разливы рек, приволье тёплых дней лета, тишина долгих зимних вече-

ров запечатлены в живописных и графических произведениях. В пейзажах Александра Павловича Митинского сюжетным мотивом является определённое, как правило, длительное состояние природы («Снег идёт» 1940 г., «В старом затоне. Заречье» 1949 г.). Для Митинского характерно многократное повторение полюбившегося мотива. В 1955 г. на выставке произведений художников РСФСР в Москве экспонировался небольшой пейзаж «Яблоневый сад весной». Бесхитрый мотив – два старых деревянных домика и несколько яблонек. Композиция, мягкие переходы серебристо-серого, коричневого, голубого цветов, свет и тени, спокойный ритм ветвей – всё позволяет ощутить первое дыхание весеннего дня, наполняет созданный образ глубокой задумчивостью. Горячая влюблённость художника в природу, умение раскрыть своеобразие и красоту скромного уголка сельского и городского пейзажа, мастеров исполнения делают произведения Митинского близкими и понятными. Александр Павлович Митинский очень любил сибирскую деревню, её быт, её постройки, историческую и художественную ценность которых он хорошо осознавал. В его этюдах мы видим и монументальные ветряные мельницы, и амбары, и церкви, и избы с большими выносами кровли, с коньками, и ворота, перекрытые цельным громадным бревном, и резные наличники. Особую ценность многим зарисовкам придаёт их документальная точность. Тюменский художник создавал, наряду с натуральными вещами, многочисленные фантазии, в которых конкретные архитектурные сооружения превращаются в сказочные терема, а сёла – в древнерусские городки, обнесённые высокими рублеными стенами. В подобных вещах полностью раскрылись данные художника как прекрасного декоратора в цвете и композиции. Каждый сюжет рассказывает нам о жизни, быте, нравах... Как бы говорит: «Всмотритесь ... и увидите, всмотритесь ... и услышите».

За свой многолетний и общественный труд художник награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовую доблесть» и орденом «Знак Почёта». Личная и творческая судьба мастера тесно связана с Тюменью. Здесь он родился, сформировался как художник, здесь протекала вся его биография. А.П. Митинский – редкий пример служения искусству, городу и людям.

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКА Ю.А. ПАНОВА В СИБИРИ: ЛАГЕРНЫЙ ОПЫТ, ТВОРЧЕСТВО, МИРОВОЗЗРЕНИЕ

История XX в. в России ознаменовалась огромными людскими потерями в результате революций и войн, голодоморов, репрессий и ссылок. Самым масштабным и бесчеловечным кровавым явлением стала система концентрационных и исправительно-трудовых лагерей, располагавшаяся в 1930–1960-х гг. по всей территории страны. В одной только Иркутской области количество лагерей в отдельные годы достигало десятка и более, каждый из них, в свою очередь, состоял из множества лагпунктов, различных по статусу и составу заключённых. Приангарье относилось к числу самых густонаселённых лагерных районов, здесь отбывали наказание сотни тысяч человек. Страницы истории ГУЛАГа НКВД-МВД СССР до сих пор остаются малоисследованными. С другой стороны, мало кто из бывших заключённых остался в живых, а возраст самых молодых участников тех событий сейчас далеко за 80. И среди них находятся единицы, не способные рассказать о своих годах заключения, как ветераны не рассказывают об истинных ужасах войны. В отличие от последних ни уголовники, ни заключённые по 58-й «политической» статье, долгое время не воспринимались как полноценные члены общества, не говоря уже о получении ими компенсации за потерянные годы и подорванное здоровье. Однако многие из вышедших на свободу оставили для нас свидетельства о днях своего заключения. Это А. Солженицын, В. Шаламов, А. Жигулин, В. Домбровский, О. Волков, Е. Гинзбург. Кто-то предпочел оставить свои воспоминания только для родных и близких в рукописях, в живописных, скульптурных и других произведениях.

Мы вспомним имя одного такого талантливого художника Юрия Андреевича Панова (1922–2008 гг.). Так получилось, что его художественный дар послужил причиной определения его в «особлагерь». В юности он пять лет занимался в художественной студии при Харьковском дворце пионеров. Оказавшись в армии в 1940–1941 гг. он посылал своим школьным друзьям рисунки, где сатирически изображал армейский быт. Рисунки, изображающие русского солдата этаким неунывающим солдатом Швейком, вскрывала цен-

зура. Так он получил политическую 58 статью и 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Позднее ужесточил себе наказание запальчивой фразой про старшину, за что добавил себе пункт 8 статьи за терроризм. Впрочем, Юрий Андреевич был обречен на лагерный труд, поскольку его отца – украинского поэта, арестовали и расстреляли в 1937 г. Поэтому, когда в 1941 г. Юрий Андреевич нес службу в армии, его взяли уже как «сына врага народа».

Зимой 1941 г. он отбывал свой срок в «Сиблагае», где каждый день их гоняли на лесоповал в тайгу пешком за 3 км. Смертность в лагере была огромная и вскоре его закрыли за неэффективностью, а тех, кто остался в живых, расформировали по разным пунктам «Сиблага». Юрий Андреевич как обмороженный и доведенный до дистрофии попал в центральный госпиталь «Сиблага» в Мариинске. Здесь его творческий дар принес ему спасение, после болезни он попал уже не на общие работы, а в художественную мастерскую. Вместо кирки и лопаты его инструментом стали кисти и краски, это и спасло ему жизнь.

В своих воспоминаниях он приходит к интересному выводу о том, что за все 10 лет проведенных в разных лагерях, ему не приходилось встречать среди зеков с 58-й статьей настоящих идейных врагов советской власти. Это были обычные люди, трудившиеся на великих стройках и тихо погибавшие, исчерпав свои силы. Конфликты, которые обычно происходят между заключенными в тюрьмах, происходили между простыми уголовниками и «ворами в законе». Остальной контингент, в том числе осужденные по политической статье вкалывали на лесоповалах, каналах и водохранилищах и гибли тысячами от холода и истощения. А матерый бандит или убийца мог жить в лагере долгие годы, не зная ни голода, ни нужды.

Уголовники отбирали у калек костыли и протезы для отопления вагонов при пересылке, забирали лучшие продукты из кухни, дружили и доносили лагерному начальству. Под амнистию в честь победы в мае 1945 г. попали в первую очередь все уголовники, кроме осужденных по 58-й статье. И это лишний раз подтверждает тот факт, что система ГУЛАГа, направленная на исправление человека результатом его труда на благо советского общества, на самом деле не могла исправить человека с уголовным прошлым. В лагере они продолжали жить по своим воровским законам преступного мира.

Юрий Андреевич один из немногих, кто уделил внимание в своих воспоминаниях женским – «мамочным» лагерям. И там при-

вилегиями пользовались в первую очередь зечки-уголовницы. Хотя беременных женщин и матерей с грудными детьми полагалось освободить досрочно, однако политические заключенные не подходили и под это правило и направлялись под конвоем в Маргород «мачочный город» на общие работы. После лагеря у «политических» забирали детей и отправляли в детдома. Советская власть считала, что враги народа не могут вырастить «идейно полноценную» личность, потому предпочитала оставлять детей сиротами.

После 8 лет относительно спокойного пребывания в Мариинском лагере в 1949 г. Ю.А. Панова перевели в «Озерлаг» – лагерь на строительстве железнодорожной трассы Тайшет-Лена, где отбывала свой срок певица Л. Русланова. Затем он попал в этапные списки в лагерь на Колыме, один из самых жестких по условиям содержания лагерей, откуда возвращались уже единицы. И здесь Юрия Андреевича спасло его художественное умение, он нарисовал несколько картин для врача, который укрыл его в госпиталь, так он не попал на пароход «Ногин», отправлявший эзков на Колыму. В благодарность он воспроизвел для врача-женщины картину К. Брюллова «Гибель Помпеи». Вообще свое лагерное творчество Ю.А. Панов вспоминать не любил. Для лагерных надзирателей и служащих он рисовал портреты в рамках, поднимающихся в облака на фоне танков и развевающихся флагов. Однако такие художественные экзерсисы сэкономили ему здоровье и жизнь. После 10 лет заключения Панова определили на безвыездное поселение в Богучанский район Красноярского края в пос. Артюгино. Это поселение являлось одним из мест депортации немецких семей. Ю.А. Панов пишет, что вместо привычного для него лагерного окружения, состоящего из художников, актеров, литераторов и вообще интеллигенции, его окружали и стали моими коллегами ссыльные литовцы, латыши, немцы. Творчество для Юрия Андреевича стало возможностью открыто говорить правду о своем времени. По прошествии нескольких лет, поселившись уже до конца своих дней в деревне Большая Речка Иркутской области, он установит напротив своего дома деревянные скульптуры, с вырезанными лицами Берии, Сталина и прочих советчиков. Одно из взгляда на эти жестокие и пустые лица прохожим будет достаточно для того чтобы сказать: «Видно сильно не любил человек советскую власть».

Н.А. Коновалова

ЖИЗНЬ, УВИДЕННАЯ ЧЕРЕЗ ОБЪЕКТИВ КАМЕРЫ: ЛИЧНЫЙ ФОНД ФОТОДОКУМЕНТОВ М.В. ГОРОХОВА

На сегодняшний день фотофонд Исторического архива Омской области включает 13 личных фондов. Фотодокументы каждого фонда обладают тематической спецификой и соотносятся с определенным периодом жизни нашего города. Тематическое разнообразие в данном случае вытекает как из личных, так и из профессиональных качеств фондообразователей. Среди них были люди, для которых фотография являлась предметом профессионального интереса, и те, которые по роду своей деятельности были от нее далеки. К числу первых относятся фонды фотокорреспондентов «Омской правды» В.Н. Резниченко, Б.И. Злобина и М.В. Горохова. К числу вторых – фонды работника системы общественного питания Н.А. Ярошенко, доктора медицинских наук С.Н. Шпынова, театрального работника Б.П. Курносова, доктора биологических наук В.Н. Хитрово, фотолюбителя А.Л. Дорогова и др.

Особое место среди них занимает личный фотофонд Михаила Владимировича Горохова. Во-первых, это один из первых личных фотофондов в Государственном архиве Омской области (далее – ГАОО), ныне – Историческом архиве Омской области. Во-вторых, он обладает большой информативностью по истории г. Омска, визуализируя образ города и его жителей в 1930–1950-е гг. Именно к фотографиям М.В. Горохова прибегают сотрудники Исторического архива Омской области при подготовке сборников и экспозиций по данному периоду. В-третьих, сохранилась переписка М.В. Горохова с научным сотрудником фотоотдела Александром Владимировичем Поварницыным, отражающая историю создания не только личного фонда М.В. Горохова, но и историю формирования фотофонда архива.

М.В. Горохов родился 20 сентября 1896 г. в селе Глубоком Змеиногорского уезда Томской губернии в крестьянской семье [1]. Отец умер, когда мальчику было

полтора года. Окончив начальную приходскую школу в Усть-Каменогорске, а в 1914 г. городское училище, он уезжает в Омск, где поступает переписчиком на службу в Интендантское управление. В 1916 г. он был призван на военную службу, в феврале 1918 г. мобилизован и восстановлен на прежней службе.

В 1920 г. М.В. Горохов возвращается в родной Усть-Каменогорск, где в 1930 г. устраивается корреспондентом в газету «Прииртышский коммунар» (ныне – «Огни Прииртышья»). Но через два года, летом 1932 г., приезжает обратно в Омск и устраивается фотокорреспондентом в газету «Рабочий путь» (с 1934 г. – «Омская правда»). Здесь он прослужил до пенсии. Принимал участие в Великой Отечественной войне и был награжден пятью медалями. Умер в 1978 г.

Фотоотдел в Омском областном архиве был создан в 1962 г. Тогда же от редакции газеты «Омская правда» на государственное хранение поступило 300 ед. хр. негативов фотографий М.В. Горохова, сделанных в 1930–1940-х гг. Именно они легли в основу его личного фонда. К этому времени М.В. Горохов находился уже на заслуженной пенсии и вернулся с семьей в родной Усть-Каменогорск.

Через несколько лет после поступления первых фотодокументов М.В. Горохова, научный сотрудник фотоотдела А.В. Поварницын написал бывшему фотокорреспонденту «Омской правды» письмо в Усть-Каменогорск, в котором сообщал адресату о существовании в ГАОО его личного фонда. Помимо этого в письме содержалась просьба прислать о себе краткую автобиографию для составления исторической справки к уже существующему фонду, также было озвучено приглашение пополнить фонд фотографиями, отражающими жизнь г. Омска в 1930–1950-е гг. Так завязалась переписка, результатом которой стал личный фонд фотодокументов в размере более полутора тысяч негативов.

Обращение научного сотрудника архива к М.В. Горохову было связано как с необходимостью пополнения недавно созданного фотофонда архива, так и с ожиданием масштабных юбилейных событий в истории Советского государства – 50-летия Советской власти и 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. В 1967 г. А.В. Поварницын разместил в «Омской правде» заметку следующего содержания: «Омский областной архив проводит большую работу по комплектованию архива новыми, неизвестными фотодокументами, отражающими историю нашей Родины. <...> Сейчас со всем советским народом, областной государственный архив готовится широко отме-

тить славное 50-летие Советской власти и 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. В связи с этим, фотоотдел облгосархива обращается к фоторепортерам и фотографам-любителям, ко всем гражданам Омска и области, у кого имеются фотографии, фотонегативы, альбомы о незабываемых днях революции, гражданской войны, о славных, полных героизма делах первых пятилеток, о Великой Отечественной войне, о наших светлых и радостных днях строительства коммунизма, об отдельных людях, прославивших нашу Великую Родину, и просит передавать эти материалы на государственное хранение в Облгосархив. Только здесь они будут гарантированы от всяких случайностей и правильно использованы в готовящихся к издательству книгах, статьях, выставках и сохранены на века». К моменту начала переписки А.В. Поварницына и М.В. Горохова (судя по письмам, она началась не ранее 1968 г.) юбилей Советской власти был позади, но предстояло не менее важное событие – 100-летие со дня рождения В.И. Ленина.

Михаил Васильевич с пониманием откликнулся на просьбу сотрудника архива, не испугавшись трудоемкости предстоящего процесса передачи фотодокументов, связанного как со сложностью пересылки, так и с неустойчивыми условиями его собственного быта. В то время Михаил Васильевич арендовал комнату и все его материалы хранились в несистематизированном виде, а ограниченное жилищное пространство позволяло разбирать фотографии только во время длительных отъездов хозяйки квартиры: именно тогда на полу квартиры раскладывались многочисленные снимки и шел отбор наиболее интересных из них. Конкретного критерия в выборе фотографий фондообразователь не получил. Опасаясь потерять что-то интересное, А.В. Поварницын просил присылать как можно больше, обещая после пересъемки позитивов и проявления негативов выслать все материалы обратно: «В основном, Вам (да и нам), – писал А.В. Поварницын, – придется положиться на свою интуицию. Однако и здесь бывают такие случаи, когда кажущиеся Вам ненужными фотографии, для нас могут быть очень ценными. Поэтому я очень прошу Вас учитывать всю историческую ценность фотодокументов. Со своей стороны мы сделаем все возможное для того, чтобы сохранить и донести до последующих поколений снимки, рассказывающие о социалистическом строительстве нашей Родины».

Сама процедура сдачи документов в архив была знакома М.В. Горохову: в это же время формировался его личный фонд в Го-

сударственном архиве Восточно-Казахской области (далее – ГАВКО) [2]. В письме от 15.09.1971 М.В. Горохов писал: «В дальнейшем, при переезде на новую квартиру, возможно, у меня еще кое-что обнаружится и я, безусловно, вышлю материалы Вам, так как местному архиву и музею материалы по Омской области не потребуются так же, как Омскому архиву не нужны фотоснимки, отражающие жизнь и быт Восточного Казахстана». В личном фонде М.В. Горохова, сформированном в ГАВКО, помимо фотографий Восточного Казахстана и Западной Сибири, отложились его личные документы: удостоверения, разрешения на право фотографирования, автобиография, воспоминания, поздравительные открытки, телеграммы, переписка с редакциями газет и архивами.

Личный фонд Горохова, сформированный в ГАОО, включает в себя только фотодокументы. Данные фотографии отражают повседневную, трудовую и общественную жизнь омичей 1930–1950-х гг. и передают дух ранней советской эпохи, в частности, историю социалистических и традиционных праздников. Интерес представляют фотографии с изображением омских новогодних снежных городков в военный период, во-первых, самим фактом, что в войну городские власти не забывали о празднике и его традициях, несмотря на тяжелое положение и использование всех ресурсов Омской области на благо фронта. Во-вторых, интересно, что ледовые скульптуры были призваны выполнять ту же роль, что кинематограф в военную эпоху, взывавший к русским полководцам и былинным героям, дабы поддержать патриотический и национальный дух населения. Наряду с традиционными новогодними фигурами Деда Мороза и Снегурочки были вылеплены детская горка для катания, сделанная из снега в виде Головы из сказки А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»; скульптуры воина, летчика, партизана, В.И. Ленина; композиция изображающая артиллерийский бой, а также высеченный изо льда лозунг «За Родину! За Сталина!».

В данном фонде также имеются фотографии, отражающие ключевые события советской эпохи: встречу омичей с войны, известие о смерти И.В. Сталина, проводы на поднятие целины, выращивание кукурузы в образцово-показательных колхозах Ульяновского (ныне Омского) района Омской области. Помимо духа эпохи и повседневной жизни горожан на фотографиях прослеживается изменение до-революционного облика г. Омска (снос Успенского кафедрального собора в 1938 г. и снятие колоколов с Ильинской церкви) и станов-

ление его в привычном для жителей начала XXI в. виде: строительство моста через р. Омь, снос кинотеатра «Родина», укладка трамвайных линий, строительство знаменитого дома «со шпилем» на углу улиц Масленникова и проспекта К. Маркса, памятники советских вождей, ныне убранные с улиц города, виды районов г. Омска.

Выше перечисленные события жизни г. Омска, запечатленные М.В. Гороховым в фотографии, являются лишь малой частью того, что может почерпнуть из фотодокументов этого фонда исследователь, занимающийся историей г. Омска. Ведь фотография – это многоуровневый исторический источник, в котором то, что привлечет внимание одного, не станет предметом интереса другого.

1. В присланной в ГАОО автобиографии М.В. Горохов датой своего рождения указывает 1896 г. На сайте Государственного архива Восточно-Казахской области значится другая дата – 1898 г. (URL: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/Page.aspx?id=1440>).

2. ГАВКО. Ф. 82. Оп. 1. Ед. хр. 216.

А.В. Жидченко

ИМЕНА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТОПОНИМИКЕ ГОРОДСКОГО РАЙОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОГО ГОРОДКА НЕФТЯНИКОВ)

Современные исследовательские подходы в исторической науке отличаются разнообразием как применительно к объектам изучения, так и к хронологическим рамкам. С точки зрения известного российского историка Л.П. Репиной «сопоставление ключевых аспектов картин мира, особенностей ценностных систем и содержания культурных идеалов разных исторических социумов и цивилизаций – одна из центральных проблем современной исторической науки, новый поворот к которой привел и к интенсивной разработке различных аспектов проблемы социальной памяти и коллективных представлений о прошлом, "мест памяти" и "исторической мифологии"» [1].

Обращение к топонимике городского района связано с проблемой культурной памяти и «мест памяти». Как известно, посредством названий улиц, площадей, парков в сознании людей закрепляются

определенные представления. Реализуется этот процесс в соотношении городского культурного пространства и повседневной жизни людей. Для реконструкции последней очень важно ответить на вопрос о том, что именно формировало топонимику городского района в разные годы. В качестве объекта исследования был выбран район омского Городка Нефтяников, а поскольку он является районом, построенным для рабочих нефтеперерабатывающего завода, то ответ на вопрос о месте и роли имен интеллигенции в его топонимике становится наиболее интересным.

Следует отметить, что важное место в топонимике района закономерно занимают улицы с рабочими названиями – Химиков, Строителей, Энергетиков, Энтузиастов, Нефтезаводская, Комбинатская и т. д. Большинство этих улиц получили свои наименования еще в период строительства района, во второй половине 1950-х гг.

В советский период яркими представителями интеллигенции, свои оценки которым давали рабочие, были директора крупных предприятий. В истории омского нефтезавода было много директоров, однако самую большую роль в его развитии в советский период сыграли два наиболее выдающихся, А.М. Малунцев и И.Д. Лицкевич. Не случайно, именно их имена были закреплены в городском пространстве района в качестве культурно значимых координат.

А.М. Малунцев был первым директором завода. После его смерти в 1962 г. улицу Нефтяников, где последние годы жил директор нефтезавода, переименовали в улицу Малунцева. Позже его именем был назван и Дом Культуры нефтяников, строительство которого было завершено в это же время.

Другой талантливый управленец предприятия, И.Д. Лицкевич, трагически погиб в 1995 г. Его именем была названа площадь, расположенная по улице Нефтезаводской. Тем самым, по своему местонахождению она уравнивает главную площадь Городка Нефтяников, перед Дворцом культуры им. А.М. Малунцева, расположенную на не менее важной магистрали, проспекте Мира. И сегодня можно визуальнo отметить, как старая площадь олицетворяет собой район периода 1960-х гг., а новая – 1990-х.

Интерес также вызывает народное название поселка «Юбилейный» – «Лукьяновка». До официального переименования этот поселок назывался поселком Завода сборных железобетонных изделий № 5 (ЗЖБИ-5). Однако официальное название поселка «Юбилейный» и спустя многие годы, не смотря на активное тиражирование на

маршрутных табличках троллейбусов, а также на городских картах, является гораздо менее популярным, чем более традиционное для русской культуры и не столь официальное название «Лукьяновка». Причем, соседство с этим поселком деревни с названием «Николаевка» дает ошибочное представление среди омичей о том, что и название «Лукьяновка» произошло от когда-то находившейся здесь деревни. На самом деле народное название произошло по фамилии выдающегося директора завода – Лукьянова [2]. Этот пример иллюстрирует случай, когда закрепление топонимической традиции происходит не административным методом, а путем культурно-исторической народной памяти. Так имя директора завода, стало «местом памяти» и названием целого жилого микрорайона.

Другим направлением закрепления имен интеллигенции в пространстве Городка Нефтяников является пример выдающихся ученых. В 1970-е гг. в районе появляются сразу два проспекта, посвященные академикам, И.М. Губкину и С.П. Королеву. Основатель советской нефтяной геологии, вице-президент АН СССР (1936 г.) И.М. Губкин сыграл большую роль в развитии нефтяной промышленности нашей страны. В топонимическом поле государства его имя закрепилось достаточно прочно: в названиях двух городов, университета, улиц и проспектов в десятках городов и поселков, главным образом, занятых в нефтехимическом комплексе. Омск не стал исключением, хотя здесь улица появилась гораздо позже застройки исторического центра района, за пределами жилой зоны, на промышленной территории. Закрепление в 1971 г. (1977 г.) в пространстве района имени организатора производства ракетно-космической техники, основоположника практической космонавтики, С.П. Королева, может быть объяснено гораздо большим набором причин. Во-первых, отдельные разработки Омского нефтезавода касались этой области, во-вторых, проектирование, производство и эксплуатация ракет и ракетно-космических комплексов затрагивало Омский Политехнический Институт.

Третье направление закрепления имен интеллигенции в пространстве рабочего района связано с представителями творческой элиты. Так, уже в 1956–1957 гг. в районе появились соответственно улицы писателей А. Серафимовича и Д.Н. Мамина-Сибиряка. Причем первый был представителем советской литературы, а второй – российской, дореволюционной литературной традиции. Интересно также отметить то, что названная в честь А. Серафимовича улица была переименована в улицу Нефтезаводскую, а улица Д.Н. Мамина-Си-

бирьяка сохранила свое название по сей день. Однако она сильно видоизменила свой внешний облик: на смену временным баракам и хозяйственным постройкам в 1960-е гг. пришли благоустроенные дома. Писатель А. Серафимович умер в 1949 г., и его память была увековечена на одной из центральных улиц еще строящегося района. Переименование данной улицы 13 августа 1963 г. решением Советского районного исполкома № 23/23 было вызвано, скорее всего, общим курсом на обновление. А. Серафимович посвятил часть своих произведений коллективизации, в 1943 г. получил Сталинскую Премию, что дает возможность говорить о нем, как о деятеле того периода в жизни СССР, история которого была уже идеологически переписана. В свою очередь, по этой улице пролегалла дорога к зданию заводоуправления и центральной проходной нефтезавода, что стало причиной переименования ее в Нефтезаводскую. В середине 1960-х гг. по ней и по проспекту Мира была проложена трамвайная линия, соединившая завод с центром города. Биография Д.Н. Мамина-Сибиряка не была связана ни с Омском, ни с Сибирью, однако имела тесную связь с соседним регионом, Уралом. Возможно, это и стало причиной того, что в Омске, вслед за Свердловском, появилась такая улица. Стоит предположить, что культурно-историческая память формируется в большей степени у школьников, которые изучают произведения этого писателя в учебной программе.

Таким образом, в топонимическом пространстве Омского городка Нефтяников мы можем выделить имена представителей интеллигенции трех сфер деятельности: управление, наука и творчество. В статье было приведено несколько примеров, которые наиболее ярко описывают культурно-историческую преемственность, выраженную в топонимике. Важно заметить также, что большую роль в «народной» культурно-исторической памяти играют имена представителей местной интеллигенции.

1. *Ретина Л.П.* Вместо предисловия. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад.* М., 2010. С. 9.

2. *Гурьев Г.Ю., Огородникова Л.И., Осипова А.С., Храпова Н.С.* Улицы города Омска: справочник. Омск, 2008. С. 17.

Е.А. Акелькина

ОБРАЗ ГОРОДА ОМСКА 1950–1960-Х ГГ. ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ЖИТЕЛЯ ПРИВОКЗАЛЬНОГО ПОСЕЛКА

«Здесь все знакомо и незабываемо с детства, здесь родина, та простая человеческая родина, которую вспоминали солдаты на войне, каждый – свою. <...>. И вот все вывернулось... Здравствуй, новая жизнь»

Ю. Трифионов

Кончалось первое послевоенное десятилетие, мой образ города Омска, формировавшийся с первых дней жизни, связан с атмосферой и ощущением счастья возвращения родителей-фронтовиков к мирной жизни. Прошли несколько самых трудных послевоенных лет, состоялось возвращение в профессию, в семью, началось обустройство быта, дома. Это время моего детства, я – ребенок – пятидесятих годов, родилась в самом начале 1951 г. в поселке железнодорожников у вокзала (сегодня он называется «Привокзальный», тогда назывался «Сталинский»). Все, что я лет до 5-6 знала о своем городе связано с железной дорогой. Рядом – вокзал, ворота города, поезда мимо нашего поселка идут в разные стороны – в Москву, в Новосибирск, на Дальний Восток, на Урал, на юг. В поселке живут люди, работающие на железной дороге – машинисты, проводники, инженеры-путейцы; многие из них учились у моего отца. Он – начальник школы машинистов, а мама – врач железнодорожной поликлиники и железнодорожного профессионального училища.

С дорогами связано все самое главное в жизни, в нашем поселке, они раскисают от дождя и только две-три вымощены крупным булыжником и галькой (кататься на велосипеде по ним неудобно). Асфальтированные дороги появятся в нашем Привокзальном в 1960-е гг. и это будет началом новой эпохи в жизни – школьной. Попасть в город можно через два деревянных виадука по обеим сторонам от вокзала, или пройдя под железнодорожными тоннелями (их два – длинный и короткий). Я выросла среди деревянных одноэтажных домов. На нашей улице стоял тогда только один серый четырехэтажный дом с молочным магазином, его называли сумасшедшим. В этом доме в каждой комнате жила одна семья. Мне это казалось странным. Но было еще много деревянных барачных

рабочих железной дороги, потом их стали ломать и строить на их месте двух и четырехэтажные дома. В детстве только по трем-четырем улицам поселка ездили машины, а если громко протарахтит мотоцикл, все дети выбегали посмотреть, как он пронесется в облаке синего дыма.

Во времена моего раннего детства перед каждым деревянным домом был палисадник с кустами сирени или акации. И вдруг всем велели вырубить палисадники и убрать ограды, штaketники, потому что боялись воров и бандитов (после бериевской амнистии уголовников). Улица сразу стала голой и некрасивой, и только у нашего дома остался газон с травой, огороженный кирпичами, но кусты вырубил, тогда же убрали и лавочки у ворот. Я знала, что живу на Вокзальной улице, позже выяснилось, что это единственная улица с дореволюционных времен не менявшая названия. Все остальные меняли их по 2–3 раза. Так, улица им. Кагановича (наркома железных дорог) получила в 1960-е имя генерала Карбышева, а улица Старобазарная стала носить имя А. Блусевич. моя школа (№ 87) была построена на бывшей ул. Эсерки М. Спиридоновой, а потом она стала улицей Добролюбова. Улицу летчицы Гризодубовой переименовали в улицу академика И. Павлова. А место, издавна называвшееся Кармушка, стало площадью Серова. Название нашего поселка «Сталинск» было обычным для тех лет. Я не ходила в детский сад, у меня была бабушка-домохозяйка, но о Сталине я знала, что он – главный в нашем государстве. День, когда умер Сталин я, конечно, не запомнила, но запомнила шепотом передававшийся между соседями эпизод. Весной, когда по радио объявили о смерти Сталина, все соседи старались не говорить об этом громко, но, разумеется, никому в голову не пришло плакать. Одна только наша соседка бабушка Пендикова, она жила через дом от нас (откуда она приехала в Омск, никто не знал), вышла из ворот дома и на тротуаре стала плясать, молча, яростно, из всех домов на нее смотрели люди, но на нее никто не донес. А моя бабушка сказала только одно: «Он, конечно, злодей, но плясать не надо».

Поэтому переименование поселка я восприняла спокойно, как своеобразную игру, которая, впрочем, имела любопытные последствия. Когда я училась во втором классе, моя одноклассница Галя поменяла фамилию (ее мама вышла замуж) и гордо похвасталась, что у нее две фамилии, а у нас всех – одна. Сраженная такой несправедливостью я все рассказала маме, а мама открыла мне, что до за-

мужества у нее была девичья фамилия Фомина, а, значит, у меня, да и других детей тоже может быть две фамилии. Я немедленно рассказала об этом в классе. На другой день все ребята поменяли обложки на тетрадях и изменили свои фамилии, чтобы учительница не узнала, чья это работа. Неискоренима страсть к переменам.

Я помню, как пошли первые троллейбусы по проспекту К. Маркса в 1960-е гг. Я с восторгом наблюдала, как ломали деревянный тротуар у виадука и укладывали асфальт, после этого в нашем поселке началось увлечение велосипедной ездой. Я помню, как на главных улицах города высаживали деревья, как в центре проспекта Маркса протянулась клумба с цветами. Омск стал городом-садом. Я помню, как строили завод Нефтяников и как быстро росли дома в городке Нефтяников. Еще в 1960-е гг. старый друг отца, доцент политехнического института получил новую квартиру на проспекте Мира (немного не доезжая до второго корпуса ОмГУ), его дом был последним, а дальше был пустырь. Поехав с отцом на новоселье, я считала, что живут наши друзья за городом.

Главные праздники, кроме Нового года, Пасхи, дня Победы – это еще и день железнодорожника в первое воскресенье августа. В этот день все шли в сад Лобкова, он тогда больше. Нарядные пары гуляли по дорожкам сада, а танцплощадке играет духовой оркестр и много танцующих. Я сижу на ветке дерева, на газетке и смотрю на тех, кто танцует, родителя рядом. Мама студенткой мединститута танцевала хорошо, а отец не умел танцевать и внушал мне, что только пустые люди увлекаются танцами. Только позже я поняла, что это отголоски популярных споров времен его молодости «может ли комсомолец носить галстук» и т. д.

Я любила все праздники – и дни рождения (у бабушек они назывались именины), и первое мая, и Пасху, и Новый год. Когда мне исполнилось шесть лет, я с родителями летом ездила в Сочи, до этого я была уверена, что живу в лучшем городе на свете, но там было море, дендрарий с невиданно чудесными деревьями и цветами, а главное, в Сочи на каждом углу продавали мороженое, в Омске оно появится в 1960-е гг. Кроме того, в Сочи было много фонтанов и детских площадок с качелями и каруселями, а у нас в Омске – один фонтан, а детские площадки начнут появляться кроме центра только в середине 1960-х, тогда же появится «Детский мир» рядом с пожарной каланчей, ТЮЗ и Концертный зал. Я помню, как строили Иртышскую набережную и Речной вокзал.

Можно сказать, что настоящее превращение окраин и районов Омска в городские (по благоустройству и образу жизни) состоялось только в 1960-е гг. До этого многие районы Омска напоминали большую деревню или так называемые «городские поселки». Как в стихотворении А. Передреева:

«И городом окраина не стала,
И навсегда утрачено село...»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акелькина Елена Алексеевна – профессор кафедры теории и истории мировых культур Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, научный руководитель Омского регионального Центра изучения творчества Ф.М. Достоевского, доктор филологических наук (Россия, Омск)

Алимбаев Тургай Амирханович – профессор кафедры истории Казахстана Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан, Караганда)

Антощенко Александр Васильевич – профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета, доктор исторических наук (Россия, Петрозаводск)

Антюхова Татьяна Олеговна – студентка 4 курса исторического факультета Курганского государственного университета (Россия, Курган)

Артамонова Ольга Геннадьевна – ассистент кафедры «Коммуникационный менеджмент» Пензенского государственного университета (Россия, Пенза)

Афанасьева Инна Игоревна – студентка 3 курса факультета искусствоведения и культурологии Уральского Федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ахмадиева Наркас Вафиевна – старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, кандидат исторических наук (Россия, Уфа)

Бакулина Светлана Дмитриевна – доцент кафедры культурологии философского факультета Омского государственного педагогического университета, кандидат культурологии, доцент (Россия, Омск)

Басилян Армина Артуровна – магистрант Высшей школы экономики (Россия, Москва)

Беляева Надежда Жоржевна – главный хранитель Национальной галереи Республики Коми (Россия, Республика Коми, Сыктывкар)

Бережнова Марина Леонидовна – доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заведующая сектором Сибирского филиала Российского института культурологии, кандидат исторических наук (Россия, Омск)

Бернгардт Тамара Викторовна – зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук (Россия, Омск)

Беседина Елена Анатольевна – доцент кафедры истории для преподавания на естественнонаучных и гуманитарных факультетах исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Блинова Ольга Валерьевна – старший лаборант межкафедральной лаборатории факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук (Россия, Омск)

Бородина Галина Юрьевна – руководитель Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области

Бродский Илья Ефимович – краевед, пенсионер (Россия, Омск)

Булыгина Тамара Александровна – заведующая кафедрой истории России Ставропольского государственного университета, профессор, доктор исторических наук (Россия, Ставрополь)

Бурик Наталья Михайловна – аспирант первого года обучения Алтайской государственной педагогической академии (Россия, Барнаул)

Быкова Светлана Ивановна – доцент кафедры евразийских исследований департамента международных отношений Уральского федерального университета, Института социально-политических наук, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Варфоломеев Юрий Владимирович – профессор кафедры истории России национального исследовательского Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор исторических наук, доцент (Россия, Саратов)

Вепренцева Татьяна Алексеевна – доцент кафедры истории и культурологии, Тульского государственного университета, кандидат исторических наук (Россия, Тула)

Винокурова Людмила Егоровна – старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат исторических наук (Россия, Республика Саха (Якутия), Якутск)

Волкова Татьяна Ивановна – доцент кафедры социально-гуманитарных наук Челябинской государственной медицинской академии Минздравсоцразвития России, кандидат социологических наук (Россия, Челябинск)

Гайкин Виктор Алексеевич – старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, кандидат исторических наук (Россия, Владивосток)

Галиев Ануар Абитаевич – профессор кафедры мировых культур и цивилизаций Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылайхана, доктор исторических наук (Республика Казахстан, Алматы)

Гизиева Ксения Юрьевна – научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, магистр истории (Россия, Омск)

Гончаренко Ольга Николаевна – директор института экономики и финансов, заведующая кафедрой социально-экономических наук Тюменской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Тюмень)

Грацианова Мария Николаевна – студентка 4 курса исторического факультета Курганского государственного университета (Россия, Курган)

Демин Михаил Александрович – декан исторического факультета, профессор кафедры отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Демичев Алексей Андреевич – профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Денисов Юрий Петрович – заместитель декана педиатрического факультета Омской государственной медицинской академии, старший преподаватель кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук, кандидат политических наук (Россия, Омск)

Добровольский Дмитрий Анатольевич – доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки Высшей школы экономики, кандидат исторических наук (Россия, Москва)

Дьяков Алексей Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского Государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Егоров Андрей Николаевич – заведующий кафедрой истории Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук (Россия, Череповец)

Елеуханова Светлана Викторовна – доцент Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, кандидат исторических наук (Республика Казахстан, Караганда)

Жигунова Марина Александровна – старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, доцент кафедры музеелогии, экскурсоведения и туризма Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Омск)

Жидченко Александр Владимирович – младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, аспирант исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Жуманова Айман Зейнелгабденовна – докторант 2 курса исторического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова (Казахстан, Караганда)

Жумашев Рымбек Муратович – первый проректор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Караганда)

Загребин Сергей Сергеевич – профессор кафедры развития образовательных систем Челябинский институт развития профессионального образования, доктор исторических наук, профессор (Россия, Челябинск)

Зарубин Андрей Николаевич – научный сотрудник Чувашского национального музея (Россия, Чебоксары)

Засухин Роман Валерьевич – заведующий отделом Армавирского краеведческого музея, кандидат исторических наук (Россия, Армавир)

Захарченко Ольга Валерьевна – соискатель кафедры истории и культуры зарубежных стран историко-географического факультета, специалист по учебно-методической работе Чувашского государственного университета (Россия, Чебоксары)

Зверев Владимир Александрович – профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Институт истории СО РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Зезина Мария Ростиславовна – профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор исторических наук (Россия, Москва)

Землякова Наталья Алексеевна – магистрант Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, Новосибирск)

Иванов Андрей Анатольевич – доцент кафедры строительства и архитектуры Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, кандидат культурологии (Россия, Комсомольск-на-Амуре)

Иванова Татьяна Николаевна – заведующая кафедрой истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Избушева Анастасия Михайловна – магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Каженова Гульнар Тулегеновна – доцент Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, научный стажер Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат исторических наук (Республика Казахстан, Кокшетау)

Казаков Роман Борисович – специалист факультета истории «Высшей школы экономики» (Россия, Москва)

Каиндина Татьяна Викторовна – главный специалист отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области (Россия, Омск)

Каксин Андрей Данилович – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университету им. Н.Ф. Катанова, доктор филологических наук (Россия, Абакан)

Касьянов Виктор Петрович – научный сотрудник Омского музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля (Россия, Омск)

Кобылецкий Михаил Александрович – магистрант Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск)

Козина Валерия Викторовна – доцент Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан, Караганда)

Колокольчикова Римма Станиславовна – доцент кафедры истории Череповецкого государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Череповец)

Комиссаров Владимир Вячеславович – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академия им. академика Д.К. Беляева, кандидат исторических наук (Россия, Иваново)

Конилов Борис Александрович – советник Генерального директора Открытого акционерного общества Научно-производственного объединения «Омский радиозавод им. А.С. Попова» (Релеро), старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, кандидат исторических наук, профессор (Россия, Омск)

Коновалова Наталья Александровна – архивист 1 категории отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области, магистр истории (Россия, Омск)

Корзун Валентина Павловна – заведующая кафедрой современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (Россия, Омск)

Коркина Мария Андреевна – аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск)

Котов Антон Сергеевич – аспирант кафедры истории Череповецкого государственного университета (Россия, Череповец)

Кочерган Людмила Ивановна – заместитель директора по экспозиционно-выставочной работе Национальной галереи Республики Коми (Россия, Сыктывкар)

Кочукова Ольга Викторовна – доцент кафедры истории России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, сотрудник Института истории и международных отношений, кандидат исторических наук (Россия, Саратов)

Красильникова Екатерина Ивановна – доцент Новосибирского государственного технического университета, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Кривопалова Наталья Юрьевна – доцент кафедры политологии и истории Самарского государственного аэрокосмического университета им. академика С.П. Королева, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Самара)

Кубасов Александр Викторович – аспирант кафедры истории, культурологии, социологии и права Челябинского государственного педагогического университета (Россия, Челябинск)

Кузнецов Алексей Александрович – доцент кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, доцент, кандидат исторических наук (Россия, Иркутск)

Кузнецова Татьяна Анатольевна – магистрант Новосибирского государственного педагогического университета (Россия, Новосибирск)

Кузьмина Виолетта Михайловна – доцент кафедры психологии и педагогики, кандидат исторических наук, Курского института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета, кандидат психологических наук (Россия, Курск)

Курсеева Ольга Анатольевна – доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишевой, кандидат исторических наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, Стерлитамак)

Ленская Валентина Витальевна – доцент кафедры истории Криворожского национального университета, кандидат исторических наук, доцент (Украина, Кривой Рог)

Лузянина Галина Егоровна – ученый секретарь ГОХМ «Либеров-центр» (Россия, Омск)

Луконин Дмитрий Евгеньевич – доцент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Саратов)

Любичанковский Валентин Андреевич – доцент Оренбургского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (Россия, Оренбург)

Любичанковский Сергей Валентинович – профессор Оренбургского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Оренбург)

Ляшевская Наталья Валерьевна – магистрант Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск)

Маджаров Александр Станиславович – профессор кафедры отечественной истории Иркутского государственного университета, доктор исторических наук (Россия, Иркутск)

Маленьких Александра Николаевна – доцент кафедры культурологии Пермского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Пермь)

Малкова Ирина Геннадьевна – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Южно-Уральского государственного университета, кандидат исторических наук (Россия, Миасс)

Маловичко Сергей Иванович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Малякутова Ляззат Ермековна – младший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, аспирант Омского Института археологии и этнографии СО РАН (Россия, Омск)

Маркина Вера Юрьевна – архитектор, старший преподаватель кафедры дизайна Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, член союза московских архитекторов (Россия, Москва)

Матханова Наталья Петровна – главный научный сотрудник Института истории СО РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Миловзорова Мария Алексеевна – доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета, кандидат филологических наук (Россия, Иваново)

Михайлов Дмитрий Алексеевич – доцент Сибирской академии государственной службы, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Мордкович Тамара Петровна – научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Мухаметов Фарит Федорович – профессор кафедры истории Троицкого филиала ЧелГУ, доктор исторических наук, профессор (Россия, Троицк)

Назимова Валерия Шаевна – кандидат исторических наук, доцент (Германия, Баден-Баден)

Наумов Сергей Сергеевич – студент 5 курса исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Оглезнева Галина Васильевна – доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук (Россия, Иркутск)

Огоновская Изабелла Станиславовна – доцент кафедры педагогики и социологии воспитания Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат исторических наук (Россия, Екатеринбург)

Орлова Ольга Владимировна – заведующая музейно-исследовательским отделом Национальной галереи Республики Коми (Россия, Сыктывкар)

Оспанов Асет Омарович – магистрант 2 курса исторического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова (Казахстан, Караганда)

Оспанова Динара Кенесовна – докторант исторического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, доктор исторических наук (Казахстан, Караганда)

Патрикеева Ольга Алексеевна – профессор кафедры истории для преподавания на естественнонаучных и гуманитарных факультетах исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

Петренко Максим Степанович – доцент кафедры общественных наук Новосибирского юридического института (филиала) Томского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Бердск)

Петренко Ольга Владимировна – старший научный сотрудник сектора динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала Российского института культурологии, кандидат исторических наук (Россия, Омск)

Попова Галина Семеновна – профессор кафедры культурологии Института языков и культур народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Якутск)

Поршнева Ольга Сергеевна – профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Послушаев Павел Павлович – старший научный сотрудник Музей-усадыбы Н.Г. Чернышевского (Россия, Саратов)

Прищепа Александр Иванович – профессор кафедры истории России Сургутского государственного университета, доктор исторических наук (Россия, Сургут)

Пыстина Людмила Игоревна – старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Раскатова Елена Михайловна – заведующая кафедрой истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета, доктор исторических наук, доцент (Россия, Иваново)

Ремнев Павел Анатольевич – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, кандидат исторических наук (Россия, Омск)

Репина Лорина Петровна – член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра Интеллектуальной истории (Россия, Москва)

Рогова Марина Владимировна – инженер 1 категории, Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (Россия, Иркутск)

Родигина Наталья Николаевна – профессор Новосибирского государственного педагогического университета, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Румянцева Марина Федоровна – доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Москва)

Рыженко Валентина Георгиевна – профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заведующая сектором динамики локальных культурно-исторических процессов Сибирского филиала Российского института культурологии, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (Россия, Омск)

Рыженко Леонид Игоревич – директор Института системных исследований, директор Центра трансфера технологий Сибирской автомобильно-дорожной академии, кандидат технических наук, доцент (Россия, Омск)

Рябая Светлана Анатольевна – доцент кафедры истории российской государственности Ижевского государственного техническо-

го университета им. М.Т. Калашникова, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Ижевск)

Рябченко Ольга Леонидовна – заведующая кафедрой истории и культурологии Харьковской национальной академии городского хозяйства, кандидат исторических наук (Украина, Харьков)

Сактаганова Зауреш Галимжановна – профессор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, доктор исторических наук (Республика Казахстан, Караганда)

Санакина Татьяна Анатольевна – начальник отдела публикации и использования документов Государственного архива Архангельской области, кандидат исторических наук (Россия, Архангельск)

Санникова Татьяна Олеговна – доцент кафедры общегуманитарных наук филиала Удмуртского государственного университета в г. Воткинске, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Воткинск)

Секретова Людмила Валерьяновна – заведующая кафедрой социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, кандидат педагогических наук, доцент (Россия, Омск)

Сердюк Владимир Александрович – аспирант Омского государственного университета путей сообщений (Россия, Омск)

Сибиряков Игорь Вячеславович – профессор кафедры истории России Южно-Уральского государственного университета, доктор исторических наук (Россия, Челябинск)

Сизов Сергей Григорьевич – заведующий кафедрой отечественной истории и политологии Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии, доктор исторических наук, доцент (Россия, Омск)

Смирницкий Александр Евгеньевич – доцент кафедры современной истории Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, кандидат исторических наук (Россия, Нижний Новгород)

Смирнов Геннадий Сергеевич – доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат исторических наук (Россия, Челябинск)

Смирнова Марина Александровна – ведущий редактор редакции гуманитарных и естественнонаучных изданий научно-организационного управления Северного (Арктического) федерального

университета им. М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Россия, Архангельск)

Смирных Роман Андреевич – аспирант Омского Института археологии и этнографии СО РАН (Россия, Омск)

Солодянкина Ольга Юрьевна – заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Череповец)

Степанова Марина Александровна – доцент кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного гуманитарного университета, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Нижневартовск)

Суинова Айжан Сериковна – докторант исторического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова (Республика Казахстан, Караганда)

Сулимов Вадим Сергеевич – доцент кафедры права и методики преподавания обществознания Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д.И. Менделеева (Россия, Тобольск)

Тимофеева Юлия Викторовна – преподаватель Новосибирского областного колледжа культуры и искусств (Россия, Новосибирск)

Умбрашко Константин Борисович – профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета, председатель правления Новосибирского регионального отделения Всероссийского общества историков-архивистов, доктор исторических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Фаненштэль Ольга Александровна – доцент кафедры культурологии и философии Нижневартковского экономико-правового института (филиала) ТюмГУ, кандидат исторических наук (Россия, Нижневартовск)

Федотова Дарья Юрьевна – старший лаборант Лаборатории истории освоения Сибири Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (Россия, Тобольск)

Филиппенко Елена Сергеевна – магистрант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Россия, Омск)

Фромберг Эдуард Михайлович – член Немецко-русского культурного общества, доктор физ.-мат. наук (Германия, Баден-Баден)

Хилько Николай Федорович – старший научный сотрудник Сибирского филиала Российского института культурологии, доцент факультета культуры и искусств Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доктор педагогических наук, доцент (Россия, Омск)

Хусиева Милана Салмановна – аспирант Чеченского государственного университета (Россия, Республика Чечня, Грозный)

Хусиева Тумиша Абиязитовна – аспирант Чеченского государственного университета (Россия, Республика Чечня, Грозный)

Цимбал Татьяна Владимировна – доцент кафедры философии и социальных наук Криворожского национального университета, кандидат философских наук, доцент (Украина, Кривой Рог)

Чернухина Людмила Федоровна – заместитель директора по воспитательной работе, учитель русского языка и литературы средней школы № 25 г. Тюмени (Россия, Тюмень)

Чиканова Людмила Владимировна – преподаватель истории и обществознания Каменск-Уральского техникума металлургии и машиностроения (Россия, Каменск-Уральский)

Чирков Владимир Федорович – старший научный сотрудник Городского музея «Искусство Омска», кандидат философских наук, доцент (Россия, Омск)

Чойбонова Бэла Матвеевна – доцент кафедры политологии, истории и философии Бурятского филиала Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, кандидат педагогических наук (Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ)

Шипицин Антон Игоревич – аспирант кафедры теории и истории культуры Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Россия, Волгоград)

Шотбакова Ляззат Касымовна – доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории Карагандинского государственного университета им. академика Е.А. Букетова, доцент, кандидат исторических наук (Казахстан, Караганда)

Шпынов Станислав Николаевич – ученый секретарь Омского НИИ природно-очаговых инфекций Роспотребнадзора, доктор медицинских наук (Россия, Омск)

Шуршикова Анна Владимировна – доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических дисциплин и иностранных языков Нижегородского военного института инженерных войск, кандидат исторических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ретина Л.П.</i> Приветственное письмо участникам конференции.....	3
Раздел I. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ	
<i>Корзун В.П.</i> Коммуникативное поле исторической науки (исто- риографические практики современных исследователей).....	5
<i>Демин М.А.</i> Историк в социокультурном пространстве Сибири (1960-е – первая половина 1980-х гг.).....	8
<i>Рыженко Л.И.</i> Когнитивный ассистент – инструмент формиро- вания проблемных баз данных в гуманитарных исследованиях	11
<i>Рыженко В.Г., Петренко О.В.</i> Современные конференции как коммуникативная площадка и особое звено интеллектуального пространства «без границ».....	14
<i>Любичанковский С.В., Любичанковский В.А.</i> Концепция регуляр- ной научно-практической конференции по изучению культуры Юж- ного Урала и ее реализация на практике в начале XXI в. (на примере Большаковских Чтений).....	18
<i>Назимова В.Ш., Фромберг Э.М.</i> Межнациональные культурные сообщества – новая форма коммуникации на рубеже XX–XXI вв.....	22
<i>Чирков В.Ф.</i> Художественная культура Сибири (из опыта работы над словарем по изобразительному искусству Сибири).....	26
<i>Маловичко С.И.</i> С.И. Архангельский и Н.П. Анциферов: локаль- ный метод vs краеведческий подход в историческом знании.....	28
<i>Антощенко А.В.</i> Университетский устав 1863 г. и конфликты в профессорской среде	31
<i>Ляшевская Н.В.</i> Коммуникативная культура и формирование цен- ностных ориентаций российского студенчества столичных универси- тетов 1860–1880-х гг.....	34
<i>Кочукова О.В.</i> К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин: два взгляда на обще- ство и государство	36
<i>Добровольский Д.А., Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.</i> Научные шко- лы и направления в современном коммуникационном пространстве.....	40
<i>Денисов Ю.П.</i> Коммуникативные практики историков-краеведов в условиях виртуальной реальности	43
<i>Бережнова М.Л.</i> Информационная система «Культурные ресурсы Омской области: прошлое и настоящее» – новая виртуальная комму- никационная площадка.....	47
<i>Шипицын А.И.</i> Компьютерные социальные сети – новая форма взаимодействия власти и общества.....	51

<i>Бернгардт Т.В.</i> Библиографическая коммуникация в системе воспроизводства научного знания	54
<i>Дьяков А.В.</i> К изучению наследия отечественных церковных историков: профессор Московской Духовной Академии А.П. Лебедев	58
<i>Зарубин А.Н.</i> Архив историка П.Н. Ардашева в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского	60
<i>Булыгина Т.А.</i> Состоявшийся диалог: новая социальная история в проекте ставропольских архивистов и историков	64
<i>Каиндина Т.В.</i> Деятельность архивов по сохранению истории современных общественных движений (на примере Исторического архива Омской области)	68
<i>Коников Б.А.</i> Музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля в культурном пространстве Омска второй половины XX в. (к вопросу о периодизации его истории)	71
<i>Антохова Т.О.</i> Изучение Н.М. Пржевальским культуры корейских переселенцев на Дальнем Востоке	74
<i>Филипенко Е.С.</i> Творчество художников Алтайского края в условиях советской эпохи (1950-е гг.)	77
<i>Милозорова М.А., Раскатова Е.М.</i> «Диалоги с художниками»: проект книги о неофициальном искусстве г. Иваново 1970–1990-х гг.	81
<i>Загребин С.С.</i> Андрей Рублёв – Леонардо да Винчи – Андрей Тарковский: интеллектуальные диалоги. Опыт реконструкции	84
<i>Маджаров А.С.</i> Освальд Шпенглер о русской истории и культуре как псевдоморфозе	88
<i>Попова Г.С.</i> Трижды девять Б.Н. Попова – философа, социолога, культуролога	92
<i>Чиканова Л.В.</i> Исследование каменского завода и его окрестностей членами уральского общества любителей естествознания во второй половине XIX – начале XX вв.	96
<i>Любичанковский С.В.</i> Просветительское измерение формирования гражданского общества на Южном Урале в эпоху политической модернизации (исторический анализ на материалах Оренбургской губернии пореформенного периода)	99
<i>Шуришкова А.В.</i> Оценка государственной политики в отношении частного капитала в годы НЭПа представителями русского зарубежья ...	102
<i>Иванова Т.Н.</i> Загадка портрета В.И. Герье из собрания государственного исторического музея	105
<i>Касьянов В.П.</i> Из практики исследования жизни и творчества скульптора В.Ф. Винклера	109
<i>Цимбал Т.В.</i> Необходимость реализации творческого потенциала личности как стимул эмиграции	112
<i>Малякутова Л.Е.</i> Некоторые проблемы в изучении молодежной культуры	116

Раздел II. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЯХ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИДЕАЛЫ. ЦЕННОСТИ

<i>Степанова М.А.</i> Современная Россия: роль интеллигенции в строительстве нового идеологического пространства	119
<i>Матханова Н.П.</i> Общественно-просветительная деятельность врачей и медицинских обществ в Сибири XIX в.	120
<i>Кузнецов А.А.</i> О роли чиновников Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в научной деятельности ВСОРГО	124
<i>Санакина Т.А.</i> Влияние модернизационных процессов на состояние духовного образования в Архангельской епархии в XVIII – начале XX вв.	127
<i>Ремнев П.А.</i> Либеральные вызовы начала XIX в.: самодержавие против консерватизма.....	130
<i>Курсеева О.А.</i> Земский либерализм и политическая модернизация России на рубеже XIX–XX вв.....	133
<i>Демичев А.А.</i> Российская юридическая интеллигенция в отражении исторических анекдотов второй половины XIX – начала XX вв.....	136
<i>Солодянкина О.Ю.</i> Общества вспомоществования и взаимного вспоможения как структуры формирования и жизнедеятельности провинциальной интеллигенции в 1890-е – 1910-е гг. (Вологда и Череповец).....	139
<i>Рябая С.А.</i> Культурно-просветительская деятельность городской общности г. Сарапула во второй половине XIX – начале XX вв....	142
<i>Сулимов В.С., Федотова Д.Ю.</i> Организация публичной библиотеки при Омском уездном училище в 1860 г.	145
<i>Артамонова О.Г.</i> Организация благотворительной деятельности в среде провинциального города во второй половине XIX в. (на примере деятельности М.М. Киселевой)	149
<i>Вепренцева Т.А.</i> Общественные организации провинциальной интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.	152
<i>Блинова О.В.</i> Специфика участия педагогов западносибирских начальных и средних учебных заведений в общественно-политической модернизации региона в начале XX в.	156
<i>Тимофеева Ю.В.</i> Роль сельской интеллигенции в развитии книжной культуры Западной Сибири (начало XX в.)	159
<i>Захарченко О.В.</i> Общественно-политический вклад С.А. Котляревского в политическую модернизацию России в начале XX в.	162
<i>Послушаев П.П.</i> «Именно ее трудами... музей превратился в крупнейшее научно-просветительское учреждение культуры» (Нина Михайловна Чернышевская – директор Саратовского музея Н.Г. Чернышевского).....	165
<i>Егоров А.Н.</i> Либеральная интеллигенция Вологодской губернии в революционных потрясениях 1917 г.	169

<i>Кубасов А.В.</i> Мифотворчество советской власти: борьба с неграмотностью как стремление к рождению партийной интеллигенции (октябрь 1917–1920-е гг.).....	172
<i>Каженова Г.Т.</i> Роль казахской интеллигенции в годы гражданского противостояния (1917–1919 гг.).....	175
<i>Котов А.С.</i> Роль регионального учительства в становлении «новой» советской школы в 1917–1924 гг. (на примере Вологодской и Череповецкой губерний).....	179
<i>Винокурова Л.Е.</i> Комиссия ЦК РКП(б) и ВЦИК во главе с К.К. Байкаловым в Якутии.....	182
<i>Рябченко О.Л.</i> Метаморфозы взаимоотношений студентов и преподавателей в вузах советской Украины (1920-е гг.).....	184
<i>Смирницкий А.Е.</i> Советское сельское учительство в условиях коллективизации 30-х гг. XX в. (по материалам газеты «За коммунистическое просвещение»).....	188
<i>Пыстина Л.И.</i> Общественные организации художественной интеллигенции в Сибири (вторая половина 1930-х гг.).....	191
<i>Кузьмина В.М.</i> Участие творческой интеллигенции в организации художественной самодеятельности на селе в годы индустриальной модернизации.....	194
<i>Гончаренко О.Н.</i> Роль интеллигенции в развитии НТО в Зауралье в 50–60-е гг. XX в.	198
<i>Фаненитыль О.А.</i> Инженерно-техническая интеллигенция в модернизационных процессах середины 1960-х – начала 1970-х гг. (на материалах Тюменской области).....	201
<i>Ахмадиева Н.В.</i> Место и роль интеллигенции в развитии общественной сферы (на материалах Башкирской АССР 1970–1990-х гг.).....	206
<i>Петренко М.С.</i> Российская интеллигенция между коммунизмом и диссидентством (на материале творчества Василия Аксенова).....	210
<i>Зезина М.Р.</i> «Хождение во власть»: интеллигенция на переломе эпох (конец 1980-х – начало 1990-х гг.).....	213
<i>Комиссаров В.В.</i> Отечественная интеллигенция и постиндустриализм: проблемы трансформации и адаптации.....	216
<i>Иванов А.А.</i> «Растворение в дискурсе» как практика советской интеллигенции.....	220
<i>Наумов С.С.</i> Механизмы трансформации исторического сознания интеллигенции в период перестройки (по материалам периодической печати).....	223
<i>Сибиряков И.В.</i> Российская интеллигенция в начале XXI в.: алгоритм политического выживания.....	228
<i>Шотбакова Л.К.</i> Роль общественных движений и организаций в формировании гражданского общества в суверенном Казахстане.....	231

<i>Смирнов Г.С.</i> Взаимодействие общественных организаций инвалидов и региональных властных структур в условиях социальной трансформации общества (на примере Челябинской области).....	234
<i>Басилян А.А.</i> Россия сегодня: общественно-политический заказ новатора	237

Раздел III. КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ РОССИИ И ПОГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ. ТВОРЧЕСТВО И ПОЛИТИКА

<i>Сактаганова З.Г., Оспанова Д.К.</i> Роль неправительственных организаций в Республике Казахстан в построении гражданского общества....	242
<i>Жигунова М.А.</i> Культура русского населения Западной Сибири в начале XXI в.: социальный аспект.....	245
<i>Алимбаев Т.А.</i> Современные культурные процессы в Республике Казахстан	248
<i>Бакулина С.Д.</i> Историко-культурная самобытность как основание для формирования стратегий регионального развития	252
<i>Грацианова М.Н.</i> Особенности культурной политики в многонациональных регионах на примере Курганской области	256
<i>Сактаганова З.Г., Суинова А.С.</i> Ислам в Республике Казахстан на современном этапе: тенденции развития и проблемы	259
<i>Чойбонова Б.М.</i> Личность ламы в современной культуре бурят	263
<i>Хусиева Т.А., Хусиева М.С.</i> Из истории развития культуры Чечни: конец XIX – начало XX вв.	266
<i>Маркина В.Ю.</i> Частная застройка начала XX в. как явление национальной культуры	269
<i>Сердюк В.А.</i> Вклад Д.К. Нюберга в развитие социокультурной сферы на Сибирской железной дороге.....	272
<i>Кочерган Л.И.</i> А.Н. Поросятников – первый преподаватель графических искусств Усть-Сысольска (к вопросу формирования художественной среды уездного города)	276
<i>Кривошолова Н.Ю.</i> Формирование нового культурного пространства г. Самары в 1919–1921 гг.	280
<i>Жумашев Р.М., Жуманова А.З.</i> Языковая политика в Казахстане (1917–1941 гг.)	284
<i>Козина В.В., Елеуханова С.В.</i> Карагандинский учительский институт – первое высшее учебное заведение в Центральном Казахстане.....	288
<i>Смирнова М.А.</i> Трансформации творчества художников-краеведов на Европейском Севере России в 1920–1930-е гг.	291
<i>Беляева Н.Ж.</i> Участие репрессированных художников в культурной жизни Коми края 1940–1950-х гг.	294
<i>Орлова О.В.</i> «Портрет священника» скульптора Владислава Мамченко (1929–2006).....	297

Сизов С.Г. Религиозная жизнь Омска в годы послевоенного сталинизма (1945 – март 1953)	301
Бродский И.Е., Шпынов С.Н. Развитие культуры Омской области в 1950–1960 гг.: энтузиасты культурного фронта.....	305
Колокольчикова Р.С. Роль творческой интеллигенции в формировании культурной среды промышленных городов Европейского Севера России (середина 1960-х – середина 1980-х гг.)	307
Прищепа А.И. Развитие музыкальной культуры в Сургуте (вторая половина XX в.)	311
Смирных Р.А. Эволюция взглядов на гитару в городской среде	313
Афанасьева А.И. Роль личности в культуре современного города (на примере деятельности Николая Коляды)	316
Маленьких А.Н. Динамика творческой палитры пермского театра «У Моста» в социокультурном измерении.....	320
Хилько Н.Ф. Социокультурная эволюция структуры и семантики аудиовизуального языка в экранной культуре Прииртышья как отражение дихотомии духовно-нравственной сферы зрителя.....	323
Секретова Л.В. Современные факторы развития социально-культурных технологий в проблематике индустрии досуга	326
Луконин Д.Е. Беляевский кружок и официальная политика в области русского музыкального искусства в правление Александра III.....	330
Оглезнева Г.В. И.Т. Калашников на службе государству и литературе.....	333
Зверев В.А. Степень секуляризации массового сознания и демографического поведения населения Сибири в конце имперского периода.....	337
Поршинева О.С. Участие общественности Пермской губернии в мобилизации ресурсов тыла и решении социальных проблем в условиях Первой мировой войны.....	341
Жумашев Р.М., Оспанов А.О. Казахстанская милиция в период с 1917 по 1921 гг.	344
Волкова Т.И. Философы и политика: особенности взаимосвязи в динамике исторических реалий.....	347
Варфоломеев Ю.В. Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия: метаморфозы творчества и политики	351
Засухин Р.В. Взаимосвязь творчества и политики во фронтовом фольклоре периода Гражданской войны (1918–1920 гг.): локальные особенности северного Кавказа	354
Быкова С.И. Риторика новаторства и политические представления советской интеллигенции в 1930-е гг.	357
Красильникова Е.И. Экспозиционная работа сотрудников Томского краевого музея в условиях политических репрессий 1930-х гг.	361
Гайкин В.А. Особняк на Санаторной: культура и политика в лицах	365

<i>Огоновская И.С.</i> Авторы школьных учебников отечественной истории: взаимоотношения с властью (XIX–XXI вв.).....	367
<i>Раскатова Е.М.</i> О практиках обращений художественной интеллигенции во власть в конце 1960-х – начале 1980-х гг.	372

Раздел IV. ЮБИЛЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ В НАУЧНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗАХ. ФОРМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

<i>Лузянина Г.Е.</i> Художественно-выставочный проект «Русское поле» в музее «Либеров центр»: история и современность	377
<i>Раскатова Е.М., Миловзорова М.А.</i> Коммуникативная роль общественно-политического музея в эпоху социокультурных трансформаций: стратегии проектирования музейных экспозиций (на примере г. Иваново).....	379
<i>Коркина М.А.</i> Празднование отмены крепостного права русским обществом в начале XX в.	383
<i>Сулимов В.С.</i> Празднование школами Омска коронации Николая II	386
<i>Беседина Е.А., Патрикеева О.А.</i> 20-летний юбилей Первой русской революции в социокультурном пространстве Ленинграда	390
<i>Малкова И.Г.</i> Юбилей города: уральский вариант	394
<i>Избушева А.М.</i> Подготовка к празднованию юбилея сибирского города по данным интернет-ресурсов (на примере Иркутска и Омска) ...	397
<i>Умбрашко К.Б.</i> Новосибирская область: 75 лет истории в юбилейных событиях	401
<i>Галиев А.А.</i> Роль интеллигенции СНГ в создании мифологизированной истории	405
<i>Михайлов Д.А.</i> Проблемы формирования представлений о социальной памяти	409
<i>Ленская В.В.</i> «Места памяти» в исторических инсталляциях А.С. Пушкина.....	412
<i>Санникова Т.О.</i> Воткинск как место памяти П.И. Чайковского	416
<i>Родигина Н.Н., Кузнецова Т.А.</i> Еженедельные издания «для всех» как институт формирования массовых представлений о Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.	419
<i>Землякова Н.А.</i> Идеал священника-миссионера в Сибири в религиозных журналах второй половины XIX – начала XX вв.	422
<i>Кобылецкий М.А.</i> Образ провинциального интеллигента второй половины XIX в. в источниках личного происхождения (на примере Н.М. Ядринцева)	426
<i>Бурик Н.М.</i> Образ Н.М. Ядринцева в газетной прессе Алтая в 1910-е гг.	429

<i>Мордкович Т.П.</i> Образ Н.М. Ядринцева в работах омского историка А.Г. Кандеевой	433
<i>Мухаметов Ф.Ф.</i> Д.М. Карбышев и Троицкий укрепрайон в годы гражданской войны	435
<i>Бородина Г.Ю.</i> Белая слава России: хронология увековечивания	438
<i>Гизиева К.Ю.</i> Омские некрополи как источник по социокультурной истории (на примере Казачьего кладбища).....	442
<i>Каксин А.Д.</i> Н.Ф. Катанов: служение российской науке и память о выдающемся ученом на родине.....	446
<i>Гончаренко О.Н., Чернухина Л.Ф.</i> А.П. Митинский – тюменский художник советской эпохи	448
<i>Рогова М.В.</i> Жизнь художника Ю.А. Панова в Сибири: лагерный опыт, творчество, мировоззрение	452
<i>Коновалова Н.А.</i> Жизнь, увиденная через объектив камеры: личный фонд фотодокументов М.В. Горохова	455
<i>Жидченко А.В.</i> Имена представителей интеллигенции в топонимике городского района (по материалам омского Городка Нефтяников)....	459
<i>Акелькина Е.А.</i> Образ города Омска 1950–1960-х гг. по воспоминаниям жителя Привокзального поселка	463
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	467

Научное издание

КУЛЬТУРА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ
Личности. Творчество.
Интеллектуальные диалоги
в эпохи политических модернизаций

*Материалы VIII Всероссийской научной конференции
с международным участием*
в рамках программы подготовки к 300-летию Омска
и празднования юбилейных событий российской истории
(Омск, 16–18 октября 2012 г.)

Издается в авторской редакции
Макет подготовлен в Издательстве ОмГУ

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*
Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Подписано в печать 26.11.2012. Формат бумаги 60x84 1/16.
Печ. л. 30,5. Усл. печ. л. 28,37. Уч.-изд. л. 30,0. Тираж 150 экз. Заказ 387.

*Издательство Омского государственного университета
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а
Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ
644077, Омск-77, пр. Мира, 55а*